

РУССКАЯ

LIBRARY OF
CALIFORNIA

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

І Ю Л Ъ.

МОСКВА.

Тито-литографія И. Н. Бушнерева и Б^о, Пименовская улица, д. Бушнеревой.

1885.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ВЪ ИСТОРИИ «ЖАЛОВАННЫХЪ ГРАМОТЬ» ДВОРЯНСТВУ И ГОРОДАМЪ. <i>Продолженіе.</i> —И. И. Дитяткина.	1
II. ГОРОДЪ РАБОЧИХЪ.—Н. Н. Златовратскаго	22
III. ДАЛЬ. Стихотвореніе.—Д. С. Меремновскаго	60
IV. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ. Гл. X. <i>Продолженіе.</i> —В. И. Семейскаго.	61
V. ГИМНЪ ДѢВЪ НЕБА. Стихотвореніе.—Андреева (псевдонимъ).	109
VI. ВСЯ ЧУЖАЯ. Романъ. Гл. I и II.—Н. Северина.	122
VII. ВЪ ЖЕНСКОЙ ШКОЛѢ Сцены Матильды Серао. Переводъ съ итальянскаго А. А. В.	161
VIII. САМОИСТРЕБЛЕНІЕ. (Проявленія аскетизма и фанатизма въ расколѣ). Гл. VIII—XI. <i>Окончаніе.</i> —А. С. Пругавина	194
IX. ОНА ВЕРНЕТСЯ. Разсказъ. А. П. Каневской	230
X. ВИКТОРЪ ГЮГО. Гл. VI—VIII.—Л. А. Полонскаго.	248
XI. ОГНЕМЪ И МЕЧОМЪ. Романъ Генриха Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Часть III, гл. I—VIII. <i>Продолженіе.</i>	282
XII. НАУЧНЫИ ОБЗОРЪ: Морская обсерваторія въ Гамбургѣ.—Предсказываніе погоды.—Практическое значеніе научной помощи.—В. К. Цераснаго.	1
XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Конецъ законодательной сессіи.—Общее возвышеніе таможеннаго тарифа.—Покровительство и старая «меркантильная система».—Таблицы вѣншей торговли.—Князь Бисмаркъ и промышленная война съ Германіей.—Новый законъ о продажахъ питей.—Трудности «питейнаго» вопроса.—Упраздненіе кабака.—Что такое пьянство?—Ограниченіе числа продажъ.—Питейныя присутствія или земство?—Отмѣна подушной и преобразование оброчной подати.—Дворянскій банкъ.—Наемъ сельскихъ рабочихъ.—Ночная работа на фабрикахъ.—Измѣненія въ судебныхъ уставахъ	16
XIV. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Беллетристика.—Философія.—Исторія.—Политическая экономія и книги юридическія.—Географія, этнографія и антропология.—Педаго-	

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

1885.

Редакція и главная контора: Леонтьевскій, 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ—при конт. Н. Н. Печковской, Петровскія торговля
линіи, и при нижн. магазинѣ А. А. Карцева, Фуркасовскій
пер., д. Обидиной.

Въ С.-Петербургѣ—при нижномъ магазинѣ Н. Фену и К°.

100-100000
100-100000

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

AP50
R875
v. 6:7
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ВЪ ИСТОРИИ «ЖАЛОВАННЫХЪ ГРАМОТЪ» ДВОРЯНСТВУ И ГОРОДАМЪ. <i>Продолженіе.</i> —И. И. Дитятина.	1
II. ГОРОДЪ РАБОЧИХЪ.—Н. Н. Златовратскаго	22
III. ДАЛЬ. Стихотвореніе.—Д. С. Мережковскаго	60
IV. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ. Гл. X. <i>Продолженіе.</i> —В. И. Семевскаго.	61
V. ГИМНЪ ДѢВЪ НЕБА. Стихотвореніе.—Андреева (псевдонимъ).	109
VI. ВСЯ ЧУЖАЯ. Романъ. Гл. I и II.—Н. Северина.	122
VII. ВЪ ЖЕНСКОЙ ШКОЛѢ Сцены Матильды Серао. Переводъ съ итальянскаго А. А. В.	161
VIII. САМОИСТРЕБЛЕНІЕ. (Проявленія аскетизма и фанатизма въ расколѣ). Гл. VIII—XI. <i>Окончаніе.</i> —А. С. Пругавина	194
IX. ОНА ВЕРНЕТСЯ. Разсказъ. А. П. Каневской	230
X. ВИКТОРЪ ГЮГО. Гл. VI—VIII.—Л. А. Полонскаго.	248
XI. ОГНЕМЪ И МЕЧОМЪ. Романъ Генриха Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Часть III, гл. I—VIII. <i>Продолженіе.</i>	282
XII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Морская обсерваторія въ Гамбургѣ.—Предсказываніе погоды.—Практическое значеніе научной помощи.—В. Н. Цераскаго.	1
XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Конецъ законодательной сессіи.—Общее возвышеніе таможеннаго тарифа.—Покровительство и старая «меркантильная система».—Таблицы внѣшней торговли.—Князь Бисмаркъ и промышленная война съ Германіей.—Новый законъ о продажѣ питей.—Трудности «питейнаго» вопроса.—Упраздненіе кабака.—Что такое пьянство?—Ограниченіе числа продаж.—Питейныя присутствія или земство?—Отмѣна подушной и преобразование оброчной подати.—Дворянскій банкъ.—Наемъ сельскихъ рабочихъ.—Ночная работа на фабрикахъ.—Измѣненія въ судебныхъ уставахъ	16
XIV. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія.—Исторія.—Политическая экономія и книги юридическія.—Географія, этнографія и антропология.—Педаго-	

852145

гія, учебники, книги для народнаго чтенія.—Естествознаніе
и медицина.—Сельское хозяйство и технология. II. Периодиче-
скія изданія: Русскіе, нѣмецкіе и польскіе журналы. III. Ука-
затель новыхъ книгъ. IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ
русскихъ журналовъ. V. Объявленія. 1

Къ этой книгѣ приложенъ указатель книгъ, разобранныхъ въ жур-
налѣ „Русская Мысль“ съ сентября 1884 г. по июнь 1885 г. включительно.

Къ исторіи „жалованныхъ грамотъ“ дворянству и городамъ 1785 года *).

Если проектъ законовъ о среднемъ родѣ людей въ высшей степени послѣдовательно «отражалъ свой вѣкъ», если онъ неуклонно проводилъ старое сословное начало, то никакъ нельзя сказать того же о «городовомъ положеніи» по отношенію къ тому новому, которое оно вносило въ жизнь. Самый рѣзкій дуализмъ проходить черезъ всю «жалованную грамоту» городамъ, причѣмъ старое чуть ли не одолеваетъ въ ней новое.

Въ ней мы находимъ отвѣты на тѣ вопросы, которые поставила Екатерина двадцать лѣтъ передъ тѣмъ относительно города и городского общества въ своемъ «Наказѣ». Но эти отвѣты не отличаются ясностью и категоричностью; они страдают недосказанностью, порой самопротиворѣчіемъ. Видно, что законодатель не стоитъ на твердой почвѣ и рѣшительно не можетъ отдѣлаться отъ духа времени.

Указанный дуализмъ, — сліяніе стараго съ новымъ, — выражается въ грамотѣ въ соединеніи опредѣленій и постановленій относительно торгово-промышленнаго населенія — купечества и ремесленниковъ, изъ которыхъ грамота создаетъ особое сословіе: «средній родъ людей», съ постановленіями объ организаціи городского управления, какъ управленія *общественнаго*. Такъ что грамота состоитъ, въ сущности, изъ двухъ самостоятельныхъ частей, плохо другъ съ другомъ связанныхъ: одна — грамота на права и привилегіи «средняго рода людей», мѣщанства «въ широкомъ смыслѣ», другая — собственно городское положеніе;

*) Русск. Мысль, кн. VI.

при этомъ первая ничто иное, какъ сводъ старыхъ, болѣе полувѣка уже существовавшихъ законодательныхъ опредѣленій о гильдіяхъ и цехахъ, разумѣется, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. На этой части грамоты мы не будемъ особенно долго останавливаться, хотя она, чуть не безъ измѣненій и до сихъ поръ, войдя въ составъ разныхъ томовъ свода законовъ, опредѣляетъ сословно-корпоративный строй купечества и въ особенности ремесленного населенія и въ наши дни. Мы имѣемъ въ виду развитіе общественно-городскаго, а не сословно-корпоративнаго управленія.

Приступая къ обзору содержанія второй части грамоты, нужно, прежде всего, уяснить, что разумѣетъ законодатель подъ городомъ. Грамота начинается опредѣленіемъ понятія города, какъ извѣстнаго пункта населенія, построеннаго «по утвержденному плану» и пользующагося «мирно и вѣчно на основаніи законовъ» землями и всякаго рода недвижимою и правомъ имѣть гербъ»²²⁷). Но что же такое городъ съ точки зрѣнія его населенія? Кто считается *съ этой точки зрѣнія* юридическимъ лицомъ, собственникомъ земель и всякой недвижимости? Другими словами, кто составляетъ городское общество? Такимъ «обществомъ», юридическимъ лицомъ, пользующимся по положенію особыми «правами и выгодами», являются «*городовые обыватели* каждаго города», получившіе дозволеніе «собираются» въ городъ»²²⁸). Но этимъ вопросъ не разрѣшается. Нужно знать, что разумѣетъ законодатель подъ выраженіемъ «городовые обыватели». Прямого отвѣта на такъ категорически поставленный вопросъ мы въ грамотѣ не найдемъ: она не даетъ опредѣленія понятія «городоваго обывателя»; но въ ней есть нѣсколько опредѣленій или постановленій по общимъ предметамъ или вопросамъ, имѣющимъ тѣсное отношеніе къ уясняемому нами предмету. Изъ этихъ опредѣленій и можно составить точное представленіе о «городовыхъ обывателяхъ».

Положеніемъ 1785 года въ каждомъ городѣ предписывается «составить городовую обывательскую книгу, въ коей вписать *обывателей* того города». Вотъ постановленіе, на основаніи котораго можно опредѣлить понятіе «обывателя». Въ книгу предписывается вписать *всякаго гражданина*, въ томъ городѣ *домъ или строеніе, или землю имѣющаго*, или въ гильдіи, или въ цехъ записаннаго, или мѣщанскимъ промысломъ *промышляющаго*»²²⁹). Опредѣленіе «обывателя» — совершенно тождественное съ

знакомымъ намъ опредѣленіемъ «избирателя»-горожанина, пользовавшаго активнымъ правомъ избранія городского головы и депутата въ комиссію 1767 года. Но въ этомъ опредѣленіи о *гражданахъ* законодатель, можетъ быть, разумѣетъ подъ ними какихъ-либо особыхъ «обывателей», можетъ быть, только спеціально торговцевъ, ремесленниковъ? Въ наставленіи, какъ составлять обывательскую книгу, положеніе 1785 года даетъ намъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ.

Городовая обывательская книга дѣлится на *шесть* частей по числу *шести* различныхъ *разрядовъ* городскихъ обывателей²³⁰); эти шесть разрядовъ ихъ слѣдующіе: а) «*настоящіе* городовые обыватели», б) «вписавшіеся въ гильдіи», в) «вписавшіеся въ цехи», д) «иногородніе и иностранные гости», е) «именитые граждане» и ф) «посадскіе». Если бы понятіе гражданина относилось только къ нѣкоторымъ изъ указанныхъ группъ, оно не совпадало бы съ понятіемъ обывателя, между тѣмъ какъ эти два понятія употребляются, какъ синонимы: въ книгу вносятся всѣ граждане, т.-е. всѣ обыватели, къ какому бы разряду обывательской книги они ни принадлежали. «Гражданинъ», «городовой обыватель»—общее названіе для всѣхъ шести отдѣльныхъ разрядовъ городского населенія, для каждаго изъ членовъ этого послѣдняго, независимо отъ сословія, къ которому онъ принадлежитъ, разъ онъ владѣлецъ въ городѣ дома или земли. Въ статьѣ 77 положеніе 1785 года уже прямо и даетъ такое опредѣленіе городского обывателя²³¹).

Всматриваясь ближе въ опредѣленіе каждаго изъ шести разрядовъ городскихъ обывателей или гражданъ, мы находимъ въ нихъ всѣ сословія, не выключая дворянскаго, каковое въ качествѣ владѣльцевъ недвижимостью въ городѣ входитъ въ разрядъ «*настоящихъ* городскихъ обывателей»²³²). Есть еще одинъ разрядъ гражданъ, въ составъ котораго, при извѣстномъ условіи, могли входить, по выраженію грамоты, «всякаго званія и состоянія» люди; это условіе состояло въ объявленіи «за собою капитала отъ пятидесяти тысячъ рублей и болѣе». Такіе капиталисты всякаго званія и чина составляли группу «именитыхъ гражданъ», въ которую, кромѣ нихъ и всѣхъ прослужившихъ два срока въ извѣстныхъ сословно-выборныхъ городскихъ должностяхъ, входили еще «ученые, кои... таковыми по испытаніи главныхъ російскихъ училищъ признаны», и «художники трехъ художествъ».

И такъ, вотъ кто составляетъ, по «жалованной грамотѣ» городамъ, въ качествѣ городскихъ обывателей или гражданъ то, что она называетъ «градскимъ обществомъ»²³³), которому жалуются право «собираться черезъ всякіе три года для выборовъ разнаго рода общественно-сословныхъ и городскихъ должностныхъ лицъ, выслушиванія предложеній генераль-губернатора или губернатора», для представленія послѣднему «о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ»²³⁴), заботы о коихъ, какъ о нуждахъ *городскихъ*, и возлагаются на это общество. А для осуществленія возложенной на общество задачи, — вѣдать свои городскія пользы и нужды, — оно вооружается правомъ образовывать изъ своей среды особые органы и учрежденія. Послѣднихъ «жалованная грамота» создаетъ собственно *два*: это такъ называемыя думы — общая и шестиклассная. Первая, по идеѣ и задачамъ, на нее возложеннымъ, — учрежденіе какъ бы законодательное, руководящее; вторая — чисто-административный органъ.

Та и другая дума составляются изъ представителей отъ всѣхъ шести разрядовъ обывателей или гражданъ: «городовымъ обывателямъ дозволяется составить общую городскую думу», — говоритъ грамота, которая вслѣдъ затѣмъ перечисляетъ составъ думы. Изъ этого перечисленія и изъ наставленія, *какъ* составить общую думу, и видно, что она представляетъ всю совокупность городского населенія въ смыслѣ совокупности именно всѣхъ шести разрядовъ его²³⁵). Выборы членовъ думы общей, получившихъ названіе гласныхъ, производятся каждымъ разрядомъ обывателей отдѣльно, причемъ въ большихъ городахъ избираются перваго разряда гражданъ — «настоящіе городскіе обыватели» — производить выборы по участкамъ, на которые въ полицейскомъ отношеніи разбивается городъ, купцы — по гильдіямъ, ремесленники — по цехамъ, иногородные и иностранные — по національностямъ, «каждый народъ особо», именитые граждане — «по семи названіямъ», если каждое изъ нихъ состоитъ не менѣе, какъ изъ пяти человекъ, на которыя дѣлится ихъ грамота, и, наконецъ, городскіе — по частямъ города, въ которыхъ живутъ²³⁶). Такимъ образомъ, каждый изъ разрядовъ обывателей избираетъ въ общую думу по нѣсколько представителей. Но изъ этого не слѣдуетъ, что въ общей думѣ каждый изъ нихъ имѣлъ свой голосъ. Дума, въ сущности, состояла изъ шести голосовъ: всѣ представители отъ каждаго разряда обывателей составляли «одинъ голосъ». Грамота, говоря о выборахъ гласныхъ, каждый разъ

выражается такъ: «чтобъ *составить голосъ*», напр., настоящихъ городскихъ избирателей, они избираютъ по одному отъ каждой части города, т.-е. нѣсколько человекъ гласныхъ составляютъ одинъ голосъ, такъ что каждого разряда обывателей гласные въ думѣ обсуждали дѣло отдѣльно въ своей средѣ; ихъ рѣшеніе составляло мнѣніе или голосъ; такихъ голосовъ въ общей думѣ получалось шесть.

Общая дума избирала такъ называемую «шестигласную думу изъ своихъ гласныхъ»²³⁷). Эта дума получила свое названіе отъ числа членовъ, ее составлявшихъ; ихъ было *шесть*—по одному отъ каждого голоса общей думы, т.-е. отъ каждого разряда ея гласныхъ.

Отношенія этихъ двухъ выборныхъ учрежденій другъ къ другу именно таковы, какими должны быть отношенія учрежденія направляющаго, рѣшающаго къ исполняющему. Грамота опредѣляетъ ихъ такъ: общая дума «обязана собираться по однажды всякой срокъ (т.-е. всякіе три года) или же когда нужда и польза городская потребуетъ и въ другое время», для «всегдашняго же отправления дѣлъ полагается... городская шестигласная дума»²³⁸). Этимъ опредѣленіе по данному вопросу и исчерпывается, если не считать статьи, которою предписывается шестигласной думѣ, «въ случаѣ сомнѣнія по важности или трудности дѣла, предлагать оное въ общей городской думѣ»²³⁹).

Опредѣленіе функціи думъ городское положеніе 1785 года даетъ, какъ опредѣленіе тѣхъ «пользъ и нуждъ», заботы о которыхъ возложены на «градское общество»; оно даетъ это опредѣленіе, перечисляя отдѣльные предметы вѣдомства общей думы.

Прежде всего, укажемъ, что функція судебная, въ силу начала раздѣленія властей, примѣннаго въ области мѣстной администраціи еще за девять лѣтъ до изданія грамоты городамъ, выдѣляется и въ общественномъ городскомъ управленіи изъ вѣдѣнія его учреждений: «городской думѣ (общей) запрещается мѣшаться въ дѣла судныя»²⁴⁰); дѣла же по общественному управленію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, отданныя въ вѣдѣніе думѣ, грамота перечисляетъ въ видѣ *восьми* отдѣльныхъ категорій, которыя можно раздѣлить на двѣ группы: дѣла, касающіяся всего города, всего его населенія во всей его совокупности и дѣла, касающіяся только одного слоя его—торгово-промышленнаго: купцовъ и ремесленниковъ²⁴¹). На послѣдней группѣ мы пока не будемъ останавливаться. Что же касается первой, то

она, правда, въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ охватываетъ собою почти всё стороны городского управленія: на думы возлагаются заботы о благосостояніи и безопасности города въ самомъ широкомъ смыслѣ; на нихъ—все городское хозяйство и особенно забота «о приращеніи городскихъ доходовъ на пользу города».

Если остановиться на только что сказанномъ, можно придти къ заключенію, что «общество градское», по положенію 1785 года, получило право широкой общественной автономіи. Но къ такому выводу можно придти, лишь игнорируя всё остальные постановленія той же грамоты, во-первыхъ, и строй мѣстнаго управленія вообще по «учрежденію о губерніяхъ» — во-вторыхъ. Прежде всего, грамота, какъ мы видѣли уже, вовсе почти не опредѣляетъ отношеній двухъ думъ, а потомъ недостаточно ясно и точно опредѣляетъ отношенія этихъ думъ къ мѣстнымъ правительственнымъ властямъ.

Неопредѣленность отношеній думы шестигласной къ общей не могла не отозваться на значеніи послѣдней; она, какъ увидимъ, и отозвалась паденіемъ этой думы, совершеннымъ, какъ это ни странно, исчезновеніемъ ея, или превращеніемъ, какъ это имѣло мѣсто въ Петербургѣ, во что-то *подчиненное шестигласной думѣ*.

Не менѣе, если еще не болѣе горшее значеніе для представительныхъ городскихъ учреждений имѣла неопредѣленность ихъ отношеній къ другимъ органамъ и мѣстнымъ учреждениямъ правительственнымъ. Въ этомъ отношеніи неопредѣленность царить какъ въ вопросѣ объ отношеніяхъ городскихъ общественныхъ учреждений къ тѣмъ правительственнымъ органамъ и учреждениямъ, которымъ порученъ былъ надъ ними надзоръ, такъ и къ тѣмъ, которые вѣдали относительно города, на основаніи «учрежденія о губерніяхъ» и другихъ законодательныхъ постановленій, почти тѣ же дѣла, которыя «жалованною грамотою» отданы въ вѣдѣніе общественнаго управленія.

Въ какихъ отношеніяхъ стояли эти учреждения къ губернатору? Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ мы въ положеніи напрасно будемъ искать. Въ грамотѣ, наприм., просто говорится, что общая дума «должна» и «можетъ» собираться. Приходится догадываться, кто разрѣшаетъ ей собираться или кто можетъ ее созвать. Если имѣть въ виду «обрядъ» выборовъ городскихъ депутатовъ 1766 года, который, замѣтимъ, дѣйствовалъ не

только въ періодъ введенія городскихъ учреждений, но и гораздо позже, по отношенію къ процедурѣ избранія гласныхъ, то можно думать, что и «градское общество» по разрядамъ для производства выборовъ гласныхъ, и общая дума созываются городскимъ головою²⁴²). Но если мы примемъ во вниманіе, что, въ силу постановленія самой «жалованной грамоты», городское общество— «городовые обыватели»—могутъ собираться лишь «по приказанію и дозволенію генераль-губернатора или губернатора»²⁴³), что ему городское управленіе обязано отчетностью и т. д., то окажется болѣе вѣроятнымъ, что право созыва общей думы принадлежитъ губернатору, отношенія къ которому городскихъ думъ вообще *подчиненныя*. Онѣ не только обязаны передъ нимъ отчетностью²⁴⁴), но и не имѣютъ права безъ его «позволенія, сами собою» производить ничтожнѣйшихъ издержекъ, какими бы настоятельными нуждами города они ни вызывались²⁴⁵). Указаннымъ всѣмъ опредѣленіямъ отношеній городскихъ учреждений къ начальнику губерніи и исчерпываются; несомнѣнно, надзору послѣдняго, въ сущности, не устанавливается никакихъ границъ; ему открывается и широкая дорога къ превращенію въ опеку, что и не замедлило совершиться, какъ скоро увидимъ.

«Жалованная грамота», такъ неопредѣленно трактующая отношенія новыхъ городскихъ учреждений къ губернатору, ни слова не говоритъ объ отношеніи ихъ къ *губернскому правленію*, въ которомъ онъ—предсѣдатель и которое развиваетъ въ мѣстномъ управленіи огромное значеніе. По «учрежденію о губерніяхъ», губернское правленіе или намѣстническое, какъ оно сначала называется, есть «мѣсто, которое управляетъ, въ силу законовъ, именемъ Императорскаго Величества всею губерніею»; оно «бдѣніе свое прилежно простираетъ, дабы законы были вездѣ исполняемы, взыскаііе чинить со всѣхъ непослушныхъ», оно вѣдаетъ полицію безопасности и благосостоянія во всей губерніи вообще, *въ городахъ* въ особенности²⁴⁶); между тѣмъ, то же самое возложено грамотою и на думы. Къ исполненію «его повелѣній обязаны» всѣ городскіе органы и учрежденія²⁴⁷), а, слѣдовательно, и думы, такъ какъ «жалованная грамота» не устанавливаетъ по данному вопросу какаго-либо новаго опредѣленія.

Было уже замѣчено, что еще при Петрѣ Великомъ городская полиція, хотя по регламенту магистратамъ и возложена была на эти послѣдніе, но въ дѣйствительности вѣдалась специальными органами, для того исключительно созданными.

Судьба сословно-городскихъ учреждений Петра была такъ печальна при его преемникахъ, что организація городской полиціи постоянно развивалась въ одномъ направленіи, переживая магистраты съ ихъ выборными сословными должностями ²⁴⁸). Екатерина II, издавая «жалованную грамоту» и возлагая на городскія общественныя учрежденія многія стороны чисто-полицейской дѣятельности, реформируетъ, въ то же время, и организацію городской полиціи, функціи которой несомнѣнно охватываютъ собою и тѣ функціи по этому предмету, которыя возложены въ 1785 году на городскія думы. Реформа полиціи имѣла мѣсто, во-первыхъ, въ 1775 году по учрежденію о губерніяхъ, во-вторыхъ, почти наканунѣ изданія «жалованной грамоты» городамъ, въ 1782 году, спеціальнымъ актомъ—уставомъ о благочиніи ²⁴⁹). И странно, что послѣднимъ законодательнымъ актомъ на городскую полицію въ общихъ выраженіяхъ почти дословно возлагается то же самое, что, три гда спустя, на общественныя городскія учрежденія: «возбраненіе всего, что противно добру, порядку и благочинію»—одна изъ задачъ, по «жалованной грамотѣ» возложенныхъ «на попеченіе» городской думы; а по 30 статьѣ устава полицейскаго 1782 года, такъ называемая управа благочинія—полицейское городское учрежденіе—имѣетъ своею задачею поддержаніе и охраненіе среди городского населенія «добронравія», благочинія въ широкомъ смыслѣ ²⁵⁰). Какъ изданная послѣ устава полицейскаго, «жалованная грамота» городамъ несомнѣнно должна бы была остановиться на вопросѣ о взаимномъ отношеніи двухъ разнородныхъ учреждений, правительственнаго и общественнаго, вѣдающихъ одну и ту же функцію въ одномъ и томъ же пунктѣ. И, однако, такого опредѣленія мы въ разбираемомъ актѣ не находимъ вовсе. Нельзя принимать за такое опредѣленіе слѣдующее постановленіе грамоты: «оставляя—въ наблюденіи за противнымъ порядку благочинія—относящееся (?) къ части полицейской исполнять мѣстамъ и людямъ, для того установленнымъ» ²⁵¹). Такимъ образомъ, вопросъ остается открытымъ. Установленіе отношеній предоставляется самой жизни, практикѣ, въ которой, какъ увидимъ, выигрываетъ сильнѣйшій.

На думу, какъ мы видѣли, возложено «стараніе о приращеніи доходовъ... для распространенія заведеній по приказу общественнаго призрѣнія», а къ «заведеніямъ» этого приказа, основаннаго «учрежденіемъ о губерніяхъ», относятся: народныя школы, сиротскіе дома, госпитали, богадѣльни, «дома для су-

масшедшихъ», рабочіе и строительные дома ²⁵²) въ цѣлой губерніи, т.-е. во всѣхъ городахъ ея; самый приказъ состоитъ изъ выборныхъ отъ дворянъ губерніи двухъ членовъ губернскаго магистрата подъ предсѣдательствомъ губернатора ²⁵³).

Невольно напрашивается вопросъ, въ какомъ отношеніи къ думѣ стоялъ приказъ общественнаго призрѣнія? Грамота, кромѣ приведеннаго постановленія, говоритъ въ перечисленіи городскихъ расходовъ, что къ таковымъ относится «содержаніе городскихъ школъ и другихъ» заведеній, приказу общественнаго призрѣнія предписанныхъ ²⁵⁴) — и только.

Изъ «учрежденія о губерніяхъ» мы узнаемъ лишь, что приказъ ведетъ точныя приходныя книги... и, погодно, «особливыя расходныя исправныя книги», которыя и пересылаются «для ревизіи... въ казенную палату всякій разъ, когда о томъ отъ государева пашѣстника прислано будетъ повелѣніе» ²⁵⁵). Изъ приведенныхъ мѣстъ рѣшительно ничего нельзя заключить ни о томъ, въ какихъ размѣрахъ долженъ городъ участвовать въ содержаніи заведеній, вѣдавшихся приказомъ, ни о томъ, когда, какъ и черезъ кого выдаются думой отпускаемые приказу суммы. Несомнѣнно одно: все участіе города въ содержаніи перечисленныхъ благотворительныхъ заведеній могло выражаться въ простой выдачѣ приказу суммъ, размѣры которыхъ опредѣлялись никакъ не городомъ.

Въ такихъ неопредѣленныхъ рамкахъ, подъ такимъ неопредѣленнымъ надзоромъ высшихъ правительственныхъ органовъ по мѣстному управленію, въ такомъ неопредѣленномъ совмѣстичествѣ съ низшими приходилось дѣйствовать по городскому положенію новымъ общественно-городскимъ учрежденіямъ во вѣренной имъ области «городскихъ нуждъ и пользъ». А эта область, какъ уже было доказано, не исчерпывалась лишь наблюденіемъ за благочиніемъ и порядкомъ въ городѣ; она охватываетъ и городское хозяйство: городскія думы управляютъ «городовыми доходами и расходами» ²⁵⁶).

Насколько самостоятельно эту сторону городского управленія вѣдали думы, можно заключить уже изъ отношенія ихъ къ начальнику губерніи, губернскому правленію, приказу общественнаго призрѣнія. Но «жалованная грамота» даетъ по данному предмету и нѣсколько точныхъ опредѣленій. Она точно опредѣляетъ какъ статьи, источники городскихъ доходовъ, такъ и статьи расходовъ. Къ первымъ она относитъ таможенный и питейный сборы, которые

уступаются въ пользу города казной, «выморочныя имѣнія» городскихъ обывателей, доходы съ городскихъ имуществъ и штрафныя деньги ²⁵⁷). Ко вторымъ, которыя грамота называетъ «*законными* расходами»; относятся: расходы на содержаніе городскихъ выборныхъ учреждений и органовъ, на содержаніе городскихъ «строений» и, наконецъ, на содержаніе уже извѣстныхъ намъ «заведеній» приказа общественного призрѣнія ²⁵⁸). Въ указаннаго не допускается ни установленіе новыхъ доходовъ, ни производство новыхъ расходовъ. Если окажутся отъ расходовъ какіе остатки, то они должны отдаваться «въ банки для приращенія». Если же городъ найдетъ нужнымъ и полезнымъ произвести какую-либо затрату изъ этихъ источниковъ, онъ долженъ, какъ намъ извѣстно, «представить губернатору и ждать позволенія». «Вѣдомости» по всѣмъ статьямъ городского дохода и расхода дума должна представлять губернатору и въ казенную палату ²⁵⁹); въ лицѣ послѣдней является еще одно учрежденіе, по отношенію къ которому ставится въ зависимость городское общественное управленіе.

Зависимость и, пожалуй, подчиненность думъ, по «жалованной грамотѣ», не исчерпывается только указаннымъ: жалобы на ту или другую изъ нихъ «кто недоволенъ»... можетъ принести въ *губернскій* магистратъ ²⁶⁰). Это постановленіе ставитъ въ странныя отношенія къ губернскому магистрату думы губернскаго же города: члены этого магистрата выбираются тѣмъ же «губернскимъ городомъ», какъ выражаетъ грамота, т. е. его обществомъ, которое избираетъ и членовъ думъ ²⁶¹).

До сихъ поръ мы останавливались на городскомъ обществѣ, городскомъ общественномъ управленіи и его отдѣльныхъ учрежденіяхъ, но «жалованная грамота», какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, не ограничивается только установленіемъ этихъ послѣднихъ. Организуя городское управленіе, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, организуетъ сословіе торговцевъ и промышленниковъ и ихъ корпоративное устройство: купеческія гильдіи и цехи ремесленниковъ. Мы не будемъ останавливаться подробно на этой части грамоты и ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями по поводу ихъ.

При ознакомленіи съ этою частью «жалованной грамоты» поражаетъ, прежде всего, изобиліе статей, а потомъ—большая опредѣленность и точность ихъ ²⁶²). Объясняется это обстоятельство просто тѣмъ, что всѣ постановленія по данному вопросу не есть

что-либо новое, а нѣчто такое, что существовало еще со времени Петра, въ теченіе почти трехъ четвертей столѣтія. Еще воля магистратскія учрежденія и подѣливъ все городское населеніе на *гражданъ регулярныхъ и нерегулярныхъ*, Петръ разбилъ первыхъ, къ которымъ, кромѣ торгово-промышленнаго населенія, относилъ городскихъ докторовъ, лекарей, аптекарей и живописцевъ, на «гильдіи» — гущцовъ и цехи или мастерства — ремесленниковъ, и каждому изъ цеховъ и гильдій далъ особую организацію, создавъ изъ нихъ родъ корпорацій, которыя вѣдали свои общинно-сословныя интересы черезъ своихъ выборныхъ. Эти сословныя учрежденія пережили виновника ихъ существованія, не были отмѣняемы при его преемникахъ и въ дополненномъ, болѣе систематически организованномъ видѣ вошли въ составъ «жалованной грамоты»; а организованыя ею, они, безъ всякихъ измѣненій *въ ихъ основаніяхъ*, существуютъ и до нашихъ дней, идя въ совершенный разрѣзъ съ современнымъ строемъ и ожидая «реформъ», вопросъ о которыхъ поднять въ соотвѣтствующихъ сферахъ уже давнымъ-давно.

Сословныя учрежденія грамота, видимо, желала поставить въ извѣстныя, опредѣленныя отношенія къ общественно-городскимъ, но сдѣлала это крайне странно. Въ отдѣлѣ о городскихъ думахъ она постановляетъ, что дума вмѣстѣ съ городovýmъ положеніемъ «должна хранить и ремесленное, наблюдать, чтобъ оныя (т.-е. оба положенія) точно и безъ нарушенія всѣми и каждымъ исполняемы были». Думѣ предписывается воздерживаться отъ «представленій или положеній, противныхъ городскому или *ремесленному* положенію» ²⁶³).

Отсюда, казалось бы, ремесленные цехи съ ихъ корпоративными учрежденіями ставятся въ извѣстную зависимость, хотя и не опредѣленную вовсе, отъ общественно-городскихъ учреждений. Такой выводъ тѣмъ болѣе вѣроятенъ, что представители цеховъ или ремесленныхъ управъ, такъ называемые управные старшины, засѣдаютъ въ думѣ, имѣя право предлагать въ ней «о нуждахъ и недостаткахъ ремесль» ²⁶⁴); тамъ же засѣдаетъ и избираемый всѣми «ремесленными управами» представитель ремесленнаго сословія — «ремесленный глава», на обязанности котораго лежитъ доводить до свѣдѣнія городского головы, какъ предсѣдателя сиротскаго суда, «о вдовахъ и малолѣтнихъ» ²⁶⁵). И, однако, по той же «жалованной грамотѣ» или, вѣрнѣе, по ремесленному положенію, въ нее вошедшему, «управы или цехи повинуются имѣ-

ють *городовому магистрату или ратушѣ*²⁶⁶), учрежденіямъ, какъ мы знаемъ, *судебнымъ*; магистратъ или ратуша утверждаютъ въ званіи выборныхъ ремесленного голову, старшинъ и ихъ товарищей²⁶⁷); этимъ же учрежденіямъ разрѣшается «представить!.. касательно ремесла и лучшаго исправленія онаго»²⁶⁸). Наконецъ, на магистратъ прямо возлагается обязанность: «въ случаѣ усмотритъ ремесленному положенію противное... да учинить взысканіе съ управы и управнаго старшины со старшинскими товарищи»²⁶⁹). Самое введеніе ремесленного положенія, приведеніе его въ исполненіе—устройство цеховъ поручается тому же *городовому магистрату* подъ надзоромъ губернскаго, который уже все сдѣланное *городовымъ* съ своимъ «мнѣніемъ губернскому правленію для уваженія и представленія, гдѣ надлежитъ», представляетъ²⁷⁰). Что же остается думѣ?

Во всемъ этомъ борьба стараго съ новымъ выражается рѣзче, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ. Составляя ремесленное положеніе, законодатель какъ бы забываетъ о *городовомъ*. Въ послѣдней, только что цитированной нами статьѣ ремесленного положенія законодатель смотритъ на ремесленниковъ или ихъ цехи даже какъ на сословную корпорацію не города, а цѣлой губерніи. Не достаетъ только чего-либо вродѣ главнаго магистрата, чтобъ, по примѣру Петра, создать цѣлую *россійскую «храмину»* изъ ремесленниковъ всѣхъ городовъ всѣхъ губерній Россіи.

Противорѣчія отдѣльных постановленій «жалованной грамоты» идутъ гораздо дальше. Старое и новое начала борются даже въ сферѣ общественнаго городского управленія: то самое *городовое* положеніе, которое въ цѣломъ рядѣ своихъ статей, помѣщенныхъ въ концѣ его, отдаетъ все общественное управленіе въ руки думъ, въ своихъ первыхъ статьяхъ постановляетъ, что, «по усмотрѣніи *внутри города* какихъ нуждъ или недостатковъ, *городовой магистратъ*» долженъ о томъ «представить *губернскому магистрату или губернскому правленію*»²⁷¹). (Хорошо это «или»!). Тому же *городовому магистрату* поручается завѣдываніе въ городѣ ярмарками²⁷²), въ то время какъ на думу возлагается «всякими дозволенными способами поощрять привозъ въ городъ и продажу всего, что ко благу и выгодамъ жителей служить можетъ», заботиться «о заведеніи площадей для стеченія народа по торгу» и т. п.²⁷³).

Какъ примирить всѣ эти совершенно непримиримыя противорѣчія? Въ самой «жалованной грамотѣ» они непримиримы; прими-

рять ихъ приходилось органамъ мѣстной администраціи, къ этому едва ли способной.

Мы почти ни слова не сказали о роли и значеніи городского головы по городовому положенію 1785 года. О немъ трудно что-нибудь и сказать. Грамота ни слова не говоритъ даже о выборахъ головы; они и послѣ изданія положенія опредѣлялись, очевидно, еще «обрядомъ» 1766 года и «учрежденіемъ о губерніяхъ», гдѣ сказано, что «городскій глава выбирается городскимъ *обществомъ* черезъ всякіе три года по балламъ»²⁷⁴). «Жалованная грамота» говоритъ объ этомъ выборномъ должностномъ лицѣ лишь какъ о предсѣдателѣ обѣихъ думъ²⁷⁵) и руководителѣ городскими старшинами при составленіи ими городской обывательской книги²⁷⁶). Если прибавимъ сюда еще постановленіе, по которому «кто недоволенъ разсмотрѣніемъ и разборомъ городского головы со депутаты (по составленію обывательской книги), имѣть просить представить свои доказательства въ губернской магистратъ»²⁷⁷), то всѣ постановленія «жалованной грамоты» по данному вопросу и исчерпаются.

Стало быть, положеніе городского головы вполне неопредѣленное: представителемъ города, «яко начальствомъ его», считать его рѣшительно невозможно. Все значеніе—въ значеніи предсѣдателя шестигласной думы, пожалуй, въ ней самой.

Ко всему сказанному мы должны, въ заключеніе, прибавить еще и слѣдующее: «жалованная грамота» сама же нарушаетъ, путемъ установленія исключеній въ пользу привилегированныхъ сословій, то основное начало, на которомъ строится ея понятіе о «градскомъ обществѣ» и общественномъ управленіи. Установивъ, что городское общество есть совокупность всѣхъ обывателей, удовлетворяющихъ извѣстнымъ требованіямъ ценза, грамота спѣшитъ отказать отъ этого, становясь на узкословную точку зрѣнія. Въ одинъ день, какъ мы знаемъ, съ этой грамотой издана «жалованная грамота» дворянству, по которой благороднымъ подтверждается право имѣть или строить или покупать дома въ городахъ и въ оныхъ имѣть руководліе, а также разрѣшается «пользоваться городскимъ правомъ» съ условіемъ «повиноваться» ему²⁷⁸). Здѣсь подъ «городскимъ правомъ», должно быть, разумѣется именно упомянутое въ предыдущей статьѣ «право» владѣть въ городѣ недвижимой собственностью, а подъ «повинованіемъ» ему—обязанность нести «мѣщанскія тягости», какъ выражается городское положеніе²⁷⁹). Но подъ этими тягостями разу-

иѣтся лишь уплата дворяниномъ разнаго рода податей и повинностей съ недвижимой собственности: «ради же *дворянскаго* достоинства, благородные, — говоритъ положеніе, — освобождаются отъ *личныхъ податей и службъ*». Свобода отъ податей личныхъ — привилегія, установленная, какъ мы знаемъ, «жалованной грамотой» дворянству²⁸⁰); что же касается городскихъ службъ, то, несомнѣнно, законодатель взглянулъ на нихъ, въ данномъ случаѣ, какъ исключительно на службы тягло-государственныя, отъ которыхъ дворянство тоже освобождено еще съ 1762 года.

Какъ бы то ни было, а *новое* начало «жалованной грамоты» городамъ — начало всесловности городского общества уже нарушено въ пользу дворянъ. Правда, дворянамъ не запрещается участвовать въ выборахъ городскихъ, не запрещается даже и служить по выборамъ, — законодатель только охраняетъ ихъ «достоинство». Но кто же изъ дворянъ станетъ нарушать его, разъ самъ законодатель смотритъ на службы по городскимъ выборамъ, какъ на что-то несомнѣстимое съ этимъ «достоинствомъ»? Дворянамъ, живущимъ въ городахъ или владѣющимъ въ нихъ недвижимостью, нужно было сознать, что они заинтересованы въ пользахъ и нуждахъ этого города, что, поѣтому, «повиноваться городовому праву», выражаясь языкомъ законодателей, даже ихъ личный интересъ, а, вмѣстѣ, и обязанность, какъ пользующихся этимъ «правомъ», т. е. удобствами городской жизни. Но до такого сознанія нужно было еще дорасти. Законодатель пошелъ дальше: «въ *военной* или въ *гражданской* службѣ находящіеся люди, кои по должности или по собственнымъ нуждамъ въ городѣ живутъ... всѣмъ таковымъ *отъ иѣщанскихъ тягостей, податей и службъ быть свободнымъ*»²⁸¹).

Эти постановленія должны были повести и повели дѣйствительно къ печальнѣйшимъ результатамъ въ общественно-городскомъ управленіи.

Но какъ бы то ни было, а понятіе о городскомъ *обществе*, объ *общественно-городскомъ* управленіи, если не какъ бессловномъ, то какъ *всесловномъ*, законодателемъ высказано и внесено въ жизнь; насколько оно высказано ясно и послѣдовательно — другой вопросъ. Зародышу остается развиваться; онъ и развивается, правда, тупо, медленно, но, все-таки, развивается; развивается какъ въ законодательствѣ, такъ и въ жизни.

Понятно, что развитіе зародыша въ будущемъ необходимо будетъ зависѣть отъ характера отношеній къ нему законода-

теля и той почвы, въ которую онъ занесенъ. Взаимныя отношенія этихъ двухъ факторовъ въ исторіи развитія будутъ играть огромную роль. Цѣлыя три четверти столѣтія культивируется новая идея, три четверти столѣтія развивается она въ законодательствѣ, прежде чѣмъ вырастаетъ въ то, что мы называемъ въ наши дни городскимъ общественнымъ управленіемъ или самоуправленіемъ и что обѣщаетъ расти и въ будущемъ.

Посадка зародыша, привитіе новыхъ началъ къ жизни, въ которой они не могли найти благопріятной почвы, требовали особенныхъ заботъ, крайне внимательнаго ухода. Построенное на нихъ городское управленіе, чтобы войти въ плоть и кровь городской жизни, требовало самаго благосклоннаго отношенія къ нему со стороны государственной власти. Такое отношеніе къ дѣлу особенно настоятельно требовалось въ виду указанныхъ выше неясностей, неполноты и противорѣчій «жалованной грамоты» городамъ. Со стороны самого городского общества необходимы были сознаніе значенія новаго строя для развитія городской жизни и необычайная энергія въ примѣненіи къ ней этого строя.

Было ли все это налицо въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія?

Послѣ изданія «жалованныхъ грамотъ» императрица царствовала лишь одиннадцать лѣтъ; независимо отъ совершеннаго переворота во взглядахъ императрицы, новыя учрежденія не могли привлечь къ себѣ особеннаго вниманія ея правительства и благодаря тому, что оно было поглощено войнами съ Турціей, Швеціей, въ Польшѣ. Введеніе новаго городского управленія предоставлено было самому себѣ или, правильнѣе, мѣстнымъ представителямъ власти, которые, разумѣется, не могли относиться особенно участливо къ нимъ.

Мы не знаемъ, какъ вводилось по городамъ новое общественное управленіе, какъ принялось и дѣйствовало оно въ послѣдніе годы царствованія Екатерины; обо всемъ этомъ можно лишь догадываться, исходя изъ положенія городскихъ учреждений въ болѣе позднее время—начала царствованія Александра I. А догадки необходимо привести къ неутѣшительнымъ заключеніямъ.

Не успѣли стать на ноги новыя городскія учрежденія, едва ли они были даже введены во всѣхъ городахъ, какъ преемникъ Екатерины нашелъ городскія учрежденія, созданныя его матерью,

слишкомъ «великими» по составу, а потому и составляющими «тягость» для городского общества. Сначала новыя учрежденія упразднены были въ Петербургѣ, а потомъ и во всѣхъ городахъ имперіи: къ 1800 году они не существуютъ нигдѣ, а существованіе ихъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ они, въ теченіе времени отъ конца 1796 года до 1800, не успѣли быть уничтоженными, понятно, насколько было обезпечено въ правильномъ ходѣ.

Императоръ Александръ I по вступленіи на престолъ призналъ за благо «утвердить и возстановить городское положеніе и грамоту, городамъ данную, во всей силѣ ея и пространствѣ»²⁸²).

Императоръ не ограничился, однако, однимъ общимъ повелѣніемъ о возстановленіи «жалованной грамоты» городамъ: онъ понималъ, быть можетъ, и многіе недостатки самой грамоты, а, вмѣстѣ, и возможность того, что созданное Екатериной могло оказаться недостаточнымъ теперь, по возстановленіи грамоты, когда прошло болѣе пятнадцати лѣтъ со дня ея изданія; поэтому: вслѣдъ за возстановленіемъ «городоваго положенія», издается указъ на имя главнокомандующихъ Москвы и Петербурга о необходимости изслѣдовать вліяніе «перемиѣнъ», происшедшихъ въ жизни, на «городское управленіе» и «основать лучшее устройство «городскаго управленія», по крайней мѣрѣ, въ столицахъ»²⁸³).

Вотъ съ какого времени начались заботы правительства объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ городского положенія 1785 года. Мы ничего не знаемъ о результатахъ дѣятельности двухъ главнокомандующихъ по этому предмету. Проходитъ около двадцати лѣтъ, какъ снова поднимается вопросъ о необходимости «устроить или преобразовать думу» въ Петербургѣ, и поднимается самимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, подъ вліяніемъ невозможнаго состоянія городского хозяйства въ этой столицѣ. И любопытно, что въ проектахъ столичнаго городского управленія, составленныхъ столичными комитетами объ усиленіи городскихъ доходовъ, указывалось на необходимость ввести въ составъ городскихъ учрежденій *дворянскій* элементъ или замѣнить его представителемъ отъ короны²⁸⁴). Министерство настаивало, главнымъ образомъ, на введеніи элемента правительственнаго въ лицѣ предсѣдателя и двухъ «членовъ отъ короны». Но государственный совѣтъ того времени нашелъ, что такими мѣрами ничего не достигнешь; по его мнѣнію, необходимо было «коренное преобразованіе» городского управленія сообразно требованіямъ того времени. Поручено было «комиссіи законовъ» составить новое

городовое положеніе; она составила проектъ такого положенія, думать надо, сильно позаимствовавшись на Западѣ, откуда внесла въ свой проектъ такое начало, которое государственный совѣтъ нашелъ излишне думы стѣсняющимъ. Переданный въ руки главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, лучшаго юриста того времени, извѣстнаго *Балугьянскаго*, проектъ былъ совершенно отвергнутъ. Балугьянскій составилъ свой проектъ, въ которомъ, прежде всего, настаивалъ на расширеніи «власти» городской думы и на самомъ точномъ опредѣленіи отношеній полиціи къ городскимъ учреждениямъ. Это было въ 1827 году. Но и его проектъ потерпѣлъ фіаско. Правительство, однако, не остановилось и на этомъ. Дѣло было поручено спеціальному комитету при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Черезъ годъ проектъ комитета былъ готовъ и переданъ военнымъ губернаторамъ столицъ для того, чтобы они пригласили къ «разсмотрѣнію его городскихъ головъ и почетнѣйшихъ изъ гражданъ». Этимъ путемъ государственный совѣтъ думалъ привлечь къ участию въ составленіи новаго городского положенія городское общество и думу. Московскій генералъ-губернаторъ нашелъ нужнымъ предложить проектъ и на разсмотрѣніи «московскаго *предводителя* дворянства обще съ другими дворянами по собранію». Важный и характерный шагъ со стороны правительства: оно желаетъ привлечь къ участию въ составленіи городского положенія представителей общества.

По проекту, въ составъ городского общества вводятся *всѣ сословія* городского населенія, *не исключая и дворянъ*, почему городскія избирательныя собранія предполагались уже не по сословіямъ, а по городскимъ частямъ; въ собраніи каждой части города имѣли право участвовать *всѣ* живущіе въ этой части безъ различія сословій, разъ удовлетворяли извѣстному цензу²⁸⁵) Избиратели выбирали изъ своей среды депутатовъ, которые должны были замѣнить думу, дѣйствуя «именемъ всего городского общества» въ качествѣ учрежденія, такъ сказать, постановляющаго; административнымъ, постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, по проекту, должна была быть «градская дума», избравшаяся собраніемъ депутатовъ изъ своей среды, такъ что и въ ея составъ входили дворяне. Такъ составленныя «собранія депутатовъ» и «градская дума», однако, не получали, по проекту, той «власти», которую желалъ дать ей Балугьянскій въ своемъ проектѣ.

Въ высшей степени любопытно, какъ отнеслись къ проекту

«общество и дума», приглашенные къ подачѣ о немъ мнѣнія въ лицѣ «головъ», дворянъ и «первостатейныхъ гражданъ». Прежде всего, «первостатейные» съ необычной энергіей возстали противъ *вссословности* общественнаго городского управленія: они доказывали, что «градское правленіе» издавна принадлежитъ «гражданамъ» только, то-есть имъ; это во-первыхъ, а, во-вторыхъ, такое посягательство на ихъ давнее право, какъ введеніе въ составъ городского общества дворянства, de jure въ него уже введеннаго въ 1785 году, какъ мы видѣли, есть, философствовали «граждане, нѣчто противное «разуму» и естественному порядку вещей». «Доколѣ,—разсуждалъ, по «разуму», московскій городской голова,—существуетъ законъ о раздѣленіи народа на разные сословія съ разными правами... и остаются въ своемъ видѣ прочія присутственныя мѣста... до тѣхъ поръ нѣтъ причинъ измѣнять составъ городского общества». Съ только что приведенной тирадой, если взять ее отдѣльно, съ перваго взгляда нельзя не согласиться: дѣйствительно, пока существуетъ по закону раздѣленіе на состоянія или сословія, пока это раздѣленіе—базисъ жизни, до тѣхъ поръ безсословныя городскія учрежденія не могли дать тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нихъ ждали. Но купецъ не то хотѣлъ сказать, исходя изъ мысли, что сословный строй есть естественный порядокъ вещей,—порядокъ, на «разумѣ» основанный. Московскій голова доказываетъ, опять-таки по разуму, что въ такомъ городѣ, какъ Москва, особенныхъ *дѣлъ*, касающихся въ совокупности до *всѣхъ* сословій, нѣтъ и быть не можетъ именно потому, что въ городѣ живутъ «разныя сословія». Городской голова Петербурга оказался почти въ полномъ единеніи съ головою Москвы и также въ привлеченіи дворянства въ составъ городского общества видѣлъ «явное подавленіе правъ купечества», могущее повести ко всякаго рода «безпорядкамъ и замѣшательствамъ», и, притомъ, крайне опаснаго свойства. По мнѣнію головы и первостатейныхъ гражданъ, «собраніе депутатовъ» и «градская дума» въ проектируемомъ составѣ представляютъ собою «небывалое совокупленіе разнородныхъ и противоположныхъ сословій», подобное палатѣ депутатовъ во Франціи и особенно вредное у насъ «по степени образованности низшихъ классовъ людей» и потому, что въ этихъ учрежденіяхъ дворяне возьмутъ перевѣсъ—получится «дворянское общество» или «анархія» (?), по убѣжденію представителей гражданства, «несвойственное нашему народному духу». Въ концѣ-концовъ, петербург-

скіе купцы обозвали весь проектъ основаннымъ на «теоріи» и представляющимъ «слѣбое подражаніе Франціи и Англіи»²²⁶).

Дворяне московскіе тоже нашли «противуестественнымъ» введеніе ихъ въ составъ городского общества, такъ какъ это значитъ привлекать ихъ къ совершенно чуждому имъ дѣлу—«разсуждать о *коммерціи*», тогда какъ ихъ дѣло—«разсуждать о помѣстьѣ». Такимъ образомъ, представители московскаго дворянства, кромѣ лично-сословныхъ интересовъ въ городскомъ управленіи, ничего не видѣли. Они вообще высказались за старья, то-есть екатерининскія учрежденія, въ той формѣ, въ какой они существовали въ то время.

Проектъ былъ отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ. Пытались исправить его въ 1837, въ 1840 годахъ; но «по недостатку средствъ» (?) попытки не повели ни къ чему. Съ 1842 года дѣло было передано въ министерство внутреннихъ дѣлъ, при которомъ, ради этой цѣли, учреждено было особое «временное отдѣленіе для устройства городского хозяйства». Ему и поручено составить проектъ новаго городского положенія.

И. ДИТЯТИНЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРИМѢЧАНІЯ.

227) „Городовое положеніе“ 1785 г., ст. 1, 2, 18, 19, 39 и 28.

228) Тамъ же, стр. 29 и 30.

229) Тамъ же, ст. 53 и 55.

230) Тамъ же, ст. 62, и слѣд.

231) „Городскими обывателями разумѣются всѣ тѣ, кои въ томъ городѣ или старожилы, или родились, или поселились, или дома, или иное строеніе, или мѣста, или землю имѣютъ, или въ гильдіи, или въ цехъ записаны и потому городу *носятъ службу или тягость*“.

232) Тамъ же, ст. 63 и толкованіе къ ней. Въ виду существованія у дворянства губернія своей родословной книги, по отношенію дворянъ къ владѣльцамъ въ городѣ вносятся въ городовую книгу лишь фамилія и чинъ, такъ какъ все остальное заносится въ родословную книгу. Ст. 58, примѣчанія.

233) Въ одной статьѣ выраженіе „градское общество“ замѣняется выраженіемъ „городъ“. „Губернскаго магистрата засѣдатели и засѣдатели совѣстнаго суда *выбираются губернскимъ иородомъ*“. Ст. 32.

234) Тамъ же, ст. 30, 32 и 36.

235) Тамъ же, ст. 156 и 157.

236) Тамъ же, ст. 158 и 163.

237) Тамъ же, ст. 164.

238) Тамъ же, ст. 172—173.

239) Тамъ же, ст. 175.

- 240) Тамъ же, ст. 168: „онна, т.-е. судныя дѣла принадлежать магистратамъ или ратушамъ“.
- 241) Тамъ же, ст. 167 и 169.
- 242) „День и мѣсто для выбора депутата,—говоритъ 18 статья „обрѣда“,—назначается городскимъ головою“.
- 243) Статья 30.
- 244) „Жалов. грам.“ городамъ, ст. 155 и 177.
- 245) Тамъ же, ст. 154.
- 246) Статьи 95 и 96.
- 247) Статья 99.
- 248) См. очеркъ по исторіи городской полиціи въ нашемъ назван. сочин., т. I, гл. „Полиція при Петрѣ Великомъ“, стр. 301—327; гл. „Городская полиція при преемникахъ Петра“, стр. 355—370.
- 249) См. тамъ же, гл. „Полиція при Екатеринѣ II“, стр. 459—472.
- 250) Общія опредѣленія задачъ городской полиціи попали въ „уставъ“ изъ „учрежденія о губерніяхъ“, гдѣ задача, напр., городничаго буквально опредѣляется такъ: имѣть „бдѣніе, дабы въ городѣ сохранены были *благочиніе, добронравіе и порядокъ*“, ст. 284.
- 251) Статья 167, п. 4.
- 252) Статья 380⁹.
- 253) Статья 379. Въ случаѣ надобности могли быть приглашаемы въ засѣданіи уѣздный предводитель дворянства или городской голова губернскаго города.
- 254) Статья 152.
- 255) Статья 383.
- 256) „Жалован. грам.“ городамъ, ст. 177.
- 257) Тамъ же, ст. 146—150.
- 258) Тамъ же, ст. 151—152.
- 259) Тамъ же, ст. 177.
- 260) Тамъ же, ст. 175.
- 261) Тамъ же, ст. 32.
- 262) Всѣхъ статей въ грамотѣ 178; но изъ нихъ одна статья—123—составляетъ цѣлое, особое положеніе—ремесленное—и распадается на 117 пунктовъ; далѣе—12 статей— „о личныхъ выгодахъ средняго рода людей или мѣщанъ вообще“; 31 статья— о гильдіяхъ; 22 статьи посвящены составленію о составленіи обывательской книги и 28—остальнымъ разрядамъ обывателей; такимъ образомъ, выходитъ, что изъ 178 статей грамоты 93 статьи посвящены торгово-промышленному сословію; изъ остальныхъ 85 статей 57 отданы различнымъ общимъ опредѣленіямъ какъ по отдѣлу сословнаго строя, такъ и общественнаго; специальнымъ опредѣленіямъ послѣдняго остается всего 28 статей.
- 263) Статьи 169 и 170.
- 264) Ст. 123, п. 10.
- 265) Тамъ же, п. п. 13 и 18.
- 266) Тамъ же, п. 2. „Городовому магистрату или ратушѣ ремесла раздѣлить на цехи или ремесленныя управы“,—говоритъ п. 1.
- 267) Тамъ же, пп. 11 и 10.
- 268) Тамъ же, п. 36.
- 269) Тамъ же, п. 116.
- 270) Тамъ же, п. 117.
- 271) Статья 8.
- 272) Статья 25.
- 273) Статья 167, п. 5 и 6.

274) Глава XXI, „о сиротскомъ судѣ и его должности“, ст. 295; эта статья цѣлкомъ вошла въ городское положеніе, ст. 31.

275) Статья 157 и 165.

276) Статья 60 и 61; 69, 71, 74, 75, 76.

277) Статья 73.

278) „Жалов. гр.“ дворянству, ст. 30—31.

279) Статья 13.

280) Статья 36.

281) „Город. полож.“ 1785 г., ст. 14.

282) Манифестъ отъ 2 апр. 1801 года.—1 Пол. собр. зак., № 19,811.

283) П. с. з., № 19,976. При этомъ императоръ рекомендуетъ имѣть въ виду „уменьшеніе городскихъ расходовъ“, а, вмѣстѣ, и повинностей.

284) Архивное дѣло, цитированное въ нашемъ сочиненіи: *Устройство и управленіе городовъ Россіи*, т. II, стр. 370.

285) Цензъ опредѣлялся недвижимою собственностью не ниже 8,000 р. стоимостью.

286) Не лишне замѣтить, что петербургское купечество представило *свой проектъ* городского положенія, въ которомъ все сводилось къ измѣненію положенія 1785 г. тѣми искаженіями, къ которымъ привела практика въ этомъ положеніи. Купечество особенно заботливо относилось въ своемъ проектѣ къ канцелярш думи.

ГОРОДЪ РАБОЧИХЪ.

I.

— А, вѣдь, здѣсь, дѣйствительно, хорошо у васъ! Какъ хотите, а я начинаю не довѣрять вамъ. Судя по тому, какъ вы расписывали свою «милую родину», я не ожидалъ вступить въ нее въ такомъ хорошемъ настроеніи, — сказалъ я одному изъ своихъ спутниковъ, хмурому, насупившемуся черноватому молодому человѣку.

Мы переправлялись на тяжеломъ досчанигѣ черезъ большую рѣку.

— Да, природа—ничего, жить можно. А вотъ посмотримъ, что-то вы скажете послѣ, когда увидите нашего «царя природы», — сурово отвѣчалъ мой сосѣдь.

— Конечно, если вы будете смотрѣть на все глазами этого буквоѣда, насквозь прогноеннаго бурсой, то лучше вамъ вернуться назадъ, — нетерпѣливо перебилъ другой мой спутникъ, бѣлокурый молодчина, съ русой, только что пробивающейся бородкой по широкому подбородку. — Я увѣренъ, что, вмѣсто этихъ береговъ, которые еще васъ, славу Богу, восхищаютъ, онъ видитъ одно безконечное гладбище, уставленное крестами; вмѣсто вонъ тѣхъ, живыхъ людей, которые тамъ копошатся въ горѣ, въ алебастровыхъ копяхъ, онъ видитъ сухія, заскорузлыя формулы и производитъ надъ ними какія-нибудь отвлеченныя вычисления. Нѣтъ, право, если вы также... право, лучше не ѣздите, лучше вернитесь назадъ, потому что все, что вы послѣ скажете, будетъ не то.

Хмурый молодой человѣкъ только что-то промычалъ въ отвѣтъ на эту реплику, а я улыбнулся.

Насъ было трое, исключая перевозчика, который мало инте-

ресовался нами: я, хмурый брюнетъ, готовившійся сдавать экзаменъ на кандидата, и кудрявый, коренастый мужчина, когда-то сбѣжавшій съ послѣднихъ курсовъ бурсы въ народные учителя. Первый, Поповъ, былъ сынъ священника; второй, Полянкинъ, сынъ крестьянина.

Такъ какъ эти контры и преребанія между моими спутниками, органически, казалось, имъ присущія, были мнѣ давно знакомы, то я могъ не особенно тревожиться ими и продолжать любоваться прелестью лѣтнаго вечера на рѣкѣ.

Заходящее солнце врось обливало рѣку цѣлымъ потокомъ ласкающихъ лучей, которые, ударяясь въ правый берегъ, постоянно играли на немъ разнообразными переживаниями свѣта и тѣней: вотъ сейчасъ заросшее дубнякомъ ущелье въ скалистомъ берегѣ казалось погруженнымъ въ мракъ, темное, дикое, а черезъ минуту все оно сверкало яркой зеленью съ золотистымъ отливомъ, все радостное, веселое, свѣтлое. Мы огибали крутой выступъ, когда Полянкинъ сказалъ мнѣ:

— Ну, приготовьтесь... Вотъ сейчасъ вы увидите нѣчто такое, что ужъ, конечно, не думали встрѣтить на какой-нибудь рѣченкѣ въ Великороссіи. Вамъ, конечно, по меньшей мѣрѣ, нуженъ Кавказъ или Швейцарія. Тогда ваше восхищеніе не будетъ имѣть границъ, только потому, что все это давно воспѣто въ стихахъ и прозѣ... Ну-съ, что же, плохо?—волновался мой экспансивный другъ, переводя глаза съ разстилавшейся передъ нами изумительно прекрасной дали на мое лицо.

— Да, хорошо. Вѣдь, ужъ я сказалъ, что хорошо,—отвѣчалъ я.

— Сказалъ! Но, вѣдь, какъ сказать... Этого мало. Надо почувствовать всѣмъ сердцемъ. Надо... надо полюбить! Вотъ когда не будетъ лжи,—говорилъ онъ, очевидно, адресуя свои замѣчанія къ нашему хмурому спутнику.—Впрочемъ, и то сказать, какъ полюбить! Нѣтъ, это не настоящее слово. Его бросить пора. Кто въ эту любовь къ народу не разыгрываетъ! Можетъ, впрочемъ, для кого-нибудь это и нужно было, и теперь нужно, только не для меня. Я, самъ мужикъ, долженъ любить народъ! Что за чушь! Какъ это мои рука, нога, голова должны любить меня? Дичь какая-то!

Полянкинъ совсѣмъ расходился: сильный, коренастый, по живой, впечатлительный, онъ махалъ руками, двигая взадъ и

впередъ ногами и туловищемъ, снималъ фуражку и ерошилъ волосы; лодка постоянно рисковала хлебнуть воды. Но Поповъ хладнокровно отъ времени до времени откашливался съ недозвольнымъ мычаньемъ.

— А вотъ и *въчевой градъ* нашъ,—проговорилъ онъ съ очевидной ироніей въ голосѣ. — Рекомендую полюбоваться. Нѣкоторымъ образомъ идеаль, уже воплощенный въ дѣйствительности.

— Ну, что же? Конечно, въчевой,—нетерпѣливо опять перебилъ Полянкинъ,—но это, прежде всего, городъ рабочихъ.

— Поучительное явленіе. Есть надъ чѣмъ подумать,—продолжалъ Поповъ.

— Вотъ это вѣрно, что поучиться есть чему, потому что и въ малой каплѣ водѣ отражается небо. Я противъ этого ни слова. Но только, вѣдь, не всякому внуку на пользу наука,—замѣтилъ Полянкинъ.

Пока мои пріятели перекорялись, я въ изумленіи смотрѣлъ на открывшуюся передо мной картину. Это было нѣчто очень своеобразное: направо лежала безконечная зеленая пойма, по краямъ которой оазисами мелькали или группы деревьевъ, или бѣлыя церкви, или ближе къ рѣкѣ кучки избъ на высокихъ столбахъ, вродѣ свайныхъ построекъ: это были сельскія конторы или лѣсопилки. Весь плоскій песчаный берегъ уложенъ смолистыми плотами. Влѣво, напротивъ, почти на четверть версты, тянулась высокая и совершенно отвѣсная скалистая стѣна, въ которую бились тихія волны и въ которую теперь прямо ударили косые солнечные лучи. Вся стѣна была вдоль прорѣзана разноцвѣтными поясами пластовъ: бѣлый алебастровый слой смѣнялся красной глиной, желтымъ пескомъ. Контрастъ этой стѣны съ зеленой равниной поймы и серебряной далью рѣки былъ поразителенъ и оригиналенъ.

И вотъ, наверху этой стѣны былъ передъ нами *городъ рабочихъ*; кресты высокихъ причудливыхъ колоколенъ и церквей, стѣны каменныхъ домовъ и маленькихъ лачугъ, лѣпившихся по скатамъ холмовъ, зеленая листва садовъ,—все это ярко искрилось золотистымъ свѣтомъ отъ закатывавшагося за поймой солнца.

Внизу, тамъ, гдѣ отвѣсную стѣну берега прерываетъ глубокая ложбина оврага, составляющая единственный путь изъ го-

рода къ рѣкѣ, стоялъ у пристани парходъ, запасавшійся дровами.

Мы пристали около этого же мѣста и стали подниматься въ городъ по избитой, расщепавшейся бревенчатой мостовой.

II.

Городъ рабочихъ, какъ называлъ нашъ спутникъ—«сынъ народа», собственно не былъ городъ: это было большое промышленное село, съ десяти тысячнымъ рабочимъ населеніемъ, съ обычнымъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, и представляло собою скорѣе сконцентрированную въ одно селеніе цѣлую волость, чѣмъ село; притомъ же, отъ обычнаго представленія о селѣ его отличало то, что среди этихъ 10 тысячъ рабочихъ не было ни одного, занимавшагося земледѣліемъ, хотя все село получило обыкновенный надѣлъ земли «по душамъ», впрочемъ, въ очень незначительномъ размѣрѣ. Издавна, чуть не столѣтіе назадъ, здѣшній рабочій сдѣлался кустаремъ-ремесленникомъ стальныхъ издѣлій, и такъ какъ основная и самая большая часть населенія состояла именно изъ этихъ самостоятельныхъ кустарей-рабочихъ, равноправныхъ гражданъ въ своемъ поселеніи, то мы и оставимъ за этимъ послѣднимъ названіе *города рабочихъ*.

Да, это былъ дѣйствительно городъ рабочихъ. Едва мы выбрались изъ ложбины оврага и поднялись на гору, какъ насъ сразу охватила та особая характерная атмосфера, которая свойственна мастерской: визжанье напилковъ, стукъ молотковъ, ляганье желѣзныхъ полосъ, шипѣнье колесъ у станковъ. Это былъ звенящій шумъ цѣлой арміи гигантскихъ кузнечиковъ, и, что изумительнѣе всего, этотъ гулъ точно также исходилъ невѣдомо откуда: вы слышали его справа, слѣва, сзади, изъ густой чащи зелени. Мы переходили цѣлый рядъ часто пересѣкающихся пыльныхъ переулковъ, замѣчательно похожихъ одни на другіе: по обѣ стороны стояли трехъ-оконные, съ тесовыми крышами, иногда двухъ-этажные, на городской манеръ, домики, съ обязательными почти занавѣсками (бѣлыми или разноцвѣтными) на окнахъ, съ горшками гераній и фуксій, съ длинными заборами, оберегавшими зеленые садики, изъ густой чащи которыхъ, казалось, и неслись эти сплошные звенящіе звуки. Это и были дома кустарей. Въ каждомъ изъ нихъ, въ нижнихъ

этажахъ или въ заднихъ пристройкахъ, были собственныя мастерскія, въ которыхъ и работала вся семья хозяина. Мы почти никого не встрѣтили на улицахъ въ этотъ часъ, развѣ иногда пожилая женщина въ ситцевомъ домашнемъ платьѣ, съ озабоченнымъ лицомъ, выгянетъ въ ворота съ ведромъ въ рукахъ, взглянетъ на солнце и скроется опять, или вдругъ выскочить прямо изъ окошка мастерской чумазы, закоптѣлый, съ ремешкомъ на головѣ, съ открытымъ воротомъ на черной груди мальчуганъ лѣтъ 7—8, швырнетъ мимоходомъ камнемъ въ стаю воробьевъ, пронесется, подпрыгивая на одну ногу, мимо насъ и черезъ двѣ минуты уже скачетъ назадъ отъ сосѣда съ напилькомъ или молоткомъ, да изрѣдка лѣниво потягивавшіеся псы у ворота хрипло тягали на насъ, прищуривая глаза. Было какъ-то особенно торжественно-пустынно въ этой мирной трудовой обители. Кругомъ не видѣлось пока ни высокихъ фабричныхъ трубъ съ гнетущими корпусами-острогами, съ зловѣщимъ свистомъ,—этой эмблемой каторжнаго, подневольнаго труда. Это была окраина — часть города рабочихъ, населенная кореннымъ кустаремъ-хозяиномъ.

— А вонъ и наша *храмина*, — сказалъ Полянкинъ. — Вонъ, вишь ты, и батька какъ разъ провѣтриться вышелъ.

Влѣво, у двухъ-этажнаго трехъ-оконнаго домика, съ зелеными ставнями и большимъ густо-вѣтвистымъ вязомъ сзади, показалась высокая, коренастая, голая по самый поясъ, въ однихъ камлотовыхъ шараварахъ, бородатая и лысая фигура. Уперевъ одну руку колесомъ въ бокъ, а другою заслоняя отъ солнца глаза, она вглядывалась пристально въ насъ.

— Здравствуй, — сказалъ Полянкинъ отцу, подходя къ нему и пожимая его мускулистую широкую ладонь. — Вотъ гостей веду...

— Добре, добре, — ласково говорилъ старикъ, поочереди каждому изъ насъ подавая руку, предварительно вытирая ее о грязный суровый фартукъ. — Милости просимъ. Кстати, главное дѣло... Мы уже зашабашить хотимъ. Развѣ вотъ еще полчаса, пока мать самоваръ становить. Проходите-съ въ *парадную*, пожалуйста. Меня ужъ извините, что я, значить, какъ бы совсѣмъ безъ мундира, — прибавилъ онъ, хлопая широкой ладонью по здоровой мускулистой голой груди. — Что сдѣлаешь, обиходъ рабочій... Мы такъ-то всѣ, не то что лѣтомъ, а и зимой щеголяемъ... Пожалуйста-съ.

Прежде чѣмъ идти въ «парадную», мы, однако, сначала спустились въ мастерскую. Въ ней усиленно работало нѣсколько человѣкъ, большихъ и малыхъ, очевидно, торопясь поскорѣе закончить дневной урокъ. Мужчины почти всѣ были голы по поясъ, какъ и хозяинъ; ребятишки всѣхъ возрастовъ были чумазы и черны, какъ галчата, и сквозь копоть на ихъ лицахъ бойко сверкали только синеватые бѣлки глазъ. Двѣ молодыя женщины и одна дѣвушка-подростокъ работали въ сторонѣ, покрывая сдѣланныя вещи олифой. Мастерская исключительно дѣлала замки, и, притомъ, замки не больше, какъ двухъ-трехъ типовъ, самыхъ дешевыхъ и обиходныхъ. Всѣ части замка дѣлались «отъ руки»: кто выпиливалъ дужки, кто стѣнки, кто сверлилъ ключи. Такихъ частей, надѣланныхъ за недѣлю, лежали цѣлыя кучки около каждаго мастера. Легко можно себя представить, какъ быстро должна была готовиться каждая часть и сколько ихъ нужно было сдѣлать, если сказать, что готовый такой замокъ покупается въ лавкахъ за 5—10 коп. (а, вѣдь, замокъ, какъ бы онъ простъ ни былъ, все же механизмъ сложный), кустарь же сбываетъ ихъ скупщикамъ за 15—20 коп. дюжину. Эти цифры могутъ служить типичнымъ указателемъ всѣхъ вообще экономическихъ нормъ, установившихся въ «городъ рабочихъ»: онѣ укажутъ, сколько долженъ сработать, напр., замокъ кустарь въ день, чтобы пропитать семью (въ періоды промышленныхъ кризисовъ, когда цѣны падаютъ еще ниже, часто семья всю недѣлю работаетъ съ ранняго утра до глубокой ночи, едва зарабатывая пропитаніе), какъ велика должна быть скорость рукъ въ приготовленіи каждой части безъ всякой почти помощи машинъ.

Изъ рабочихъ-мужчинъ одинъ былъ старшій сынъ хозяина, уже женатый, другой—братъ, холостой, двое—рабочіе по найму; изъ женщинъ одна была жена сына, другая вдова послѣ умершаго брата; мелкота же всѣ были хозяйскія дѣти. Молодой Полянкинъ наскоро и весело поздоровался со всѣми и сталъ намъ показывать разные способы приготовленія замковъ. Онъ поочереди становился на мѣсто того или другаго изъ мастеровъ, чтобы показать, что онъ не забылъ ни одной отрасли родовой работы.

Онъ оказался, дѣйствительно, мастеромъ на всѣ руки, что было очевидно изъ молчаливо-поощрительныхъ улыбокъ мастеровъ, которые передавали ему инструментъ.

— Погодите, братцы, только еще денька три: вздохну ма-

лость послѣ экзаменовъ и тогда ужь заправски встану съ вами,—сказалъ Полянкинъ и перекрестился въ подтвержденіе своихъ словъ,—вотъ, ей-Богу же не надую!... Т.-е. такъ, братцы, хочется руками поработать... просто до зуда. Всю зиму ни за что не брался, развѣ что дрова рубилъ.

— Поди, какъ отецъ тогда тебя расхвалить. Нонѣ же обороты-то у насъ не хвали,—отвѣчали мастера.

— Вѣрно, встану. На все лѣто. Только вотъ съ своими господами немножечко пожурирую *по этой части*,—иронически подмигнувъ онъ на насъ, повертѣвъ пальцами около лба.

— Ну, проходите сюда, Павелъ. Не смущайте тамъ народъ-то!—крикнувъ сверху хозяинъ.

Мы вошли въ «парадную». Старикъ ужь «зашабахилъ по случаю гостей», какъ заявилъ онъ, умылся и надѣлъ старенькій камлотовый пиджакъ. Въ парадной половинѣ дѣйствительно все было «парадно»: на окнахъ коленкоровыя занавѣски и горшки съ цвѣтами; по стѣнамъ старенькіе плетеные стулья; столикъ, покрытый вязаной скатертью, коммодъ съ посудой, часы съ кукушкой, керосиновая лампа съ абажуромъ изъ папиросной бумаги и, наконецъ, въ углу кровать за большимъ ситцевымъ пологомъ съ оборками. Все чистенько, простенько, по-мѣщански и по-домостроевски. По-домостроевски, сановито и степенно-строго держалъ себя и старикъ; по-домостроевски несъ онъ званіе хозяина, отца, мужа и владыки очага, сурово покривая на свою жену, сухую, пожилую и добрую женщину, хлопотавшую около самовара и все конфузившуюся незнакомыхъ людей, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ; поглощенная хлопотами, она даже и съ сыномъ не нашла времени или боялась «при другихъ» поздороваться; сынъ, впрочемъ, скоро опять убѣжалъ внизъ, оставивъ насъ со старикомъ.

— Видѣли наше поселенье, проходили?—спросилъ старикъ, начиная съ великимъ удовольствіемъ всхлебывать съ блюдечка чай.

— Нѣтъ еще, мало, только съ рѣки видъ хорошъ.

— Хорошъ?... Вѣдь, городъ?... а?... Совсѣмъ городъ! Соборъ, семь церквей... Соборъ не видали?... У насъ насчетъ божественнаго радѣтели есть... Вездѣ пѣвчіе, дьякона на подборъ... У насъ это хорошо, есть за что похвалить... Городъ, вѣдь?... а? Совсѣмъ городъ?—переспросилъ старикъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Постоять еще другаго города.

— Постоять!... У насъ ужь кое у кого изъ богатѣевъ есть это помышленіе, чтобъ, значить, вполне на городское положеніе перейти. И записку ужь въ сенатъ подавали... Подавали, слышно было...

— Что же, вамъ нравится это?

— Нѣтъ, намъ не нравится. Да къ чему? Для насъ такъ-то больше чести: вишь ты, село, деревня мужицкая, а еще почище другаго города будетъ! Мы и такъ, значить, на городовомъ счету... чего-жь еще? Да, вѣдь, кабы уллучшенія отъ этого какого ждать...

— А вы не ожидаете?

— Нѣтъ. Это, вѣдь, богатѣйская забава... Пользы нельзя ожидать... Отказали, да, отказали... И лучше, пожалуй, — серьезно говорилъ старикъ, во что-то вдумываясь. — Такъ думать надо, что этой затѣѣ все *самъ* же препону положилъ.

— Кто же это *самъ*?

— *Самъ*-то? — улыбнулся хитро старикъ. — Не знаете? Державу-то нашу? Это у насъ Петръ Безсмѣнный, голова нашимъ дурацкимъ головамъ... это будетъ Петинька-кормилецъ, Петинька-отецъ нашъ родной... Вотъ кто онъ у насъ, *самъ*-то! Слава Богу, вотъ двѣнадцать, должно быть, ужь годковъ за нимъ, что у Христа за пазухой, проживаемъ... Да!

Старикъ какъ-то особенно хитро и двусмысленно велъ весь этотъ разговоръ про старшину.

— Полюбили ужь очень вы его, — замѣтилъ мой хмурый спутникъ съ обычной ироніей.

— Полюбили? Полюбишь!... Полюбишь, братъ... Да. Вотъ онъ и такой, и сякой, а вотъ двѣнадцать годочковъ безсмѣнно на своемъ положеніи стоитъ, и никакой такой силы нѣтъ, чтобы его низвести... О, о!... Нѣтъ, тутъ, братъ, подумаешь низвести-то его... Вотъ ты и гляди... И воръ-то Петинька, и мошенникъ, и миробѣдъ, и притѣснитель, всяко про Петиньку говорятъ, а вотъ низвести не могутъ... Кто ни пытался его низвести, — и губернаторы, и прокуроры, и всякіе члены и чины, — одни наши богатѣи сколько хлопотъ и денегъ на это самое дѣло ухлопали; а гдѣ теперь эти губернаторы, и прокуроры, и всякіе чины? Про нихъ только сказки остались, а Петинька Шалаевъ все при насъ державу держать... Такъ-то, милѣйшій человекъ; вотъ ты ученый человекъ, а какъ скажешь на

это? Нужно на это дѣло ума, али не нужно? — спросилъ старикъ не безъ тайнаго ехидства Попова, котораго онъ, пови-
димому, зналъ хорошо.

Поповъ только повернулся на стулѣ и сердито молчалъ.

— Такъ это онъ, говорите вы, противъ городского положенія идетъ?

— Кому же больше? Никто, какъ онъ. Вѣдь, онъ кѣмъ живъ? Нами, простымъ народомъ. Тутъ вся и жисть его, что въ насъ... Голоднымъ народомъ живъ, вотъ кѣмъ... А на городскомъ положеніи — ему сейчасъ смерть! Потому на городскомъ положеніи вся сила въ богатѣѣ... Бѣдному простому человѣку тамъ дѣлать ужь будетъ нечего... Ну, безъ бѣднаго человека и Петинькѣ смерть. Тутъ ему и конецъ. Такъ тутъ, хочешь — не хочешь, и насъ полюбишь. Вотъ онъ насъ и любитъ, а мы его своей любовью не покидаемъ. Такъ у насъ и идетъ въ круговую... по любви... И живемъ еще какъ ни-то... Вотъ у насъ чѣмъ люди-то живы! Хе, хе, хе!

И старикъ засмѣялся какимъ-то страннымъ сухимъ смѣхомъ.

— Это возмутительно! — вдругъ, вскакивая въ волненіи со стула, заговорилъ Поповъ, обращаясь ко мнѣ одному. — Вы только представьте себѣ: міроѣдъ, который никому вздоху не даетъ, который расходуетъ всѣ общественныя деньги безъ всякаго контроля; самый этотъ контроль дѣлается немислимъ, потому что ихъ пресловутое *вѣче* — это не больше, какъ двухтысячное стадо барановъ, изъ которыхъ половина этимъ *самимъ* закуплена, запоена, задобрена, а другая — запугана, задавлена. Вѣдь, здѣсь нельзя слова свободнаго сказать, потому что завтра же, кто осмѣлится только не согласиться съ этимъ *самимъ*, будетъ отправленъ туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ. Вѣдь, это... это одинъ ужасъ!... А вотъ они всѣ такъ здѣсь, смѣшкомъ да съ ужимочкой говорятъ... А, вѣдь, вы только одно представьте, что здѣсь на десяти-тысячное рабочее населеніе одно училище, больница только на три койки — и больше никакихъ общественныхъ заведеній безусловно; ни библиотеки, ни техническихъ музеевъ или училищъ, ни театра. Вы книги, самой пустѣйшей книжонки ни у кого не встрѣтите! Вотъ вамъ и «городъ рабочихъ»!... Вѣче!...

Поповъ еще волновался, а старикъ все не переставалъ смѣяться. Но потомъ онъ вдругъ сдѣлался серьезенъ и даже суровъ, сдвинувъ густыя бѣлыя брови и набравъ морщины на лбу.

— Это вѣрно, вѣрно, все вѣрно, — заговорилъ онъ, покачивая головой, — вотъ до чего довели! Бѣда, развратъ народу совсѣмъ! На глазахъ вотъ, такъ и видимъ, какъ народъ портится. *Патъи* *) этой съ каждымъ годомъ все больше, да больше, этого самаго обнищалаго народа. Да и нельзя иначе... Нельзя!

Старикъ замолчалъ, сокрушено опять покачивая головой. Въ это время вошли братъ и сыновья, всѣ уже обмывшіеся и принарядившіеся, и стали усаживаться вмѣстѣ съ нами за столъ.

— Вы о чемъ? — спросилъ молодой Полянкинъ. — Успѣли ужъ, чай, поспорить?

— А вотъ о чемъ! — сказалъ старикъ, вскочивъ съ мѣста и сурово обращаясь къ Попову. — Ты, вотъ, видишь эти дома-то на горѣ? — показалъ онъ въ окно. — Видишь? А были бы они у рабочаго, или нѣтъ, спрашиваю я тебя? Вотъ онъ, видишь, новенькій, и чистый, и просторный: есть гдѣ голову преблонить... Были ли, я тебя спрашиваю, у насъ эти пристанища, какъ вотъ, въ третьемъ году, триста дворовъ снесло пожаромъ?... а? То-то вотъ... Кто въ Петербургъ-то ѣздилъ, да выхлопоталъ полтораста тысячъ на погорѣлую братію?... а?

— Да изъ нихъ себѣ въ карманъ пятьдесятъ тысячъ положилъ, — замѣтилъ вскользь Поцовъ.

— Ну, это мы того... Оставимъ эту раздѣнку-то... Это Богъ знаетъ. А ты вотъ скажи, кто это ѣздилъ? Петръ Шалаевъ ѣздилъ... Да. Ты вотъ объ этомъ подумай... А! *Имъ* это не по губѣ, должно... Не по губѣ, что Петръ Шалаевъ съ насъ подати скостилъ, да на *нихъ* переложилъ, на дворцы-то ихніе. Не по губѣ имъ, разбойникамъ... Городовое положеніе!... Мало они изъ насъ крови-то пьютъ... Мало еще, дворцовъ-то понастроивши, да брюхо-то распустивши!

Старикъ совсѣмъ расхотился: онъ стучалъ кулакомъ по столу, махалъ руками и сверкалъ на Попова сердитыми глазами.

— Да ужъ не хуже было бы: по крайности, хотя бы школы вамъ завели, больницы, богадѣльни были бы, грязь-то невылазную съ улицы убрали, да и грабежа-то бы не было...

— Не было бы? По головкѣ бы стали насъ гладить?

---

*) *Патъи* — мѣстное названіе бѣднѣйшей части села и, вмѣстѣ, самаго бѣднаго безхозяйнаго пролетарія, не имѣющаго своихъ мастерскихъ.

Да другъ ты мой, вѣдь, только на нихъ и грозы-то, что Петръ Шалаевъ! А ужъ мы всѣ ими до сердца проклеваны... вотъ какъ, до самой печенки проклеваны этимъ вороньемъ-то! Ты вотъ видѣлъ, какую мы уйму за недѣлю наработали, по 18 часовъ спины не разгибая? А что вотъ я послѣ завтра, какъ Господи благослови, поташу все это на ряды, что я за это получу?... а? Ты вотъ видишь замокъ-то, видишь? Вѣдь, его сдѣлать надо! Вѣдь, это не гвоздь, что разъ молоткомъ ударишь—и готово! А, вѣдь, скупщикъ мнѣ за него *мой цѣны* только полицѣны дать, *моей!* Да и то еще погланиешься ему въ поясъ, чтобы взялъ, да и то еще половину деньгами-то только, а то поди-ка у него другую-то половину изъ его лабаза харчами выбери, да по той цѣнѣ, по какой его голова назначить! А, вѣдь, другъ ты мой, вотъ у меня сколько народу-то, вѣдь, намъ пить-ѣсть надо... Вѣдь, я вотъ дому хозяинъ, большая голова, вѣдь, вотъ посчитай-ка сколь много вокругъ меня народу-то; вѣдь, у меня съ малыми-то ихъ двѣнадцать душъ... Дру-угъ!... Вѣдь, все на мнѣ взыщется, все, и на этомъ свѣтѣ, и на томъ!...

— Это вѣрно, — замѣтилъ опять хмуро Поповъ, — только чего же огуломъ-то всѣхъ въ яму валить? И изъ *нихъ* есть люди.

— Кто это?

— Да вотъ хоть бы Струковъ.

— Это Валерьянъ-то Петровъ! Лукожуй онъ, Валерьянъ-то Петровъ твой.

— Этого не доставало! Человѣкъ за нихъ душу положилъ, весь свой вѣкъ, до пятидесяти лѣтъ, все для нихъ хлопоталъ... Вы представьте, — обратился опять въ негодованіи ко мнѣ Поповъ, — вы только представьте, что переиспыталъ, перенесъ этотъ человѣкъ для своихъ односельчанъ: разорился, нѣсколько разъ былъ облыжно отданъ подъ судъ, сидѣлъ по тюрьмамъ, въ холодныхъ. Это какая-то воплощенная энергія, беззавѣтность, незлобивость и любовь!... И за все за это—вотъ ему благодарность!... И онъ знаетъ это... давно знаетъ и все же хлопочетъ за нихъ.

— Ха, ха, ха!—засмѣялся старикъ, у котораго уже давно разгладились морщины и перемѣнилось настроеніе, — ха, ха! Лукожуй!... Потому онъ и лукожуй, что какъ ни верти, а онъ все изъ *ихней* стаи. Отъ своей крови не уйдешь... Нѣтъ, за ними,

братъ, присматривай въ оба... Свои собаки дерутся, чужая тоже опасайся пристать.

— Что же онъ такое дѣлалъ для нихъ?

— А кто на городское положеніе тянетъ? А кто всю эту музыку-то поднималъ? Кто говорить, что безъ *нихъ* намъ и житья будто не будетъ, пропадомъ пропадемъ?... а? То - то вотъ... Нѣтъ, оно, братъ, тутъ въ оба присматривай...

— Ну, полно тебѣ расцѣпывать-то, — замѣтилъ, наконецъ, весело молодой Полянкинъ, похлопавъ любовно рукой отцовскую спину. — Тагъ намъ расцѣпывать нельзя. Зачѣмъ всѣхъ въ одну кадку валить? Ты бери то, что хорошо вездѣ; намъ нужно только свою линію вести... вотъ что!... А Петръ-то Шалаевъ изъ какихъ? Развѣ онъ не изъ нихъ? На него какія надежды? Развѣ онъ не такой же *скупецъ*, какъ и тѣ? Развѣ онъ на ваши-то кровныя издѣлія своихъ клеймъ не кладетъ? Развѣ онъ не хваталъ себѣ вашими руками *орловъ*-то? А какіе у насъ сходы? Чѣмъ они держатся? Обманомъ... Всѣ приговоры подписываются подъ страхомъ.

— Да, конечно... что Шалаевъ! Петръ-то Шалаевъ еще почище *ихъ* всѣхъ будетъ, — задумчиво произнесъ старикъ.

— Почистище еще, пожалуй, почище, — сказалъ и братъ Полянкина.

— То-то и есть. Намъ, братъ, свою линію надо не терять: хорошо — бери; плохо — не надо.

— Охъ, да, да, — вздохнулъ старикъ, — тоже, братъ, *нашу*-то линію не вотъ найдешь... Тоже, братъ, изъ насъ всякій есть: одинъ говоритъ — вотъ она, наша-то линія, другой — на другую гнетъ... О, Господи-Создатель!... Всѣ, должно, плохи... Всѣмъ, должно, передъ Господомъ отвѣчать придется.

— А ты, батька, гляди веселѣе... Не бойсь, не унывай только; всѣ мы свою линію найдемъ... Поплотнѣе намъ надо только — вотъ что... Только бы солнышко просвѣтило... А то въ себя вѣра потемнѣла — вотъ что, въ себя перестали вѣрить... Это хуже всего. А Валерьянъ Петровичъ хороший человекъ и обижать его нечего.

— Да, вѣдь, развѣ я не знаю? Только на что онъ лукожуйничаетъ?... А лукожуй, старый хрѣнь, большой лукожуй!... Ха, ха, ха!... Ну, да ладно... Бросимъ это! Будетъ! Пойдемте-ка разгуляться въ садочикъ... Эхъ, время-то хорошо стоять!... Запахи теперь у меня тамъ разные: сирень, жасминъ бѣлый...

Пойдемъ! А пушай здѣсь женскій полъ ужь на свободѣ чай пьеть... Мы, вѣдь, женскій полъ строго держимъ, по-старинному... У насъ онѣ чужаго народу стѣсняются... Этихъ модныхъ поवादѣ не имѣють... У насъ дѣвушка—вотъ у окошечка посиди, въ теремкѣ, за занавѣсочкой, да на молодежь-то, что по улицѣ ходить, только въ щелочку погляди, али вотъ въ праздникъ на раскатъ, на гору сходи съ матерью, да степенно маленечко на рѣку полюбуйся, да и домой... Мы по-старинному живемъ!

Такъ долго рассказывалъ старикъ, пока мы ходили по его «садочку» съ десяткомъ захудалыхъ и старыхъ яблонь и кустовъ, за которыми онъ, однако, съ особою любовью ухаживалъ. Въ «садочкѣ» старика Полянкина было такъ хорошо, уютно, такъ душисто; такъ мягко и густо зарослила кругомъ сочная трава, такъ весело и безмятежно глядѣло на насъ чистое лазурное небо, что мы совсѣмъ забыли, что хотѣли идти смотрѣть городъ, и провалялись на травѣ до полныхъ сумерекъ. Отложивъ осмотръ города на утро, мы ночью, вмѣстѣ съ дядей и братишками молодого Полянкина, ушли на рѣку ловить рыбу. Наша великорусская, немножко сыроватая, но мягкая и нѣжная ночь окутала насъ своими объятіями, какъ нѣжная мать, и намъ такъ хорошо было въ эти мгновенія чувствовать, какъ убаюкивала она въ насъ тревожныя дневныя заботы и думы.

III.

Представьте себѣ такую картину: кривыя, неправильныя, перепутавшіяся, какъ влѣбкозъ нитокъ, улицы, кое-гдѣ мощеныя булыжникомъ или бревнами, а чаще пыльныя и грязныя, и на нихъ странную смѣсь архитектурныхъ стилей: тутъ выпятился старинный теремъ изъ темнаго кирпича съ позеленѣвшими стеклами и высокой, поросшей травой и плѣсенью, остроконечной деревянной крышей; за нимъ спрятались два-три небольшихъ домика, новенькихъ, чистенькихъ, веселыхъ; здѣсь жеманно и, очевидно, рисуясь, выдвигается красивымъ полисадникомъ, съ вычурной разноцвѣтной рѣшеткой, съ фигурными воротами, каменный, двухъ или трехъ-этажный домъ ново-московскаго типа, со всѣми признаками современной культурности, съ богатыми драпри въ окнахъ, съ изящными антре и ярко-зеленой желѣзной кровлей съ трубами, украшенными прихотливыми колпаками; дальше, длинное, мрачное, съ влѣчками грязной, давно об-

лупившейся штукатурки, съ окнами, напоминающими старинныя бойницы, фабричное зданіе, потомъ какой-нибудь полуразрушенный плетень, охраняющій огородъ, и затѣмъ опять новенькое палаццо какого-нибудь только что оперившагося молодого богача, «тронувшего» тятенькины капиталы; торговая площадь, на которой никогда не просыхаетъ грязь, съ свободно бродящими по ней свиньями, вонючіе, скучившіеся торговые ряды съ деревянными навѣсами и потомъ опять что-нибудь въ «своемъ собственномъ скусѣ» вродѣ, наприимѣръ, хоромъ, представляющихъ собой не то масляничнй балаганъ, съ мачтами, флагами и разноцвѣтными узорами по карнизу, не то уродливый павильонъ въ русскомъ стилѣ, притащенный прямо съ выставки. Такова центральная, «богатая» часть города рабочихъ.

Было утро воскресенья, и мы имѣли удовольствіе видѣть сразу обывателей всѣхъ родовъ и типовъ: степенными группами выползали они изъ переулковъ, изъ домовъ, направляясь къ церквамъ. Густой звонъ колоколовъ, видимо, доставлявшій всѣмъ обывателямъ особое удовольствіе, блескъ солнца, бородастые и массивные священники и діаконы въ лѣтнихъ ярко-цвѣтныхъ рясахъ, и разнообразная смѣсь костюмовъ, начиная отъ широкихъ старомодныхъ цилиндровъ стариковъ, въ длиннополыхъ двубортныхъ сюртукахъ, и кончая пиджакомъ молодого прикащика съ молодой женой, тащившей сзади какіе-то изумительныя пристройки на своемъ платьѣ,—все это, вмѣстѣ взятое, производило странное впечатлѣніе какой-то удивительной кунсткамеры: на протяженіи какихъ-нибудь сотни сажень вы нѣсколько разъ переноситесь отъ современной цивилизаціи въ XVII или даже въ XVI столѣтія.

— А вотъ и *стчвая* площадь, — иронически сказалъ Поповъ, когда мы переходили не особенно большой пустырь, пыльный, изрытый ямами и едва просохшими лужами, окруженный потемнѣвшими кирпичными и деревянными старыми зданіями, занятыми трактирами и лабазами; въ одномъ изъ домовъ помѣщалось «правленіе» или мѣстная ратуша, центръ всего мѣстнаго самоуправленія.

Признаться сказать, грустное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ форумъ, и я тщетно силился представить себѣ величавую картину схода изъ двухъ тысячъ полноправныхъ гражданъ-рабочихъ: все такъ пахло кругомъ базаромъ, трактиромъ, домо-строемъ, лавкой.

— Вы разочаровались?—спросилъ меня, улыбаясь, Полянкинъ, заглядывая мнѣ въ глаза.—Признаюсь, я самъ не люблю это мѣсто или, лучше сказать, всю эту часть города... Какимъ-то извращеніемъ несетъ отъ всего, что здѣсь... Какъ будто здѣсь все силится именно извратить, опасудить, омерзить...

— Пойдемте отсюда... опять въ наши окраины. Въ Струкову теперь рано. Онъ, какъ и всякій изъ здѣшнихъ борениковъ, теперь, навѣрное, у обѣдни. Струковъ въ самые бурные моменты нашей общественной борьбы никогда не пропустилъ ни одной службы: поетъ на клиросѣ, раздуваетъ кадило и пр. И, вѣдь, нашлись наглецы, которые не задумались оговорить его въ нигилизмѣ. Одинъ губернаторъ такъ и принялъ его въ этомъ рангѣ, и даже большое поученіе на этотъ счетъ сказалъ старику.

Поднимаясь съ холма на холмъ, на которыхъ расположены былъ городъ рабочихъ, мы скоро опять вступили въ заросшія зеленью окраины, окружавшія кольцомъ центральную часть города. Но далеко не всѣ окраины производили впечатлѣніе той домовитости, которая такъ пріятно удивила меня въ усадьбѣ старика Полянкина. Все чаще и чаще бросались въ глаза несомнѣнные признаки упадка и разложенія, и именно упадка. Въ то время, какъ центральная часть города, очевидно, была на прогрессѣ, здѣсь, напротивъ, все бѣднѣло, дряхлѣло: трехэтажные домики все чаще смѣнялись лачужками, да и сами эти домики, съ ихъ садочками, скорѣе говорили о своей прежней домовитости, чѣмъ о настоящей. А вотъ и пресловутая *пятья* съ своими голыми лачугами, почти вросшими въ землю, напоминающая бѣдныя пригородныя мѣшанскія слободы съ хилыми, оборванными ребятишками у воротъ, съ хозяиномъ въ изодранной рубахѣ съ подбитыми глазами и бумажной сигареткой въ зубахъ, нечесаннымъ, грязнымъ, пьянымъ, котораго уже не привлекали ни колокола, ни концерты пѣвчихъ, ни басы дьяконовъ, ни самое *вѣче*.

— Вотъ Струковъ все о городовомъ положеніи мечтаетъ,— замѣтилъ Полянкинъ, — а мы фактически довольно давно ужъ на городовомъ положеніи состоимъ. Ну, вотъ вамъ и теремъ нашего старика, — показалъ Полянкинъ на дряхлый, древній длинный домъ, когда мы снова по кривому и узкому проулку повернули отъ окраинъ къ центру.

Мы вошли.

Чуть не въ дверяхъ насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ, съдой старичекъ съ длинной бородой, живой, съ умными, добрыми, но зоркими, быстрыми глазами, съ грутой грудью и съ характернымъ лбомъ, въ какомъ-то длинномъ старомодномъ пальто на распашку; изъ-подъ котораго видѣлась красная рубашка и широкія помочи, высоко подтянувшія сѣрые камлотовые шаравары такой необычайной ширины, что въ любую половину ихъ можно было запрятать по большому подростку.

— Милости прошу! — вскрикнулъ Валеріанъ Петровичъ самымъ гостепріимнѣйшимъ тономъ. — Ждали, ждали!...

— Какъ такъ? — изумился я.

— Да, вѣдь, слухами земля полнится... Слышалъ, что вы въ нашей округѣ гуляете... Ну, какъ же насъ проѣхать, помилуйте!... Этого никогда не бывало! Вѣдь, мы хоть и мужики, а тоже и насъ люди навѣщали... Вотъ здѣсь, въ этой комнатѣ, этого кресла никто не минулъ... Прошу и васъ не миновать его: присядьте! Вы, можетъ, скажете: ишь, расхвстался старикъ!... Ха, ха, ха!... А дѣло-то просто-съ: вчера вотъ я съ Павломъ-то Павлычемъ встрѣтился, онъ мнѣ и сообщилъ, а я его просилъ, чтобы ко мнѣ безотмѣнно... Да, батюшка, полюбилъ я образованнаго человѣка, люблю! Въ двадцать-то лѣтъ, благодаря Господа, немало я изъ нихъ хорошихъ знакомыхъ прибрѣлъ... И они меня любили... Ей-Богу, любили!

И старикъ Струковъ дѣйствительно пересчиталъ массу извѣстныхъ именъ, изъ которыхъ однихъ литераторовъ была цѣлая половина.

— Да-съ, много за двадцать лѣтъ всего видѣлъ: въ Питерѣ сколько разъ бывалъ, въ Москвѣ... Столько большого народа видѣлъ, что отъ одного воображенія голова можетъ кругомъ пойти! Ха, ха, ха!

— Все въ качествѣ народнаго ходока?

— Да-съ, все воюю... Съ самыхъ шестидесятыхъ годовъ-съ... съ тѣхъ поръ, какъ съ бариномъ изъ-за земли дѣло начали... Прыти-то мы тогда сколько набрались! Думали, что намъ и самъ чортъ не братъ!... Да! — И Валеріанъ Петровичъ съ мельчайшими и обстоятельнѣйшими деталями, увлекаясь и махая руками, цѣлыми пачками таская какіе-то справки и документы, буквально цѣлый часъ рассказывалъ свои похождения въ качествѣ ходока. Это была исторія, длившаяся около десяти лѣтъ.

Первый періодъ этой исторіи былъ всецѣло занятъ тяжбой съ помѣщикомъ изъ-за надѣльной земли и разныхъ оброчныхъ статей; но когда эта тяжба закончилась, наконецъ, мировой сдѣлкой и «ходоки», принадлежавшіе всѣ къ зажиточному классу, готовы были пожать лавры своей полезной дѣятельности, наступилъ второй періодъ этой поучительной исторіи. Дѣло въ томъ, что среди ходоковъ сказался расколъ: одни изъ нихъ «отшатнулись» и повели «другую политику», стараясь дискредитировать всю дѣятельность своихъ товарищей въ глазахъ рабочаго населенія, захвативъ власть въ свои руки.

— Ну, и что же, въ концѣ-концовъ? Какъ теперь ваши дѣла?—спросилъ я, признаться сказать, не безъ тайнаго намѣренія хотъ нѣсколько умѣрить наивную болтливость старика, тѣмъ болѣе, что вся эта исторія была мнѣ, въ общихъ чертахъ, хорошо знакома.

При моемъ нѣсколько неожиданномъ вопросѣ старикъ какъ будто растерялся. Онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, лицо его приняло, виѣсто оживленнаго, какое-то грустно-меланхолическое выраженіе. Онъ развелъ руками и тихо сказалъ:

— Плохо-съ!... Очень плохо-съ!... Не ожидалъ я, знаете, послѣ столькихъ, можно сказать, триумфовъ такъ закончить свою карьеру жизни!... Не ожидалъ-съ, признаюсь вамъ...

— Что же такъ?

— Разоренъ, ошельмованъ передъ высшими и низшими, сдѣлался жертвой недоувѣрія... И это послѣ двадцати лѣтъ!... Какъ хотите, упалъ духомъ... Нѣтъ, больше не могу... Да и невозможно-съ, невозможно!... Въ концѣ карьеры жизни сталъ не больше, какъ притчей во языцѣхъ, жертвой насмѣшекъ... зовуть сумасшедшимъ!...

— Полноте, вы преувеличиваете.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите...

— Вы потеряли вѣру...

— Нѣтъ-съ, не то что вѣру потерялъ, а обидно-съ, вотъ что!... Обидно!... Всѣ, и сверху, и снизу, кругомъ, отъ мала до велика кричатъ, что мы бунтовщики, боломуты, скупщики, что мы только о себѣ все время заботились, что, наконецъ, даже очевидное приобрѣтеніе наше для народа (хотя бы одну землю взять, которую мы выхлопотали), и то, говорятъ, только раззоръ принесло, убытокъ!.. И, вѣдь, въ газетахъ пишутъ, книги объ этомъ печатаютъ... Всѣ противъ насъ!... Нѣтъ, это

что же-съ?... Съ какимъ же утѣшеніемъ умереть?... Какой же это смыслъ въ своей жизни найдешь?... А, вѣдь, это вздоръ-съ, ложь, обида, клевета... Я не умру; пока не разъясню все это, не докажу документами, цифрами... Все объясню, всю правду-матку открою, кто насъ ошельмовалъ, какіе Іуды погубили и губять народъ... Я сто печатныхъ листовъ напишу, а ужъ разъясню!... У меня ужъ много написано, я ночей не буду спать, а всю правду выведу!... Нельзя такъ издѣваться надъ людьми!... Что они съ нами сдѣлали?.. Вѣдь, они убили миръ и согласіе въ нашемъ населеніи.

Валеріанъ Петровичъ, взволнованный и раздосадованный, бѣгалъ по комнатѣ, горячился: отрадно было смотрѣть на старика, сохранившаго такъ много неизсягаемой энергіи и жизни, не смотря на почти дѣтскую наивность его сѣтованій и упованій. Пока Валеріанъ Петровичъ говорилъ, мы и не замѣтили, какъ вошелъ тоже старичекъ, также въ длинномъ двубортномъ сюртукѣ на распахку, и тихо, ни съ кѣмъ не раскланиваясь, усѣлся въ уголѣ, меланхолически покачивая головой и улыбаясь на старика Струкова.

— Все пѣтушится!—сказалъ онъ, подмигнувъ на Струкова старушкѣ, вошедшей съ большимъ подносомъ, уставленнымъ стаканами съ чаемъ, водкой и закуской.

— Господь съ нимъ,—сказала старушка, — я ему никогда не перечила, никогда поперегъ дороги не стояла... Худаго отъ него никому не было.

— Вотъ, вотъ моя старушка правду говоритъ!—вскрикнулъ Струковъ, обнимая свою неизмѣнную спутницу въ жизни.— Вотъ она моя неизмѣнная! Что древняя княгиня: проводить князя на битву, и сидитъ себѣ въ теремѣ да Богу за него молится... А пріѣдетъ князь съ войны, она его утѣшить и успокоить, и духъ въ немъ поддержитъ!... И опять онъ бодръ!... Да, никогда отъ нея слова супротивнаго не слыжалъ... А ужъ чего-чего не претерпѣли съ ней!... А это вотъ другъ мой старинный, другъ и пріятель,—показалъ онъ на старичка.

— Такъ-то все такъ, Валеріанъ Петровичъ,—сказалъ старичекъ, — а пора бы намъ съ тобой уговориться. Право, лучше.

— Почему такъ?

— А потому смерть намъ идетъ.

— Ну, это еще когда будетъ!

— Идешь, идешь... Только вот ты не хочешь видѣть... А мертвыхъ не воскресишь...

— Полно, полно ты пустое толковать... Вѣчно у тебя этакая мрачность къ жизни проявляется!

— Пора угомониться... Потому, все это ни къ чему... Смотрю я хоть на нашу жизнь, что это? Такъ, одно представленіе идетъ. Всѣ это мы волнуемся, кипятимся, грыземся, Бога гнѣвимъ, начальство утруждаемъ, всѣ-то, всѣ, что собаки, перегрызлись... Себя губимъ, мучаемъ, народъ гибнетъ... А что это все? Одно представленіе!

— Какъ представленіе? Господь съ тобой! Серьезное общественное дѣло, общественный интересъ, жизненный интересъ важдаго. Вѣдь, мы всѣ вздоху хотимъ, вѣдь, насъ давятъ, намъ дышать не даютъ... Вѣдь, мы только и хотимъ вздоху, согласія, мира...

— Представленіе!—повторилъ старичекъ и выпилъ, обстоятельно закусивъ, безъ приглашенія рюмку водки.

— Да почему?

— Потому что все одно, всѣмъ намъ погибеть.

— Откуда? Кто такой насъ погубить?

— Фабрикантъ.

— Ну, ну!... Поди ты!...

— И я, скупщикъ, погибну, и все наше населеніе.

— Ну, пошелъ, пошелъ!... Десять тысячъ народу погибнетъ!

— Погибнетъ! Развѣ не видишь? Малый ребенокъ, что ли? Вотъ за тридцать верстъ отъ насъ какая фабрика завелась?... а? На тысячу человекъ, и всѣ рабочіе новые, деревенскіе, свои... Въ нашемъ рабочемъ даже не нуждаются... Еще такая фабрика и вотъ конецъ и мнѣ, и тебѣ съ городовымъ положеніемъ, и Петру Шалаеву съ его политикой, и всѣмъ этимъ кустарямъ, всѣмъ одна разцѣпка будетъ: ни дна, ни покрышки...

— Ну, ну!... Ха-ха-ха! Экъ хватилъ: десять тысячъ народу погибнетъ! Да что у насъ, Садомъ-Гоморрь, что ли? Отчего это намъ погибнуть?

— Садомъ-Гоморрь и есть,—упорствовалъ старичекъ,—потому мы рабы... рабы вотъ этой самой вещи, вотъ этого замка... Потому ни я, скупщикъ, ни кустарь безъ этого замка или ножа ничего не стоимъ, ломаного гроша!... Замокъ—тутъ намъ и жизнь, и смерть... Безъ замка намъ вздоху нѣтъ, изъ-

за замка мы грыземся, лаемся, Бога забываемъ, другъ друга предаемъ... Потому, кромѣ замка, ни въ чемъ мы жизни не находимъ... Тутъ намъ и погибель!... Ты думаешь, вотъ теперь насъ, скупщиковъ, травятъ почему? Да потому, что мы ужь измору предназначены, все одно. Бабы въ насъ будущая-то сила видѣлась, такъ, ты думаешь, насъ дозволили бы травить?

— Ну-у, оставь, оставь, сдѣлай милость! Вѣдь, вотъ, братецъ, всегда ты эту меланхолю заведешь... Онъ у насъ умница, министръ, самъ изъ кустарей вышелъ, только вы ему не вѣрьте, — уговаривалъ насъ Валеріанъ Петровичъ, — это одна меланхолия!... Вы дайте намъ только вздоху, дайте намъ городское положеніе и тогда посмотрите, какъ мы процвѣтемъ!... Вотъ у насъ денегъ сколько! Съ одной земли, съ аренды, мы получаемъ тридцать тысячъ въ годъ (а говорятъ: мы хлопотами объ землѣ убытокъ только принесли!). Посмотрите, мы училищъ настроимъ, техническихъ заведеній!... Даже театръ откроемъ-съ... Слава Богу; у насъ народъ есть!... Посмотрите, какіе у насъ есть мастера-самоучки!... Таланты, гени-съ, гениш, прямо сказать! А теперь у богатаго класса сколько сынковъ въ университетахъ? Все будутъ свои медики, адвокаты!... Да, намъ такое будущее рисуется, что иной разъ раздумаешься, такъ духъ захватываетъ... И мы еще послужили бы! Такъ ли?... Намъ бы только вздоху... А эта меланхолия у него все отъ обиды... Другой разъ и на меня этакъ какъ бы отчаяніе находить... Хе-хе-хе!... Мы со старухой противъ отчаянія крѣпки!... Къ чему вся эта рознь? Всю рознь злостные враги отечества распространяють и питають! А мы всѣ отечество любимъ одинаково, законы уважаемъ, основы религіозныя блюдемъ, народъ любимъ и жалѣемъ и всячески всѣ готовы ему помочь... Всѣ мы только одного мира и согласія желаемъ! Такъ ли?

— Такъ, конечно, — подакивали мы охотно старику.

Долго еще мечталъ Валеріанъ Петровичъ о будущемъ блестящемъ процвѣтаніи своей родины; цѣлая масса проектовъ, стремившихся къ установленію мира и согласія между всѣми гражданами, такъ и сыпалась имъ: тутъ былъ проектъ и новыхъ началъ городского самоуправления, и городского банка, который бы снабжалъ богатыхъ кредитомъ, чтобы они могли безостановочно и безобидно, не обижая и не утѣсняя, брать отъ рабочаго народа издѣлія, и много другихъ подобныхъ.

Вообще онъ окончательно стряхнулъ съ себя всякое уныніе,

ожилъ, и только его пріятель все меланхолически качалъ головой.

Наконецъ, мы распростились съ старикомъ.

— Похлопочите за насъ гдѣ можно, похлопочите, — сказалъ онъ мнѣ, прощаясь. — Вѣдь, десять тысячъ рабочаго населенія, хорошихъ, добрыхъ, трудящихся людей — не шутка! Нельзя же, господа, такъ, отдавать на поруганіе... Пишите, говорите, и, Богъ дастъ, все устроится къ лучшему! Такъ ли?

— Такъ, такъ... Вотъ это прежде всего! — сказалъ молодой Полянкинъ. — Вѣра, Валеріанъ Петровичъ, вѣра въ людей прежде всего!

— Да, да!

— Пропала у насъ вѣра въ человѣческое сознаніе, вотъ въ чемъ дѣло! говорилъ Полянкинъ. — Все отъ этого...

— Да, да! — подтверждалъ Струковъ, но онъ, повидимому, или не ясно понималъ, что говорилъ Полянкинъ, или же плохо довѣрялъ этому «человѣческому сознанію».

— Да, потеряли вѣру въ человѣческое сознаніе, — повторилъ Полянкинъ, когда мы ушли отъ старика. — Мы во все вѣримъ: вѣримъ въ силу закона, въ силу городского положенія, въ силу рынка, фабриканта, въ силу исправника, адвоката, прокурора и никогда, никогда въ силу обыкновеннаго, простаго человѣческаго сознанія.

— Да какъ же ты въ него повѣришь, послѣ всего, что видишь? — спросилъ раздраженно Поповъ. — Это изумительно!...

— Ну, мы съ тобой въ этомъ никогда не сойдемся...

IV.

Пріятели продолжали, по обыкновенію, пререкаться, когда мы вышли на другую часть окраины и остановились у старенькаго двухъ-оконнаго домика съ полисадникомъ. Это былъ домъ кустика Ножовкина, одного изъ тѣхъ самоучекъ-геніевъ мѣстнаго мастерства, о которыхъ говорилъ Струковъ. На дворикѣ насъ встрѣтила цѣлая куча ребятишекъ самаго малаго калибра, а въ дверяхъ «передней» еще не старая, худая женщина, съ ребенкомъ на рукахъ, тотчасъ же сконфузившаяся и растерявшаяся.

— Что, дома вашъ-то супругъ? — спросилъ Полянкинъ; здороваясь съ хозяйкой.

— Дома, работаетъ, въ заднюю проходите.

— Въ праздникъ-то работаетъ?

— Онъ ужь всегда такой у насъ... прилежный къ своему дѣлу... Развѣ вы не знаете?

— Какъ не знать!

Мы прошли въ заднюю, занятую мастерской. Здѣсь, за станкомъ, въ рубашкѣ, засунутой по-городскому въ брюки, съ засученными рукавами, въ фартукѣ, работалъ человекъ чрезвычайно высокаго роста, рыжий, бритый и совершенно худой, съ ввалившейся грудью, сутуловатый, въ очкахъ, съ костистыми скулами на худомъ, темномъ отъ желѣзной пыли лицѣ. Это и былъ Ножовкинъ, хмурый, солидный и мало разговорчивый, но, видимо, натура выдержанная и стойкая. Въ особенности объ этомъ говорили его костлявые, худые, но твердые, цѣпкія руки.

— А! Перепелочка! и ты здѣсь? — крикнулъ весело Полянкинъ, здороваясь съ сидѣвшимъ сбоку станка около Ножовкина его постояннымъ другомъ, тоже кустаремъ. Бѣлокурый, коренастый, средняго роста, въ узкомъ и короткомъ пиджакѣ, въ карманы котораго онъ постоянно силился затиснуть свои толстыя руки, и веселымъ, постоянно-добродушнымъ лицомъ, Перепелочка или, вѣрнѣе, Иванъ Ивановичъ Перепелочкинъ, холостякъ, жившій только съ старушкой-дѣвицей сестрой да съ сиротами отъ брата, былъ, очевидно, натурой совсѣмъ другаго съ Ножовкинымъ разбора. Кромѣ нихъ, въ мастерской была еще личность, въ черномъ сюртукѣ, средняго роста, лѣтъ тридцати; это, какъ оказалось, былъ хозяинъ небольшой канатной фабрики, оставшейся ему отъ отца (такихъ разнообразныхъ маленькихъ фабричекъ въ «городѣ рабочихъ» есть нѣсколько по различнымъ отраслямъ).

— Что это вы, Прохоръ Прохорычъ? Пора вамъ бросить эту повадку... въ праздникъ работать. Вѣдь, другимъ глаза мозолятъ, а, вѣдь, ужь все вы, кажется, и то немало работаете, — сказалъ Ножовкину Полянкинъ.

— Да что дѣлать? Нечего дѣлать. По трактирамъ я не хожу... Читать, да все перечиталъ, что было, а бесѣдовать и такъ можно... Думаемъ опять газетину выписать, да вотъ фабрикантъ у меня скупится... А одному мнѣ не осилить...

— Надо въ складчину, Прохоръ Прохорычъ, иначе, ей-Богу, не могу... Вдвоемъ намъ не осилить. Надо человекочковъ пятокъ...

— Найдешь у насъ пятокъ, держи карманъ!

— А я, ей-Богу, не могу! Что дѣлать?—говорилъ фабрикантъ, весь покраснѣвшій, какъ маковъ цвѣтъ.

— А еще фабрикантъ, — какъ-то тяжеловѣсно шутилъ Ножовкинъ.

— Какой я фабрикантъ!... Что вы?.. Только слава!

— Такой фабрикантъ—умора!—смѣялся Перепелочкинъ, качаясь изъ стороны въ сторону всѣмъ туловищемъ.—Ну-ка, покажи ручки-то свои!

Фабрикантикъ вспыхнулъ и тотчасъ же спряталъ руки, но и успѣлъ замѣтить, что пальцы у него на обѣихъ рукахъ были сведены и покрыты какими-то наростами. Оказалось, что онъ, въ юности, виѣсть съ отцомъ, самъ вилъ веревки.

Пріятели еще долго продолжали шутить, пока, наконецъ, не подошли къ интересовавшему меня дѣлу. Ножовкинъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ большой кустарной артели, основанной здѣсь около десяти лѣтъ назадъ при содѣйствіи петербургскихъ интеллигентныхъ и вліятельныхъ лицъ. По идеѣ, это было прекрасное и грандіозное предпріятіе, долженствовавшее связать въ одну плотную, дружную организацію всѣхъ мѣстныхъ кустарей-рабочихъ устройствомъ самостоятельныхъ складовъ для сбыта издѣлій, минуя посредство скупщиковъ. Говорятъ, это было самое оживленное время для города рабочихъ. Большинство населенія, не говоря уже о лицахъ, такъ искренно и беззавѣтно преданныхъ дѣлу артели, какъ Ножовкинъ, жило самымъ радужнымъ ожиданіемъ; они были увѣрены въ громадной экономической выгодѣ для кустарей отъ такого предпріятія; въ главныхъ центрахъ Россіи были устроены артелью собственные склады, по стогнамъ и весямъ ходили всюду свои, артельные, ходебщики; выхлопотано было на операціи по первому обороту субсидіи. Но дѣло, по прошествіи нѣсколькихъ, очень немногихъ лѣтъ, стало быстро чахнуть и еще быстрѣе угасло совсѣмъ, оставивъ послѣ себя какой-то чадъ и угаръ, надолго отуманившій головы и набросившій подозрѣніе на самую сущность испорченного дѣла. Тѣмъ интереснѣе было узнать мнѣніе обо всемъ этомъ дѣлѣ такого человѣка, какъ Ножовкинъ.

Но когда только что заговорили объ артели, какъ Ножовкинъ насунился, замолчалъ и, отвернувшись къ станку, сталъ работать. За то, вмѣсто него, тотчасъ же близко принялъ къ сердцу это дѣло Перепелочкинъ.

— Вотъ дѣло было!.. Ахъ!.. Малина дѣло—одно слово!..

То-есть такое дѣло, что, кажись, нашему благополучію и конца краю видать не было!.. Только бы, братецъ, тогда живи себѣ да поживай по-Божьи, честно, благородно.

— А вотъ не пошло,—замѣтилъ Поповъ,—не пошла машина-то, не принялась.

— Не пошла, вѣрно, не принялась, братецъ! Вотъ тѣ и поди... И Богъ е знаетъ, отчего! А ужь такое дѣло!.. Провсвѣтъ, кажись, на всю жизнь увидали.

— Не учась, ничего не сдѣлаешь,—проговорилъ Поповъ,—и вѣрно говорятъ, что все лопнуло отъ неумѣнія, отъ лѣности, что народъ привыкъ только работать на другихъ, что онъ не можетъ вести свое дѣло, не можетъ поддержать настоящей контроль, нѣтъ ни выдержки, ни стойкости... Оказывается, что для народа скупщикъ необходимъ, что онъ безъ него двинуться не можетъ, пропадетъ... потому что скупщикъ—естественный, бывалый, знающій посредникъ между кустаремъ и рынкомъ.

— Кто это говорить?—отрывочно спросилъ Ножовкинъ.

— Говоритъ Струковъ, говорятъ другіе...

— Струковъ! Миндальничаетъ онъ, Струковъ-то вашъ... Пора бы ему бросить конфетничать-то... Или еще все ему мало науки-то, все неймется? Пора бы глаза-то продрать на міръ Божій...

— Однако, вотъ артели-то нѣтъ,—замѣтилъ Поповъ,—горячитесь не горячитесь.

— Нѣ-ѣтъ! Конечно, нѣтъ, когда лучший народъ раскидаютъ: одного сюда, другаго туда... Конечно, нѣтъ! Вѣдь, живые люди... нынче одного выдернуть, завтра другаго... Жизнь проще, чѣмъ вы думаете... Тутъ разгадка простая.

— Это такъ, Прохоръ Прохорычъ; только вотъ я—посторонній человекъ, а видѣлъ у васъ недостаточки съ перваго же разу,—замѣтилъ фабрикантикъ.

— Ну-у?—крикнулъ на него Ножовкинъ.

Фабрикантъ сконфузился и замолчалъ.

— Ну, какіе же? Говори, что-жь ты замолчалъ?

— Да нѣтъ, вѣдь, я, можетъ быть, ошибаюсь. Я не хочу выдавать свое мнѣніе за вѣрное.

— А ты говори, коли началъ.

— Я такъ думаю оттого, что ужь въ самомъ началѣ въ народѣ вѣры не было.

— Какой еще вѣры? Развѣ не для всѣхъ выгода видимая

была? Что нашъ народъ-то, въ самомъ дѣлѣ, безъ мозговъ, что ли, родится, чтобы своей выгоды не понимать? Что вы со Струковымъ-то совсѣмъ съ ума спятили? Опекуновъ все хотите къ намъ приставить? Мало ихъ еще было!... Плохо опекаютъ?... Ишь ты, народъ самъ ложку мимо рта будетъ проносить!... Юродивенькій!... Выгоды, вишь, своей не пойметъ!

Ножовкинъ горячился.

— Это такъ, Прохоръ Прохорычъ,—несмѣло и краснѣя говорилъ фабрикантъ,—а только что... какъ вамъ сказать?... тутъ что-то есть...

— Есть, есть что-то, Прохоръ, и я скажу: есть,—замѣтилъ Перепелочка.—Кабы не было, ну, какъ бы такому важному дѣлу пропасть?

— Такъ говорите, что есть-то,—крикнулъ опять сердито Ножовкинъ.

— А вотъ... Эта самая, можетъ, выгода-то,—заклочилъ фабрикантъ,—все выгода, да выгода... Только одна выгода... Ну, всякій и мыслить только о томъ, гдѣ выгоднѣе.

— Ну?

— Ну, вотъ, развѣ у васъ не сначала же дѣло такъ выходило, что пока у васъ дѣла при деньгахъ шли хорошо—къ вамъ шли, а тутъ какъ на мѣсяцъ позамялось, глянь, анъ вашъ артельщикъ же половину товара потихоньку и сперъ скупщицу; потому у васъ еще жди, а онъ тутъ же на дюжину пятачекъ накиннулъ... Что-жь, такъ и разсуждаетъ: выгоднѣе!

— Ну?

— Ну, вотъ тутъ и все: коли во всемъ только выгода, такъ того ужъ и смотреть.

— Мало ли мошенниковъ есть на свѣтѣ!

— Да нѣтъ, при чемъ мошенники? Мошенники — это особая статья... А тутъ такъ, простой человекъ такъ мыслилъ...

— Вѣрно, вѣрно, Проша, Бога люди не видали при дѣлѣ,—сказалъ Перепелочкинъ.

— Еще бы Бога увидеть, когда всѣхъ хорошихъ людей рассовали, а мошенниковъ наставили! Они и разграбили все до чиста! А тутъ, братъ, особой какой выгоды понимать нечего. Она у всѣхъ на виду... Намъ нужно взять рынокъ въ руки, чтобы не быть въ кабалѣ... Безъ этого намъ смерть... Что тутъ понимать? Какія хитрости? Ъсть умѣетъ всякій!

— Такъ-то такъ, а вотъ возьми его, рынокъ-то, — говорилъ Поповъ.

Ножовкинъ заворчалъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, окруженный рогатинами, и началъ сверлить, тяжело и, видимо, въ сильномъ раздраженіи сопя носомъ.

— Вотъ что, Прохоръ Прохорычъ, — и мнѣ кажется, что Перепелочка правъ, — замѣтилъ Полянкинъ. — Именно, въ дѣлѣ народъ Бога не видѣлъ, т.-е.; по моему, это значить, что все дѣло было поставлено на одну узкую, экономическую почву... Что оно не захватывало, такъ сказать, всю личность, цѣликомъ, гармонически, не отвѣчало во всей совокупности... Такъ ли?

— Такъ, такъ, вѣрно: Бога не было при дѣлѣ! — твердилъ Перепелочка, понявшій изъ словъ Полянкина, кажется, только одно, что онъ всталъ на его сторону.

— Мнѣ кажется, что именно въ дѣлѣ выдвигалась впередъ исключительно выгода, экономическій расчетъ лежалъ главной основой... Такъ ли? Всѣ прочія стремленія, условія и проч. не связывались въ одну простую, ясную и понятную для всѣхъ систему... Такъ ли?

— Такъ! такъ! — кричалъ Перепелочка. — Вѣрно!... Вѣры въ дѣлѣ мало было спервоначала ужъ, потому всякій и раньше говорилъ: гдѣ намъ торговать, развѣ намъ въ этомъ дѣлѣ за скупщикомъ угоняться? Тутъ, братъ, тоже качества-то эти въ себѣ надо произвести!

— Рынокъ бы намъ — все, — продолжалъ упорно ворчать Ножовкинъ, — безъ рынка намъ смерть.

— А вотъ возьми поди его, рынокъ-то! — мѣфистофельствовалъ Поповъ.

— Кабы тѣ, что о любви къ народу расписывали, въ самомъ дѣлѣ хотѣли дѣло дѣлать, небойсь сдѣлали бы... А то одной рукой посуловъ насулять, а другой раздѣлывать начнутъ, — уже совсѣмъ сердито проговорилъ Ножовкинъ.

Между пріятелями разговоръ велся еще долго, но какъ поправить дѣло и чѣмъ, такъ и не могли придти къ соглашенію. Въ концѣ-концовъ, оказывалось, что жизнь — дѣло не такое простое, какъ многимъ думалось. Мало выяснились и основныя причины, погубившія дѣло артели, хотя, конечно, Ножовкинъ былъ правъ, что въ этомъ дѣлѣ большую роль играли интриги богатей-скупщиковъ и прямое насиліе сельскихъ воротилъ.

— Ну, видѣли, каковы у насъ дѣла-то? Красивы?—спросилъ меня Поповъ, когда мы шли отъ Ножовкина.

— Да, дѣла не хороши.

— Что дѣла! Дѣла—дѣло поправимое... А люди-то какіе у насъ есть, люди-то? Развѣ плохи? — перебилъ молодой Полянкинъ, заглядывая мнѣ въ лицо.

— Да, люди хороши.

И мы невольно всѣ улыбулись на этотъ совершенно неожиданно сказавшійся грустный каламбуръ.

У.

Признаться сказать, въ концѣ нашего путешествія я начиналъ чувствовать себя все болѣе и болѣе удрученнымъ. Это однообразіе и какая-то жуткость «общественнаго интереса» просто подавляли собой. Какъ-никакъ, всѣ видѣнные мною личности, за исключеніемъ старика Полянкина, были, что называется, уже «тронутыя рефлексіей», слишкомъ съ опредѣлившимися взглядами на ложныя житейскія отношенія, — взглядами, кромѣ того, въ значительной степени уже невольно заимствованными изъ другой среды. Ножовкинъ еще мальчикомъ былъ отданъ въ Москву и воротился къ себѣ домой только послѣ смерти отца; онъ былъ хотя и самоучка, но не только грамотенъ, а по своему и образованъ, благодаря своимъ московскимъ знакомствамъ. Самъ Струковъ, въ теченіе своей долгой карьеры народнаго ходока, такъ часто вступалъ въ сношенія съ людьми другой среды и, притомъ, такъ упорно, настойчиво вращался въ исключительной сферѣ юридическихъ вопросовъ, что все это, конечно, наложило на него сильно свою печать. Притомъ, это все были личности исключительныя, болѣе или менѣе, такъ сказать, «умственные аристократы». Мнѣ хотѣлось уйти куда-нибудь отъ всѣхъ этихъ напряженныхъ вопросовъ къ самымъ простымъ, обыкновеннымъ людямъ, обыкновеннымъ житейскимъ отношеніямъ, тѣмъ болѣе, что «умная» бесѣда умныхъ людей только поставила для меня цѣлую бездну удручающихъ вопросовъ, которую, однако, ни я, ни они не могли разъяснить удовлетворительнымъ образомъ, или, по крайней мѣрѣ, придти на ихъ счетъ къ соглашенію: всѣ они были несомнѣнно правы и, въ то же время, у каждаго изъ нихъ чего-то не хватало.

Я выбралъ, наконецъ, удобную минутку, чтобы ускользнуть

отъ своихъ спутниковъ, этихъ «вѣчныхъ спорщиковъ» и вѣчно жѣ, однако, неразлучныхъ. Я спустился съ крутизны береговой горы къ рѣкѣ и здѣсь сѣлъ на одномъ изъ безчисленныхъ плотовъ, тянувшихся вдоль берега.

Здѣсь, въ виду игрившей яркими солнечными лучами и млѣвшей въ истомѣ спокойной рѣки, я почувствовалъ, какъ меня что-то сразу высвободило изъ какой-то узкой, удручающей кѣтки на просторъ, гдѣ такъ свободно стало дышаться. На плотахъ тамъ и здѣсь стояли и сидѣли дѣвочки и мальчики различныхъ возрастовъ, всѣ съ величайшимъ удовольствіемъ и вниманіемъ занятые рыбной ловлей.

Я подсѣлъ къ одной такой группѣ изъ троихъ подростковъ, изъ которыхъ старшему было уже лѣтъ пятнадцать, но всѣ они были низкорослы, худы, съ зеленовато-землянистыми лицами, съ которыхъ, казалось, никогда не сходила желѣзная и наждаковая пыль.

— Хорошо ловится?—спросилъ я.

— Да, у насъ хорошо ловится... Только теперъ вотъ, къ полудню, хуже.

— Вы, что же, по воскресеньямъ только и ловите рыбу?

— Да. Больше нечего дѣлать.

— А гулянья у васъ бываютъ?

— Нѣтъ, у насъ гулянья нѣтъ... Порой вотъ развѣ въ орлянку соберутся.

— А хороводовъ нѣтъ? И посидѣлокъ?

— Нѣтъ. У насъ этихъ заведеньевъ нѣтъ,—улыбнулся парень,—у насъ насчетъ этого строго, не то, что въ деревняхъ... Такъ, вотъ, порой, пройдутъ стайей по заулкамъ—и все.

— Вѣдь, эдакъ скучно...

— Скучно.

— А читали вы книги какія-нибудь?

— Нѣтъ, у насъ книгъ брать негдѣ. У насъ это не въ заведеньи. У купцовъ развѣ есть, да кое у кого изъ мастеровъ... А у насъ книгъ нѣтъ, да и грамотныхъ мало... Неколи... Вотъ развѣ пѣвчихъ когда послушать сходишь въ церковь.

— А на сходкахъ вы не бываете?

— Нѣтъ. Что намъ! Это большаки ходятъ.

— А вотъ артель была у васъ... Знаешь ты?

— Слышалъ.

— Что же ты слышалъ?

— Слышалъ, говорили, что будто товаръ будемъ въ склады сдавать.

— Что-жь, это лучше?

— Говорили, лучше... Не знаемъ...

— А теперь ее нѣтъ?

— Должно, нѣтъ.

— Да, вѣдь, ты ужь взрослый. Тебѣ нужно бы знать.

Мальчикъ молчалъ.

— А вы много работаете?

— Много. Встаемъ съ огнемъ и ложимся съ огнемъ.

— Кто же васъ такъ много заставлялъ работать? Вѣдь, вы не на фабрикѣ.

Мальчикъ улыбнулся.

— Отцы, матери.

— А имъ что за охота? Вѣдь, они же на своей волѣ живутъ?

— Мы мастера, — отвѣтилъ мальчикъ посмѣяше. — Развѣ не знаешь павловскихъ замошниковъ? Это вотъ замошникъ, а это — ножовщикъ, это вотъ — личильщикъ.

Мальчики засмѣялись.

Этотъ отвѣтъ имъ очень, видимо, понравился: какъ будто вдругъ онъ имъ что-то открылъ совершенно новое. Имъ забавно было то, что всѣ они, конечно, знали, что одинъ изъ нихъ — личильщикъ, другой — замочникъ, а, между тѣмъ, какъ будто только теперь объ этомъ узнали, то-есть узнали собственно въ чемъ ихъ право на жизнь. Вѣдь, объ этомъ они раньше никогда не думали. А это вдругъ такъ оказалось просто.

— Ты, должно, не здѣшній?

— Нѣтъ.

— То-то! — счелъ уже своимъ долгомъ одинъ даже какъ будто упрекнуть меня въ этомъ незнаніи.

Я видѣлъ много крестьянскихъ дѣтей, и нигдѣ и никогда не поражали они меня такой оторванностью отъ жизни, по крайней мѣрѣ, отъ обружающей ихъ жизни, какъ здѣсь. Въ деревнѣ какъ-никакъ ребенокъ стоитъ всегда въ центрѣ своей жизни, и когда онъ входитъ въ нее взрослымъ членомъ, ему уже извѣстны всѣ уставы, весь смыслъ, все содержаніе этой жизни, вся сумма взаимныхъ отношеній между членами. А здѣсь? О, какъ далеки, недосыгаемо далеки отъ этой живой жизни показались мнѣ наши

«мучительные» и «проклятые вопросы», наши мудреные интересы и разговоры, такъ терзавшіе насъ своею неразрѣшимостью! Какъ недостижимо далеки отъ этихъ окружающихъ меня юныхъ жизней даже такіе «свойскіе мудрецы», каковы Струковъ и Ножовкинъ, даже молодой Полянкинъ! Да не потому ли и терзаемся мы безвыходностью рѣшенія этихъ проклятыхъ вопросовъ, что живемъ и мучаемся гдѣ-то тамъ, въ сторонѣ отъ живой жизни, на верху ея, и оттуда думаемъ снизвести благодать, а не прямо, непосредственно вызвать ее изъ этой живой жизни?

— Хотите я съ вами буду говорить о небѣ, о землѣ, о людяхъ,—сказалъ я моимъ собесѣдникамъ.

Нужно было вообразить странное изумленіе и даже испугъ, недоумѣніе, какое выразилось на ихъ лицахъ.

Потомъ они всѣ переглянулись и засмѣялись.

— Вамъ говорилъ кто-нибудь объ этомъ?

— Нѣтъ.

— А отцы?

— И отцы не говорятъ... Когда имъ!

— Ну, давайте я вамъ буду рассказывать.

И всѣ опять остановили на мнѣ широко-открытые глаза, изумленные, и улыбались (такъ это имъ казалось дико!), и я улыбался, потому что и мнѣ казалось это такъ непривычнымъ, дикимъ, нелѣпнымъ... Какъ это вдругъ взять и начать говорить съ дѣтьми, *такъ*, безъ школы, безъ учебника, не будучи «призваннымъ», педагогомъ, учителемъ? И что я могу имъ сказать? И имѣю ли право повѣрять имъ «великія истины», которыя такъ мудрены, что сами мы добрались до нихъ путемъ невѣроятныхъ мытарствъ, да и то еще не сойдемся ни на одной безусловно? Все это мелькнуло у меня въ головѣ. Но я утѣшилъ себя, что, вѣдь, «это не больше, какъ шутка; нельзя же придавать этому какого-нибудь серьезнаго значенія!» И, конечно, это оказалось не больше, какъ шуткой. Сталъ было я говорить, но у меня путался языкъ, я не умѣлъ прискаты выраженія; для выраженія самой простой мысли не оказалось въ нашемъ лексиконѣ такихъ же простыхъ словъ; варварская терминологія исключала почти всякое общеніе человѣка съ человѣкомъ. А помимо всего, *стало скучно*. Что изъ того, что въ двѣ-три ребячьи головы я заброшу какую-нибудь мысль, шевельну воображеніе? Вѣдь, это такіе пустяки, какъ лишняя капля, упавшая въ море. Но такъ ли это? Не потому ли и трудно рѣшаются сложные во-

просы человѣческой жизни, что эти рѣшенія односторонни, что они никогда не брали всю человѣческую личность цѣликомъ, не оставляя безъ одинаковаго вниманія ни одного малѣйшаго ея стремленія и желанія, не отвѣчали всей человѣческой душѣ разомъ, гармонически? Но какъ это сдѣлать?—спросить.

«Надо думать, надо искать средствъ, но не предрѣшать впередъ, что это невозможно»,—припомнились мнѣ слова молодого Полянкина; мнѣ думалось, что онъ близокъ къ истинѣ уже потому, что близокъ къ самой жизни.

Я продолжалъ еще «шутить» съ дѣтьми, рассказывая имъ первое, что попадало на языкъ, когда я замѣтилъ, что за нами давно уже внимательно слѣдилъ какой-то мастеровой, въ старенькомъ камлотовомъ кафтанѣ и фуражкѣ, сидя на корточкахъ на самомъ краю плота и низко опустивъ голову къ колѣнамъ. Онъ, казалось, не подавая вида, напряженно слушалъ насъ однимъ ухомъ. Когда онъ замѣтилъ, что я пристально наблюдаю за нимъ, онъ поднялся и робко, тихо подошелъ ко мнѣ, молча снялъ фуражку и улыбнулся. Это былъ худой, съ маленькимъ, морщинистымъ, безбородымъ лицомъ рабочій, лѣтъ тридцати.

— Ребятки-то повеселѣли, — сказалъ онъ мнѣ, показывая играющими глазами на дѣтей,—славно!.. Хорошо!.. Такъ душа-то у нихъ и заиграла...

Я тоже улыбнулся на его наивное довольство.

— Вы не здѣшній, должно?

— Нѣтъ, не здѣшній.

— Славно! Хорошо!—опять какъ-то умиляясь, протянулъ онъ и плавно замахалъ руками, какъ крыльями,—а, вѣдь, всего только такъ... словечко... одно словечко... отъ сердца глубины... А вонъ ужъ онъ и окрылѣлъ!

— А вы... тоже не здѣшній?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Я верстъ за 30 отсюда, съ фабрики...

— По той же части?

— По той же, ножовщики.

— Что же, у васъ лучше на фабрикѣ, чѣмъ здѣсь?

— У насъ, можетъ, получше кому ни то, потому мы еще при землѣ... Жены съ ребятишками при землѣ, а мы на фабрикѣ... Ну, все же хозяйство...

— И у тебя есть хозяйство?

— Есть. Мы четверо живемъ... вмѣстѣ.

— Братья?

— Да, братья... Только не родные.

— Всѣ?

— Всѣ.

— И всѣ женаты?

— Всѣ, и дѣти у всѣхъ.

— И сообща все ведете?

— Все сообща... Мы мирно.

— Какъ же это вы такъ сошлись?

— Сошлись-то?—переспросилъ онъ, какъ-то странно блуждая глазами, какъ будто всѣ эти мои вопросы очень мало интересовали его, а мысль его была поглощена чѣмъ-то другимъ.

— Какъ же вы сошлись?—повторилъ я опять.

— Сошлись-то? А просто... Вотъ также... Я былъ старшій ихъ всѣхъ... Бывало, вотъ эдакъ же... слово... отъ сердца глубины... Съ тѣмъ; съ другимъ... Вдумчивъ я въ жизнь-то былъ... съ измладости... Люблю... Ну, и они меня полюбили... Такъ и живемъ... Такъ, сами по себѣ сжились...

Онъ помолчалъ.

— А люблю много такихъ-то! Сколь много!

Онъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Что же имъ мѣшаетъ всѣмъ такъ же соединиться, сжиться?

Онъ посмотрѣлъ на меня долго; внимательно, потомъ задумчиво сказалъ:

— Отъ страха.

— Передъ чѣмъ же?

— Отъ жисти запужаны... А напрасно... Только бы... одно слово... отъ сердца глубины... всѣмъ бы... И окрылѣють!.. И... Хорошо! Славно!

И онъ опять замахалъ плавно руками. Но вдругъ глаза у него замигали чаще и чаще, сверкнули въ нихъ слезы. Онъ какъ-то стыдливо улыбнулся, сконфузился и, натянувъ на лицо разорванный козырекъ фуражки, быстро зашагалъ отъ насъ, но не къ берегу, а по плотамъ, перепрыгивая отъ одного на другой и все ускоряя шаги, какъ будто боялся, что мы пустимся за нимъ въ догонку. Я не могъ оторвать отъ него глазъ, пока, наконецъ, онъ не присѣлъ опять, на самомъ дальнемъ отъ насъ плоту, около такой же бочки юныхъ рыболововъ. Появленіе этого страннаго человѣка, такъ совпавшее съ моими размышленіями, до такой степени было неожиданно и поразительно, что образъ его навсегда запечатлѣлся въ моей па-

мати. Болѣе чѣмъ когда-нибудь мнѣ хотѣлось остаться съ глазу на глазъ и поговорить «отъ сердца глубины» съ самыми простыми, невидными людьми.

VI.

Я пошелъ къ старику Полянкину въ надеждѣ застать его одного дома. Мнѣ такъ хотѣлось послушать попросту этого самаго обыкновеннаго старожилаго кустаря. Дѣйствительно, мои молодые спутники еще не приходили; но у Полянкина я засталъ гостя, который, впрочемъ, при моемъ приходѣ тотчасъ же всталъ изъ-за стола, съ самоваромъ и закуской, и сталъ молиться.

— Такъ прощай, Павелъ Миронъчъ, спасибо на угощеньи, — говорилъ онъ. — Такъ, значить, не сдашь мнѣ?

— Нѣтъ, не располагаю, — отвѣчалъ старикъ Полянкинъ, мотая головой.

— Не располагаешь? Напрасно. Я было зашелъ такъ, по-сусѣдски... Думаю, можетъ, сдать. Мнѣ бы къ партіи, видишь: своихъ у меня дюжинъ съ пятокъ набралось за недѣлю, да со стороны, вотъ у Криваго прихватилъ, такъ думалъ, что вотъ и у тебя возьму; такъ бы всю партію, за одно мнѣ...

— Нѣтъ, я ужъ на старое мѣсто... что будетъ!

— Ты къ Петрухину сдаешь? Да, вѣдь, не дастъ того... Вотъ увидишь... У нихъ теперь всѣ владовыя завалены; знаешь, теперь этотъ разборъ не въ ходу... Смотри, не при чемъ останешься... А мнѣ бы оно такъ ужъ, къ партіи... Я бы ее попридержалъ при себѣ съ мѣсяцъ.

— Нѣтъ ужъ, спасибо... Не располагаю.

— Ну, какъ хочешь. Я только что по-сусѣдски, думаю...

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Ну, спасибо на угощеньи... А это гость у тебя, что ли? — спросилъ гость, указывая глазами на меня.

— Да.

— Изъ какихъ же?

— Это съ сыномъ...

— Али пришелъ Павелъ-то?

— Пришелъ.

— Такъ съ нимъ?... Гм...

Гость пытливо обвелъ меня глазами и вышелъ.

— Это прїятель у васъ былъ, Павелъ Миронычъ?—спросилъ я.

— Какой прїятель! Такъ, изъ своихъ, сосѣдъ.

— А мнѣ показалось, дружны вы.

— Нонѣ со всякимъ будешь друженъ; еще со врагомъ-то повадливѣе ведешь себя, чѣмъ съ прїятеlemъ... Нонѣ бѣда...

— Онъ кто же, кустарь, какъ и вы?

— Мастеръ, какъ и мы! Только что у него заведенъице пространнѣе... Теперь ужъ человекъ десятка на полтора распро-
странился.

— Вотъ какъ!

— У насъ, вѣдь, теперь много такихъ: у кого на пять человекъ, на десять, на сорокъ есть... Всякіе!

— Онъ у васъ покупать приходилъ что-то?

— Да. Уговаривалъ, вишь, сдай ему товаръ, что я нараба-
талъ, вмѣсто чтобы на рынокъ нести.

— Такъ онъ и скупщикъ?

— Мало ли у насъ ихъ! Да признаться, не люблю я его... Изъ Шалаевскихъ молодцовъ... Горлопанъ, мироѣдъ, вездѣ это шныряетъ да нюхаетъ... Такой лѣза — бѣда!... Только спаси Богъ!... Вотъ тебя запримѣтилъ, —ужь что ни то наплететь... Безъ этого ужь не отстанеть!... Ахъ, бѣдовская стала жизнь!... Безъ Бога, братъ, совсѣмъ стала жизнь... Эхъ! Приусталъ! — вздохнулъ старикъ, садясь на стулъ. — Присядь... Вотъ утормъ-то къ обѣднѣ сходилъ, а потомъ все вотъ товаръ подбиралъ... Вишь, какая гуча! Надо приготовить.

— Куда же?

— Какже! Вѣдь, у насъ ужь заведеніе такое: съ воскресенья на понедѣльникъ у насъ торжище... Торжище, другъ любезный!... Вотъ поглядѣлъ бы, какая травля-то идетъ!... Господи Боже мой! Проснется это все село въ ночь, часа въ два; огни вездѣ зажгутъ... Тамъ *наверху* (у богатѣевъ) тоже всѣ изъ пуховиковъ-то повылѣзутъ: и хозяева, и прикащики. Блючами загремятъ, мѣдяками. Нашъ братъ отовсюду къ рынку потащитъ связки съ образцами, что, значитъ, успѣлъ за недѣлю съ семьей наработать. Ну, тутъ ужь вся надежда: сбылъ — сытъ на недѣлю и матеріалъ на работу получилъ; не сбылъ — такъ вмѣстѣ съ ребяташками въ петлю и полѣзай... Никто и вниманія не обратитъ!... Вотъ оно у насъ какое торжище-то!... Не то что всѣ наши богатѣи, съ округи всѣ скупщики наѣдутъ,

и жида, и наши, всякіе проходимцы: божба пойдетъ, ругань, мастеровой другой плачетъ, молить, за третьимъ жена съ ребенкомъ слѣдить, какъ бы съ деньгами въ трактиръ не убѣжалъ... Что дѣлается въ эти часы—сказать нельзя!... Такъ-то вотъ нашъ потъ да кровь и продаются.

— Какъ же это у васъ такое хорошее дѣло не удалось, артель-то?

— Артель-то? Хорошее оно дѣло, да тоже затѣйное...

— Отчего же такъ?

— Да оттого и есть... Артель тамъ хороша, гдѣ народъ весь ровня—вся артель. А то какая же у насъ для всѣхъ артель? Вонъ сосѣдъ-то: онъ и вустарь самъ, и скупщикъ... Ну, какого ему яду въ артели-то? Какой антиресъ? Артель прямо ему въ оборотахъ препятствуетъ... А бѣднаго возьмешь: опять тоже ни къ чему; ему не выстоять, выждать онъ не можетъ... Ему вотъ нонѣ ребятишкамъ и маслица ложечку надо, и крупки горсточку, и вапустки... Онъ и бѣжить къ скупщику: тотъ его и снабжаетъ, и сытъ онъ съ ребятишечками-то на нонѣшній день... Гдѣ же это артель-то ихъ всѣхъ прокармливать будетъ? Артель скажетъ, что я не богадѣльня... Такъ-то, другъ!... Пойдемъ-ка мы съ тобой въ садочикъ! Важно у меня въ садочкѣ-то. Только одна и утѣха, да вотъ коровенку кое-какъ раздобылся. Это ужъ вотъ Павелъ помогъ... А то гдѣ бы!... У насъ, вѣдь, хозяйство рѣдко у кого есть... Да, вѣдь, оно хорошо при землѣ... А у насъ все-то, все до маковой росинки купи... А отъ земли—Богъ е вѣдаетъ съ конихъ поръ и кѣмъ отбиты!... Еще прадѣдовъ нашихъ замѣкъ обошелъ!... Поди-ка, какъ мы своимъ мастерствомъ тоже гордимся!

Мы вошли въ садъ, и старикъ развалился на травѣ.

— Любо, братецъ, здѣсь, важно! — заговорилъ онъ, смотря въ небо.—Другой это разъ выйдешь сюда, ляжешь на траву и думаешь: эхъ, кабы всѣ-то на свѣтѣ жили въ дружбѣ да въ любви!... Семейственную жизнь вели бы чинно-благородно... общественныя какія дѣла—опять же чинно-благородно, по согласу, по миру, чтобы было насчетъ каждаго безпокойство и помочь въ случаѣ чего. Вотъ какъ, говорить, по старинѣ люди живали. Такъ ли?

— Наврядъ, говорить, такъ было.

— Ой ли? Да, вѣдь, откуда-жъ ни то взялось эндакое помышление? Только ежали намъ этого ждать—ужъ не дождаться.

То-есть такъ народъ, братецъ, развихлялся! Тутъ бы тебѣ миръ, согласъ,—важись бы ничего для этого не пожалѣлъ,—а, между тѣмъ, никакъ невозможно! Воюй—и шабашъ! Да еще съ кѣмъ и воевать-то—и то не разберешь хорошенько. Вотъ хоть бы наше дѣло взять—замокъ: думаешь, кому какая причина тебя въ этомъ твоёмъ ремеслѣ обижать, а на мѣсто того, слышь, англичанинъ тебѣ въ карманъ, какъ тутъ, значить, и насолил!... Вишь ты, куда хватило: англичанинъ! Англичанинъ тамъ себѣ форсы разные придумываетъ, а ты голодай... воюй съ нимъ!... Нѣтъ, ужъ такъ думаю, намъ этого мирнаго житья не видать.

Мы еще долго промечтали со старикомъ съ глазу на глазъ въ его «сабочкѣ». И самый этотъ сабочекъ, и его «разные запахи», и «отъ сердца глубины» слова этого стараго кустаря какъ-то врачующе дѣйствовали на мою душу: мало они разрѣшили моему уму, но я чувствовалъ, что для сердца тутъ было разрѣшено все.

VII.

На утро мнѣ хотѣлось непременно побывать «на торжищѣ», но я проспалъ самымъ безбожнымъ образомъ, къ своему стыду. Когда я проснулся, вся операція торжища была уже закончена давно, а вся семья хозяина работала въ мастерской. Я было посѣтовалъ старику, что онъ меня не разбудилъ, но онъ сурово на меня прикрикнулъ:

— Ну, чего тебѣ тамъ смотрѣть? Какъ люди другъ друга грабятъ? Нашелъ потѣху!

Старикъ былъ сильно не въ духѣ и уже ни однимъ словомъ не подавалъ надежды на возвращеніе къ нему вчерашняго благодушнаго настроенія. Товаръ ему пришлось сбыть самымъ невыгоднымъ образомъ, на дѣлюю четверть цѣны меньше, чѣмъ давалъ ему сосѣдь-кулакъ. Но онъ къ нему, все-таки, не понесъ.

Я собирался къ вечеру уѣзжать и до отъѣзда хотѣлъ зайти къ одному фабриканту, по одному порученію. Самъ фабрикантъ въ селѣ не жилъ, но имѣлъ дома и склады. Его ждали въ воскресенье, наканунѣ торжища.

Я пришелъ къ нему часовъ въ 10 утра и засталъ его еще при дѣлахъ. Это былъ человекъ среднихъ лѣтъ, одинъ изъ сыновей стараго фабриканта. Онъ, видимо, не спалъ всю ночь; лицо и глаза были утомлены.

— Вотъ, еще не ложишься,—сказалъ онъ.

— Да вамъ-то что же? Развѣ вы скупщикъ?

— Ба-а-а-а! Мы и свои дѣлаемъ, и скупаемъ... Мы стягиваемъ въ свои склады всевозможныя издѣлія. Намъ нужно, чтобы покупатель у насъ находилъ все. Тогда мы не будемъ бояться конкурентовъ. Имѣя возможность взять у насъ товаръ всевозможныхъ образцовъ, за-разъ, въ одномъ мѣстѣ, безъ лишнихъ хлопотъ, притомъ, имѣя отъ насъ, конечно, скидку и кредитъ, покупатель насъ держится такъ, что его не отобьетъ никто.

— Вы не живете сами здѣсь?

— Нѣтъ.

— Отчего же вы не примете участія въ здѣшнихъ общественныхъ дѣлахъ? Вы—большая сила и помогли бы имъ распутаться...

— Пустое это дѣло-сь!... Такъ это у нихъ промезь себя забава до поры до времени, всякіе тамъ артели, городовыя положенія, банки... Все это пустое.

— Отчего же?

— Да оттого-сь, что не прочно все это-сь, мечта!... Нѣтъ, мы въ сторонѣ, не принимаемъ участія. Притомъ, у насъ дѣла большія-сь; у насъ у самихъ до тысячи человекъ въ рукахъ-сь... Надо ихъ управить-сь!

УШ.

Вечеромъ я собрался было ѣхать, но молодой Полянкинъ удержалъ меня, сказавъ, что завтра праздникъ и что мы можемъ веселѣе проѣхаться по рѣкѣ, чѣмъ теперь.

Я остался, и на утро неожиданно сдѣлался свидѣтелемъ необычнаго происшествія. Послѣ обѣдни, часовъ около одиннадцати, я увидалъ, какъ отъ всѣхъ церквей шли крестные ходы, направляясь къ площади. Къ хоругвямъ, иконамъ и духовенству постоянно приставали выходившіе изъ домовъ обыватели. Оказалось, что это шли служить благодарственный молебенъ и, вмѣстѣ, поднести адресъ за полезную дѣятельность Петру Шалаеву отъ обѣднѣйшей части обывателей-рабочихъ. Гляжу, сердито, спѣшно и порывисто застегивая воротъ кафтана подъ бородой, торопится изъ своего дома и старикъ Полянкинъ.

— Эй, сосѣдъ! не видишь, что ли? Прошли ужъ,—стукнулъ къ нему въ окно знакомый намъ скупщикъ.

— Иду!—крикнулъ старикъ и, сильно стукнувъ дверь, вышелъ.

IX.

Послѣ обѣда мы спустились къ рѣкѣ, къ лодкѣ. Молодой Полянкинъ все посматривалъ по сторонамъ, чего-то дожидаясь, но не дождался, и мы поѣхали.

— Ну, говорите, ваше непосредственное впечатлѣніе, прямо, безъ всякихъ предисловій,—спросилъ онъ меня.—Какъ вамъ нашъ городъ?

— Вашъ городъ—заколдованный городъ, въ заколдованномъ кругѣ, и я не вижу даже проводника, который бы вывелъ изъ него.

Полянкинъ ничего не сказалъ и молча сталъ смотрѣть въ даль. Поповъ былъ еще сумрачнѣе, чѣмъ въ первый разъ.

— Эхъ, господа,—сказалъ, наконецъ, молодой Полянкинъ,—не вѣрите въ человѣческое сознаніе... Повторяю, вѣру вы въ это потеряли... А ужъ въ это вѣру потерять—последнее дѣло. Потому что безъ вѣры въ него—что же послѣ этого человѣкъ?

— Я опять тебѣ повторяю: легко говорить,—замѣтилъ было Поповъ.—Какое тутъ сознаніе, когда...

— Знаю, знаю!—перебилъ Полянкинъ.—Смотрите не назадъ, а впередъ—и вотъ вамъ и вѣра!... Впрочемъ, ее не передашь... Она вотъ здѣсь, въ этихъ мускулахъ, въ жилахъ... Если одрябли, отжили они у тебя, такъ за то у меня только еще наливаются!... А вонъ и наши!

Отъ берега къ намъ тяжело направлялась другая лодка, въ которой сидѣло человѣкъ пять молодыхъ рабочихъ, братъ и дядя Полянкина и двое подростковъ съ разными рыболовными снастями.

— Вотъ и важно, братцы! Дружнѣе, въ перегонку! Валяй, Провъ, «Внизъ по Волгѣ».

Мы обогнули гористый мысъ, и молодой, сильный теноръ затянулъ пѣсню. Подъ незамысловатый, но подмывающій и захватывающій мотивъ этой родной пѣсни, такъ привольно разносившейся надъ тихой рѣкой, въ моемъ воображеніи, одинъ за другимъ, вставала цѣлая вереница знакомыхъ образовъ, всѣхъ этихъ «хорошихъ людей», томившихся и мучившихся въ невыразимо-сложной сѣти, когда-либо прежде такъ хитро сотканной для нихъ жизнью. Но, тѣмъ не менѣе, больше чѣмъ когда-нибудь, мнѣ думалось, что молодой Полянкинъ былъ правъ: «гдѣ есть живые люди, тамъ будетъ и жизнь».

Н. Златовратскій.

Д а л ь.

Я къ берегу сошелъ: противны мнѣ лѣса,
Гдѣ буйный пиръ весны томить меня тревогой,
Гдѣ душно отъ цвѣтовъ, гдѣ жизни слишкомъ много...
А здѣсь передо мной бездушная краса,
Здѣсь только волны, тучи, небеса;
Ихъ вѣчный полусонъ таинственно-безмолвный
Баюгаетъ мнѣ мозгъ, недугомъ знойнымъ полный,
И притупляетъ боль сознанья моего,
И если долго я гляжу на эти волны,
Гдѣ все—движенье, блескъ и шумъ, но все—мертво,
Тогда въ душѣ моей ужъ больше нѣтъ страданій,
Надеждъ, любви, воспоминаній;
Я ничему не радъ, мнѣ ничего не жаль,
И весь я ухожу туда, въ нѣмую даль,
Что вѣтъ на меня знакомою печалью.
О, какъ бы слиться намъ, обняться крѣпче съ ней,
Но такъ, чтобъ эта даль могла остаться далью
Вблизи, вокругъ меня, въ глазахъ, въ груди моей!

Д. Меренковскій.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая *).

Х.

Увольненіе крѣпостныхъ крестьянъ въ свободныя хлѣбопашцы. — Условія увольненія. — Договоры съ крестьянами гр. Орловой - Чесменской, гр. П. Т. Бутурлина и Ник. П. Огарева. — Переименованіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. — Взглядъ А. И. Кошелева на значеніе закона 1803 г. — Проекты тульскихъ дворянъ 1844 и 1847 гг.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что указомъ 8 ноября 1847 г., предоставившимъ помѣщичьимъ крестьянамъ право выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, успѣло воспользоваться до отмѣны этой мѣры весьма незначительное количество крѣпостныхъ. Названные первоначально безоброчными государственными крестьянами, они скоро были переименованы, вмѣстѣ съ свободными хлѣбопашцами, выкупавшимися отъ помѣщиковъ на основаніи указа 1803 г., въ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ. Громадное большинство этого отдѣла государственныхъ крестьянъ и составили свободныя хлѣбопашцы, такъ какъ указомъ 1803 г. воспользовались многіе крѣпостные крестьяне какъ въ царствованіе Императора Александра I, такъ и при его преемникѣ.

Указъ 1803 г. имѣлъ въ высшей степени важное значеніе въ исторіи крестьянскаго вопроса: для освобожденія крестьянъ цѣлыми селеніями онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ надѣленіе ихъ землею и, такимъ образомъ, препятствовалъ обезземленію народа, пагубныя послѣдствія котораго такъ скоро сказались въ Остзейскомъ краѣ. Большимъ недостаткомъ этой мѣры считали множество формальностей, которыя слѣдовало исполнить,

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

чтобы обратить крѣпостныхъ въ свободные хлѣбопашцы, но эти формальности (и опросъ крестьянъ мѣстнымъ предводителемъ дворянства, и внимательное разсмотрѣніе условій освобожденія мѣстною и центральною администраціею) были необходимыми гарантіями интересовъ крестьянъ отъ возможныхъ злоупотребленій помѣщика. Нѣкоторымъ сторонникамъ эмансипаціи крестьянъ, какъ, напр., гр. Биселеву, законъ 1803 г. казался даже опаснымъ, такъ какъ слѣдствіемъ его будто бы могъ быть переходъ всей поземельной собственности отъ дворянъ въ руки землевладѣльцевъ,—мѣру эту считали слишкомъ демократичною,—но подобныя опасенія были совершенно неосновательны, такъ какъ безъ широкой денежной помощи со стороны правительства громадное большинство крѣпостныхъ не имѣло средствъ выкупиться на свободу. Приобрѣтеніе земли крестьянами въ собственность Биселевъ хотѣлъ замѣнить обязательнымъ введеніемъ наследственнаго пользованія ею, съ опредѣленіемъ повинностей инвентарями по каждому имѣнію и съ сохраненіемъ поземельной общины, но, по повелѣнію Императора Николая, устранено было изъ проекта Биселева именно то, что могло придать его существованію дѣйствительно большое значеніе, а именно *обязательность* предлагаемой имъ мѣры, и указъ 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ имѣлъ ничтожныя послѣдствія: на основаніи его, въ царствованіе Императора Николая получило свободу лишь около 25 тысячъ душъ муж. пола, а, между тѣмъ, законъ 1803 г. продолжалъ дѣйствовать, и въ соотвѣтственный періодъ времени имъ воспользовалось даже большее число крѣпостныхъ, чѣмъ указомъ 2 апрѣля 1842 г.

Въ царствованіе Императора Александра I въ свободные хлѣбопашцы было уволено съ 1804 по 1825 г. 47,153 д. м. п. Въ царствованіе Императора Николая было всего 250 случаевъ освобожденія, и поступило въ свободные хлѣбопашцы 66,109 д. м. п., т. е., среднимъ числомъ, по 264 д. за одинъ разъ.

Разсматривая переходъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы по мѣстностямъ, мы видимъ, что самое большое число освобожденныхъ на основаніи указа 1803 г. приходится на Воронежскую губернію, а именно 19,834 д. м. п.; затѣмъ слѣдуютъ: Рязанская губ.—11,746 д., Московская—8,474, Ярославская—6,523, Нижегородская—6,466, Тверская—3,392 д., во всѣхъ же остальныхъ губерніяхъ число перешедшихъ въ свободные хлѣбопашцы въ царствованіе Императора Николая было менѣе

полутора тысячъ душъ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ 27 губерній, гдѣ встрѣчаются случаи увольненія вѣрнопостныхъ въ свободныя хлѣбопашцы, только въ 6 число освобожденныхъ превышало 3 тысячи душъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что и въ это время, подобно эпохѣ Александра I, почти всѣ крестьяне, выкупившіеся на свободу на основаніи указа 1803 г., принадлежали къ населенію Великороссіи; изъ числа чисто-малороссійскихъ губерній только въ Бѣвской мы находимъ 360 д. освобожденныхъ *); въ Новороссіи освободилось всего 3 души (въ Екатеринославской губ.) и, наконецъ, въ западной Россіи не было ни одного случая освобожденія. Такимъ образомъ, и въ эту эпоху, какъ при Александрѣ I, только великороссійскіе помѣщичи воспользовались указомъ 1803 г.

Переходя къ условіямъ увольненія крестьянъ въ свободныя хлѣбопашцы, нужно замѣтить, прежде всего, что изъ 250 случаевъ освобожденія только въ 9 крестьяне получили волю *безъ всякой платы* (при Александрѣ I изъ 160 случаевъ въ 17). Всего такихъ освобожденныхъ было 216 д. **). Первое мѣсто принадлежитъ здѣсь помѣщицѣ Захарьиной, освободившей безъ всякой платы 62 души со всею землею, а затѣмъ помѣщицѣ Гродницкой, уволившей 52 д. крестьянъ Новгородской губ., Бѣлозерскаго уѣзда, съ надѣломъ по 15 дес. на душу безвозмездно, съ обязательствомъ только размежеваться съ купцами, которымъ были проданы остальные земли, и помѣщику Павлову, освободившему безъ платы 41 д. крестьянъ въ Брестецкомъ уѣздѣ, Новгородской губ., съ надѣломъ по 43 дес. на душу.

Но, кромѣ 9 случаевъ увольненія крестьянъ безъ всякой платы, въ царствованіе Императора Николая было еще 8 случаевъ освобожденія безъ вознагражденія за него помѣщику, но съ нѣкоторыми обязательствами взносовъ съ благотворительною и иною цѣлью. Такъ д. т. сов. гр. С. П. Румянцевъ, по мысли котораго и былъ изданъ въ 1803 г. указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и который въ 1804 г. освободилъ со всею землею безъ всякой платы 199 д. м. п. своихъ крестьянъ въ Вологод-

*) Въ Курской и Харьковской, составляющихъ переходъ отъ Великороссіи къ Малороссіи, уволено въ свободныя хлѣбопашцы также ничтожное число: въ первой—436 д., во второй—130 д.

**) При Александрѣ I, —если не считать 7,000 д., уволенныхъ виленскимъ помѣщикомъ Карпиемъ, безъ земли, по духовному завѣщанію, и затѣмъ причисленныхъ въ свободныя хлѣбопашцы,—освобожденныхъ безъ всякой платы было 415 душъ.

ской, Ярославской и Рязанской губерніяхъ, — въ 1829 г. уво- лилъ 436 д. крестьянъ Калужской губерніи въ извѣстномъ по происходившему въ немъ сраженію селѣ Тарутиѣ безъ всякаго выкупа въ пользу помѣщика, но съ обязанностью соорудить монументъ въ память 1812 г., на что крестьяне и обязались внести 44,000 р. ассиг., т.-е. по 100 р. асс. (27 р. сер.) съ души. Затѣмъ въ 1838 г. тотъ же Румянцевъ освободилъ 232 д. въ Московскомъ уѣздѣ безъ всякой платы въ его пользу, но съ обязанностью поддерживать памятникъ, если помѣщикъ соорудитъ его, въ имѣніи, и на вѣчныя времена платить 600 р. асс. ежегодно (т.-е. по 2 р. 59 к. асс. съ души) на содержаніе инвалидовъ въ учрежденіе, назначенное правительствомъ. Такимъ образомъ, съ 1804 по 1833 г. гр. С. П. Румянцевъ освободилъ безъ выкупа въ свою пользу 867 д. м. п. крѣпостныхъ крестьянъ *). Затѣмъ помѣщицы Жіяновы освободили 130 д. въ Харьковской губ., съ обязательствомъ только уплатить числящіяся на нихъ недоимки, всего 130 р., и разные сборы **).

Что касается увольненій за извѣстное вознагражденіе въ пользу помѣщика (въ видѣ ли платы ему, или принятія на себя его долга), то оказывается, что 27% изъ числа всѣхъ увольненій и 61% изъ числа увольняемыхъ составляетъ переходъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, съ обязательствомъ выплатить помѣщику *опредѣленную сумму* сразу или съ разсрочкою на извѣстное число лѣтъ. На этомъ условіи было 68 освобожденій, а число освобожденныхъ такимъ образомъ крестьянъ равняется 40,138 д. м. п. Сравнительно съ эпохою Александра I, число увольненій на этихъ условіяхъ уменьшилось (тогда оно составляло около половины всѣхъ), но количество увольняемыхъ увеличилось (при Александрѣ I также около половины).

При расчетѣ условленной платы на душу м. п., мы нахо-

*) Кроме того, въ 1829 г. гр. С. П. Румянцевъ освободилъ 303 д. въ Калужскомъ уѣздѣ, хотя и съ платою, но на довольно льготныхъ условіяхъ, а именно съ обязательствомъ уплатить опекунскому совѣту въ теченіе 21 года 60,660 р. асс., т. е. по 54 р. сер. съ души.

***) Помѣщикъ Лазаревъ уволилъ 46 д. въ Калужскомъ уѣздѣ, съ обязательствомъ платить сборы по Калужской губ. на улучшеніе благороднаго пансіона при гимназій по 3 к. сер. и на содержаніе бѣднѣйшихъ дворянскихъ дочерей въ частномъ пансіонѣ по 1 $\frac{3}{4}$ к. съ души; Мусинъ-Пушкинъ освободилъ 32 д. въ Ярославской губ., съ обязательствомъ платить вѣчно 585 р. въ годъ, т.-е. по 18 р. сер. съ души, на содержаніе богадѣльни при приходской церкви и проч.

днѣ *), что мѣнѣе вознагражденія потребовала помѣщица Вельяшева въ 1827 г. со своихъ крестьянъ Ярославской губ. (24 д.), а именно по 31 р. сер. съ души. Максимъ платы мы встрѣчаемъ въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: г-жа Литовская освободила двухъ крестьянъ Новгородской губерніи за выкупъ въ 394 р. сер. съ души, а помѣщики Крыжановскіе уволили 64 д. въ Балуужской губ., съ выкупомъ по 406 р. сер. за каждую. Средній размѣръ выкупа во всѣхъ 68 случаяхъ равняется 115 р. сер. съ души **). Въ царствованіе Императора Александра I средній размѣръ выкупа равнялся 381 р. асс.; если принять средній курсъ ассигнацій за время съ 1804 по 1824 г. въ 313 р. ***), то 381 р. асс. будетъ равняться 122 р. сер.; слѣдовательно, средніе размѣры выкупа въ царствованія Императоровъ Александра I и Николая почти совершенно равны. Такъ было при добровольномъ соглашеніи; когда же крестьяне выкупались на свободу при продажѣ имѣній съ аукціона, размѣръ выкупа, какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ, былъ гораздо ниже.

Такъ какъ средняя цифра не можетъ дать яснаго понятія о различныхъ размѣрахъ выкупа, то, распредѣливъ плату съ души на нѣсколько разрядовъ, мы получимъ, что изъ 40,138 д. м. п. 1,538 чел. заплатили отъ 4 до 49 р. сер., 4,056 д.—отъ 50 до 99 р., 33,914 (т.-е. 84% всего количества, внесшихъ исключительно денежную плату)—отъ 100 до 199 р., 554 д.—отъ 200 до 300 р. и, наконецъ, 66 д.—отъ 394 до 406 р. сер. Такихъ громаднхъ размѣровъ выкупа, какъ въ двухъ случаяхъ въ царствованіе Императора Александра I (въ 4,000 и 5,000 р. ассигнаціями), мы не встрѣчаемъ при его преемникѣ.

*) Тутъ, прежде всего, нужно обратить вниманіе на то, что до 1840 г. у насъ существовалъ счетъ на ассигнаціи, а съ того времени—на серебро. Для того, чтобы сдѣлать возможнымъ сравненіе, цифру выкупа, приходившагося въ 1825—39 гг. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на душу, мы переводили по существовавшему въ то время курсу на серебро, а общую сумму выкупа за все число душъ, получившихъ свободу на этомъ условіи за указанную эпоху, перевели по среднему курсу за всѣ эти года. Въ 1825—39 г. курсъ ассигнацій колебался между 373 и 350, т.-е. 100 р. сер. равнялось 350—373 р. асс. (*Шторъ*: „Матеріалы для исторіи государственныхъ денежныхъ знаковъ въ Россіи съ 1653 по 1840 г.“ Спб., 1868 г., стр. 52). Среднее пропорціональное между всѣми годовыми данными составляетъ 364.

**) Очень часто весь выкупъ или часть его вносились не сразу, а съ разсрочкою на извѣстное число лѣтъ, иногда даже болѣе 30, но за то крестьянамъ приходилось за неулаченную сумму вносить проценты, которыхъ мы тутъ въ расчетъ не принимаемъ.

***) Это среднее пропорціональное между числами, показывающими величину курса за эти годы. *Шторъ*, *ibid.*, стр. 52.

Если распредѣлить по губерніямъ плату, которую крестьяне вносили помѣщикамъ за свое освобожденіе, то, точно такъ же, какъ и въ предшествовавшую эпоху, въ виду большого различія въ размѣрѣ взноса въ одной и той же мѣстности, трудно сдѣлать опредѣленные выводы относительно вліянія географическаго положенія имѣнія на его цѣнность *).

Наибольшее количество крестьянъ отпустилъ на волю графъ Бутурлинь (11,965 д.) и, притомъ, на условіяхъ, почти совпадающихъ съ среднимъ размѣромъ выкупа (120 р. сер. съ души). На точно такихъ же условіяхъ уволилъ 5,153 д. генералъ-адъютантъ Демидовъ въ Рязанской губерніи. Камеръ-фрейлина графиня Орлова-Чесменская уволила всего 8,449 д. въ губерніяхъ: Ярославской, Костромской и Московской, съ платою отъ 84 до 115 руб. съ души. Упомянемъ еще, что извѣстный писатель и эмигрантъ Николай Платоновичъ Огаревъ освободилъ въ 1842 г. 1,820 д. крестьянъ Рязанской губерніи за выкупъ въ 130 руб. сереб. съ души; объ этомъ освобожденіи мы поговоримъ ниже подробнѣе.

Мы видѣли, что большинство крѣпостныхъ крестьянъ, переходившихъ въ свободные хлѣбопашцы, выкупались за *опредѣленную плату*, вносимую одновременно или съ разсрочкою, причемъ въ счетъ уплаты входилъ нерѣдко и принимаемый на себя крестьянами долгъ въ кредитное учрежденіе. Въ числу такихъ выкупившихся за опредѣленную плату мы не присоединили крестьянъ, въ договорѣ которыхъ съ помѣщиками заключались условія и о взносахъ неопредѣленной величины. Такъ, мы встрѣчаемъ немало случаевъ, гдѣ выкупающіеся крестьяне обязываются внести помѣщику извѣстную сумму и затѣмъ платить разныя сборы, или вносятъ опредѣленную сумму, принимаютъ на себя уплату долга извѣстной величины и, кромѣ того, обязуются платить нѣкоторые сборы (иногда прибавлено: по постанов-

*) Въ извѣстной своей отхожими промыслами Ярославской губерніи, которая, по числу перешедшихъ въ свободные хлѣбопашцы, занимаетъ четвертое мѣсто, а по числу случаевъ освобожденія—первое, размѣръ выкупа колебался между 31 и 219 р. сер. съ души. Въ Костромской губ., также съ развитыми отхожими промыслами, мы встрѣчаемъ выкупъ отъ 34 до 289 р. съ души. Въ Московской губ. размѣръ выкупа простирался отъ 115 до 206 р.; въ Тверской—отъ 57 до 281 р.; въ Калужской 54—406 р.; въ Нижегородской 93—149 р.; въ Вологодской 98—287 р.; въ Рязанской 89—254 р.; въ Воронежской 116—120 р. (въ имѣніи гр. Бутурлиной 2,959 д. по 116 р. сер. съ души и въ имѣніи гр. Бутурлина 11,965 д. по 120 р. сер.). Въ остальныхъ губерніяхъ было по одному, по два случая освобожденія съ небольшимъ числомъ душъ каждой разъ.

ленію такого-то дворянства). Въ иныхъ, впрочемъ, случаяхъ указанъ и размѣръ самыхъ сборовъ *). Встрѣчаются также въ договорахъ, при денежной платѣ за освобожденіе, и условія благотворительнаго характера. Помѣщикъ Матвѣевъ освободилъ 151 д. крестьянъ Саратовской губ., съ обязательствомъ внести 10,000 руб. ассиг. на устройство богадѣльни въ городѣ Вольскѣ и «взысканія, на помѣщикѣ лежащія». Г-жа Тучкова уволила 40 д. крестьянъ Тульской губерніи, съ обязательствомъ (кромѣ взноса московскому опекунскому совѣту, что слѣдуетъ по займу въ 7,600 руб. ассиг.) доставлять ежегодно въ пользу спасскаго богоугоднаго общезитія на Бородинскомъ полѣ по 300 руб. ассиг.; въ 1840 г. она же освободила 106 д. Ярославской губ., съ обязательствомъ уплатить опекунскому совѣту 428 руб. и ежегодно вносить по 514 руб. въ то же спасское богоугодное общезитіе. Отпущенные на волю помѣщикомъ Мошковымъ крестьяне Московской губерніи (241 д.) должны были внести 14,285 руб. въ московскій опекунскій совѣтъ и по 1 р. 43 к. съ тягла на несчастные случаи, собирать на богадѣльню при церкви въ селѣ Успенскомъ съ тягла по четверику ржи и овса, на содержаніе и улучшеніе пищи призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ уступить доходъ съ береговъ Москвы рѣки за складку лѣса, возить дрова на отопленіе богадѣльни и огораживать уступленный богадѣльнѣ садъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне получали свободу съ обязанностью платить помѣщику или помѣщицѣ опредѣленный денежный оброкъ до смерти владѣльцевъ **). Тамъ, гдѣ крестьяне должны были вносить только одинъ оброкъ, безъ всякихъ

*) Надворный совѣтникъ Рюминъ въ 1846 г. освободилъ своихъ крестьянъ на слѣдующихъ условіяхъ: они должны были уплатить опредѣленную сумму помѣщику въ 4 года, долгъ опекунскому совѣту (и то, и другое составляло почти по 100 руб. на душу) и нѣкоторые сборы. Въ 1852 г. Рюминъ освободилъ 140 д. въ Рязанской губерніи, съ обязательствомъ въ теченіе 14 лѣтъ уплатить помѣщику 14,000 р. сер. (т.-е. по 100 р.) и уплачивать сборы по постановленіямъ дворянства. Въ 1849 г. помѣщикъ Мошковъ освободилъ 164 д. крестьянъ Смоленской губерніи, причемъ они должны были уплатить 11,480 р. и разные сборы; сверхъ того, крестьяне обязались внести въ опекунскій совѣтъ 8,571 р. на разные несчастные случаи. Въ 1851 г. г-жа Комелева освободила 377 д. въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, съ обязательствомъ уплатить ей 1,600 р. и доставить разные хозяйственные припасы, уплатить долгъ опекунскому совѣту 30,880 р. и разные другіе сборы, и проч.

***) Для удобства сравненія размѣра obroka, считавшагося до 1840 г. на ассигнаціи, а потомъ на серебро, мы будемъ переводить оброкъ въ рубляхъ ассигнаціями на серебро по курсу того года, когда крестьяне получали свободу.

другихъ условій, размѣръ его былъ слѣдующій: въ Ярославской губерніи съ души 4 р. 21 к. сер. въ одномъ случаѣ и 11 р. 83 к. въ другомъ; оброкъ въ этомъ второмъ случаѣ былъ такъ невыносимо тяжелъ, что крестьяне г-жи Леонтьевой, принявшіе на себя, при отпускѣ на волю въ 1826 г., обязательство платить его, оказались несостоятельными и потому, на основаніи закона 1803 г., были вновь обращены въ 1831 г. въ крѣпостное состояніе. Во Владимірской губерніи мы встрѣчаемъ въ одномъ случаѣ оброкъ въ 4 р. 24 к. сер. съ души, въ другомъ—6 руб. 56 к.; въ Костромской 4 р. 24 к. и 8 р. 80 к.; въ Московской, Тверской, Калужской и Вологодской въ одномъ случаѣ по 4 р. 24 к.; въ Тульской въ одномъ случаѣ по 5 р. сер., въ другомъ по 9—12 р. сер. съ души *); въ Новгородской губерніи по 4 р. 28 к. Гораздо чаще, однако, ежегодный оброкъ по смерть владѣльца осложнялся еще другими условіями: кромѣ него, крестьяне вносили одновременно нѣкоторую сумму, или принимали на себя уплату долга, или поставляли нѣкоторые припасы натурою; случалось, что всѣ эти условія или нѣкоторыя изъ нихъ соединялись вмѣстѣ **).

*) Въ 1846 г. помѣщица Куломзина освободила 47 д. крестьянъ Тульской губерніи, съ тѣмъ, чтобы они платили до ея смерти по 12 р., а затѣмъ ея племянницѣ—по 9 р. съ души. Помѣщица предоставила себѣ право жить въ господскомъ домѣ, который, по смерти ихъ, долженъ быть проданъ и деньги поровну раздѣлены между крестьянами.

***) Въ Ярославской губерніи крестьяне освобождены въ нѣсколькихъ случаяхъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) 48 д. съ обязательствомъ платить до смерти помѣщика 18 р. с. р. съ души, а по смерти его—по 4 р. 28 к. въ пользу приходской церкви и внести 4,410 р. опекунскому совѣту, а также принять на себя платежъ сборовъ по постановленіямъ дворянства. 2) 36 д. освобождены съ условіемъ оставаться до смерти помѣщика *въ полномъ его повинненіи* и платить по 28 р. сер. въ годъ съ тѣмъ, а также и нѣкоторые сборы. 3) Помѣщикъ Глѣбовъ-Стрѣшневъ отпустилъ 1,368 д. крестьянъ въ 1854 г. съ обязательствомъ уплатить съ разсрочкою по 20 р. 68 к. съ души и, кромѣ того, платить ежегодно ему и его *наслѣдникамъ* по 7 р. 15 к. съ души, а также уплатить повинности за дворовыхъ и отпущенныхъ на волю людей, сборы по постановленіямъ дворянства и расходы по увольненіямъ. Въ Тверской губерніи: 1) 74 д. освобождены съ платою по 6 р. 43 к., съ обязательствомъ доставлять нѣкоторое количество сельскихъ произведеній, обрабатывать до смерти господина его землю, а затѣмъ уплатить за него 1,998 р. долга. 2) 49 крестьянъ освобождены съ обязательствомъ платить помѣщикѣ ежегодно по 2 р. сер. съ души и построить двѣ избы. Въ Костромской губерніи 25 д. крестьянъ обязались оставаться въ полномъ распоряженіи помѣщика „на правахъ обязанныхъ крестьянъ“, платить оброкъ по 28 р. съ тѣмъ, а съ неженатыхъ 21 года по 12 р., и приняли на себя уплату долга московскому опекунскому совѣту и платежъ сборовъ по постановленіямъ дворянства. Въ Московской губерніи: 1) Крестьяне были освобождены съ обязательствомъ платить ежегодно до смерти помѣщика по 3 р. 35 к., а затѣмъ вносить по

Въ нѣсколькихъ случаяхъ крестьяне были освобождены съ обязанностью исполнять барщину *). Обязательство нести барщину, подобно тому, какъ это было и относительно оброка, нередко осложнялось другими условіями. Иногда часть крестьянъ должна была исполнять барщину, другіе же платить оброкъ. Бывали случаи, что въ договорѣ крестьянамъ предоставлялось право замѣнить барщину оброкомъ извѣстнаго размѣра.

Какъ мы видѣли выше, при разныхъ другихъ условіяхъ, помѣщикъ иной разъ вносилъ въ договоръ обязательство, что крестьяне должны находиться у него въ полномъ повиновеніи до самой его смерти (въ одномъ случаѣ оговорено, что даже назначеніе рекрутъ зависить отъ помѣщика). Бывали и такіе договоры, гдѣ помѣщикъ усмотрѣніе замѣняло всякія другія условія. Такъ, крестьяне помѣщицы Чевакинской перешли въ свободные хлѣбопашцы съ условіемъ оставаться въ полномъ ея распоряженіи до ея смерти; сверхъ того, они приняли на себя уплату разныхъ сборовъ съ дворянскихъ имѣній. Крестьяне помѣщика Завьялова, Вологодской губерніи (38 д.), при жизни помѣщика обязались находиться въ полномъ ему повиновеніи, а по смерти его внести въ пользу разныхъ церквей 750 р. и обезпечить дворовыхъ людей. Помѣщица кн. Чегадаева отпустила на волю своихъ крестьянъ Пензенской губерніи, съ обязательствомъ доставлять ей при жизни «приличное содержаніе»; на такомъ же условіи освободила она крестьянъ и Казанской губерніи, взыскавъ лишь съ нихъ, сверхъ того, нѣкоторую сумму денегъ **).

1 р. ассиг. въ пользу московской голицынской больницы и открытъ у себя училище для дѣтей на мірской счетъ. 2) 157 д. княгини Долгоруковой уволены съ условіемъ при жизни помѣщицы *находиться въ полномъ повиновеніи* и платить по 6 р. съ души, а по смерти ея обязались внести долгъ помѣщицы опекунскому совѣту въ 8,970 р., а также платить въ пользу церкви 30 р. въ годъ, церковнослужителямъ по 15 р. и разныя сборы по губерніямъ. Въ Новгородской губерніи крестьяне одной помѣщицы были освобождены съ уплатою ежегоднаго оброка до смерти ея по 8 р. 85 к. сер. и съ обязанностью доставлять нѣкоторое количество сельскихъ произведеній и проч.

*) Помѣщица Андреева освободила 61 д. крестьянъ Пензенской губерніи, съ обязательствомъ обрабатывать на нее ежегодно изъ предоставленной имъ земли по 16 десятинъ и доставлять хлѣбъ зерномъ, косить сѣно по 500 копенъ, привозить изъ лѣсу дровъ 12 саж. въ годъ, прудить плотину и чинить мельницу за предоставленное имъ право безденежно молотъ хлѣбъ для собственнаго ихъ употребленія (мельница была отдана въ пожизненное пользованіе нѣкоторыхъ крестьянъ, а по смерти ихъ должна была поступить въ собственность всей увольняемой вотчины). Помѣщица Шинкина освободила въ 1850 г. 97 д. крестьянъ Пензенской губерніи, съ обязательствомъ при жизни ея обрабатывать въ ея пользу 100 дес. земли, доставлять дрова для отопленія дома и проч.

***) Крестьяне княгини Еникѣевой, Ярославской губерніи, сверхъ уплаты долга опе-

Чтобы устранить всякій рискъ при освобожденіи крестьянъ, нѣкоторые помѣщики увольняли ихъ на основаніи домашняго условія, которому они придавали официальную санкцію лишь тогда, когда крестьянами были окончательно исполнены принятыя ими на себя обязательства. Такъ, крестьяне княгини Багратионъ начали вносить помѣщицѣ выкупъ съ 1833 г., а въ свободные хлѣбопашцы были зачислены лишь въ 1850 г. Ниже мы увидимъ изъ свидѣтельства А. И. Кошелева, что при этомъ не обходилось иногда безъ злоупотребленій со стороны помѣщиковъ.

За неисполненіе принятыхъ на себя обязательствъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, на основаніи закона 1803 г., должно было обращать вновь въ крѣпостное состояніе. Относительно крестьянъ, получившихъ свободу въ царствованіе Императора Александра I, эту мѣру пришлось примѣнить при его преемникѣ дважды. Что же касается освобожденныхъ въ эпоху Императора Николая, то мы уже упоминали объ обращеніи въ 1831 г. вновь въ крѣпостные 68 д. крестьянъ Ярославской губерніи, принадлежавшихъ прежде помѣщицѣ Леонтьевой и бывшихъ не въ состояніи выполнить принятыхъ ими на себя слишкомъ обременительныхъ условій (уплата ежегоднаго оброка по 11 р. 83 к. сер. съ души). Другой случай несостоятельности былъ съ крестьянами Нижегородской губерніи тайнаго совѣтника Протасова (1,210 д.), получившихъ свободу въ 1848 г., съ обязательствомъ внести въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ по 149 р. съ души. Въ это время правительство старалось уже отклонять обращеніе свободныхъ хлѣбопашцевъ въ крѣпостное состояніе, имѣя въ виду другой законъ, что воспользовавшійся однажды свободою не долженъ ее терять. Поэтому министерство государственныхъ имуществъ, на которое была возложена обязанность наблюдать за исполненіемъ свободными хлѣбопашцами принятыхъ ими на себя условій, старалось избѣгать лишенія ихъ свободы. Когда въ 1853 году крестьяне Протасова отказались отъ дальнѣйшей уплаты денегъ помѣщику, послѣдній самъ предложилъ обратить ихъ не въ крѣпостное состояніе, а въ казенное вѣдомство, что и было исполнено правительствомъ съ уплатою Протасову 150 тысячъ рублей *).

кунскому совѣту и небольшой суммѣ помѣщицѣ, обязались, сверхъ того, доставлять ей изъ своей среды „людей для услугъ“.

*) Въ 1857 году числилось въ 13 губерніяхъ окончательно исполнившихъ свои обязанности крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, 55.250 д.; еще не

Весьма выгодная для крестьянъ сторона закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ состояла, какъ извѣстно, въ томъ, что онъ допускалъ освобожденіе крѣпостныхъ селеніями не иначе, какъ съ землею. Въ царствованіе Императора Александра I исключеніемъ изъ этого правила былъ только переходъ въ свободные хлѣбопашцы крѣпостныхъ ногойцевъ, принадлежащихъ тремъ помѣщикамъ; въ эпоху Императора Николая всѣ крестьяне получили свободу съ землею. При Александрѣ I, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, крестьяне при своемъ увольненіи получали въ собственность всю землю, принадлежавшую помѣщикамъ. Относительно эпохи Императора Николая находящіяся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія рѣзко распадаются на два періода: съ 1825 по 1837 годъ включительно крестьяне получили всю землю во всѣхъ случаяхъ освобожденія (кромѣ пяти, гдѣ указано только количество земли, безъ обозначенія, составляетъ ли она все пространство имѣнія). Напротивъ, съ 1838 г., въ огромномъ большинствѣ случаевъ, указано количество приобретаемой крестьянами земли и лишь въ немногихъ означено, что имъ передается «вся земля» безъ указанія размѣра ихъ надѣла. Но это не значитъ, что съ этого времени господа передавали имъ только часть своихъ прежнихъ владѣній; напротивъ, лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ прямое извѣстіе, что помѣщикъ, надѣливъ своихъ крестьянъ опредѣленнымъ количествомъ земли, остальную продалъ или взялъ себѣ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ основаніе думать, что и съ 1838 г. къ крестьянамъ переходило въ собственность все владѣніе ихъ бывшаго помѣщика, тѣмъ болѣе, что въ очень многихъ случаяхъ, кромѣ точнаго указанія количества десятинъ, передаваемыхъ увольняемымъ, упоминается, что это «вся земля» *).

исполнившихъ 69,980 (о другихъ губерніяхъ свѣдѣній нѣтъ). Такъ какъ до настоящаго времени часть ихъ не исполнила своихъ обязанностей, то высочайше утвержденнымъ 18 декабря 1884 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта на такихъ крестьянъ распространены начала обязательнаго выкупа.

*) Точное указаніе количества передаваемой крестьянамъ земли въ большинствѣ вотчинъ, населеніе которыхъ перешло въ сословіе свободныхъ хлѣбопашцевъ съ 1838 по 1855 годъ, дало намъ возможность вычислить, какой средней надѣлъ въ той или другой губерніи получали крестьяне при своемъ освобожденіи. Мы приведемъ данныя лишь о тѣхъ губерніяхъ, гдѣ въ нашемъ распоряженіи были свѣдѣнія болѣе чѣмъ о 1,000 душъ. Въ Смоленской губерніи 1,240 свободныхъ хлѣбопашцевъ получили въ среднемъ по 9,1 дес. на душу, въ Тверской 2,029 душъ—по 8,7 дес.; въ Московской 7,089 душъ—по 5,6 дес., въ Нижегородской 3,257 душъ—также по 5,6 дес., въ Ярославской 3,207 душъ—по 5,5 дес.; въ Воронежской 19,834 души—по 5,1 дес., наконецъ, въ Рязанской 5,957 душъ—по 4,9 дес. на душу.

На основаніи закона 1803 г., помѣщикъ долженъ былъ при заключеніи условія раздѣлить всю передаваемую землю на участки, такъ чтобы каждый изъ нихъ «имѣлъ въ виду опредѣлительно свой участокъ земли», на который слѣдовало выдать и соответственный планъ. Это требованіе могло очень вредно отразиться на интересахъ крестьянъ; оно, во-первыхъ, разрушало общинное землевладѣніе, а, во-вторыхъ, вносило довольно трудно исполнимое условіе для перехода крестьянъ въ положеніе свободныхъ хлѣбопашцевъ, а именно размежеваніе ихъ участковъ; но, къ счастью, оно обыкновенно не исполнялось, и раздѣленіе земли на участки предоставлялось самимъ крестьянамъ. «Если требовать точнаго исполненія сего закона,—читаемъ мы въ одномъ опредѣленіи общаго собранія сената,—то многіе помѣщики, особенно тѣ, которые безденежно увольняютъ крестьянъ своихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, единственно изъ одного желанія сдѣлать ихъ по смерти своей счастливыми, принуждены будутъ отказаться отъ своего намѣренія, ибо исполненіе онаго весьма затруднительно, особенно по малому количеству землемѣровъ» *). Поэтому общее собраніе сената рѣшило освятить закономъ то, что прежде допускалось практикою, т.-е. предоставить самимъ крестьянамъ раздѣленіе уступленной имъ въ собственность земли на участки; но съ тѣмъ, чтобы 1) при заключеніи условія помѣщикъ обязывался объяснить, въ какой срокъ и какимъ образомъ они должны произвести этотъ раздѣлъ, т.-е. по количеству ли внесеннаго за себя каждымъ крестьяниномъ выкупа, или по числу наличныхъ душъ; 2) до раздѣла земли или до минованія положеннаго въ условіи срока никто изъ крестьянъ отдѣльно не можетъ быть признанъ полнымъ хозяиномъ оставленнаго ему помѣщикомъ участка, слѣдовательно, не можетъ его отчуждать или передавать своего права на него. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ нихъ до раздѣла, его участокъ переходитъ къ наследникамъ, но только на правѣ владѣнія, а

*) По свидѣтельству сената, условія между помѣщикомъ и крестьянами, представляемыя на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, почти никогда не бывали составлены согласно установленнымъ для этого правиламъ, несмотря на ихъ «ясность и опредѣлительность», такъ что министерство бывало принуждено возвращать такія условія для исправленія и дополненія, и вѣрѣдко случалось, что въ теченіе употребляемаго на то времени помѣщикъ умиралъ, не исполнивъ своего намѣренія, отчего возникали «непріятные и вредные споры между его наследниками и крестьянами», и неповиновеніе этихъ послѣднихъ своимъ господамъ, которые хотѣли оставить ихъ «у себя въ вѣрности».

не собственности, при совершении же раздѣла онъ входитъ въ общую массу раздѣляемой земли, и въ собственность наследниковъ поступаетъ лишь та часть его, которая причиталась бы по раздѣлу на долю умершаго. Но, разумѣется, земля, приобретенная свободнымъ хлѣбопашцемъ внѣ границъ уступленныхъ его обществу владѣній, составляетъ его неотъемлемую собственность. Государственный совѣтъ согласился съ опредѣленіемъ сената, и мнѣніе его было утверждено Государемъ.

Было бы очень важно опредѣлить, какое условіе раздѣла чаще встрѣчается въ договорахъ между помѣщиками и крестьянами: по числу душъ, или по количеству внесеннаго каждымъ выкупа? Къ сожалѣнію, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы не даютъ намъ возможности точно отвѣтить на этотъ вопросъ; мы имѣемъ на это указаніе только въ 20 случаяхъ освобожденія: изъ нихъ въ 10 предоставляется крестьянамъ раздѣлить землю по числу душъ или «по ровну» и въ 10—по количеству внесеннаго каждымъ выкупа. Сверхъ того, въ одномъ случаѣ просто предоставляется крестьянамъ произвести раздѣлъ «полюбовно».

И при томъ, и при другомъ способѣ раздѣла земли могли совершенно прекратиться ея дальнѣйшіе передѣлы. Оказалось, однако, что въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянамъ самимъ предоставлялось произвести раздѣлъ земли, они обыкновенно продолжали владѣть ею на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при крѣпостномъ правѣ, т.-е. съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. Обзоръ, произведенный въ 1847—48 гг. чиновниками министерства государственныхъ имуществъ въ губерніяхъ: Московской, Владимірской, Ярославской, Рязанской, Тульской и Орловской, показалъ, что въ большей части имѣній свободныхъ хлѣбопашцевъ земля оказалась нераздѣленною между крестьянами. Безъ сомнѣнія, именно соблюденіе общинныхъ принциповъ повело къ тому, что крестьяне эти почти повсемѣстно оказались въ положеніи зажиточномъ. Нужно замѣтить, что и въ тѣхъ вотчинахъ, гдѣ земля была раздѣлена по количеству внесеннаго каждымъ выкупа, не всегда послѣ перехода крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы устанавливалось вполне подворное владѣніе: мы встрѣчаемъ въ нихъ иногда повтореніе передѣловъ земли пропорціонально суммѣ выкупа, хотя, конечно, этотъ способъ раздѣла противорѣчилъ обычнымъ общиннымъ принципамъ, такъ какъ въ основаніи его лежитъ не большая или мень-

шая потребность крестьянской семьи въ землѣ, а ея экономическая состоятельность. Были, однако же, и такія имѣнія, гдѣ при освобожденіи было введено окончательно подворное землевладѣніе и гдѣ передѣлы, хотя бы и пропорціонально суммѣ выкупа, прекратились; но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ крестьяне современемъ перешли, попрежнему, къ обычной формѣ общиннаго пользования землею; тамъ же, гдѣ уцѣлѣло подворное участковое землевладѣніе, оно привело, судя, по крайней мѣрѣ, по наблюденіямъ въ Московской губерніи, къ печальнымъ послѣдствіямъ *).

Представивъ общій обзоръ тѣхъ условій, на которыхъ помѣщики увольняли своихъ крестьянъ въ царствованіе Императора Николая, мы остановимся теперь подробнѣе на трехъ примѣрахъ такого освобожденія, изъ которыхъ два замѣчательны по числу уволенныхъ при этомъ крестьянъ, а третье—по личности владѣльца.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1772 г. Императрица Екатерина пожаловала графу Алексѣю Григорьевичу Орлову «за чесменскую баталію» 4,000 душъ изъ дворцовыхъ вотчинъ, позволяя ему выбрать ихъ по своему усмотрѣнію; вскорѣ послѣ того, вѣроятно, согласно съ желаніемъ Алексѣя Григорьевича Орлова, состоялось и самое назначеніе имѣній, а именно: въ Московской губерніи изъ вѣдомства дворцовой Хатунской волости. Въ 1807 г. это имѣніе перешло по наслѣдству къ дочери Алексѣя Григорьевича, извѣстной Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской, которая, какъ мы видѣли, весьма многихъ изъ своихъ крестьянъ уволила въ свободные хлѣбопашцы. Въ 1838 г. она заключила договоръ объ увольненіи и съ крестьянами своей Хатунской вотчины, Серпуховскаго уѣзда, главныя постановленія котораго мы и приведемъ здѣсь. Камеръ-фрейлина графиня Орлова-Чесменская уволила въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ **) 5,518 душъ мужскаго пола «съ ихъ женами, обоюгаго пола дѣтьми, до ревизіи и послѣ оной рожденными, внучатами, приемышами и въ безвѣстныхъ отлучкахъ находящимися, также съ пожилыми и зара-

*) Орловъ: „Формы крестьянскаго землевладѣнія Московской губерніи. Сборн. статистическихъ свѣдѣній по московской губ. Отд. хозяйств. стат.“, т. IV, вып. 1, стр. 302—304, 305—308.

**) За исключеніемъ изъ числа 5,780 душъ мужск. пола 146 дворцовыхъ, которыхъ она оставила у себя, 45 отпущенныхъ прежде на волю, 67 отданныхъ въ рекруты, трехъ сосланныхъ на поселеніе и одной души, по ошибкѣ двойнѣ показанной.

ботными ихъ деньгами». Въ «неотъемлемую собственность» увольняемыхъ крестьянъ помѣщица предоставила всю пахотную и непахотную землю съ сѣнными покосами, лугами и лѣсами *), съ озерами, рѣками, мельницами и рыбными ловлями, съ отхожими пустошами и прочими угодами, «сколько въ нимъ по межевымъ книгамъ, планамъ, писцовымъ выписямъ и крѣпостямъ принадлежитъ и чѣмъ оныя крестьяне доселѣ владѣли и нынѣ владѣютъ, не оставляя за собою ни единого четверика земли, а также съ господскимъ и крестьянскимъ хороменнымъ жильемъ и нежилымъ строеніемъ, садами, огородами, коноплянниками, огуменниками, съ посѣяннымъ и непосѣяннымъ всякаго рода хлѣбомъ, рогатымъ и нерогатымъ скотомъ и птицами, — словомъ, со всѣмъ ихъ крестьянскимъ, въ чемъ бы оно ни состояло, имуществомъ». Всей земли въ этомъ имѣніи было 31,111 дес., т.-е. по 5,6 дес. на душу. Требуемое закономъ раздѣленіе земли графиня предоставила крестьянамъ сдѣлать самимъ «въ свое время, полюбозно и безобидно», по примѣру другихъ, уже уволенныхъ ею въ свободные хлѣбопашцы крестьянъ Ярославской губерніи **). Всѣ квитанціи за отданныхъ въ рекруты изъ увольняемаго имѣнія крестьянъ въ зачетъ будущихъ наборовъ, а также купленныхъ самими крестьянами, помѣщица предоставила въ полную ихъ собственность. За свое увольненіе и уступку имъ земель крестьяне обязались уплатить помѣщицѣ 2.260,800 руб. ассигн. ***) (это составляетъ по 115 руб. сер. съ души). Кромѣ того, крестьяне приняли на себя уплату казенныхъ и земскихъ повинностей до будущей ревизіи за всѣхъ ранѣе отпущенныхъ на волю, отданныхъ въ рекруты и сосланныхъ на поселеніе, также какъ и за дворовыхъ до перечисленія ихъ изъ вотчины въ другую (послѣднее помѣ-

*) Кромѣ лѣса на одномъ островѣ, проданнаго на срубъ, послѣ чего, однако, земля должна остаться собственностью крестьянъ.

**) Мѣрское (общинное) землевладѣніе сохранилось до сихъ поръ у крестьянъ Хатунской волости.

***) Эта сумма составилась изъ а) уже внесенныхъ господѣ 300,000 руб. ассигн.; б) выданныхъ графинѣ въ ссуду изъ московскаго опекунскаго совѣта подъ залогъ увольняемаго имѣнія 1.375,000 руб., платежъ которыхъ крестьяне приняли на себя, и, затѣмъ, в) остальной выкупной суммы 531,800 руб. и равныхъ оброчныхъ недоимокъ за прежнее время, что составляетъ вмѣстѣ 622,800 руб. Вся сумма равняется 2.297,800 руб. Для погашенія недостающихъ 37,000 руб. или, какъ сказано въ условіи, „для окончательнаго расчета“ съ крестьянами, очевидно, и былъ проданъ лѣсъ на одномъ изъ острововъ вотчины.

щица обязалась исполнить въ теченіе года) *); всѣ издержки по увольненію крестьяне приняли на себя.

Самою крупною помѣщичьею вотчиною изъ всѣхъ выкуплен-ныхъ на свободу въ царствованіе Императора Николая было воронежское имѣніе гр. Петра Дмитріевича Бутурлина, въ которомъ было около 12,000 д. м. п. (почти пятая часть всего числа перешедшихъ въ эту эпоху въ свободные хлѣбопашцы). Договоръ между крестьянами и помѣщикомъ былъ заключенъ въ 1841 г., но утвержденіе его правительствомъ, въ виду различныхъ затрудненій, послѣдовало лишь черезъ 3 года. Прежде всего, первоначальный договоръ вызвалъ нѣкоторыя замѣчанія со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ: въ одномъ изъ нихъ обращено было вниманіе на необозначеніе въ условіи, въ какой именно срокъ и на какомъ основаніи должны они раздѣлить между собою землю; важнѣе было другое замѣчаніе. Въ договорѣ было, между прочимъ, сказано, что крестьяне «до совершеннаго удовлетворенія помѣщика... должны находиться въ управленіи и совершенномъ повиновеніи тѣхъ же лицъ, которыя нынѣ ими управляютъ». Мы увидимъ ниже, что такое условіе было не даромъ включено въ договоръ гр. Бутурлина; министерство внутреннихъ дѣлъ хотя и не знало тѣхъ фактовъ, которые потомъ обнаружались относительно злоупотребленій этихъ управляющихъ, обратило вниманіе на то, что такое постановленіе можетъ повести къ вреднымъ для крестьянъ послѣдствіямъ **). Договоръ былъ воз-

*) „Мы, уполномоченные отъ крестьянъ,—сказано далѣе въ договорѣ, заключенномъ ими съ помѣщикомъ,—въ изъявленіе благодарности нашей и потомковъ къ Господу Богу за такое увольненіе, согласно желанію графини Орловой-Чесменской, обязуемся какъ за себя, такъ и за довѣрителей нашихъ, изъ общей мірской сумми всей вотчины устроить не медля и не позже какъ черезъ годъ отъ подписанія сего договора приличную утварь Христорожественской церкви въ селѣ Кашенинцѣ, Архангельскую же церковь въ селѣ Михайловскомъ отштукатурить и обнести оградомъ, а Козьмо-Демьяновскую, въ селѣ Козьминѣ, покрыть желѣзомъ... поставляя, притомъ, вотчинному правленію въ непремѣнную обязанность заботиться, дабы всѣ вообще храмы Хатунской волости и самыя причты ихъ, не теряя впредь ничего изъ нынѣшняго своего содержанія, приводимы были, сколь возможно, въ лучшее состояніе и слѣдующее отъ прихожанъ жалованье священно и церковно служителямъ Воскресенской церкви села Хатуни по 600, а Покровской села Мышинскаго—по 250 руб. ас. въ годъ производимо было всегда исправно; священникъ же церкви въ селѣ Вихарѣ пользовался бы всегда отавомъ по снятіи первой травы подъ личною въ противныхъ случаяхъ отвѣтственностью вотчинныхъ бурмистровъ и старостъ“.

**) Въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго къ воронежскому губернскому предводителю дворянства было сказано: „по существующимъ правиламъ крестьяне поступаютъ въ свободные хлѣбопашцы немедленно по заключеніи на сей пред-

вращенъ для передѣлокъ. Еще прежде чѣмъ онъ былъ утвержденъ правительствомъ, крестьяне въ томъ же 1841 г., когда онъ былъ подписанъ обѣими заинтересованными въ этомъ дѣлѣ сторонами, приступили къ уплатѣ денежнаго выкупа: внеся, что слѣдовало, въ опекунскій совѣтъ, они заплатили владѣльцу не только слѣдовавшіе по расчету въ первый годъ 120,000 р., но, вслѣдствіе вымогательствъ управляющаго, иностранца Дерберга, внесли еще и лишнихъ 18,000 р. Кроме того, по словамъ воронежскаго губернатора, барона фонъ-дери-Ховена, «угрозами и самымъ мщеніемъ» Дербергъ заставилъ часть крестьянъ подписать приговоръ объ оставленіи его въ званіи управителя, а его зятя, лекаря Раевского, — завѣдующимъ вотчинною больницею, съ жалованьемъ обоимъ до 3,150 р. на счетъ крестьянъ. «Болѣе 25-ти лѣтъ совмѣстнаго завѣдыванія Дерберга (сначала конскимъ заводомъ, а потомъ и имѣніемъ гр. Бутурлина) съ нынѣшнимъ главноуправляющимъ его поручикомъ Кавецкимъ, — писалъ воронежскій губернаторъ министру внутреннихъ дѣлъ, — соединило ихъ тѣсною дружбою, укрѣпившеюся нераздѣльными выгодами ихъ. Получивъ отъ графа первый 1,000 дес. на имя своего сына, а послѣдній, г. Кавецкій, 125 душъ съ 2,000 дес. земли и пользуясь отсутствіемъ владѣльца, они отвели для себя земли въ самомъ центрѣ всей дачи, захвативъ главнѣйшія угодья и включивъ въ крѣпостной актъ постоянный дворъ, приносящій до 1,500 р. сер. годоваго дохода. Въ продолженіе всего 1841 года Дербергъ цѣлыми селеніями почти постоянно удерживалъ крестьянъ въ деревнѣ Кавецкаго на его и въ нѣкоторой части на своихъ работахъ, строго наказывая, притомъ, тѣлесно многихъ изъ крестьянъ, содержа въ оковахъ, колодкахъ... и брея головы на подобіе арестантовъ. Разныя господскія и общественныя строенія сламывалъ и на крестьянскихъ подводахъ по ряду перевозилъ или къ себѣ, а наиболѣе въ имѣніе главноуправляющаго; самопроизвольно истреблялъ лѣсъ, употребляя его на собственные постройки *). Главнѣйшія оброчныя статьи, заведенія и проч. отдавалъ въ содержаніе безъ согласія общества, но такимъ изъ купцовъ или крестьянъ, съ коими непосредственно участвуетъ въ торговлѣ и промыслахъ». Когда «притѣсненія и

летъ договора, а потому вышеприведенное условіе въ столь общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ не можетъ быть допущено“.

*) Онъ не жалѣлъ всего этого, такъ какъ по утвержденіи договора имѣніе должно было въ полномъ составѣ поступить въ распоряженіе крестьянъ.

обиды достигли уже крайней возможности», крестьяне въ началѣ 1842 г. обратились къ воронежскому губернатору, и посланный имъ для разслѣдованія совѣтникъ губернскаго правленія Волошиновъ открылъ все вышеописанное; при его содѣйствіи крестьяне, въ удовлетвореніе ихъ жалобъ, получили 12,000 р., но въ послѣдствіи по дѣламъ вотчинной конторы оказалось еще разнаго неправильнаго отчужденія болѣе чѣмъ на 7,000 р., и затѣмъ оставались безъ всякаго вознагражденія претензіи ихъ на Кавецкаго на сумму свыше 15,000 р. Крестьяне и не отважились бы отыскивать съ него этихъ денегъ по неограниченной къ нему довѣренности ихъ помѣщика и въ виду предоставленнаго полномочія, если бы онъ не подалъ повода къ тому новою несправедливостью. Когда въ февралѣ 1842 г. крестьянамъ было объявлено, что заключенное ими съ владѣльцемъ условіе возвращено министромъ внутреннихъ дѣлъ для исправленія, раздраженные открытіемъ своихъ злоупотребленій Кавецкій и Дербергъ воспользовались этимъ и объявили, что владѣлецъ вовсе не хочетъ возобновлять договора. Крестьяне принесли жалобу; Кавецкій и Дербергъ обвинили ихъ въ неповиновеніи и готовы были уже отправить въ ссылку и сдать въ рекруты лучшихъ людей крестьянскаго общества, когда вновь прибылъ чиновникъ Волошиновъ. Кавецкій принужденъ былъ уволить Дерберга отъ должности, а самъ предъ чиновникомъ и цѣлымъ обществомъ крестьянъ изустно и письменно обязался немедленно приступить къ составленію условія съ указанными министерствомъ измѣненіями. Но какъ только 2 апрѣля 1842 г. состоялся извѣстный указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, Кавецкій далъ знать вотчинной конторѣ, будто бы этимъ новымъ закономъ затрудняется увольненіе крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы съ землею, между тѣмъ, какъ извѣстно, онъ не имѣлъ никакой обязательной силы и вовсе не отмѣнялъ закона 1803 г. «Такое произвольное сужденіе г. Кавецкаго, могущее отклонить и графа Бутурлина отъ окончательнаго заключенія договора съ крестьянами своими, — доносилъ воронежскій губернаторъ, — можетъ возбудить ропоть, послѣдствія котораго ни къ какому отношенію не могутъ быть благопріятны», а потому бар. фонъ-дёръ-Ховенъ предписалъ земскому суду Бобровскаго уѣзда, гдѣ находилось имѣніе гр. Бутурлина, немедленно обязать Кавецкаго подпискою, чтобы онъ не позволялъ себѣ ложныхъ толкованій новаго постановленія правительства и съ точностью исполнялъ бы волю своего довѣрителя подъ опасе-

нѣмъ, въ противномъ случаѣ, строгаго взысканія по законамъ *). Перовскій обратилъ особенное вниманіе на это дѣло, призналъ дѣйствія воронежскаго губернатора совершенно правильными и просилъ мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства оказать содѣйствіе переходу крестьянъ гр. Бутурлина въ свободные хлѣбопашцы.

Главноуправляющій Кавецкій, ложно толковавшій указъ 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, хотѣлъ, повидимому, ввести въ заблужденіе и своего патрона, какъ можно заключить изъ приведеннаго ниже письма къ нему гр. Бутурлина, но онъ увидѣлъ, что намѣреніе графа освободить своихъ крестьянъ съ землею непоколебимо. «Жаль мнѣ, — писалъ Бутурлинъ Кавецкому, — что вы въ письмахъ вашихъ не дали мнѣ точнаго понятія о измѣненіяхъ, требуемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ нашихъ условіяхъ съ крестьянами **), ибо, если полагаете, что онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы, пользуясь новыми распоряженіями правительства, я непременно оставилъ бы за собою землю и вмѣсто вольныхъ хлѣбопашцевъ сдѣлалъ бы изъ слободскихъ крестьянъ обязанными (sic), то, признаюсь вамъ, мнѣ будетъ весьма огорчительно (министръ и не думалъ требовать ничего подобнаго); я далъ слово обществу бутурлинскому, что отпущу ихъ на волю на точномъ основаніи тѣхъ условій, на коихъ получили свободу Васильевская слобода съ прилежащими хуторами, и никакъ не намѣренъ нарушать данное слово. А потому, если вы увидите съ его превосходительствомъ Львомъ Алексѣевичемъ (Перовскимъ), поставьте это на видъ, тѣмъ болѣе, что изъ бывшихъ уже неудовольствій, побудившихъ васъ устранить Дерберга, можемъ предвидѣть дальнѣйшія непріятности, если въ чемъ-либо существеннаго (sic) захотятъ перемѣнить первоначальное условіе: хохлы мнительны и будутъ благать, что мы ихъ хотимъ провести, еп иш пот,

*) Вмѣстѣ съ тѣмъ, воронежскій губернаторъ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ „оказать крестьянамъ справедливую защиту, преградивъ г. Кавецкому пути въ дальнѣйшіимъ изворотамъ и злоупотребленіямъ“, и довести до свѣдѣнія жившаго во Флоренціи гр. Бутурлина о дѣйствіяхъ его повѣренныхъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, съ своей стороны, принялъ „безотлагательныя мѣры“ къ скорѣйшему заключенію окончательнаго условія съ своими крестьянами, тѣмъ болѣе, что онъ уже получилъ отъ нихъ значительную часть денегъ.

**) Давать точныя свѣдѣнія о замѣчаніяхъ министерства было для Кавецкаго неудобно, такъ какъ министръ обратилъ вниманіе на широкія права, которыя тотъ выговаривалъ себѣ относительно крестьянъ и послѣ ихъ увольненія.

que nous n'agissons pas franchement, or le bon Dieu m'est témoin de la sincérité, avec laquelle j'entre dans toute cette affaire».

Между тѣмъ, стараніями посланнаго воронежскимъ губернаторомъ чиновника Волошинова и бобровскаго уѣзднаго предводителя дворянства злоупотребленія въ имѣніи гр. Бутурлина были прекращены и въ половинѣ 1842 г. составленъ новый договоръ крестьянъ съ помѣщикомъ, совершенно ихъ удовлетворившимъ *).

Договоръ гр. П. Д. Бутурлина, подписанный въ августѣ 1842 г. и утвержденный Государемъ въ ноябрѣ 1844 г., начинался такимъ образомъ: «Я, нижеподписавшійся, коллежскій совѣтникъ, камергеръ и кавалеръ, графъ Петръ Дмитріевъ сынъ Бутурлинъ, вспоминая всегда о тѣхъ заботахъ, съ какими покойный родитель мой, тайный совѣтникъ, сенаторъ и дѣйствительный камергеръ, гр. Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, изыскивалъ средствъ (sic) къ облагодѣтельствуванію и улучшенію участи принадлежавшихъ ему крестьянъ, а притомъ убѣжденный въ этомъ случаѣ примѣромъ родительницы моей гр. А. А. Бутурлиной, уволившей доставшихся на ея часть крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, и видя сколь легко и исправно они теперь исполнили свою обязанность, за благо рассудилъ и принадлежащихъ мнѣ крестьянъ, доставшихся по наслѣдству послѣ покойнаго родителя моего гр. Д. П. Бутурлина уволить также въ

*) Пока договоръ этотъ проходилъ установленнаго закономъ мѣсяца, поднялось новое дѣло относительно крестьянъ матери гр. Петра Дмитріевича, тайной совѣтницы графини Анны Бутурлиной, того же Бобровскаго уѣзда, Воронежской губ., которые еще въ 1838 г. перешли въ свободные хлѣбопашцы въ числѣ 3,959 душъ и къ 1 января 1842 г. уже исполнили всѣ свои обязательства. Увидѣвъ, что ихъ собратьямъ удалось обличить всѣ козни Дерберга и даже столкнуть его съ мѣста, они заявили губернатору, что, при поступленіи ихъ въ свободные хлѣбопашцы, Дербергъ не занисалъ по книгамъ на приходъ нѣсколько значительныхъ статей общественныхъ доходовъ, удержавъ деньги у себя, по соглашенію съ сельскимъ начальствомъ, которое съ 1836 г. не допускало общество до учета и требовавшихъ его даже сажало подъ караулъ. Несмотря на то, что они исправно вносили окладные сборы, неизвѣстно почему на нихъ была накоплена значительная недоимка по займу въ опекуновомъ совѣтѣ; за проданный лѣсъ получены большія суммы, но въ нихъ также не дадутъ никакого отчета. Крестьяне просили губернатора для разбора ихъ жалобы назначить того же чиновника Волошинова, который вполнѣ удовлетворилъ бывшихъ крѣпостныхъ сына ихъ госпожи. Губернаторъ исполнилъ это желаніе, и Волошиновъ нашелъ такое запутанное и безпорядочное веденіе книгъ съ 1835 по 1842 г., что для подробной повѣрки счетовъ и собранія достовѣрныхъ справокъ нужно было очень много времени, но уже при первоначальномъ ихъ обзорѣ онъ открылъ, что неправильно израсходовано около 4,000 р., и затѣмъ поручилъ окончательную повѣрку счетовъ бобровскому окружному управленію при депутатахъ отъ крестьянскаго общества. Прежнее сельское начальство было удалено и выбрано новое.

званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, почему... заключилъ сей договоръ съ крестьянами имѣнія моего въ томъ, что я... крестьянъ моихъ... (такихъ-то слободъ, деревень и хуторовъ), за исключеніемъ изъ нихъ уволенныхъ особыми актами для избранія рода жизни, всего 63 души, остающихся затѣмъ, не оставляя за собой ни одной души, въ семь имѣній по 8-й ревизіи числящихся, всего 11,965 д., увольняю въ свободные хлѣбопашцы, безъ всякаго со стороны ихъ платежа за личную ихъ свободу», но на слѣдующихъ условіяхъ. Они должны взять всю землю, на которой поселены, 61,818 дес. (по 5, 2 дес. на душу), съ платою по 23 р. 14²/₇ к. за дес., а всего 1.430,645 р. Такъ какъ имѣніе состоитъ въ залогъ въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ и, по перезалогу въ 1842 г., на немъ числится долга 959,440 р. сер., то эту сумму крестьяне обязаны уплатить въ счетъ выкупа въ теченіе 37 лѣтъ, въ положенные кредитными установленіями сроки съ надлежащими процентами, а затѣмъ остальные 471,205 р. сер. внести помѣщику въ теченіе пяти лѣтъ, производя платежъ ежегодно къ Рождеству съ 4%. (въ томъ числѣ 100,771 р. отъ нихъ уже было получено). Вмѣстѣ съ землею крестьянамъ предоставляется все ихъ имущество, а также всѣ лѣса (765 дес.) и всѣ экономическія строенія, въ томъ числѣ свеклосахарный и конный заводы, 3 водяныя и двѣ вѣтряныя мельницы *). «По заплатѣ долга помѣщику и въ опекунскій совѣтъ, крестьянамъ предоставляется раздѣлить землю полюбовно въ теченіе двухъ лѣтъ по числу душъ, состоявшихъ въ 8-ую ревизію. По внесеніи всей суммы въ пользу помѣщика, они могутъ распорядиться лѣсомъ по своему усмотрѣнію, но до совершеннаго разчета съ гр. Бутурлинымъ не имѣютъ права ни рубить, ни продавать его, а для починки мостовъ и строеній могутъ ежегодно вырубать по 20 дес. и очищать сухой валежникъ. Когда лѣсъ послѣ разчета съ помѣщикомъ поступитъ во владѣніе крестьянъ, то, въ случаѣ его продажи, вырученныя деньги идутъ въ уплату долга опекунскому совѣту, въ противномъ же случаѣ они могутъ пользоваться имъ при полюбовномъ раздѣлѣ

*) Съ тѣмъ, однакожъ, что до полнаго разчета съ помѣщикомъ они могутъ пользоваться этими строеніями подъ наблюденіемъ повѣреннаго гр. Бутурлина, но господскій домъ, кухня, каретный сарай и каменные погреба должны быть сохранены въ дѣлности съ необходимыми ремонтами, прочее же каменное строеніе (мажежъ, овчарни, сарай и флигеля), оцененное въ 8,075 р. сер., имъ предоставляется продать въ свою пользу; свеклосахарнымъ заводомъ, оцененнымъ въ 40,000 руб., крестьяне также могутъ распорядиться, какъ найдутъ для себя выгоднымъ.

на число душъ постепенно, когда заблагоразсудится и будетъ въ томъ надобность *)). Если крестьяне въ какой-либо годъ не выполнять своихъ обязанностей, то договоръ уничтожается, они возвращаются, попрежнему, въ крѣпостное состояніе, а выплаченные ими деньги зачитаются въ оброкъ, по расчету ежегодно платимаго ими нынѣ.

Въ 1840 г. извѣстный другъ А. И. Герцена Н. П. Огаревъ заключилъ договоръ съ крестьянами унаслѣдованнаго имъ отъ матери имѣнія, села Бѣлоомута, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губ., относительно увольненія ихъ въ свободные хлѣбопашцы. П. В. Анненковъ въ своей статьѣ *Идеалисты 30-хъ годовъ* сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній объ этомъ освобожденіи, но почтенный авторъ, не имѣя, по его собственнымъ словамъ, официальныхъ документовъ объ этомъ дѣлѣ, говоритъ о немъ лишь «по слухамъ и воспоминаніямъ современниковъ», и, вслѣдствіе этого, его рассказъ, при всей его краткости (всего полторы страницы), заключаетъ въ себѣ нѣсколько крупныхъ ошибокъ. Минуя ихъ, мы заимствуемъ изъ него нѣсколько строкъ, оставляя ихъ, однако, на отвѣтственности автора. Г. Анненковъ сообщаетъ, что богатые крестьяне села Бѣлоомута, стоявшаго на рѣкѣ Окѣ, украшеннаго 4 церквами, владѣвшаго великолѣпными поемными лугами и обширными рыбными ловлями, служили въ званіи управляющихъ, распорядителей и въ другихъ высшихъ должностяхъ при откупахъ, и если сами не дѣлались откупщиками, то единственно по милости крѣпостнаго права. Многіе изъ нихъ являлись къ старому помѣщику (отцу Николаю Платоновича) съ просьбой о свободѣ и предложеніемъ значительныхъ выкуповъ. Одинъ изъ нихъ почти наканунѣ его смерти предлагалъ за себя 100,000 р. сер. (?), но старый баринъ, довольствовавшійся очень скромнымъ оброкомъ съ своихъ крестьянъ и поощрявшій всячески ихъ страсть къ наживѣ, не хотѣлъ и слышать о выкупахъ, гордясь тѣмъ, что въ числѣ его подданныхъ есть чуть не милліонеры. Молодой, унаслѣдовавшій его имѣніе, баринъ (имѣніе, какъ мы сказали выше, было собственно ма-

*) Въ случаѣ продажи лѣса послѣ окончательнаго расчета съ опекунскимъ совѣтомъ, вырученные деньги слѣдуетъ раздѣлять по числу крестьянъ, числящихся нынѣ по ревизіи и участвовавшихъ въ платежѣ денегъ за землю, „и отнюдь участіе... въ лѣсѣ, деньгахъ за оный и землѣ... не можетъ относиться къ тѣмъ изъ крестьянъ, которые, по какому-либо случаю, будутъ послѣ того къ нимъ причислены и не участвовали въ платежѣ денегъ ни помѣщику, ни опекунскому совѣту“.

теринское) тоже не благоволилъ къ отдѣльнымъ выкупамъ, но по другимъ причинамъ. Онъ отказалъ тремъ домовладѣльцамъ, явившимся къ нему тотчасъ послѣ смерти его отца съ 250,000 р. (?) въ видѣ вознагражденія за свое освобожденіе, и требовалъ, чтобы все село въ полномъ его составѣ приступило къ выкупу и равнолѣбно воспользовалось его выгодами. На этомъ условіи и состоялась сдѣлка *)). Прерывая тутъ разсказъ г. Анненкова, обращаемся къ неизданнымъ официальнымъ документамъ.

Договоръ, заключенный «коллежскимъ регистраторомъ» Огаревымъ съ крестьянами въ октябрѣ мѣсяцѣ 1840 г., былъ прерывающъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ мартѣ слѣдующаго года въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Черезъ мѣсяць министръ гр. Строгоновъ возвратилъ его обратно съ нѣкоторыми замѣчаніями; измѣненный, онъ вновь поступилъ въ министерство и былъ опять возвращенъ для исправленія. Въ концѣ февраля 1842 г. договоръ былъ окончательно изготвленъ, а въ іюнѣ уже утвержденъ Государемъ. Приведемъ подробно его содержаніе.

Крестьянамъ села Бѣлоомута въ верхней половинѣ **), за исключеніемъ всѣхъ отпущенныхъ на волю въ разное время, прочимъ 1,820 д. м. п. «дается вѣчная свобода для поступленія въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ съ женами ихъ, дѣтьми и пріемышами обоюга пола, какъ въ ревизіи значущимися, такъ и послѣ оной рожденными, со всѣмъ ихъ потомствомъ, строеніемъ, скотомъ и всякимъ имуществомъ». При селѣ этомъ пахотной земли не было, а во владѣніи крестьянъ находились луга, лѣса, выгонныя и усадебныя земли, рыбныя ловли и прочія угодья; всѣ эти земли и угодья въ количествѣ 8,127 дес. (по 4 1/2 дес. на душу), приходившихся на его часть (изъ 20,196 дес. состоявшихъ по селу Бѣлоомуту въ чрезполосномъ владѣніи съ другими помѣщиками), Огаревъ предоставилъ увольняемымъ крестьянамъ «въ вѣчную и потомственную ихъ собственность вмѣстѣ съ личною ихъ свободою». За это они приняли на себя слѣдующія обязательства: 1) заплатить 142,857 р. сер. выкупа, въ счетъ котораго они, при заключеніи перваго условія, въ октябрѣ 1840 г.; внесли 57,143 р., а затѣмъ остальные 85,714 руб. обязаны были уплатить въ продолженіе десятилѣтняго срока, начиная съ 1841 г., съ тѣмъ, чтобы во все время, покуда они

*) *Вѣстникъ Европы* 1883 г., № 4, стр. 510—511.

**) Изъ этого видно, что Н. П. Огареву принадлежала лишь часть села.

будутъ состоятъ въ долгу у помѣщика, они вносили ежегодно по 4% съ недоплаченной ими суммы; 2) уплачивать въ узаконенные сроки состоящій на селѣ Верхнемъ Бѣлоомутѣ долгъ сохранный казнѣ московскаго опекунскаго совѣта (по займу, сдѣланному въ 1837 г. на 26-ти лѣтній срокъ) 310,000 р. *ассигнаціями*, сколько числилось изъ этого долга за трехгодичную уплатою помѣщика (что они уже и начали исполнять на основаніи перваго условія); 3) по уплатѣ ими въ десятилѣтній срокъ всей договоренной суммы, они обязались внести помѣщику въ продолженіе 3-хъ лѣтъ состоящую за ними оброчную недоимку 11,428 р. сер. Крестьяне, разумѣется, приняли на себя уплату податей и исправленіе рекрутскихъ и другихъ государственныхъ повинностей (а до новой ревизіи и за вольноотпущенныхъ). По утвержденіи условія Государемъ, они должны были, «по взаимному согласію», въ трехгодичный срокъ 'раздѣлить уступаемую имъ въ собственность луговую землю на участки, по числу увольняемыхъ ревизскихъ душъ, съ тѣмъ, чтобы они остались «въ семействахъ ихъ собственными и наслѣдственными; лѣсныя же дачи, дабы сохранить ихъ отъ произвольнаго, безнужнаго истребленія, на участки не дѣлятся», а должны быть въ общемъ владѣніи и пользованіи увольняемыхъ крестьянъ, съ тѣмъ, однако же, чтобы количество нужнаго на срубъ лѣса каждаго изъ нихъ опредѣлялось на мирской сходкѣ. Земля выгонная, рыбныя ловли и прочія угодья остаются у крестьянъ также въ нераздѣльномъ владѣніи. Дворовыя усадебныя мѣста «навсегда должны быть наслѣдственною собственностью» тѣхъ, которые теперь ихъ занимаютъ.

Послѣ того, какъ договоръ этотъ былъ утвержденъ Государемъ въ іюнѣ 1842 г., Огареву, чтобы окончательно его оформить, оставалось только явиться въ рязанскую гражданскую палату «для совершенія записи на уволенныхъ имъ въ свободныя хлѣбопашцы крестьянъ». Но помѣщикъ не исполнилъ этого требованія закона и даже, не подозрѣвая необходимости своего присутствія въ Россіи для окончанія этого дѣла, уѣхалъ за границу. Въ іюлѣ 1843 г. сенатъ опредѣлилъ, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ приняло мѣры для отысканія Огарева и понужденія его явиться въ рязанскую гражданскую палату. Въ мартѣ 1844 г. министерство разослало объ этомъ циркуляры по всей Россіи; въ слѣдующемъ году министерство иностранныхъ дѣлъ повторило предписаніе о томъ же нашимъ миссіямъ и консульствамъ, на

что въ ноябрѣ мѣсяцѣ отъ берлинскаго посольства было получено, наконецъ, донесеніе, что Огаревъ являлся туда для засвидѣтельствованія своего паспорта на обратный проѣздъ въ Россію и «на сдѣланное ему объявленіе... отозвался, что онъ не понимаетъ, почему... договоръ его съ крестьянами не приведенъ еще въ исполненіе, и что онъ возвращается въ Россію именно для окончанія этого дѣла». Только въ январѣ 1846 г. въ рязанскую гражданскую палату прибылъ повѣренный Огарева съ довѣренностью отъ него на совершеніе записи, что и было черезъ нѣсколько дней исполнено.

Посмотримъ теперь, насколько были легки для крестьянъ денежные условія, поставленныя Огаревымъ. Во-первыхъ, они уплатили ему сразу 57,142 р. и обязались выплатить въ десятилѣтній срокъ 85,714 р. сер. Затѣмъ они приняли на себя уплату займа, сдѣланнаго ихъ помѣщикомъ изъ сохранный казны московскаго опекунскаго совѣта на 26-ти лѣтній срокъ въ 310,000 руб. асс., сколько этого долга числилось послѣ трехгодичной уплаты самимъ помѣщикомъ. По правиламъ 1830 г. былъ установленъ для ссудъ подъ залогъ населенныхъ имѣній 26-ти лѣтній срокъ съ платежомъ 2% въ погашеніе и 1% единовременной преміи (проценты по ссудамъ были уменьшены до 5). Послѣ трехгодичной уплаты на этихъ условіяхъ отъ долга въ 310,000 р. асс. осталось 288,794 р. асс., что, по переводѣ на серебро (по курсу 3,50 за рубль серебра), составитъ 82,512 р., т. - е. почти столько же, сколько оставалось еще внести помѣщику. Весь же выкупъ крестьянъ Огарева равняется 225,368 р. сер., а если прибавить еще обязательство внести оброчную недоимку—11,428 р., то всего они должны были уплатить 236,796 р., т. - е. по 130 р. съ души *). Даже для Рязанской губ. выкупъ этотъ былъ не изъ самыхъ низкихъ: генералъ-адъютантъ Демидовъ взялъ въ 1832 г. съ своихъ крестьянъ Спасскаго уѣзда, Рязанской губ. (5,153 д.), нѣсколько меньшій выкупъ, а именно по 120 р. сер. Правда, въ этой мѣстности взиались выкупы и вдвое большіе: помѣщики Мещерскіе, по договору 1848 г., взыскали съ своихъ крестьянъ (59 д.) по 254 р. сер. съ души (въ томъ же, какъ и Огаревъ, Зарайскомъ уѣздѣ, и почти съ такимъ же надѣломъ: по 5,2 дес. на душу), но

*) Одну часть этого долга они должны были уплатить въ 10 лѣтъ, другую—въ 23 года (со взносомъ съ первой по 4% за остающуюся къ уплатѣ сумму, а со второй по 5%); за оброчную недоимку процентовъ не полагалось.

бывали и вдвое меньшіе сравнительно съ тѣмъ, который потребовалъ Огаревъ: такъ, въ 1848 г. помѣщикъ Рюминъ освободилъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ, той же Рязанской губ., 460 д. крестьянъ съ выкупомъ всего по 67 р. съ души (при душевомъ надѣлѣ въ 6,3 дес.). Такъ какъ Огаревъ былъ не зауряднымъ помѣщикомъ, имѣвшимъ въ виду только свои интересы, а очень много мечталъ въ это время съ пріятелями относительно уничтоженія крѣпостнаго права въ Россіи, то отъ этого «идеалиста 30-хъ годовъ» можно было бы ожидать бѣльшей уступчивости крестьянамъ.

Что уплата выкупа легла на менѣе зажиточныхъ изъ крестьянъ Огарева тяжелымъ бременемъ, можно заключить и изъ слѣдующихъ словъ г. Анненкова: «При совершеніи акта освобожденія упущено было изъ вида мужицко-алигархическое устройство бѣломутовской общины. Богачи въ ней и прежде уплачивали государственныя и барскія повинности за земли и угодья неимущихъ, распоряжаясь послѣдними на правахъ втораго поддѣльнаго вотчиннаго права, а теперь, когда выкупъ палъ на тѣхъ же богачей, остальное населеніе, не участвовавшее въ немъ (?), оказалось ихъ неоплатнымъ должникомъ и поступило къ нимъ въ кабалу» *). Всѣ крестьяне Огарева участвовали въ выкупѣ, но, быть можетъ, болѣе бѣднымъ пришлось сдѣлать заемъ у богачей, и они очутились въ кабалѣ у этихъ послѣднихъ: очевидно, такъ надо понимать слова г. Анненкова **). Существованіе значительнаго количества бѣдняковъ въ вотчинѣ Огарева подтверждается и бѣльшей недоимкою на имѣніи, которую, очевидно, нельзя было взыскать обычными средствами и пришлось зачислить въ выкупную сумму.

Какъ бы то ни было, послѣ того, какъ договоръ съ крестьянами былъ окончательно оформленъ, то-есть въ 1847 г., оказалось, что имъ не по силамъ принятія на себя обязательства: не имѣя возможности уплатить помѣщику остававшагося за ними долга, крестьяне просили перезаложить ихъ въ полной суммѣ для удовлетворенія владѣльца, *опасаясь, въ противномъ случаѣ, послѣ столькихъ пожертвованій поступитъ въ прежнее крѣ-*

*) *Вѣстникъ Европы* 1883 г., № 4, стр. 511.

**) Аналогичный примѣръ закабаленія бѣдняковъ болѣе богатыми крестьянами въ имѣніи княгини Багратионъ Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи: «богатые крестьяне вносили выкупъ за бѣдныхъ, за что получали во владѣніе надѣлы ихъ, а послѣдніе тѣмъ самымъ обращались въ безземельныхъ». Это оказалось возможнымъ вслѣдствіе подворнаго раздѣленія земли.

постоянное состояніе. Согласно съ мнѣніемъ министра государственныхъ имуществъ, эта просьба крестьянъ была удовлетворена.

Въ царствованіе Императора Александра I было нѣсколько случаевъ выдачи крестьянамъ ссуды изъ заемнаго банка для выкупа въ свободные хлѣбопашцы; но ни одна изъ нихъ не была выплачена въ опредѣленные сроки, а потому для однихъ допускалась разсрочка долга, а другіе обращались въ казенныхъ крестьянъ съ переводомъ долга на государственное казначейство. Въ 1831 году, по случаю всеподданнѣйшаго прошенія 119 душъ крестьянъ помѣщицы Никитиной (Рязанской губерніи) объ исходатайствованіи имъ въ ссуду изъ заемнаго банка 25,000 р. для выкупа изъ помѣщичьяго владѣнія и поступленія въ свободные хлѣбопашцы, министръ финансовъ Канкринъ отозвался министру внутреннихъ дѣлъ, что подобныя ссуды онъ признаетъ неудобными, какъ въ виду неаккуратности крестьянъ, такъ и потому, что онѣ даютъ поводъ предполагать, «будто бы правительство невыгодно думаетъ о положеніи помѣщичьихъ крестьянъ, содѣйствуя съ своей стороны ихъ выкупу».

На основаніи закона 1803 года, крестьяне, оказавшіеся несостоятельными въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ, должны были, какъ мы уже знаемъ, обращаться, попрежнему, въ крѣпостное состояніе. Въ іюнь 1847 г., когда барономъ Корфомъ былъ возбужденъ вопросъ о распространеніи на всю Россію права, предоставленнаго крестьянамъ Грузіи, выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга (см. VII гл. нашей статьи), онъ предложилъ при этомъ причислять выкупавшихся крестьянъ къ свободнымъ хлѣбопашцамъ *), и по этому поводу въ докладной запискѣ Государю 23 іюня 1847 г. онъ возбудилъ вопросъ относительно того, что правило о возвращеніи несостоятельныхъ свободныхъ хлѣбопашцевъ въ крѣпостное состояніе противорѣчитъ общему коренному нашему закону, «по которому воспользовавшийся уже единожды свободою никогда не можетъ быть возвращенъ въ крѣпость». Государь вполне призналъ справедливость этого замѣчанія и предварительно одобрилъ мѣру, которую предложилъ баронъ Корфъ для уничтоженія указаннаго имъ неудобства относительно выкупающихся на волю, а именно обращеніе ихъ земель въ собственность казны и об-

*) Государь ничего не имѣлъ противъ этого, — ему не нравилось только названіе «свободные хлѣбопашцы», и онъ пожелалъ совсѣмъ уничтожить его, замѣнивъ другимъ терминомъ: «государственные крестьяне на особомъ положеніи».

ложеиe ихъ оброкомъ и общественнымъ сборомъ, съ тѣмъ, что бы казна уплатила за нихъ долгъ.

Такъ какъ Государь изъявилъ графу Киселеву свою волю о переимѣнѣ названія свободныхъ хлѣбопашцевъ, то 30 іюня 1847 года онъ представилъ Императору Николаю докладъ, въ которомъ говоритъ, что «свободные хлѣбопашцы подчинены палатамъ государственныхъ имуществъ и управляются на одинаковомъ основаніи съ государственными крестьянами съ различіемъ токмо въ отношеніи къ владѣемымъ ими на правѣ собственности землямъ, за которыя они освобождаются отъ платежа оброка», слѣдовательно, относительно исполнившихъ заключенныя ими условія «нѣтъ никакого препятствія назвать ихъ *государственными крестьянами на особыхъ правахъ*». Что касается не исполнившихъ еще окончательно своихъ обязательствъ, то Киселевъ вполне признавалъ невозможность сохранить указанное барономъ Корфомъ противорѣчіе въ законѣ и не находилъ въ этомъ даже надобности. «Разсматривая свойство увольнительныхъ актовъ» въ свободные хлѣбопашцы, Киселевъ пришелъ къ выводу, что «обезпеченіе таковыхъ условій... не требуетъ столь сильной мѣры, чтобы допускать въ законѣ правило, не сообразное съ духомъ нашего законодательства насчетъ людей, получившихъ однажды свободное состояніе». Я полагаю, — продолжаетъ онъ, — что нынѣ, съ подчиненіемъ свободныхъ хлѣбопашцевъ управленію государственныхъ имуществъ, исполненіе со стороны ихъ условій можетъ быть обезпечено: 1) наблюденіемъ управленія, 2) учрежденіемъ въ случаѣ малѣйшей неустойки общественной запашки, 3) мѣрами взысканій, постановленными для крестьянъ государственныхъ, и, наконецъ, 4) самой землею, изъ которой управленіе можетъ извлекать доходы хозяйственными способами для пополненія слѣдующихъ отъ крестьянъ платежей».

Государь, приказавъ графу Киселеву передать его докладъ барону Корфу, относительно возвращенія свободныхъ хлѣбопашцевъ въ случаѣ неустойки въ прежнее крѣпостное состояніе отозвался, что послѣдующіе законы отмѣняютъ или прекращаютъ дѣйствіе предъидущихъ, и что во всякомъ случаѣ онъ не находитъ ни возможнымъ, ни приличнымъ сохранить эту статью правилъ 1803 г. въ противность коренному закону. Императоръ Николай повелѣлъ обсудить этотъ вопросъ, полагая, съ своей стороны, что владѣлецъ, отпустившій крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, сохраняетъ до окончательнаго съ ними расчета

право на все ихъ имущество, и, если они окажутся неисправными, то, за отобраниемъ земли и движимости въ уплату условленнаго выкупа и на погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ, люди остаются бобылями и передаются на дальнѣйшее распоряженіе правительства, если оно не найдетъ болѣе выгоднымъ заплатить долгъ и причислить хлѣбопашцевъ въ государственные крестьяне, съ обращеніемъ ихъ земли въ казну и съ назначеніемъ оброка въ вознагражденіе понесенныхъ ею издержекъ. Вслѣдъ затѣмъ Государь повелѣлъ вопросъ этотъ отдѣлить отъ вопроса о предоставленіи крестьянамъ права выкупа при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, почему секретный комитетъ, учрежденный по поводу этого послѣдняго дѣла, и постановилъ предоставить графу Киселеву, по сношеніи съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, сообщить ихъ общее заключеніе статсъ-секретарю барону Корфу для соображенія этого дѣла и внесенія потомъ въ государственный совѣтъ.

Завязалась длинная переписка между министрами государственныхъ имуществъ, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ и вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, представителями котораго явились сначала баронъ Корфъ, а потомъ, по возвращеніи своемъ, и графъ Блудовъ.

8 ноября 1847 г. состоялся, какъ извѣстно, указъ о дозволеніи крестьянамъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга; эти крестьяне получили названіе *безоброчныхъ*, и такимъ же образомъ предполагалось назвать и свободныхъ хлѣбопашцевъ. Между тѣмъ, переписка между различными вѣдомствами о свободныхъ хлѣбопашцахъ продолжалась и въ 1848 г., но мы не находимъ нужнымъ на ней останавливаться, такъ какъ она не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и была неожиданно прервана министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ маѣ 1848 г. Киселевъ получилъ официальное отношеніе отъ Перовскаго, въ которомъ тотъ сообщалъ, что, въ виду значительнаго накопленія въ его министерствѣ дѣлъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, пріостановленныхъ впредь до изданія новыхъ правилъ, и вслѣдствіе непрерывныхъ домогательствъ помѣщиковъ объ утвержденіи ихъ договоровъ съ крестьянами, онъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи Государя представлять на высочайшее утвержденіе въ прежнемъ порядкѣ, впредь до изданія новыхъ правилъ, какъ уже поступившіе, такъ и вновь поступающіе договоры со свободными хлѣбопашцами. Сверхъ того, онъ

доложилъ Императору Николаю, что со времени изданія указа 1803 г. въ хлѣбопашцы поступило около 200,000 душъ *обоего пола* и что успѣхъ этого дѣла всего болѣе слѣдуетъ приписать правилу о возвращеніи увольняемыхъ, въ случаѣ ихъ несостоятельности, въ прежнее состояніе. Владѣльцы заключали договоры съ крестьянами, продолжалъ онъ въ твердой увѣренности, что увольняемые непремѣнно выполнять принятыя на себя обязательства, и дѣйствительно, въ теченіе сорока пяти лѣтъ со времени указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ, было только три случая невыполненія крестьянами (въ числѣ 477 душъ) своихъ обязанностей, «собственно по нерадѣнію и безпечности самихъ крестьянъ»; но въ послѣднія семнадцать лѣтъ такихъ примѣровъ уже вовсе не встрѣчалось. Поэтому «при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію Перовскаго, полезно было бы до времени не отмѣнять указаннаго правила, которое нынѣ служитъ только болѣе нравственнымъ страхомъ (sic) для точнаго исполненія повинностей со стороны свободныхъ хлѣбопашцевъ, обращеніе коихъ въ первобытное состояніе ни въ какомъ случаѣ не допускается безъ особаго каждый разъ представленія о томъ Государственному совѣту, и, такимъ образомъ, отъ правительства всегда будетъ зависѣть замѣнять въ частныхъ случаяхъ мѣру эту другою». Этотъ докладъ Перовскаго побудилъ Императора Николая отступить отъ своего прежняго мнѣнія, и онъ повелѣлъ, «не дѣлая никакихъ измѣненій въ положеніи о свободныхъ хлѣбопашцахъ, переименовать одно только названіе ихъ» *).

Гр. Киселевъ пытался доказывать, что главные основанія новаго составленнаго имъ проекта были «окончательно разрѣшены» самимъ Государемъ, что самъ Императоръ Николай избралъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ названіе крестьянъ безоброчныхъ, что Государь признавалъ невозможнымъ сохранять противорѣчіе въ правилахъ о нихъ съ общимъ закономъ, по которому люди, разъ получившіе свободу, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть возвращаемы въ крѣпостное состояніе. Однако, всѣ возраженія его были оставлены безъ вниманія, и 15 іюля, повидимому, совершенно неожиданно для Киселева, сенату былъ данъ именной

*) Относительно этого Перовскій полагалъ, что, при сохраненіи прежнихъ правилъ, названіе *безоброчные* можетъ породить въ крестьянахъ недоразумѣнія, „такъ какъ они подъ именемъ оброка обыкновенно понимаютъ всѣ денежные взносы и, съ переименованіемъ ихъ въ безоброчные, могутъ думать, что они свободны отъ всѣхъ податей и повинностей“.

указъ о переименованіи какъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, такъ и безоброчныхъ крестьянъ, выкупившихся на основаніи указа 8 ноября 1847 г., въ «государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ», съ сохраненіемъ за ними всѣхъ выгодъ и преимуществъ, предоставленныхъ имъ указами 1803 и 1847 гг., но и съ оставленіемъ въ силѣ правила о возвращеніи свободныхъ хлѣбопашцевъ, въ случаѣ ихъ несостоятельности, попрежнему, въ крѣпостное состояніе.

Замѣтивъ, что повинности, принимаемая на себя крестьянами при увольненіи, оказывались иногда слишкомъ непосильными, министерство внутреннихъ дѣлъ просило въ 1848 г. губернскихъ предводителей дворянства удостовѣряться въ сомнительныхъ случаяхъ, дѣйствительно ли крестьяне имѣютъ средства для выполнения принимаемыхъ на себя повинностей, и доставлять свѣдѣнія о томъ вмѣстѣ съ договорами. Въ 1853 г. это пришлось опять подтвердить новымъ циркуляромъ. Отказъ крестьянъ тайнаго совѣтника Протасова отъ исполненія заключенныхъ съ нимъ условій (см. выше) послужилъ поводомъ къ изданію высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ 4 августа 1853 г., чтобы на будущее время, прежде представленія на утвержденіе договоровъ между владѣльцами и крестьянами, было требуемо еще заключеніе мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ о благонадежности крестьянъ относительно исполненія принятыхъ ими на себя обязанностей; при этомъ процедура увольненія помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе государственныхъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, была значительно усложнена *).

Подробно разсмотрѣвъ дѣйствія закона 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ въ царствованіе Императора Николая, мы считаемъ необходимымъ привести въ заключеніе мнѣніе одного изъ современниковъ, извѣстнаго А. И. Кошелева, высказанное имъ въ 1858 г. въ подробной запискѣ по крестьянскому вопросу. «Указъ 20 февраля 1803 г.,—говоритъ Кошелевъ,—въ теченіе

*) Упомянемъ еще о двухъ постановленіяхъ относительно свободныхъ хлѣбопашцевъ при Императорѣ Николаѣ. Въ 1828 г. сенатъ разъяснилъ, что людей, „отсужденныхъ“ рѣшеніями судебныхъ мѣстъ изъ помѣщичьяго владѣнія, дозволяется причислять въ свободные хлѣбопашцы, но не иначе, какъ по точномъ удостовѣреніи, что они дѣйствительно приобрѣли въ собственность земли для своего водворенія. Въ 1830 г. опредѣлено крестьянъ, отпускаемыхъ въ свободные хлѣбопашцы, исключать изъ-за помѣщиковъ въ отношеніи платежа податей.

слишкомъ 50 лѣтъ... имѣлъ, къ сожалѣнію, дѣйствіе незначительное: по 9-й народной переписи числится государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, 296,428 д. обоюго пола». Этимъ закономъ «установлена личная собственность отдѣльныхъ участковъ въ общей дачѣ... и нѣтъ достаточнаго обезпеченія въ пользу помѣщиковъ насчетъ исполненія крестьянами принятыхъ на себя обязанностей. Узаконеніе личной собственности въ общей дачѣ (т.-е. уничтоженіе общиннаго землевладѣнія) такъ противно русскому духу, что оно почти нигдѣ не установилось, гдѣ же его ввели, тамъ оно подало поводъ къ безчисленнымъ тяжбамъ между однодачниками, предоставленіе же имъ права продавать и закладывать принадлежащія имъ участки сосредоточило владѣніе землею въ рукахъ немногихъ крестьянъ, а прочіе дѣлались чистыми бобылями. Это обѣднѣніе нѣкоторыхъ селъ, отпущенныхъ въ свободные хлѣбопашцы, служитъ противникамъ освобожденія крѣпостныхъ людей любимымъ доводомъ въ защиту ихъ мнѣнія; но они не обращаютъ вниманія на то, что виною этого обѣднѣнія не освобожденіе, а одно изъ условій, при которомъ оно совершилось... Но развитіе этого указа болѣе всего остановлено тѣмъ, что помѣщики были недостаточно обезпечены въ исправномъ полученіи слѣдующихъ имъ суммъ съ освобождаемыхъ крестьянъ. Въ законѣ стоитъ весьма строгая и, повидимому, вполне удовлетворительная въ этомъ отношеніи статья, гдѣ сказано: «крестьяне, въ случаѣ неустойки, возвращаются, попрежнему, въ крѣпостное состояніе». Но возможно ли исполненіе этой угрозы? Крестьяне, еще не вкусившіе блага свободы, едва сносятъ помѣщичью власть; каково же владѣльцу съ ними возиться послѣ нѣсколькихъ-лѣтней независимости? Опасаясь этого, помѣщики болѣею частью освобождаютъ крестьянъ только въ томъ случаѣ, когда они, сверхъ переводимаго на нихъ долга опекунскаго содѣла, вносятъ наличными всѣ остальные съ нихъ причитающіяся деньги, а какъ капиталовъ у крестьянъ вообще мало, то и неудивительно, что весьма немногія деревни вышли на волю. Вслѣдствіе недовѣрія помѣщиковъ къ сдѣлкамъ этого рода, бывають слѣдующіе случаи: помѣщики обѣщаютъ крестьянамъ освобожденіе по полной уплатѣ имъ извѣстныхъ суммъ; крестьяне исправно оныя взносятъ по срокамъ; но владѣльцы умиряютъ до полученія послѣднихъ денегъ, а ихъ наслѣдники объ этихъ уплатахъ часто знать не хотятъ, и крестьяне, истощен-

ные многолѣтними тяжкими взносами, остаются, попрежнему, въ крѣпостномъ состояніи. Вотъ главный причины слабого дѣйствія сего указа; къ этому присоединилось еще усложненіе, въ силу указа 4 августа 1853 г., порядка увольненія помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе государственныхъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ. Утвержденіе договора помѣщика съ крестьянами, на основаніи этого постановленія, зависитъ отъ согласія не менѣе шести, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ семи и восьми разновѣдомственныхъ лицъ; и только послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ представляется условіе на высочайше утвержденіе... По всѣмъ изложеннымъ причинамъ понятно, почему число свободныхъ хлѣбопашцевъ мало прибываетъ; къ этому должно присоединить и то, что, по большей части, исправники, предводители и губернаторы весьма неохотно принимаютъ бумагі отъ помѣщиковъ по освобожденію крестьянъ, весьма радушно показываютъ, съ какими затрудненіями это дѣло сопряжено, и совѣтуютъ не впутываться въ оное, приговаривая: «начать легко, да кончить трудно». Высшее правительство также оказываетъ этому способу освобожденія мало сочувствія, не учреждая особаго банка для вспомоствованія въ этомъ дѣлѣ крестьянамъ и даже не дѣлая никакихъ особыхъ льготъ по залогамъ земель, населенныхъ свободными хлѣбопашцами».

«Вникая въ основную мысль указа 20 февраля 1803 г., — продолжаетъ Кошелевъ, — и разсматривая дѣйствія его по увольненію крестьянъ, должно сознаться, что онъ дѣйствительно ихъ освобождаетъ, основываетъ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ на положительныхъ началахъ и ясно опредѣляетъ отношенія ихъ какъ къ прежнему помѣщику, такъ и къ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ. Въ этомъ заключается великое превосходство этого указа надъ положеніемъ объ обязанныхъ крестьянахъ, которое... не разрѣшаетъ затрудненій, а отодвигаетъ ихъ только въ даль, не освобождаетъ крестьянъ, а говоритъ имъ о какихъ-то правахъ, которыхъ на дѣлѣ оно имъ вовсе не предоставляетъ, и устанавливаетъ между помѣщиками и крестьянами такія двусмысленныя отношенія, что изъ нихъ, кромѣ раздраженія и вражды, ничего выйти не можетъ» *).

*) Мнѣніе другаго извѣстнаго современника о значеніи закона 1803 г., Н. И. Тургенева, высказанное въ его книгѣ *La Russie et les Russes* (Brux., 1847), приведено и разобрано въ нашей статьѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ при Императорѣ Александрѣ I. *Рус. Мысль* 1883 г., кн. XI, стр. 28—32.

Въ этомъ мнѣніи Кошелева есть нѣкоторыя справедливыя указанія на причины недостаточно широкаго примѣненія закона 1803 г., но, вмѣстѣ съ тѣмъ, справедливо и то, что этотъ законъ былъ неизмѣримо плодотворнѣе указа 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Кошелевъ не договорилъ только одного, что самую неприятною стороною закона 1803 г. для помѣщиковъ, особенно губерній густо населенныхъ, было требованіе надѣленія крестьянъ землею. Не имѣя, такимъ образомъ, возможности освобождать крестьянъ цѣлыми селеніями безъ земли, нѣкоторые изъ нихъ стали стремиться къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, по возможности уменьшить размѣръ ихъ земельного обезпеченія. Очень интересна въ этомъ отношеніи попытка нѣкоторыхъ дворянъ Тульской губ. установить выгодныя для помѣщиковъ правила освобожденія крѣпостныхъ. Считаемо необходимымъ подробно остановиться на этомъ, до сихъ поръ неизвѣстномъ, эпизодѣ изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе Императора Николая, тѣмъ болѣе, что онъ прекрасно характеризуетъ новыя стремленія извѣстной партіи дворянства, додумавшейся до того, что, при извѣстныхъ условіяхъ, уничтоженіе крѣпостнаго права можетъ быть для нихъ дѣломъ весьма небезвыгоднымъ.

Тульская губ. еще во второй половинѣ XVIII в. принадлежала къ числу наиболѣе густо населенныхъ мѣстностей Россіи. Вслѣдствіе этого земля была здѣсь дороже, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ, и потому освобожденіе крестьянъ если не совершенно безъ нея, то, по крайней мѣрѣ, съ возможно меньшимъ ея количествомъ; довольно рано стало улыбаться нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ: они хорошо знали, что безъ пашни и покоса крестьянинъ не обойдется, и за арендованіе необходимаго для него количества можно будетъ потребовать вознагражденія деньгами или трудомъ не менѣе, если не болѣе того, сколько выжималось подъ давленіемъ крѣпостнаго права. Другимъ важнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы развязать обязательныя отношенія съ крестьянами, служила для помѣщиковъ сильная задолженность ихъ имѣній въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ проценты по этимъ долгамъ поглощали значительную часть дохода, а неаккуратность въ ихъ уплатѣ вела къ продажѣ вотчины съ публичнаго торга. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и начали сказываться освободительныя стремленія среди нѣкоторыхъ дворянъ Тульской губерніи.

По свидѣтельству одного современника, горячо желавшаго уничтоженія крѣпостнаго права, въ 1837 или 1838 г. нѣкоторые изъ тульскихъ дворянъ вздумали составить проектъ освобожденія крестьянъ, за что «сихъ прожектеровъ въ московскомъ англійскомъ клубѣ предали анаѳемѣ». Указъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ видно изъ имѣющихся въ нашихъ рукахъ документовъ, далъ новый толчекъ этому дѣлу, и въ началѣ 1844 г. тульскіе дворяне Мясновъ, Муравьевъ, гр. Татищевъ, Ошанинъ и Болотовъ подали мѣстному губернатору такое заявленіе: «Желая съ вѣрноподданническимъ усердіемъ исполнить монаршую волю, изъявленную въ указѣ объ обязанныхъ крестьянахъ», они «встрѣтили затрудненіе въ томъ, что имѣнія ихъ, состоя въ залогѣ въ кредитныхъ установленіяхъ отъ 60 до 80 р. сер. на ревизскую душу, сверхъ того, по бѣдственному 1840 году обременились значительными долгами частными». Имѣя все это въ виду, они рѣшились «представить воззрѣнію Государя Императора» слѣдующія предложенія. Каждый изъ нихъ готовъ надѣлать своихъ крестьянъ и дворовыхъ по 1 дес. земли на ревизскую душу «въ вѣчную собственность», включая въ это число усадьбы, огороды, огуменники и выгоны. Землю эту они могутъ продавать и уступать, кому пожелають, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ согласія сельскаго общества и помѣщика, имъ дозволяется переселяться съ одного мѣста на другое, но только въ предѣлахъ своей губерніи. Усадебныя постройки со скотомъ и домашнею птицею, которыя вмѣстѣ съ крестьянами составляютъ собственность господина, помѣщики предоставляютъ освобождаемымъ. Наконецъ, они «отказываются навсегда отъ всѣхъ крестьянскихъ обязательныхъ работъ и прочихъ повинностей, приносящихъ ежегодно отъ каждой ревизской души, по самому крайнему исчисленію, по 8 р. сер.» *). За это освобожденіе крестьяне, кромѣ подушной по-

*) Составители проекта дѣлаютъ слѣдующій расчетъ: день работника съ собственной лошадыю въ кругломъ счетѣ за цѣлый годъ нигдѣ не можетъ быть оцѣненъ менѣе 10 к. сер. (при этомъ они умалчиваютъ, что съ лошадыю исполняется лишь половина сельскихъ работъ); день работника — 3 к. сер. Рабочихъ дней въ году, за исключеніемъ праздниковъ, считается 135, слѣдовательно (?) тягло *приносить* (?) помѣщику работою 17 р. 55 к. сер. въ годъ. Каждый работникъ отвозитъ въ Москву на собственный счетъ господскаго хлѣба или припасовъ 75 п. въ зиму; считая за провозъ по 7 к. съ пуда, это составитъ 5 р. 25 к. (на поляхъ проекта сдѣлано замѣчаніе, что эта подводная повинность зачисляется въ счетъ 135 барщинныхъ дней). Сверхъ того, каждое тягло даетъ помѣщику извѣстное количество припасовъ нату-

дати, должны будутъ вносить по 3 р. сер. съ каждой десятины земли; этотъ поземельный сборъ «на все остающееся время слѣдующей по залогу срочной уплаты процентовъ и погашенія» долженъ поступать въ кредитныя установленія, а по истеченіи этого времени—въ государственные доходы, вслѣдствіе чего они увеличатся втрое. «Полная собственность крестьянъ, по мнѣнію авторовъ проекта, есть вѣрное ручательство денежнаго сбора безъ всякаго уклоненія, какъ то случается нынѣ *) (авторы не договариваютъ, слѣдуетъ ли продавать крестьянскія земли въ случаѣ недоимки въ платежахъ), поприще же ихъ земледѣльческой дѣятельности останется то же, какъ и нынѣ на помѣщичьихъ земляхъ (?), и количество (удобной земли) должно будетъ еще увеличиться отъ разработки срубленныхъ лѣсовъ, осушенія болотъ и прочее». За свои собственные интересы помѣщики не опасаются: они знаютъ, что крестьянамъ придется сдѣлаться ихъ арендаторами. «Крестьяне и дворовые люди—продолжаютъ они,—будучи надѣлены собственной землею достаточно для осѣдлости, пропитанія и податей (??), но недостаточно для земледѣльческаго промысла, неминуемо должны будутъ вступить съ владѣльцами земель, окружающихъ ихъ селеніе, въ разнородныя обязательства и брать тѣ земли за деньги или за работу по одному указанію собственныхъ выгодъ безъ всякихъ другихъ побужденій». Вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ долгу помѣщика кредитнымъ установленіямъ, «раздѣляясь не въ видѣ капитала, а въ ежегодномъ сборѣ поземельной подати, *долженъ быть уничтоженъ въ самомъ своемъ названіи вмѣстѣ съ происходящимъ отъ него запрещеніемъ*». Такъ какъ, по правиламъ 1830 г., помѣщикамъ при 26-ти лѣтнемъ срокѣ ссуды приходилось платить 2% погашенія (т.-е. вмѣстѣ съ 5% за ссуду—7%), а при 37-лѣтнемъ срокѣ 1% погашенія (всего 6%), то очевидно, что вносимые крестьянами 3 р. сер. съ души, при значитель-

род—въ годъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ на 2 р. 30 к. сер.⁴ Все это вмѣстѣ составляетъ съ cadaque работника по 25 р. сер. въ годъ, а такъ какъ на тягло считалось обыкновенно въ этой мѣстности 3 ревизскихъ души, то на каждую изъ нихъ придется 8 р. 33 к. сер.

*) Въ подтвержденіе своихъ словъ они напоминаютъ, что само правительство (въ посреднической инструкціи при размежеваніи) признало за усадебными крестьянскими землями двойную стоимость сравнительно съ пахотною землею (въ удѣльныхъ имѣніяхъ они цѣнятся даже выше), а такъ какъ земля въ Тульской губ. продается большими дачами по 35—40 р. сер. за дес., слѣдовательно, отмежеванная сельская земля «представляетъ полное обезпеченіе лежащаго нынѣ на ревизской душѣ долга».

ныхъ долгахъ кредитнымъ учрежденіямъ (60—80 р. на душу), не покрывали всего, что должны были ежегодно вносить помѣщики; слѣдовательно, часть этихъ платежей, хотя и меньшая, должна была пасть и на дворянскія земли. Но даже и эти добровольные платежи составители проекта хотѣли начать платить не сразу. Такъ какъ, по ихъ мнѣнію, «новый порядокъ въ общемъ помѣщичьемъ хозяйствѣ можетъ (временно) сильно нарушить ихъ выгоды», то они ходатайствовали передъ Государемъ о дарованіи помѣщикамъ 10-ти лѣтней льготы «въ ежегодной платѣ кредитнымъ установленіямъ остальной слѣдующей части, а по прошествіи льготныхъ лѣтъ, когда взаимныя отношенія сами собою основательно утвердятся и примутъ должный ходъ, правительство само опредѣлить постоянную подать съ владѣльческихъ земель по своему усмотрѣнію и, возвратя срочнымъ образомъ всѣ суммы просимой нынѣ... 10-ти лѣтней льготы, увеличить государственный доходъ новою постоянною съ владѣльческихъ земель податью».

Составители проекта были, видимо, очень довольны своимъ твореніемъ. «Пожертвованіе значительными ихъ выгодами,—говорятъ они въ заключеніе его,—можетъ послужить впослѣдствіи образцомъ для прочихъ, указавъ на спокойное владѣніе имуществомъ, чуждое тѣхъ трудностей, которыя существуютъ въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей отъ того, что трудъ, не будучи собственностью самого трудящагося, по естественноту ходу ослабѣваетъ до совершенной лѣности, отчего и отношенія между владѣльцами и крестьянами приходятъ часъ отъ часу въ болѣе и болѣе ничѣмъ неотразимый беспорядокъ, уничтожающій обоюдныя выгоды и хозяйство, *почему и выгоды отъ работной платы..., исчисленныя отъ работника, при очевидномъ своемъ уменьшеніи, оказываются на дѣль совершенно невыгодными*». Тутъ авторы проекта, сами того не замѣчая, опровергаютъ свое вычисленіе относительно огромнаго и вѣрнаго дохода съ барщиннаго труда. Въ концѣ-концовъ, они заявляютъ, что если ихъ предположеніе будетъ одобрено Государемъ, то на изложенныхъ основаніяхъ они представятъ, «сообразно имѣнію каждаго, нужныя подробности касательно администраціи и управленія крестьянами».

Весьма не трудно раскрыть всю неправильность расчета, положеннаго въ основаніе этого проекта. Во-первыхъ, составители его совершенно напрасно смѣшиваютъ рабочую плату за день барщины съ чистымъ доходомъ отъ этого труда, и, такимъ

образомъ, получаютъ слишкомъ большой доходъ съ тягла—по 25 р. серебромъ, между тѣмъ какъ, по свидѣтельству современника, изучавшаго въ это время положеніе крѣпостныхъ крестьянъ во многихъ губерніяхъ Россіи, въ Тамбовской, также черномоземной и, притомъ, болѣе многоземельной губерніи, находили возможнымъ взыскивать оброкъ лишь по 30 р. ассигнаціями (т.-е. 8 р. 57 к. сер.) съ тягла, при надѣлѣ отъ 1½ до 2 дес. пашни въ каждомъ полѣ (всего 4½—6 дес.) и до 1½ дес. покосу. Въ барщинныхъ имѣніяхъ доходъ могъ быть выше, чѣмъ въ оброчныхъ, но никакъ не втрое. Проектируемый авторами проекта сборъ по 3 р. сер. съ дес., кромѣ подушныхъ податей, также непомерно великъ; хотя они увѣрили въ своемъ позднѣйшемъ проектѣ, что даже полевая земля въ Тульской губ. отдавалась въ наемъ по 4—6 р. съ дес. Наконецъ, болѣе чѣмъ странно увѣреніе тульскихъ помѣщиковъ, будто одной десятины земли на ревизскую душу, считая въ томъ числѣ и занятую усадебными постройками, будетъ достаточно для прокормленія крестьянъ и уплаты податей. Такимъ образомъ, проектъ, повидному, такъ легко разрѣшавшій крестьянскій вопросъ, былъ составленъ исключительно въ интересахъ помѣщиковъ. Какова же была его судьба?

В. Г. Бѣлинскій, въ письмѣ къ г. Анненкову, написанномъ въ 1847 г., отрывки изъ котораго мы уже приводили въ предыдущей главѣ, между прочимъ, говоритъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ «движеніе тульскаго дворянства въ пользу вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго права было остановлено правительствомъ съ высокоумнымъ презрѣніемъ». Это обвиненіе основано на невѣрныхъ слухахъ. Въ томъ же самомъ 1848 г. тульскіе дворяне, когда среди нихъ былъ поднятъ вопросъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ, заявили, что въ отвѣтъ на представленный ими проектъ 1844 г. правительство потребовало, чтобы они исполнили одно условіе—заручились согласіемъ крестьянъ на свои предложенія; нельзя не признать, что оно имѣло полное право поставить это требованіе на основаніи какъ закона 1803 г. о свободныхъ хлѣбонашцахъ, такъ и указа 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, но добровольнаго согласія своихъ крѣпостныхъ тульскимъ дворянамъ было бы, разумѣется, трудно добиться въ данномъ случаѣ.

Въ только что упомянутомъ письмѣ 1847 г. къ П. В. Анненкову Бѣлинскій, послѣ упоминанія, что правительство нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ отвергло проектъ тульского дворянства, затѣмъ говоритъ: «теперь, напротивъ, посланъ былъ тульскому дворянству запросъ, такъ ли же расположено оно теперь къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права». Дѣйствительно, изъ официальныхъ документовъ намъ извѣстно, что тульскій губернаторъ обратился по высочайшему повелѣнію къ мѣстнымъ дворянамъ, желавшимъ измѣнить положеніе своихъ крестьянъ, съ запросомъ: «отказались ли они совершенно отъ предположеній увольненія крестьянъ въ обязанные на представленныхъ ими условіяхъ, или готовятъ новые проекты?» На это 8 дворянъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ подписавшихъ проектъ 1844 г., были еще гр. Бобринскій (очень крупный землевладѣлецъ Тульской губ.), Раевскій и Воронцовъ-Вельяминовъ, отвѣчали слѣдующее: «Мысль отрѣшенія крѣпостнаго права, въ обширномъ его значеніи, насъ никогда не оставляла: достиженіе возможности дать каждому индивидуалу (sic) право употреблять и прилагать трудъ свой по собственнымъ способностямъ и расчетамъ, всегда представлялось намъ единымъ средствомъ къ общему благоденствію. Мысль наша отдать въ вѣчную собственность на каждую ревизскую душу по десятинѣ земли относилась къ тому, чтобы естественною привязанностью къ собственности привязать крестьянъ къ мѣсту ихъ жительства и утвердить въ трудолюбіи для нихъ же довольства. Безъ собственности, при одной свободѣ пролетаріевъ, они легко могутъ подѣйствовать въ неотразимый вредъ себѣ и государству... Изложивъ сіе, нижеподписавшіеся осмѣливаются испрашивать соизволенія Государя Императора на составленіе комитета подъ наблюденіемъ начальника губерніи, съ принятіемъ въ члены онаго, по примѣру различныхъ специальныхъ обществъ, помѣщиковъ, знающихъ основательно бытъ, нравы, понятія крестьянъ, выгоды мѣстнаго земледѣлія и промыслы, которые, собравъ по возможности всѣ нужныя данныя, будутъ въ состояніи приступить къ составленію проектовъ относительно токмо собственныхъ своихъ имѣній. Изъ тѣхъ проектовъ верховное правительство по государственнымъ даннымъ, намъ неизвѣстнымъ, изберетъ или исправитъ по своему усмотрѣнію то, что можетъ послужить, по крайней мѣрѣ, образцомъ въ приложеніи къ безвредному исходу изъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ находятся нынѣ владѣльцы земель съ работающимъ классомъ крѣпостнаго состоянія» *).

*) П. Н. Масновъ, повидимому, главный запѣвало въ этомъ дѣлѣ и человекъ во-

Однако, просьба тульскихъ дворянъ объ учрежденіи въ губерніи официального комитета по крестьянскому дѣлу была также отвергнута, какъ и подобное предложеніе А. И. Бошелева въ концѣ того же 1847 года относительно Рязанской губерніи (см. VIII гл. нашей статьи). Въ апрѣлѣ 1847 года тульскій губернаторъ объявилъ ходатайствовавшимъ о томъ лицамъ волю Государя, чтобы они ограничились составленіемъ проекта освобожденія крестьянъ въ ихъ собственныхъ имѣніяхъ. Къ концу ноября того же года проектъ этотъ былъ готовъ и уже подписанъ тремя помѣщиками изъ числа желавшихъ дать свободу своимъ крестьянамъ, прочіе же въ это время еще не подписали его или за отсутствіемъ, или «за несовершеннымъ одномысліемъ въ порядкѣ освобожденія», по словамъ лица, послѣдившаго конфиденціально сообщить копію съ этого проекта гр. Киселеву еще ранѣе его подачи тульскому губернатору.

Однако, уже было заготовлено представленіе губернатору, въ которомъ составители проекта нашли необходимымъ изложить главные начала, положенныя ими въ основаніе новаго плана освобожденія своихъ крестьянъ. «Въ сихъ основныхъ началахъ, — говорятъ они, — мы отчасти отступили отъ первоначальнаго, представленнаго нами въ 1844 году проекта; къ этому побудило насъ какъ зрѣлое обсужденіе многихъ вопросовъ, поднятыхъ изученіемъ предмета столь еще новаго и мало извѣстнаго, такъ, съ другой стороны, въ особенности желаніе по мѣрѣ возможности удовлетворить тѣмъ высшимъ требованіямъ правительства, вслѣдствіе коихъ проекту нашему въ 1844 году не было дано дальнѣйшаго хода». Прежде всего, авторы проекта глубоко убѣждены въ томъ, что «при настоящемъ составѣ крѣпостнаго сословія и существѣ обоюдныхъ отношеній, изъ быта сего истекающихъ... лучшимъ путемъ къ уничтоженію крѣпостнаго права не есть

обще довольно популярный въ Тульской губерніи, такъ какъ онъ былъ избранъ въ это время вторымъ кандидатомъ въ званіе губернскаго предводителя дворянства, несмотря на „извѣстный всѣмъ“, по его словамъ, образъ мыслей его о крѣпостномъ правѣ, препроводилъ въ январѣ 1847 г. къ гр. Киселеву копію съ приведеннаго отвѣта тульскихъ дворянъ мѣстному губернатору и при этомъ „убѣдительно“ просилъ Киселева ходатайствовать о разрѣшеніи просимаго комитета: „официальность его укажетъ всѣмъ ясно на непоколебимость благой воли Государя Императора... слѣдовательно, заставитъ обратиться къ мысленію тѣхъ, которые беззаботно доселѣ ни о чемъ не размышляли, а затѣмъ зрѣлое, неторопливое размышленіе помѣщиковъ благонамѣренныхъ по собраннѣмъ на мѣстѣ даннымъ подаетъ сильную помощь къ возможности безбѣднаго постепеннаго исхода изъ настоящаго запутаннаго положенія и покажетъ первый примѣръ въ этомъ великомъ государственномъ дѣлѣ“.

болѣзненный мгновенный разрывъ всѣхъ основанныхъ на немъ и глубоко укоренившихся въ народномъ сознаниіи отношеній между помѣщиками и крестьянами, но лишь постепенное, правильное исхожденіе изъ нихъ, постепенное освобожденіе: отъ тягостнаго крѣпостнаго быта крестьянъ, единственно по мѣрѣ: сознанія ими этой тягости и развитія правильного въ нихъ пониманія: выгодъ свободнаго состоянія». Положеніе крѣпостныхъ «далеко неодинаково»: между тѣмъ какъ масса ихъ «коснѣетъ еще въ грубомъ невѣжествѣ» вслѣдствіе отсутствія «свободы приложенія труда и частной собственности», во многихъ изъ нихъ трудолюбіе и сильное образованіе развили «сознаніе собственной личности» и «непримиримости ихъ личныхъ интересовъ съ гнетущимъ ихъ старымъ порядкомъ вещей». Поэтому «и далеко неодинакова тягость, ощущаемая тѣми и другими отъ воздѣйствія на нихъ крѣпостнаго состоянія»: для однихъ оно является «бременемъ невыносимымъ», для другихъ, нерадивыхъ и нищихъ, при всей возможности злоупотребленія помѣщиками ввѣренной имъ властью, оно представляетъ «и цѣлую систему постоянныхъ и непрерывныхъ за то вознагражденій», какъ, напримѣръ, помощь въ голодные годы. Поэтому необходимо доставить первымъ «закономъ освященную возможность» получать отъ помѣщика свободу за разъ навсегда установленный максимумъ выкупа, тѣмъ болѣе, что это «должно указать и всѣмъ прочимъ на пользу труда» и послужить сильнымъ побужденіемъ къ пріобрѣтенію средствъ для полученія законнымъ образомъ такихъ же выгодъ новаго состоянія. Авторы проекта выражаютъ «совершенную увѣренность» въ томъ, что «безвозмездное и незаслуженное дарованіе свободы лицамъ крѣпостнаго состоянія лишило бы послѣднихъ только возможности въ полной мѣрѣ оцѣнить всю важность и всѣ выгоды подобнаго дара». Второе основное начало проекта составляетъ «возведеніе выкупающихся на волю крестьянъ и дворовыхъ людей на степень совершенно свободныхъ вотчинниковъ пріобрѣтаемыхъ ими земель, безъ образованія изъ нихъ отдѣльныхъ обществъ по владѣнію землями и платежу податей», — другими словами, уничтоженіе круговой поруки; о вредѣ же общиннаго владѣнія, говорятъ составители проекта, «излишне было бы, кажется, и распространяться: вредъ сей слишкомъ очевиденъ и уже надлежащимъ образомъ оцѣненъ... первоначальнымъ узаконеніемъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ». Затѣмъ долгъ кредитнымъ учрежденіямъ, въ отличіе отъ проекта 1844 года, предполагается те-

перь обезпечить исключительно тою землею, которая остается за помѣщиками послѣ надѣленія крестьянъ. Наконецъ, составители проекта указываютъ на то, что, при нынѣ принятыхъ ими основаніяхъ освобожденія, нѣтъ уже надобности въ согласіи крестьянъ на введеніе въ дѣйствіе новаго положенія, такъ какъ отъ собственнаго желанія каждаго изъ нихъ будетъ зависѣть получить ли увольненіе изъ крѣпостнаго состоянія за извѣстный выкупъ, или остаться въ прежнемъ положеніи.

Самый проектъ «постепеннаго освобожденія крестьянъ» начинался двумя постановленіями объ ограниченіи власти помѣщиковъ. «Первымъ и священнымъ долгомъ» своимъ они считали «навѣки отказаться отъ принадлежащаго имъ... права продавать изъ подчиняемыхъ настоящему положенію имѣній своихъ, а равно и вновь покупать для населенія ихъ крестьянъ на свозъ безъ земли». Точно также отказывались они отъ права переселять крестьянъ порознь или цѣлыми селеніями въ другія губерніи, «оставляя токмо за собою право переселять ихъ, когда заблаго-разсудятъ, съ одного мѣста на другое въ предѣлахъ одного и того же уѣзда». Самымъ удобнымъ способомъ освобожденія крестьянъ, какъ мы уже знаемъ, авторы проекта считаютъ отпущеніе на волю не цѣлыми селеніями вдругъ, а посредствомъ одиночнаго выкупа по добровольному соглашенію въ цѣнѣ между помѣщикомъ и крестьянами. Обязательный для помѣщиковъ тахітумъ, болѣе котораго онъ не имѣетъ права требовать отъ желающаго выйти на волю крестьянина или двороваго, назначенъ въ проектѣ въ 100 р. за каждую наличную душу мужскаго пола, причемъ помѣщикъ за эту цѣну обязанъ не только освободить своего крѣпостнаго, но и надѣлать его одною десятиною земли и уступить ему все крестьянское строеніе и движимую собственность *). Авторы проекта напоминаютъ, что

*) „Обязательный для владѣльцевъ тахітумъ выкупа,—объясняютъ составители проекта,—между прочимъ, введенъ закономъ 18 іюля 1845 г. въ принадлежащихъ Франціи колоніяхъ и, несмотря на чрезвычайныя затрудненія въ правильномъ и добросовѣстномъ приложеніи сего закона, происходяція отъ явной оппозиціи плантаторовъ, петворства колоніальныхъ чиновниковъ, которые почти всѣ сами имѣютъ рабовъ, крайней отдаленности отъ метрополя и, наконецъ, совершеннаго почти отсутствія у рабовъ-негрятанъ матеріальныхъ средствъ для пріобрѣтенія себѣ способовъ выкупа,—краткая и правомѣрная эта система эмансипаціи уже въ теченіе перваго года принесла богатые плоды, какъ видно изъ отчета, представленнаго французскому правительству въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года морскимъ министромъ. Англія, неудовольствовавшаяся медленнымъ, но вѣрнымъ ходомъ постепенной реформы, пожертвовала 20.000,000 ф. стер. для вознагражденія плантаторовъ въ своихъ колоніяхъ и пожала горькіе плоды своей поспѣшности“.

нѣкоторые разряды крестьянъ уже давно пользуются подобнымъ правомъ выкупа *), и имъ оставалось только слѣдовать всѣмъ этимъ указаніямъ. «Единственное существенное измѣненіе (?), ими введенное, есть пожертвованіе (?) ими собственною землею для надѣленія выкупающихся на волю крестьянъ; но въ этомъ, по ихъ словамъ, послѣдовали они какъ искреннему своему убѣжденію въ пользѣ таковой мѣры, такъ и основной мысли первоначально ими представленнаго проекта въ 1844 г. Мысль эта въ томъ развитіи, въ коемъ она нынѣ представляется, есть ничто иное, какъ только *пополненіе первоначальнаго положенія о свободныхъ хлѣбопашцахъ*, въ каковое званіе дозволено помѣщикамъ отпускать крестьянъ своихъ не тобмо цѣлыми селеніями, но и отдѣльными дворами и лицами, надѣляя ихъ изъ дачъ своихъ землею». Далѣе авторы проекта стараются доказать, что назначенный ими тахішимъ выкупа «есть крайній низайшій предѣлъ того, что безъ явнаго для нихъ разоренія можетъ быть постановлено». Вознагражденіе помѣщикамъ, по проекту 1844 г., состоявшее въ переводѣ на крестьянъ ежегодной уплаты въ кредитныя учрежденія по 3 р. сер. съ души и, слѣдовательно, соотвѣтствовавшее капиталу въ 50 р. сер. за каждаго освобождаемаго, основывалось на томъ предположеніи, что при этомъ отпускались на волю всѣ крестьяне вдругъ, не только зажиточные, но и приносящіе мало пользы бѣдняки. При предлагаемой же новымъ проектомъ системѣ постепеннаго освобожденія слѣдуетъ ожидать быстрого выкупа на волю всѣхъ лучшихъ крестьянъ, и затѣмъ помѣщикамъ придется «довольствоваться скудною работою или умяаемымъ постоянными недоимками оброкомъ крестьянъ бѣднѣйшихъ». «Такимъ образомъ, по мнѣнію составителей проекта, является справедливымъ и необходимымъ, чтобы они, подвергаясь надолго явному и неминуемому уменьшенію своихъ доходовъ, обезпечивали себя заранее, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ приращеніемъ капитала, необходи-

*) Прежде всего, удѣльнымъ крестьянамъ было дозволено испрашивать увольненіе изъ своего вѣдомства, внося за себя 1500 или 600 р. сер., смотря по тому, желаютъ ли они перейти въ купечество, или въ мѣщане; позднѣе тѣ же правила были распространены и на дворцовыхъ коннозаводскихъ крестьянъ. Въ Грузіи крестьянамъ дозволено выкупаться на свободу при продажѣ мнѣнія съ публичнаго торга по несостоятельности владѣльца; то же правило распространено въ Грузіи и на крестьянъ, продаваемыхъ одними помѣщиками другимъ посредствомъ частныхъ сдѣлокъ какъ цѣлыми мнѣніями, такъ и по одиночкѣ безъ земли.

мымъ для перваго обзаведенія совершенно новой системы хозяйства, основаннаго на употребленіи свободнаго труда *)).

Крестьянамъ предполагалось дозволить выкупаться не иначе, какъ въ полномъ наличномъ составѣ двора безъ раздробленія семейства; послѣднее условіе ставилось и дворовымъ. Чтобы уже въ самомъ началѣ не могло явиться крестьянскихъ надѣловъ менѣе трехъ десятинъ на дворъ, составители проекта предлагаютъ виѣнить въ обязанность одинокимъ дворовымъ людямъ и крестьянамъ или малочисленнымъ семьямъ выкупаться съ землею на волю не иначе, какъ сторговавъ у помѣщика въ добавленіе къ «коренному имъ выдѣлу земли» такое ея количество, какое необходимо для составленія 3-хъ десятиннаго участка; при этомъ тульскіе помѣщики обязывались брать за удобную землю не болѣе 45 р. съ десятины **). Впрочемъ, дворовымъ и крестьянамъ-ремесленникамъ предоставлялось выкупаться и безъ земли, но со взносомъ тѣхъ же 100 р. за душу, въ виду того, что обученіе ремесленниковъ могло дорого стоить помѣщикамъ. Выкупающимся вѣрнопостнымъ помѣщикъ отводитъ ихъ участки по десятинѣ на душу, причемъ, слѣдовательно, они должны были терять даже право на прежнія унавоженные усадебныя мѣста, которыя, по собственному свидѣтельству тульскихъ дворянъ въ проектѣ 1844 г., стоятъ вдвое дороже сравнительно съ полевою землею, слѣдовательно, взаменъ 1 десятины усадебной земли имъ по справедливости нужно было бы дать 2 десятины полевой. Между тѣмъ, по правиламъ проекта, крестьяне пользуются прежними усадебными мѣстами безвозмездно въ теченіе двухъ лѣтъ, а затѣмъ помѣщикъ можетъ потребовать удаленія ихъ на отведенные участки въ 6-ти мѣсячный срокъ. Крестьяне и дворовые, выкупившіеся на волю безъ земли, не имѣютъ права ни дня оставаться безъ дозволенія помѣщика въ его имѣніи послѣ полученія увольнительнаго акта.

По проекту 1844 г., долгъ кредитнымъ учрежденіямъ, лежащій на имѣніяхъ, въ которыхъ предполагалось начать увольне-

*) При этомъ они указываютъ еще на то, „что добровольно опредѣляемый ими maximum выкупа“ (въ 100 р. сер.) ниже всѣхъ официальныхъ оцѣнокъ ревизской души, принятыхъ закономъ въ различныхъ случаяхъ, гдѣ требуется вознаграждать помѣщика за утрачиваемого имъ вѣрнопостаго.

**) Больше же количество земли можно было приобретать отъ помѣщика лишь по взаимному свободному соглашенію. Противъ этого мѣста, на поляхъ проекта, лицо, доставившее его Киселеву, сдѣлало такое замѣчаніе: „крайность покупки можетъ поставить крестьянина въ зависимость отъ владѣльца земли—помѣщика“.

не крѣпостныхъ, обезпечивался преимущественно землею освобожденныхъ крестьянъ, по проекту же 1847 г. — исключительно тою, которая оставалась въ собственности помѣщика*). Что касается земли, излишней сверхъ количества, необходимаго для обезпеченія займа, то составители проекта желали сохранить право распоряжаться ею по своему усмотрѣнію, т.-е. всячески отчуждать ее въ постороннія руки и, между прочимъ, отводить всю или часть ея для будущаго надѣленія выкупающихся крѣпостныхъ.

Авторы проекта настаивали на томъ, чтобы люди, выкупившіеся на волю съ землею, не составляли по владѣнію ею и по отвѣтственности за уплату податей особыхъ обществъ и чтобы они находились въ завѣдываніи земской полиціи и министерства внутреннихъ дѣлъ, подобно вольнымъ людямъ въ западныхъ губерніяхъ, живущимъ на своихъ и помѣщичьихъ земляхъ. Очевидно, тульскіе дворяне находили выгоду для себя имѣть дѣло не съ цѣлымъ сельскимъ обществомъ, сплоченнымъ общиннымъ пользованіемъ землею и круговою порукою, а съ отдѣльными крестьянскими дворами; имъ не пріятно было бы даже поступленіе выкупающихся на свободу въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, въ которомъ интересы этихъ крестьянъ могли найти ревностнаго защитника.

Относительно владѣнія землею по правиламъ разсматриваемаго проекта отпущенные на волю крестьяне и дворовые должны явиться «полными и свободными вотчинниками своихъ участковъ», т.-е. могутъ ихъ дарить, закладывать, продавать и т. п. съ двумя только ограниченіями: 1) чтобы правомъ свободного отчужденія своихъ участковъ они могли воспользоваться не ранее, какъ по истеченіи 5-ти лѣтняго срока со времени ихъ увольненія, и 2) чтобы данные имъ надѣлы они никакимъ образомъ не раздробляли на новые участки менѣ 3-хъ дес., подобно тому, какъ свободнымъ хлѣбопашцамъ, раздѣлившимъ свои земли поворно, было запрещено раздроблять ихъ на участки менѣ 8 дес. Авторы проекта стремились доказать, что 3-хъ десятинный участокъ вполне обезпечиваетъ пропитаніе крестьянской семьи и,

*) Составители проекта предлагали принимать въ залогъ каждую десятину по оцѣнкѣ въ 16 руб. сер., причемъ они ссылались на то, что олекунскіе совѣты выдавали по 80 руб. сер. на душу въ имѣніяхъ, гдѣ на каждую изъ нихъ приходится по 5 десат. (забывалъ, что при этомъ принималась во вниманіе и цѣнность самихъ крѣпостныхъ).

въ то же время, выражали надежду, что такое надѣленіе крестьянъ «необходимымъ, но также и далеко не излишнимъ количествомъ земли въ отдѣльныхъ участкахъ», лучше всякихъ другихъ мѣръ побудить ихъ ввести у себя правильное плодоперемѣнное хозяйство и травосѣяніе и уничтожить бесполезныя паровыя поля, взамѣнъ которыхъ имъ будто бы всегда легко будетъ нанять за дешевую цѣну у сосѣднихъ помѣщиковъ землю подъ выгонъ скота. Правило о нераздѣлѣ земли выкупающихся крестьянъ на участки менѣе 3-хъ десятинъ должно быть, по предположеніямъ проекта, соблюдаемо и при переходѣ ея по наслѣдству, причемъ каждому крестьянину-владѣльцу должно быть предоставлено право избрать на всю свою землю хотя бы и одного наслѣдника; въ случаѣ же смерти хозяина двора безъ завѣщанія вся земля, если каждаго изъ сыновей нельзя надѣлать полнымъ участкомъ, можетъ поступать во владѣніе старшаго сына съ обязанностью содержать братьевъ и сестеръ до ихъ совершеннолѣтія.

Въ проектѣ предлагается дозволить вступать во вновь устанавливаемое сословіе и всѣмъ ранѣе освобожденнымъ и впредь освобождаемымъ крестьянамъ и дворовымъ, съ условіемъ, чтобы они приобрѣли въ собственность, по крайней мѣрѣ, по 3 десятины земли на каждую нераздѣльную семью, или взяли въ аренду на срокъ не менѣе 6 лѣтъ участокъ земли минимумъ въ 6 десятинъ; хотя и не въ столь рѣшительной формѣ, мы находимъ еще въ проектѣ предложеніе предоставить право вступленія въ новое званіе и лицамъ всѣхъ податныхъ состояній. Эта мѣра, по мнѣнію составителей проекта, «послужитъ естественнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ постепенному образованію болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи необходимаго класса фермеровъ и, вмѣстѣ, спасетъ городскія мѣщанскія общества отъ наводняющей ихъ массы господскихъ вольно-опущенныхъ людей... земледѣльческая же промышленность приобрететъ въ лицѣ ихъ истинный благодѣтель: именно тотъ классъ производителей, которыхъ разумныя усилія возвели земледѣліе въ Англіи на высшую возможную точку совершенства». Въ лицѣ достаточныхъ арендаторовъ казна приобрететъ «всегда столько же вѣрныхъ плательщиковъ податей, сколько, напротивъ, невѣрны вѣчно разоренные и угнетенные кортомщики незначительныхъ клочковъ земли».

Въ заключеніе проекта тульскіе дворяне просили назвать новое сословіе *земскими свободными хлѣбопашцами* въ отличіе, съ одной стороны, отъ обязанныхъ крестьянъ, а съ другой—

Слоси

отъ свободныхъ хлѣбопанцевъ, «въ сущности, совершенно съ ними сходныхъ, но подчиненныхъ управленію министерства государственныхъ имуществъ».

Проектъ этотъ составляетъ любопытное знаменіе времени: онъ доказываетъ, что нѣкоторые изъ представителей провинціального дворянства серьезно задумывались надъ вопросомъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, приглядывались къ положенію земледѣльцевъ въ Западной Европѣ, знакомились съ агрономическою литературою, но имѣли при этомъ въ виду не возможно болѣе справедливое рѣшеніе труднѣйшаго вопроса русской внутренней политики, а лишь достиженіе своихъ узко-экономическихъ цѣлей. Въ данномъ случаѣ западно-европейскіе и остзейскіе образцы подсказали многія изъ основныхъ положеній тульского проекта, авторы котораго, разумѣется, и выбирали изъ явленій иностранной жизни лишь тѣ, которыя были имъ на руку. Уничтоженіе общиннаго землевладѣнія и круговой поруки, введеніе начала неравнаго наслѣдованія въ недвижимомъ имуществѣ, убѣжденіе въ необходимости введенія фермерства для блага Россіи,—все это или прямо навѣяно иностранными примѣрами, или заимствовано изъ разсужденій русскихъ сельскихъ хозяевъ, воспитавшихся на агрономическихъ сочиненіяхъ, совершенно непримѣнимыхъ къ условіямъ сельскаго быта Россіи. Само собою понятно, что осуществленіе такого проекта могло бы совершенно подорвать благосостояніе крестьянъ: и значительный размѣръ выкупа, и ничтожные земельные надѣлы, при которыхъ они очутились бы въ полной экономической зависимости отъ землевладѣльцевъ, и ломка старыхъ усадебъ съ потерю унавоженныхъ приусадебныхъ мѣстъ безъ вознагражденія за то двойнымъ количествомъ земли, и потеря крестьянами права на вспомошествованіе со стороны помѣщиковъ во время неурожая и разныхъ несчастій также безъ всякаго за то вознагражденія,—все это очень было бы выгодно для помѣщиковъ и крайне губительно для крестьянъ.

Мы не знаемъ, не было ли сдѣлано, при подписаніи проекта остальными участвующими въ этомъ дѣлѣ, какихъ-либо измѣненій, но, во всякомъ случаѣ, къ счастью для крестьянъ, составителямъ проекта не удалось добиться осуществленія своихъ предположеній: въ 1848 году министерство внутреннихъ дѣлъ нашло проектъ дворянъ Тульского уѣзда неудовлетворительнымъ.

Изъ фактовъ, сообщенныхъ въ предъидущихъ и настоящей главахъ нашей статьи, видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ

Россіи дворяне въ 1846—48 г. ходатайствовали предъ правительствомъ объ учрежденіи комитетовъ по крестьянскому вопросу: такъ было въ Смоленской и Тульской губерніяхъ, А. И. Копелевъ хлопоталъ объ этомъ относительно Рязанской, тверскіе дворяне ожидали, по примѣру ихъ сосѣдей, смольнянъ, обращенія къ нимъ Государя по дѣлу ограниченія крѣпостнаго права, наконецъ, дворянство Динабургскаго уѣзда уже занималось даже составленіемъ проекта объ обращеніи крестьянъ въ обязанные (который, подобно тульскому, былъ признанъ правительствомъ неудовлетворительнымъ). Все это въ высшей степени замѣчательныя явленія: они доказываютъ, что мысль о созваніи губернскихъ комитетовъ подготовлялась постепенно еще во вторую половину сороковыхъ годовъ.

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гимнъ Дѣвѣ Неба.

Пѣсня битвы съ Газдрубаломъ,
Бархедонскихъ силъ вождемъ;
Пѣсня гула стоновъ смертныхъ
И молитвы, и хвалы.

Въ славу силы Дѣвы Неба
Эмпедоклъ ее сложилъ,
И вложилъ въ нее о старцѣ
Эмпедоклѣ Теобулѣ.

I.

Всѣ искусные сражаться
Съ утра бьются на стѣнахъ.
Всѣ правители народа
Въ храмѣ Дѣвы собрались.
Мы на площади предъ храмомъ
Съ утра, весь народъ, стоимъ,
Гдѣ эстрада и трибуна,
И предъ ними Дѣвы ликъ
Зорко смотритъ вдоль на западъ,
Опершись рукой на лукъ.

Тихо къ намъ изъ отдаленья
Долетаетъ битвы шумъ;
Долетаетъ отовсюду:
Штурмъ идетъ со всѣхъ сторонъ.

Но на западъ смотритъ Дѣва,
Опершись рукой на лукъ.

Такъ всегда стоялъ ликъ Дѣвы.
 Чуда мы не видимъ въ томъ.
 Такъ! Слѣпцы чудесъ не видятъ,
 И слѣпцами были мы.

Пробѣгаютъ въ храмъ черезъ площадь
 За гонцами вслѣдъ гонцы;
 По толпамъ герольды ходятъ
 И разносятъ вѣсти ихъ.

Неотступенъ штурмъ упорный,
 Но тверды въ надеждѣ мы:
 Обѣщаетъ намъ побѣду
 Нашъ искусный полемархъ.

Крѣпки стѣны Акраганта,
 Храбры войны его,
 И хранить насъ Дѣва Неба.
 Намъ не страшень сильный врагъ.

Длится время; штурмъ упоренъ
 И тяжелъ для нашихъ бой.
 Но хранить насъ Дѣва Неба
 И спасеть служащихъ ей.

Длится время; близокъ полдень;
 Утомляетъ нашихъ бой.
 Но всеяльна Дѣва Неба
 Защититъ служащихъ ей.

И бѣжитъ съ лицомъ веселымъ,
 И кричитъ толпамъ гонецъ:
 «Я правителямъ народа
 Вѣсть отрадную несу:
 Колебаться начинаютъ
 Кархедонскіе полки».

Слава силѣ Дѣвы Неба!
 Славенъ будетъ этотъ день!
 Вся Сицилія прославить
 Вмѣстѣ съ нами этотъ день!

II.

Наводнили весь нашъ островъ
 Бархедонскіе поля;
 На три войска раздѣлили ихъ
 Вождь верховный, Газдрубаль:
 На Панормъ послалъ Ганнона,
 Самъ пошелъ на Лилибей,
 Съ третьимъ войскомъ Гамилькару
 Повелѣлъ идти на насъ.
 И пришли къ намъ съ вѣстью этой
 Газдрубаловы послы:

«Слышите, мужи Акраганта,
 И да вземлетъ разумъ вашъ.
 Слово къ вамъ отъ Газдрубала.
 Вѣренъ въ словѣ мудрый вождь.
 Много силъ у Гамилькара
 И отваженъ духъ его.
 Ваши храбры, но ихъ мало;
 Оттѣснить онъ съ поля ихъ.
 Трудолюбіемъ богаты
 И искусствомъ славны вы;
 Всѣ предмѣстья цѣльнымъ кругомъ
 Мощныхъ стѣнъ вы обвели;
 Но не станетъ силы вашей
 На защиту вашихъ стѣнъ:
 Поведесть онъ неотступно
 Щтурмъ на нихъ со всѣхъ сторонъ;
 Вашимъ отдыха не будетъ,
 Утомить онъ боемъ ихъ,
 Утомленныхъ опрокинетъ
 И взойдетъ на стѣны онъ.
 И тогда пощады нѣтъ вамъ,
 Въ томъ не властенъ Гамилькарь;
 И при всемъ желаньи кроткомъ
 Самъ не властенъ Газдрубаль:
 Полуdivихъ, разъяренныхъ
 Кто же въ силѣ воздержать?

Покоритесь Бархедону,
 Добрь къ вамъ будетъ Газдрубалъ,
 И по слову Газдрубала
 Добрь къ вамъ будетъ Бархедонъ».

И правители народа

Подтвердили рѣчь пословъ:

«Мы—правители народа,
 Но народъ—владыка нашъ.
 Не должны скрывать мы правду
 И не скроемъ мы ея.
 Вѣроломны кархедонцы,
 Но правдивъ ихъ мудрый вождь.
 Много силъ у Гамильбара
 И отваженъ духъ его;
 Наши храбры, но ихъ мало
 И тяжелъ имъ будетъ бой.
 Если въ рабствѣ жить хотите,
 Пощадить васъ Газдрубалъ,
 И по просьбѣ Газдрубала
 Пощадить васъ Бархедонъ.
 Но граждане Авраганта
 Аврагантъ не постыдятъ».

И отвѣтъ посламы дали,
 Весь народъ нашъ далъ отвѣтъ:
 «Газдрубалу вы скажите:
 Грекамъ легче рабства смерть.
 Будь что будетъ, не сдадимся,
 Будемъ биться до конца».

* * *

Въ ясный полдень, издадека
 Мы увидѣли врага.
 Смѣло наши вышли въ поле;
 Но тяжелъ имъ будетъ бой:

Много силъ у Гамильбара,
 Оттѣснить онъ съ поля ихъ,
 Окружить онъ стѣны наши
 И поидеть на приступъ онъ.

Но вдали, между холмами,
 Войско онъ остановилъ;
 Окопалъ онъ холмы рвами,
 Утвердилъ валами рвы.

Крѣпки стѣны Акраганта!
 Дѣва Неба ихъ хранить!
 И, взглянувъ на стѣны наши,
 Оробѣлъ отважный вождь.

И правители народа
 Раздѣляютъ нашъ восторгъ.
 Но молчить, задумчивъ, грустенъ,
 Старецъ мудрый Эмпедоклъ;
 И правители народа
 Удалились изъ толпы.

Миновалъ часъ увлеченья
 И разумень сталъ народъ:
 «Оробѣвшимъ притворился,
 Обмануть онъ хочетъ насъ».

И герольды всюду ходятъ
 И въ собранье насъ зовутъ.
 И правители народа
 Говорятъ въ собраньи намъ:
 «Мы велѣли полемарху
 Осторожнымъ въ битвахъ быть».

Выходили въ поле наши,
 Выходилъ къ нимъ Гамилькаръ;
 Осторожно бились наши,
 Бился слабо Гамилькаръ.
 Наступали крѣпко наши,
 Уходилъ въ окопы онъ.

Цѣлый мѣсяцъ это длилось:
 Бился слабо Гамилькаръ.
 И вчера весь день такъ было:
 Бился слабо Гамилькаръ.
 Но внезапно, передъ ночью,
 Началъ крѣпко биться онъ.

Быстро нашихъ отѣснилъ онъ,
 Стѣны наши окружилъ;
 Сталъ закапывать рвы наши,
 Закопалъ ихъ въ ночи всѣ;
 Закопалъ и сталъ недвижно;
 Недвижимъ всю ночь стоялъ.

Ждалъ онъ утра, и дождался,
 И пошелъ на приступъ онъ;
 Въ страшныхъ силахъ, отовсюду,
 Ото всѣхъ сторонъ пошелъ.
 Дѣва Неба! Ты хранишь насъ
 И спасешь Ты городъ свой!

Долго намъ грозила гибель;
 Но побѣды близокъ часъ:
 Колебаться начинаютъ
 Гамильгаровы полки.

Слава силѣ Дѣвы Неба!
 Городъ свой она спасла,
 И спасеньемъ Акраганта
 Всю Сицилію спасла:
 Отдохнуть отъ битвы наши
 И къ Панорму поспѣшать;
 Разобьютъ они Ганнона
 И Панормъ освободятъ,
 И съ гражданами Панорма
 Въ Лилибею поспѣшать.

Ш.

Близокъ, близокъ часъ побѣды!
 Въ часу полдня побѣдимъ,—
 Такъ сказалъ намъ вѣстью новой
 Нашъ искусный полемархъ.

И правители народа
 Раздѣляютъ нашъ восторгъ.
 Но правителей совѣтницъ,
 Другъ народа, другъ боговъ, —

Онъ закрылъ лицо руками.
 «Что ты плачешь, Эмпедокль?»
 Онъ молчить и молча плачетъ,
 И ушелъ онъ изъ толпы.
 «То отъ радости онъ плачетъ», —
 Мы сказали межъ собой.

Быстро мчится мигъ восторга,
 Ожиданья дологъ часъ.
 Длится время, длится время,
 А изъ битвы вѣсти нѣтъ.
 И правители народа
 Удалились изъ толпы.

Длится время, минулъ полдень,
 И изъ битвы вѣсти нѣтъ.
 Минулъ полдень! Минулъ полдень,
 И изъ битвы вѣсти нѣтъ!
 Что-жь такъ долго нѣтъ намъ вѣсти?
 О побѣдѣ-ль будетъ вѣсть?

Длится время, длится время,
 И изъ битвы вѣсти нѣтъ.

Затворились двери храма, —
 Совѣщанье тамъ идетъ.

Длится время, длится время,
 И изъ битвы вѣсти нѣтъ.

«О, граждане и гражданки, —
 Говорятъ герольды намъ, —
 Вѣсть была отъ полемарха;
 Тайный это былъ гонецъ.
 И правители народа
 О вниманьи просятъ васъ».

И правители народа
 На эстраду всѣ взошли.

«О, гражданки Абраганта,
 Красота и честь его,

И граждане Акраганта,
Будьте тверды духомъ вы.

Вѣсть была отъ полемарха,
Совѣщались мы о томъ..

Отъ утра и до полудня
Гамильваръ былъ тутъ одинъ,
Колебаться начинали
Гамилькаровы полки.

Но въ часъ полдня, отъ полночи
Подошелъ къ нему Ганнонь.
Плачьте, плачьте о Панормѣ.
Плачемъ вмѣстѣ съ вами мы.

Полемархъ не падалъ духомъ,
Подкрѣпленій не просилъ.

И отъ запада надъ лѣсомъ
Поднялась клубами пыль:
То ведетъ отъ Лилибея
Газдрубалъ свои полки.

Тѣхъ двухъ войскъ они сильнѣе
И отвагой, и числомъ;
И одинъ страшнѣй всѣхъ армій
Ихъ умомъ великій вождь,
Отъ Бирены до Тартесса
Въ битвахъ крѣпкихъ безъ числа,
Всѣхъ противныхъ Кархедону
Сокрушитель—Газдрубалъ.
Полкъ передній ужъ подвелъ онъ
И начальство принялъ самъ.

Плачьте, о! о Лилибеѣ.
Плачемъ вмѣстѣ съ вами мы.
Плачьте, о! объ Акрагантѣ:
Подкрѣпленій наши ждуть!
Полемархъ сказалъ намъ это:
Подкрѣпленья нужны имъ!

О, граждане и гражданки,
Дѣти предковъ славныхъ вы.

Газдрубаль начальство принялъ,
 Вамъ пощаду предложилъ.
 О, граждане, вы сказали:
 «Будемъ биться до конца».

Мы сказали полемарху:
 «Подкрѣпленій нѣтъ у насъ;
 Всѣ искусные собратья
 Съ утра бьются на стѣнахъ;
 Полемархъ, ты знаешь это,
 Подкрѣпленій ты не ждешь;
 Ободрить хотѣлъ ты войско:
 Не обманывай его
 И скажи всю правду братьямъ;
 Духомъ не падутъ они;
 Безъ надежды на побѣду
 Будутъ биться до конца,
 Каждый юноша тамъ нуженъ,
 Ты гонцовъ не присылай».

И замолкли, зарыдали
 И съ эстрады къ намъ сошли.

И рыданье долго было,
 И устали мы рыдать.
 И молчанье долго было,
 И молчать не стало силъ.

«Каждый юноша тамъ нуженъ,
 И не будетъ намъ вѣстей».
 — «Знаемъ мы, что будетъ съ нами,
 И вѣстей не нужно намъ».
 «Но герои наши братья;
 Будемъ думать: устоять».
 — «Противъ силы, что геройство?
 Одолѣеть Газдрубаль».

Громки споры. Слышны стоны.
 Длится время. Нѣтъ вѣстей.
 Визги плача, взрывы вопля
 Прерываютъ споровъ шумъ.

«Что тут спорить? Нѣтъ надежды!»
И растеть стenanій гуль.

Длится время; близокъ вечеръ.
Споровъ нѣтъ; надежды нѣтъ.

Нѣтъ надежды; всѣ согласны:
«Не хотимъ надежды мы!»
Визги плача, взрывы вопля
Заглушаютъ стона гуль;
И въ гармоніи смертельной
Все въ одинъ слилося стонъ.

«О, граждане и гражданки,—
Говорятъ герольды намъ,—
Полемархъ пришелъ изъ битвы,
Вѣсть изъ битвы самъ принесъ..
И правители народа
О вниманьи просятъ васъ».
И воскресла въ насъ надежда.
О, безуміе людей!
Всѣ сбѣгаемъ къ трибунѣ.
Водворилась тишина.

И тяжелыми шагами
На трибуну поднялся
Боемъ долгимъ утомленный,
Будто старецъ, крѣпкій мужъ,
Весь покрытый прахомъ битвы,
Черный весь и весь въ крови,
И собралъ всю силу духа
И воскликнулъ полемархъ:

«Я изъ битвы, вѣстникъ смерти.
Грегамъ легче рабства смерть».

О, граждане Акраганта,
Славенъ будетъ этотъ день;
И зори вечерней пурпуръ
Не погаснетъ въ эту ночь..

Храбры были предки наши,
 Славны были битвы ихъ;
 И достойно предковъ славныхъ
 Бились мы весь этотъ день.
 Просвѣтѣли очи наши,
 Предковъ тѣни видимъ мы:
 Свѣтлы вѣютъ предковъ тѣни
 На пурпурныхъ облакахъ,
 И въ объятя принимаютъ
 Тѣни павшихъ въ этотъ день.

Отъ героевъ, братьевъ вашихъ,
 Приношу я просьбу вамъ:
 Вы готовьте пиръ веселый;
 Много розъ у васъ въ садахъ.
 Но скорѣй вѣнки свивайте,
 Наряжайтесь скорѣй,
 Чтобъ въ лучахъ зори вечерней
 Засіялъ вашъ свѣтлый пиръ:
 Мало насъ въ живыхъ осталось,
 А число враговъ растеть;
 И трудимся мы отъ утра;
 Сталь сверхъ силы трудъ для насъ;
 Утомились руки наши,
 Притупились мечи.
 Отступаемъ мы къ предмѣстьямъ.
 Бархедонцы на стѣнахъ!
 Жгите дома! Рѣжьте женщинъ!
 Лучше плѣна смерть для нихъ.
 И пока жить будутъ греки,
 Будутъ пѣсни пѣть о васъ.
 О, гражданки Аграганта,
 Вы согласны ли на пиръ?»

Ослабѣлъ и на эстраду
 Опускаться тихо сталь.

«Будутъ пѣть о насъ гречанки,
 Пока будутъ греки жить.
 Мы на пиръ идемъ съ весельемъ.
 Добръ совѣтъ твой, полемархъ.»

Рѣжьте насъ, мужья и братья!
 Лучше плѣна смерть для насъ.
 И въ одеждахъ изъ пурпура,
 И въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ розъ,
 При лучахъ зори вечерней,
 Свѣтелъ будетъ праздникъ нашъ».

И, какъ вихремъ вознесенный
 На трибуну надъ толпой,
 Сталъ согбенный, распрямляясь,
 Бодръ и свѣжъ, какъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
 Воздѣвая къ небу руки,
 Возвышая къ небу взглядъ,
 Съ силой грома въ звукахъ слова
 Воскликаетъ Эмпедоклъ:

«Власть правителями править
 Свыше сходить на меня,
 Слышу сердцемъ голосъ Дѣвы
 И устами возвѣщу.
 О, граждане и гражданки,
 Не погибнетъ Акрагантъ!
 Въ людяхъ нѣтъ для насъ спасенья;
 Но всеильны небеса.
 Не отъ грековъ сила грековъ,—
 Отъ Олимпа сила ихъ.
 Вы служили Артеמידѣ;
 Вѣрнымъ ей она вѣрна,
 И сойдетъ на помощь вашу
 Ваша Дѣва отъ небесъ.
 Не искусны вы сражаться,
 И руками слабы вы;
 Не въ рукахъ и не въ искусствѣ,—
 Въ сердцѣ грековъ сила ихъ,
 И сойдетъ къ вамъ ваша Дѣва
 Въ силѣ сердца отъ небесъ.
 Вамъ, правители народа,
 Повелѣнїе даю:
 Посылайте за оружьемъ,
 Раздавайте всѣмъ его.

И склонятся предъ богиней
 Наши дѣвушки въ мольбѣ:
 Ихъ услышитъ Дѣва Неба.
 И сойдетъ на помощь вамъ;
 Укрѣнятся руки ваши,
 Сердцемъ дрогнетъ сильный врагъ.
 Архонтарха санъ верховный
 На остатокъ дня беру,
 И къ побѣдѣ въ бой за мною
 Вы пойдете, весь народъ».

И склонились предъ богиней
 Наши дѣвушки въ мольбѣ:
 «Братья наши пали въ битвѣ;
 Бархедонцы на стѣнахъ;
 Ты спасешь насъ, Артемида!
 Въ этотъ лигъ твой ты сойдешь».

Заагѣли щеки лица,
 Жизнью вспыхнули глаза.

«Въ помощь намъ нисходитъ Дѣва!»
 Смѣло ринулись мы въ бой.
 «И подыметъ руки Дѣва,
 И натянетъ сильный лукъ!»

Сыплеть стрѣлы Дѣва Неба
 И бѣжить предъ нами врагъ.

Брѣпки стѣны Акраганта,
 Храбры войны его;
 Если-жь войско изнеможетъ
 И взойдетъ на стѣны врагъ,
 То—
 Всесильна Дѣва Неба
 И служащимъ ей вѣрна.

Адресъ.

ВСЯ ЧУЖАЯ.

РОМАНЪ.

Г л а в а I.

— Что-жь мы тутъ стоимъ?—вскричалъ Николай Ивановичъ, когда радость свиданія съ дочерью немножко успокоилась.

Онъ обнялъ ее за талію и повелъ по всѣмъ комнатамъ дома.

— Вотъ тутъ у насъ и зала, и столовая, а здѣсь, какъ видишь, мой кабинетъ,—говорилъ онъ съ веселымъ, добродушнымъ смѣхомъ, не спуская радостнаго, ласковаго взгляда съ счастливаго личика дѣвушки.

Изъ кабинета, маленькой узкой комнаты въ одно окно, Аню провели въ другую, довольно большую, приготовленную для нея.

Тутъ стояла кровать съ пуховой периной подъ бѣлымъ тканевымъ одѣяломъ; накидки, покрывающія высоко взбитыя подушки, были украшены кисеей, вышитой мушками, а между окнами красовался туалетный столъ съ маленькимъ круглымъ зеркаломъ и множествомъ коробочекъ, баночекъ и флакончиковъ.

Все это было весьма дрянно и безвкусно, но, подмѣтивъ, какимъ самодовольнымъ взглядомъ Марья Петровна слѣдитъ за тѣмъ, какое впечатлѣніе убранство комнаты произведетъ на прѣзжую, Аня поспѣшила заявить, что все устроено какъ нельзя лучше и что ей здѣсь будетъ отлично.

— Я не ожидала, что у меня будетъ такая просторная и уютная комната,—сказала она.

— Это все Марья Петровна,—подмигнувъ Николай Ивановичъ на хозяйку, которая съ блаженной улыбкой на малиновыхъ губахъ, слегка задыхаясь отъ одышки (ей рѣдко приходилось

такъ много ходить, какъ сегодня), посматривала любопытными глазами то на своего жильца, то на его дочь.

Аня подошла къ ней и звонко поцѣловала въ румяныя щеки.

— Какъ мнѣ васъ благодарить, моя голубушка!

Улыбка еще шире расплылась по лицу Марьи Петровны и, глянувъ искоса на Николая Ивановича, который, отвернувшись къ окну, безъ всякой надобности поправлялъ туго накрахмаленныя занавѣски, проговорила пѣвучимъ голосомъ, съ удареніемъ на о:

— Полноте, милая вы моя барышня! Я даже очинно рада и завсегда все, что только могу, извольте только сказать...

Она скромно остановилась въ дверяхъ, сложивъ короткія пухлыя ручки на выпяченномъ животѣ, съ довольнымъ видомъ сытой, здоровой женщины, вполне сознающей свое достоинство.

Въ углу стоялъ кіотъ со множествомъ старинныхъ образовъ, передъ которыми теплилась лампада. На шкафикѣ изъ краснаго дерева, со стеклами, задернутыми изнутри вылинявшей зеленой тафтой, были разставлены разныя штучки: фарфоровая желтенькая собачка на зеленой подушкѣ, алебастровая кошка, запыленные бомбоньерки и тому подобное, а стѣна противъ кровати была завѣшана фотографическими портретами въ рамкахъ и двумя дагерротипами на стеклѣ; на первомъ изъ этихъ портретовъ тятенька съ маменькой Марьи Петровны были изображены «молодыми», рядышкомъ, рука въ руку, вытянувшись, точно аршинъ проглотили, и глупо выпучивъ глаза въ одну и ту же точку; на второмъ они сидѣли въ той же самой позѣ, даже правая рука отца была точно такъ же несуразно всунута въ боковой карманъ жилета и ротъ его кривился точно такъ же неестественно въ улыбку, а супруга его точно такъ же выгибала голову на бокъ; разница была только въ томъ, что тамъ, гдѣ руки ихъ встрѣчались, помѣщалось нѣчто бѣлое и безформенное, съ лысымъ шаромъ вмѣсто головы и двумя пятнышками вмѣсто глазъ. Штука эта должна была изображать Марью Петровну, когда она была годовалымъ младенцемъ. Сходство между теперешней Марьей Петровной съ ея родительницей было такъ поразительно, что Аня тотчасъ же догадалась, съ кого снята группа.

— Да вы мнѣ уступили вашу комнату, Марья Петровна! — вскричала она. — Вы здѣсь жили, это по всему видно... не могу я на это согласиться, такое безпокойство...

Ей не дали договорить.

— Что вы, что вы, Анна Николаевна! — завопила хозяйка. — Да я съ радостью, помилюйте, что же мнѣ стоять?... Мнѣ все равно, вотъ вамъ крестъ, что все равно... Да и всячески, Николай Ивановичъ весь домъ у меня нанялъ, и если пустили меня сюда жить, такъ потому только, что комната эта у нихъ была лишняя; у насъ такой уговоръ былъ, пока не нужна будетъ имъ самимъ... Ей-Богу! Да спросите у нихъ сами, если не вѣрите. Николай Ивановичъ, скажите имъ, сдѣлайте одолженіе, — обращалась она то къ Анѣ, то къ ея отцу.

— Да мнѣ, право, совѣстно; вы отдали мнѣ все, что есть лучшаго въ домѣ... Вотъ это кресло, наприимѣръ, оно, вѣрно, изъ твоего кабинета, папа? Я видѣла, у тебя въ кабинетѣ нѣтъ кресла.

Николай Ивановичъ поспѣшилъ сказать, что ему гораздо удобнѣ сидѣть на стулѣ, чѣмъ на креслѣ, и въ подтвержденіе своихъ словъ сослался на Марью Петровну.

— Я всегда на стулѣ, вотъ спроси у нея... Не правда ли?

— Рассказывайте! Такъ я вамъ и повѣрила! — засмѣялась Аня. — А всё эти вещи на туалетѣ? А кровать ваша? Вамъ тоже безъ нихъ удобнѣ, Марья Петровна? Нѣтъ ужъ, какъ хотите, а я попрошу васъ меня такъ не баловать... Куда вы переебрались? Покажите.

— Да ужъ не беспокойтесь, милая барышня, мнѣ будетъ хорошо; мнѣ вездѣ хорошо.

— Это правда, Аничка; она вездѣ съумѣетъ устроиться, — сказалъ Николай Ивановичъ. — Пойдемъ на галлерейку; я покажу тебѣ, какую я тамъ себѣ тепличку устроилъ.

Пошли на галлерейку, а оттуда въ кухню, гдѣ здоровая дѣвка Анисья, въ сарафанѣ и бѣлыхъ рукавахъ, сажала огромный пирогъ въ печку. Изъ кухни вернулись въ залецъ съ кривымъ зеркаломъ между окнами и стульями съ плетеными сидѣньями вдоль стѣнъ. Среди этой комнаты стоялъ раздвижной столъ, на которомъ обѣдали и чай пили. Оттуда отецъ съ дочерью опять вошли въ гостинную.

— Ну, вотъ, и весь домъ обошли, — сказалъ Николай Ивановичъ. — Бакъ видишь, жить можно.

— Отлично можно жить, — весело согласилась Аня.

— Тѣсно только немножко, да и мебель не тово, — продолжалъ Николай Ивановичъ, почесывая у себя въ затылкѣ. —

Тебѣ, конечно, послѣ разныхъ тамъ палаццо, здѣсь тѣсновато покажется...

— Что за вздоръ, отецъ!—прервала его со смѣхомъ Аня.— Тамъ все чужое было, а здѣсь свое. Ну, развѣ можно сравнивать?

Хозяйка всюду слѣдовала за ними, но на почтительномъ разстояніи; умышленно замедляя шаги, когда они заводили между собою бесѣду о вещахъ, до нея не касавшихся, и радостно приближаясь, когда заговаривали о домѣ, хозяйствѣ и тому подобномъ.

— Не хочешь ли отдохнуть передъ обѣдомъ и переодѣться?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Послѣ, послѣ; я еще не посмотрѣлась на тебя, не наговорила съ тобой... Какой тутъ отдыхъ! Да я и не устала вовсе.

Она оглянулась и, замѣтивъ, что Марья Петровна нѣтъ, прибавила:

— Вѣдь, мы еще ни одной минуты не оставались вдвоемъ; я тебя еще хорошенько не разглядѣла!

Она взяла обѣими руками его крупную голову съ торчащими вихрами посѣдѣвшихъ волосъ и стала цѣловать его лицо, откидываясь назадъ между каждымъ поцѣлуемъ и пристально всматриваясь сверкающими отъ восторга глазами въ дорогія черты, которыя такъ часто грезились ей и днемъ, и ночью въ теченіе мучительной пятилѣтней разлуки.

— Ну, что? Не узнаешь? Перемѣнился? Постарѣлъ?—прерывающимся отъ волненія голосомъ говорилъ Николай Ивановичъ.

Аня помолчала съ минуту.

— Да, постарѣлъ,—прошептала она со вздохомъ.

Стали припоминаться тяжелыя вещи, такія тяжелыя, что слезы подступили къ горлу. Она опустилась на продавленный старый диванъ, обитый клеенкой, притянула отца къ себѣ и спрятала голову на его груди, какъ бывало дѣлала дѣвочкой, отъ застѣнчивости или когда ей хотѣлось заплакать при чужихъ.

— Ну, полно! Полно, моя дѣвочка! Что тамъ вспоминать? Все кончилось, прошло, мы опять вмѣстѣ, чего еще? Полно!—повторялъ онъ растроганнымъ голосомъ, лаская раскраснѣвшуюся и мокрую отъ слезъ щеку дочери.

— Это ничего, это отъ радости, — шептала она.

— Ахъ, папа, папа! Какъ я ждала этой минуты!

И оба смолкли. Сдѣлалось такъ тихо, что Марья Петровна, подходившая нѣсколько разъ къ двери, заинтересовалась этой тишиной. Поступь у нея была, не взирая на толщину и кажущуюся тяжеловѣсность, такая легкая, что ни отецъ, ни дочь не замѣтили, какъ она пріотворила дверь, выглянула въ нее и отретировалась, притворивъ ее плотнѣе прежняго.

— Вотъ что,—сказала Аня, приподнимая голову съ плеча отца.—Надо такъ устроить, чтобъ намъ, по крайней мѣрѣ, дѣлюю недѣлю никто не мѣшалъ. Намъ такъ много, такъ много надо рассказать другъ другу!

— Кому же намъ мѣшать, дѣвочка? — улыбнулся Николай Ивановичъ.

— Мало ли кому...

Она хотѣла назвать Марью Петровну; она даже и разговоръ этотъ собственно съ тѣмъ и начала, чтобъ ее назвать, но почему-то воздержалась.

— У тебя здѣсь, вѣрно, много знакомыхъ; вѣдь, ты безъ людей жить не можешь, я знаю.

— Есть кое-кто. Два чиновника изъ губернскаго правленія, одинъ изъ нихъ семейный, фамилія его Часовниковъ, теплый паренекъ, изъ забытыхъ. Я съ нимъ въ шахматы играю. Ну, также три-четыре человекъ изъ учителей гимназіи заходятъ кое-когда погудорить. Да вотъ еще Гусевъ... Я писалъ тебѣ, кажется, Гусевъ, Миша, тотъ, что, помнишь, студентомъ къ намъ въ Петербургъ хаживалъ?

— Помню, я буду рада его видѣть, но только послѣ, пожалуйста послѣ!

— Когда хочешь. Есть у меня здѣсь еще одинъ пріятель, докторъ Стрыжовъ, забавный такой; онъ тебѣ понравится... Очень неглупый малый. Много читаетъ. Онъ мнѣ журналы отъ губернатора таскаетъ.

— Губернаторомъ здѣсь князь Немировъ,—замѣтила Аня.

— Немировъ. А ты почему знаешь?

— У меня къ его женѣ есть письмо отъ Дмитрія Николаевича. Какъ только оправлюсь немножко, поѣду къ нимъ, надо это письмо самой передать.

Николай Ивановичъ ничего не возражалъ.

— У насъ для твоего освобожденія отсюда цѣлый планъ составленъ,—начала, помолчавъ немного, Аня.

Отецъ ея безнадежно махнулъ рукой. Брови его сдвинулись и взглядъ затуманился.

— Э-э! Стоить хлопотать! Не все ли равно, гдѣ ни доживать вѣтъ?

— Неправда, неправда! Не все равно! — запальчиво вскричала Аня.

Она откинулась на спинку дивана въ большемъ волненіи.

— Доживать вѣтъ! Что это за выраженіе? Ты жить долженъ, а не доживать! Жить для себя, для меня, для другихъ... Ты долженъ работать, помнишь, какъ въ Петербургѣ?... Что твоя внига?

— Ахъ, ты, моя восторженная сумасбродка! — кротко улыбнулся Николай Ивановичъ, любуясь страстнымъ взглядомъ ея блестящихъ глазъ.

— Такая же, какъ была въ тринадцать лѣтъ... Помнишь, когда ты мечтала сдѣлаться актрисой?

— Да я и теперь объ этомъ мечтаю, — засмѣялась Аня. — Да и ты такой же, какимъ былъ прежде, раскисъ только немножко, потому что одинъ, потому что некому тебя встряхивать.

— Нѣтъ, дочка, меня ужъ не встряхнешь!

— Что за вздоръ! Вотъ увидишь... Долго тебя здѣсь не оставятъ; объ этомъ Дмитрій Николаевичъ все время хлопочетъ и ему, наконецъ, общали.

Второй разъ ужъ произносила она это имя, не замѣчая, какъ неприятно передергиваются у отца при этомъ губы.

— Передъ моимъ отъѣздомъ онъ получилъ письмо изъ Петербурга; ему пишутъ, что тамъ ужъ все улажено, надо только, чтобъ отсюда дали благопріятный отзывъ... Вотъ для этого-то мнѣ и надо познакомиться съ этимъ Немировымъ.

Отецъ крѣпко, до боли стиснулъ ей руку.

— Оставимъ этотъ разговоръ, — произнесъ онъ съ такимъ раздраженіемъ, что она смокла на полусловѣ.

Въ ту же минуту дверь беззвучно растворилась и сладкій голосъ Марьи Петровны протянулъ:

— Пожалуйста кушать, пирогъ остынетъ.

— Пойдемъ обѣдать, — сказалъ Николай Ивановичъ.

Онъ очень обрадовался этой диверсіи и снова повеселѣлъ.

Марья Петровна за столъ не садилась, не взирая на усиленные просьбы Ани, которой совѣстно было, что она прислу-

живасть имъ, какъ горничная, но Николай Ивановичъ, повидимому, давно къ этому привыкъ.

— Оставь ее,—сказаль онъ дочери,—она это любить. Хлопотунья,—прибавилъ онъ, поглядывая съ ласковой улыбкой на хозяйку.

Онъ ѣлъ много и съ большимъ аппетитомъ. Обѣдъ былъ очень вкусный и Аня замѣтила, что передъ супомъ онъ выпилъ двѣ большія рюмки водки.

— А морфій ты совсѣмъ бросилъ?—спросила она.

— Поневоля бросишь; развѣ тамъ дадутъ? Да, вѣдь, я тебѣ писалъ, кажется?

— Объ этомъ? Ни разу, сколько я ни приставала.

— Неужели? А мнѣ казалось... Ну, значить, вспоминать не хотѣлось... Я, вѣдь, чуть съ ума не сошелъ отъ этого, честное слово! Вѣдь, это просто пытка, когда привыкнешь! Недѣль шесть спать не могъ. Спасибо доктору въ лазаретѣ; сначала сталъ онъ меня помаленечку хлораломъ ублажать, а потомъ вотъ этимъ зельемъ.

Онъ щелкнулъ пальцемъ по довольно объемистому графинчику съ водкой, изъ котораго успѣлъ уже отпить около половины.

— Ахъ, ты, мой бѣдный!—вздыхнула Аня.

— Ничего. Что отъ морфія я совсѣмъ отвыкъ, это хорошо, вотъ только...

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но смолкъ, а дочь его успѣшила заговорить о другомъ. Обѣдъ тянулся долго. Послѣ жаренаго Марья Петровна наставила множество сластей на столъ, варенья разнаго, пряниковъ, орѣховъ и бутылку наливки.

— Это она въ честь твоего приѣзда усердствуетъ,—добродушно посмѣивался Николай Ивановичъ, подмигивая дочери на хозяйку.

Чтобъ доставить этой послѣдней удовольствіе, Аня все проговаривала и все хвалила. Они сидѣли еще за столомъ, когда явился чиновникъ губернскаго правленія Часовниковъ.

Узнавъ на крыльцѣ отъ кухарки сосѣдей, что къ Николаю Ивановичу приѣхала дочка изъ-за границы, Часовниковъ сообразилъ, что Астафеву, вѣроятно, не до гостей сегодня, и хотѣлъ было отойти отъ дома, никого не беспокоя, по это похвальное намѣреніе не устояло передъ желаніемъ взглянуть на приѣзжую, о которой говорилъ ужъ весь околотокъ. Къ тому же, онъ былъ

завтра званъ на пирогъ къ столоначальнику; тамъ, навѣрное, будутъ толковать объ Астафьевѣ и объ его дочери, обсуждать причины ея пріѣзда сюда, дѣлать всевозможныя предположенія относительно наружности, воспитанія и прочнхъ свойствъ этой дѣвцы, и можно себѣ представить, какой онъ произведетъ эффектъ, когда во всеуслышаніе объявить, что имѣлъ удовольствіе ее видѣть и разговаривать съ нею!

Онъ рѣшился войти минутъ на десять, не больше, но его задержали. Сама-Аня, не дальше какъ часъ тому назадъ настаивавшая на томъ, чтобъ цѣлую недѣлю не пускать въ домъ никого изъ постороннихъ, стала теперь требовать, чтобъ все было попрежнему и чтобъ никто изъ-за нея не стѣснялся.

— Они кажинный день въ шахматы играютъ,—шепнула ей Марья Петровна.

— Въ шахматы? Отлично!... Гдѣ у тебя шахматы, пана?.

И живо разыскала она въ углу на окошкѣ старыи ящикъ съ деревянными шахматами и складной доской изъ толстой напки и поставила все это передъ ними на столъ, а Марья Петровна принесла изъ кладовой еще бутылку наливки.

— Отгадаечка?—проговорилъ Часовниковъ, умильно поглядывая на бутылку.

— Она самая и есть,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ, раскупоривая бутылку. — А что же ей рюмку?—кивнулъ онъ Марьѣ Петровнѣ на дочь. — Мы за ея здоровье пьемъ, значить, и она тоже должна.

— Я имъ сейчасъ послаще принесу,—засуетилась Марья Петровна,—вишневой.

— Да, отъ этой можетъ, пожалуй, съ непривычки и голова закружиться.

— На сей бы случай Василю Васильевичу пожаловать,—сказалъ Часовниковъ, смакуя наливку и съ нескрываемымъ любопытствомъ поглядывая на Аню. — Давно не заглядывалъ къ вамъ?

— Закружился, гдѣ ему теперь! Ночью пьянствуетъ, а днемъ амурной канителью по горло занять.

— Амурной канителью? Хе, хе, хе! Вѣрно вы изволите выражаться: канитель это, и ничего больше.

— Ко мнѣ онъ ужъ тогда начинается каждый день таскаться, когда отъ бабъ да отъ вина у него оскомина дѣлается,—продолжалъ шутивымъ тономъ Астафьевъ.

— Вродѣ какъ на покаяніе, значить, въ монастырь?

— Вотъ, вотъ... И чѣмъ крѣпче его отчитываешь, тѣмъ онъ довольнѣе. Иногда такими словами выругаешь его за безпутство, что потомъ самому совѣстно сдѣлается, какъ вспомнишь, а онъ ничего, не обижается.

— Скажите пожалуйста!—дивился Часовниковъ.

— Право. Сердце у него золотое, вотъ за чте я его люблю.

— И благодѣтельный. Сколько къ нему бѣдныхъ ходитъ, страсть! Всѣхъ даромъ лечитъ и многимъ по его запискамъ у аптекаря Фроша за полцѣны лѣкарства отпускаютъ,—замѣтилъ Часовниковъ.

— Ну, это ужъ само собой,—сказалъ Николай Ивановичъ.— Еще бы онъ бѣдныхъ не лечилъ даромъ!

— Ты что тамъ разсматриваешь, дочка? — обратился онъ къ Анѣ, которая разсматривала бутылку съ надписью рукою отца: «Отгадайка».

— Изъ чего сдѣлана эта наливка?—спросила она.

Николай Ивановичъ съ гостемъ засмѣялись.

— Отгадай-ка,—сказалъ Астафьевъ.

Аня поняла игру словъ и тоже засмѣялась.

— Это ея тайна,—указалъ онъ на Марью Петровну, которая входила съ двумя другими бутылками въ рукахъ. — Представь себѣ, никому, даже мнѣ не говорить, изъ чего она этотъ нектаръ стряпаетъ... А еще про болтливость женщинъ толкуютъ! Ну, эта какъ не захочетъ, не проболтается ни за что!

Марья Петровна, скромно опустивъ глаза, самодовольно усмѣхалась. Аня смотрѣла на нее. Прекрасивая показала она ей въ эту минуту. Какія у нея вкусныя малиновыя губы и какъ идутъ къ ея круглому русскому лицу высоко приподнятыя брови дугой! Носъ немного толстъ, но это ее не портило, напротивъ.

Все съ той же самодовольной усмѣшкой и горделиво закинувъ назадъ голову, поднесла она Анѣ рюмку наливки на подносѣ и съ низкимъ русскимъ поклономъ произнесла своимъ пѣвучимъ, слащавымъ голосомъ:

— Выкушайте, милая барышня.

Наливка была отличная и Николай Ивановичъ выпилъ ее очень много, а Часовниковъ, между тѣмъ, разставлялъ шахматы. Началась игра. Посидѣвъ минуту десять возлѣ отца, Аня ушла въ приготовленную для нея комнату.

Ей давно хотѣлось остаться одной, чтобъ разобраться немножко въ хаосъ мыслей и ощущений, переполнявшихъ ее душу. Ни одной минуты не отдыхали нервы съ того момента, какъ она сюда пріѣхала; все время хотѣлось ей то плакать, то смѣяться, то радостью билось сердце, то печалью, то заползало въ него мучительное недоумѣніе, смутное предчувствіе чего-то неладнаго, чего-то такого, чего она не ожидала, не предвидѣла и въ чемъ никакъ не могла отдать себѣ отчета.

И теперь, какъ тогда, въ первую минуту свиданія, преобладающимъ въ ней чувствомъ была радость, глубокое, безпредѣльное счастье чувствовать себя съ отцомъ, смотрѣть на него, обнимать его, слышать его голосъ, читать въ его глазахъ отвѣты на ея вопросы раньше, чѣмъ успѣютъ слова сорваться съ губъ. Да, но къ радости этой примѣшивалось теперь множество другихъ ощущений и впечатлѣній самаго неожиданнаго и разнообразнаго свойства.

Но что всего больше ее смущало, это та неуловимая переѣна въ отца, которую она никакими словами не счумѣла бы опредѣлить.

А, можетъ быть, это даже и не переѣна, можетъ быть, онъ всегда былъ такой? Вѣдь, она его цѣлыхъ пять лѣтъ не видала и тогда она была дѣвочка... Гдѣ же ребенку все понимать? Тогда она все въ немъ любила, все въ немъ ей нравилось, теперь же... Теперь ей и жутко за него подчасъ, и стыдно немножко, и жалко его.

Особенно жалко. Какъ онъ горько улыбнулся, когда она сказала, что онъ все тотъ же!

У нея слезы подступали къ горлу, вспоминая эту улыбку. А какъ онъ постарѣлъ, сгорбился, опустился! Сколько морщинъ на лбу и сѣдыхъ волосъ!

Ну, это ничего... Отъ этого тоже хотѣлось плакать, но только совсѣмъ, совсѣмъ другими слезами.

Еслибъ одну только эту переѣну нашла она въ немъ... О, еслибъ одну только эту!... Къ этому-то она готовилась.

Готовилась она также и къ тому, что онъ враждебно отнесется ко второму мужу ея матери. Не могъ онъ иначе относиться къ человѣку, который отнялъ у него любимую жену.

Любимую жену!

Аня усмѣхнулась при этой мысли. Было время, когда она знала и понимала одного только отца, и тогда она тоже отъ

всей души ненавидѣла Дмитрія Николаевича Таманскаго. Но теперь, когда она коротко узнала и его, и свою мать, ей надо было сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы вспомнить, что есть человѣкъ на свѣтѣ, который *можетъ* ненавидѣть Дмитрія Николаевича, и что человѣкъ этотъ ея отецъ.

Давно ужъ Аня мечтала о томъ, чтобы помирить ихъ. Она была убѣждена, что для этого одно только нужно: объяснить отцу, что за человѣкъ его соперникъ, вотъ и все. И до сихъ поръ ей казалось, что это очень легко, но теперь она начинала понимать другое и досадно ей было на себя даже и за то, что она такъ опрометчиво помянула имя Дмитрія Николаевича при отцѣ. Не надо было.

Да и вообще нельзя теперь говорить съ нимъ обо всемъ, не подумавши, какъ бывало прежде.

Какъ это тяжело!

Надо такъ устроить, чтобы имъ быть какъ можно больше вдвоемъ, чтобы никто не мѣшалъ имъ говорить съ глазу на глазъ; это прежде всего. Обоимъ имъ надо высказаться, договориться до всего, до всего... Это будетъ довольно трудно, потому что онъ какъ будто не желаетъ этого, какъ будто боится... Какъ тревожно ищетъ онъ глазами Марью Петровну, когда она на минуту выйдетъ! А когда пришелъ этотъ Часовниковъ, онъ даже какъ будто обрадовался и никакого не стоило труда засадить его за шахматы.

Не ждала Аня, что первый день ея пріѣзда пройдетъ такимъ образомъ. Когда, бывало, онъ уйдетъ изъ дому на одинъ день, то рассказамъ его не было конца, а теперь, послѣ пятилѣтней разлуки,—да еще какой разлуки!—у него не проявляется ни малѣйшей потребности дѣлиться съ нею мыслями... спрашиваетъ только о ней, а о себѣ такъ неохотно говорить, и видно, что непріятно ему... Что это значить?

А что такое эта Марья Петровна? Какую роль играетъ она въ его жизни?

Аня не чувствовала къ ней ни отвращенія, ни отчужденія, ничего, кромѣ того чувства стѣсненія, которое всегда ощущается въ присутствіи посторонняго лица, когда хочется оставаться вдвоемъ съ близкимъ человѣкомъ послѣ долгой разлуки. Хотѣлось, чтобъ она ушла поскорѣе и чтобъ дольше не возвращалась, вотъ и все.

Да и не было причинъ у Ани ненавидѣть Марью Петровну; напротивъ того, она скорѣе расположена была ее любить и чувствовать къ ней благодарность за все, что она сдѣлала для ея отца. Николай Ивановичъ писалъ дочери, какъ ухаживала за нимъ эта добрая, простая женщина во время его болѣзни два года тому назадъ, мѣсяца три послѣ его пріѣзда сюда. До тѣхъ поръ онъ мало съ нею знался и видѣлся только тогда, когда надо было платить деньги за квартиру. Потомъ она стала заниматься его хозяйствомъ, бѣлечь, всѣмъ, о чемъ мужчины сами не любятъ заботиться. Она закупила для него провизію, выскивая все, что можно получше и подешевле, учила Анисью стряпать его любимыя кушанья. Мало-по-малу онъ привыкъ къ ней; привыкъ балагурить съ нею, когда былъ въ духѣ, и ворчать при ней, когда былъ сердитъ, раздраженъ и опечаленъ чѣмъ-нибудь. И стало ему скучно дѣлаться, когда онъ долго ее не видѣлъ.

Онъ писалъ ей также и объ Анисѣ и ей въ голову не приходило приписывать Марьѣ Петровнѣ больше значенія, чѣмъ Анисѣ.

Ея заблужденіе насчетъ гвартирной хозяйки Николая Ивановича заходило такъ далеко, что она почему-то воображала ее себѣ маленькой, сухенькой старушкой, очень опрятной, словоохотливой и суетливой, въ чепцѣ съ лиловыми лентами, въ старомодномъ капотѣ, отъ котораго пахнетъ жаренымъ кофе съ примѣсью гвоздики. И вдругъ передъ нею очутилась высокая, полная, краснощекая мѣщанка, молодая и красивая, съ густыми гладко зачесанными волосами, смышленнымъ взглядомъ любопытныхъ глазъ и, должно быть, преупрямая, не взирающая на кажущуюся робость и добродушіе.

Впрочемъ, она была услужливая и, какъ видно, очень предана Николаю Ивановичу. Непріятно только, что не знаешь, какъ съ нею обращаться: какъ съ гостьей или какъ съ прислугой?

Не совсѣмъ также пріятно и то, что она смотритъ на этотъ домъ, какъ на свой, входитъ въ комнату не спросясь и вообще ужъ слишкомъ безцеремонно тутъ хозяйничаетъ. Надо будетъ мало-по-малу отвадить ее отъ такихъ замашекъ. Да она и сама, вѣроятно, пойметъ, что теперь, когда къ жильцу ея пріѣхала дочь, ей здѣсь дѣлать больше нечего.

А куда переехала она изъ комнаты, уступленной Анѣ? Въ другой домъ, вѣрно, потому что здѣсь больше нѣтъ комнаты.

Аня машинально взглянула на растворенную дверь въ кабинетъ. Изъ этой двери былъ видѣнъ диванъ, замѣнявшій Николаю Ивановичу кровать. Она подумала, что, вѣроятно, дверь эта была заперта, когда комнату эту занимала Марья Петровна, и стала искать глазами другую дверь, но комната была угловая и другого выхода изъ нея, какъ черезъ кабинетъ Николая Ивановича, не было...

Аня вдругъ все поняла, сердце у нея тоскливо сжалось и густая краска разлилась по ея лицу.

Анѣ шелъ девятнадцатый годъ. Родилась она въ Петербургѣ отъ бѣднаго чиновника, женатаго на красивой дѣвушкѣ аристократическаго происхожденія, но тоже бѣдной.

Госпожа Астафьева влюбилась въ директора того самаго департамента, въ которомъ служилъ ея мужъ, выхлопотала себѣ разводъ, обвѣнчалась со своимъ возлюбленнымъ и уѣхала съ нимъ за границу. Хотѣла она взять съ собою дочь, но мужъ не отдалъ и, такимъ образомъ, Аня осталась съ отцомъ.

Ей было пять лѣтъ, когда въ ея семьѣ разыгралась эта драма. Квартира, гдѣ все это происходило, была мала и тѣсна, скрывать что-либо отъ ребенка было невозможно.

Сдѣлавшись, волей-неволей, свидѣтельницею распрей, происходившихъ между ея родителями, дѣвочка не могла не знать, какъ глубоко несчастливъ ея отецъ и что она его единственная радость и утѣшеніе. Ужь одного этого было бы достаточно, чтобъ заставить ее привязаться къ нему всѣмъ сердцемъ, но, кромѣ того, онъ, по складу ума и характера, былъ ей и ближе, и симпатичнѣе матери, такъ что съ лѣтами страстная ея привязанность къ нему не переставала расти и укрѣпляться. Все тому способствовало: исключительное положеніе, въ которое они были поставлены, благодаря бракоразводному процессу, затѣянному Аниной матерью, а также множество другихъ побочныхъ обстоятельствъ вынуждали Николая Ивановича не скрывать передъ дочерью то, что обыкновенно не принято довѣрять дѣтямъ, свой образъ мыслей, впечатлѣніе, производимое на него людскою подлостью и коварствомъ, свои надежды и мечты, ошибки и разочарованія, — все это Аня знала, во всемъ этомъ принимала живѣйшее участіе. Да и не могло быть иначе: жизнь ея была такъ тѣсно связана съ жизнью отца! До тринадцати лѣтъ онъ ей замѣнялъ все на свѣтѣ: нянекъ, гувернантокъ, мать, семью, по-

другъ и учителей; никого не было у Ани, кромѣ отца, несчастнаго, убитаго горемъ труженика.

Разлука между ними произошла самымъ ужаснымъ и внезапнымъ образомъ. Въ ту ночь, когда его силой оторвали отъ нея, они ничего подобнаго не ожидали; имъ казалось, что, наконецъ, судьба перестала ихъ преслѣдовать и что, по крайней мѣрѣ, въ матеріальномъ отношеніи имъ можно будетъ вздохнуть свободнѣе. Трудъ Николая Ивановича, краткій учебникъ русской литературы, которой онъ былъ преподавателемъ, по выходѣ въ отставку, въ женскихъ гимназіяхъ, былъ одобренъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и рекомендованъ въ учебныя заведенія. Можно было мечтать объ отдыхѣ лѣтомъ, о маленькой дачѣ на берегу моря, о прогулкахъ въ сосновыхъ рощахъ, о катаньяхъ на лодкѣ съ друзьями, такими же голышами, какъ они сами. Можно было надѣяться, что на свѣжемъ воздухѣ и вдали отъ всего, что напоминало ему прошлое, отецъ отдохнетъ, поправится здоровьемъ и примется осенью за новый трудъ, который выйдетъ у него еще удачнѣе перваго.

Въ ту ночь его увезли и цѣлый годъ Аня не знала ни гдѣ онъ, ни что съ нимъ. Не знала даже, живъ ли онъ. Даже обыкновеннаго ребенка, воспитаннаго при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, годъ такой нравственной пытки состарилъ бы преждевременно.

Аню увезли къ матери, за границу. Тамъ она училась, путешествовала; ей показывали достопримѣчательности европейскихъ городовъ, возили ее слушать извѣстнѣйшихъ артистовъ, любоваться замѣчательнѣйшими произведеніями искусства, учили понимать сокровища поэзіи, музыки, литературы, знакомили съ природой въ самыхъ разнообразныхъ и чарующихъ ея видахъ. Аня ко всему внимательно присматривалась и приглядывалась и безъ труда все это воспринимала тонкимъ, артистическимъ чутьемъ своей нервной и страстной натуры, но ничѣмъ не наслаждалась она вполне.

Всегда и вездѣ, а въ особенности тамъ, гдѣ было весело, красиво, свѣтло и отрадно, мысль объ отцѣ не переставала грызть ей сердце, вызывала слезы на глаза, желаніе уйти, остаться одной и плакать о немъ.

Съ лѣтами Аня выучилась владѣть собою; припадки отчаянія находили на нее рѣже и справлялась она съ ними легче, такъ что постороннему человѣку и въ голову не пришло бы предпо-

лагать, что такая веселая и, повидимому, беззаботная дѣвушка живетъ исключительно одной только надеждой, однимъ упорнымъ, неотступнымъ желаніемъ—бросить навсегда окружающую ее среду, роскошную и блестящую, полную наслажденій, гдѣ и уму ея, и артистическимъ вкусамъ былъ полный просторъ для развитія, и промѣнять все это на темное, безвѣстное существованіе у бѣдняка-отца, въ ежедневныхъ лишеніяхъ, въ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ, а, между тѣмъ, это было такъ.

Послѣдніе два года Аня особенно рвалась къ нему. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ водворенъ на жительствѣ въ N, она рѣшила, что ей больше не для чего оставаться за границей. Воспитаніе ея было кончено, здоровьемъ она пользовалась отличнымъ, никому здѣсь не нужна, для чего ей тутъ оставаться?

Прежде, на просьбы отпустить ее въ Россію, ей отвѣчали: «Къ чему ты туда поѣдешь? Вѣдь, тебѣ, все равно, нельзя будетъ съ нимъ жить».

Теперь ей ужь этого не могутъ сказать, теперь она могла съ нимъ жить, онъ былъ почти на свободѣ, ему нельзя было только выѣзжать изъ N-ской губерніи, но для Ани это было безразлично, быть бы только съ нимъ; выше этого счастья она ничего не могла себѣ представить.

Во всѣхъ своихъ письмахъ,—а писала она ему каждую недѣлю,—краснорѣчиво доказывала она, что ей нѣтъ никакого основанія оставаться за границей и что ей, со дня на день, тягостнѣе переносить съ нимъ разлуку. Она просто понять не могла, почему ему хочется, чтобъ разлука эта продолжалась еще дольше? Воображаетъ, вѣрно, что она соскучится въ глухомъ степномъ городѣ, что ей нуженъ свѣтъ, блескъ, шумъ и роскошь... Какая нелѣпость! Посмотрѣлъ бы онъ, какая ей тоска въ этомъ свѣтѣ; какъ онъ ей чуждъ и противенъ, какъ она зѣваетъ на большихъ балахъ и обѣдахъ, какъ мало интересуется ее окружающее общество и съ какимъ восторгомъ мечтаетъ она о крошечной, бѣдной квартиркѣ, въ которой они будутъ вмѣстѣ болтать, читать, работать.

Николай Ивановичъ отшучивался, какъ могъ, совѣтовалъ отложить отъѣздъ съ мѣсяца на мѣсяцъ въ виду предстоящаго холода, распутицы или жары, смотря по времени года, ссылаясь на то, что онъ не успѣлъ еще устроиться какъ слѣдуетъ въ N, и тому подобное.

Онъ писалъ ей рѣдко и мало, отговариваясь тѣмъ, что пи-

сать нечего, и откладывая отвѣты на вопросы, которыми она не уставала его закидывать, до личнаго свиданія, но и въ этихъ братихъ письмахъ Аня ухитрялась прочитывать между строкъ множество непріятныхъ для себя вещей и отвѣты ея становились съ каждымъ разомъ раздражительнѣе и нетерпѣливѣе.

И вдругъ она смолкла. Прошло недѣли три совсѣмъ безъ писемъ, чего ни разу еще не было съ тѣхъ поръ, какъ имъ представилась возможность переписываться, а затѣмъ Николай Ивановичъ получилъ отъ нея депешу изъ Москвы, въ которой она его увѣдомляла, что дней черезъ десять будетъ въ N.

— Не ждали мы тебя такъ скоро, ласточка,—сказалъ Николай Ивановичъ дочери, когда, послѣ вечерняго чая, они остались вдвоемъ.

Марья Петровна вышла провожать Часовникова, но посуда на столѣ была еще не убрана и можно было каждую минуту ожидать ея возвращенія.

— Предупредила бы ты насъ недѣльки за двѣ, мы бы приготовились и устроили бы тебя покомфортабельнѣе. Глушь, вѣдь, здѣсь, одинъ столяръ на весь городъ. Вздумалъ я ему столикъ письменный заказать, такъ безъ малаго годъ пришлось ждать.

— Ничего не надо здѣсь заказывать, отецъ, не стоитъ; мы здѣсь долго не останемся.

Николай Ивановичъ вскинулъ на нее тревожный взглядъ и хотѣлъ что-то возразить, но промолчалъ.

— Видишь,—продолжала Аня,—я объясню тебѣ все по порядку, но для этого ты долженъ выслушать меня спокойно и дать мнѣ договорить до конца...

Она остановилась. Въ комнату вошла Марья Петровна.

— Договаривай, договаривай,—улыбнулся Николай Ивановичъ, отхлебывая маленькими глотками наливку, налитую въ стаканъ.

— Когда мы будемъ одни,—замѣтила Аня.

И, чтобъ не подымать глазъ на Марью Петровну, на которую ей неловко было смотрѣть, она вынула шахматы изъ коробки и стала разставлять ихъ на столѣ.

— Мы и такъ одни,—возразилъ Николай Ивановичъ съ легкимъ оттѣнкомъ неудовольствія въ голосѣ.—Марья Петровна своей человекъ.

Аня промолчала. Скверное чувство, заползшее ей въ сердце, съ минуты на минуту все сильнѣе и сильнѣе раздражало ее. Она сознавала, что говорить съ должнымъ спокойствіемъ и сдержанностью не въ силахъ, но откладывать объясненіе ей не хотѣлось,—ужь слишкомъ мучительна была неизвѣстность. Надо, чтобы онъ зналъ, для чего именно поторопилась она сюда приѣхать и почему она это сдѣлала, не предупредивши его; надо подѣлиться съ нимъ планами, которые она дѣлала на будущее, и узнать, какъ отнесется онъ къ этимъ планамъ.

Не дальше какъ сегодня утромъ, подѣзжая къ N, она была убѣждена, что онъ согласится на все, что она измыслила для себя и для него; теперь же... теперь жутко какъ-то заговорить съ нимъ о будущемъ, и она смутно сознавала, что надо разъяснить прежде настоящее. Но какъ это сдѣлать, чтобы не оскорбить его и не опечалить и чтобы онъ, Боже сохрани, не угадалъ, до какихъ предположеній додумалась она насчетъ Марьи Петровны?

Надо такъ сдѣлать, чтобы онъ никогда объ этомъ не догадался, и надо самой забыть, надо приучить себя не думать объ этомъ.

Аня была не изъ любопытныхъ дѣвушекъ и къ извѣстнымъ тайнамъ чувствовала скорѣе отвращеніе, но она слишкомъ много перестрадала и передумала на своемъ вѣку, слишкомъ много видѣла и слышала, чтобы къ извѣстнымъ житейскимъ вопросамъ относиться съ преувеличеннымъ ужасомъ брезгливой барышни.

Неожиданное открытіе очень неприятно изумило ее, правда, и она чувствовала, что долго не оправится ей отъ этого изумленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она сознавала, что необыкновенного и ужаснаго въ этомъ ничего нѣтъ и что никого нельзя винить въ томъ, что ей не пришло въ голову предвидѣть это обстоятельство раньше.

Чтобы быть вполне вѣрнымъ истинѣ, надо сознаться также и въ томъ, что Аню гораздо больше мучили послѣдствія факта, чѣмъ самый фактъ, и что когда она повторяла себѣ, что такая женщина, какъ Марья Петровна, выдающейся роли въ жизни ея отца играть не можетъ и никакого нравственнаго давленія производить на него не въ состояніи, мысль эта успокоивала ее на время.

Къ несчастью, она не была въ этомъ вполне увѣрена, и вотъ почему медлила заговорить съ нимъ о томъ, что исключительно

касалось ихъ обоихъ и что должно было оставаться между ними въ тайнѣ. Медлила и тогда, когда Марья Петровна, оставивъ посуду на поднось, вышла съ нимъ въ кухню, притворивъ за собою дверь.

— Ну, вотъ, мы и одни,—сказалъ Николай Ивановичъ.

Онъ закурилъ папиросу и подлилъ рому въ чай.

— Не бойся, никто не войдетъ,—прибавилъ онъ, подмѣтивъ тревожный взглядъ, брошенный Аней на тонкую досчатую перегородку, отдѣляющую столовую отъ кухни, изъ которой доносился шепотъ и звонъ посуды.

Аня собралась съ духомъ и начала объяснять, какія у нея данныя предполагать, что ему вскорѣ представится возможность жить гдѣ онъ хочетъ, даже въ Петербургѣ, и приняться за прежнія занятія.

— Тебѣ позволять давать уроки въ учебныхъ заведеніяхъ. Не вдругъ, конечно, прежде въ частныхъ пансіонахъ, а потомъ и въ гимназіяхъ.

Николай Ивановичъ злобно усмѣхнулся.

— Кто это сказалъ? Таманскій?—спросилъ онъ съ какимъ-то страннымъ, вызывающимъ выраженіемъ во взглядѣ.

Аня терпѣливо выдержала этотъ взглядъ.

— Да, — произнесла она чуть слышно. — Вотъ что, папа,—продолжала она дрожащимъ отъ сдержаннаго волненія голосомъ, — прежде чѣмъ продолжать, я должна спросить у тебя одну вещь; обѣщай отвѣчать мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ откровенно.

— Что такое?—спросилъ онъ, закуривая новую папиросу.

— Ты вѣришь, что я люблю тебя больше всѣхъ на свѣтѣ?... да?

Она пытливо смотрѣла ему въ глаза; произнося эти слова.

— Что за глупый вопросъ!—расхохотался онъ искреннимъ смѣхомъ.

Радостно забилось у Ани сердце отъ этого смѣха. Онъ лучше всякихъ словъ отвѣчалъ на вопросы, тѣснившіеся у нея въ мозгу. Всѣ сомнѣнія ея разлетѣлись въ прахъ отъ этого смѣха.

«Вотъ онъ, вотъ онъ, тотъ самый, какимъ всегда былъ, тотъ самый дорогой, милый папа! Тотъ самый!»—повторяла она себѣ мысленно, смотря на него счастливыми, смѣющимися глазами.

Ей хотѣлось кинуться къ нему на шею, сѣсть къ нему на колѣна и говорить, спрятавъ лицо на его груди; какъ бывало прежде, пять лѣтъ тому назадъ, когда надо было передать ему

большой секрет или сознаться въ какой-нибудь важной провинности. Слезы подступали у нея къ горлу при этомъ воспоминаніи, и она глядѣла на него съ такою безконечною нѣжностью, что еслибъ вниманіе Николая Ивановича не отвлеклось въ эту минуту вновь поднявшимся глухимъ шумомъ въ кухнѣ, онъ, навѣрное, самъ притянулъ бы ее къ себѣ.

И какъ легко было бы тогда говорить!

Но такъ или иначе, а, разъ начавши опасное объясненіе, надо было довести его до конца.

— Я должна непременно поговорить съ тобой о Дмитріѣ Николаевичѣ, — начала она дрожащимъ голосомъ, съ трудомъ подбирая выраженія и останавливаясь въ нерѣшительности передъ словами, готовыми сорваться съ языка. — Мнѣ кажется, что ты его совсѣмъ, совсѣмъ не знаешь... онъ... онъ хорошій человекъ, право, и еслибъ ты только зналъ, какъ онъ несчастливъ!... Со мной онъ былъ всегда... Я ему всѣмъ обязана, воспитаніемъ и тѣмъ, что съ ума не сошла отъ тоски по тебѣ, всѣмъ, всѣмъ, однимъ словомъ... но главное, и вотъ за это-то я его...

Люблю, хотѣла она сказать, но воздержалась.

— Уважаю. Онъ такъ хорошо къ тебѣ относится, такъ хорошо.

Все это она проговорила прерывающимся голосомъ, опустивъ глаза на шахматы, которые нервно переставляла на столѣ. Отецъ слушалъ ее молча, прихлебывая холодный чай изъ стафана и не спуская взгляда съ папиросы, дымящейся въ его рукѣ.

— Ты знаешь, — продолжала Аня, — я была очень предубѣждена противъ него; я думала, что причиной всѣхъ нашихъ несчастій онъ, одинъ онъ, и я его терпѣть не могла... Но теперь я знаю, онъ ни въ чемъ не виноватъ, это все *она*...

Голосъ ея дрогнулъ и оборвался. Николай Ивановичъ глянулъ на нее изъ-подъ нависшихъ бровей съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ не то любопытства, не то удивленія, но не проронилъ ни слова. Аня продолжала:

— Про нее я тебѣ скажу вотъ что... такъ она ничтожна, такъ ничтожна, что про нее и думать не стоитъ, вотъ! Это и *онъ* знаетъ, и я, и ты это долженъ знать.

Николай Ивановичъ улыбнулся.

— Ее положительно нельзя принимать въ серьезъ... и если я вотъ теперь заговорила о ней, то для того только, чтобъ объяснить тебѣ, какъ я на все это смотрю, и чтобъ ты соста-

вилъ себѣ вѣрное понятіе объ *его* положеніи, и вообще мнѣ хотѣлось бы объяснить тебѣ, что онъ за человѣкъ...

Она подумала съ минутой.

— Во - первыхъ, онъ одинъ изъ всѣхъ... положительно онъ одинъ только понимаетъ, что мое мѣсто возлѣ тебя, что мнѣ нигдѣ нельзя жить, кромѣ какъ съ тобой... И я только съ нимъ однимъ могла говорить объ этомъ... И вотъ что еще, — торопилась она высказывать мысли, набѣгавшія ей одна за другою на умъ, — я только съ нимъ и могла говорить о тебѣ. Понимаешь?

Но Николай Ивановичъ ее не слушалъ.

— Такъ онъ съ нею несчастливъ? — раздумчиво произнесъ онъ.

— О, ужасно, несчастливъ! — вскричала Аня.

— Да и она... У нея теперь все есть, что ей надо, наряды, красивая обстановка, но въ обществѣ на нее продолжаютъ коситься и многіе не желаютъ съ нею знаться.

— Не желаютъ знаться? — усмѣхнулся Николай Ивановичъ. — Вотъ какъ! Даже не желаютъ знаться?

— Да. И ей это очень прискорбно. Такъ что, въ концѣ-концовъ, и она тоже очень несчастлива и подчасъ ее жадко дѣлается.

— Такъ стояло ли...

Онъ не договорилъ, но Аня подхватила на лету его мысль и поспѣшила ее докончить.

— О! Въ томъ-то и дѣло, что не стояло, совсѣмъ, совсѣмъ не стояло!... И теперь они это сознаютъ, въ особенности онъ... У него одна мечта: по возможности загладить...

— Ну, объ этомъ я попросилъ бы его не заботиться, — оборвалъ ее довольно рѣзко Николай Ивановичъ.

— Ахъ, папа! Ты меня не понялъ! Я не такъ выразилась... не загладить, — онъ понимаетъ, что это невозможно, — а сколько-нибудь... ну, сколько-нибудь убавить свою вину... передо мной! Передо мной! — прибавила она поспѣшно, испугавшись злобнаго выраженія, сверкнувшаго въ его глазахъ.

— Я не могу тебѣ мѣшать пользоваться его благодѣяніями, — процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Аня похолодѣла отъ этого незаслуженнаго оскорбленія. Какъ же говорить съ нимъ? Какъ объясниться, когда онъ ничего не хочетъ понимать?

Николай Ивановичъ мелькомъ глянулъ на нее и послѣдно отвелъ глаза въ сторону. Не могъ онъ не замѣтить, какъ она поблѣднѣла и что слезы выступили у нея на глазахъ.

— Пожалуйста, не будемъ больше объ этомъ говорить,— началъ онъ отрывисто, вынимая дрожащими пальцами хрустальную пробку изъ графина и наливая себѣ рюмку въ стаканъ, въ которомъ чаю оставалось ужъ очень мало.— Я одного только прошу: оставьте меня въ покоѣ, дайте мнѣ забыть. Мнѣ такъ хорошо, когда никто мнѣ про нихъ не напоминаетъ,— прибавилъ онъ утомленнымъ голосомъ, откидываясь въ изнеможеніи на спинку стула.

Глаза его осоловѣли и онъ блуждалъ ими по сторонамъ, ни на чемъ не останавливаясь.

Настушило молчаніе.

— Ну, а про работу твою можно говорить?—спросила Аня, сияясь улыбнуться и казаться совершенно спокойной.

— Работа? Какая работа?—переспросилъ онъ, точно очнувшись отъ сна.— Хотѣлъ опять уроками заняться... нельзя... не позволяютъ... Какая работа?

— Да тотъ курсъ литературы, надъ которымъ ты еще въ Петербургѣ началъ заниматься? Помнишь? Ты мнѣ писалъ, что опять за него принялся.

— Это въ прошломъ году? Помню, помню... ты мнѣ еще книги прислала... помню.

— Ты, вѣрно, бросилъ этотъ трудъ?—настаивала Аня.

— Бросилъ... Вотъ уроки бы... это бы отлично... ну, нельзя, не позволяютъ,—бормоталъ онъ себѣ подъ носъ и опять смолкъ.

Но вдругъ взглядъ его оживился, онъ послѣдно повернулъ голову къ двери и сталъ внимательно прислушиваться.

Въ кухнѣ шептанье и возня усиливались, сдвигали что-то тяжелое съ мѣста и вдругъ раздался трескъ, звонъ разбивающейся посуды и сдавленное: охъ!

Николай Ивановичъ, какъ ужаленный, сорвался съ мѣста и опрометью кинулся на этотъ крикъ. Аня послѣдовала за нимъ, но ей стремительно захлопнули дверь передъ носомъ.

Постоявъ въ нерѣшительности передъ этой запертой дверью, она вернулась на прежнее мѣсто и стала машинально прислушиваться.

— Маша, ты ушиблась?—слышался встревоженный голосъ Николая Ивановича черезъ перегородку.

Отвѣты произносились такимъ тихимъ шепотомъ, что разслышать ихъ не было никакой возможности. Но Николай Ивановичъ съ Анисьей тихо разговаривать не умѣли.

— Я имъ говорила... Ништо можно одной такой сундуцище!... Долго-ль надорваться!... Ну, какъ попользъ, какъ попользъ, намъ ужъ и не сдержать, — объясняла Анисья.

— Да вы бы меня позвали... Господи! Бровь! Откуда?—вырвалось ужъ совсѣмъ громко у Николая Ивановича.

А затѣмъ опять шепотъ и опять его взволнованный голосъ:

— Какъ ничего? Да развѣ я не вижу! Тебѣ все ничего... Очень нужно было... Воды скорѣе!... Ну что, легче, легче?

Фразы произносились отрывисто, съ длинными промежутками молчанія, но Аня поняла, что Марья Петровна что-то такое уронила на себя и ушиблась.

Какъ все это подѣйствовало на него! Этотъ голосъ, прерывающійся отъ волненія, нѣжный, любящій... Точно онъ съ нею говорить, съ Аней!

Опять случилось у нея сердце отъ боли. А за перегородкой возня продолжалась, но теперь всѣ уже шептались такъ тихо, что ничего нельзя было разобрать.

Зашипѣли гдѣ-то часы и продребезжали двѣнадцать. И опять все смолкло, а затѣмъ, среди наступившей тишины, снова раздался голосъ Николая Ивановича:

— Успѣется... подождать...

Это было произнесено съ раздраженіемъ и досадой.

Аня поднялась съ мѣста и, блѣдная, съ дрожащими губами, подошла къ затворенной двери.

— Я пойду спать, папа, ужъ поздно, — проговорила она.

Слова съ трудомъ вырывались изъ горла, сдавленнаго истерической спазмой.

— Сейчасъ, сейчасъ, подожди минуточку.

И почти тотчасъ же Николай Ивановичъ вошелъ въ комнату. У него былъ сконфуженный видъ и онъ пожимался какъ-то весь, точно отъ холода. Одинъ рукавъ сюртука былъ засученъ и разстегнутая манжетка была вся мокрая.

— Марья Петровна ушиблась... полѣзла за сундукомъ... они у нея одинъ на другомъ стоять, большущіе! Хотѣла снять тотъ, что поменьше, и устроить себѣ на немъ постель... Эти бабы! Вѣчно глупятъ! Ни на каплю нѣтъ мозговъ въ головѣ, — путался онъ въ словахъ.

Теперь, когда внезапное возбужденіе, встряхнувшее его нервы, миновало, хмѣль снова начиналъ одолавать его. Дрожащей рукой ощупалъ онъ графинъ съ ромомъ и, выливъ все, что въ немъ оставалось, въ стаканъ, въ которомъ не было уже ни капли чаю, сталъ пить, не глядя на дочь.

Она остановила его руку, когда онъ уже въ третій разъ подносилъ стаканъ къ губамъ.

— Папа, что ты дѣлаешь? Вѣдь, чаю-то больше нѣтъ!—вскричала она, усиливаясь смѣяться.—Экой ты вѣтрогонъ!

Онъ на мгновеніе очнулся.

— И въ самомъ дѣлѣ! Я и не посмотрѣлъ... дую себѣ ромъ, какъ воду.

Покорно поставивъ стаканъ на прежнее мѣсто, онъ грузно опустился на стулъ.

— Ну, поговоримъ, дочка, поговоримъ,—началъ онъ заплетаящимся языкомъ.—Ты хотѣла что-то про Таманскаго...

— Лучше завтра, папа.

— Что же такъ? Я ничего... я только... ты, конечно, всего знать не можешь... онъ, видишь ли, онъ... Я, вѣдь, тогда... ему въ глаза сказалъ... его превосходительству... прямо сказалъ, что онъ... па-адлецъ!... Скушалъ... ничего... потому самъ... самъ долженъ понимать... Я тебѣ это когда-нибудь... все въ подробности... расскажу... все... все... Я что-жь?... Я ничего... я не злой человѣкъ... я только... Ужь слишкомъ наболѣло у меня тогда...

Онъ опять потянулся за стаканомъ и вдругъ поднялъ голову и глаза ихъ встрѣтились. Взглядъ его на мгновеніе осмыслился и онъ улыбнулся жалкой, смущенной улыбкой.

— Привыкъ я, послѣ морфія-то... Скука, знаешь, хоть бы ребяташекъ дали учить, а то ничего... тоска! Ну, и привыкъ... не могу ужъ удержаться... Ты меня не осуждай... я, право... вотъ я тебѣ когда-нибудь... расскажу... Мучили они меня мучили...

И опять, глянувъ на нее блуждающимъ взглядомъ и все съ тою же смущенною улыбкой, онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но Аня обвила руками его шею и зажала ему ротъ поцѣлуями.

Никогда, можетъ быть, не любила она его такъ нѣжно, какъ теперь.

Г л а в а II.

На темно-красномъ коврѣ съ рисункомъ изъ тѣней того же цвѣта, мягко сливающихся съ фономъ, низкая, модная мебель, обитая гранатнымъ бархатомъ, служила какъ бы продолженіемъ дорогихъ обоевъ того же цвѣта.

Противъ оконъ, задрапированныхъ легкимъ бѣлымъ кружевомъ, сквозъ которое почти безпрепятственно проникалъ дневной свѣтъ и лучи солнца, бѣлый мраморный каминъ съ зеркаломъ, отражающимъ высокія пальмы и другія рѣдкія растенія, артистически сгруппированныя искусною рукой. Изваянія по угламъ, да нѣсколько гравюръ и картинъ въ темныхъ рамахъ по стѣнамъ.

По одному тому, какъ картины эти были развѣшаны, можно было признать въ хозяинѣ дома любителя и знатока искусства; но любителемъ и знатокомъ былъ не онъ, князь Аркадій Немировъ, а она, княгиня Марья Владиміровна, художавая, невзрачная особа, лѣтъ тридцати пяти, съ добрыми глазами, немного печальными, всегда задумчивыми, и сѣровато-блѣднымъ лицомъ.

Это она настояла на томъ, чтобы любимыя ею съ дѣтства сокровища искусства были перевезены изъ родоваго помѣстья, разореннаго, заложеннаго и перезаложеннаго, въ тотъ захолустный городъ, куда мужа ея назначили губернаторомъ.

На замѣчаніе князя, что ихъ въ N обѣщали продержатъ недолго, и на совѣтъ его отложить трату на перевозку картинъ до новаго назначенія въ городъ, болѣе близкій къ центру и мѣнѣе похожій на ссылку, княгиня возразила, что чѣмъ дальше она будетъ жить отъ роднаго гнѣзда, отъ близкихъ ей сердцу людей и обстановки, тѣмъ нужнѣе ей эти картины.

Что же касается сокращенія расходовъ, необходимость которыхъ она, во всякомъ случаѣ, сознавала гораздо лучше мужа, княгиня надѣялась сдѣлать это экономіей въ нарядахъ.

Это наверстываніе непроеводительныхъ тратъ на такомъ существенно важномъ предметѣ, какъ оно становилось поперегъ горла князю каждый разъ, когда ему случалось видѣть свою супругу рядомъ съ расфранченными N-скими щеголихами. Какою жалкой и мизерной казалась губернаторша въ своихъ старомодныхъ платьяхъ, много разъ передѣланныхъ, вывернутыхъ на изнанку, чистенныхъ и перешитенныхъ, съ заштопанными кружевами, дос-

нящимися лентами, смятыми цвѣтами и развившимися перьями! Да хоть бы выкупала она это свѣтскимъ лоскомъ, умѣнемъ пустить пыль въ глаза своимъ блестящимъ воспитаніемъ или, по крайней мѣрѣ, самоувѣренностью женщины высшаго общества, надышавшейся до пресыщенія атмосферой элегантныхъ аристократическихъ гостинныхъ. А, между тѣмъ, ее до сихъ поръ тамъ не забывали, до сихъ поръ получала она оттуда письма, подписанныя именами, извѣстными всей Россіи. Не умѣла княгиня даже и этимъ пользоваться. А ужъ чего, кажется, проще и понятнѣе. Часто случалось такъ, что письма эти подавались ей при гостяхъ, въ присутствіи какой-нибудь барыни-болтуньи, способной весь городъ объѣздить для того только, чтобы всюду рассказать, что губернаторша находится въ интимной перепискѣ съ такимъ-то лицомъ или съ такимъ-то... «Сама видѣла, при мнѣ письмо получила» и т. д.

Безтактность и ненаходчивость супруги приводили князя въ изумленіе.

Бывали минуты, когда, раздосадованный невозможностью пользоваться, какъ хотѣлось бы, связями своей жены, князь начиналъ сомнѣваться въ ея здоровомъ умѣ. Вспоминались при этомъ рассказы про ея отца: слылъ умницей, философомъ, великимъ администраторомъ, а подъ конецъ самымъ непростительнымъ образомъ сплеховалъ, не угадалъ, откуда дуетъ вѣтеръ, упорно шелъ противъ теченія до тѣхъ поръ, пока волна не сбила его съ ногъ, не съумѣлъ подладиться ни къ обстоятельствамъ, ни къ людямъ и слетѣлъ съ пьедестала стремглавъ, какъ глушець.

А мать, извѣстная красавица, прославившаяся по всей Европѣ своими остроумными эксцентричностями и скончавшаяся въ лечебницѣ знаменитаго психіатра въ Парижѣ?

Отъ людей, коротко знавшихъ ихъ обоихъ, князь слышалъ, что жена его наследовала отъ матери одни только глаза съ выраженіемъ тихой грусти, отца же своего она напоминала и голосомъ, мягкимъ и ровнымъ, и складомъ рѣчи, и простотою обращенія.

Для него, князя Немирова, жизненный путь былъ до сихъ поръ и легокъ, и пріятенъ. На каждомъ шагу поблажки самолюбію, во всемъ побѣды и удачи, что ни затѣетъ — блестящій успѣхъ. И всегда такъ было, съ тѣхъ поръ, какъ, вынудъ случайно на экзаменѣ изъ математики именно тотъ единственный билетъ, который онъ вытвердилъ наизусть, тринадцатилѣтній кня-

зекъ поступилъ первымъ въ одно изъ привилегированныхъ заведеній. Первымъ удержался онъ до конца, первымъ въ люди вышелъ и съ тѣхъ поръ всегда и вездѣ первымъ. Онъ такъ къ этому привыкъ, что ему странно бы казалось, еслибъ было иначе, и когда почтенный сановникъ, напутствуя его послѣдними наставленіями къ мѣсту новаго назначенія, замѣтилъ ему съ улыбкой, что провинція не привыкла къ такимъ юнымъ губернаторамъ и что ему нужно будетъ много такта, чтобъ заставить забыть свою молодость, князь Немировъ едва удержался отъ смѣха.

Свои административныя способности онъ счумѣлъ проявить такъ быстро, что въ какихъ-нибудь два-три года обратилъ на себя вниманіе начальства, и докладами за двѣ тысячи верстъ сдѣлалъ для своей карьеры больше, чѣмъ еслибъ, какъ совѣтовали ему многіе, безсмѣнно пребывалъ на глазахъ у начальства.

Черезъ многочисленныхъ пріятелей, — у него во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ были друзья, — князю Немирову извѣстенъ былъ ходъ и направленіе административной машины не только въ настоящее время, но также и то, что было на очереди. Узналъ онъ, такимъ образомъ, очень скоро, даже раньше многихъ въ Петербургѣ, о проектѣ комиссіи, въ которой должны были засѣдать, выдающіеся по уму и способностямъ, «люди будущаго», какъ характеризовалъ ихъ тотъ, кто ее измыслилъ. Можно себѣ представить, какъ страстно желалъ N-скій губернаторъ понасть въ число ихъ. Для достиженія этой цѣли были пущены въ ходъ крайнія мѣры и послѣ продолжительнаго разговора съ женой, начавшагося словами: «vous savez, chère amie, combien il me gerigne d'abuser de vos relations à la cour», княгиня написала два письма въ Петербургъ, среди которыхъ были вставлены фразы, списанныя слово въ слово съ замѣтокъ, набросанныхъ ей на память мужемъ. О результатѣ этихъ писемъ князь узналъ изъ переписки съ друзьями; не прошло и мѣсяца, какъ ему не безъ удивленія сообщали, что имя его стоитъ однимъ изъ первыхъ въ секретномъ списокѣ «людей будущаго».

По мѣрѣ того, какъ укрѣплялась въ немъ увѣренность въ скоромъ отъѣздѣ отсюда, возрастала и мягкость обращенія его со всѣми и по истинѣ отеческая заботливость о подчиненныхъ, которыхъ онъ цѣлыми десятками, неожиданно и некстати, представлялъ къ чинамъ и денежнымъ наградамъ, для того только, чтобъ оставить добрую по себѣ память. Съ той же цѣлью медлилъ онъ вершить судъ и расправу тамъ, гдѣ это было въ его

власти, и медлил приводить въ исполненіе зависяція отъ него мѣры строгости, предоставляя все это своему преемнику. Всегда либеральный на словахъ, онъ сталъ заходить въ этомъ такъ далеко, какъ ни одинъ еще губернаторъ не заходилъ. За словами проявились у N-скаго губернатора и поступки: при встречахъ на улицѣ или въ общественныхъ мѣстахъ съ учителями гимназій и тому подобнымъ людомъ, споконъ вѣка стоявшимъ особнякомъ въ провинціи, князь самъ заговаривалъ съ ними и приглашалъ ихъ къ себѣ бесѣдовать о такихъ предметахъ, какъ устройство воскресныхъ школъ или публичныхъ чтеній, съ цѣлью популяризировать науку и знакомить степняковъ съ произведеніями русской и иностранной литературы.

Новымъ настроеніемъ градоначальника воспользовалась одна изъ первыхъ его супруга, чтобъ пустить въ ходъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ филантропическія затѣи, до которыхъ она была такъ же падка, какъ мужъ ея до славы и до преобладанія надъ своими ближними. Въ самомъ непродолжительномъ времени устроились, по ея инициативѣ, два концерта и лоттерея, на которыхъ весь городъ веселился на славу. Концерты дали пятьдесятъ два рубля съ копѣйками выручки, а лоттерея сто тридцать семь рублей безъ копѣекъ, а затѣмъ стая черносалопницъ и разныхъ спившихся до потери человѣческаго образа проходимцевъ, съ десяти часовъ утра до двухъ пополудни, осаждали подъѣздъ губернаторскаго дома, въ чаяніи подачекъ, которыя раздавались молоденькимъ чиновникомъ особыхъ порученій Пыжовымъ отъ имени предсѣдательницы дамскаго комитета, княгини Немировой.

Кромѣ того, и тоже благодаря благодушному настроенію князя, княгинѣ удалось пристроить въ его канцелярію, и все на мѣста съ окладами, съ десятокъ такихъ идіотовъ, которыхъ за неспособность, лѣнь и пьянство ни на какой службѣ нельзя было держать.

Поощренная блестящими результатами на поприщѣ общественной дѣятельности, княгиня возмечтала увѣковѣчить свое имя въ здѣшней губерніи основаніемъ пріюта для маленькихъ дѣвочекъ. Оказалось, что и князю та же самая мысль пришла въ голову.

Устройство пріюта сдѣлалось злобой дня въ городѣ. Во всѣхъ домахъ только и разговору было, что о совѣщаніяхъ, происходившихъ у губернаторши по этому предмету. Заразившись либеральными взглядами супруга, княгиня назначила у себя два

дня въ недѣлю для этихъ совѣщаній и разослала приглашенія всѣмъ городскимъ дамамъ безъ исключенія, даже и тѣмъ, которыхъ нигуда не принимали за двусмысленное поведеніе, и тѣмъ, которыхъ вошло въ привычку игнорировать по другимъ причинамъ.

На первомъ же совѣщаніи свершилось столько неприятныхъ столкновеній, высказано было столько колкостей, а затѣмъ разнеслось по городу такое множество неимовѣрныхъ измышлений, что испуганной губернаторшѣ пришлось назначить еще два вечера въ недѣлю для *избранныхъ*, съ тѣмъ, чтобы обсуждать безпорядки, происходящіе на общихъ собраніяхъ, рѣшать, кого сажать съ кѣмъ рядомъ, кого подалеже другъ отъ друга, какіе вопросы затрогивать, какихъ избѣгать и тому подобное.

На вечерахъ этихъ было обыкновенно довольно скучно и однообразно. Являлись на нихъ неизмѣнно одни и тѣ же лица: жена предсѣдателя, мадамъ Иванова, глупая и добрая женщина среднихъ лѣтъ, вице-губернаторша мадамъ Синявина, почтенная мать семейства, по уши поглощенная хлопотами о дѣтяхъ и хозяйствѣ, преждевременно посѣдѣвшая отъ постоянныхъ и тщетныхъ усилій жить на три тысячи рублей въ годъ такъ, какъ другіе живутъ на пятнадцать.

Можно было также встрѣчать на этихъ вечерахъ Софью Львовну Гальскую, сестру предводителя дворянства, молодящуюся старую дѣву, выучившуюся, во время продолжительнаго пребыванія въ Парижѣ, такъ искусно раскрашивать себѣ лицо и подводить брови, что издали ей больше тридцати лѣтъ никто бы не далъ. Софья Львовна считалась большой пріятельницей не только княгини, но и князя, и ее можно было встрѣчать у Немировыхъ и Немировыхъ у нее почти каждый день. Очень богатая, хорошей фамиліи, съ большими связями въ Москвѣ и въ Петербургѣ, она жила въ N для брата, который былъ вдовъ, имѣлъ единственную дочь, воспитывающуюся въ институтѣ, и по должности долженъ былъ жить открыто. Благодаря Софьѣ Львовнѣ, домъ, въ которомъ она занимала мѣсто хозяйки, считался самымъ пріятнымъ въ городѣ, и попасть на вечера, устраиваемые ею всегда съ какимъ-нибудь развлеченіемъ, съ музыкой, чтеніями, считалось большой честью и цѣнилось тѣмъ болѣе высоко, что чести этой далеко не всѣ удостоивались. Она бы ни за что, напримѣръ, не пригласила къ себѣ запросто такую дамочку, какъ хорошенькая вдовушка Лидія Филипповна Томилина, которая

являлась къ губернаторшѣ когда только ей вздумается, да еще не одна, а всегда въ сопровожденіи одного или двухъ изъ своихъ обожателей.

Изъ мужчинъ неизмѣннымъ посѣтителемъ jour fixe княгини былъ молодой помѣщикъ Птичкинъ, замѣчательный тѣмъ, что онъ могъ просидѣть цѣлый вечеръ, не издавая ни единого звука и не проявляя ни малѣйшаго признака жизни, такъ что всѣ забывали объ его присутствіи и всегда пугались, когда онъ неожиданно поднимался съ мѣста, чтобъ откланяться передъ уходомъ.

Являлся почти всегда, въ началѣ или въ концѣ вечера, и докторъ Стрыжовъ, крупная, тяжелая фигура съ добродушнымъ круглымъ лицомъ и маленькими голубыми глазами, особенно смѣльными, когда онъ старался выражать ими сентиментальную нѣжность.

Докторъ слылъ либераломъ и до цинизма откровеннымъ человѣкомъ, а также за ловеласа первостатейнаго, лжеца большой руки и короткаго пріятеля губернатора. Да и губернаторша питала къ нему непонятную слабость и извиняла такіе его поступки и скандалы, которые другому не простила бы.

Съ докторомъ князь познакомился до женитьбы, на какой-то ревизіи въ Сибири, гдѣ они случайно сошлись и, мѣсяца три проживъ на одной квартирѣ, сдѣлались друзьями на всю жизнь.

Князь положительно не могъ обойтись безъ доктора Стрыжова; когда его назначили сюда губернаторомъ, онъ немедленно сталъ хлопотать о томъ, чтобы пріятеля перевести сюда на мѣсто инспектора врачебной управы, и успокоился только тогда, когда хлопоты эти увѣнчались успѣхомъ.

Въ домѣ губернатора докторъ считался своимъ человѣкомъ; онъ заказывалъ повару свои любимыя кушанья къ обѣду, дѣлалъ выговоры, когда они были изготовлены не по его вкусу; заходилъ сюда во всякое время дня и ночи, заваливался спать въ кабинетъ князя, и на половину княгини имѣлъ всегда доступъ, даже и тогда, когда она никого не принимала.

Фамильярность его съ губернаторомъ доходила до того, что, забывшись, онъ иногда при всѣхъ говорилъ ему ты, а въ пьяномъ видѣ честилъ его за глаза Аркашкой. Н-ское общество относилось къ доктору Стрыжову весьма благосклонно и мирилось съ закулисной стороной его жизни и характера во имя его безконечной веселости, изобрѣтательности по части всевозможныхъ развлеченій и наивнаго добродушія.

Въ тотъ вечеръ въ гранатной бархатной гостинной княгини Немировой доктора Стрыжова не было и потому, можетъ быть, было особенно скучно и тихо. Въ группѣ дамъ, окружавшей хозяйку, у стола съ большой лампой подь розовымъ абажуромъ разговоръ не клеился. Княгиня была чѣмъ-то озабочена и при малѣйшемъ шумѣ оглядывалась на дверь въ длинную бѣлую залу. Она, видимо, ждала кого-то. Это замѣтила и хорошенькая вдовушка Лидія Филипповна изъ уютнаго уголка у камина, въ которомъ, растянувшись на мягкой кушеткѣ, она сладко подремывала подь воркованіе юнаго кандидата на судебныя должности Антипольскаго.

— Кого она ждетъ?—задавала себѣ мысленно вопросъ вдовушка, съ любопытствомъ всматриваясь въ группу у стола съ лампой.

Княгиня ждала доктора Стрыжова съ одной дѣвушкой, которую никто еще изъ здѣшняго beau monde не зналъ, во-первыхъ, потому, что она всего только съ мѣсяць тому назадъ пріѣхала изъ-за границы, а, во-вторыхъ, потому, что, по общественному своему положенію, она принадлежала къ разряду тѣхъ, которыхъ въ великосвѣтскихъ гостинныхъ принято игнорировать. Игнорировала бы ее и губернаторша, если бы не докторъ Стрыжовъ, который со свойственной ему навязчивостью вынудилъ у нея согласіе принять эту особу именно сегодня, не давши ей, при этомъ, ни обсудить какъ слѣдуетъ этотъ поступокъ, ни предупредить о немъ князя. Правда, что этотъ послѣдній уже слышалъ объ этой дѣвушкѣ и отъ доктора, который трубилъ о ней по всему городу, и отъ другихъ; онъ даже говорилъ женѣ, что пріѣзжая его интересуеетъ по близкому родству съ однимъ изъ важнѣйшихъ представителей администраціи, Таманскимъ, про котораго въ Петербургѣ опять заговорили. Проектъ онъ какой-то очень умный сочинилъ или что-то въ этомъ родѣ. Но все же, прежде чѣмъ знакомиться съ этой особой, надо было очень и очень подумать. Никогда княгиня ничего не дѣлала безъ согласія мужа.

Докторъ засталъ ее сегодня врасплохъ; навравъ, по обыкновенію, съ три короба о томъ, что князь самъ желаетъ познакомиться съ пріѣзжей, что ему это даже очень будетъ полезно, такъ какъ она можетъ его сблизить съ Таманскимъ, онъ, наконецъ, упомянулъ вскользь и о томъ, что князю будетъ очень пріятно, если знакомство это совершится скорѣе, сегодня, а затѣмъ стремительно вышелъ, объявивъ, что вечеромъ привезетъ

барышню. Княгиня заволновалась, кричала ему вернуться, посылала за нимъ людей, но отъ него и слѣдъ простылъ. Уже по одной этой поспѣшности можно было догадаться, что дѣло не совсѣмъ чисто и что почтенный Василій Васильевичъ солгалъ, увѣряя, что хлопочеть о скорѣйшемъ знакомствѣ княгини съ Астафьевой съ вѣдома князя. На бѣду этотъ послѣдній обѣдалъ сегодня у архіерея и раньше, какъ часовъ въ десять, домой не вернется, такъ что и предупредить его нельзя было.

Вотъ почему княгиня была такъ взволнована и такъ тревожно озиралась на дверь въ залу. По мѣрѣ того, какъ время шло, ей все чаще и чаще мелькала мысль, что, можетъ быть, что-нибудь помѣшало доктору исполнить свое намѣреніе, но она слишкомъ хорошо его знала, чтобъ останавливаться на такомъ утѣшительномъ предположеніи; она знала, что, когда ему что-нибудь хотѣлось, онъ всегда ставилъ на своемъ и, какъ капризный ребенокъ, стремился къ цѣли всѣми путями и во что бы то ни стало.

На бронзовыхъ часахъ, украшавшихъ каминъ, прозвонило десять. Паузы въ разговорѣ о выборѣ пьесы для спектакля и о живыхъ картинахъ становились все продолжительнѣе и продолжительнѣе. Засѣдающія съ работой въ рукахъ на бархатныхъ пуфахъ зѣвали, а хозяйка, со свойственнымъ ей движеніемъ испуганной птицы, все чаще и чаще оглядывалась на дверь въ залу.

— Кого это она ждетъ?—повторила вдовушка въ подголоса тотъ самый вопросъ, который у нея давно уже вертѣлся на умѣ.

И, при этомъ, она движеніемъ подбородка указала правовѣду на губернаторшу.

Юнецъ вздрогнулъ.

Онъ такъ засмотрѣлся на хорошенькую ножку въ эlegantной туфелькѣ, которую собесѣдница его выставяла изъ-подъ юбокъ, что не могъ вдругъ собраться съ мыслями.

Вдовушка расхохоталась.

— Какое у васъ глупое лицо! Что съ вами, птенчикъ? О чемъ замечались?—спрашивала она, подбирая подъ себя ножки и мѣняя позу.—Ну, что же вы? Встряхнитесь же!

— Вы что спрашивали? Я не разслышалъ...

Она съ гримаской передернула плечами и сладко зѣвнула:

— Vous devenez tout à fait bête, mon cher! Здѣсь можно спать, но ужь не такъ, какъ у себя дома, въ постели... — И, воз-

высивъ голосъ, она обратилась къ хозяйкѣ и спросила:—Княгиня, вы сегодня доктора не ждете? Я хотѣла посовѣтываться съ нимъ насчетъ м-сье Антипольскаго. На него легкое помѣшательство находить, и я боюсь оставаться съ нимъ наединѣ.

Дамы улыбнулись всѣ, кромѣ княгини, которая, повидимому, разслышала только первыя слова Лидіи Филипповны.

— Доктора? Не знаю... впрочемъ, да, онъ хотѣлъ захватить. . онъ непремѣнно долженъ прѣхать,—проговорила она, запинаясь

— Индюшка!—процѣдила сэвось зубы вдовушка.

Правовѣдъ фыркнулъ такъ громко, что всѣ обернулись въ ихъ сторону, но вдовушка его выручила.

— Рѣшили вы что-нибудь насчетъ спектакля, mes dames? Не мѣшало бы скорѣе покончить съ этимъ вопросомъ. Который вечеръ мы собираемся и ничего изъ этого не выходитъ,—затараторила она съ большимъ оживленіемъ, чтобы отвлечь вниманіе отъ своего кавалера, который продолжалъ нервно хохотать, уткнувъ носъ въ платокъ.

— Вѣдь, вы только подумайте, сколько хлопотъ предстоитъ намъ еще съ этимъ спектаклемъ! Надо раздать роли, готовить костюмы, а тамъ—ссоры на репетиціяхъ...

— Да мы еще не рѣшили какую пьесу выбрать,—кратко замятилась княгиня.

— Я предлагаю «Горе отъ ума»,—объявила сестра предводителя.—Роль Софьи я хорошо знаю; мнѣ приходилось играть ее на домашнемъ спектаклѣ въ Петербургѣ.

→ Прелестно! Вамъ эта роль очень идетъ,—вскричала вдовушка.—«Въ семнадцать лѣтъ вы разцвѣли прекрасно...» — продекламировала она, напирая на слово семнадцать, и, нагнувшись къ правовѣду, прибавила шепотомъ:—впрочемъ, съ ея искусствомъ гриммироваться, можно и грудныхъ младенцевъ изображать.

Правовѣдъ опять чуть было не фыркнулъ, но она такъ уцѣпила ему руку выше локтя, что припадокъ смѣха моментально прекратился и на глаза его даже навернулись слезы отъ боли. Вся эта сцена прошла незамѣченной. Г-жу Томилину принимали вездѣ и даже заискивали въ ней, но когда она забивалась въ темные уголки съ молодыми людьми, всѣ считали неудобнымъ вслушиваться и всматриваться въ то, что тамъ происходитъ. Вошло также въ привычку не возражать на ея колкости и дерзости: слишкомъ ужъ бойко сыпала она ими на

право и нальво; отгрызаться отъ нея даже мужчины отказывались.

— Гдѣ же намъ сладить съ такимъ великимъ произведеніемъ? — замѣтила хозяйка. — «Горе отъ ума!» Да надо быть вполне артистами, чтобъ братья за такую вещь.

Долго молчавшая мадамъ Синявина рѣшилась, наконецъ, высказать свое мнѣніе.

— А знаете пьесу: «Простолюдинка или материнская любовь»?

— Или «Коза въ сарафанѣ», — подсказала вдовушка.

Вице-губернаторша такъ опѣшила, что не нашлась что отвѣтить. Прочія дамы тоже предпочли оставить выходку вдовушки безъ вниманія.

— Лучше изъ Островскаго что-нибудь, — поспѣшила заявить княгиня.

Но вдовушка не унималась.

— А по моему, mes dames, всего лучше вотъ что: поставьте-ка... «La belle Hélène». По крайней мѣрѣ, скучно не будетъ и всѣмъ найдутся подходящія роли.

Она начала распредѣлять эти роли такъ находчиво и остроумно, что чинный кружокъ у стола съ лампой не могъ удержаться отъ смѣха.

Хорошенькой вдовушкѣ было сегодня очень весело, какъ и всегда, впрочемъ; она была красива, богата, здорова, съ бойкимъ умомъ и холоднымъ сердцемъ, съ чувственнымъ темпераментомъ и независимостью правилъ; жизнь не могла не представляться ей вѣчнымъ праздникомъ. На людей она смотрѣла, какъ на забаву; отыскивать во всемъ и во всѣхъ смѣшныя стороны и ловко выставлять ихъ на показъ было ея любимымъ занятіемъ.

— А картины? Какія вы поставите картины? Неужели и этого даже до сихъ поръ не могли рѣшить? — спросила она.

— Я выбрала нѣсколько гравюръ, но надо узнать мнѣніе другихъ, — замѣтила княгиня.

— Если взять что-нибудь изъ Каульбаха, на примѣръ, или изъ Доре...

Ей не дали договорить.

— Лучше изъ миеологіи, княгиня! Костюмовъ не надо, ужъ одно это чего стоитъ, — продолжала балаганить вдовушка. — Докторъ-то, докторъ-то какъ будетъ хорошъ Бахусомъ или Силе-

номъ, чудо! Я умѣю дѣлать цвѣты изъ бумаги и ужь, такъ и быть, смастерю ему вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ... Дупка этотъ докторъ! Давно что-то не видѣлись мы съ нимъ... Продуся въ карты, вѣрно, и по этой причинѣ въ уныніе впалъ и съ какой-нибудь добродѣтельной женщиной сентиментальную канитель разводитъ или мечтаетъ о томъ, чтобъ вступить «въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви» и омытъ надѣланныя пакости, или о женитьбѣ на благой дѣвицѣ,—прибавила она, подмигивая на вице-губернаторшу и предсѣдательшу, которыя при имени доктора, обѣ точно сговорившись, съ достоинствомъ выпрямились и брезгливо выпятили нижнія губы.

— Удивительно, какъ это его до сихъ поръ никто не изловилъ въ подобную минуту и не женилъ на себѣ,—продолжала со смѣхомъ вдовушка,—это такъ легко! А еще говорить, что у насъ есть маменьки, которыя ловятъ жениховъ! Пусть обратится ко мнѣ; я ихъ научу, какъ заманить его въ сѣти.

— А, можетъ быть, онъ ужь... пойманъ, — усмѣхнулась княгиня.

— Что такое? Новая пассія, вѣрно? Влюбленъ? Въ кого, въ кого?—заволновалась вдовушка.

Хорошенькое личико оживилось любопытствомъ, свѣтлые глаза заискрились, подвижныя ноздри зашевелились.

— Въ кого, въ кого?—повторяла она, капризно постукивая высокими каблучками по мягкому ковру.

— Это секретъ,—сдержанно улыбнулась княгиня.

— Секретъ? Вы шутите, княгиня! Развѣ у лысаго могутъ быть секреты? Секретъ! Да секретъ этотъ завтра же весь городъ узнаетъ; онъ самъ всѣмъ разболтаетъ... Да ужь и разболталъ, можетъ быть; развѣ у него удержится что-нибудь? Антипольскій, вы не слышали?—обратилась она къ правовѣду и, не дождавшись отвѣта, добавила:—да нѣтъ, гдѣ ужь вамъ! Vous êtes si serin! Такъ вы не хотите мнѣ сказать, княгиня?

— Да право же я не могу, il m'a fait juger...

— Mais il fait toujours juger, а потомъ самъ же всѣмъ и расскажетъ; это его всегдашняя замашка... Вѣдь, мнѣ стоитъ только послать за нимъ, и онъ мнѣ все выболтаетъ... завтра же выболтаетъ.

— Врядъ ли такъ скоро,—усомнилась княгиня.

— Увидите, увидите! Развѣ онъ можетъ удержаться, чтобъ не болтать? Ни за что! Помните, когда онъ ухаживалъ за Бог-

дановой? Весь городъ это зналъ, даже въ булочныхъ объ этомъ болтали, честное слово! А когда онъ бѣсновался изъ-за Верхушкиной? А когда онъ таялъ передъ вашею дочерью, Лизавета Александровна? А потомъ съ ума сходилъ по вашей кузинѣ, Зинаида Дмитриевна? Помните?—обращалась она поочередно къ дамамъ, окружавшимъ губернаторшу, и вдругъ разразилась громкимъ, неудержимымъ хохотомъ.—А романъ его со мной? О, Господи! Я тогда до истерики хохотала... Вспомнить не могу равнодушно эту шарообразную фигуру, съ лысой головой... борода лопатой... и на колѣнахъ! Честное слово, *mes dames*! Мы сидѣли въ будуарѣ, я на отоманѣ, а онъ на табуретѣ... вралъ онъ всякую арунду, по обыкновенію, и вдругъ какъ грохнется! И лепечетъ что-то севозъ слезы, и ловить мою ногу, чтобъ поцѣловать... Я такъ и покатила со смѣху; встаньте, говорю, встаньте! Что за глупости! Ну, вдругъ войдетъ кто-нибудь, встаньте! А онъ-то плачетъ, онъ-то плачетъ... И, вѣдь, настоящими слезами, ей-Богу! Всю ботинку вымочилъ. И, наконецъ, хочетъ подняться и не можетъ... Пришлось ужъ мнѣ самой его... подъ руки!...

Всѣ смѣялись. Мадамъ Томилина такъ увлекла общество своими рассказами, что никто не слышалъ, какъ вошелъ князь.

— У васъ тутъ очень весело, *mes dames*, — сказалъ онъ, любезно со всѣми раскланиваясь. — Надъ кѣмъ потѣшаетесь, можно узнать?

— Да вотъ Лидія Филипповна намъ рассказывала, какъ ей Стрыжовъ въ любви признавался, — сказала княгиня.

Князь прищурился на темный уголокъ, на который указывала его жена, и поспѣшно направился туда.

— А, Лидія Филипповна здѣсь! Ну, этимъ все объясняется. Гдѣ она, тамъ скуки быть не можетъ, — проговорилъ онъ галантно, присаживаясь на стулъ рядомъ съ правовѣдомъ.

— Скажите, князь, въ кого влюбленъ докторъ?—приступила къ нему рѣшительнымъ тономъ вдовушка.

— Аркадій! — взмолилась княгиня. — Вѣдь, онъ просилъ не говорить!

— Позвольте, позвольте, надо объяснить... Вамъ что именно угодно знать, Лидія Филипповна?

— Да я ужъ сказала: въ кого влюбленъ теперь докторъ?

— Теперь — слово растяжимое. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ сегодня за завтракомъ. Съ тѣхъ поръ прошло около десяти часовъ; онъ могъ разъ десять влюбиться за это время...

— Не отвливайте, князь!

— За кого вы меня принимаете... чтобъ я сталъ передъ вами отвливать!

Въ прихожей раздался звонокъ, которымъ швейцарь увѣдомлялъ о прїѣздѣ гостей. Княгиня уставилась смущеннымъ взглядомъ на дверь въ залу, а князь оборвалъ на полусловѣ свое объясненіе съ хорошенькой вдовушкой, чтобъ подойти къ женѣ.

— Vous attendez quelqu'un? — спросилъ онъ у нея въ полголоса.

— Да... эту барышню... Развѣ Василій Васильевичъ вамъ не сказалъ?—прошептала она, пожимаясь отъ смущенія.

Онъ нахмурился и процѣдилъ сквозь зубы:

— Mais non! Je ne savais pas que c'est pour aujourd'hui. Надо было меня предупредить.

Передернувъ съ досадой плечами, онъ нагнулся черезъ нее, чтобъ поправить абажуръ на лампѣ, и быстрымъ шепотомъ прибавилъ:

— Prevenez du moins...

— Est ce qu'il faut tout dire?

— Mais certes; — отрѣзалъ онъ, поспѣшно направляясь къ двери въ залу, у которой и остановился.

— Я жду сегодня одну прїѣзжую изъ-за границы, — сбивчиво начала объяснять княгиня, обращаясь то къ одной, то къ другой изъ окружающихъ ее дамъ, которыя во время ея aparte съ мужемъ завели между собою бесѣду, чтобъ не мѣшать объясненію супруговъ. — Mademoiselle Астафьеву... on la dit charmante.

Жена предсѣдателя усиленно заморгала своими подслѣповатыми глазами и раза два кивнула головой, а вице-губернаторша издала какой-то неопредѣленный звукъ, который тотчасъ же, къ величайшему удовольствію правовѣда, передразнила съ соответствующей мимикой вдовушка.

— Она очень жалкая; у нея здѣсь никого нѣтъ, никого знакомыхъ, — продолжала путаться княгиня.

М-ше Гальская, къ которой она обратилась съ этимъ послѣднимъ заявленіемъ, прищурила, чтобъ лучше вспомнить, свои раскрасневшие глаза и произнесла довольно надменно:

— Это дочь того Астафьева...

— Да, да, того самаго, — съ испугомъ прервала ее княгиня, вскакивая тревожный взглядъ на мужа.

Вдовушка, не переставая шептаться съ правовѣдомъ, по-

смастривала въ ту же сторону. Когда по длинной залѣ раздались шаги, князь вышелъ на встрѣчу гостямъ и, остановившись разговаривать съ ними, замедлилъ этимъ ихъ появленіе въ гостиную. На всѣхъ лицахъ выражалось нетерпѣливое ожиданіе, даже невозмутимая мадамъ Иванова опустила руки съ вязаньемъ на колѣни и стала вмѣстѣ со всѣми прислушиваться къ голосамъ, раздававшимся изъ залы.

— Я много слышана объ этой дѣвушкѣ, — прервала, наконецъ, княгиня неловкое молчаніе, воцарившееся въ комнатѣ. — У насъ много общихъ знакомыхъ съ Дмитріемъ Николаевичемъ Таманскимъ, съ мужемъ ея матери; онъ часто бывалъ у моего отца...

— Это тотъ Таманскій, котораго прочли въ министры десять лѣтъ тому назядъ? — спросила вице-губернаторша.

— Тотъ самый.

— Онъ, говорятъ, теперь опять выплываетъ, — замѣтила Гальская, у которой были связи въ большомъ свѣтѣ обѣихъ столицъ.

Княгиня промолчала на это, а госпожа Синявина полюбопытствовала узнать, при чемъ же тутъ Астафьевъ?

Хозяйка объяснила, что прежде чѣмъ выйти за Таманскаго, мать той дѣвушки, которая сейчасъ должна сюда войти, была замужемъ за Астафьевымъ и развелась съ нимъ.

— Понимаю теперь, — успокоилась мадамъ Синявина.

— Что-жь эта барышня пріѣхала къ своему папашѣ на время или навсегда? — спросила Гальская, кивая, съ отѣвкомъ пренебреженія, на дверь въ залу.

Княгиня отвѣчала, что не знаетъ.

— Вѣроятно, на время; что же ей здѣсь дѣлать? — замѣтила предсѣдательша.

— Съ такимъ отцомъ, — добавила Гальская.

— Онъ, говорятъ, очень неглупый человекъ, — поспѣшила заявить княгиня. — Сама я его не видѣла, но мнѣ много говорилъ объ немъ Василій Васильевичъ... они большіе пріятели, товарищи по университету или въ гимназій вмѣстѣ учились, не могу вамъ сказать навѣрное, но только они ужь давно знаютъ другъ друга.

А затѣмъ всѣ смолкли и опять стали раздаваться голоса изъ залы. Словъ нельзя было слышать, но между знакомыми голосами князя и доктора можно было различить женскій голосъ, низкій контральто, очень пріятный.

— *Quelle voix!*—вырвалось у притихнувшей вдовушки, которая очень внимательно прислушивалась къ тому, что происходило въ залѣ.

Въ отвѣтъ на это восклицаніе правовѣдъ робко рискнулъ отвѣтить какой-то плоской остротой, но нетерпѣливое *taisez vous!* и безцеремонный ударъ вѣеромъ по губамъ заставили его на полусловѣ смолкнуть.

А, между тѣмъ, голоса въ залѣ возвышались, разговоръ оживлялся и конца ему не предвидѣлось.

Княгиня сидѣла какъ на иголкахъ, въ большомъ недоумѣніи. Барышня эта поставитъ ее въ очень затруднительное положеніе передъ здѣшнимъ обществомъ; сомнѣваться въ этомъ было бы очень трудно послѣ того, что было сейчасъ здѣсь выражено... Даже эта добрыйшая божья букашка Иванова, и та презрительно поджимала губы все время, какъ говорили про нее. Какъ это она не сообразила всего этого раньше и поддалась на просьбы этого вѣтрогона Стрыжова! И зачѣмъ понадобилось ему ихъ знакомить съ этой барышней? *Elle n'est pas de la société*, о чемъ съ нею говорить? Какъ ее занимать? Наконецъ, прежде чѣмъ съ нею знакомиться, не мѣшало бы узнать, по крайней мѣрѣ, въ какихъ она отношеніяхъ съ матерью и съ ея мужемъ? И для чего она сюда пріѣхала? Можетъ быть, ее оттуда выгнали?—мелькнуло вдругъ въ головѣ княгини, и мысль эта окончательно ее смутила.

Шаги и голоса приблизились. Княгиня подняла голову: въ растворенной двери довольно ярко освѣщенной залы, между бархатными складками приподнятыхъ драпировокъ, появился ея мужъ подъ руку съ стройной, высокой дѣвушкой, въ нарядномъ вечернемъ туалетѣ, съ вырѣзомъ на высокой, бѣлой груди и короткими рукавами, изъ-подъ кружевъ которыхъ выставлялись красивой формы руки. Дѣвушка держалась очень непринужденно и склонивъ слегка голову въ сторону князя, который такъ увлекся разговоромъ съ нею, что не замѣчалъ, съ какимъ любопытствомъ всѣ на нихъ смотрятъ.

У нея были большіе каріе глаза съ веселымъ, умнымъ взглядомъ, короткій прямой носъ и довольно крупныя губы, изъ которыхъ верхняя была настолько приподнята, что, когда она смѣялась или говорила, между ними сверкала бѣлая полоска зубовъ. Губы эти потому, можетъ быть, казались особенно красивыми, что все лицо было матово-блѣдно; густыя темныя брови

почти срастались и придавали бы известную жесткость выражению лица, еслибы выражение это не смягчалось нежностью и ясностью взгляда. Вся фигура дышала безыскусственной грацией, живостью и простотой.

Впечатлѣніе, произведенное дочерью Николая Ивановича Астафьева на общество, собравшееся въ тотъ вечеръ у губернатора, было самое разнообразное.

— Laide, — прошептала Гальская княгиня, которая, въ знакъ полнѣйшаго съ нею согласія, раза два утвердительно кивнула головой.

Вдовушка же сдѣлалась очень серьезна и, окинувъ бѣглымъ, но внимательнымъ взглядомъ незнакомку съ ногъ до головы, перевела глаза на мужчинъ, находящихся въ комнатѣ, и тонко усмѣхнулась. На лицѣ князя появилось такое заискивающее выраженіе, какого у него здѣсь никто никогда и не видывалъ. Правовѣдъ такъ и замеръ въ недоумѣвающей позѣ, въ полукрытымъ ртомъ и глупо выпученными глазами; докторъ сиялъ отъ восторга и, весело потирая руки, на всѣхъ поглядывалъ: вотъ, дескать, какую я вамъ привезъ!

— Готовъ, голубчикъ; хоть сейчасъ въ домъ умалишенныхъ вези! — проговорила вдовушка довольно громко.

Но острота ея пропала даромъ, — всеобщее любопытство было слишкомъ поглощено незнакомкой; даже безгласный Птичкинъ проявилъ нѣчто вроде волненія и заерзалъ на своемъ стулѣ.

Аня, высвободивъ руку изъ-подъ руки своего спутника, легкой и увѣренной походкой перешла пространство, отдѣляющее ее отъ группы у стола съ лампой. Сдѣлалось это такъ быстро, что княгиня едва успѣла привстать, какъ гостя очутилась передъ нею и, пожимая привѣтливо протянутую ей руку, съ мягкой, почтительной настойчивостью заставила хозяйку опуститься на прежнее мѣсто.

— Анна Николаевна привезла намъ очень пріятное извѣстіе, — сказалъ губернаторъ, ласковыми, смѣющимися глазами на всѣхъ поглядывая. — Предсѣдателемъ той комиссіи, на которую мы все возлагаемъ такія надежды, назначенъ Дмитрій Николаевичъ Таманскій.

— On ne pouvait faire un meilleur choix, — съ любезной улыбкой взглянувъ на Аню, замѣтила княгиня.

Н. Северинъ.

(Продолженіе смѣдуетъ).

ВЪ ЖЕНСКОЙ ШКОЛѢ.

Сцены Матильды Серао.

(съ итальянскаго).

Предлагаемая читателю сцены изъ невѣдомаго у насъ быта итальянской женской школы принадлежать перу талантливой и лишь недавно выдвинувшейся писательницы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ безвѣстная труженица-телеграфистка, Матильда Серао быстро заняла почетное мѣсто въ кружкѣ выдающихся литераторовъ, высоко поднявшихъ современную итальянскую повѣсть. Первые же ея опыты обратили вниманіе критики; о нихъ заговорила печать; наиболѣе вліятельный журналъ, *Новая Антологія*, открылъ имъ свои столбцы, и корифеи романа, Барриалі, Верга, Фарина, Берсеціо, пришлось потѣсниться и принять въ свою среду младшаго собрата.

Для новаго направленія бытоваго романа поддержка, встрѣченная имъ со стороны женщины-писательницы, была чрезвычайно важна. Госпожа Серао внесла въ него близкое, на опытѣ провѣренное знакомство съ положеніемъ женщины во всѣхъ общественныхъ слояхъ, знаніе женскаго характера, всего блѣднѣе обрисовывавшагося обыкновенно итальянскими романистами. Начиная съ воспитанія женщины, мѣтко очерченнаго въ нижеслѣдующихъ сценахъ и съ неменьшимъ искусствомъ прослѣженнаго во вступительной главѣ одного изъ большихъ романовъ *Fantasia*, гдѣ выступаетъ педагогія отборная, великосвѣтская, г-жа Серао обрисовала и положеніе трудящейся женщины, взявъ сюжетомъ нѣсколько очерковъ изъ службы на «казенномъ телеграфѣ». Затѣмъ она слѣдитъ за участіемъ женщины въ семьѣ, въ свѣтѣ, въ брачной жизни; въ рядѣ тонко очерченныхъ отгѣнковъ выступаетъ въ ея романахъ, *Fantasia*, *Cuore inferno*, *Rosa mystica*, *Ventre di Napoli*, характеръ южной, итальянской женщины, то затронутый мистикой католичества, то страстной и легкомысленной, то полной благородныхъ порывовъ. Но Матильда Серао не односторонняя специалистка по женскому вопросу, и съ одинаковой правдивостью и умѣньемъ рисуетъ она и мужскіе характеры, бичуя нерѣдко пустоту и безцвѣтность всей общественной среды, напримѣръ, въ романѣ *Fantasia*, который итальянцы считаютъ лучшимъ изъ ея произведеній. Ею руководитъ чувство гуманности, и ея симпатіи всегда привлекаютъ читателя. Но она столько же чужда ложной чувствительности, какъ и черствыхъ натуралистическихъ приемовъ; не ищетъ она также

хитросплетенных замысловъ. Все просто и правдиво, и описанія, и рѣчи; иной разъ чувствуешь, что на ея мѣстѣ другой авторъ затратилъ бы множество силъ и умѣнья, чтобы высказать то, что она обрисуетъ двумя, тремя штрихами. Такъ, въ приводимыхъ ниже школьныхъ сценахъ, какъ безхитростно и, въ то же время, какъ глубоко завершается картина воспитанія справоку съ тѣмъ, что сталося съ молодымъ людомъ послѣ школы! Такой вопросъ всегда мучительно выдвигается въ школьной атмосферѣ, и вотъ съ виду документально-сухой перечень справокъ раскрываетъ рядъ незримыхъ драмъ, упорнаго труда, бѣдности, а для контраста съ долею какой-нибудь сельской учительницы или сигнальщицы на телеграфѣ показываетъ торжество житейской прозы и буржуазной сытости, для которой не нужно было никакого воспитанія.

Пока колоколъ мѣрно билъ восемь часовъ, въ длинный, узкій, очень темный корридоръ начали входить воспитанницы. Со стороны лѣстницы, въ дверь, въ которую была вставлена желѣзная рѣшетка, чтобы пропускать немного свѣта въ сырой корридоръ, входили экстерны; съ противоположной стороны, изъ жилой части дома появлялись попарно пансіонерки. Мгновенно образовались двѣ длинныя шеренги; вдоль лѣвой стѣны, глухой, безъ дверей, выстроились приходящія; у правой, прорѣзанной четырьмя дверями, которыя вели въ три класса и въ комнату директора и были плотно затворены, размѣстились пансіонерки.

— Начинайте же, синьорины,—уже въ третій разъ восклицала воспитанница де-Донато, молодая дѣвушка лѣтъ двадцати, которая готовилась было въ пѣвицы, но потеряла голосъ.

Ученицы не замѣчали ея знака. Экстерны, въ шляпахъ, застегнутыхъ пальто, съ юбками, приподнятыми отъ грязи, въ мокрыхъ башмакахъ, съ книгами подъ мышкою, сверткомъ бумагы, готовальнею или узелкомъ съ завтракомъ въ рукахъ, продолжали болтать между собою, внося въ комнату всю сырость дождливаго утра. Пансіонерки, въ сѣрыхъ, доходившихъ до полу платьяхъ, бѣлыхъ воротничкахъ съ черною бархатною ленточкою въ волосахъ, обремененныя книгами, связанными тесемкою или стянутыми гуттаперчевымъ кольцомъ, были спокойнѣе; но хорошенькая Кармела Фіорилло, съ черными глазами и розовыми губками, страдала, по обыкновенію, насморкомъ. Фрабакрета, сентиментальная дурнушка, имѣла на правомъ глазу ячмень и была безобразна, несмотря на хитрую прическу, изъ-за которой претерпѣвала постоянныя наказанія; Джиневра Барракко вѣчно сморкалась и плакала помимо воли; у Джіованны Аббамонте болѣла теперь правая рука послѣ того, какъ только что зажила лѣвая.

И всѣ пансіонерки имѣли болѣзненный, чахлый видъ дѣвушекъ, которыя живутъ въ сыромъ помѣщеніи, ѣдятъ плохо и спятъ при зажженномъ газѣ. Пѣть? Но никому не хотѣлось пѣть въ это утро, ни экстернамъ, утомленнымъ ходьбою, дождемъ, который ихъ вымочилъ, грязью, которую онѣ топтали ногами, ни пансіонеркамъ, — подавленнымъ мракомъ этого большого іезуитскаго монастыря, гдѣ вода сочилась изъ стѣнъ, готовыхъ ежеминутно обрушиться.

— Начинайте же, синьорины, — снова воскликнула де-Донато, ударяя въ ладони и подавая первую ноту.

Человѣкъ пятьдесятъ разсѣянно и слабо затянули начальную строфу утренней пѣсни:

Есть Отецъ у насъ на небѣ.
Свѣтъ и жизнь даетъ Онъ мнѣ.
Къ трону истины влечетъ Онъ,
Къ свѣтлой, вѣчной красотѣ.

Напѣвъ былъ мѣрный, простой, самый элементарный. Дѣвушки пѣли вяло, безъ всякаго жара, безъ мысли, совершенно машинально и произносили слова, какъ бы не понимая ихъ смысла. Остальныя сто воспитанницъ вовсе не пѣли; нѣмая сцена улыбокъ, взглядовъ, знаковъ, гримасъ разыгрывалась между двумя шеренгами экстерновъ и пансіонерокъ. Суровое распоряженіе начальства воспрещало всякія сношенія между ними, но именно поэтому экстерны и пансіонерки вѣчно составляли пары и группы, и связь эта была настолько прочна, что никакія наказанія не могли ее расторгнуть. Именно вслѣдствіе запрещенія устанавливались между воспитанницами нѣжная дружба съ отѣнкомъ какой-то страстности, непобѣдимыя симпатіи, которыя не страшались никакихъ преслѣдованій, постоянный обмѣнъ услугъ, то въ видѣ письма, опущеннаго въ ящикъ по просьбѣ подруги или доставленнаго съ почты, стиховъ, втихомолку данныхъ на прочтеніе, куска мыла «съ запахомъ свѣже-свошеннаго сѣна», незамѣтно всунутаго въ руку. Молодыя головки постоянно работали, придумывая средства обмануть надзоръ старшихъ. Пѣть? Но какъ разъ въ тѣ минуты, когда всѣ были вмѣстѣ, проявлялась въ полной силѣ вся странная сѣть любви, нервности, симпатіи, антипатіи, нетерпѣнія, спокойной привязанности, ненависти и ревности. Пока болѣе равнодушныя, сонливыя и скукающія произносили слова:

На землѣ же Богъ далъ мать мнѣ.
 Точно ангель словомъ чести
 Руководить она мною
 На пути добра и правды...

можно было уловить нѣжный взглядъ, который Амалія Борцо, пансіонерка перваго курса, стройная брюнетка съ зелеными глазками, кидала на Катерину Бонелли, воспитанницу третьяго курса, съ вздернутымъ носикомъ и близорукими глазами, придававшими ей видъ не то ироническій, не то презрительный, а Катерина Бонелли вертѣла въ рукахъ увядшую розу, которую за три дня передъ тѣмъ дала ей Амалія. Блондинка Габріелла Дефео умышленно отворачивалась отъ Каролины Мацца, съ которою поссорилась наканунѣ, а Каролина притворно читала тетрадь, чтобы не поднимать глазъ. Артемизія Джаввинанджело, остриженная, какъ мужчина, и отличавшаяся рѣзкими чертами лица и худобою подростка, тоже не пѣла, и только потому, что на нее не хотѣла глядѣть Джіудитта, а Джіудитта въ эту самую минуту тщетно улыбалась Маріи Доннарумма, которая думала о томъ, нашла ли Аннина Базале для нея письмо на почтѣ. Марія Валенте издали показывала Гаэтанинѣ записку, а изъ рукъ въ руки переходилъ пузырекъ съ духами, который кто-то купилъ для Фраккакрета, кокетливой дурнушки. Голоса пятидесяти воспитанницъ, небрежныхъ, скучающихъ, не думающихъ ни о чемъ, механически тянувшихъ пѣсню, нѣсколько усилились, пока онѣ произносили слова:

Мнѣ дорога и родная земля;
 Въ родинѣ все: и оплотъ, и святыня.
 Мигъ ли опасный для всѣхъ насъ настанеть,
 Вѣра въ нее не покинетъ меня.

Всѣ остальные молчали. Экстернамъ надоѣло пѣть въ темномъ корридорѣ безъ аккомпанимента фортепіано эту глупую музыку и нелѣпыя слова. Онѣ все еще стояли въ мокрыхъ пальто, съ продрогшими ногами, руками, утомленныя связками книгъ и тетрадей, желудками, едва согрѣтыми чашкою плохаго кофе, свареннаго наканунѣ. Имъ надоѣло пѣть, имѣя передъ собою перспективу семи часовъ занятій. Въ особенности третьекурсницы, заваленныя работою, вынужденныя изучать самые разнообразные предметы, постоянно терзаться страхомъ и безпокойствомъ, вовсе не были расположены пѣть. Джіузеппина

Нобилоне была самою несчастною изъ всѣхъ, ничего не смыслила ни въ физикѣ, ни въ геометріи, въ итальянскомъ языкѣ постоянно переэкзаменовывалась и переходила каждый годъ изъ класса въ классъ со слезами, подъ цѣлымъ градомъ окриковъ, увѣщаній, просьбъ, наставленій. Джулія де-Санктисъ зубрила уроки на память съ страшнымъ напряженіемъ, но, если теряла случайно нить, тотчасъ же становилась предметомъ насмѣшекъ всего класса. Клеофа Сантаніелло была умна и прилежна, но до того боялась отвѣчать урокъ, что учителя считали ее глупою и лѣнливою; Марія Карресса, очень сильная въ исторіи, была совершенно неспособна къ географіи; наконецъ, Беккина Ветромиле отличалась такимъ прилежаніемъ, что преподаватели то и дѣло вызывали ее и этимъ страшно изнурили бѣдную дѣвушку. Остальныя пятьдесятъ ученицъ, которыя не думали ни о чемъ и смѣялись надъ экзаменами, были совершенно оглушены ударами въ ладони де-Донато, серьезно относившейся къ своей роли капелмейстера, и упорно голосили:

Пламя святое, что мнѣ согрѣваетъ
Сердце и умъ, три луча составляютъ:
Буду всегда коренной христіанкой,
Дочерью вѣрной и честной гражданкой!

Этимъ бы кончилось утреннее пѣніе, но послѣднюю строфу надо было повторить всею школою заразъ, сопрано, меццо-сопрано, контръ-альтами. Повтореніе въ болѣе высокомъ тонѣ увлекло еще голосовъ двадцать, такъ что на мгновенье что-то вроде веселья разлилось по узкому, длинному и темному корридору. Но большинство, все-таки, молчало, оставалось неподвижно, какъ люди, которые живутъ внутреннею жизнью, страдают и не имѣютъ мужества подѣлиться своимъ горемъ. Одна изъ дѣвушекъ, дочь бѣдной вдовы изъ Пьемонта, ходившей за больными за два франка въ день, до сихъ поръ еще краснѣла оттого, что ей пришлось представить свидѣтельство о бѣдности, чтобы получить отъ школы хоть книги даромъ. Другая изнывала отъ любви къ будущему жениху сестры; третья должна была жить среди атмосферы порока, съ шестнадцати лѣтъ лишившей ее молодой наивности, рядомъ съ любовницею отца и золовкою, измѣнявшею ея родному брату. Лидія Сантаніелло умирала отъ чахотки и только молила Бога продлить ей жизнь еще лѣтъ на пять, на шесть, чтобы работать и помогать семьѣ пока вырас-

тетъ братъ. Эти дѣвушки ужь никакъ не могли пѣть. Не пѣла также и Джустина Маранджіо, въ восемнадцать лѣтъ уже наминавшая лицомъ старушонку. Она всегда знала уроки, никогда не объясняла ихъ никому изъ подругъ, не давала займы книгъ или тетрадей, смѣялась, когда бранили другихъ, была любимницею преподавателей, не имѣла друзей и воплощала въ себѣ крайнее коварство и безпредѣльную злобу, не смягченную ни одной доброй чертой.

По окончаніи пѣнія все задвигалось, совершенно такъ, какъ выстраиваются солдаты. Восемдесятъ пять дѣвушекъ, весь первый курсъ, собрались въ бібліотекѣ, громадной комнатѣ съ дубовыми полками, потемнѣвшими, запыленными, совершенно пустыми. Сорокъ двѣ воспитанницы втораго курса вошли въ свой классъ, холодный, съ стѣнами, выбѣленными и украшенными всего только двумя географическими картами, а остальные тридцать ученицъ третьяго курса неохотно отправились въ низкую, маленькую комнату, которая служила имъ классомъ. Изъ открытыхъ дверей слышалась громкая болтовня, преподаватели еще не приходили; но длинный корридоръ уже опустѣлъ. Мѣстами видѣлись на полу грязныя лужи, оставленныя ногами воспитанницъ. На эти лужи глядѣла, казалось, какая-то дѣвушка, прислонившаяся къ косяку двери, которая вела къ выходу. Она стояла спиною къ свѣту и разсмотрѣть ея лица было невозможно; замѣтно было только, что она низкаго роста, худа и вся въ черномъ. Незнакомка находилась тутъ съ самаго начала пѣнія, слушала его, не сходя съ мѣста, не смѣя шевельнуться, видѣла, какъ выстроились курсы, какъ они исчезли въ дверяхъ, и все еще не двигалась. Въ это время раздался шорохъ; появилась служанка Роза, женщина высокаго роста, съ огромными ногами, узловатыми руками, скорѣе походившая на карабинера, чѣмъ на женщину, одѣтая въ шерстяную юбку съ красными и черными клѣтками и въ красный шерстяной платокъ. Она принесла толстую, жесткую метлу, чтобы очистить корридоръ отъ грязи, и что-то бормотала во время работы съ видомъ добродушной ворчуньи. Дойдя до двери, она подняла глаза и увидала незнакомую дѣвушку.

— Что вамъ надо?—рѣзко спросила она.

— Директора,—прошептала дѣвушка слабымъ голосомъ.

— Его здѣсь нѣтъ.

— Развѣ онъ не придетъ? Могу я подождать его?

Вопросъ былъ сдѣланъ такъ кротко, что Роза смягчилась.

— Онъ скоро придетъ. Подождите.

И она снова принялась съ трескомъ мести. Ободренная дѣвушка осмѣлилась двинуться по корридору и бросила взглядъ въ открытую дверь третьяго класса. Воспитанницы еще не сѣли на скамьяхъ; всѣ онѣ, экстерны и входящія, болтали между собою и шумѣли. Тщетно *окутриона* старалась съ высоты кафедръ установить молчаніе. Это была полная, добродушнѣйшая, не очень умная, но чрезвычайно аккуратная и спокойная дѣвушка, которую выбрали на должность старшей только ради ея хорошихъ отмѣтокъ за поведеніе. Она ревностно относилась къ своему дѣлу, но не умѣла сердиться, не находила въ себѣ мужества ссориться съ подругами, чему мѣшала, впрочемъ, и невозмутимая флегматичность нѣсколько расплывшейся блондинки.

— Синьорины, молчите, прошу васъ,—молила она.

— О, милѣйшая Джіудиконе!—воскликнула Бонелли, поправляя пенсъ-нэ,—что это съ тобою? Ты заговорила, кажется, нотоскански?

— Это она ухаживаетъ за Раденте,—подхватила Артемизія, проводя рукою по волосамъ, точно мужчина.

— Раденте не придетъ, Раденте не придетъ! — воскликнула третья, ударяя въ ладони.

— Но, вѣдь, всего только восемь; здѣшніе часы бьютъ на четверть слишкомъ раньше,—сказала въ полголоса Костанца Скалера и вынула свои часы.

Ради нихъ, единственныхъ во всемъ классѣ, Костанца считалась важною барынею. И она, дѣйствительно, имѣла барскій видъ съ своими каштановыми кудрями, большими сѣрыми глазами, нѣжною улыбкою, изящными манерами. Но главное ея преимущество заключалось, все-таки, въ этихъ золотыхъ часахъ, которые она вынимала ежеминутно. Кто-то осмѣлился распространить въ классѣ слухъ, будто Костанца—сестра штопальщицы кружевъ, но это считалось всѣми чистѣйшею клеветою въ виду аристократическихъ золотыхъ часовъ.

Тѣмъ временемъ дѣвушка въ черномъ добралась тихими шагами до конца корридора. Въ углу находилась цинковая чаша, выграшенная въ голубой цвѣтъ; изъ плохо завернутаго крана сочилась вода, точно драгоценныя слезы; къ крану былъ придѣланъ за металлическую цѣпь оловянный ковшикъ. Видя, что

она одна, дѣвушка осмѣлилась отвернуть кранъ, выпустила немного воды, чтобы сполоснуть ковшъ, потомъ отхлебнула. Но вода была теплая и съ нехорошимъ металлическимъ вкусомъ. Дѣвушка наклонилась, вылила ее, потомъ вернулась къ входной двери, снова бросивъ робкій взглядъ въ сторону третьяго курса, куда ей никакъ не попасть, если не придетъ директоръ. Нѣкоторыя изъ воспитанницъ уже сидѣли по мѣстамъ. Джузеппина Нобилоне теряла голову при мысли, что ее вызовутъ, пожалуй, сегодня четыре учителя, чтобы спрашивать уроки, и тупо глядѣла на связку книгъ. Де-Санктисъ сидѣла, засунувъ руки въ старую муфту, связанную изъ черной шерсти, и, не спуская глазъ со стѣны, мысленно повторяла отрывокъ изъ Пассаванти. Эмилія Скоппо перечитывала въ десятый разъ свое итальянское сочиненіе и приходила въ отчаяніе оттого, что не могла найти тѣхъ орфографическихъ ошибокъ, которыя потомъ въ такомъ количествѣ отыщеть учитель; наконецъ, Кеккина Ветромиле записывала въ тетрадь какую-то цитату.

Въ одной изъ группъ Каролина Мацца съ вызывающими глазами рассказывала что-то, повидимому, очень интересное, и подруги слушали ее внимательно, краснѣя, блѣднѣя, улыбаясь или опуская глаза. Въ другой, состоявшей исключительно изъ экстерновъ, Лидія Сантаниелло, съ чахоточнымъ румянцемъ на щекахъ, тоже передавала что-то едва слышнымъ голосомъ. Фраккаврата закрывала платкомъ больной глазъ, а здоровымъ читала романъ *Jacopo Ortis*, вложенный въ учебникъ. Тереза Понціо, восторженная идеалистка, писала отвѣтъ на только что полученное ею отъ одной изъ входящихъ письмо, а остальные воспитанницы болтали между собою, проклинали дурную погоду, вздыхали, жаловались, начинали ссориться, чтобы только какъ-нибудь обогрѣться, въ то время какъ Джудиконе дѣлала переключку по большому списку. Внезапно группы разсѣялись, дѣвушки кинулись къ скамьямъ; тѣ, которыя писали или читали, приподнялись. Входилъ директоръ.

Это былъ маленькій, худощавый человѣчекъ, съ живыми глазами, заостренною бѣлокурою бородкою. Суровый, нервный, подвижной, онъ быстро объяснялъ урокъ естественной исторіи, вѣчно былъ болѣнъ и, несмотря на вѣдущую холодность, отличался большимъ добродушіемъ. Не успѣлъ онъ войти, какъ тотчасъ же открылъ окно; онъ былъ помѣшанъ на гигиенѣ.

— Воздуху, воздуху! — обратился онъ къ Джіудиконе. — Лучше забнуть, чѣмъ вдыхать испорченную атмосферу.

И, повернувшись къ классу, молча стоявшему передъ нимъ, прибавилъ:

— Синьорины, представляю вамъ новую воспитанницу, Изабеллу Діазъ. Декуріона, укажите ей мѣсто.

Потомъ онъ вышелъ, нервный, озабоченный тѣмъ, что преподаватель Раденте опоздалъ на десять минутъ, и началъ ходить по корридору, чтобы сдѣлать замѣчаніе неисправному учителю, какъ только онъ появится. Дѣвушки, сѣли; одна лишь черная незнакомка все еще стояла посреди класса, вынося на себѣ взгляды тридцати воспитанницъ. Теперь можно было хорошо рассмотреть ея лицо, плоское, лишенное опредѣленныхъ очертаній, желтоватое, безъ всякаго румянца; глаза были совершенно свѣтлые, губы, посинѣвшія и изъязвленные лихорадкою, зубы плохіе. Но всего болѣе поражало полное отсутствіе рѣсницъ и бровей и уродливый, дурно сдѣланный рыжеватый парикъ, который обнаруживалъ вмѣсто пробора черную нитку и слишкомъ низко спускался на лобъ. Кабая-нибудь страшная болѣзнь обезобразила, должно быть, лицо и черепъ дѣвушки. Одѣта она была въ черное шерстяное платье, крашеное и уже снова выцвѣтшее, и уродливый чепецъ изъ черныхъ бумажныхъ кружевъ съ лиловыми лентами. Въ рукахъ, безъ перчатокъ, виднѣлся старый, кожаный, совсѣмъ облупившійся мѣшокъ. Дѣвушка была просто страшна.

— Какъ васъ зовутъ? — добродушно переспросила Джіудиконе.

— Изабеллой Діазъ, — отвѣчала несчастная, стоя посреди комнаты.

Джіустина Маранджіо фыркнула при этомъ имени. Изабелла уныло вскинула на нее свои глаза безъ рѣсницъ.

— Вы сядете на послѣднюю скамью, — продолжала Джіудиконе. — Подвиньтесь, Мацца.

Изабелла прошла весь классъ, сѣла на самый край скамьи, не снимая съ головы уродливаго чепца и прижимая къ себѣ мѣшокъ. Мацца съ отвращеніемъ откинулась къ стѣнѣ. Черезъ минуту изъ устъ въ уста уже переходило прозвище, пущенное въ ходъ Джіустиною Маранджіо: «ободранная обезьяна», и, повторяемое шепотомъ; на ухо, оно дошло, наконецъ, до слуха Діазъ, которая даже въ лицѣ отъ этого не измѣнилась.

— Прочтите молитву, — сострадательно вмѣшалась Джіудиконе.

— Да, да, помолитесь, чтобы Господь задержалъ сегодня Раденте! — воскликнула Бонелли.

— Чтобы Раденте умеръ! — прибавила Мацца, которая его ненавидѣла.

— О, дай-то Богъ! — закончила Аннина Базале, набожное и доброе существо, котораго терпѣть не могъ учитель.

— Давайте же молиться, синьорины, — повторила испуганная Джіудиконе.

Раденте уже стоялъ въ дверяхъ. Всѣ вскочили, перекрестились и громко прочитали *Отче нашъ*. Лидія Сантаниелло сложила руки на больной груди; Бонелли сняла пенсъ-нэ изъ уваженія къ молитвѣ. Молитва кончилась, а Діазъ все еще стояла, скрестивъ руки, сжавъ губы, точно продолжая молиться. Священникъ вошелъ на кафедру. Это былъ маленькій, толстый челоуѣкъ съ круглымъ и гладкимъ лицомъ древне-римскаго жуира, съ бѣлесоватыми, злыми глазами, которые ни на комъ не останавливались и нагоняли на всѣхъ ужасъ. Руки были небольшія, пухлыя, съ ногтями, розовыми, какъ у женщины; одежда длинная, очень аккуратная. Онъ приостановился на минуту, просматривая бумаги, читая классный списокъ, сознавая ужасъ, который внушаетъ этимъ бѣднымъ существамъ, и съ наслажденіемъ играя ими, какъ кошка. Потомъ поднялъ голову и позвалъ:

— Мацца, скажите урокъ.

— Я его не знаю.

— Почему?

— Я была вчера больна.

Не говоря ни слова, учитель поставилъ въ списокъ нуль.

— Базале, скажите урокъ.

Несчастная начала. Урокъ касался происхожденія итальянскаго языка и она знала его отлично. Но бѣлесоватые глаза Раденте смущали ее; она чувствовала его злость и спуталась. Безъ всякаго состраданія давалъ онъ ей путаться, глядѣлъ вверхъ, не подсказывалъ ничего, не предлагалъ вопросовъ, такъ что она, наконецъ, задрожала, покраснѣла, упала на свамью и залилась слезами. Раденте нагнулся надъ спискомъ и поставилъ второй нуль.

— Бонелли, скажите урокъ.

— Я его не учила, — отвѣчала она, спокойно вставая и улыбаясь.

— Почему?

— Потому что я не поугай, чтобы зубрить наизусть цѣлый отрывокъ изъ Пассаванти.

— Этого требуетъ программа.

— Значить, ее составлялъ поугай. Да, кромѣ того, господинъ профессоръ, я не знаю даже, кто этотъ Пассаванти, когда онъ жилъ, что писалъ. Когда вы соблаговолите объяснить мнѣ все это, я выучу урокъ.

На этотъ разъ Раденте нахмурилъ бѣлогурья брови; это было у него сильнѣйшимъ выраженіемъ гнѣва. Бонелли своею настойчивостью постоянно уличала его въ невѣжествѣ. Эта умная и дерзкая дѣвушка всегда спорила цѣлую четверть часа, прежде чѣмъ сказать урокъ. Учитель промолчалъ, поставилъ нуль и далъ себѣ слово поговорить объ этомъ съ директоромъ. Бонелли сѣла, довольная; по крайней мѣрѣ, хоть ей нуль былъ вполне заслуженъ. Священникъ разглядывалъ съ минуту классъ и, наконецъ, замѣтилъ Изабеллу.

— Вы, что ли, новенькая?

— Да, господинъ профессоръ, — отвѣчала она своимъ жиденькимъ голосомъ.

— Вы прямо изъ дому?

— Да.

— Что знаете вы? Ничего, конечно, какъ и слѣдуетъ ожидать.

Она не смѣла ничего отвѣтить.

— Что намѣрены вы дѣлать? Здѣсь нельзя терять время, какъ дома; сюда приходять учиться, а не глазѣть по стѣнамъ. Приготовьте урокъ на послѣ-завтра.

Бѣдняжка глядѣла на него своими жалкими глазами. Однако, несмотря на ужасъ, который внушали окаменѣвшее лицо учителя, его злые глаза, кислый голосъ, въ классѣ уже ходила по рукамъ записочка со стишками, передѣланными изъ любимой народной пѣсенки:

Часто я тебѣ твердила:

Не влюбляйся ты въ Раденте!

Этотъ пошпикъ, вѣдь, предезкій, —

Нуль поставитъ и уйдетъ.

Де-Санктисъ сидѣла на скамьѣ, скрестивъ руки, слегка сжавъ губы, съ тупымъ взоромъ поугая, отвѣчающаго урокъ. Какъ разъ въ эту минуту учитель педагогинъ, Эстрада, прервалъ ее на

полусловъ, въ то время какъ она, ровно ничего не понимая, бормотала что-то про четыре основныя правила воспитанія. Раздраженный этимъ монотоннымъ и бессмысленнымъ лепетомъ, онъ внезапно спросилъ ее, ясно ли она представляетъ себѣ законъ гармоніи, и бѣдняжка растерялась, умякла, не могла никакъ уловить нити; говорящая машина остановилась. Эстрада сдѣлалъ легкій жестъ отвращенія, потомъ пустился въ длинное, чисто-литературное описаніе гармоніи въ дѣлѣ воспитанія. Такъ дѣлалъ онъ постоянно. Это былъ человѣкъ развитой, болѣе краснорѣчивый, чѣмъ глубокой, блестящій ораторъ. Вынужденный преподавать педагогію воспитанницамъ третьяго курса, онъ не скрывалъ своего пренебреженія къ этому занятію и къ себѣ, потому что взялся за него. Уже съ перваго урока онъ сбиль съ толку слушательницъ, объяснивъ имъ всю бесполезность педагогін, и этотъ добродушный скептицизмъ проглядывалъ во всѣхъ его разсужденіяхъ. При всякомъ удобномъ случаѣ, по поводу ли методовъ чтенія, системы Фребеля, Песталоцци или Ферранте Апорте, онъ импровизировалъ блестящую или сентиментальную рѣчь, которая, начинаясь съ педагогін, кончалась Богъ знаетъ чѣмъ, Гёте, Полишинелемъ, Бомарше. Эстрада былъ человѣкъ еще молодой, съ бѣлокурыми волосами, едва начинавшими сѣдѣть, ироническою улыбкою, звучнымъ голосомъ. Онъ былъ любимцемъ цѣлой группы воспитанницъ, потому что сентиментальничалъ какъ онѣ, и его горячая, беспорядочная, парадоксальная рѣчь нарушала удушливую монотонность остальныхъ уроковъ. Говорили, будто Тереза Понціо до смерти влюблена въ него, пишетъ ему страстныя письма, которыя вкладываетъ въ свои сочиненія. За то прилежныя ученицы, не умѣя слѣдить за его цвѣтистою рѣчью, чувствуя, что не понимаютъ педагогін, пугаясь экзаменовъ, нечавидѣли этого преподавателя, —полоумнаго поэта, какъ онѣ его называли, и всячески старались показать, что не слушаютъ его. Одна только Изабелла Діазъ боролась съ учителемъ во имя педагогін. Она отвѣчала такъ осмысленно, съ такою невозмутимою логикою, повторяла свои доводы съ упорствомъ существа скромнаго и спокойнаго, говорила такъ здраво, что Эстрада не прерывалъ ее, терпѣливо слушалъ ея слова, изрѣдка насмѣшливо улыбаясь, и эта некрасивая, отталкивающая дѣвушка казалась ему настоящимъ воплощеніемъ педагогін.

Но на этотъ разъ даже Изабелла молчала, слушая учителя. Онъ перешелъ отъ гармоніи къ воспитанію, къ музыкѣ Вагнера,

отъ него къ легендѣ о Лоэнгринѣ и Эльзѣ, отъ Эльзы къ мнѣ о Психеѣ. Сентиментальныя дѣвицы слушали, разинувъ ротъ, то блѣднѣя, то краснѣя, возбужденныя голосомъ, словами, явнымъ и тайнымъ смысломъ того, что говорилъ учитель. Прилежныя притворялись, будто читаютъ руководство къ ариметикѣ, но мало-по-малу потокъ краснорѣчія побѣждалъ и ихъ; онѣ поднимали головы и замирали, какъ прикованныя, почти очарованныя. Катерина Борелли, отличавшаяся литературнымъ вкусомъ и писавшая Амаліи Борцо письма, полныя риторики, качала головою, точно магнетизированная птичка; идеалистка Тереза Понціо упивалась словами Эстрады. Когда отъ Психеи онъ перешелъ къ вопросу о любви, даже остальные ученицы, до той поры желавшія во что бы то ни стало получить урокъ педагоги, поддались очарованію. Заволновалась Кристина де-Донато; ей вспомнилось, какъ она потеряла голосъ и должна была разстаться съ тейоромъ, который пѣлъ съ нею романсы въ консерваторіи, а теперь получилъ ангажементъ въ Мальтѣ. Поблѣднѣла Каролина Мацца, влюбленная въ студента, который ей измѣнилъ. Выступили слезы на глазахъ Клементины Скаполатіелло, безнадежно любившей жениха сестры. Кокетливая плутовка Луизетта Десте коварно улыбалась, а подруга ея, безъ всякой взаимности увлеченная кузеномъ, склонила головку на руки.

И всѣ эти дѣвушки, счастливо влюбленные, или еще только жаждавшія любви, наконецъ, тѣ, которымъ судьба не сулила взаимности, ощущали какой-то нервный трепеть. Даже Пессенда, блѣдная піемонтеска, обреченная учительствовать въ какой-нибудь жалкой деревушкѣ, затерянной среди Альпъ; чувствовала себя потрясенною; даже Изабелла Діазъ, съ посинѣвшими губами и некрасивыми глазами, была точно во снѣ. И пока волновался весь классъ и выходилъ Эстрада, пока Тереза Понціо, откинувъ голову назадъ, готовилась упасть въ обморокъ, Джіустина Маранджіо вскочила на кафедру и крупными буквами начертила на доскѣ:

«Любовь—страшная гадость!»

— Мерканти, скажите притчу о мудрыхъ и неразумныхъ дѣвахъ,—началъ законоучитель.

Мерканти приподнялась съ усталымъ видомъ и, не то смѣясь, не то кашляя, показывая зубы, въ которыхъ не доставало одного рѣзца, отвѣчала:

— Замѣтили ли вы, господинъ профессоръ, что я сегодня утромъ слушала вашу обѣдню?

Молодой священникъ, совершенно смуглый, въ очкахъ, улыбнулся нѣсколько самодовольно.

— Скажите притчу, — настаивалъ онъ.

— Позвольте васъ спросить, господинъ профессоръ, зачѣмъ служите вы обѣдню такъ громко? — дерзко продолжала Мерканти. Лицо ея было блѣдно, глаза смотрѣли ужъ черезъ-чуръ лукаво.

Онъ сказалъ, почему такъ дѣлаетъ, и распространился насчетъ обѣдни. Дѣвушки слушали его, пересмѣиваясь между собою. Учитель былъ человекъ довольно безобразный; объясняя урокъ, онъ дѣлалъ множество гримасъ ртомъ и глазами и цѣлый рядъ смѣшныхъ жестовъ, особенно когда говорилъ о Моисеѣ и Христѣ. Воспитанницы не могли относиться къ нему серьезно.

— Доннарумма, скажите притчу.

— Извините, пожалуйста, но мнѣ хотѣлось бы изложить вамъ сперва одно недоумѣніе. Правы ли невѣрующіе, говоря, что будто Христосъ былъ слишкомъ снисходителенъ къ Магдалинѣ?

Учитель сдѣлалъ возмущенное лицо, завертѣлся на стулѣ, поднялъ брови и началъ объяснять прощеніе Магдалины. Но дѣвушки, и въ особенности нѣкоторыя изъ нихъ, не сдавались: онѣ глядѣли на него плутоватыми глазами, полными недоумѣнія. Учитель чувствовалъ иронію этихъ взглядовъ, раздражался, говорилъ, что неприлично подвергать сомнѣнію религіозныя истины. Доннарумма, нѣсколько смущенная, начала, наконецъ, отвѣчать урокъ; сзади Каролина Мацца подсказывала ей притчу по книгѣ. Но вышло еще хуже; рассказъ о дѣвахъ, поджидавшихъ жениха съ зажженными свѣтильниками, чтобы проводить его въ домъ, возбуждалъ любопытство этихъ взрослыхъ дѣвицъ, изъ которыхъ инныя пришли прямо съ улицы и знали многое, и хорошее, и дурное.

Луизетта Десте, Мерканти, Мацца, вся группа *эмансипированныхъ* находила это очень забавнымъ. Онѣ приготовляли цѣлый рядъ коварныхъ вопросовъ, чтобы совсѣмъ смутить учителя и не дать ему спросить урока. Онъ попался въ ловушку, терялся, запутывался въ массѣ фразъ; классъ помиралъ со смѣху. Послѣ ухода Эстрады въ комнатѣ еще носилось вѣяніе чего-то мірскаго, какія-то видѣнія, раздражавшія нервы. Дѣвушки переглядывались между собою съ двусмысленными улыбками,

дѣлали гримасы, чтобъ сдержать смѣхъ, подносили книги къ губамъ и прятались за ними, наклонялись какъ бы для того, чтобъ поднять что-то съ полу. Учитель глядѣлъ на нихъ своими противными глазами, догадывался о чемъ-то и старался понять усиливавшіеся взрывы смѣха. Только группа мистически настроенныхъ дѣвушекъ казалась возмущенною и суровою. Этими дѣвушками, несчастными, черезъ-чуръ умными или бѣдными, овладѣлъ худо сдерживаемый религиозный экстазъ. Всякое утро, прежде чѣмъ идти въ классъ, собирались онѣ въ церкви св. Блары и молились въ продолженіе часа; писали на своихъ сочиненіяхъ начальные буквы *J. M.*, Иисусъ и Марія, обмѣнивались четками, амулетами, образками, каждое воскресенье назначали себѣ свиданіе то въ той, то въ другой церкви, выстаивали въ часы досуга всевозможныя службы, писали религиозныя изреченія на поляхъ учебника географіи и молитвы въ тетради геометріи, называли другъ друга *сестрами*. Эта группа враждовала съ *эмансипированными*; онѣ взаимно презирали другъ друга, причемъ святоши были сдержаннѣе и снисходительнѣе, а эмансипированныя—болѣе дерзки и болтливы.

— Изабелла Діазъ, скажите урокъ изъ катехизиса.

Дурнушка встала и тихимъ, жиденькимъ голосомъ начала говорить что-то о таинствахъ; губы ея слегка дрожали, а желтыя руки, всегда немного влажныя, двигались по скамьѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это крошечное, тощее существо, съ плоскою грудью и въ старомъ платьѣ, говорило съ такою искреннею любовью, съ такимъ чисто-христіанскимъ смиреніемъ, что мистики обернулись и напряженно слушали. Учитель качалъ головой изъ стороны въ сторону въ знакъ одобренія, а Изабелла Діазъ продолжала говорить о символическихъ покровахъ, облачающихъ таинства, и о смыслѣ, заключающемся въ нихъ. Но при вопросѣ о бракѣ *эмансипированныя* снова начали перешептываться, пересмѣиваться, подталкивать другъ друга локтемъ, всячески удерживаясь, чтобъ не фыркнуть. И среди всего этого внезапно раздался рѣзкій голосъ Луизетты Десте:

— Позвольте узнать, господинъ профессоръ, въ чемъ, собственно, заключается таинственный смыслъ брака?

Директоръ, читавшій физику и естественныя науки, опустилъ руку, худую, какъ у женщины, въ урну и вынулъ оттуда свернутую въ трубочку бумажку.

— Джіудиконе! — кликнулъ онъ, развернувъ листокъ.

Дѣвушка слегка поблѣднѣла, попыталась улыбнуться и встала, чтобы отвѣчать урокъ.

— Взойдите на каеэдру и объясните практически машину.

Дѣйствительно, снарядъ Атвуда, длинный, стройный, сложный, весь изъ стали и желтой мѣди, красовался на каеэдрѣ.

Джіудиконе стала рядомъ съ машиною и медленно начала объяснять подругамъ сложный и тонкій снарядъ. Своею пухлою ручкою съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ она дотрогивалась до различныхъ колесъ и частей машины, кроткіе, добродушные глаза дѣвушки зорко слѣдили за ея строеніемъ, точно желая понять его тайну. Но минуты три, четыре спустя, голось Джіудиконе дрогнулъ, фразы складывались съ трудомъ, слова запутывались; наконецъ, она умолкла, опустила руки и глядѣла на машину пытливыми, грустными глазами. Ей не удалось объяснить даже и третьей части. Преподаватель гладилъ свою бѣлокурую бородку привычнымъ ему нервнымъ движеніемъ и что-то вродѣ нетерпѣнія и гнѣва зарождалось въ доброй, выносливой душѣ этого уже немолодаго человѣка. Надъ важнымъ и труднымъ урокомъ о тяготѣніи, надъ законами паденія тѣлъ, надъ этой дьявольской машиной Атвуда классъ бился уже цѣлую недѣлю, не двигаясь ни на шагъ впередъ, смущенный, растерянный, ничего не понимая. Уже три раза подробно повторялъ учитель одни и тѣ же объясненія, прилагая теорію къ практикѣ, разбирая снарядъ на части, оставляя его въ классѣ, чтобы воспитанницы могли упражняться и анализировать его. Но все было тщетно. Не сказавъ ни слова, преподаватель снова опустилъ руку въ урну и вынулъ другое имя; классъ не спустился взоромъ съ роковой бумажки; каждая воспитанница боялась за себя; машина Атвуда была точно заколдована.

— Клеофа Сантаниелло!

Умная, прилежная крошка встала, кинувъ послѣдній взглядъ на тетрадь, гдѣ у нея былъ срисованъ снарядъ. Джіудиконе вернулась на свое мѣсто и наклонила голову надъ спискомъ, чтобы скрыть краску въ лицѣ. Сантаниелло смотрѣла съ минуту на машину, раза два, три прикоснулась къ ней худою рукой и быстро заговорила, не глядя по сторонамъ изъ опасенія сбиться. Все шло сначала хорошо, но, къ несчастью, при словахъ: *передняя часть машины* Клеофа услышала слабый голось своей сестры, Лидіи, торопливо подсказывавшей ей: *задняя, задняя*. Она ос-

тановилась, вздрогнула, потеряла нить, не могла болѣе продолжать и нервность, которая мѣшала ей отличаться въ классѣ, снова овладѣла ею. Учитель съ минуту глядѣлъ на нее, такую жалкую, маленькую, и, быть можетъ, изъ состраданія не разсердился, а молча отпустилъ ее глазами.

Вызванная вмѣсто нея Костанца Скалера встала и съ своимъ спокойнымъ видомъ важной барыни откровенно призналась, что знаетъ теорію, но не можетъ практически объяснить строенія машины Атвуда. Директоръ пожалъ плечами. Смятеніе увеличивалось; чувство страшной обиды овладѣло этой молодежью, безконечно стыдившейся своей тупости и несообразительности. Въ сущности, воспитанницы очень любили своего директора, сдержаннаго, но справедливаго, скупаго на похвалу, но не способнаго на дурное обращеніе. Онѣ были ему очень преданы, желали угодить и всего больше готовились именно къ его уроку. Что за стыдъ для третьяго курса ничего не знать о законахъ тяготѣнія! И мало-по-малу смущеніе и робость росли; двѣ, три воспитанницы всходили на кафедру, наклонялись надъ крошечной машиною, теряли голову подъ влияніемъ безотчетнаго ужаса, какъ люди заболѣваютъ отъ страха передъ болѣзнію. Машина, казалось, расла, возвышалась надъ ихъ головами; колеса какъ бы умножались, она получала душу и издѣвалась надъ муками бѣдныхъ дѣвушекъ, которыя испуганно глядѣли на нее, какъ на чудовище. Наконецъ, директоръ остановился; наступила долгая минута молчанія. Потомъ этотъ человѣкъ, который никогда не выходилъ изъ себя, не говорилъ жесткихъ словъ, медленно произнесъ:

— Мнѣ весьма больно все, что здѣсь случилось.

Эффектъ былъ поразительный. Многія поблѣднѣли; по щекамъ доброй Джіудиконе потекли слезы; Клеофа Сантаниелло всхлипывала. Честь третьяго курса была затронута. Пока директоръ вставалъ, чтобы уйти, Кеккина Ветромиле, одна изъ лучшихъ ученицъ, поднялась съ мѣста и, краснѣя, дрожащимъ голосомъ сказала:

— Послушайте, господинъ директоръ, мы, право, тутъ не виноваты, да и никто, пожалуй. Урокъ очень труденъ и сложенъ: цѣлую недѣлю бились мы надъ нимъ и не могли ничего понять, забросили все остальное ради этой страшной машины. Дѣло пошло отъ этого еще хуже; мы, должно быть, просто отупѣли, повторяя разъ двадцать одно и то же. Если вамъ угодно, оста-

вимъ на время машину, пойдемъ дальше и вернемся къ ней черезъ недѣлю. Общаемъ изучить все въ совершенствѣ. Я говорю отъ имени всего класса.

Но мягкое и примирительное дѣйствіе словъ Беккины было внезапно разсѣяно рѣзкимъ голосомъ.

— Говорите за себя, Ветромиле. Я знаю урокъ и, если господину директору угодно, могу его сказать.

Это говорила Джіустина Маранджіо. Такое предательство поразило всѣхъ; даже директоръ нахмурилъ брови какъ бы съ отвращеніемъ. А Джіустина быстро вбѣжала на кафедру, кинула на машину насмѣшливый взглядъ, потомъ рѣзкимъ голосомъ, ни минуты не останавливаясь и не ошибаясь, описала аппаратъ мелочно, точно, ничего не пропуская, прилагая теорію къ практикѣ, ходя вокругъ машины и дотрогиваясь до самыхъ микроскопическихъ частей. Подъ конецъ, когда Джіустина наклонила снарядъ, чтобы его лучше было видно, и протянула надъ нимъ свой маленькій сжатый кулакъ съ отдѣлившимся указательнымъ пальцемъ, она показала подругамъ коварнѣе даже этого коварнаго инструмента.

Во время рекреации классы опустѣли. Пансіонерки гуляли внутри зданія; экстерны бродили по корридору. Давалось всего только тридцать минутъ отдыха, отъ двѣнадцати до половины перваго, чтобы ходить взадъ и впередъ въ полумракѣ, группами или парочками. Здѣсь проявлялись во всей силѣ симпатіи и дружба. Амалія Борцо убѣжала изъ перваго курса и, проходя мимо Боррелли, сунула ей записку, въ которой стояло: «Если ты меня не любишь, я сойду съ ума или умру». Святоши, гулявшія рядами, еще совершенно смущенныя скандаломъ урока естественныхъ наукъ, старались разсѣяться разговоромъ о наступающей страстной недѣлѣ и ея потрясающихъ религіозныхъ обрядахъ. Одна изъ нихъ перевозносила церковь святой Маріи делла-Ротонда; другая предпочитала приходъ Семи-Мукъ; третья отстаивала церковь мадонны dell'Aiuto. Изабелла Діазъ гуляла совершенно одна и, едва видя въ полумракѣ, читала религіозный трактатъ: «Гдѣ будемъ мы всѣ черезъ сто лѣтъ».

Усердныя ученицы повторяли урокъ ариѳметики, теорему квадратныхъ корней. Учитель де-Винцентисъ долженъ былъ придти на послѣдній урокъ отъ половины втораго до трехъ. *Эмансипированныя*, человекъ шесть, семь, проголодались, сдѣлали

сладчину, получали пятнадцать сольди и разными неправдами убѣдили Розу купить имъ на восемь сольди хлѣба, на шесть копченой колбасы и свѣжаго сыру, оставивъ себѣ одинъ сольди за хлопоты. Въ ожиданіи ея прихода, Каролина Мацца снова рассказывала пикантную исторію, отъ которой подруги надрывались со смѣху. И всѣ онѣ, пансіонерки, экстерны, сентиментальныя, усердныя и эмансипированныя, дышали тутъ свободнѣе. За рекреациею долженъ былъ слѣдовать урокъ рукодѣлья. Учительница, добродушная женщина, щадила третій курсъ, знала, что онѣ завалены занятіями, была великодушна и позволяла воспитанницамъ читать, писать или рисовать подъ условіемъ, чтобы онѣ представили къ экзамену хорошее шитье или аккуратно сдѣланную починку.

Всѣ строили планы на этотъ часъ, почти совершенно свободный. Катерина Боррелли хотѣла написать длинное письмо своей пріятельницѣ Амаліи; *усердныя* упорствовали въ намѣреніи повторить сообща урокъ физики; *святоши* рассчитывали потолковать о чудесахъ и обращеніяхъ, а *эмансипированныя* предполагали набѣстья вволю. Такъ что, когда всѣ вошли въ классъ и учительница принялась разсматривать работы тѣхъ воспитанницъ, у которыхъ хватало усердія и на рукодѣлье, остальные не открыли даже рабочихъ ящичковъ съ шерстяными зелеными подушками для шитья. Катерина Боррелли писала, Мацца разрѣзала перочиннымъ ножомъ колбасу на тонкіе ломтики, которые раздавала поровну; Беккина разобрала на части машину Атвуда, точно анатомировала ее; Скаполатиелло отвернула рукавъ платья, чтобы показать подругамъ четки, которыя всегда носила пониже локтя. Посреди всеобщей непринужденности послышался вдругъ шорохъ и въ комнату вопли съ презрительными, ледянными душу лицами двѣ инспектрисы, горбатая и незамужняя графиня и падантическая маркиза съ очками на носу. Онѣ исполняли свою обязанность безвозмездно, точно подавая бѣднымъ дѣвушкамъ милостыню, наполняли длинные, безцѣльные дни странствованіями по школамъ, гдѣ появлялись во всемъ блескѣ шелковыхъ платьевъ и брилліантовыхъ серегъ. Ихъ ничтожныя силы были направлены къ тому, чтобы мучить воспитанницъ, преподавателей и учительницъ глубокомысленными замѣчаніями и допотопными совѣтами. Всѣ ихъ ненавидѣли. Онѣ не были ни добры, ни набожны и не приносили никакой пользы. Тѣмъ не менѣе, относиться къ нимъ надо было съ при-

творнымъ уваженіемъ, иначе онѣ шли къ попечителю, писали министру, ставили все вверхъ дномъ, трещали, какъ сороки. Поэтому визитъ ихъ уподоблялся появленію головы Медузы въ двухъ экземплярахъ. Даже сама учительница сконфузилась.

— Не много, кажется, работаютъ здѣсь,— замѣтила горбатая раздражительнымъ тономъ кривливой старой дѣвы.

— Съ нѣкотораго времени эти барышни не заботятся болѣе о шитьѣ,—вставила педантическая маркиза,—онѣ хотятъ быть слишкомъ учеными!

— Программа немного трудна,— осмѣлилась замѣтить учительница.

— Если будетъ такъ продолжаться, мы доложимъ начальству,—сказала горбатая.

— Непремѣнно доложимъ,—подтвердила маркиза.

И онѣ начали обходъ класса. Столики поспѣшно отъѣвались; шитье вынималось.

— Почему не шьете вы, Боррелли?—спросила горбатая графиня, съ подбородкомъ, испещреннымъ сѣдыми волосами.

— Меня освободили отъ этого по болѣзни глазъ.

— Гдѣ свидѣтельство?

— Дома, а другое у директора.

— Если у всѣхъ окажутся свидѣтельства, придется довести до свѣдѣнія начальства.

И онѣ двинулись дальше.

— Синьорина Мацца, вы шьете, кажется, безъ наперства?

— Я его потеряла.

— Вы исколете палець. Можно бы обращать болѣе вниманія на ваши вещи.

Луизетта Десте, казалось, готова была задохнуться. При появленіи инспектрисы она неловко проглотила большой кусокъ хлѣба и ломоть колбасы и, вся раскраснѣвшаяся, со слезами на глазахъ, захлебывалась отъ кашля.

— Вы всегда такъ кашляете? Это у васъ хроническое?—спросила старая горбунья.

— Нѣтъ, слава Богу,—отвѣчала Луизетта между двумя приступами кашля.—Мнѣ еще не пятьдесятъ лѣтъ.

— Синьорина Ветромиле, почему это вы шьете дѣшными нитками? Развѣ вы не знаете, что должны употреблять англійскія? Что это за небрежность! Видно, что здѣсь не придають важности рукодѣлью. Посмотримъ, что будетъ на экзаменѣ.

И эти несносныя существа, мелочныя, безсердечныя, бесполезныя, перебирали ученицу за ученицею, находили возможность сдѣлать каждой желчное замѣчаніе, нанести личное оскорбленіе. Словами, интонаціей, роскошью туалета, измѣриваніемъ воспитанницъ съ ногъ до головы, гримасами отвращенія, горделивыми движеніями или изящными жестами онѣ умудрялись раздражать всѣхъ. Визитъ ихъ оставлялъ одно только горькое воспоминаніе. Тѣ, которыя желали повторять уроки, не могли этого сдѣлать; голодныя были принуждены отказаться отъ завтрака, спрятаннаго у нихъ тутъ же, подъ лавкою. Даже прилежныя, которыя шли до того времени, и тѣ получили выговоры за иголки, те-семки, наперстки. Сама Изабелла Діазъ, штопавшая кусокъ бархата, подверглась критикѣ за способъ выдѣлыванія стежекъ, и горбатая посмотрѣла на ея парикъ съ видомъ величайшаго отвращенія. Въ дверяхъ маркиза обернулась и произнесла назидательную рѣчь, напомнила дѣвушкамъ, что ихъ печальная доля быть учительницами, что онѣ не должны мнить себя независимыми и свободными, а должны снискивать расположеніе высокопоставленныхъ и почтенныхъ лицъ, которыя жертвуютъ собою для такихъ неблагодарныхъ существъ.

Лицо де-Винцентиса очень хмуро сегодня. Съ весны у него разболѣлись глаза, и онѣ уже не снималъ болѣе синихъ очковъ; теперь подагра глубоко вѣлась во всѣ его члены. Онѣ прихрамывалъ, опираясь на палку, закутанный въ толстый суконный плащъ, шерстяной шарфъ и касторовыя перчатки, подбитыя фланелью. Нервныя подергиванія искажали его лицо съ длинною посѣдѣвшею бородою. Но дѣвушки не очень боятся его сегодня. Почти всѣ онѣ знаютъ трудный урокъ о квадратныхъ корняхъ: такъ хорошо, съ такою математическою точностью объяснилъ его учитель. И, въ виду важности предмета, болѣзненности и озабоченности преподавателя, какая-то увѣренность, смѣшанная съ жалостью, закрадывается въ души ученицъ. Онѣ надѣются, что останется слишкомъ мало времени, чтобы объяснить новый урокъ. и что, чувствуя себя нехорошо, учитель не воспользуется, быть можетъ, даже и этимъ промежуткомъ. Это ихъ ободряло; иначе, если бы де-Винцентисъ задалъ много новаго на слѣдующій разъ, онѣ никогда не успѣли бы выучить всего,—не хватило бы времени; это было бы настоящимъ бѣдствіемъ. Джіудиконе ласково освѣдомилась объ его здоровьи, предложила шерстяную шапочку

для его уже нѣсколько плѣшивой головы. Онъ, видимо, страдалъ сильно, но сдерживался, и даже борода его не имѣла уже теперь судорожнаго подергиванія. Когда онъ вызвалъ де-Санктисъ отвѣчать урокъ, она живо вскочила, подошла къ доскѣ и хотѣла объяснить теорему, но де-Винцентисъ остановилъ ее съ самаго начала, сказалъ «довольно» и позвалъ другую. Такъ сдѣлалъ онъ и со второю, третьею, четвертою; только что замѣчалъ онъ, что ученица знаетъ урокъ, какъ прерывалъ ее и отсылалъ на мѣсто.

Остальныя дѣвушки испуганно переглядывались между собою. Ихъ невинный расчетъ не удался, надежды разсѣялись. Теперь онъ почти желали, чтобы кто-нибудь не зналъ урока, запутался и тѣмъ принудилъ учителя прослушать его до конца, чтобы поправить ошибки,—но куда! Блассу везло на этотъ разъ. Де-Винцентисъ слушалъ, чуть не улыбаясь, упиваясь всѣмъ своимъ алгебраическимъ мозгомъ, своимъ сердцемъ рожденнаго педагога. Въ два часа, когда оставался еще цѣлый часъ до конца блассовъ, урокъ уже былъ сказанъ. Испуганныя воспитанницы видѣли, какъ поднялся старикъ, весь скорченный подагрой и закутанный въ фланель, какъ онъ вытащилъ изъ перчатки узловатую, красную руку и написалъ на доскѣ длинную формулу, потомъ рѣзкимъ провинціальнымъ акцентомъ, превращая d въ p , ставя g передъ каждымъ e , началъ объяснять основную теорему.

— Бубъ числа, раздѣленнаго на двѣ части, равенъ кубу первой части, утроенному произведенію квадрата первой на вторую, утроенному произведенію квадрата второй на первую и кубу второй части.

И изъ головы этого человѣка, всего изуродованнаго болѣзью, съ подслѣповатыми глазами, съ обезображенною рукой, изъ его мозга, настолько свѣтлаго, что никакая сила не въ состояніи была его сокрушить, цѣлый часъ лилась точная, послѣдовательная, непрерывная демонстрація, которая сначала усложняла, а потомъ все болѣе и болѣе разъясняла теорему. Доска покрылась цифрами, арифметическими знаками, радикалами, буквами; пришлось, наконецъ, писать тѣснѣе за недостаткомъ мѣста. Болѣзнь не вырывала у де-Винцентиса ни одного стона, не замедляла его движеній; онъ все шелъ впередъ, какъ старый механизмъ, основной двигатель котораго еще проченъ. Остановился де-Винцентисъ только тогда, когда часы пробили три и звонокъ возвѣстилъ о закрытіи школы; остановился и вышелъ. Но дѣвушки не двигались; онъ глядѣли на доску испуганными, растерянными глазами...

Ученицы притворяются спокойными, развязными или равнодушными, кто какъ умѣетъ. Раздѣленные на двѣ, на три группы, сидя въ безпорядкѣ на скамьяхъ залы третьяго курса, онѣ притворно любятъ новымъ платьемъ подруги, скроеннымъ и сшитымъ дома, кружевною косынкой, шляпкой, стоимшею всего-на-всего девять съ половиною лиръ, шарфикомъ, вышитымъ въ рѣдкіе, краткіе промежутки досуга. Онѣ бесѣдуютъ о морскихъ купаньяхъ въ Санта-Лучин, Кіатанонѣ, Ривіерѣ, Кіайѣ, Позилиппѣ; придумываютъ составить компанію, чтобы затратить меньше денегъ и больше веселиться. Комната будетъ стоить, по крайней мѣрѣ, франкъ, а если раздѣлить ее на четырехъ, выйдетъ по пяти сольди съ человѣка. Конечно, придется, быть можетъ, идти пѣшкомъ, такъ что за бѣда! Онѣ говорили и о дешевомъ лѣтнемъ увеселительномъ мѣстѣ, куда публика стекается по вечерамъ и о которомъ мечтаютъ всѣ неаполтанки, о *vialla* съ газомъ, музыкой, толпами дѣвушекъ и молодыхъ людей, съ желѣзными стульями, которые стобятъ одинъ сольди, и съ моремъ и луною, которыя не стоятъ ничего. Да, онѣ старались казаться непринужденными. Но за всѣми этими улыбками скрывалось безпокойство, сквозь разговоры о нарядахъ, купаньяхъ, увеселительныхъ вечерахъ проглядывала мучительная мысль, та самая, ради которой ни одна изъ нихъ не спала нынѣшней ночи, всѣ онѣ мучились восемь мѣсяцевъ, а послѣдніе два, іюнь и іюль, сидѣли съ утра до вечера, сгорбившись надъ книгами, тетрадами, формулами, учебниками. Ради нея, призванія въ школу къ девяти часамъ, онѣ встали въ шесть, вышли изъ дома въ семь и, послѣ долгихъ безцѣльныхъ скитаній по улицамъ, все-таки, явились на мѣсто къ восьми, цѣлымъ часомъ раньше. Это былъ день устнаго экзамена на полученіе «высшаго» диплома, — и экзаменъ былъ той страшною, мучительною мыслью, которая волновала всѣхъ.

Даже настолько волновала, что эти молодые души, не способныя долго притворяться, отложили въ сторону ложный стыдъ въ виду общей тревоги и предалися каждая своему личному безпокойству. Блѣдная, испуганная Аннина Базале, прислонясь къ стеклу, глядѣла на дворъ, не видя ничего, а ея загадочная пріятельница, Катерина Боррелли, говорила ей въ видѣ ободренія:

— Какъ глупо бояться! Развѣ ты не училась цѣлый годъ? Чего ты пугаешься?

— Всего.

— А ты лучше сдѣлай вотъ что: вообрази себѣ, что экзаменаторы знаютъ еще гораздо меньше твоего. Вотъ о чемъ думай. Постарайся въ этомъ убѣдиться, и ты не станешь больше бояться. Поняла?

— Да; только я этого не думаю.

— Ну, такъ думай о чемъ-нибудь другомъ. Они, навѣрное, провалятъ и меня. Мы будемъ переэкзаменовываться вмѣстѣ, станемъ вдвоемъ готовиться.

— Что ты, что ты! Какъ хочешь ты, чтобы они отказали тебѣ, такой храброй и дѣльной?

— Клянусь честью, Нанни, они мнѣ навѣрное откажутъ. У меня ужъ такое скверное предчувствіе.

Немного дальше другія воспитанницы рассказывали про свою главную заботу.

— Педагогія, вотъ на чемъ я непремѣнно срѣжусь, — говорила де-Санктисъ, точно сама съ собою. — Я никогда не могла ее понять, а, вѣдь, просиживала надъ нею цѣлые часы. Вѣрите ли, всю нынѣшнюю ночь не спала, все ее зубрила. А если меня спросятъ о методахъ чтенія, что я отвѣчу? Я ничего не знаю ни о дѣтскихъ садахъ, ни о совмѣстномъ обученіи...

— А по моему, всего хуже физика, — виѣшалась Каролина Мацца. — Ужъ очень она трудна и запутана! Учишь оптику, забываешь акустику и электричество; потомъ въ головѣ дѣлается путаница и тогда ужъ ровно ничего не понимаешь.

— Ну, а я такъ всегда была несчастна въ исторіи! — воскликнула Мерканти. — Держу пари, что меня спросятъ объ этихъ противныхъ крестовыхъ походахъ; ну, сколько ихъ тамъ, девять, пятнадцать, тридцать четыре?

— А ариѳметика, по вашему, шуточное дѣло? — вопрошала Луизетта, Десте, уныло улыбаясь.

— О, Боже милостивый, ариѳметика! — хоромъ повторили пять или шесть воспитанницъ, ужасъ которыхъ все возрастала.

Другія группировались вокругъ Кеккины Ветромиле и, преслѣдуемая кошмаромъ экзамена, чувствуя, что головы ихъ совершенно опустѣли отъ усидчиваго труда, спрашивали и давали послѣднія объясненія по итальянской литературѣ, геометріи, химіи, доводя себя этимъ до полнаго оступнѣнія. Кеккина подробно объясняла Клеофѣ Сантаніелло устройство термометра; Пессенда

уже дважды рассказала Эмилии Скоппо про высадку Карла VIII въ Италию. Стоя у доски, Скаполатиелло разъясняла подругѣ какую-то геометрическую фигуру; слушательницы повторяли всѣ эти объясненія, сбиваясь, совершенно растеряныя, почти безсознательныя. Сидя одна въ углу, Джустина Маранджю, уже вышедшая изъ школы и одѣтая въ новое платье, покачивалась на стулѣ, напѣвая пѣсенку; въ другомъ углу одинокая Изабелла Діазъ, украсившая на этотъ разъ свой старый чепецъ крашевыми зелеными лентами, сжимала въ рукахъ сумку. Наконецъ, когда пробило девять, водворилось молчаніе. Въ дверяхъ появилась Роза съ спискомъ въ рукахъ и громко вызвала первыхъ четырехъ воспитанницъ:

— Аббамонте, Барракко, Беллецца, Боррелли, идите на экзаменъ.

Аббамонте поблѣднѣла; Барракко послѣдно перекрестилась; Беллецца судорожно схватила вѣрвь; Боррелли поцѣловала Казале и энергично поправила пенсъ-на. Потомъ всѣ четыре молча двинулись къ дверямъ. Когда онѣ проходили мимо Изабеллы Діазъ, она сказала едва слышно:

— Помогите вамъ Господь.

Прочія молчали, дрожа, задыхаясь. Бесѣда снова завязалась только минутъ десять спустя. Казале, лишенная теперь даже утѣшеній Боррелли, сѣла на подоконникъ и читала про себя Ave Maria. Мацца рассказала про отчаяніе Нобилоне, бѣдной Нобилоне, которая провалилась на письменномъ экзаменѣ и не была даже допущена къ устному; цѣлый годъ пропалъ у нея даромъ; сколько надеждъ разлетѣлось въ прахъ!

— Что же она будетъ дѣлать, несчастная?—спросила Доннарумма.

— Что ей дѣлать! Она провалилась изъ четырехъ предметовъ, гдѣ же ей приготовиться къ переэкзаменовкѣ въ три мѣсяца? Надо бы платить учителямъ, а у бѣдняжки такъ мало денегъ.

— Она могла бы сдать экзаменъ на телеграфистку,—замѣтилъ кто-то.

— Прекрасно! Три мѣсяца подготовки, но двадцати франковъ въ мѣсяць за книги и учителей, а потомъ четыре вакансіи и тридцать пять конкурентовъ!

— Правда, правда!—раздалось два, три возгласа.

— Можно бы идти служить въ пріюты,—замѣтила Мерканти.

— Да, да; очень нужно закабалить себя за пятьдесят лиръ въ мѣсяцъ, да еще здоровье загубить.

— И это тоже правда,—повторили въ полголоса остальные.

И каждая чувствовала внутри души глубокое уныніе при мысли о томъ, что ей дѣлать, если и она тоже провалится. Къ мысли о стыдѣ, отъ которой краска выдалась въ лицо, присоединялась и тяжело сжимала сердце еще другая, практическая, существенная мысль о бѣдности. Всѣ думали о протекшихъ трехъ годахъ, о томъ, какъ онѣ, бывало, ложились спать поздно, чтобы дольше учиться, торопливо вставали, когда хотѣлось еще подремать, выходили подъ дождемъ, въ холодъ, сырость, безъ зонтиковъ и бурнусовъ, въ тонкихъ башмакахъ, кашляя, плохо питаюсь, тратя деньги на покупку книгъ, и отказывали себѣ въ шляпкѣ, чтобы пріобрѣсти готовальню. И что за ужасъ эта переэкзаменовка! А если опять провалишься? Гдѣ найти денегъ, силу воли, чтобы протянуть эту жизнь еще цѣлый годъ? Возможно ли снова пережить страхъ экзамена, чтобы поступить на телеграфъ или въ пріюты?

Прошло минутъ сорокъ. Роза опять появилась на порогъ и провозгласила еще четыре имени:

— Казале, де-Донато, Дефео, де-Санктисъ, на экзамень!

Но выходъ этихъ четырехъ произвелъ мало эффекта. Никто не обратилъ вниманія на уныніе и колебанія Казале, на нѣмую покорность Дефео, ложную самоувѣренность де-Донато, въ сущности, страшно боявшейся, на де-Санктисъ съ ея видомъ агнца, идущаго на закланіе. Въ эту минуту возвращались сдавшія экзамень; теперь всѣ интересовались только ими и окружали ихъ. Аббамонте встрѣтила въ корридорѣ стараго отца, оставнаго военнаго, и кинулась ему въ объятія. Они гуляли вмѣстѣ взадъ и впередъ; отецъ любовно оперался на плечо дочери, сіяющей, раскраснѣвшей. Остальные вернулись въ классъ. Барракко, блѣдная, съ краснымъ пятномъ на правой щекѣ, точно кто-нибудь ударилъ ее по лицу; Боррелли, горделивая, съ ко-сою, наполовину распустившеюся, и галстухомъ, сбившимся на плечо; Беллецца, совсѣмъ багровая и точно недоумѣвающая. На нихъ посыпались вопросы; всѣ хотѣли знать, хмурятся ли преподаватели, легки ли задачи, спрашиваютъ ли только то, что стоитъ въ программѣ, нервенъ ли директоръ, скоро ли проходить десять минутъ, отведенныя каждому экзаменатору, отвѣчаютъ ли изъ географіи по картѣ?

— Пустяки, пустяки, — судорожно говорила Барракко, — географія вздоръ. Представьте себѣ, что у меня спросили? Рѣки Испаніи. Ну, кто этого не знаетъ? Де-Винцентисъ, по обыкновенію, немного раздражителенъ, но, все-таки, видно, что онъ не хочетъ посрамить школу.

— Всего хуже педагогія, — дополнила Боррелли. — Эстрада оказалась-таки дамъ славную услугу своею поэзіею! А экзаменаторъ строгій-престрогій. Блянусь честью, что, еслибъ я не пустилась импровизировать зря, меня непременно отослали бы. Да позвольте васъ спросить, объяснилъ ли намъ кто-нибудь, что такое онтологія?

— Нѣтъ, никто, никто! — отвѣчало челоуѣба четыре, переглядываясь между собою. — Этотъ Эстрада насъ загубилъ.

— Одинъ совѣтъ я вамъ дамъ, — нервно продолжала Барракко, — не отвѣчайте слишкомъ скоро; это никуда не годится. Экзаменаторъ тогда смотритъ какъ-то злобно, спрашиваетъ черезчуръ много, никакъ нельзя кончить. Я очень торопилась, и должна была поэтому описать всю систему Линнея... ну, просто не могла никакъ выпутаться.

— Трудновата также итальянская литература. Не говорила ли я вамъ всегда, что Раденте — бестія? — воскликнула Боррелли. — Подумайте только, отъ насъ требуютъ *всю* итальянскую литературу, а мы ее никогда не учили... О, этотъ Раденте! И какъ это его только не прогонять!

— О священной исторіи не безпокойтесь, вопросы легкіе, — прошептала Барракко.

— Не безпокойтесь ни о чемъ; экзамень не такъ труденъ, какъ кажется, — весело закончила Боррелли. — А теперь мнѣ надо бы уйти, хочется только подождать Казале и еще кой-кого. Пока я напишу записочку мамѣ, чтобъ сказать ей, что все сошло съ рукъ хорошо. Бѣдная мама! Это ее утѣшить.

И голосъ ея вдругъ дрогнулъ; она почти заплакала. Стоявшая рядомъ съ нею Барракко поблѣднѣла, задрожала, стиснула зубы, произнесла измученнымъ голосомъ: «о, мама, мама!» потомъ упала на скамью и лишилась чувствъ. Нервный припадокъ, сдерживаемый цѣлыхъ три часа, разразился при этомъ воспоминаніи о мамѣ, и Барракко увидала, какъ въ страшномъ снѣ, самоубійство матери. Несчастная женщина рано овдовѣла, впала въ нищету послѣ смерти мужа, осталась съ пятью дѣтьми, которыхъ не знала чѣмъ кормить, и винулась на мостовую

съ балкона какой-то жалкой гостиницы... Посреди судорожныхъ движеній, изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ Барракко текли по щекамъ крупныя слезы, и подруги, разстегнувъ на ней платье и давъ понюхать розанъ, приколотый къ груди Мерканти, стояли, не зная, что дѣлать. Барракко экзаменовалась хорошо; но она не могла быть счастлива, нѣтъ, никогда во всю свою жизнь, съ вѣчно носившимся передъ ея глазами видѣніемъ матери, лежащей въ крови на мостовой... Всѣ говорили въ полголоса объ этой трагедіи, между тѣмъ какъ Боррелли прикладывала къ вискамъ подруги платокъ, намоченный водою. Беллецца не плакала, не улыбалась; лицо ея, попрежнему, выражало недоумѣніе, а въ глубинѣ души у нея таилось сильнѣйшее подозрѣніе, что она напутала въ отвѣтъ по ариѳметикѣ. Она не смѣла спросить у Кеккины, можно ли рѣшать употребленнымъ ею способомъ задачи на правило товарищества, не смѣла спросить потому, что боялась услышать подтвержденіе своего страха.

— Десте, Діазъ, Доннарумма и Фіорилло!—крикнула Роза.

Всѣ обернулись, чтобы посмотреть на Изабеллу. Она казалась сегодня еще болѣе безобразною; лицо ея какъ-то особенно лоснилось; парикъ словно пожелтѣлъ, а надъ нимъ развѣвались ленты цвѣта зеленого гороха. Рядомъ съ нею здоровая Доннарумма производила впечатлѣніе такой силы, что Изабелла становилась отъ контраста еще хуже, болѣе жалкою и отталкивающею.

Теперь Базале, де-Санктисъ, Дефео и де-Донато вернулись съ экзамена, и свѣдѣнія, которыя онѣ сообщали, были самыя противорѣчивыя. Дефео срѣзалась какъ разъ на священномъ писаніи, такомъ легкомъ предметѣ. Базале совершила сначала чуда храбрости, но, когда дѣло дошло до исторіи, никакъ не могла вспомнить той битвы, гдѣ участвовала Дантъ Алигieri.

— Кампальдино, глупая, Кампальдино!—кричала ей Боррелли.

Де-Донато была спокойна; она знала, что отвѣчала посредственно, но прошла съ грѣхомъ пополамъ по всѣмъ предметамъ. Что за важность отмѣтки? Одно только удовлетвореніе самолюбія; главное, получить дипломъ. За то де-Санктисъ совершенно переродилась. Съ пылающимъ лицомъ и сверкающими глазами рассказывала она, что отвѣчала превосходно на всѣ вопросы, и подруги, зная ея неспособность, скептически переглядывались между собою, незамѣтно для нея.

— Представьте себѣ,—возбужденнымъ тономъ говорила она,—

учитель физики вдругъ спрашиваетъ меня, чѣмъ измѣряютъ градусы теплоты? Барометромъ, отвѣчаю я. А кто его изобрѣлъ? Это открытіе принадлежитъ многимъ: Цельсію, Торричелли, Реомюру, и я тутъ же описала его устройство. Превосходно. То же самое и по педагогикѣ. Въ чемъ заключаются основныя начала преподаванія? Ихъ нѣсколько, и всѣ они резюмируются въ законъ психологій, который Фребель примѣнилъ къ методамъ чтенія. Отлично. Теперь по исторіи. Я рассказала про битву при Гавиньяно и про восклицаніе Піетро Каппони къ Малатестѣ: «Ты убиваешь человѣка уже мертваго». По географіи: Аппенины, синьоры, начинаются съ ущелья ди-Тенди и кончаются въ Балабріи! А я-то еще такъ боялась экзамена! Да это просто шутка! Идите себѣ спокойно.

Боясь разсѣять ея иллюзіи, подруги не рѣшались объяснить ей, какую страшную путаницу она надѣлала съ термометромъ и барометромъ, какой хаосъ изъ педагогикѣ, исторіи и географіи. Сострадательно улыбаясь, слушали онѣ, какъ она перебирала предметъ за предметомъ, треща все время, какъ болтливая сорока. Возбужденность тѣхъ, которымъ еще предстоялъ экзаменъ, возрастала отъ всего, что онѣ видѣли, отъ всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ, разнообразныхъ свѣдѣній, и по мѣрѣ того, какъ волненіе уже кончившихъ превращалось въ нервную веселость, блѣдность и молчаливость тѣхъ, которыя еще ждали очереди, все увеличивались. Никому и въ голову не приходило повторять какой-нибудь неясный историческій отрывокъ или спрашивать у Беккины объясненіе дѣйствія свѣта на растенія; теперь уже поздно; все рѣшено, ничему болѣе не научишься; что знаешь, то знаешь; чему быть, то будетъ. Какое-то недоумѣніе овладѣвало этими молодыми существами, потрясенными до глубины души. И по мѣрѣ того, какъ шло время, роковой день все болѣе и болѣе усложнялся различными подробностями. Хорошенькую Луизетту, Десте, которая ничему не училась серьезно, а всему понеиножку, какъ придется, вся погруженная въ болтовню и въ мелкія увлеченія, спросили какъ разъ то небольшое, что она знала, и она сошла за самую усердную, работающую ученицу. Вернувшись, вѣтреница хохотала, глумилась надъ экзаменомъ и экзаменаторами, надъ дипломами и всѣми скучными и ненавистными школьными подробностями. Все это огорчало хорошихъ воспитанницъ, которыя загубили здоровье надъ книгами. Скаполатіелло узнала какъ разъ наканунѣ вечеромъ, что

назначенъ, наконецъ, день свадьбы сестры съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, котораго она сама втайнѣ любила. Они должны были повѣнчаться въ сентябрѣ; пособить горю было теперь невозможно, и это извѣстіе такъ ошеломило дѣвушку, что она пошла на экзаменъ точно въ забытіи, не слыша, что ее спрашиваютъ, минутами болѣзненно вздрагивая, когда раздавались торжественныя внушенія. Теперь несчастная сидѣла въ углу третьяго класса, не плача, не вздыхая, вся подавленная своимъ страшнымъ горемъ. Одна изъ сестеръ Сантаніелло, чахоточная и окончательно изнуренная цѣлымъ годомъ напряженнаго труда, получила дипломъ почти изъ состраданія; экзаменаторы глядѣли на нее жалостливо, перецептываясь между собою, пока она стояла передъ ними, сконфуженная, точно стыдясь своей болѣзненности. Другая сестра, анемическая, робкая, до крайности умная, такъ боялась экзамена, что экзаменаторамъ приходилось вытягивать изъ нея слова съ страшными усилиями. Наконецъ, Джустина Маранджіо, стоя передъ доскою, на которой Фраккакрета только что объясняла поверхность пирамиды, обратила вниманіе преподавателя на ошибку въ доказательствѣ, которую онъ не замѣтилъ, съ торжествомъ передѣлала задачу и, благодаря этому, Фраккакрета получила только пятерку изъ геометріи.

Потомъ всѣ эти дѣвушки, счастливыя и несчастныя; веселыя и задумчивыя, завистливыя, глядѣвшія изподлобья, враждовавшія между собою или любившія другъ друга, стали нетерпѣливо ждать трехъ часовъ, чтобы прочесть свой приговоръ, оффиціальныя результаты экзамена, который будетъ вывѣшенъ на дворѣ. Всѣ уже болѣе или менѣе догадывались о его содержаніи, однако, любопытство, все-таки, разбирало молодыя головы. И де-Санктисъ была поражена, узнавъ, что ей достались пятерки, четверки, чуть не нули изъ всѣхъ предметовъ, а всего болѣе изумились дѣвушки, когда оказалось, что Изабелла Діазъ получила высшія отмітки и прошла первую.

Минувало три года. Явилась мысль собрать свѣдѣнія о томъ, что стало съ бывшими ученицами. Вотъ что оказалось по справкамъ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Эмилиа Скоппо тщетно пыталась участвовать въ конкурсѣ на должность учительницы, а потомъ поступить въ телеграфистки. Бончила тѣмъ, что нанялась въ прикащицы въ модный магазинъ,

и когда встрѣчается съ прежними подругами, конфузится и прячется отъ нихъ.

Пессенда, не дождавшись конкурса, сразу приняла мѣсто сельской учительницы съ пятью стами франковъ жалованья. На слѣдующій годъ община, въ виду другихъ расходовъ, сократила еще на сто лиръ ея содержаніе; Пессенда, однако, осталась, за неизмѣнимъ лучшимъ. Последнее лѣто она не воспользовалась ваканціею, такъ какъ ей не на что было доѣхать до Пьемонта. Въ августѣ заболѣла пятнистымъ тифомъ, который плохо лечилъ мѣстный докторъ. Когда распространилась молва, что болѣзнь заразна, всѣ покинули дѣвушку, даже крестьянка, которая приходила для черной работы, такъ что никто не знаетъ въ точности дня ея смерти. Ее нашли въ постели, уже совершенно почернѣвшею, въ комнатѣ безъ всякой мебели, съ открытой дверью и потушеною свѣчю на полу.

Клеофа Сантаниелло вышла по конкурсу одною изъ послѣднихъ, заняла въ Монтекальваріо мѣсто учительницы въ младшемъ классѣ начальной школы. Она совершенно лишена энергіи и воли, ученицы постоянно навлекаютъ на нее выговоры на экзаменахъ; по болѣзни часто манкируетъ, а однажды съ нею сдѣлался обморокъ даже въ классѣ. Начальство недовольно; пришлось дать ей на мѣсяць помощницу на ея счетъ. Ее терпятъ только за кротость и изъ состраданія.

Лидія Сантаниелло въ конкурсѣ по болѣзни не участвовала. Выздоровѣвъ, получила мѣсто надзирательницы въ пріютѣ на шестьсотъ лиръ жалованья. Учениковъ и ученицъ у нея сто тридцать четыре. Тщетно просила ена дать ей помощницу. Необходимость говорить постоянно громко, учить дѣтей пѣть, дѣлать гимнастику, гулять съ ними во время рекреации по большому сырому двору вокругъ колодца,—все это подкосило ея здоровье. Она продолжала ходить въ школу, несмотря на болѣзнь, слабымъ голосомъ, не имѣя силы встать съ мѣста, учила дѣтей пѣть, и они часто не шумѣли только потому, что ихъ просила объ этомъ любимая учительница. Когда она слегла въ постель, дѣти постоянно прибѣгали въ ея бѣдное жилище, а когда она умерла шесть мѣсяцевъ спустя, они сложились по одному сольди, чтобы купить цвѣтовъ, шли попарно за гробомъ, держась за руку, какъ во время прогулки вокругъ колодца, и пѣли пѣсни, которымъ она учила ихъ своимъ угасавшимъ голосомъ.

Фиорилло цѣлый годъ была сельской учительницей въ Гранья-

но. Въ нее влюбился сынъ богатаго мѣстнаго фабриканта, и ей пришлось покинуть должность и перейти въ савойскую деревушку. За неизмѣнимъ помѣщенію рядомъ съ школой, Фіорилло надо было жить въ сосѣднемъ селѣ и ходить утромъ и вечеромъ по четыре мили. Последней зимою, возвращаясь домой часа въ три, она была настигнута метелью, и отъ холода ли, отъ усталости, отъ недостатка ли пищи (дѣвушка ничего не ѣла со вчерашняго дня), упала на дорогу и замерзла. Альпійскіе жители нашли ее только два дня спустя. За рвеніе и любовь къ ея скромному дѣлу власти присудили ей небольшой мраморный памятникъ.

Терезина Понціо, восторженная идеалистка, учила въ школѣ квартала Викаріа, но безъ успѣха, вслѣдствіе невнимательности. Въ то же время, она печатала любовные стихи въ небольшомъ журналѣ, *Алкіонъ*, и издала отдѣльной брошюрой повѣсть: *Отверженная любовь*, посвященную «тому, кто меня никогда не полюбитъ». Уже два раза получала она выговоръ отъ попечителя за восторженность своихъ произведеній, но всегда тщетно. Однажды, когда инспекторъ обозрѣвалъ школу, дѣвушка поспѣшно спрятала подъ класный списокъ какой-то листокъ бумаги. Это было любовное письмо къ вліятельному неаполитанцу, человѣку семейному, и хотя въ письмѣ говорилось о любви несчастной, Понціо отставили отъ должности за поведеніе, несовмѣстимое съ трудными обязанностями воспитательницы.

Барракко, не дождавшись результата конкурса, поступила учительницей въ одну изъ общинъ Калабріи. Суровая зима сильно разстроила ея нервы. Дважды просила она, чтобы ее перевели въ другое мѣсто, писала длинные письма инспектору, попечителю, министру, умоляя ихъ избавить ее отъ этой пытки, и во всемъ, что она писала, замѣтно было сильное нервное возбужденіе. Во время посѣщенія инспектора дѣвушка бросилась ему въ ноги, плакала, умоляла помочь ей выйти изъ этого ада. Потрясенный инспекторъ обѣщалъ похлопотать о ней, но, вѣроятно, забылъ. Въ мартѣ истекшаго года она купила шпанскихъ мухъ, проглотила ихъ, страшно мучилась три дня, раскаялась въ своемъ самоубійствѣ, призывала братьевъ, сестеръ, друзей, но уже поздно. Послѣ ея смерти найденъ былъ *журналъ*. Не имѣя ничего, кому бы повѣрять свои горести, она обращалась къ воображаемому существу. Дневникъ переслала ей старшей сестрѣ: онъ раздражаетъ душу.

Кеккина Ветромиде учительствовала въ теченіе года, потомъ

вышла замужъ за фабриканта обуви, ведетъ счеты, завѣдуетъ перепиской, слѣдить за продажей. Когда приходятъ въ магазинъ ея школьныя подруги, она дѣлаетъ имъ уступку и сама завязываетъ свертокъ голубою лентой.

Скаполатиелло не участвовала въ состязаніи, не захотѣла снова пройти третій курсъ, не поступила въ пріютъ. Въ сентябрѣ сестра ея вышла замужъ и новобрачные провели медовый мѣсяцъ дома. Скаполатиелло попыталась было пойти въ сестры милосердія, но у нея не хватило денегъ на обмундировку. Однажды, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ добиться чего бы то ни было, она сказала сестрѣ и зятю, стоявшимъ на балконѣ четвертаго этажа, что выйдетъ на верхнюю террасу. Поднявшись на пятый этажъ, она написала на клочкѣ бумаги: «Я васъ такъ люблю! Не забывайте меня», свернула записку, позвала сестру сверху, улыбнулась ей, послала рукой поцѣлуй, бросила бумажку на балконъ, потомъ кинулась на мостовую.

Джіустина Маранджіо выдержала конкурсъ одною изъ первыхъ, учить въ третьемъ классѣ начальной школы въ Кіайѣ, добилаcь перемѣщенія начальницы въ Портичи и сама управляетъ теперь школою. Ей обязаны дѣти изобрѣтеніемъ новаго вида наказаній: имъ обматываютъ голову тряпкой, пропитанною чернилами, пылью, мѣломъ,—тою самой тряпкой, которою обтираютъ скамьи и доски. Она же изобрѣла новый способъ мѣшать воспитанницамъ опаздывать; она становится у дверей съ часами въ рукахъ и безпощадно отбираетъ завтракъ у всѣхъ, кто приходитъ послѣ восьми. Вслѣдствіе этого многія изъ дѣтей уже перестали посѣщать школу.

Изабелла Діазъ оказалась первою на конкурсѣ и тотчасъ же получила мѣсто учительницы въ четвертомъ классѣ «школы Иисуса». Результаты замѣчательные. Она упростила звуковой методъ, измѣнила къ лучшему преподаваніе географіи, основала дѣтскій садъ въ Портичи, пріютъ въ Поццуоли, преобразовала школу въ Сарно. Лицомъ Діазъ все такая же безобразная. На послѣдней педагогической выставкѣ получила золотую медаль. Теперь она начальницей одной изъ самыхъ многолюдныхъ школъ Неаполя, и ей обязаны ученики отмѣною старой системы наказаній.

А. В.

САМОИСТРЕБЛЕНИЕ *).

Проявленія аскетизма и фанатизма въ расколѣ.

VIII.

Mania religiosa.

Передъ нами прошелъ длинный рядъ кровавыхъ, потрясающихъ сценъ, героями которыхъ являлись люди, горячо и упорно преслѣдовавшіе, въ сущности, очень высокую, идеальную цѣль: какъ спасти свою душу, какъ спасти себя и своихъ близкихъ среди этого міра, погрязшаго, какъ имъ казалось, въ пучину неправды, грѣха и зла? Мы видѣли, какъ эти люди въ поискахъ за «спасеніемъ» мало-по-малу сбивались съ пути, теряли подъ собою почву и, отчаявшись въ возможности устроить свою жизнь «по правдѣ» здѣсь, на землѣ, кончали тѣмъ, что убивали себя, убивали своихъ близкихъ кровныхъ людей, думая подобными «жертвами» искупить свои грѣхи или грѣхи своихъ близкихъ, спасти свою душу. Такимъ образомъ люди надѣялись угодить Богу, поступая прямо наперекоръ даннаго Имъ завѣта: «не убей».

При видѣ тысячи людей, добровольно сжигающихъ себя въ огнѣ, при видѣ какого-нибудь Холкина, хладнокровно убивающаго топоромъ свою родную мать, или Куртина, спокойно, съ умиленіемъ зарѣзывающаго ножомъ любимаго сына, невольно выступаетъ вопросъ о психической нормальности всѣхъ этихъ лицъ. Собственно говоря, психіатры давно уже считаютъ подобнаго рода людей душевно-больными. И съ этимъ мнѣніемъ нельзя, конечно, не согласиться, если только выраженіе «душевное

*) *Русская Мысль*, кн. II.

разстройство» мы будемъ понимать не въ томъ узкомъ смыслѣ, какой усвоенъ этому термину въ обыденной жизни. Понимая же подъ душевнымъ разстройствомъ всякое нарушение гармоніи въ психической сферѣ, всякій случай непоумѣрной дѣятельности одной изъ сторонъ психической жизни въ ущербъ другимъ, мы неизбежно должны будемъ признать за душевно-больныхъ всѣхъ этихъ Куртиныхъ, Юшкиныхъ, Холгиныхъ и т. п., которые длинной вереницей прошли передъ нами въ предыдущихъ главахъ.

Въ психіатріи такого рода явленія извѣстны подъ общимъ именемъ теоманіи. Субъекты, мысль которыхъ всецѣло сосредоточена на религиозныхъ представленіяхъ, на идеѣ о Богѣ, о непосредственномъ общеніи съ Нимъ, объ ангелахъ и духахъ, называются теоманами. Обыкновенно теоманы считаютъ себя пророками и полагаютъ, что устами ихъ глаголетъ самъ Богъ или Св. Духъ.

«Понятно,—говоритъ извѣстный врачъ г. В. Кандинскій,—что исключительное сосредоточеніе мысли на религіи бываетъ при различныхъ степеняхъ психическаго страданія. Умалшенныя, которые встрѣчаются въ больницахъ подъ діагностикою «mania religiosa», представляютъ только одну изъ крайнихъ степеней душевнаго разстройства. Въ теоманіи же слѣдуетъ причислить и случаи, гдѣ разстройство души выражается только въ болѣзненной экзальтаціи съ галлюцинаціями» и т. п. *). Далѣе мы встрѣтимъ много примѣровъ этого рода случаевъ.

Несомнѣнно, что самоубійство уже само по себѣ явленіе совершенно ненормальное. Профессоръ психіатріи Фрезе утверждаетъ, что на 100 случаевъ самоубійства, по крайней мѣрѣ, 90% будутъ болѣзненнаго происхожденія, хотя дѣйствительные признаки этой болѣзни очень часто уходятъ отъ нашего наблюденія. То же самое можно, конечно, сказать и относительно убійствъ близкихъ, дорогихъ, любимыхъ людей. Огромный процентъ подобнаго рода убійствъ происходитъ подъ вліяніемъ такъ называемыхъ «ложныхъ ощущеній», составляющихъ одну изъ характерныхъ чертъ душевнаго разстройства.

Д-ръ Фрезе приводитъ, между прочимъ, слѣдующіе два случая убійства изъ-за религиозныхъ побужденій, въ которыхъ патологическій элементъ выступаетъ съ особенною отчетливостью.

*) В. Кандинскій: „Общеповѣстные психологическіе этюды“. Москва, 1881 г.

Оба случая вызваны ложными слуховыми ощущениями (галлюцинации слуха).

«Я помню, — говорит профессор, — одного фабричного (дѣло было въ Москвѣ), который вмѣстѣ съ своими товарищами ночевалъ въ одной комнатѣ. Проснувшись ночью, онъ вдругъ услышалъ голосъ Божій, приказывавшій убить лежавшаго рядомъ съ нимъ товарища. Онъ, дѣйствительно, всталъ, взялъ ножъ, къ несчастію, лежавшій тутъ же подъ рукой на столѣ, и зарѣзалъ товарища. Другой случай еще болѣе поразительный. Одинъ больной, отецъ семейства, страдалъ меланхоліей. У него развился бредъ, что, въ наказаніе за свои грѣхи, онъ долженъ погибнуть отъ голода и нищеты, а съ нимъ и его семейство. Вдругъ онъ услышалъ голосъ: Богъ ему говорилъ, что уже не хочетъ распространять наказаніе на его невинное семейство, — жену и дѣтей, — и потому велѣлъ ихъ убить. Впослѣдствіи больной говорилъ, что это онъ слышалъ отъ Бога не разъ, но долгое время не рѣшался исполнить это приказаніе, хотя ясно сознавалъ, что такимъ непослушаніемъ усугубляетъ свои грѣхи. Наконецъ, онъ рѣшился: заперъ свою квартиру, приготовилъ ножъ, припасъ чистое бѣлье и все необходимое, чтобы обмыть свои жертвы и привести все въ порядокъ, — словомъ, дѣйствовалъ въ полномъ сознаніи. Затѣмъ зарѣзалъ свою жену и двухъ дѣтей и, положивъ ихъ на постель, пошелъ заявить объ этомъ куда слѣдуетъ» *).

Нѣкоторые изслѣдователи раскола старались объяснить случаи коллективныхъ самоубійствъ изъ-за религіозныхъ побужденій употребленіемъ сектантами разныхъ наркотическихъ веществъ. Такъ, г. В. Андреевъ, напримѣръ, прямо утверждаетъ, что «секты морельщиковъ и запощиванцевъ тѣмъ и отличались, что сектанты, причащаясь какого-то вещества, даннаго ихъ наставникомъ, готовы были все сдѣлать надъ собою въ минуту восторженнаго изступленія». «Только имѣя въ виду это дѣйствіе наркотическаго вещества, — говоритъ далѣе г. Андреевъ, — можно понять то самозабвеніе, съ какимъ сотни людей, собравшись въ какомъ-нибудь сараѣ, ставъ на колѣна, ждали, пока подложатъ огонь къ сараю и ихъ охватитъ пламя, изъ котораго не было спасенія» **).

Съ своей стороны, мы никакъ не можемъ согласиться съ г.

*) *Д-ръ Фреге*: „Курсъ психіатріи“. Сиб., 1881 г., выпускъ 1-й, стр. 100 и 101.

**) *В. В. Андреевъ*: „Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи“. Сиб., 1870 г., стр. 264.

Андреевымъ, что *только дѣйствіемъ наркотическихъ веществъ* можно объяснить такія поразительныя явленія, какъ самосожигательства сотенъ людей. Въ одной изъ предъидущихъ главъ (IV) мы старались намѣтить тѣ общія соціально-психологическія причины, которыя, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ вызвали самосожигательства раскольниковъ; поэтому здѣсь мы не будемъ останавливаться долѣе на этомъ вопросѣ.

Затѣмъ нельзя не пожалѣть, что г. Андреевъ, приписывая «сектамъ морельщиковъ и запощиванцевъ» *) причащеніе наркотическими веществами, не указываетъ источниковъ, откуда онъ заимствовалъ эти свѣдѣнія, которыя поэтому являются совершенно голословными.

Въ доказательство своего мнѣнія объ огромномъ значеніи наркотическихъ веществъ въ дѣлѣ самосожиганій раскольниковъ, г. Андреевъ ссылается на *Розыскъ* Дмитрія Ростовскаго. Но, во-первыхъ, свѣдѣнія, сообщаемыя по этому поводу Дмитріемъ Ростовскимъ, не вполне опредѣленны, а, во-вторыхъ, свѣдѣнія эти относятся лишь къ послѣдователямъ одной секты подрѣшетниковъ, которая была въ то время распространена въ Кинешемскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи.

Въ *Розыскѣ* сообщается, что среди подрѣшетниковъ въ то время существовалъ обычай причащаться ягодами, «напоенными чарованіемъ»; «причастіе же у нихъ быше нѣкое волшебное, не хлѣбъ, но ягоды, кромѣ глаголемыя, чарованіемъ напоенныя». Самое причащеніе происходило всегда во время моленія, къ концу котораго изъ подполья выходила молодая дѣвица въ цвѣтномъ платьѣ, неся на головѣ рѣшето съ «волшебными ягодами» — изюмомъ. «Вкусивши же отъ этихъ ягодъ,—говорится въ *Розыскѣ*,—абіе желаютъ себѣ смерти, аки бы за Христа, или сожецися, или удавитися, или въ водѣ утопитися, аки изступльшіе отъ ума, и многіе тако сами себя погубили» **).

Въ другомъ мѣстѣ Дмитрій Ростовскій рассказываетъ, какъ однажды собака, съѣвшая нѣсколько подобныхъ ягодъ, тотчасъ же сбѣсилась и кинулась въ костеръ, разведенный для приготовления пищи. Затѣмъ сообщается слѣдующій случай: священникъ въ имѣніи князя Голицына растеръ въ рукахъ одну изъ

*) Кстати замѣтить, что такихъ сектъ никогда собственно и не существовало въ русскомъ расколѣ.

***) *Розыскъ*, стр. 572.

подобныхъ ягодъ; въ ту же минуту «онъ сотворился внѣ ума» и кинулся въ топившуюся печь, откуда былъ вытасченъ съ обожженной головой случившимися тутъ людьми. Придя въ сознание, священникъ этотъ рассказывалъ, что, подъ влияніемъ запаха отъ растертой имъ ягоды, горѣвшая печь представилась ему «яко рай, а устье печи, яко дверь райская»; въ этомъ раю онъ увидалъ сидящими какихъ-то пресвѣтлыхъ юношей, которые звали его къ себѣ, говоря: «иди къ намъ!» *).

«Если,— говоритъ по поводу этихъ рассказовъ покойный Мельниковъ,— у последователей тайныхъ сектъ **) ближайшаго къ намъ времени находили какія-то одуряющія снадобья вроде опиума или хашиша, то почему не допустить, что какой-нибудь дурманъ былъ въ употребленіи у подрѣшетниковъ XVIII столѣтія? ***).

Это предположеніе касается лишь весьма небольшой секты. Что же касается массы старообрядцевъ, то, сколько намъ извѣстно, исторія не даетъ никакихъ указаній относительно того, что въ средѣ ихъ было въ ходу употребленіе наркотическихъ веществъ.

«Самозабвеніе» же раскольниковъ, рѣшавшихся погнать въ пламени, достаточно объясняется свойствами того экстатическаго состоянія, въ которомъ они безспорно находились, приступая къ этому страшному акту. Нечувствительность къ физическому страданію составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ состоянія экстаза. Извѣстно, что нѣкоторые маніаки и даже просто меланхолики могутъ жечь и рѣзать себя, не испытывая при этомъ никакой боли.

IX.

Отшельничество.

Переходя къ рассмотрѣнію проявленій аскетизма въ Россіи или, точнѣе, въ русскомъ расколѣ, мы, прежде всего, постараемся сгруппировать тѣ требованія, которыя обыкновенно аскетизмъ предъявляетъ къ людямъ. По нашему мнѣнію, требованія, выставляемыя аскетизмомъ, могутъ быть сведены, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ четыремъ видамъ «умерщвленія плоти»:

*) Idem, стр. 587.

**) Тайными сектами называются хлысты и скопцы съ ихъ различными развитіями.

***) Мельниковъ: „Тайны сектъ“.

- 1) отреченіе отъ міра и общества, удаленіе въ пустынный и уединенный мѣста;
- 2) воздержаніе отъ пищи, изнурительные посты;
- 3) самобичеваніе или добровольное истязаніе тѣла и, наконецъ,
- 4) отрицаніе половыхъ сношеній.

Различные виды умерщвленія плоти съ особенною силой проявляются въ нашихъ мистическихъ сектахъ—хлыстовщинѣ и скопчествахъ.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, въ селѣ Мордышѣ, Судогодскаго уѣзда, Владимірской губерніи, среди мѣстныхъ крестьянъ появились люди, которые начали проповѣдывать ученіе «покорителей плоти духу». Немедленно же возникло дѣло о новой сектѣ. Мѣстный исправникъ, на требованіе владимірскаго губернатора, слѣдующимъ образомъ описывалъ это ученіе:

Послѣдователи этой секты, «желая плоть свою покорить духу, для спасенія души, висятъ на кушагѣ, перекинутомъ черезъ брусъ палатей, до изнеможенія рукъ, бьютъ по тряпкѣ, положенной на лавку, лучиною также до изнеможенія, наконецъ, ложась на полу вверхъ лицомъ и загибая подъ спину голову, затаиваютъ дыханіе и лежатъ въ этомъ неестественномъ положеніи почти до совершенной безчувственности, такъ что лицо покрывается мертвенною блѣдностью. Опытъ этого, по ихъ названію, умирающаго показанъ, въ присутствіи временнаго (судебнаго) отдѣленія, крестьянскою женою, Прасковьею Дмитріевой, которая послѣдователями секты признается за праведную страдальцу» *).

Основателемъ этой секты былъ крестьянинъ Судогодскаго уѣзда, вотчины г. Майкова, деревни Мичурина, Михаилъ Сафроновъ. Онъ выходилъ изъ того положенія, что «для спасенія души нужны христіанскія добродѣтели и покореніе плоти духу», причѣмъ подкрѣплялъ свое мнѣніе текстами изъ священнаго писанія, преимущественно изъ псалтыря. Многіе изъ этихъ текстовъ онъ «понималъ превратно, а догматъ о воскресеніи мертвыхъ и будущемъ судѣ толковалъ совершенно противно евангельскому ученію».

Сафроновъ проповѣдывалъ и подтвердилъ это на судѣ, что «по кончинѣ міра всѣмъ будетъ хорошо: праведные будутъ блаженствовать на небѣ, а грѣшные жить на землѣ; земля будетъ

*; *Извѣстія въ общ. исторіи и древн. россійс.* 1872 г., III, стр. 327.

бѣла и грѣшникамъ будетъ хорошо. Тогда и самъ Вельзевулъ возвратится въ первобытное состояніе, т.-е. снова сдѣлается свѣтлымъ ангеломъ, потому что онъ связанъ Богомъ только на тысячу лѣтъ». Сафроновъ рассказывалъ своимъ послѣдователямъ, что ему было «небесное видѣніе», при которомъ онъ слышалъ обращенный къ нему гласъ съ неба: «Ты одинъ праведный!»

Слѣдствіемъ было обнаружено девять чловѣкъ послѣдователей ученія Сафронова. Замѣчательно, что «умиранье» и другія истязанія плоти продѣлывали почти исключительно однѣ женщины; изъ мужчинъ же истязалъ себя лишь одинъ крестьянинъ, Иванъ Игнатьевъ, мужъ упомянутой выше Прасковьи Дмитріевой. Сафроновъ и его главные послѣдователи были, заключены въ тюрьму «за противное ученіе и (ложное) истолкованіе св. писанія». Объ исходѣ этого дѣла, къ сожалѣнію, не было извѣстій въ печати.

Въ концѣ 60-хъ годовъ въ Воронежской губерніи возникла секта, ученіе которой состояло въ томъ, что для спасенія души необходимо умерщвленіе плоти не воздержаніемъ, а пресыщеніемъ, посредствомъ возможно болѣе частыхъ половыхъ совокупленій и непременно съ чужими женами. Странность подобнаго ученія настолько велика, что можно было бы усомниться въ его существованіи, еслибъ только въ этомъ не удостовѣряло такое несомнѣнное свидѣтельство, какъ приговоръ присяжныхъ относительно пропагандистовъ этого ученія (одинъ изъ которыхъ былъ старикъ). Дѣло о нихъ разсматривалось въ г. Острогоскѣ, и они, какъ сообщалъ *Судебный Вѣстникъ*, были приговорены къ ссылке въ Закавказскій край.

Многіе факты убѣждаютъ въ томъ, что мистическій элементъ до сихъ поръ еще весьма силенъ, крѣпокъ и живучъ и что проявленія его въ современной дѣйствительности до сихъ поръ еще крайне многочисленны и въ высшей степени разнообразны.

И это не у насъ только, но и во многихъ другихъ странахъ, далеко опередившихъ насъ на пути культурнаго развитія.

Извѣстное, крайне мистическое ученіе ирвингіанъ, ежеминутно ожидающихъ пришествія Христа, довольно быстро распространяется въ Западной Европѣ, преимущественно же въ протестантскихъ и реформатскихъ странахъ,—обстоятельство, заслуживающее, по нашему мнѣнію, особеннаго вниманія. Въ Германіи считается въ настоящее время *сто* апостольскихъ общинъ ирвингіанъ; столько же считается ихъ въ Англіи. Быстрое раз-

вѣтѣ мистическихъ сектъ въ Америкѣ: шекеровъ, мормоновъ, перфекціонистовъ и т. п. составляетъ фактъ, болѣе или менѣе общезвѣстный.

Затѣмъ, на нашихъ глазахъ, и именно не дальше, какъ въ 1878 году, въ Англіи возникаетъ новая секта, получившая названіе «арміи спасенія», благодаря усвоенной ею военной организаціи. Въ какіе-нибудь три-четыре года ученіе этой секты увлекаетъ за собою тысячи послѣдователей изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ англійскаго общества и народа. Къ концу 1882 года эта секта насчитывала уже въ своихъ рядахъ до 16,000 послѣдователей и, въ то же время, располагала огромными денежными средствами *). «Армія спасенія» располагаетъ нѣсколькими журналами, причемъ офиціозный органъ этой секты издается въ количествѣ 200 тысячъ экземпляровъ. Журналъ, назначенный для дѣтей, печатается въ количествѣ 50,000. Въ теченіе 1881 года «арміей» было устроено до 200 тысячъ публичныхъ сходокъ, на которыхъ присутствовало до 3-хъ милліоновъ публики.

Доведенный до крайности религіозный мистицизмъ обнаруживаетъ отрицательное, презрительное, почти враждебное отношеніе къ земной жизни, къ ея задачамъ, стремленіямъ и цѣлямъ; все это для мистика замѣняется постояннымъ пареніемъ къ небу. Это чувство звучитъ во многихъ русскихъ духовныхъ стихахъ какъ прежняго времени, такъ и появляющихся въ наши дни.

Открылись, душе, крылы твердости,
 Растерзай, душе, мрежи прелести,
 Ты пари, душе, въ чащи темныя,
 Отъ мирскихъ суетъ удаленныя!

Такъ напѣвали въ старину русскіе люди. И вотъ мистикъ брезгливо отвертывался отъ грѣховнаго «суетнаго» міра и бѣжалъ въ пустыню, «въ темные лѣса», въ «пропасти» и «вертепы», чтобы быть какъ можно дальше отъ жизни и людей.

А кто бы мнѣ построилъ
 Прекрасную пустыню
 Во темныхъ во лѣсахъ,
 Во горахъ бы, во вертепахъ,
 Во пропаstechъ во темныхъ?

*) Въ 1881 году, напримѣръ, «арміей спасенія» было истратено на дѣло пропаганды 1.425,000 франковъ.

Уже бы мнѣ не видати
 Житія бы суетнаго,
 Уже бы не слыхати
 Человѣческаго гласу! *)

Въ духовныхъ стихахъ, появляющихся въ настоящее время среди послѣдователей разныхъ мистическихъ сектъ, неизмѣнно проводится мысль о полной ничтожности всякаго счастья здѣсь, на землѣ. Знакомясь съ этими стихами, вы невольно убѣждаетесь, что авторами ихъ были мистико-піетисты, для которыхъ совершенно чужды всякія идеи и представленія о необходимости дѣятельной борьбы со зломъ, царящимъ въ мірѣ. Почти ни въ одномъ изъ этихъ стиховъ вы не найдете сколько-нибудь прямого, опредѣленнаго указанія на обязанность каждаго человѣка, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать успѣху великой борьбы съ неправдой. Все это особенно относится къ стихамъ, циркулирующимъ среди послѣдователей мистическихъ сектъ привилегированныхъ классовъ. Вотъ, на примѣръ, одинъ изъ подобнаго рода стиховъ:

*Поднимите меня выше
 Надъ землей грѣха и тьмы,
 Ко Христу несите ближе,
 На Голгофы высоты!*

—
 Сонмы ангеловъ, слетите
 Отнести меня туда,
 На Распятаго воззрите:
 Онъ меня спасъ навсегда.

—
 Выше, выше поднимите,
 Слышу вопль земныхъ скорбей,
 Въ нему же ближе отнесите
 Отъ мучительныхъ огней.

—
 Еще выше поднимите
 Надъ всей міра суетой;
 На Сіонъ меня несите,
 Въ радость вѣчной славы той и т. д.

И такъ, земля—это царство «грѣха и тьмы», царство суеты, мучительныхъ скорбей и воплей. Отсюда страстное стремленіе «подняться выше», на Фаворъ, на Сіонъ,—словомъ, подальше отъ міра, подальше отъ „земныхъ скорбей“ и воплей, туда, гдѣ

*) В. Варенцовъ: „Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ“. Спб., 1860 г., стр. 189.

ждеть людей, — избранныхъ, конечно, — какое-то невѣдомое, таинственное счастье, довольство и покой. Сравнивая появляющіеся въ наше время духовные стихи съ прежними, старинными, мы видимъ, что мистики прежняго времени стремились въ пустыню, въ темныя лѣса и вертепы, современные же мистики мечтають уже прямо о небесахъ, о Фаворѣ, о Сіонѣ и т. п.

Когда, Спаситель, увижу Тебя
На небесахъ, на небесахъ?
Когда, Христось, призовешь Ты меня
Во небеса, во небеса?

Хоть я въ семь міръ еще нахожусь,
Съ нимъ не живу, съ нимъ не живу!
Но я къ небесному міру стремлюсь.

Когда кончина наступитъ моя,
Тогда не буду я больше страдать и т. д. *)

Послѣдній стихъ явно указываетъ на ту почву, благодаря которой разнаго рода мистическія стремленія успѣшно прививаются въ народной средѣ. Когда на землѣ становится жить тяжело, взоры невольно устремляются къ небу. Тамъ сохранившіе вѣру люди надѣются встрѣтить то счастье, котораго они лишены были судьбою здѣсь, на землѣ. Особенно ярко это чувство сказалось въ слѣдующемъ духовномъ стихѣ:

Тяжки и печальны дни
Здѣшней жизни краткой, глѣбной;
Здѣсь страданія одни —
Всѣхъ насъ жребій непремѣнный.
Тамъ за гробомъ скорби нѣтъ

Тамъ не будутъ знать они (умершіе люди)
Ни печали, ни недуга,
Тамъ отрада безъ конца! и т. д.

Крайности мистицизма всегда съ особенною силой проявлялись въ тяжелыя эпохи общественныхъ бѣдствій, постигавшихъ ту или другую страну. Голодъ, нищета, чума, холера, разорительныя войны всегда сопровождались и сопровождаются до сихъ поръ болѣе или менѣе острымъ развитіемъ въ народѣ мистическихъ идей и представлений. Въ прежнее время въ подобныя

*) *Голосъ оры.* Тифлисъ, 1881 г., стр. 192.

эпохи чаще всего въ народномъ сознаниі вспыхивала вѣра въ пришествіе антихриста, въ близкій конецъ міра. Эта вѣра не разъ эпидеміей охватывала Европу, во всѣхъ и всюду возбуждая панической ужасъ и трепеть.

То же самое происходило и у насъ, въ Россіи. Мысль объ антихристѣ, о скоромъ его пришествіи и даже о появленіи его на землѣ не разъ возникала въ русскомъ народѣ въ тяжелыя години его исторической жизни. Съ особенною же яркостью эта мысль проявлялась среди раскольниковъ и сектантовъ.

Какъ только разносилась вѣсть о пришествіи антихриста, о близости страшнаго суда, немедленно же появлялись «гробополагатели»; такъ назывались люди, которые, облекшись въ саванъ, ложились въ гробъ и въ такомъ положеніи ожидали страшнаго суда. Лежа въ гробу, они заунывно и пискливо напѣвали:

Древянь гробъ сосновый,
Ради меня строенъ;
Въ немъ буду лежати,
Трубна гласа ждати...

Подобнымъ настроеніемъ народа не разъ пользовались ловкіе люди, разные проходимцы для своихъ личныхъ, корыстныхъ цѣлей.

Такъ, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, подѣ Москвою, въ деревнѣ Гуслицахъ, одинъ чернобольскій монахъ, Илья, проповѣдывалъ «кончину міра». Приходя къ старухамъ и бабамъ, онъ плакалъ и говорилъ: «Скоро, скоро будетъ скончаніе міра и общее воскресеніе!... Покайтесь убо, бросьте всѣ домашнія работы: скоро настанетъ тотъ страшный день... Молитесь Богу и встрѣчайте Христа!»

Повѣрившіе этой проповѣди «были готовы на все, такъ что иной, по глупости, бросая все, остался въ одной рубашкѣ». Подготовивъ почву, Илья велѣлъ всѣмъ собраться въ одинъ домъ, началъ службу, зажегъ великое множество свѣчъ и ладономъ курилъ непрестанно. Такимъ образомъ, онъ морилъ людей въ теченіе нѣсколькихъ дней непрерывно, «чѣмъ умучилъ ихъ до полусмерти». Тогда Илья сказалъ имъ: «сегодня ночью, въ такомъ-то часу, придетъ Христосъ... Ложитесь всѣ во гробы; вы уже теперь больше не живы».

Измученные люди, залегши въ гроба, скоро уснули и проспали часъ, назначенный пророкомъ. Проснувшись, они услыха-

ли лишь ревѣ голодной скотины, которой они давно не давали корму. Вставши изъ гробовъ, они увидѣли, что свѣчи всѣ сгорѣли, ладонь потухъ, а пророка и слѣдъ простылъ: «обобравши у глауцновъ сихъ остатки (ихъ имущества), онъ утекъ проповѣдывать во ину весь» *).

Мысль объ антихриствѣ, о скорой кончинѣ міра до сихъ поръ еще таится въ народныхъ массахъ и нерѣдко бываетъ достаточно самаго незначительнаго толчка, чтобы она проснулась съ новою силой.

Въ расколѣ стремленіе къ отшельничеству, между прочимъ, выразилось въ «келейничествѣ»; такъ называется обычай, особенно распространенный среди бѣспоповцевъ и, притомъ, главнымъ образомъ, среди женщинъ.

Въ Ярославской губерніи, въ пятидесятыхъ годахъ, пожилыя дѣвицы и женщины во множествѣ шли спасаться въ кельи, небольшія избы, устроенныя обыкновенно или позади родственныхъ домовъ, или въ сторонѣ отъ нихъ. Обитательницы этихъ избъ назывались «келейницами», потому что на нихъ смотрѣли, какъ на отшельницъ; тѣ изъ нихъ, которыя жила въ скитахъ, назывались «матушками». Онѣ пользовались уваженіемъ не только раскольниковъ, но и православныхъ. Многія изъ келейницъ выкупались на волю тайною помощью богатыхъ раскольниковъ.

Выкупленные на волю дѣвки-келейницы обыкновенно дѣлались ревностными пропагандистками раскола; онѣ читали и пѣли каноны, отвлекали крестьянъ отъ церкви, «съ дерзостію дѣйствовали противъ православія, открыто поносили духовенство, таинства и обряды церкви». Въ рукахъ этихъ дѣвокъ-келейницъ сосредоточивалось въ то время дѣло обученія дѣтей грамотѣ. «Руководствами при этомъ служили книги, нарочно печатанныя въ Петербургѣ и въ мѣстныхъ тайныхъ типографіяхъ, съ возмутительными и дерзкими поясненіями» въ духѣ раскола. Насколько сильно былъ распространенъ здѣсь обычай «келейничества», можно видѣть, между прочимъ, по тому факту, что въ одномъ Романовскомъ уѣздѣ келейницъ было открыто 2,374 **).

Иногда такія келейницы организовывали цѣлыя монастыри. Такъ, въ городѣ Солигаличѣ мѣщанка Прасковья Лазарева, по слухамъ, принадлежавшая къ сектѣ перекрещиванцевъ, устроила что-то

*) *Протоіерей Андрей Гоанновъ*: „Полное историческое извѣстіе о древнихъ строгоникахъ и новыхъ раскольникахъ“. Изданіе 5-е. Спб., 1855 г., стр. 62 и 63.

**) *Сборникъ правит. сенатскій о раскольникахъ*, т. II, стр. 13.

вродѣ монастыря въ своемъ домѣ; она носить названіе «матери игуменья»; другія сосѣдки ея пострижены, остальные до 25 считаются дѣвками. Всѣ онѣ собираются къ Лазаревой на молитву и поученіе и носятъ черное платье вродѣ подрясниковъ, постриженныя же—полное монашеское одѣяніе. Однако, и здѣсь на первомъ планѣ стоитъ пропаганда раскола, для которой Лазарева постоянно ѣздитъ по другимъ приходамъ *).

Къ этой группѣ явленій слѣдуетъ отнести и такъ называемое *стародѣвство*,—обычай, встрѣчающійся въ жизни раскольниковъ - поморянъ. Старыми дѣвами называются у поморянъ не только дѣйствительно старыя, но и вообще всѣ тѣ дѣвицы,—хотя бы даже онѣ были 10—15 лѣтъ,—которыя обречены своими родителями на безбрачную жизнь и которыя сами изъявили на то свое согласіе.

Съ момента такого «обреченія» старую дѣву уже можно отличить отъ прочихъ по ея костюму: она одѣваетъ черный плащъ и черный сарафанъ, отличный отъ обыкновеннаго покроя. Всѣ семейные относятся къ ней съ большимъ уваженіемъ. Всѣ они, не исключая отца съ матерью, не только исполняютъ всѣ желанія «старой дѣвы», но даже безпрекословно подчиняются ей въ извѣстныхъ случаяхъ. «Никто изъ семейныхъ не смѣетъ ничего сдѣлать ни дома, ни внѣ его, не испросивши предварительно благословенія старой дѣвы».

Въ зрѣлыхъ годахъ «старыя дѣвы» часто забираютъ въ свои руки все хозяйство и заправляютъ всеѣмъ домоѣ по своему усмотрѣнію. «Въ подобномъ случаѣ отецъ, естественный глава семейства, нерѣдко значить въ собственномъ своемъ домѣ не больше батрака... При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, по достиженіи совершеннолѣтія, лишь весьма немногія изъ старыхъ дѣвъ отличаются цѣломудріемъ» **).

Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ отшельничества аскетическія стремленія играютъ, собственно говоря, довольно подчиненную роль; на первомъ же планѣ стоитъ здѣсь стремленіе женской половины старообрядческаго населенія къ болѣе независимой и самостоятельной жизни, а также стремленіе къ пропагандѣ и распространенію раскола. Но отдѣльные, единичные случаи аскетическаго отшельничества нерѣдко можно встрѣтить и въ наше время.

*) *Idem*, стр. 25.

***) *Журналъ Министерства Юстиціи* 1867 г., № 1, стр. 181.

Лѣтомъ 1883 года газетами сообщалось, напримѣръ, о слѣдующемъ случаѣ отшельническаго аскетизма. Недалеко отъ села Груздева, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губ., въ глухомъ лѣсу уже лѣтъ пять живетъ «труженица», крестьянская дѣвушка, удалившаяся сюда, въ эти зеленныя дебри лѣсныя, отъ мірскихъ соблазновъ и житейской суеты. Живетъ она здѣсь «потаенно»; никому не показывается, лѣтомъ питается одними травами, грибами и ягодами, а по зимамъ ей носить хлѣбъ одна крестьянка изъ сосѣдней деревни. Для жительства себѣ она вырыла землянку на днѣ глубокаго сухаго оврага, густо поросшаго мелколѣсьемъ.

Много разъ мѣстные крестьяне видали ее въ лѣсу, пытались заговаривать съ нею, но она всегда отдѣлывалась упорнымъ молчаніемъ и убѣгала отъ людей. Одежды на ней почти нѣтъ никакой; рубашка и платье совсѣмъ «сотлѣли», а отъ сѣраго суконнаго зипуна остались одни лохмотья, которые едва прикрываютъ ея тѣло и ни въ какомъ случаѣ не могутъ защитить ее отъ зимняго холода и насѣкомыхъ въ жаркую лѣтнюю пору. Крестьяне много разъ предлагали ей одежду, пищу,—не беретъ. Мѣсто, гдѣ она живетъ, считается у крестьянъ неприкосновеннымъ и посѣщать его боятся. «Труженица» эта была прежде большая начетчица и занималась обученіемъ грамотѣ крестьянскихъ ребятъ.

Юродство, которое было такъ сильно распространено въ прежнее время на Руси, также, несомнѣнно, носить на себѣ печать аскетизма и полного пренебреженія ко всѣмъ условіямъ, требованіямъ и удобствамъ земной жизни. Но и въ этой средѣ встрѣчалось немало людей, которые прибѣгали къ юродству, какъ къ средству для пропаганды своихъ воззрѣній.

По свидѣтельству одного изслѣдователя раскола, «многіе изъ послѣдователей монтанской секты берутъ на себя обѣтъ странствовать въ видѣ смиренномъ, въ бѣдной одеждѣ, иногда босикомъ, иногда притворяясь нѣмыми, или безмолвниками, или юродивыми; подъ этимъ видомъ они ходятъ невозбранно по селеніямъ и распространяютъ секту; они называютъ себя странниками, скитальцами» *).

Въ крѣпостное время къ юродству прибѣгали многіе крестьяне, бѣжавшіе отъ своихъ господъ. Сами помѣщики того вре-

*) Сборникъ правит. свѣд. о раскол., т. II, стр. 79.

меня относились къ юродивымъ болѣе мягко, съ сожалѣніемъ и охотно давали имъ пріютъ и кровъ въ своихъ усадьбахъ. Этимъ нерѣдко пользовались сектанты, скрывавшіеся подъ личиною юродства, для распространенія своихъ ученій. Вотъ, на примѣръ, какой случай былъ въ сороковыхъ годахъ въ Симбирской губерніи.

Въ городѣ Алатырѣ жила барышня, «дочь благородныхъ и набожныхъ родителей», только что окончившая курсъ въ Смольномъ институтѣ; въ домъ къ нимъ заходилъ *нѣмой* юродивый, молодой и красивый мужчина, лѣтъ 25-ти; ему подавали всегда угощеніе и надѣляли деньгами. Однажды, во время закуски юродиваго, институтка осталась съ нимъ вдвоемъ въ комнатѣ и любовалась его выразительной фізіономіей, роскошными волосами и атлетической фигурой. Вдругъ нѣмой юродивый обращается къ ней, и обращается съ рѣчью на французскомъ языкѣ.

— Вотъ, сударыня, — сказалъ онъ, — по вашимъ святымъ, числымъ и дѣвственнымъ молитвамъ Господь не только развязалъ мнѣ языкъ, но и надѣлилъ разумомъ и даромъ разныхъ глаголовъ... — И затѣмъ началъ говорить по-русски очень умно и краснорѣчиво, но просилъ никому не сообщать объ «этой благодати».

Не трудно себѣ представить изумленіе бѣдной институтки: отъ неожиданности и удивленія она долго не могла опомниться, не могла вымолвить слова, точно сама превратилась въ нѣмую юродивую. Такъ поразило ее чудо, совершившееся на ея глазахъ. Послѣ этого чаще и чаще началъ навѣщать институтку загадочный молодой человекъ, говорилъ съ ней одинъ на одинъ о возвышенныхъ божественныхъ предметахъ въ мистическомъ направленіи, а при другихъ, попрежнему, хранилъ гробовое молчаніе.

Горячія рѣчи о любви Христовой, о наступленіи между людьми царства Божія на землѣ, о пребываніи Св. Духа внутри человека «воспламенили молодую дѣвушку до того, что она стала раздѣлять съ мнимымъ юродивымъ любовь земную»... Связь эта тянулась недолго: нѣмага юродиваго арестовали за распространеніе секты «людей божіихъ» и за побѣгъ отъ симбирскаго помѣщика изъ Парижа, гдѣ онъ долгое время жилъ помощникомъ повара. Такое неожиданное открытіе для восторженной, впечатлительной и, въ то же время, гордой барышни оказалось подавляющимъ и она отравилась *).

*) Историческій Вѣстникъ 1880 г., № 11, стр. 569.

Величайшимъ подвигомъ отшельничества считается обреченіе себя на вѣчное молчаніе. Среди схимниковъ, находящихся въ разныхъ монастыряхъ, изрѣдка можно встрѣтить людей, которые произнесли обѣтъ вѣчнаго молчанія.

Въ расколѣ существуетъ цѣлая секта, — правда, крайне малочисленная, — которая главнымъ условіемъ спасенія считаетъ молчаніе. Священникъ г. Сарапула, дѣйствительный членъ Императорскаго русскаго географическаго общества Н. Н. Блиновъ, сообщалъ мнѣ въ 1882 году, что «не болѣе какъ два года назадъ въ Сарапулѣ появилась новая секта «молчальниковъ», о которой еще нигдѣ официально не заявлялось, такъ какъ мѣстнымъ властямъ до сихъ поръ не удалось узнать о ней ничего достовѣрнаго». Къ сектѣ молчальниковъ примкнуло нѣсколько человекъ изъ мѣщанъ города Сарапула, но въ чемъ именно состоитъ ученіе этой секты — отцу Блинову, къ сожалѣнію, также не удалось узнать.

О существованіи молчальниковъ впервые сдѣлалось извѣстно изъ процесса, разбиравшагося, лѣтъ десять тому назадъ, въ саратовскомъ окружномъ судѣ. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли мѣщане посада Дубовки, Акимъ Романовъ Богатенковъ, Василій Царѣновъ Киселевъ и жена послѣдняго, Анна Гаврилова. Немало хлопотъ судьямъ надѣлали эти странные люди.

Началось съ того, что они отказались войти въ залу суда. Ихъ ввели силою, силою посадили на скамью.

— Подсудимый Богатенковъ, — вызываетъ предсѣдатель.

Богатенковъ ни съ мѣста.

— Какъ ваше имя, отчество и званіе? — продолжаетъ предсѣдатель.

Богатенковъ хранить гробовое молчаніе

— Сколько вамъ лѣтъ отъ роду?... Получили ли обвинительный актъ?

А Богатенковъ молчитъ, какъ убитый. То же самое продѣлали и всѣ остальные подсудимые: ни на одинъ изъ вопросовъ они не сказали ни одного слова, не издали ни одного звука. Обстоятельство это, однако, не помѣшало состояться процессу. Прокуроръ энергически требовалъ для подсудимыхъ строгаго и примѣрнаго наказанія.

— Что вы имѣете сказать въ свое оправданіе? — спрашивалъ подсудимыхъ предсѣдатель, готовясь удалиться для постановленія роковаго приговора.

Но подсудимые и тутъ не вымолвили ни слова. Молча и, казалось, совершенно безучастно выслушали они обвинительный приговоръ, который обрекалъ ихъ на далекую ссылку, и только тогда обнаружили нѣкоторое оживленіе, когда предсѣдатель приказалъ конвою отвести ихъ обратно въ тюрьму: они быстро поднялись со своихъ мѣстъ и, видимо, поспѣшили поскорѣе оставить залу суда *).

X.

Духовная пляска.

Русское крестьянство, наряду съ сектами рационалистическаго характера вродѣ молоканства и штунды, создало также немало сектъ съ болѣе или менѣе опредѣленной и яркой мистической окраской; таковы, напримѣръ, хлысты или сѣрые голуби, скопцы или бѣлые голуби, шалапуты или богомолы, прыгуны, скакуны, монтане, спасово согласіе, поцѣлуйки, серафимовичи и серафимовны или «избранные братья и сестры», искупители Христа, молчалъники и т. д.

Бѣ сожалѣнію, всѣ эти секты до сихъ поръ обслѣдованы весьма недостаточно.

Необходимо, однако, замѣтить, что изученіе мистическихъ сектъ представляетъ особенную, огромную трудность въ виду той строжайшей тайны, въ которую всегда облакаются эти секты. Съ каждаго вступающаго въ хлыстовскую или скопческую секту отбирается торжественная клятва или присяга, точно дѣло идетъ о поступленіи въ какое-нибудь тайное общество.

«Клянусь душою своею, — долженъ говорить новообращенный, — претерпѣть плети, вѣнуть, огонь, топоръ, плаху и всякую муку, а отъ вѣры нашей святой не отставать, и о томъ, что увижу и услышу, никому не открывать, ни даже отцу родному, ни отцу духовному».

Въ свою очередь, такая замѣнутость и таинственность хлыстовъ и скопцовъ выработалась, благодаря, конечно, тѣмъ систематическимъ преслѣдованіямъ и стѣсненіямъ, которыя особенно въ прежнее время практиковались по отношенію къ послѣдователямъ этихъ сектъ. Стѣсненія эти не могли не вліять демо-

*) Краткій отчетъ объ этомъ процессѣ былъ въ свое время помѣщенъ въ газетахъ. Приведенный нами разсказъ объ этомъ дѣлѣ былъ сообщенъ намъ въ Саратовѣ, въ 1881 году, И. В. Марковымъ.

рализующимъ образомъ на характеръ сектантскаго населенія, развывая въ немъ скрытность, двуличность, лицемеріе и т. п. чувства. Хлысты, скопцы и монтане наружно являются обыкновенно самыми рьяными и усердными исполнителями обрядовъ и правилъ православной церкви.

— Монтанъ,—говорилъ намъ священникъ села Воскресенскаго, Самарскаго уѣзда, отецъ Терновскій,—приходитъ въ церковь раньше всѣхъ и уходитъ поздное всѣхъ; онъ ниже всѣхъ кладетъ поклоны и усерднѣе всѣхъ ставитъ свѣчи. Глядя на него, вы никакъ не подумаете, что предъ вами стоитъ заклятый врагъ православной вѣры.

Въ основѣ ученія сектъ хлыстовскаго характера лежитъ, прежде всего, сознаніе грѣховности физической природы человѣка; отсюда аскетическія стремленія хлыстовщины. «Человѣкъ,—говорятъ хлысты,—состоитъ изъ души и тѣла. Душа создана Богомъ, она свята и непорочна, но тѣло искажено грѣхопадениемъ первыхъ людей, поэтому оно порочно и грѣховно». Нѣкоторые сектанты идутъ въ этомъ случаѣ еще дальше и доказываютъ, что тѣло создано дьяволомъ.

Аскетическія стремленія хлыстовъ ярче всего выразились въ ихъ взглядѣ на взаимныя отношенія мужчины и женщины. Хлысты безусловно отрицаютъ всякаго рода плотскую любовь, хотя бы она освящалась законными браками. Супружеское сожитіе хлысты считаютъ наравнѣ съ беззаконнымъ прелюбодѣніемъ, указывая на слова Спасителя: въ воскресеніи не женятся, не посягаютъ, но яко ангели; хлысты же считаютъ себя таинственно воскресшими. По ихъ мнѣнію, первый человѣкъ согрѣшилъ не тѣмъ, что вкусилъ плодъ отъ древа познанія добра и зла, а именно тѣмъ, что онъ, увлекшись Евой, вступилъ съ ней въ супружескую связь.

Среди хлыстовъ строго воспрещается мясная пища, вино, табакъ, картофель, лукъ и чеснокъ. Одежда должна быть возможно проще; яркіе цвѣта, а также всякія украшенія вродѣ серегъ, ожерелій и колець безусловно воспрещаются. Хлысты изнуряютъ тѣло продолжительнымъ постомъ, тяжелыми веригами, сильными тѣлодвиженіями вродѣ прыжковъ, скаканья, круженья и т. п. Они стараются довести себя до состоянія восторженнаго изступленія.

Радѣнія хлыстовъ и ихъ «духовная пляска» имѣютъ значеніе, прежде всего, аскетическое; прыганье, скаканье и круженье

предпринимаются съ цѣлью изнуренія плоти. На эту цѣль указываютъ и тѣ припѣвы, которыми обыкновенно сопровождаются хлыстовскія радѣнія:

Богу порадайте,
Плотей не жалѣйте,
Марѳу не щадите,
Богу послужите!

Евангельская Марѳа, по понятіямъ хлыстовъ, есть аллегорическое имя плоти, подобно тому, какъ подъ Маріей, ея сестрой, нужно разумѣть душу *). Въ нѣкоторыхъ «корабляхъ» или общинахъ хлыстовскихъ было введено хлыстаніе или бичеваніе себя и другихъ.

Въ какой же именно средѣ, на какой почвѣ возникло это странное ученіе «умерщвленія плоти»? Кто были первые проповѣдники и распространители этого ученія? Вотъ что отвѣчаетъ на эти вопросы одинъ изъ официальныхъ изслѣдователей «тайныхъ сектъ», г. Реутскій.

Первыми руководительницами и главными наставницами хлыстовъ были старицы и бѣлицы знаменитѣйшихъ московскихъ монастырей. Первыми и самыми ревностными послѣдователями ереси хлыстовъ были старцы, старицы, бѣлицы и монастырскіе крестьяне. Въ корабль извѣстнаго хлыста Суслова было нѣсколько старицъ. Первые, пойманные въ Углицкомъ уѣздѣ въ 1717 году хлысты были монастырскіе крестьяне, и сборище ихъ было въ монастырской же деревнѣ. Въ числѣ 50 хлыстовъ, задержанныхъ въ 1733 году, оказалось 13 человекъ старцевъ и старицъ и гораздо болѣе того монастырскихъ крестьянъ. Изъ числа 416 хлыстовъ, бывшихъ подъ слѣдствіемъ въ 1745—1752 годахъ, старцевъ, старицъ и бѣлицъ оказалось около 75 человекъ и около 130 монастырскихъ крестьянъ, слѣдовательно, половина на половину.

Пропаганда въ монастырской средѣ извѣстнаго хлыстовскаго пророка юродиваго Андреяна Петрова имѣла огромный, необыкновенный успѣхъ. Женскій Варсанофьевскій монастырь всецѣло, даже съ игуменьей, принялъ его ученіе. Ивановскій монастырь также почти въ полномъ составѣ перешелъ въ хлыстовскую секту. Множество послѣдователей и послѣдовательницъ хлыстовщины оказалось и въ другихъ монастыряхъ московскихъ и под-

*) Н. Барсовъ: „Русскій престопагодоный мистичизмъ“. Слб., 1869 г., стр. 35.

московныхъ; особенно же много ихъ было въ женскихъ монастыряхъ: Никитскомъ, Егорьевскомъ, Страстномъ, Рождественскомъ и въ мужскихъ: Чудовскомъ, Николаевскомъ, въ Богословской пустыни и т. д.

Первоначальнымъ возникновеніемъ хлыстовской секты въ средѣ низшаго монастырскаго слоя, — говорить г. Реутскій, — вполне объясняется и то обстоятельство, что вся обрядовая внѣшность этой секты заимствована хлыстами изъ монастырскихъ уставовъ и обычаевъ. Отрицаніе мясной пищи, черный цвѣтъ платья, привѣтствованіе братій низкими поклонами на всѣ стороны, земные поклоны и цѣлованіе руки у учителей и наставниковъ, замѣнутость жизни, — все это заимствовано хлыстами изъ монастырскихъ обычаевъ *).

Даже и въ болѣе близкое къ намъ время монастырская братія не перестаетъ выдѣлять изъ своей среды руководителей и основателей разныхъ сектъ и толковъ мистическаго характера.

Такъ, съ 1825 года стали было открыто дѣйствовать въ пользу мистицизма два монаха — Авель и Лампадъ, но не долго: въ 1833 году они были схвачены и сосланы въ заточеніе въ Суздальскій монастырь, гдѣ они въ томъ же году и умерли.

Около этого же времени, а именно въ 1831 году, въ Сибири, за Байкаломъ, въ Иркутскѣ, Селенгинскѣ и Кяхтѣ среди богатыхъ гражданъ образовалась секта крайне мистическаго характера, во главѣ которой всталъ настоятель Селенгинскаго монастыря, іеромонахъ Израиль, молодой, красивый мужчина съ горячей, страстной рѣчью. Въ кельяхъ настоятеля собирались по ночамъ его послѣдователи, предъ которыми Израиль произносилъ длинныя рѣчи: о внутренней церкви, о бесполезности таинствъ и обрядовъ, «о вниманіи къ свѣту, свѣтящемуся во тьмѣ природы человѣческой, объ озареніи ума и сердца свѣтильникомъ, сіяющимъ во глубинѣ нашего духа» и т. д., и т. д. Три года проповѣдывалъ Израиль туманныя идеи туманнаго мистицизма; но въ 1834 году онъ былъ арестованъ, ученіе его было признано ересью и предано проклятію, а самого его лишили священства, отлучили отъ церкви, какъ еретика, и сослали въ заточеніе въ Соловецкій монастырь.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Псковской губерніи появилась секта «избранныхъ братій и сестеръ», основателемъ

*) Реутскій: „Люди божьи и скопци“. Москва, 1872 г., стр. 25.

которой былъ іеромонахъ Серафимъ. Сущность ученія этой секты весьма близко подходит къ ученію ирвингянъ, ежеминутно ожидающихъ пришествія Христа. Заручившись послѣдователями, Серафимъ бросилъ монастырь и бѣжалъ въ нарочно устроенный для него скитъ. Но здѣсь онъ былъ выслѣженъ мѣстной полиціей, арестованъ и сосланъ, если не ошибаемся, также въ Соловки.

Среди руководителей хлыстовъ можно также встрѣтить и представителей блага духовенства. Такъ, на примѣръ, въ 50-хъ годахъ видную роль въ хлыстовской сектѣ игралъ священникъ села Болотова, Костромской губерніи, Алексѣй Дороеевъ. Онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ главной хлыстовской наставницей Ульяной Васильевой и совратилъ въ эту секту жену и двухъ сестеръ своихъ. Онъ держалъ у себя развѣзжихъ лошадей и постоянно ѣздилъ на ночныя собранія хлыстовъ къ Ульянѣ Васильевой *).

Преслѣдованія и стѣсненія сектантовъ въ прежнее время весьма сильно способствовали развитію среди нихъ идей и возрѣній крайняго мистицизма, которымъ особенно увлекались натуры сосредоточенныя, углубленныя въ свой внутренній, духовный міръ. Люди, у которыхъ разбивались всѣ житейскія привязанности, нарушались всѣ земные, жизненные интересы, невольно начинали искать себѣ утѣшеніе въ заоблачныхъ мечтаніяхъ туманнаго мистицизма. Этимъ обстоятельствомъ въ значительной степени слѣдуетъ объяснить быстрое развитіе сектъ вроде хлыстовъ, шалопутовъ, спасова согласія, а также возникновеніе новыхъ сектъ съ тѣмъ же мистическимъ характеромъ.

Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить исторія возникновенія секты прыгуновъ, появившейся въ началѣ пятидесятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ Закавказьи, среди молканъ, сосланныхъ туда изъ Тамбовской и Саратовской губ.

Переселенцы сразу попали въ совершенно чуждую имъ среду и обстановку. Со всѣхъ сторонъ ихъ окружала сплошная масса армяно-татарскаго населенія. Это было сдѣлано съ цѣлью, чтобы парализовать вредъ, который могли принести молкане своей пропагандой. Одинокіе, заброшенные, преслѣдуемые, сектанты, не находя кругомъ ни участія, ни поддержки, естественно должны были всѣ свои помыслы, всѣ свои надежды сосредоточить на религіи. И вотъ, подъ вліяніемъ непрестанныхъ толчковъ и уда-

*) *Оборникъ правит. судній о расколѣ*, т. II, стр. 17.

ровъ суровой судьбы, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ тяжелыхъ условій жизни молоканскій раціонализмъ постепенно и мало-помалу уступаетъ мѣсто туманно-мистическому настроенію.

Изъ нѣкоторыхъ молоканскихъ собраній выдѣляются наиболѣе усердные моельщики и начинаютъ устраивать свои собственные собранія. Придерживаясь правилъ молоканства, они старались исполнять эти правила какъ можно строже. Переходя отъ поста къ молитвѣ и отъ молитвы къ посту, эти «ревнители истинной и чистой вѣры», какъ они себя называли, скоро дошли до прямого общенія съ Св. Духомъ. Сначала Духъ сошелъ на одного, потомъ на другаго, потомъ на многихъ; сошествіе Духа выражалось въ томъ, что осѣненные имъ тутъ же въ собраніи начинали вздрагивать, кривляться, ломаться и, наконецъ, прыгать.

Обыкновенно Духъ Святой сходитъ къ концу собранія, послѣ продолжительнаго моленія, чтенія священнаго писанія и пѣнія разныхъ молитвъ. Сошествіе Духа всегда сопровождается видимыми знаками: прежде всего, лица покрываются блѣдностью, слышится усиленное дыханіе, затѣмъ начинается раскачиваніе тѣломъ и ёрзанье по лавкѣ, потомъ притаптываютъ ногами, оставаясь въ сидячемъ положеніи, потомъ припрыгиваютъ на мѣстѣ, непременно въ тактъ пѣсни, и, наконецъ, начинаются скачки и прыжки, завершаемые болѣею частью тяжеловѣснымъ громаханьемъ объ полъ.

Нѣкоторые, покачавшись на лавкѣ, вскакиваютъ и сразу начинаютъ бѣсноваться; другіе не идутъ далѣе раскачиванія на мѣстѣ и, покачавшись, вдругъ грохаются объ полъ, сильно ударяясь лбомъ, и лежатъ такъ полчаса и болѣе. Нѣкоторые, сидя на мѣстѣ, громко, можно сказать, театрално рыдаютъ или также театрално-ходульнымъ шагомъ ходятъ по собранію, размахивая руками и обводя всѣхъ побѣдоносными взглядами. Распрыгавшіеся мужики и бабы поднимаютъ въ тѣсной хатѣ неимоверную возню. Кружась, сталкиваясь, падая на полъ, вновь поднимаясь, взвизгивая и вскрикивая, всѣ эти люди, въ то же время, сохраняютъ на лицахъ выраженіе чрезвычайной серьезности и озабоченности.

Особеннымъ экстазомъ и страшнымъ напряженіемъ нервовъ отличаются торжественныя собранія прыгуновъ, устраиваемыя по поводу обращенія въ ихъ секту новыхъ прозелитовъ или же по поводу пріѣзда единовѣрцевъ изъ другихъ мѣстъ.

На подобныхъ собраніяхъ «братья» и «сестры» горько рыдаютъ и съ видимымъ сокрушеніемъ повергаются на землю, оставаясь въ такомъ положеніи не менѣе четверти часа. Подъ вліяніемъ общаго плача и воя читальникъ съ особымъ чувствомъ и увлеченіемъ читаетъ молитвы; въ голосѣ его слышатся сдержанныя рыданія; онъ часто и глубоко вздыхаетъ; въ глазахъ его стоятъ слезы. Болѣе часа продолжается эта сцена, невольно дѣйствующая на самые сильные нервы. Бабы рыдаютъ и голосятъ, мужики сдержанно всхлипываютъ и, кладя земные поклоны, крѣпко припадаютъ лбомъ къ землѣ.

Наконецъ, молитвенникъ умолкаетъ. Крупныя слезы бьются по его сѣдой бородѣ. Воздѣвая руки къ небесамъ, онъ повергается во прахъ и собраніе оглашается новымъ плачемъ и стонами. Затѣмъ все успокоивается; наступаетъ мертвая тишина. Пѣвцы затягиваютъ что-то до крайности заунывное, жалобное и, въ то же время, мрачное. Это пѣніе становится все тише, все заунывнѣе и, наконецъ, за общимъ рыданіемъ, прекращается. Во время пѣнія Духъ Святой сходитъ на нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, преимущественно женщинъ, которыя начинаютъ прыгать и ломаться. Но съ прекращеніемъ пѣнія все смолкаетъ; наступаетъ длинная пауза; всѣ сидятъ на лавкахъ, отирая потъ, сморкаясь и оправляя растрепавшіяся одежды.

Вдругъ вновь все приходитъ въ движеніе. Нѣсколько человекъ разомъ грянуло пѣніе почти плясоваго характера, хотя и духовнаго содержанія. Всѣ, кто только можетъ, т.-е. около кого есть свободное мѣсто, начинаютъ прыгать и кружиться. Принужденные, по тѣснотѣ, сидѣть или стоять на мѣстѣ, хлопаютъ въ ладоши и раскачиваются. Пѣвцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гикаютъ и вскрикиваютъ. Пылъ въ хатѣ стоитъ столбомъ. Многіе, придя въ совершенное изнеможеніе, растянулись на полу, преимущественно подъ лавками. Вотъ одинъ прыгунъ разодразъ на себѣ рубаху и огромнымъ кулакомъ колотитъ въ свою обнаженную грудь, не переставая называть себя окаяннымъ. У всѣхъ лица вытянуты, всѣ какъ будто похудѣли. И немудрено, такъ какъ подобныя собранія нерѣдко продолжаются въ теченіе пяти часовъ. Тѣмъ не менѣе, утромъ, на зарѣ, всѣ своимъ чередомъ отправляются на полевые работы, гдѣ и проводятъ время до заката солнца *).

*) „Прыгуны“. *Отечественныя Записки* 1878 г., № 10.

Прыгунство особенно оживилось съ появленіемъ «царя духовъ», Максима Рудометкина, который училъ, что настало время пришествія Спасителя, а, вмѣстѣ съ этимъ, и время наступленія 1000-лѣтняго царствованія на землѣ, и что поэтому ни о чемъ земномъ теперь заботиться и беспокоиться не нужно. Слѣдуетъ во всемъ брать примѣръ съ птицъ небесныхъ, которыя «не съютъ и не жнутъ», слѣдуетъ опочить отъ дѣлъ и трудовъ, такъ какъ съ ними неразлучны разнаго рода грѣхи и преступленія.

Проповѣдь «объ оставленіи всѣхъ земныхъ попеченій» имѣла на первыхъ порахъ полный успѣхъ. Всѣ послѣдователи Рудометкина и самъ онъ, во главѣ, оставили свои обыкновенныя занятія и ремесла и начали молиться и приготовляться къ 1000-лѣтнему блаженству, питаюсь подаяніемъ. Рудометкинъ самъ первый подалъ примѣръ этому: будучи отличнымъ колесникомъ, онъ сложилъ въ сторону свой инструментъ и приступилъ къ сбору милостыни.

Рука объ руку съ этимъ мистическимъ направленіемъ шли подвиги чисто-аскетическаго характера.

Сіонцы села Константиновки каждую ночь собирались въ какой-либо домъ и, вызвавъ сошествіе Св. Духа, начинали пемилосердное самоистязаніе, сопровождаемое отчаяннымъ прыганьемъ, дикимъ крикомъ и пронзительными взвизгиваніями. Въ полномъ изнеможеніи падали они на землю, бились объ нее лбомъ, разбивались до крови, раздирали одежды, вырывали себѣ волосы. По словамъ постороннихъ лицъ, на сіонцевъ въ это время нападало положительное бѣшенство.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда Духъ Святой долго не являлся, константиновскіе сіонцы старались вызвать его подвижничествомъ. Начинался поголовный постъ въ видѣ совершеннаго голоданья. Сіонцы не принимали вовсе ни пищи, ни воды по четыре и по пяти дней. Жены ихъ по большей части слѣпо подражали своимъ мужьямъ и постились до полного истощенія силъ. «На улицѣ села нерѣдко появлялись живые мертвецы въ образѣ человѣческомъ. За едва волочащимъ ноги сіонцемъ тащилась испостившаяся его жена, неся на рукахъ груднаго ребенка, едва не умпрающаго на высохшей груди матери».

Мѣстные власти доносили, что установившіеся среди прыгунновъ «обряды ведутъ къ совершенному истощенію и разстройству физическихъ силъ сектантовъ, за каковымъ пеминуемо должно послѣдовать хозяйственное разореніе и обѣднѣніе, въ которое

жители, по всѣмъ вѣроятіямъ, придутъ въ весьма короткій срокъ, такъ какъ прыгунская пропаганда, съ появленіемъ Рудометкина, пошла особенно успѣшно. Многіе изъ прыгуновъ и особенно главные дѣятели оказались уже совершенно неспособными къ работѣ вслѣдствіе физическаго истощенія организма и постоянныхъ нервныхъ и половыхъ возбужденій *)).

Почти полное сходство по ученію и характеру съ сектою «сіонцевъ» представляетъ секта скакуновъ, которая впервые сдѣлалась извѣстною въ Россіи въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Первоначально она появилась среди крестьянъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ селѣ Ропшѣ, С.-Петербургской губерніи, отсюда вскорѣ перешла въ Петербургскій, Ямбургскій и Царскосельскій уѣзды, а впослѣдствіи проникла и въ Гдовскій.

О происхожденіи этой секты существуютъ два различныя мнѣнія: одни утверждаютъ, что секта скакуновъ занесена къ намъ изъ Финляндіи, нарочно пріѣзжавшими съ этой цѣлью учителями; по мнѣнію другихъ, эта секта является отголоскомъ и результатомъ извѣстнаго ученія Татариновой и ея сподвижника, тайнаго совѣтника Попова.

Въ печати встрѣчались извѣстія о томъ, что секта эта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Царскосельскаго уѣзда «увеличивается съ каждымъ годомъ». Хотя сектанты по большей части чухны, но они привлекаютъ въ свою секту и русскихъ крестьянъ, особенно женщинъ **).

Прежде всего, скакуны, какъ и сіонцы, совершенно отвергаютъ бракъ. Опираясь на нѣкоторыя событія священнаго писанія (сожителство Лота съ дочерью, 300 женъ и столько же наложницъ царя Соломона), они не признаютъ брака и хотя, для отклоненія отъ себя подозрѣній, вступаютъ въ бракъ, но семейной жизни всячески избѣгаютъ. Нѣкоторые увѣряютъ, что ревностные изъ скакуновъ даже оскопляютъ себя. Замѣчательно, что въ деревняхъ, гдѣ была развита эта секта, народонаселеніе уменьшается.

Молитвенныя собранія скакуновъ обыкновенно сопровождаются радѣніями, которыя происходятъ слѣдующимъ образомъ. Главный наставникъ, стоя въ срединѣ, въ бѣлой одеждѣ, читаетъ молитвы на чухонскомъ языкѣ обыкновеннымъ голосомъ, переходя-

*) Idem.

**) Гдовско-Ямбургскій Листокъ 1873 г., январь.

щимъ постепенно въ веселый напѣвъ. Слушатели вторятъ ему. Когда онъ замѣтитъ, что торжественность напѣва достаточно подействовала на присутствующихъ, то начинаетъ слегка привскакивать. Слушатели и въ этомъ подражаютъ ему; восторгъ постепенно увеличивается, растетъ все болѣе и болѣе, выражаясь возможно высокими скачками и прыжками. Иные доходятъ до изступленія, скачутъ на четверенькахъ и кричатъ почти дикимъ голосомъ. Скачутъ всегда попарно, мужчина съ женщиной, взявшись за руки, болѣею частью по предварительному согласію, и когда уже сильно устанутъ и наставникъ объявитъ, что онъ слышитъ въ небѣ пѣніе ангеловъ, то на томъ же мѣстѣ ложатся спать попарно... Что бы ни случилось при этомъ—за грѣхъ не считается.

Подобно хлыстамъ, скакуны не употребляютъ спиртныхъ напитковъ, не ѣдятъ мяса и вообще очень воздержны въ пищѣ. Лица у нихъ блѣдныя и осунувшіяся, такъ что ревностнаго скакуна всегда можно узнать съ перваго взгляда. Они носятъ одноцвѣтную бѣлую, синюю или черную одежду и избѣгаютъ цвѣтной. Дѣвушки подстригаютъ волосы и не носятъ ни серегъ, ни бусъ, а замушнія и головныхъ повязокъ.

Въ настоящее время юго-востокъ Россіи охваченъ новымъ религіознымъ движеніемъ, вызваннымъ ученіемъ секты, получившей среди православныхъ странное названіе «шалопутовъ». Движеніе это особенно значительно въ южныхъ уѣздахъ Тамбовской и Воронежской губерній, затѣмъ въ Землѣ Войска Донскаго, въ Ставропольской губерніи, въ Терской и Кубанской областяхъ и, наконецъ, на Кавказѣ.

Секта шалопутовъ въ первое время своего возникновенія имѣла крайне мистическій характеръ и, по сущности своего ученія, была весьма близка къ сектѣ хлыстовъ, вслѣдствіе чего во многихъ мѣстностяхъ народъ не дѣлалъ никакого различія между этими двумя сектами. Но въ послѣднее время въ ученіи шалопутовъ, судя по извѣстіямъ, появляющимся въ печати, замѣтно прогрессивное движеніе: мистическій элементъ въ этой сектѣ постепенно блѣднѣетъ и въ ней все сильнѣе и ярче выступаютъ стремленія, говорящія больше о землѣ, чѣмъ о небѣ.

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что во многихъ мѣстахъ и до сихъ поръ шалопутство вполне сохраняетъ свой первоначальный мистико-аскетическій характеръ. Такъ, еще недавно газетой *Заря* сообщались слѣдующія свѣдѣнія о шалопутахъ Кобеля-

скаго уѣзда, Полтавской губерніи. По ученію тамошнихъ шалопутовъ, требуется отреченіе не только отъ богатства, но и отъ всякаго матеріальнаго достатка, запрещается мясная пища, вино, куреніе и настойчиво рекомендуется полное отрѣшеніе отъ всякихъ благъ земныхъ.

На крестьянахъ Кобелякскаго уѣзда, принявшихъ ученіе шалопутовъ, оно отражается весьма печально. Отказываясь отъ міра сего, они перестаютъ интересоваться даже своимъ хозяйствомъ, по своему понимая извѣстныя слова св. писанія о птицахъ небесныхъ. Въ мѣстечкѣ Китай-городъ есть до шести семействъ, которыя буквально обнищали, тогда какъ до поступленія въ секту были зажиточными хозяевами.

Далѣе, по увѣренію корреспондента *Зари*, вліяніе шалопутства вредно отзывается не на одномъ только матеріальномъ достаткѣ крестьянъ, но и на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, а именно ученіе шалопутовъ поселяетъ разладъ въ семьѣ. Молодымъ парнямъ и дѣвушкамъ запрещаютъ пѣть пѣсни, ходить на «улыцію», препятствуютъ вступленію въ бракъ. Одинъ сектантъ-фанатикъ долгое время убѣждалъ свою дочь, шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, принять обѣтъ дѣвственности. Когда дѣвушка, уступая настойчивымъ убѣжденіямъ отца, дала слово никогда не выходить замужъ, онъ не ограничился этимъ, а потребовалъ, чтобы она поступила въ монастырь г-жи С—ой, въ Еватеринославской губерніи, гдѣ находятъ себѣ убѣжище шалопуты. Дѣвушка не соглашалась на это, плакала и даже пробовала нѣсколько разъ уходить изъ дому. Но ее находили и вновь преслѣдовали убѣжденіями отречься отъ міра *).

Секты съ болѣе или менѣе аскетическимъ характеромъ и до сихъ поръ не перестаютъ возникать въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Не дальше какъ въ концѣ прошлаго 1884 года, по сообщенію газеты *Заря*, въ Уманскомъ уѣздѣ, Киевской губерніи, появилась особаго рода секта іерусалимитовъ, съ чисто-монашескимъ характеромъ. Іерусалимиты не ѣдятъ ничего мяснаго, не пьютъ водки и всѣ поголовно *противъ семейной жизни*. Между собою сектанты дружелюбны, съ другими униженно вѣжливы. Бѣдность одолеваетъ ихъ; но они ни мало не тяготеютъ ею, признаютъ ее лучшимъ украшеніемъ христіанина.

*) *Русскія Вѣдомости* 1885 г., № 94.

Всякій послѣдователь этой секты считаетъ своею непремѣнною обязанностью какъ можно чаще посѣщать святаыя мѣста, особенно Іерусалимъ, чѣмъ, по ихъ мнѣнію, и возможно только заслужить прощеніе грѣховъ, которыхъ, по ихъ выраженію, у каждаго человѣка больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ. «Видѣніи и видѣнія іерусалимитовъ производятъ на постороннихъ людей самое подавляющее впечатлѣніе: это живые мертвецы, не интересующіеся ничѣмъ окружающимъ и вѣчно ноющіе о своихъ грѣхахъ».

Такимъ образомъ, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ мистическихъ сектахъ мы всюду встрѣчаемъ одно общее всѣмъ имъ начало, а именно упорную, ожесточенную борьбу противъ требованій физической природы человѣка. Особенно же семейная жизнь, какъ болѣе всего привязывающая человѣка къ землѣ, подвергается гоненію со стороны послѣдователей мистико-аскетическихъ сектъ. Но всѣ усилія аскетовъ задавить естественныя стремленія человеческой природы разбиваются въ этой непосильной борьбѣ, а нерѣдко эти усилія приводятъ къ результатамъ прямо противоположнымъ.

По мнѣнію Крафтъ-Эбинга, чрезмѣрныя религіозныя увлеченія во многихъ случаяхъ «представляютъ уже симптомъ врожденнаго болѣзненнаго свойства характера или вполне развитой душевной болѣзни и нерѣдко подъ цѣломудренною оболочкою религіозной мечтательности таятся болѣзненно усиленная чувственность и половое возбужденіе, ведущее къ половымъ излишествамъ всякаго рода».

Относительно прыгуновъ, напримѣръ, мѣстныя власти не разъ доносили, что, по удостовѣренію многихъ лицъ, въ селеніяхъ Никитинкѣ и Александровкѣ, послѣ прыганья, возбужденные моельщики и моельщицы предавались будто бы распутству. То же самое впослѣдствіи, какъ многіе утверждали, обнаружилось будто бы въ Еленовкѣ и другихъ сектаторскихъ поселеніяхъ. Несомнѣнно одно, что «духовный царь» прыгуновъ, Максимъ Рудометкинъ, и его главные «ученики» были «весьма падеи до женскаго пола». Рудометкинъ, прогнавъ старую жену изъ дома, завѣдомо для всѣхъ, жилъ съ двумя дѣвками, Варварою и Степанидой, которыхъ прыгуны признавали «царицами» и «женами духовными». Разъѣзжая по своимъ послѣдователямъ, Рудометкинъ обыкновенно распутничалъ и не пропускалъ случая, во имя безграничной христіанской любви и духовной связи, сблизиться съ чужой женой. При этомъ Рудометкинъ и его свита

успѣли увѣрить, что отъ кого-нибудь изъ нихъ должно родиться «святое сѣмя», «семя богородное», и такими увѣреніями успѣвали закрывать и рты, и глаза мужьямъ.

Одно время (въ пятидесятихъ годахъ) среди прыгуновъ явились особые проповѣдники, которые, между прочимъ, пропагандировали особый новый догматъ «согрѣванія плоти», котораго будто бы придерживался и царь Давидъ. Въ силу этого догмата проповѣдники возили съ собою трехъ женщинъ, которыя прислуживали имъ, какъ рабыни, и назывались «отогрѣвательницами» *).

Во многихъ хлыстовскихъ корабляхъ также не разъ обнаруживались, въ той или иной формѣ, признаки явнаго разврата, хотя обыкновенно они тщательно замаскировывались. Обстоятельство это послужило главной причиной выдѣленія изъ хлыстовщины особой группы людей, которые, сознавая свое безсиліе въ борьбѣ съ природою человѣка, рѣшили прибѣгнуть къ помощи ножа и путемъ звѣрской, чудовищной операции стремились отнять у человѣка самую возможность «служить плоти».

XI.

„Царская печать“ или „огненное крещеніе“.

Съ давнихъ поръ половое воздержаніе, въ большей или меньшей степени, являлось требованіемъ всѣхъ религій.

Натуры съ нарушенной функцией половой сферы или съ не ясно выраженными половыми наклонностями всегда оказываются въ высшей степени склонными къ увлеченію мистицизмомъ. «Такъ какъ въ здоровомъ человѣкѣ воспроизводительныя стремленія поглощаютъ извѣстное количество нервной дѣятельности, и нервная система становится менѣ чувствительной къ внѣшнимъ раздраженіямъ, то мистицизмъ, ради своихъ задачъ, всегда предписывалъ возможно полное половое воздержаніе». Стремленіе это въ своемъ крайнемъ развитіи привело къ скопчеству.

Оскопленіе въ смыслѣ религіознаго акта впервые встрѣчается во Фригій, откуда оно перешло въ Грецію и, наконецъ, въ Римъ. Служеніе богини Цибеллы совершалось жрецами, добровольно оскоплявшими себя. Въ болѣе позднѣйшее время, совпадавшее съ началомъ христіанства, многіе фанатики, въ видахъ

*) *Отечественныя Записки* 1878 г.

спасенія язычества, проповѣдывали о необходимости оскотленія, какъ единственнаго вѣрнаго средства для достиженія высшей степени чистоты и святости. Залужденіе это нашло доступъ и къ христіанамъ, доказательствомъ чего служить извѣстный примѣръ знаменитаго Оригена, жившаго въ концѣ II вѣка по Р. Х.

По свидѣтельству св. Епифанія, отца IV вѣка, около времени Оригена существовало цѣлое общество (секта) изувѣровъ, называемыхъ валезіанами, которые, въ видахъ своего спасенія, оскотляли не только себя, но и другихъ, причемъ нерѣдко прибѣгали даже къ явному насилію, совершая преступную операцію надъ прохожими, имѣвшими несчастіе попасться къ нимъ въ руки. Фанатики эти, какъ и наши скопцы, опирались на слѣдующія слова Іисуса Христа: «суть скопцы, иже изъ чрева материя родилася тако, и суть скопцы, иже скопилася отъ чловѣкъ, и суть скопцы, иже исказиша сами себе царствія ради небснаго» (Мате. XIX, 12) *).

Въ Россіи скопчество, въ видѣ особой секты, сдѣлалось извѣстно въ царствованіе Екатерины II.

Особенно видную роль въ исторіи русскаго скопчества пришлось играть Тамбовской губерніи; поэтому мы намѣтимъ здѣсь нѣсколько эпизодовъ, имѣвшихъ мѣсто въ тамбовскомъ краѣ. Впервые скопчество съ особенною силой проявилось въ Тамбовской губерніи въ 1812 году, — въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ годовъ русскаго исторіи. Особенно успѣшно принималась скопчесая пропаганда въ уѣздахъ Моршанскомъ и Козловскомъ. Нѣкоторые крестьяне, подъ вліяніемъ скопческихъ наставниковъ, *цѣлыми семьями* уродовали себя царствія ради небснаго, пользуясь при этомъ обыкновенными тупыми ножами. Такъ, между прочимъ, поступили однодворцы Ефремовы, въ числѣ пяти чловѣкъ. Послѣ операціи они сами же донесли на себя земскому суду.

«И то мы сдѣлали, — писали они, — къ спасенію душъ нашихъ простыми ножами». Оскотивъ себя, Ефремовы той же участи подвергли своихъ малыхъ дѣтей и подростковъ. Двое изъ нихъ, Павелъ и Савостьянъ, не давались операторамъ и, при видѣ ножа, каждый разъ поднимали отчаянный крикъ. Тогда отцы прибѣгли къ хитрости. Однажды въ полѣ, на работѣ, они опоили чѣмъ-то своихъ дѣтей и, когда тѣ уснули, исполнили свое желаніе.

*) *Надеждинъ*: „Исслѣдованіе о скопческой ереси“. Сдб., 1845 г.

Затѣмъ въ распространеніи скопчества настаетъ нѣкоторый перерывъ; но въ тридцатыхъ годахъ дѣятельность скопческихъ пропагандистовъ снова проявляется съ особенною силой.

Вамѣчательно, что переходу въ скопчество всегда и неизмѣнно предшествуетъ сильно развитая набожность: многіе изъ скопцовъ, до поступленія своего въ секту, мечтаютъ о поступленіи въ монастырь. Крестьянинъ села Брюкова, Моршанскаго уѣзда, Артемъ Брюнинъ показывалъ на допросѣ, какъ онъ постепенно и мало-по-малу проникался аскетическими стремленіями, которыя, въ концѣ-концовъ, роковымъ образомъ привели его къ скопчеству.

— Возымѣлъ я отвращеніе къ мясной пищѣ, — говорилъ онъ, — началъ ѣсть постное и намѣревался вступить въ какой-нибудь монастырь для вседневнаго моленія, но отецъ съ матерью въ монахи меня не пустили.

Томимый постояннымъ желаніемъ душевнаго спасенія, Брюнинъ мечталъ о подвигахъ, которыми бы могъ достигнуть этого спасенія. Однажды, случайно, онъ встрѣтился въ полѣ съ какимъ-то странникомъ, повидимому, монахомъ, который упросилъ проводить его на большую дорогу. Брюнинъ пошелъ съ незнакомцемъ и сталъ жаловаться ему на свое горе.

Странникъ внимательно выслушалъ его и говорить ему: «Если ты хочешь спастись себя, то ты долженъ умертвить грѣшную плоть... ты долженъ оскотиться, и это для души твоей будетъ очень хорошо».

Брюнинъ изъявляетъ полное свое согласіе покончить раз навсегда съ «грѣшной плотью», мѣшающей спасенію. Тогда странникъ повелъ его къ одоньямъ, совершилъ надъ нимъ операцію и затѣмъ поспѣшно скрылся неизвѣстно куда. Между тѣмъ, Брюнинъ, истекая кровью, лежалъ на гумнѣ безъ памяти. Только къ утру, собравшись съ силами, онъ кое-какъ дотащился до дому. Странникъ, оскотившій Брюнина, не даромъ спѣшилъ уйти изъ Брюкова. Тамъ онъ успѣлъ оскотить еще 18 человекъ, кого въ открытомъ полѣ, кого на гумнѣ, кого на большой дорогѣ. * Въ числѣ оскотенныхъ были и дѣти — мальчики и дѣвочки *).

Особенно охотно принимали скопчество люди, обездоленные судьбою, калѣки и т. п., которымъ нечего уже было ждать отъ жизни. Такъ, въ 1830 году съ Кавказа вернулся на ро-

* И. И. Дубасовъ: „Тамбовскій край“, вып. 4, стр. 251.

дину въ село Уварово, Борисоглѣбскаго уѣзда, отставной солдатъ Никулинъ. Вернулся онъ калѣкой, такъ какъ одна нога его была отнята. Не имѣя возможности заняться крестьянскими работами, Никулинъ сдѣлался сельскимъ учителемъ, началъ вникать въ священное писаніе. Учителство могло давать ему лишь жалкіе гроши; онъ жилъ бѣдно, въ большой нуждѣ. Разъ онъ задумался, сидя въ своей бѣдной и темной хатѣ. Ему пришли на умъ извѣстныя евангельскія слова: «скопцы, сами себя исказиша царствія ради небеснаго». И вотъ, не долго думая, онъ беретъ бритву и скопится. «Безъ умерщвленія плоти нельзя получить царствія Божія», — говорилъ онъ потомъ судьямъ. Когда раны его зажили, онъ началъ распространять скопческое ученіе среди своихъ знакомыхъ.

Со времени введенія новыхъ судовъ скопческіе процессы происходили въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Москвѣ, въ Моршанскѣ (Тамбов. губ.), въ Лихвинскомъ уѣздѣ (Калужской губ.), въ Самарѣ, въ Камышловскомъ уѣздѣ (Пермской губ.), въ г. Мелитополѣ (Таврической губ.) и въ Бирскомъ уѣздѣ (Уфимской губ.). Скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ болѣе выдающихся изъ этихъ процессововъ.

Въ 1868 году начался въ городѣ Моршанскѣ знаменитый плотицынскій процессъ, который въ прошломъ имѣлъ свою исторію. Такъ, еще въ 1838 году возбуждалось дѣло о моршанскомъ купцѣ Егорѣ Ивановѣ Плотицынѣ, который считался богачемъ и главнымъ наставникомъ всѣхъ тамбовскихъ скопцовъ. Предъ судомъ явился 70-ти лѣтній старикъ, увѣшанный медалями и на всю губернію прославленный щедрыми пожертвованіями и широкою частною благотворительностью. Несмотря на явныя улики, судъ оправдалъ Плотицына. Въ 1841 году Егоръ Плотицынъ умеръ, причемъ всѣ его огромные капиталы и значеніе перешло къ Максиму Кузмичу Плотицыну. «И опять началась подпольная работа, — говоритъ г. Дубасовъ, — и снова появились массы прозелитовъ дикаго ученія».

Максимъ Плотицынъ все болѣе и болѣе богатѣлъ, строилъ церкви, благотѣльствовалъ чимовникамъ и втихомолку обдѣлывалъ свои дѣла, не пренебрегая при случаѣ и грубымъ насиліемъ. Такъ дѣло шло до конца 1868 года.

Наканунѣ Рождества 1868 года въ домѣ Максима Плотицына сдѣланъ былъ обыскъ. Въ 8 часовъ вечера моршанскій полицеймейстеръ Тришатный и жандармскій офицеръ Швотъ подошли

къ плотицынскимъ воротамъ. Всѣ пять домовъ скопческаго главы стояли на соборной площади, точно какіе-нибудь редуты, мрачные и съ заложеными кирпичемъ окнами. Только въ одномъ деревянномъ флигелѣ, гдѣ жилъ самъ Максимъ Плотицынъ, слабо свѣтился огонекъ. Слѣдователи начали громко стучать въ ворота, приказывая немедленно впустить ихъ. За стѣнами началась суматоха, усиленная бѣготня, темныя фигуры за чѣмъ-то бѣгали по двору отъ дома къ дому, отъ подвала къ подвалу. Только въ 10 часовъ полиціи удалось проникнуть въ комнаты Плотицына.

Газеты въ это время сообщали, что у Плотицына въ его кладовыхъ найденъ былъ капиталъ въ 40 милліоновъ руб. сер. Но это не подтвердилось слѣдствіемъ. Когда власти стали опечатывать плотицынскіе сундуки съ деньгами, то всего капитала насчитали только 400,000 рублей. Куда же дѣвались несомнѣнно существовавшіе скопческіе милліоны — это и доселѣ неизвѣстно. Вѣроятно же всего, — замѣчаетъ по этому поводу г. Дубасовъ, — самъ Плотицынъ заблаговременно помѣстилъ ихъ въ вѣрныя руки своихъ единовѣрцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые впоследствии быстро и чрезвычайно разбогатѣли. Въ Тамбовской губерніи до сихъ поръ еще сохраняются преданія о томъ, какъ въ домахъ нѣкоторыхъ моршанскихъ обывателей-скопцовъ въ деревянныхъ складахъ были находимы толстыя пачки серій и кредитныхъ билетовъ.

По моршанскому процессу было привлечено 40 человекъ подсудимыхъ. Изъ этого числа 9 женщинъ разнаго возраста жили въ домѣ Плотицына на полномъ содержаніи. Всѣ онѣ, какъ оказалось, были подвергнуты полному оскотленію. Но самъ Плотицынъ не былъ оскотленъ и, повидимому, былъ ревностнымъ сыномъ православной церкви. Онъ аккуратно посѣщалъ всѣ церковныя службы, ежегодно исповѣдывался и приобщался и «въ царскіе дни, украшенный многочисленными медалями и орденами, въ приютскомъ мундирѣ, стоялъ въ соборѣ впереди народа, вмѣстѣ съ городскими властями, и благоговѣнно подходилъ ко кресту».

Самое тяжелое впечатлѣніе на слѣдователей по плотицынскому процессу произвело слѣдующее открытіе. Подъ домомъ Плотицына нашли обширный и глухой подвалъ съ массивною и желѣзною дверью. Здѣсь производились вольныя и невольныя скопческія операціи. По словамъ чиновника Боголюбова, который возбудилъ это дѣло, «крика изъ этого подвала было не слышать, а умиравшихъ отъ неискренняго рѣзанья хоронили тихонько по ночамъ, тутъ же на дворѣ, или въ подпольи».

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что ни труповъ, ни костей слѣдователями найдено не было, поэтому увѣренія Боголюбова нельзя не признать голословными.

Въ 1871 году въ московскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло скопцовъ Кудриныхъ, возникшее въ 1869 году. Подсудимыхъ по этому процессу было 28 человекъ, въ томъ числѣ трое братьевъ Кудриныхъ, игравшихъ главную роль въ дѣлѣ распространенія скопчества въ Москвѣ и Богородскомъ уѣздѣ. Кудрины числились купцами, располагали большими средствами, вели торговлю, имѣли конскій заводъ, мѣняльныя лавки, дачи, фотографію и проч. Рѣшеніемъ присяжныхъ обвинены 15 человекъ, которые и были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылке въ отдаленный край Восточной Сибири.

Спустя пять лѣтъ послѣ этого процесса, на югѣ Россіи, въ г. Мелитополѣ, Таврической губерніи, происходитъ новый скопческій процессъ, въ которомъ фигурируютъ 136 подсудимыхъ скопцовъ. Огромное большинство составляли крестьяне, затѣмъ было 20 человекъ мѣщанъ и только двое купцовъ. Болѣе половины всѣхъ подсудимыхъ составляли женщины. По возрасту обвиняемые распредѣлялись довольно неравномѣрно: болѣе всего было въ возрастѣ отъ 30—35 лѣтъ, но были и дряхлые старики за 70 лѣтъ, были и дѣти отъ 10-ти до 16-ти лѣтняго возраста. Главные виновники были приговорены къ каторжной работѣ и къ ссылке въ Восточную Сибирь. Подробный приговоръ по этому дѣлу намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ.

Народъ нашъ всегда зналъ и знаетъ о тайныхъ сектахъ. Не проникая ихъ тайны, онъ всегда предполагаетъ въ нихъ что-то недоброе,—говорить по этому поводу Мельниковъ. Какъ православные, такъ и старообрядцы дичатся этихъ сектъ, называютъ ихъ «темными», питаютъ къ нимъ отвращеніе и какую-то суевѣрную боязнь. Во многихъ мѣстахъ послѣдователей тайныхъ сектъ зовутъ фармазонами, считая это названіе синонимомъ волшебника, отрекшагося отъ Бога и отъ всего святаго. «Народъ, всегда зоркій и чуткій, подмѣтилъ таинственныя сношенія нѣкоторыхъ масоновъ съ послѣдователями тайныхъ сектъ хлыстовщины и назвалъ ихъ этимъ именемъ» *).

Въ недавнее сравнительно время изъ среды скопческой секты выдѣлилась весьма значительная часть ея послѣдователей, кото-

*) *Русскій Вѣстникъ* 1868 г., № 5, стр. 11.

рые, называя себя «духовными скопцами», самым рѣшительнымъ образомъ отвергаютъ физическое оскотленіе и проповѣдуютъ обыкновенное воздержаніе отъ плотскихъ сношеній съ женщинами путемъ силы воли. Ученіе это, появившись въ началѣ во Владимірской губерніи, всѣ сильнѣе и сильнѣе распространяется среди скопцовъ.

Въ числѣ подсудимыхъ по мелитопольскому процессу очень многіе оказались неоскотленными, хотя, въ то же время, эти самыя лица считались ревностными адептами секты. Самъ «богъ-искупитель», Лисинъ, постоянно отрицалъ необходимость физическаго оскотленія и настаивалъ лишь на одномъ *духовномъ* оскотленіи, т.-е. на полномъ воздержаніи отъ половыхъ сношеній. Разъясняя сущность проповѣдей Лисина, одинъ изъ подсудимыхъ замѣтилъ:

— Лисинъ отсвѣтывалъ скопиться тѣлесно. Онъ говорилъ: кто скопится, но безъ душевнаго расположенія, тотъ скотъ. Женщинѣ оскотленіе совсѣмъ не надобно, это ей не въ пользу, такъ какъ все одно можетъ замужъ выдти и родить, а безъ грудей только горя наберется: чѣмъ будетъ кормить ребенка? Лисинъ всегда пророчествовалъ: «кто душевно (т.-е. духовно)—это лучший скопецъ» *).

Въ 1876 году въ газетахъ было сообщено извѣстіе о появленіи въ Тамбовской губерніи,—въ этомъ гнѣздѣ скопчества,—новой секты «очищенцевъ», занесенной, какъ полагали, изъ Сибири, гдѣ она существовала ранѣе. Главнымъ догматомъ этой секты является обязательность брака для всѣхъ, достигшихъ совершеннолѣтія **).

Что касается прыгунства, то въ послѣднее время оно весьма замѣтно ослабѣло. «Въ настоящее время,—писалъ авторъ статьи *О прыгунахъ* въ 1878 году,—прыгунство все замѣтнѣе и замѣтнѣе ослабѣваетъ», и многіе прыгуны серьезно подумываютъ о переходѣ въ секту субботниковъ, въ которой мистическій элементъ давно не играетъ такой роли, какъ у прыгуновъ. Теперь прыгуны уже не пытаются подражать птицамъ небеснымъ, которыя не сѣютъ, не жнутъ. На одномъ собраніи по этому поводу вопросъ былъ окончательно рѣшенъ въ смыслъ необходимости заботы о завтрашнемъ днѣ, хотя и вопреки писанію.

*) Недѣля 1876 г., №№ 49 и 50.

***) С.-Петербургскія Видомости 1876 г., № 254, перенеч. изъ *Новаго Времени*.

— Нельзя не помышлять, — рѣшили собравшіеся. — Ъсть-то хочется, вѣдь, каждый день! Какъ оно, того, обойдешься-то? Живемъ по темнотѣ... Маленькія, вѣдь, дѣти... кормить-питать надоть. Оно точно сказано, не думать о завтрашнемъ днѣ... да, вѣдь, сказано не то, чтобы не ѣмши сидѣть, потому все блюдешь что-либо про запасъ.

Самое прыганье теперь замѣтно уменьшилось. Прыгуны какъ бы стыдятся теперь за тотъ періодъ возникновенія ихъ ученія, когда «духъ» только что сталъ являться и за прыганье взялись и старъ, и младъ, оставивъ всякія житейскія заботы и каждую минуту ожидая, что вотъ-вотъ наступитъ желанное тысячелѣтнее царствованіе.

О прогрессивномъ движеніи въ смыслѣ реализма, происходящемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ среди послѣдователей шалапутства, мы уже упоминали выше.

А. Фругавинъ.

ОНА ВЕРНЕТСЯ.

I.

Луна заливала яркимъ бѣлымъ свѣтомъ спящій городъ; пустынные улицы, церкви, колокольни, сады, дома, окаймленные мѣстами узкою черною рамкою короткихъ тѣней,—все тонуло и сливалось въ серебряномъ сіяніи глубокой ночи.

Порою изъ центра города неслись неясные звуки, послѣдніе отголоски минувшаго дня, стукъ запоздалаго экипажа, замирающіе аккорды послѣдняго марша, которымъ заканчивался концертъ гдѣ-то въ саду; но эти звуки почти не доходили до широкой улицы на концѣ города, обставленной маленькими, чистенькими домиками.

Ни одно слово, ни одно движеніе и образъ жизни не смущали тамъ тихаго торжества ночи, пока луна, поднимаясь выше и выше по небу, не озарила другой стороны улицы, бывшей сначала въ тѣни. Тогда въ открытомъ окнѣ одного домика, выступая яснѣе и яснѣе изъ тьмы, обрисовался силуэтъ прелестной молодой женщины. Ея почти дѣтское лицо, съ тонкими чертами, изящнымъ греческимъ профилемъ, было страшно блѣдно,—быть можетъ, отъ свѣта луны, быть можетъ, отъ контраста съ большими черными глазами, которые съ невыразимой тоской, тревогой, почти ужасомъ смотрѣли неподвижно на улицу.

Если бы луна, продолжая свой тихій путь, опустилась ниже и глубже заглянула въ комнату, она бы освѣтила другую фигуру, сидѣвшую у другаго окна, мощную фигуру красиваго мужчины; но пока онъ остается въ тѣни и пристально слѣдитъ за молодой женщиной.

Онъ видитъ ея блѣдное лицо и думаетъ, что она такъ блѣдна именно отъ слишкомъ яркаго луннаго освѣщенія; да она и

нездоровая, это ясно видно по ея лихорадочному взгляду; онъ просто страшенъ теперь при лучахъ мѣсяца, которые точно плавятся въ ея горящихъ глазахъ. Да, въ самомъ дѣлѣ, вотъ лучи эти сплывались, свернулись и сверкающими каплями западали на подоконникъ.

Молодая женщина припала головой къ стѣнѣ и зарыдала сдвоенно, глухо, жалко, какъ рыдаютъ отъ страшной физической боли, побѣдившей, послѣ долгой борьбы съ нею, послѣднія силы и волю страдающаго.

Онъ всталъ и тихо подошелъ къ ней. Теперь луна освѣтила его всего, высокаго, стройнаго, его скорбное, доброе лицо, свѣтлыя, полные грусти глаза.

— Что съ тобою, голубка моя?

— Не подходи, о, не подходи ко мнѣ... я не могу, не могу больше... это должно кончиться!...

Онъ стоялъ и слушалъ ея рыданья, отъ которыхъ вздрагивало и качалось ея безпомощное, слабое тѣло; онъ стоялъ и вспоминалъ: что-то такое уже давно было, что-то по его предположеніямъ должно было случиться, но что именно—онъ не могъ понять и невыразимо страдалъ отъ такого непониманія. Теперь оно какъ будто ближе, немного яснѣе, точно двигается и наступаетъ изъ страшной, далекой глубины, и само такое страшное, черное; вотъ оно поднимается, краемъ задѣваетъ за мозгъ, за сердце и отъ него вѣетъ смертельнымъ холодомъ.

— Пойми, что я не могу больше... я должна уйти, я уйду... уйду...

Теперь что-то подступавшее, охватывавшее его ушло и со-всѣмъ утонуло въ глубокой пропасти и самую пропасть затянуло непроницаемымъ туманомъ, сквозь который мысль не могла ничего открыть и увидѣть.

— Что-жь, голубка моя? Поѣзжай. Зачѣмъ же ты плачешь и мучаешь себя? Поѣзжай, ты разсѣешься, поправишься и вернешься спокойною, здоровою...

— Я не вернусь, никогда не вернусь, пойми это! Пора тебѣ знать правду! Три года я тебя обманывала, три года я сама мучилась, и силъ моихъ не хватаетъ больше на это! Я пошла за тебя съ отчаянія, я любила другаго, я страшно, страшно обманула тебя! Теперь онъ вернулся и зоветъ меня! Убей меня, прости меня, но я не могу больше... уйду...

Теперь туманъ исчезъ, растаялъ сразу, мгновенно, и онъ

увидѣлъ ясно, отчетливо безконечную, страшную пропасть, на дно которой ушли передъ тѣмъ его неясныя тревоги.

Но онъ не отшатнулся и смотрѣлъ въ открывшуюся бездну; онъ видѣлъ теперь на далекомъ днѣ ея уже не что-то безобразное, пугающее, гнегущее, а живаго челоуѣка, поверженнаго, раздавленнаго, уничтоженнаго, едва сознающаго всю силу удара, поразившаго его. Рядомъ, въ той же темной глубинѣ, онъ видѣлъ другое существо, слабое, рыдающее, дрожащее въ пыткахъ невыразимыхъ страданій. Онъ отвел свои глаза отъ перваго и, минуя его, подошелъ къ этому немощному, задыхающемуся въ мученіяхъ существу.

Онъ прижалъ его къ своему разбитому, облитому кровью сердцу, поцѣловалъ плающую голову и тихо заговорилъ:

— Слушай, моя радость, все мое прошедшее, настоящее и будущее, жизнь моя! Я бралъ тебя и клялся сдѣлать все для твоего счастья... Не моя вина, если я не успѣлъ въ этомъ, но что умѣлъ, я все дѣлалъ. И если это счастье для тебя, уѣзжай, голубка моя. Если это даже только призракъ счастья, мечта о немъ, надежда на него, — уѣзжай, о, уѣзжай, я благословлю путь твой, уѣзжай, не смущайся ничѣмъ, не думай ни о чемъ. Я... тутъ... самъ справлюсь какъ-нибудь...

Онъ говорилъ тихо, спокойно, но страшно усталъ отъ своихъ словъ, какъ будто вносилъ огромную тяжесть на очень крутую и высокую гору. Она слушала его молча и продолжая вздрагивать отъ слезъ; его слова не удивляли ее, не волновали; она слушала ихъ какъ что-то старое, давнишнее, совершенно понятное и неизбѣжное.

— Да, уѣзжай. Я тебя не связываю никакими условіями и обязательствами. Будь свободна, какъ птичка, лети, моя голубка, за счастьемъ и найди его, только найди; это будетъ одна моя мольба въ разлукѣ съ тобою!

Онъ смогъ на минуту, точно желая еще разъ отдохнуть. Сердце его билось въ эту минуту тихо, ровно, и онъ съ свѣтлою радостью слышалъ, что оно втерило словамъ его.

— Да, истинно, одна мольба будетъ о счастья твоёмъ. Пусть заря новой свѣтлой жизни откроется передъ тобою. Пусть подъ лучами ея заживутъ въ твоёмъ сердечкѣ тѣ раны, которыя я противъ воли и сознанія три года растравлялъ въ немъ. Я думалъ... но я ошибался, клянусь тебѣ, только ошибался... Я бы страшно солгалъ, если бы сказалъ тебѣ, что мнѣ легко

разстаться съ тобою. Но это ничего, это, можетъ быть, пройдетъ понемногу... перестань, не плачь, отдохни... Бѣдная моя... Если это тебѣ меня жалко и ты бы хотѣла облегчить мою душу, дай мнѣ одно только обѣщаніе, одно слово: если когда-нибудь, хоть не скоро, счастье твое померкнетъ, или тебя обманетъ, если ты останешься одна и хоть не любви, а утѣшенія, успокоенія тебѣ нужно будетъ,—позволь мнѣ вѣрить и надѣяться, что ты вернешься ко мнѣ. Ни одна вещь въ твоей комнатѣ не будетъ тронута безъ тебя.

Она дрогнула у него въ объятіяхъ и тихо освободила свои руки изъ его рукъ.

— Никогда, о, никогда! И дай клятву не разыскивать меня, никогда ничего не узнавать обо мнѣ.

Онъ не сразу отвѣтилъ; ему опять показалось, что онъ несетъ что-то тяжелое на гору, но уже не чувствуетъ ни утомленія, ни усталости, а поднимается вяло, безжизненно, совершенно механически.

— Хорошо, даю въ этомъ слово, конечно. Но, вѣроятно, ты временами пожелаешь узнать что-нибудь о крошкѣ, какъ она растетъ, учится...

— Брошка со мной уѣдетъ.

— Да, и крошку ты возьмешь... Правда, мнѣ съ ней было бы трудно, я бы не могъ... не умѣлъ бы ходить за нею; вѣдь, ей только два года.

Онъ умолялъ и больше ничего не говорилъ; теперь онъ дошелъ до самой вершины, голой, пустой, бесплодной, на которой и вокругъ которой даже свѣтъ наступившаго дня ничего не озарилъ для него.

II.

Утромъ онъ самъ пошелъ въ контору экипажей и взялъ два билета въ почтовой каретѣ до ближайшаго города, къ которому подходила желѣзная дорога. Вернувшись, онъ отобралъ ей любимыя книги, принесъ къ ней въ комнату и сталъ помогать ей собираться; вѣдь, надо было торопиться,—каjeta уходила въ два часа дня.

Самъ, своими руками онъ подавалъ ей и укладывалъ въ чемоданъ маленькія бѣлыя рубашечки и платица крошки. Онъ дѣлалъ все это тихо, печально, но спокойно; ему вспомнились

только съ необыкновенною ясностью давнiя, давнiя похороны маленькаго брата, когда и самъ онъ былъ еще мальчикомъ; въ домѣ было такъ же странно, тихо и пусто, какъ теперь въ этой обнаженной, обобранной комнатѣ, еще недавно такой веселой и уютной; всѣ, въ томъ числѣ и онъ, въ черной рубашкѣ съ бѣлыми тесемками, ходили осторожно, изрѣдка переговариваясь боязливимъ шепотомъ, точно боясь кого-то потревожить.

Когда все почти было уложено, она подошла къ стѣнѣ, гдѣ висѣлъ ея большой портретъ, и сняла его. Онъ вздрогнулъ, увидя ея движенiе, въ черной тѣмѣ, окутавшей его душу, вспыхнулъ какой-то отблескъ, и онъ ждалъ... но она положила портретъ свой въ чемоданъ.

Теперь, въ первый разъ со вчерашней ночи, страшная, ясная, палящая мука хлынула изъ его сердца и волнами заходила въ немъ; не поднимаясь съ мѣста, онъ потянулся къ ней и, почти рыдая, молилъ:

— Портретъ... портретъ... хоть что-нибудь оставь!...

Но это былъ одинъ взрывъ, странный и быстрый, какъ взрывъ молнiи во время ночной грозы, и черезъ мгновенье онъ, молча, покорно опустивъ голову, слушалъ ея отвѣтъ, который она едва проговорила, склоняясь надъ чемоданомъ.

— Зачѣмъ?... Я не могу тебя еще обманывать... Если можешь, съ корнемъ вырви все, все прошлое... тебѣ тогда легче будетъ... Если можешь, не провожай меня до кареты.

Онъ встрепенулся и забезпокоился.

— Нѣтъ, моя родная, нельзя; я, вѣдь, самъ бралъ билеты, тебя тамъ не знаютъ, ну... и надо посадить тебя, уложить вещи, присмотрѣть... Ты не тревожься, мы простимся покойно, никто не пойметъ, зачѣмъ имъ знать?... Вотъ и экипажи привели... вотъ... теперь поѣдемъ...

Опять онъ самъ уложилъ въ одинъ фаэтонъ вещи, усадилъ туда няньку съ крошкой, въ другой самъ сѣлъ съ нею.

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ фаэтонъ, она припала къ рукѣ его и едва прошептала:

— Прости... прости меня за все прошлое и за все будущее... но иначе невозможно... клянусь, невозможно.

Но и этотъ послѣднiй, подавленный вопль ея не вызвалъ въ немъ новаго прилива горя и муки, только безпокойство его продолжало расти и расти по мѣрѣ того, какъ экипажъ двигался по улицамъ. Лошади бѣжали бойко, но ему казалось, что онѣ

подвигаются очень тихо, черезъ какія-то безконечныя пространства, среди которыхъ громадныя волны времени смыываютъ и разрушаютъ одинъ за другимъ годы прошлаго и, уходя, открываютъ за собою безконечную мертвую пустыню вѣчности.

Вотъ, наступая слѣдомъ за ихъ фэатомъ, ужасныя волны подкатываются и къ виднѣющейся впереди, ожидающей ихъ каретѣ и унесутъ съ собою и ее, этотъ послѣдній, послѣдній обломокъ отъ всего, что было, къ которому припала, прильнула его изнемогшая душа.

Сквозь грохотъ колесъ ему слышится, какъ кто-то спрашиваетъ и на вопросъ отвѣчаетъ:

— Можетъ быть, хоть когда-нибудь!...

— Подумай самъ, возможно ли это?... Тогда бы не было и всего настоящаго...

Кондукторъ торопитъ, пора ѣхать. Но это невозможно; онъ долженъ еще на минуту зайти въ контору, надо еще повѣрить, всё ли вещи, хорошо ли ихъ увязали. Онъ держится за дверцу и спрашиваетъ, надежны ли лошади, исправна ли сбруя?

— Ладно все, баринъ, не бойтесь, дождемъ,— отвѣчаетъ ящикъ, привставъ и разбирая возжи.

— Хорошо ли завинчены гайки и чеки? Вѣдь, колесо можетъ соскочить...

— Все есть, все, будьте покойны,—говоритъ кондукторъ, вскакивая на подножку, и, вынувъ рожокъ, подаетъ сигналъ къ отъѣзду.

Странные, пронзительныя звуки рожка покрываютъ тоже странный, хриплый крикъ, почти вопль:

— А тормазъ, тормазъ? Тутъ спускъ...

Его что-то толкнуло въ сторону, что-то вырвалось изъ рукъ, и онъ увидѣлъ передъ собою черный квадратъ, который, колыхаясь и покачиваясь, удалялся отъ него въ облакахъ бѣлой пыли.

Онъ тихо пошелъ слѣдомъ за каретой.

III.

Онъ шелъ и видѣлъ, какъ черный квадратъ двигался по свѣтлой лентѣ шоссе, дѣлался все меньше и меньше, какъ онъ порою исчезалъ за поворотомъ или деревомъ и опять показывался и вновь пропадалъ за пригоркомъ. Онъ взошелъ самъ на пригорокъ

и еще разъ увидѣлъ далеко впереди черную точку, которая скоро и вовсе пропала изъ глазъ. Онъ шелъ все дальше и думалъ, какъ все ему знакомо на этой дорогѣ. Вотъ дача городского доктора; онъ былъ здѣсь въ гостяхъ въ прошломъ году; какъ тополи разрослись, ихъ тогда еще только сажали; это огороды, за ними родникъ, куда онъ приходилъ весной собирать растенія съ своимъ классомъ.

Вонъ, впереди, на горкѣ, большой дубъ, кажется, единственный въ окрестностяхъ города; онъ на девятой верстѣ, подъ тѣнью его устраиваютъ пикники; теперь подъ нимъ пусто, никого нѣтъ.

Онъ свернулъ съ дороги, подошелъ къ дереву и тяжело опустился на зѣмлю.

Минуты и часы шли; въ лицо ему дулъ сырой восточный вѣтеръ, срывающій и кружащій красные листья дуба; мимо тянулись по небу низкія осеннія тучи, то топясь и цѣпляясь другъ за друга безобразными, изодранными клочьями, то сливаясь въ тоскливыя, однообразныя сѣрыя полосы. День печально кончался, смеркалось и темнѣло; на шоссе показалась повозка съ людьми, проѣхала мимо и утонула во тьмѣ; съ повозки чуть донесся плачь маленькаго ребенка.

— Какъ холодно, темно и пусто... страшно пусто... Боже мой, Боже мой...

Онъ задрожалъ, упалъ на землю и зарыдалъ удушливо, судорожно, жалко.

— О, если бы тьма вѣчности сама поглотила искру жизни моей, какъ тьма этой проклятой ночи покрыла мое жалкое тѣло съ его муками! Зачѣмъ и тутъ, послѣ насилія, этихъ истязаній, нужно еще одно насиліе, къ которому я никогда не приготовлялся? О, лгутъ, когда говорятъ, что отъ мугъ разрывается само сердце и человѣкъ умираетъ.

— Я никогда не боялся смерти. Меня, помню, въ дѣтствѣ поразило начало одной пѣсни, которое говоритъ, что «жизни тотъ одинъ достоинъ, кто на смерть всегда готовъ», и потому, съ годами, я всѣмъ сердцемъ увѣровалъ въ эту истину. Но самоубійство всегда, всѣ тридцать лѣтъ моей жизни казалось мнѣ невозможнымъ, неправдивымъ и ненужнымъ, и я не привыкъ къ мысли о немъ... А вотъ теперь ночь пройдетъ, и я привыкну...

— Думалъ ли я, о, думалъ ли когда-нибудь упасть подъ та-кой ношею? Когда жизнь шла мнѣ на встрѣчу, озаренная жаркими лучами моей собственной молодости, я зналъ и видѣлъ, что она не арена одного сладкаго успѣха и наслажденія. Я понималъ, что борьба можетъ быть лучшею стороною ея, а поражение святымъ вѣнцомъ, и я всегда былъ готовъ съ безтрепетнымъ поцѣлуемъ принять его на свою побѣжденную голову... Но пасть такъ безцѣльно, безсилно, бесполезно, какъ я палъ здѣсь, съ моими никому ненужными мугами у этого холоднаго дерева!...

— Зачѣмъ пытка не убиваетъ мысли? Зачѣмъ мысль, сквозь тьму этой мертвой ночи, освѣщаетъ такимъ позорнымъ свѣтомъ погибель мою? А я, думая когда-то о страданіяхъ и готовясь къ нимъ, мечталъ, страдая, приобщиться къ страданіямъ чело-вѣчества!

— Какъ невѣроятно давно это было! Кажется, будто на этомъ громадномъ пространствѣ, между страстными клятвами молодости и настоящею ночью, улеглась цѣлая исторія чело-вѣчества съ ея вѣками и народами. И какія то были клятвы жаркія, истинныя, до сихъ поръ, до настоящаго мгновенья ненарушенныя! Гдѣ же теперь ихъ истина и кому нужны онѣ?

Около него посвѣтлѣло и потеплѣло немного, точно тяжелый мракъ ночи прорѣзало че-то тихое, теплое дыханіе. Въ его воспаленныхъ глазахъ стояла чья-то тѣнь, знакомая, близкая, будто только что вышедшая изъ нѣдръ души его, и такой же зна-комый, почти собственный голосъ говорилъ ему:

— Да, ты безбоязненно клялся приобщиться къ страданіямъ чело-вѣчества, когда это нужно будетъ. Почему же теперь не нужны твои клятвы?

— Да, но къ какимъ страданіямъ?

— Ты не торговался съ своей молодостью ни за качество, ни за количество ихъ. И развѣ что-нибудь измѣнилось съ на-стоящей минуты? Развѣ ударъ, попавшій въ тебя, убилъ съ тобою всю жизнь на землѣ? Или страданія чело-вѣчества окон-чились съ концомъ твоего собственнаго счастья? Или ты думаешь, что ты одинъ на землѣ лежишь теперь разбитый, измученный, готовый погибнуть и никому, кромѣ тебя, не нужны помощь и утѣшеніе?... Или ты уже исполнилъ лучшій обѣтъ свой, лучшую клятву свою—отдать все, что земля и жизнь дали тебѣ, честно

расплатиться за все, что получила душа твоя от того же страдающего человечества, и ты расплатился уже?

— О, нѣтъ, думаю, что не расплатился...

— Или уже нельзя «въ предѣлахъ возможнаго дѣлать возможное добро», какъ ты давалъ обѣтъ, и ты не можешь болѣе продолжать выбранный путь и идти имъ, уступая, покорясь, терпя, пока хоть единое зерно правды можно будетъ выбросить и оставить за собою? И ты выбросилъ это послѣднее зерно?... Можетъ быть, ни одно изъ зеренъ твоего посѣва не взшло, и ты думаешь, что больше сѣять не нужно? И ты не нуженъ больше этимъ бѣлокурнымъ и чернымъ лохматымъ головкамъ, которыя такъ любятъ тебя и такъ вѣрятъ тебѣ?

— Помоги, о, помоги мнѣ, все это еще нужно, кажется...

— Я тебѣ помогу, и мы вмѣстѣ вернемся назадъ, уйдемъ отсюда; въ самыя трудныя минуты я приду къ тебѣ и поддержу тебя. Пусть твое будущее будетъ такъ же тихо и печально, какъ этотъ грустный разсвѣтъ наступающаго дня, но въ тебѣ будетъ жить мысль, что ты не измѣнилъ, не обманулъ, не продалъ вл�твъ своихъ. И она поддержитъ твою душу, какъ солнце, хотя и закрытое этими мрачными облаками, теперь невидимо свѣтитъ землѣ.

— О, позволь только, чтобы съ нею жила во мнѣ и другая мысль, вѣра, что она вернется ко мнѣ! Клянусь тебѣ, это не условіе съ моей стороны, не цѣна возвращенія моего, но такъ я долше и лучше буду дѣлать мое дѣло.

Онъ едва поднялся съ земли, слабый, больной, какъ будто проболѣлъ и пролежалъ здѣсь нѣсколько дней. Поворотъ въ его мысляхъ, рѣшимость остаться жить, не воскресила и не обновила его, и онъ съ большимъ трудомъ, едва двигаясь, пошелъ по направленію къ городу.

Теперь скорбь не рвала на части его душу, но весь міръ съ землею, солнцами и звѣздами былъ покрытъ мрачною, тяжелою тѣнью и только на самомъ краю этого необъятнаго міроваго пространства едва мелькала передъ нимъ чуть замѣтная блѣдная точка.

— Можетъ быть, она когда-нибудь вернется.

Въ этотъ день онъ зашелъ въ городскую школу, гдѣ былъ учителемъ, на одну минуту. Мальчуганы въ самыхъ разнородныхъ костюмахъ, отъ нанговаго кафтана съ отцовскихъ плечъ

до куртки, передѣланной изъ женской кацавейки, шумно бросились къ нему.

— А мы думали, что вы и вовсе не придете, Дмитрій Николаевичъ.

— Да, дѣти, я пришелъ только на минуту; я очень болѣнъ, и мы сегодня не будемъ учиться и рассказывать. А завтра я вѣрно буду здоровъ и приду. Теперь прощайте и идите домой.

IV.

Завтра онъ дѣйствительно пришелъ въ школу. Едва ли онъ былъ совершенно здоровъ: такъ глубоко впади его глаза, такъ онъ осунулся, похудѣлъ и поблѣднѣлъ, но его взглядъ былъ, попрежнему, добрый и ясный и только новая тѣнь печали нѣсколько мѣняла его.

Мальчуганы, какъ всегда, встрѣтили его у двери, но уже не съ обычными шумными привѣтствіями: они видѣли, какъ измѣнилось его лицо, и робко смотрѣли ему въ глаза.

— Ну, дѣти, пойдете по мѣстамъ,—сказалъ онъ.—Сегодня мы будемъ толковать про нашу землю, на которой мы съ вами живемъ, про то, какія на ней мѣста и люди есть, и какъ живутъ они, и отчего въ разныхъ мѣстахъ и людямъ разное живется...

У него сегодня былъ урокъ географіи, первый въ этомъ году и въ этомъ классѣ, и онъ имѣлъ всегда обыкновеніе начинать новый предметъ живымъ рассказомъ, который сначала же далъ бы дѣтямъ ясное понятіе, что это за наука, чему она учитъ и какія вещи они будутъ узнавать изъ нея и впередъ.

Онъ началъ рассказывать имъ про Африку, эту громадную землю съ громадными рѣками и пустынями, вѣчно облитую палящими лучами солнца; про ту необыкновенную жизнь, которую огненные лучи поднимаютъ и вызываютъ изъ нѣдръ согрѣтой ими земли, изъ таинственной глубины необъятныхъ водъ, про ея неизмѣримые лѣса, необыкновенные деревья и цвѣты, то прекрасные, какъ радуга, то необыкновенные по своимъ страннымъ формамъ и величинѣ, про чудныхъ птицъ, которыя сами, какъ блестящіе цвѣты, украшаютъ вѣтви деревьевъ, и про такихъ, что высокія, какъ лошадь, и бѣгающія быстрее ея, живутъ среди песковъ и камней и предоставляютъ солнцу высидывать свои громадные яйца; про страшныхъ змѣй, про водяныхъ чудищъ,

что могут задушить человѣка и проглотить его; про громадныхъ ростомъ и страшныхъ силою звѣрей, которымъ ничемъ раздробить зубами лодку, вырвать съ корнемъ дерево, развалить и разметать жилье человѣка; наконецъ, про человѣка, рожденнаго этою необыкновенною землею, чернаго, точно опаленнаго, голаго, подавленнаго могучей природой его знойной родины и борющагося всю жизнь съ ея грозными силами, живущаго почти какъ звѣрь, но все же умѣющаго любить, страдать и наслаждаться.

Потомъ онъ сказалъ, что не однѣ только такія неизвѣстныя имъ страны есть на свѣтѣ Божьемъ, и сталъ рассказывать про сѣверный край родной земли,—про край, забытый солнцемъ, девять мѣсяцевъ лежащій подъ глубокимъ снѣгомъ, скованный лютыми морозами; про то, какъ трудно и тяжело человѣку живетъ въ этихъ мѣстахъ, съ какою мукою достается ему тамъ хлѣбъ и какъ, несмотря на это, онъ любитъ свою бѣдную, холодную, обиженную родину, съ какимъ благоговѣніемъ и радостью встрѣчаетъ первый весенній лучъ, первую зеленую травку, прилетѣвшую на лѣтнюю побывку птичку.

— И много еще есть разныхъ мѣстъ на землѣ у насъ, много разныхъ народовъ и языковъ, и про все это я буду весь годъ рассказывать вамъ. Вотъ это, дѣти, и есть самая географія...

Вечеромъ этого дня, въ далекихъ закоулкахъ города, въ хатенкахъ и лачужкахъ рабочаго люда, мастеровыхъ, извозчиковъ, водовозовъ, за раннимъ семейнымъ ужиномъ, на завалинкахъ у калитокъ, на перекресткахъ улицъ шли восторженные рассказы про невиданныя земли. Съ горящими глазами мальчуганы толговали про водяную лошадь, что вовсе и на лошадь не похожа, а больше на бочку, которой ничемъ раскусить человѣка, про змѣя, настоящаго, живаго, длиною въ пять сажень, про слона—звѣря съ зубами въ два аршина и носомъ до самой земли, которымъ онъ, какъ рукою, и ягоду малую на землѣ сорветъ, и дерево съ добрую оглоблю—какъ перерѣжетъ—переломить, про черныхъ, какъ смола, и совсѣмъ голыхъ людей, не знающихъ Бога, ѣдящихъ сырье, которыхъ, какъ звѣрей, ловятъ и продаютъ на работы въ чужія земли.

Старики слушали эти рассказы и покачивали головою.

— А не врешь ты, малый?

— Ей-Богу, не вру. Дмитрій Николаевичъ сегодня слово въ слово рассказывалъ.

— Ну, коли Дмитрій Николаевичъ говорилъ, значить правда. Чудны дѣла твои, Господи!

Дмитрія Николаевича знали въ этихъ домахъ и лачужкахъ хорошо и старые, и малые, въ рѣдкомъ изъ нихъ не бывалъ онъ то по личнымъ дѣламъ своихъ мальчугановъ, то по дѣламъ ихъ семейныхъ, и уже пятый годъ былъ онъ тутъ не баринѣмъ, а желаннымъ гостемъ и своимъ душевнымъ человѣкомъ.

Поздно этимъ же вечеромъ онъ одиноко сидѣлъ на скамейкѣ у своей калитки, смотрѣлъ въ темную даль по пустынной улицѣ, въ ту сторону, куда она уѣхала, и думалъ, думалъ...

«Гдѣ она, гдѣ въ настоящую минуту? Она поѣхала къ другому, она поѣхала за другой любовью... О, сохрани ее, Господи, въ этомъ страшномъ путешествіи! Помоги ей узнать и повѣрить, что конецъ ему всегда можетъ быть на груди моей, какими бы путями она ни шла, какія бури и испытанія ни сокрушили бы ее слабую душу. Только бы она сама захотѣла этого!»

Онъ думалъ о сегодняшнемъ днѣ, о своей рѣшимости остаться и служить избранному дѣлу, о дѣтяхъ, которыя не сводили глазъ своихъ сегодня съ него, ловили каждое слово его, боялись шевельнуться, пока шелъ его живой рассказъ, и которыя отлично поняли, что такое географія, и сразу полюбили эту науку съ такимъ чуднымъ, чуждымъ для нихъ названіемъ.

— Да, это все еще нужно, и я отдамъ имъ душу мою, не оставлю ихъ, а самъ буду жить съ своимъ горемъ. Все же оно, хотя черное и великое, насквозь прошито золотой нитью... Можетъ быть, она когда-нибудь вернется...

V.

Онъ раздѣлилъ свою жизнь пополамъ; всѣ свои силы и время онъ отдалъ школѣ и жилъ съ дѣтьми, попрежнему, не избѣнивъ ни своей любви, ни программъ, съ которыми онъ приступилъ къ дѣлу въ первый же годъ своей дѣятельности.

Какъ и прежде, въ каждую дѣтскую душу онъ заглядывалъ порознь, помогалъ ей и жить, и учиться, умѣло и любящею рукою расчищалъ тотъ хламъ и соръ, которыми жизнь такъ часто заглушаетъ въ молодомъ сердечкѣ робкіе листки добра и правды, и не было того дѣтскаго сердечка, гдѣ онъ не разыскалъ бы заботливо этихъ листочковъ и ростковъ.

Зимою, весною и лѣтомъ, когда позволяло время, онъ уходилъ съ дѣтьми за городъ, подсматривать съ ними, какъ спитъ

природа, отгапывать лягушекъ и ящерицъ, чтобы показать, какъ они проводятъ зиму и какъ оживаютъ, если ихъ отогрѣть, отыскивалъ и подстерегалъ птицъ, зимующихъ или прикочевывающихъ сюда на зиму, и рассказывалъ, почему эти птицы могутъ здѣсь жить зимою, а другія не могутъ и улетаютъ.

Лѣтомъ, въ Ивановъ день, онъ самъ проводилъ съ дѣтьми ночи на опушкѣ лѣса и стерегъ разцвѣтъ папоротника, который, разумѣется, ни разу не разцвѣталъ, а поутру объяснялъ имъ, какъ папоротникъ даетъ сѣмена безъ всякихъ цвѣтовъ, и находилъ имъ эти сѣмена, заставлялъ собирать ихъ и сѣять гдѣ-нибудь и смотрѣть, какъ изъ нихъ выйдутъ молодые папоротники.

Всѣ же свои мечты, надежды и ожиданія онъ отдалъ ей, одной ей. Каждый вечеръ, когда совсѣмъ темнѣло, онъ выходилъ на улицу, садился у калитки подъ навѣсомъ воротъ, смотрѣлъ въ ту сторону, куда она уѣхала, и думалъ о ней. Этого часа онъ ожидалъ съ тою покойною увѣренностью въ его необходимость и неизбѣжность, съ какою люди ждутъ восхода солнца утромъ, заката вечеромъ, и никакая погода, ни холодъ, ни дождь, ни вѣтеръ, не прогоняли его съ улицы до самой глубокой ночи.

Безъ всякихъ разсужденій, безъ какихъ-нибудь выводовъ и причинъ въ немъ незамѣтно сложилась глубокая увѣренность, что если она вернется, то непременно поздно вечеромъ, и онъ каждый вечеръ выходилъ ожидать ее.

Бъ городу, гдѣ онъ жилъ, стала подходить желѣзная дорога. Постройка ея очень взволновала его; дорога шла оттуда, куда она уѣхала, и ей теперь гораздо удобнѣе и легче будетъ вернуться; конечно, она пріѣдетъ не иначе, какъ по желѣзной дорогѣ, къ тому же, и пассажирскіе поѣзды приходятъ въ половинѣ одиннадцатаго вечеромъ.

Съ открытіемъ дороги, къ его долгимъ грустнымъ и тяжелымъ вечернимъ думамъ примѣшалась новая струя тревоги и безпокойства. Иногда, хотя очень рѣдко, фэтоны съ пассажирами проѣзжали съ вокзала по той улицѣ, гдѣ онъ ожидалъ ее. И вотъ, когда въ концѣ этой улицы слышался шумъ колесъ и показывались два огонька, въ душѣ его вставала широкая и могучая волна и напоръ ея мгновенно разлучалъ его съ сознаньемъ и волею, тяжелая сѣть, сплетенная изъ ужаса и надежды, падала на его мозгъ и онъ съ трудомъ приходилъ въ себя, когда шумъ экипажа и бѣгущіе съ нимъ огоньки замирали на другомъ концѣ улицы.

Но понемногу онъ привыкъ къ этимъ огонькамъ и хоти всё они пробѣгали мимо, оттого не тускнѣла вѣра, съ какою онъ тихо говорилъ, провожая ихъ глазами:

— Это ничего; она, все-таки, можетъ быть, вернется...

VI.

Такъ прошло слишкомъ три года, три долгихъ, одинокихъ года, и ихъ тяжелые шаги не стерли той золотой нити, которою была вышита надежда по его великому черному горю, также какъ не стерлись и слѣды, наложенные на его лицо тяжкою ночью подъ старымъ дубомъ. Даже теперъ, при неполномъ свѣтѣ лампы, когда онъ сидитъ надъ книгою, дѣлая замѣтки для завтрашняго урока, видно, какъ онъ измѣнился и постарѣлъ за это время, какъ лицо его похудѣло и осунулось; и когда онъ, поднимая отъ книги утомленную голову, взглядываетъ на часы, замѣтно, что глаза его ушли еще глубже и темныя кольца, окаймившія ихъ въ ту памятную ночь, раздвинулись еще шире.

Онъ закрываетъ книгу, потому что и сегодня, какъ вчера, какъ во всё минувшіе дни этихъ трехъ лѣтъ, ему пора идти на улицу, думать о ней и ждать ее. Сегодня на дворѣ особенно хорошо и тихо; хотя небо затянуто тучами, но отъ падашаго весь день пушистаго снѣга на улицѣ очень свѣтло; снѣгъ и теперъ продолжаетъ рѣдко и тихо падать и его звѣздочки и хлопья, мягко кружась въ воздухѣ, скоро покрываютъ бѣлою кружевною сѣткою его черную фигуру, закутанную въ длинный плащъ. Но онъ не замѣчаетъ этого, потому что его мысли, также тихо кружась и двигаясь, ведутъ его далеко отсюда и отыскиваютъ въ невѣдомыхъ пространствахъ жизни дорогой, до сихъ поръ не померкшей, не поблѣднѣвшей образъ.

— Если бы я только хотъ зналъ, гдѣ искать ее душою! Это время не было бы такъ тяжело для меня и мнѣ легче было бы оглядываться на пустыню, пройденную мною безъ нея. Но вотъ уже четвертый годъ какъ я ничего о ней не знаю...

— Буда занесъ ее неизмѣримый потокъ жизни? Мчитъ ли онъ ее и теперъ въ своемъ шумномъ водоворотѣ, осыпая серебряными брызгами счастья, нашла ли душа ея миръ и успокоеніе у тихаго берега, или мутная волна обмана и разочарованія

захлеснула ее... она теперь брошенная измученная, усталая и одинокая?... Это такъ возможно и такъ было бы ужасно... О, тогда она знаетъ, куда идти ей, я такъ молилъ ее объ этомъ!

— Кто знаетъ, можетъ, за это время наши пути, невѣдомо для насъ обоихъ, начали сближаться, хотя издалика, только издалика... И, можетъ, довольно еще одного года, чтобы они сошлись и опять слились въ одну тропинку... И я думаю, что тогда она уже не раздвоилась бы больше.

— Что мы скажемъ другъ другу, когда она вернется? Сколько новыхъ страницъ вписала жизнь за минувшіе три года въ душѣ ея и откроетъ ли она мнѣ прочесть ихъ? О, я скажу ей: вписанное туда—свято для меня, и если ей больно переворачивать тѣ листки, никогда рука моя не коснется ихъ.

— Вернется ли съ нею крошка? Вѣдь, ей теперь шестой годъ и она все говоритъ уже. И о ней я до сихъ поръ ничего не знаю.

О, знай, моя благословенная, *все твое*, что придетъ ко мнѣ съ тобою, будетъ мнѣ такъ же дорого, какъ сама ты. Блянусь тебѣ въ этомъ!

— Какъ наша улица разраслась и обстроилась съ тѣхъ поръ, какъ она уѣхала. Я думаю, она съ трудомъ найдетъ нашъ домикъ, особенно вечеромъ... развѣ липу нашу узнаетъ; она одна на всей улицѣ. Помнить ли она ее?

— Какъ хорошо, что горе и малодушіе совсѣмъ не раздавили меня въ ту тяжкую ночь. Теперь бы я не сидѣлъ здѣсь и не ожидалъ бы ее, а я такъ могу еще быть нуженъ ей, быть можетъ, такъ же, какъ и вамъ, мои дорогія дѣти, ради кого я остался и кому, я думаю, не измѣнилъ ни разу за это грустное время, хотя врядъ ли я былъ бы въ силахъ дать вамъ все то, что даю и что думаю отдавать до послѣдней минуты, если бы не ожидалъ, что она вернется!

Въ тяжеломъ зимнемъ воздухѣ пронесся долгій, густой свистокъ паровоза. На концѣ улицы задвигались экипажи и замелькали фонари, проносясь отъ вокзала въ городъ. Вотъ одинъ эки-

пажь сворачиваетъ въ улицу и два огонька двигаются къ нему.

Что-жь? По этой улицѣ часто теперь проѣзжаютъ въ новую гостинницу на углу площади; вѣроятно, за глубокимъ снѣгомъ фаэтонъ ѣдетъ такъ тихо и держится ближе къ одной сторонѣ; вотъ онъ остановился на минуту, кто-то выглянулъ и спрятался; фаэтонъ шагомъ поѣхалъ дальше и черезъ нѣсколько домовъ опять остановился; изъ-подъ низко спущеннаго верха выглянула женская голова и пристально разсматриваетъ дома.

Онъ страшно вздрогнулъ, покачнулся и всталъ, но долженъ былъ схватиться за ручку калитки, чтобы не упасть. Тяжелый, почти беззвучный стонъ откуда-то прошелъ по его душѣ, сдавилъ ему грудь и горло и, поднявшись въ голову, рассыпался тамъ частыми звонкими ударами, свозъ стукъ и боль которыхъ до него донесся женскій голосъ:

— Да нѣтъ, вовсе не тутъ... я говорила тебѣ, у большихъ деревьевъ...

— Нѣтъ... разумѣется, нѣтъ, не она... Какое безуміе!... Я знаю, что не она... но кого-то ищутъ... я, можетъ, знаю... я могъ бы показать... здѣсь... сейчасъ деревья...

Фаэтонъ остановился въ двухъ шагахъ отъ него, въ упоръ на него выглянула молодая незнакомая женщина и, откинувшись съ нахальнымъ хохотомъ назадъ, въ темную яму фаэтона, закричала:

— Ты, дуракъ, ошибся улицей. Поѣзжай назадъ!

Извозчикъ ворча сталъ поворачивать лошадей, а онъ, скользя плечомъ и рукой по калиткѣ, тихо опустился передъ нею на снѣгъ.

VII.

Онъ заболѣлъ послѣ того вечера тяжело и надолго. Болѣзнь, вѣроятно, давно таившаяся въ немъ; послѣ испытаннаго потрясенія точно освободилась и открыто завладѣла его слабымъ тѣломъ. Онъ не могъ ни выходить, ни вставать съ постели и страшно томился и тосковалъ. Больше всего его мучила мысль, что теперь, если она вернется, онъ не встрѣтитъ ее, и онъ приказывалъ до глубокой ночи держать свѣтъ на всѣхъ окнахъ, выходящихъ на улицу. Потомъ его очень беспокоила школа; за его болѣзнию должны были приостановиться занятія по географіи и естественной исторіи во второмъ и третьемъ классахъ,

такъ какъ замѣстить его было некъмъ. Когда ему дѣлалось лучше, онъ пытался направить какъ-нибудь занятія безъ себя, призывая болѣе способныхъ мальчиковъ и указывая, что они должны прочитывать, хотя безъ него, по книгѣ; просилъ товарищей урывать какъ-нибудь время отъ собственныхъ занятій и помогать классамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда занятія не могли идти дальше безъ необходимыхъ объясненій. Но онъ сознавалъ, какъ все это слабо и недостаточно, и потому очень горевалъ.

Зима шла къ концу, солнце работало надъ землею, гнало съ нея ледъ и снѣгъ и звало жизнь изъ ея оттаивающей груди. И въ его груди работала болѣзнь, производя тамъ страшное опустошеніе, работала усиленно и торопливо, точно боясь, что идущіе лучи свѣта и тепла помѣшаютъ окончить ея черную работу.

Разъ, въ концѣ весны, онъ проснулся утромъ послѣ недолгаго сна. Въ этотъ день онъ чувствовалъ себя очень дурно; холодный потъ выступалъ на его груди и лбу и невыносимая тоска его томила. Но мысль о смерти была далеко отъ него; ему только страшно хотѣлось видѣть около себя людей, слышать отъ нихъ что-нибудь, видѣть ихъ движеніе. Онъ вспомнилъ, что черезъ двѣ недѣли должны начаться въ школѣ экзамены, а онъ собирался непременно увидать передъ тѣмъ дѣтей и поговорить съ ними. Онъ послалъ сказать въ школу, чтобы второй и третій классы зашли къ нему послѣ урока.

Послѣ полудня комнату его стала наполнять толпа дѣтей. Они робко, съ сдержаннымъ топотомъ, неловко держа въ рукахъ фуражки, подходили къ постели и широко раскрытыми, испуганными глазами смотрѣли на его искаженное, изглоданное болѣзнью лицо.

Онъ слабо шевельнулъ головою на подушкѣ.

— Здравствуйте, дѣти... Давно мы не видались. Видите, какъ я расхворался, но это ничего, пройдетъ... Подойдите ближе... мнѣ трудно говорить...

Передніе ряды слегка подвинулись къ его кровати.

— Ну, что-жь, черезъ двѣ недѣли у васъ экзамены, что-жь, вы молодцами будете?... а? Не боитесь?

— Нѣтъ, не боимся, — прошептало нѣсколько голосовъ.

— Ну, смотрите; я вѣрно поправлюсь къ тому времени и самъ приду... А вы все прочитывали, что я передавалъ вамъ?

— Все прочитывали, Дмитрій Николаевичъ, все, — заговорили дѣти въ нѣсколько голосовъ и увѣреніе.

— Только вот про камни еще не прочли...

— Да еще карту Сибири не рисовали; Иванъ Петровичу недосугъ былъ листы выдать, завтра обѣщался...

— Ну, какъ же вы безъ меня поживаете?... Всѣ здѣсь?

— Васи Никифоровыхъ нѣтъ; его недѣли съ двѣ со двора не отпускаютъ. Отецъ ногу зарубилъ, такъ съ хозяйствомъ некому управляться. У нихъ лошади, теперь глину возятъ, а работница нѣтъ...

— Намедни, Дмитрій Николаевичъ, мы на огородъ своемъ были,—заговорилъ одинъ мальчуганъ, нерѣшительно подвигаясь къ кровати, — такъ грецкая орѣшина, что вы сажали въ позапрошломъ годѣ, листъ пустила. И кукушку я видѣлъ тамъ... такъ долго куковала. Стало быть, всѣ ужь птицы къ намъ прилетѣли... она послѣдняя самая...

— Да... послѣдняя...

Онъ остановился, тяжелое хрипѣніе прервало его на полусловѣ. Мальчики съ ужасомъ смотрѣли, какъ тускнѣли его глаза, руки слабо двигались по груди и едва разслышали его слова, которыя съ разстановкою, задыхаясь, онъ выговаривалъ:

— Ну, дѣти... теперь прощайте... мнѣ надо заснуть... я очень усталъ... Идите да скажите... тамъ... чтобы меня разбудили, если она вернется...

А. Каневская.

ВИКТОРЪ ГЮГО *).

VI.

Послѣ крайняго увлеченія—охлажденіе; послѣ великой борьбы—отдыхъ, а тамъ опять, когда народъ собрался съ силами,— шагъ впередъ по тому пути, какой отыскивается народной потребностью, куда нація влечется болѣе или менѣе ясно сознанными стремленіями. Самыя эти стремленія, тѣмъ болѣе крайности, ими вызванныя, отрицаются въ моменты роздыха; въ моменты историческихъ приваловъ толпа разбродится въ стороны, а иногда и усомнится, вѣрна ли дорога. Вспомнимъ исходъ евреевъ; не одинъ разъ они предавались желанію возвратиться назадъ, и въ такія минуты мясная пища, брошенная въ Египтѣ, сильнѣе манила къ себѣ народное воображеніе, чѣмъ мистическія прелести обѣтованной земли. Впереди были обѣщаны всѣ блага и величіе; позади было рабство и тяжкая работа. Однако, священное писаніе удостовѣряетъ, что евреи не шли твердо впередъ, по пути прямому, но маловѣрно блуждали въ пустыняхъ и въ Ханаанъ привели ихъ уже не первые вожди.

Такъ жизнь и развитіе народовъ идетъ впередъ зигзагами, съ уклоненіями въ стороны и отступленіями назадъ. Только съ высоты историческаго наблюденія видна та общая, магистральная линія, которая результируетъ изъ самыхъ уклоненій, если народный инстинктъ въ общемъ угадалъ-таки ее. Въ противномъ случаѣ, видно, по которому изъ невѣрныхъ путей онъ пришелъ къ гибели, а путь спасенія, какой для него открывался, остается безъ слѣдовъ и бываетъ затерянъ для самого историка.

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

Однимъ изъ отдыховъ, однимъ изъ моментовъ реакціи въ исторіи французскаго народа была эпоха реставраціи. Вторая имперія такимъ моментомъ не была, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ нравственномъ. Лучшіе люди никогда не поддались ей, на защиту ея не всталъ ни одинъ замѣчательный писатель, кромѣ нѣсколькихъ обласканныхъ публицистовъ, въ числѣ которыхъ дѣйствительно замѣтнымъ и былъ одинъ Эдмонъ Абу.

Но реставрація—это было дѣло иного рода: это была не матеріальная только задержка, не одно внѣшнее насиліе. Нѣтъ, она сопровождалась еще нравственнымъ усиленіемъ вернуться къ прошлому, увѣрять снова въ неподвижность, въ окончательность порядка, созданнаго вѣками, поддерживаемаго церковью и разрушеннаго, казалось, только посягательствомъ высокоумныхъ софистовъ и корыстныхъ злодѣевъ.

Выше замѣчено, что В. Гюго націоналенъ, а не субъективенъ. Гёте признавалъ только природу, угадываемую великимъ поэтическимъ я, которое возвышается надъ человѣчествомъ и презираетъ его. Гюго—прямая противоположность такому опредѣленію поэта. Это гений самаго народа, находящій въ поэтѣ голосъ для выраженія всѣхъ своихъ стремленій, вѣрованій, надеждъ и колебаній. Самопротиворѣчія такого поэта неизбежны, потому что это—самопротиворѣчія его народа. Гюго отразилъ въ себѣ нѣсколько нравственныхъ движеній своего народа, вызвавшихъ постепенно тѣ пять перемѣнъ правленія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ.

Онъ не воспѣлъ всѣ эти перемѣны—безразлично; наоборотъ, къ однимъ отнесся холодно, противъ другихъ протестовалъ всею своею силою; но тѣ нравственныя движенія, которыми эти политическія перемѣны были вызваны, онъ отражалъ въ себѣ всѣ. Не то что мирился съ ними, нѣтъ, самъ поддавался имъ, вѣровалъ въ нихъ вмѣстѣ съ Франціею, увлекался ими, всегда сливая свою душу съ ея душою и будучи самъ ничто иное, какъ «уста, глаголавшія отъ полноты» души народной.

Въ увлеченіяхъ своихъ онъ не былъ бы искрененъ, если бы впередъ считалъ ихъ преходящими, если бы этотъ пѣвецъ народныхъ настроеній зналъ, что нѣкоторыя изъ прославляемыхъ имъ событій исторія вскорѣ должна была упразднить, а нѣкоторыя побѣды, представлявшіяся ему въ смыслѣ успѣховъ прочныхъ, приобрѣтеній окончательныхъ, были именно только привадами, съ которыхъ вскорѣ приходилось сняться и идти далѣе.

Такъ, В. Гюго совершенно искренне воспѣлъ «реставрацію», которая означала «возстановленіе» всего, что было священнаго въ преданіи вѣковъ. Въ предисловіи къ *Одамъ*, написанномъ въ 1824 году, Гюго высказывалъ безусловно то убѣжденіе, которое лежитъ на днѣ его поэтическаго творчества въ ту эпоху, именно, что «современная литература (Шатобрианъ, М-ше Сталь, Ламенне) служитъ предвозвѣстіемъ обществу религіозному и монархическому, которое, безъ сомнѣнія, возникнетъ изъ среды столькихъ древнихъ остатковъ и столькихъ развалинъ недавняго времени». Роль поэта, писателя вообще, представлялась ему какъ священное призваніе «стражей, поставленныхъ на башняхъ Иерусалима» и указывающихъ народамъ пути Божіи. Въ ходѣ событий онъ видитъ «единство причинности» и «гармонію результатовъ». Философія исторіи представляла для него въ ту пору какъ бы откровеніе. «Духъ народовъ, въ умиленномъ молчаніи, внемлетъ, какъ въ историческихъ катастрофахъ, смѣняющихся одна другою, раздается то таинственное слово, «иже свидѣтельствуешь во мракѣ и увѣщаетъ: *admonet et magna testatur voce per umbras*». Нѣкоторыя избранныя души собираютъ это слово; оно даетъ имъ силу, и когда громъ его въ событіяхъ умолкаетъ, тогда оно проявляется въ ихъ вдохновеніяхъ, и поученія, идущія съ неба, продолжаютъ въ пѣсняхъ поэтовъ».

Возрѣніе—чисто религіозное, которое, приложенное на практикѣ, вело бы прямо къ теократіи, какъ вся политическая философія Ж. де-Местра и де-Бональда. «Въ нынѣшнее же время,—продолжаетъ Гюго,—поэтъ обязанъ особенно стараться о томъ, чтобы загладить зло, причиненное софистами... Онъ не долженъ быть ничьимъ эхомъ, развѣ только божественнаго слова; онъ долженъ помнить то, о чемъ слишкомъ забывали его предшественники, то-есть, что у него самого есть вѣра и есть родина. Пѣсни его будутъ непременно прославлять успѣхи и несчастія его страны, обязанности и восторги, истекающіе изъ его вѣрованій, дабы и современники воспользовались чѣмъ-нибудь отъ души его, и въ потомствѣ другіе народы не сказали о немъ, что писалъ онъ въ странѣ, въ которой ничего своего не было: *in qua scribebat, barbara terra fuit*».

Вспомнимъ, что Виктору Гюго было въ то время 22 года и что воспитанъ онъ былъ въ духѣ набожности страстной,—набожности, претерпѣвшей жестокаго гоненія. Что касается взгляда на высокое призваніе поэта, то Гюго сохранилъ этотъ взглядъ во всю

свою жизнь, хотя мировоззрѣніе его значительно измѣнилось. Но основная невѣрность въ приведенномъ опредѣленіи роли поэта является въ примѣненіи лично къ самому тому, кто давалъ это опредѣленіе: Гюго самъ былъ именно эхомъ національнаго французскаго духа, а вовсе не пророкомъ, возвѣщающимъ своему народу новое откровеніе.

Русскій читатель, при видѣ приведенныхъ сейчасъ строкъ будущаго республиканскаго поэта, быть можетъ, все-таки, поморщится, несмотря на предшествующія объясненія. Это будетъ даже естественно, такъ какъ стоитъ только вспомнить, какое злоупотребленіе дѣлалось впослѣдствіи изъ примѣненія подобныхъ теософическихъ взглядовъ къ политикѣ, даже къ наукѣ. Но если и винить двадцатые годы во Франціи за все то, что происходило въ то время тамъ и еще тридцать лѣтъ спустя въ Германіи, а въ Россіи еще болѣе долгое время, то, все-таки, справедливо оцѣнивать каждую эпоху и каждого писателя, бывшаго подъ ея вліяніемъ, можно только при строгомъ различеніи, въ какихъ размѣрахъ гдѣ что было. Правильное сужденіе здѣсь тѣмъ болѣе затруднено, что въ тѣхъ литературахъ, которыя у себя дома не могли открыто осуждать тѣхъ или другихъ воззрѣній, а тѣмъ болѣе связанныхъ съ ними учреждений, приходилось преувеличенно, порицать то, что бывало въ томъ же родѣ въ иной странѣ, хотя оно тамъ было въ гораздо меньшей степени.

Если порядки, существовавшіе во Франціи при реставраціи, сравнить съ тѣми, какіе одновременно и даже гораздо позже держались въ иныхъ континентальныхъ странахъ, то французская реставрація покажется еще въ значительной степени либеральною. Существовала цензура—это правда. Но гдѣ же она не существовала въ то время? Однако, и печать, и гражданская личность были безъ всякаго сравненія болѣе обезпечены въ то время во Франціи, чѣмъ въ остальной континентальной Европѣ, не только въ то, но и въ гораздо позднѣйшее время. Разумѣю здѣсь такіе порядки, при которыхъ въ патріархальной и не клерикальной будто бы Пруссіи вполнѣ процвѣтали дореволюціонныя *lettres de cachet*, только безъ этого названія. Крѣпость Шпандау бывала переполнена людьми, не угодившими правительству, и такъ продолжалось вплоть до сороковыхъ годовъ. А философическіе нѣмцы, которые и въ то время смотрѣли на французскую реставрацію свысока и зачитывались такими либеральными сужденіями о чужой странѣ, какъ корреспонденціи Генриха

Гейне изъ Парижа въ *Allgemeine Zeitung*, у себя дома философски разсуждали, что нельзя же всего требовать вдругъ; что король Фридрихъ-Вильгельмъ III уже старъ; что во всякомъ случаѣ онъ отразилъ непріятельское нашествіе и что достаточно съ него и этой заслуги. Всѣ надежды возлагались на слѣдующее царствованіе. Но настало оно, и оказалось, что слѣдующій король ровно ничего новаго не сдѣлалъ, кромѣ безсильныхъ попытокъ въ смыслѣ опоздавшей реставраціи феодальной идеи, готики и какого-то протестантскаго клерикализма, въ которомъ онъ самъ хотѣлъ быть чѣмъ-то вродѣ папы.

А если бы мы хотѣли припомнить, что происходило въ двадцатые, въ тридцатые годы въ Бургессенѣ, въ Австріи, въ Неаполѣ, въ Моденѣ, въ самой Сардиніи, то французская реставрація представилась бы намъ въ совѣмъ иномъ свѣтѣ.

Все это сказано мною, чтобы выставить въ истинномъ свѣтѣ, почему В. Гюго могъ, вмѣстѣ съ большинствомъ французовъ, не только мириться съ реставраціею, въ томъ видѣ, какъ она дѣйствительно явилась на первыхъ порахъ, но даже и увлекаться ею, считать ее прочнымъ «возстановленіемъ», воспѣвать Вандею, смерть герцога Беррійскаго, рожденіе герцога Бордоскаго, коронованіе Карла X, даже походъ герцога Ангулемскаго въ Испанію для «возстановленія» династіи,—походъ, въ которомъ Бурбоны помогали Бурбонамъ, но французская нація играла, въ сущности, унижительную роль—орудію въ рукахъ составленнаго противъ нея же священнаго союза. Дѣйствительно, это увлеченіе Гюго требуетъ объясненія, извиненія. Онъ самъ впоследствии не иначе относился къ тому, какъ съ просьбою простить ему заблужденіе молодости, восторженности, всосанной съ молокомъ матери-вандейки. Вспомнимъ, все въ оправданіе или, лучше, въ объясненіе, что не онъ одинъ изъ избранныхъ умовъ подвергся этому увлеченію. Реставраціи считали возможнымъ искренно служить при Людовигѣ XVIII не только такіе почтенные аристократы, какъ Шатобрианъ и герцогъ Ришельё (основатель Одессы), но и такой прямодушный плебей, какъ Гизо, очень похожій по характеру и убѣжденіямъ на Вилліама Гладстона. Гизо былъ товарищемъ министра, когда возвратился съ Эльбы Наполеонъ, и Гизо послѣдовалъ за своимъ королемъ въ Гентъ, во время ста дней. Ламартинъ, впоследствии трибунъ республиканскій, какъ и Гюго, служилъ въ гвардіи при реставраціи;

Альфредъ де-Виньи, третій изъ наиболѣе выдавшихся поэтовъ той эпохи, также былъ гвардейцемъ при реставраціи.

Судя по однимъ этимъ именамъ, читатель смѣло можетъ предположить, что порядки французской реставраціи выдерживаютъ сравненіе не только съ тогдашнимъ порядкомъ въ Пруссіи, но и съ бисмарковскимъ, наступившимъ черезъ полвѣка. Что реставрація была болѣе, чѣмъ дѣломъ вѣшняго насилія, что она была дѣйствительно нравственнымъ и умственнымъ движеніемъ, это доказывается необыкновеннымъ разцвѣтомъ при ней литературы. Б. Делавинь, Ламартинъ, Гюго, А. де-Виньи, Беранже, Скрибъ, Гизо (какъ писатель), Бональдъ, Ламенне, Виллемень, Амперъ, Поль-Луи Курье,—эти родоначальники новой французской литературы всѣ начали писать при реставраціи.

Оды Гюго издавались отдѣльными книгами, но не въ томъ хронологическомъ порядкѣ, какъ онѣ были написаны. Такъ, въ послѣдней книгѣ, изданной въ 1828 году, есть вещи, написанныя въ 1820, даже въ 1819 годахъ. Повидимому, поэтъ сперва строго придерживался «героическаго» понятія объ одѣ, но впоследствии включилъ въ ихъ число и такія произведенія, которыя ничего историческаго и религіознаго не заключаютъ, и въ которыхъ проявлялась въ выступившемъ съ такимъ блескомъ и такой силою молодомъ поэтѣ другая сторона, болѣе задушевная, нѣжная. Сюда принадлежатъ такія прелестныя по формѣ вещи, какъ *Moïse* (чисто въ классическомъ родѣ), *Эпитафія*, *Мое дѣтство*, и нѣсколько проникнутыхъ тихимъ чувствомъ стихотвореній, какъ тѣ, которыя посвящены его женѣ, *Тыни ребенка* и т. д.

Приведа, въ видѣ примѣра лирической силы Гюго, нѣсколько стиховъ, я ограничусь теперь образами другого рода. Таково, на примѣръ, заключеніе пьесы *Мое дѣтство*, въ которой, рассказавъ впечатлѣнія войны и чужихъ краевъ и неясныя мечтанія, въ его умѣ возникавшія, онъ кончаетъ такъ:

Mes souvenirs germaient dans mon âme échauffée;
J'allais, chantant des vers d'une voix étouffée;
Et ma mère, en secret observant tous mes pas,
Pleurait et souriait, disant: «C'est une fée
Qui lui parle et qu'on ne voit pas». *)

*) Въ согрѣтой душѣ моей всходили сѣмена воспоминаній; я бродилъ, напѣвая себѣ въ полголоса стихи, а мать втихомолку слѣдившая за мной, сквозь слезы улыбалась и говорила: это волшебница съ нимъ говорить, невидимо для насъ.

Въ стихахъ *Къ тѣни ребенка*, набросавъ самими блестящими красками счастье чистой души одного изъ тѣхъ существъ, которыхъ Христосъ «звалъ ближе къ себѣ», поэтъ, кончаетъ вопросомъ:

Oh! dans le monde auguste, où rien n'est éphémère,
Dans ces flots de bonheur que ne trouble aucun fiel,
Enfant! loin du sourire et des pleurs de ta mère,
N'es-tu pas orphelin au ciel? *).

Или въ *Эпитафiи*, которая по величественной простотѣ и законченности стиховъ, дѣйствительно, какъ будто вырѣзана въ мраморѣ, есть такая строфа:

Passant, comme toi j'ai passé.
Le fleuve est revenu se perdre dans sa source,
Fais silence; assieds—toi sur ce marbre brisé.
Pose un instant le poids qui fatigue ta course;
Jeus de même un fardeau, qu'ici j'ai déposé **).

Выше уже однажды замѣчено, что первыя поэтическія произведенія Гюго ни по направленію, ни по формѣ не были «романтическими». Но этотъ характеръ уже, несомнѣнно, имѣютъ первыя его романы; написанные одновременно съ одами. Онъ проявляется и въ *Балладахъ* (1826), такъ какъ самый этотъ родъ относится къ романтизму. Въ *Балладахъ* представляются уже и всѣ аксессуары романтизма: сюжеты древне-германскіе и испанскіе, шабашъ вѣдьмъ, элементъ національный, но средневѣковой и т. п. И рифма здѣсь—невиданная у «классиковъ»; она скорѣе напоминаетъ дю-Белле, Ронсара, то-есть XVI вѣкъ, —Ронсара, котораго такъ не любилъ Буало, этотъ непогрѣшимый папа классической поэтики. И не даромъ; въ его отзывѣ о Ронсарѣ ***), —странно сказать, —какъ будто звучитъ нота ненависти къ будущему Виктору Гюго. Точно «правильный» семнадцатый вѣкъ, вѣкъ подстриженныхъ деревьевъ, «храма дружбы» —въ архитектурѣ и «испанскаго шага» —въ верховой ѣздѣ, злобно осуждаетъ обонихъ своихъ сосѣдей, изъ которыхъ втораго какъ будто предугадываетъ и впередъ осмѣиваетъ:

*) Дитя, ты въ мірѣ величія безконечнаго, гдѣ переходящаго нѣтъ ничего, ты—среди волнъ счастья, безъ горькой примѣси. Но, вдали отъ улыбки и отъ слезъ твоей матери, не сирота ли ты въ небѣ?

**) Прохожій, я прошелъ уже. Рѣка возвратилась и втекала въ истокъ свой. Въ молчаніи присядь на этомъ разбитомъ мраморѣ. Скинь на мигу ношу, которая утомляетъ тебя въ пути; и у меня было бремя, и я сложилъ его здѣсь.

***) Art poétique.

Réglant tout, brouilla tout, fit un art à sa mode...
 Vit dans l'âge suivant, par un retour grotesque
 Tomber de ses grands mots le faste pédantesque...

Въ *Балладахъ* Гюго, такъ сказать, ломаетъ, разбиваетъ прежнюю форму французскаго стиха, и если не «выковываетъ» новую, то, во всякомъ случаѣ, вырабатываетъ свободу. Какъ въ одахъ онъ доказалъ, что французскій языкъ годится для самыхъ сильныхъ лирическихъ порывовъ, такъ въ балладахъ онъ обнаружилъ, что французскій стихъ можетъ быть гораздо разнообразнѣе по формѣ, чѣмъ было принято у «классиковъ». Этимъ разнообразіемъ и смѣлостью формы онъ какъ будто бросаетъ имъ перчатку. Несомнѣнно, его увлекало, отчасти даже къ злоупотребленію, мастерство, съ какимъ онъ «дѣлалъ» стихъ. Такъ, на примѣръ, въ одной балладѣ всѣ четные стихи составляютъ только повтореніе послѣдняго слога стиховъ нечетныхъ. Выходитъ какъ будто эхо:

Mon page, emplis mon escarcelle,
 Selle
 Mon cheval de Calatrova;
 Va!

Иногда эти шалости выходятъ естественны. Такъ, въ другой балладѣ трехмѣрный стихъ, слишкомъ короткій, производитъ впечатлѣніе молодечества и веселья, которыя соотвѣтствуютъ предмету:

Les quadrilles,
 Les chansons,
 Mâlent filles
 Et garçons
 Quelles fêtes!
 Que de têtes
 Sur les faites,
 Des maisons!

Но есть такая баллада, первая строфа которой состоитъ изъ стиховъ двусложныхъ, вторая изъ трехсложныхъ, третья—четырёхсложныхъ и т. д., до 10 слоговъ, которыми написана девятая строфа; потомъ, въ томъ же порядкѣ стихи сжимаются и послѣдняя строфа—опять двусложная. Сама по себѣ баллада эта красива *), но рифма ея, намѣренно искусственная, уже напоминаетъ стихи, которые были въ модѣ въ Италіи въ XVII

*) Она, впрочемъ, помѣщена не въ *Ballades*, но въ *Orientales*.

вѣкъ и писались такихъ размѣровъ, что цѣлое стихотвореніе представляло рисунокъ, напр., пирамиды, круга, рюмки. У Гюго это—шалость генія.

Можно себѣ представить, какъ злились на это любители «чистоты вкуса» или «парики», какъ ихъ вскорѣ прозвали романтики. Намъ надо теперь поговорить о Гюго, какъ о «главѣ французскаго романтизма». *Баллады*, романы *Han d'Islande* (1823) и *Bug Jargal* (1825), передѣланный изъ прежняго, совсѣмъ юношескаго произведенія, затѣмъ *Notre Dame de Paris*, о которомъ упомяну особо, предисловіе къ драмѣ *Кромвелль* (1827), новый сборникъ стихотвореній *Orientales* (1829),—всѣмъ этимъ Гюго рѣшительно уже сломалъ всѣ условныя преграды, проложилъ новый путь и даже сразу успѣлъ зайти по немъ слишкомъ далеко. Въ балладахъ онъ впервые мобилизировалъ французскій стихъ; въ названныхъ затѣмъ произведеніяхъ онъ широко раскрылъ передъ французской публикой совершенно новый міръ или, точнѣе сказать, новые міры, такъ какъ романтизмъ искалъ своихъ сюжетовъ повсюду, лишь бы это было въ области необычнаго, а еще лучше—необычайнаго. Далекія, невѣдомыя, но угадываемыя эпохи и страны, какъ, напр., Индія или Исландія, средніе вѣка, элементы германскій и испанскій, христіанство, сближеніе съ народной (національной) жизнью, необузданность страсти, яркость красокъ, смѣлость рифмы вообще, эффектность,—вотъ тотъ агломератъ разнородныхъ данныхъ и идей, вотъ тотъ магазинъ театральныхъ декорацій, которыя доставляли сюжеты и самый характеръ романтизму, съ спеціальнымъ приращеніемъ къ Франціи.

Начало этой литературной революціи было естественно-законно. Необходимо слѣдовало сломать условныя преграды и ширмы, стѣснявшія кругозоръ, исключавшія правдивый языкъ страсти—во имя академической умѣренности, эти «три единства», выгнать этихъ римлянъ и грековъ во французскихъ кафтанахъ, въ парикахъ и при шпагахъ; этихъ вѣчныхъ Дамонъ, Филидъ, Клеонтовъ и Жеронтовъ, которые были псевдонимами современности, такъ какъ говорили иногда другъ другу *taquis* и *chevalier* при классическихъ своихъ именахъ. Надо было заняться своей исторіей, приблизить искусство къ жизни своей и чужой, но реальной. Романтизмъ, по одному изъ своихъ направленій, представлялся въ свое время реализмомъ, какъ ни далеко отъ требованій реализма по формѣ, по самому духу своему, который есть необычайность.

VII.

Романтизмъ, какъ извѣстно, не явился въ это время какъ нѣчто совсѣмъ новое во Франціи. Виктора Гюго слѣдуетъ признавать не творцомъ романтизма, но главнымъ дѣятелемъ этого новаго направленія въ литературѣ французской и однимъ изъ главныхъ послѣдователей его—въ литературѣ всеобщей. Сверхъ того, его еще специально можно признавать величайшимъ изъ лирическихъ поэтовъ, вышедшихъ изъ европейской романтической школы, и завоевателемъ французскаго театра для романтизма. Вотъ нѣсколько пространное опредѣленіе; но оно, какъ мнѣ кажется, довольно точно объясняетъ, въ какомъ именно смыслѣ и до какой степени Гюго правильно называть главою французскаго романтизма.

Большинство воспоминающихъ нынѣ о романтизмѣ и склонныхъ относить чуть не главнымъ образомъ къ Гюго всѣ вины, всѣ преувеличенія этого направленія, забываютъ, что романтизмъ явился первоначально какъ начало не только не-французское, но анти-французское, лишившее французскую литературу той безусловной диктатуры, какая ей принадлежала съ XVII и до послѣдней четверти XVIII столѣтія. Возводить романтизмъ приходится къ Шекспиру, въ смыслѣ образца, но не въ смыслѣ вліянія. Величайшій драматургъ, возникшій на рубежѣ XVI и XVII в., долго стоялъ одиноко. Къ этому образцу обратились, когда пришла потребность обратиться къ нему. Собственно «школа» романтическая возникла въ Германіи, какъ результатъ подъема національнаго духа во время семилѣтней войны. При Фридрихѣ II въ самой Германіи французское направленіе еще господствовало; самъ король, какъ извѣстно, признавалъ только ее. Вольтеръ, изгнанный изъ Франціи, торжествовалъ въ Санъ-Суси. Но подъемъ патриотизма, національнаго духа произошелъ въ нѣмецкой литературѣ того времени внезапно и произвелъ сразу большіе результаты. Лессингъ, Гёте, Шиллеръ, Гердеръ выступили одинъ близко къ другому и были даже сотрудниками въ буквальномъ смыслѣ. *Разбойники* Шиллера написаны за 11 лѣтъ до смерти Фридриха II. Гёте, не признававшій слова «романтизмъ», сказавшій, что «классично то, что здорово, а романтично то, что не здорово», самъ, тѣмъ не менѣе, былъ совершеннымъ романтикомъ въ смыслѣ литературнаго преобразованія, такъ какъ онъ осудилъ знаменитыя «три единства» псевдоклассической сцены.

И такъ, романтизмъ возникъ внѣ Франціи, въ концѣ XVIII вѣка, причемъ, однако, идеи французскихъ энциклопедистовъ и начало революціи не только поддержали французское вліяніе въ литературѣ всемірной, но и подчинили себѣ и самихъ нѣмецкихъ романтиковъ, и величайшаго поэта Англии Байрона. Шиллеръ въ *Донъ-Карлосъ*, *Вилггельмъ Теллъ* является поборникомъ политической свободы. Гёте — въ *Вертеръ*, Байронъ во многихъ произведеніяхъ представляются съ оттѣнкомъ того пессимизма, какой былъ навѣянъ потрясеніемъ старыхъ вѣрованій. *Фаустъ* и первыя произведенія Байрона явились въ первые годы нашего вѣка, когда Гюго былъ еще четырехъ-пятилѣтнимъ ребенкомъ; онъ былъ мальчикомъ, когда вышли главные романы Вальтера Скотта.

Въ самой Франціи, то отпаденіе литературы отъ классическихъ формъ и приближеніе ея къ сюжетамъ національнымъ, которое внѣ Франціи возникло какъ реакція національнаго духа противъ французскаго, псевдо-классическаго господства, имѣло представителей до Гюго, въ романѣ — Шатобриана, въ лирикѣ и въ театрѣ — Казимира Делавиня. Его *Messéniennes*, это патріотическія оды, вызванныя разгромомъ Франціи въ 1818 году; онѣ имѣли тотъ же смыслъ, что *L'Année Terrible* Гюго, явившаяся въ 1872 году. Въ театрѣ до Гюго имѣли успѣхъ совершенно романтическія пьесы Делавиня: *Vêpres Siciliennes*, *Paria*. Наконецъ, не надо упускать изъ вида, что за семь лѣтъ до появленія въ печати первыхъ одъ Гюго были уже изданы первыя пѣсни Беранже (1815). Литература, стало быть, уже значительно склонялась въ сторону отъ классицизма въ самой Франціи.

Затѣмъ выступаютъ одновременно: Ламартинъ, Гюго, Виньи, не упоминая о меньшихъ. Религіозный духъ, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ романтизма (Шиллеръ, Шатобрианъ, Ламартинъ), проявился у Гюго, какъ мы видѣли, съ большою силою въ одахъ и балладахъ, въ которыхъ торжествуетъ также и духъ національный. Въ романахъ *Bug Jargal* и *Han d'Islande* и въ лирическомъ сборникѣ *Orientales* Гюго, какъ уже упомянуто, пустился на поиски за чужимъ, далекимъ, необычайнымъ, яркимъ и вмѣстѣ таинственнымъ. Такимъ образомъ, онъ соединилъ уже въ себѣ, для дальнѣйшаго творчества и для вліянія своего на литературу, все многообразное содержаніе того, что называется романтизмомъ.

Orientales, появившіяся въ 1829 году, имѣли большой успѣхъ

и нѣкоторые критики (не особенно благосклонные) видятъ въ этомъ сборникѣ чуть ли не лучшую часть лирическаго творчества Гюго. Мнѣніе это я долженъ признать совершенно несправедливымъ. Признаюсь даже, что лично не люблю *Orientales*. Онѣ кажутся слишкомъ навѣянными вѣшной причиной—греческимъ возстаніемъ. Гюго никогда не оставался безъ отклика на вопль угнетеннаго народа и греческія палаты вотировали ему хвалу, при извѣстіи, о его смерти, именно за *Orientales*. Но, все-таки, этотъ сборникъ производитъ такое впечатлѣніе въ полномъ собраніи сочиненій Гюго, какъ будто прежде Востока не было, но вдругъ поэтъ сказалъ: да будетъ, и бысть Востокъ. И бысть не только Востокъ, но исключительно — адмиралъ Банарисъ, города: Миссолонги, Наваринъ, султанъ Ахметъ и т. д.; а потомъ Востокъ какъ будто прошелъ и его опять нѣтъ.

Слѣдуетъ, однако, признать, что въ *Orientales* заблудились нѣкоторыя прелестныя вещи, ничего восточнаго не имѣющія; таковы, напр., *Призраки*. Чтобы дать понятіе о совершенствѣ формы, о музыкальности, какой достигъ стихъ Гюго въ то время, приведу здѣсь цѣликомъ изъ *Orientales* маленькое стихотвореніе: *Уноenie (l'Extase)*:

J'étais seul près des flots, par une nuit d'étoiles.
 Pas un nuage aux cieux, sur les mers pas de voiles.
 Mes yeux plongeaient plus loin que le monde réel.
 Et les bois, et les monts, et toute la nature
 Semblaient interroger dans un confus murmure
 Les flots des mers, les feux du ciel.
 Et les étoiles d'or—légions infinies,
 A voix haute, à voix basse, avec mille harmonies,
 Disaient, en inclinant leurs couronnes de feu;
 Et les flots bleus, que rien ne gouverne et n'arrête,
 Disaient, en recourbant l'écume de leur crête:
 C'est le Seigneur, le Seigneur Dieu! *)

*) Я былъ одинъ у волей въ лунную ночь. Ни одного облака на небѣ, ни одного паруса на морѣ. Взоры мои проникали дагѣ міра видимаго.

И вотъ, дѣса, и горы, и природа вся, казалось, въ смутномъ шепотѣ вопрошали у волей морскихъ, у огней небесныхъ.

А золотыя звѣзды въ безчисленныхъ легіонахъ, то громко, то тихо, тысячами сочетаній и склоняясь огненными вѣнцами, вѣщали;

И волны голубыя, ничѣмъ не управляемыя, ничѣмъ не удерживаемыя, сбѣгалъ плѣву гребней своихъ, говорили:

— Это Господь, Господь Богъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что эти чудесные стихи, по красотѣ формы и по вѣрности, съ какою передаютъ они самое образованіе впечатлѣнія, самое движеніе чувства, принадлежатъ къ наиболѣе безупречнымъ перламъ всемірной поэзіи.

Опредѣленіе Гюго, какъ романтика, приводитъ насъ къ его драмѣ *Кромвелль*, вышедшей въ 1827 году, или, вѣрнѣе сказать, къ знаменитому предисловію, какимъ она была снабжена, такъ какъ самая драма слаба и не была играна. Но предисловіе это было настоящимъ манифестомъ о войнѣ романтизма, о войнѣ на сценѣ театральной. Въ этомъ именно предисловіи, настоящемъ документѣ въ исторіи литературы, безусловномъ и высокаторжественномъ, какъ прилично манифесту, Гюго произнесилъ окончательное осужденіе надъ классицизмомъ. Послѣ этого документа, можно сказать, въ его именно руки достается предводительскій жезлъ въ борьбѣ, и поэтъ становится «главою французскаго романтизма».

Но прежде чѣмъ обратиться къ Гюго-драматургу, мы должны свести счеты съ Гюго-роялистомъ, легитимистомъ, какимъ мы его знали доселѣ. Ошибки реставраціи, преклоненіе ея передъ «священнымъ союзомъ», этой ширмой, которая была придумана для того, чтобы въ пользу нѣмецкихъ державъ унижить Францію, закабалить Россію и разстрѣливать Италію, отвратили отъ Бурбоновъ сочувствіе французской интеллигенціи. Что касалось массы народной, то народъ-фабричный ихъ и прежде не любилъ, а народъ-крестьянинъ смутно опасался при слухахъ о возможности отобраніи «національныхъ имуществъ», то-есть, земель, отнятыхъ революціею у дворянства и удѣловъ и положившихъ основаніе французскому мелкому, крестьянскому землевладѣнію. Милліардъ вознагражденія, дарованный эмигрантамъ, цензура, высокомѣрное отношеніе Карла X къ парламентаризму подкапывали Бурбоновъ. А въ это время почву, столь еще нетвердую подъ ними, подсасывала быстро возрождавшаяся на зломъ, въ совершенно сказочномъ видѣ, наполеоновская легенда. Забывали гнѣть, вспоминали славу.

Поль-Луи Курье въ добродушно-ядовитыхъ, образцовыхъ по народной силѣ и чистотѣ языка памфлетахъ, язвилъ людей реставраціи, дворянство, и по поводу національной подписки на приобрѣтеніе замка Шамбора для наслѣдника престола, напоминать о самыхъ безславныхъ сторонахъ придворнаго режима до-революціонныхъ Людовиковъ. Беранже припѣвалъ:

Lord Vilain-ton a tout pris
 Il n'y a plus d'argent dans s'gueux d'Paris...

а виѣстъ усиленно работалъ для возрожденія славной былины о побѣдоносномъ французскомъ цезарѣ. Извѣстно, что демократъ Беранже и будущіе злѣйшіе враги втораго изданія имперіи—Викторъ Гюго и Адольфъ Тьеръ—явились представителями и орудіями этой реакціи въ умахъ въ смыслѣ сочувствія къ наполеоновской эпохѣ.

Любопытно видѣть постепенно видоизмѣняющееся отношеніе Гюго къ Наполеону, какъ исторической фигурѣ. Даже въ легитимистскихъ одахъ, какъ только онъ касался Наполеона, всегда съ осужденіемъ въ стихѣ его отражалось какое-то особое волненіе. Уже тамъ предчувствуешь то, что онъ сказалъ впоследствии, въ изгнаніи: «странный этотъ человекъ смутилъ справедливость». Въ одахъ Наполеонъ—убійца герцога Ангіенскаго, преступникъ. Но, все-таки, фигура его слишкомъ величава и поэтъ не разъ къ ней возвращается. Въ извиненіе ему укажемъ на другіе, болѣе сторонніе примѣры той fascino, какою обладалъ этотъ образъ на современниковъ и на ближайшіе къ нему поколѣнія, укажемъ на Байрона, страстнаго любителя свободы, на прямаго, честнаго Александра Манцони, автора одного изъ лучшихъ стихотвореній, посвященныхъ Наполеону—*Il Cinque Maggio*. Оно такъ славилось, что Наполеонъ III, черезъ нѣкоторыхъ посредниковъ, предлагалъ итальянскому поэту разныя милости за оду для себя. Добрый Манцони, скажу мимоходомъ, не хотѣлъ указать на невозможность такого сравненія и отказалъ въ такой формѣ: „son vecchio“ *).

Уже въ 1825 году Гюго нѣсколько охладѣлъ къ реставраціи, иначе не могъ бы написать *Les deux îles*, блестящую оду въ честь Наполеона. У итальянцевъ съ французами бываетъ споръ, чья ода лучше: Манцони или Гюго. Мнѣ самому случалось, въ молодости, доказывать итальянцамъ, что ода Гюго лучше. Но это было въ пору столь незрѣлую, что картинность и порывъ въ поэзіи правились мнѣ еще болѣе, чѣмъ самимъ итальянцамъ. *Les deux îles*, это—Борсика и Св. Елена.

Là fut son berceau!—Là sa tombel
 Pour les siècles c'en est assez.
 Ces mots, qu'un monde naisse on tombe,

*) Я старъ.

Ne seront jamais effacés.
 Sur ces îles, à l'aspect sombre,
 Viendront, à l'appel de son ombre,
 Tous les peuples de l'avenir;
 Les foudres qui frappent leurs crêtes,
 Et leurs écueils, et leurs tempêtes,
 Ne sont plus que son souvenir... *)

Въ 1827 году оскорбленія, какими еще осыпалась память Наполеона въ глубоко ненавидѣвшихъ его чужихъ краяхъ, вызвали со стороны Гюго оду *Вандомской колонны*. Нѣкоторыя модуляціи этой оды, очевидно, произвели впечатлѣніе на Пушкина, такъ какъ онѣ повторяются въ его отвѣди *Клеветникамъ Россіи*.

Все это было уже совсѣмъ въ сторону отъ похода герцога Ангулемскаго въ Испанію. Ода въ честь колонны вызвала неудовольствіе на Гюго въ кружкахъ правительственныхъ. Самый романтизмъ, со всѣми его смѣлостями, не былъ одобряемъ при дворѣ; это, все-таки, пахло какъ-то революціей. Въ 1827 году, тотчасъ послѣ *Orientales*, появляется страстный, дѣйствительно потрясающій протестъ противъ смертной казни—*Le dernier jour d'un condamné*. Все это вело Гюго къ неизбѣжному разрыву съ реставраціею, который, какъ мы сейчасъ увидимъ, вскорѣ и послѣдовалъ. Для того, чтобы не прерывать далѣе обзора драматическаго творчества Гюго, можно здѣсь сдѣлать небольшой скачекъ въ порядкѣ постепенности его произведеній и упомянуть о романѣ *Notre Dame de Paris*, хотя онъ былъ написалъ уже въ 1830 году, послѣ іюльской революціи и послѣ двухъ первыхъ игранныхъ драмъ.

Въ *Notre Dame* проявляются всѣ стороны его таланта, всѣ качества, кромѣ блеска стиховъ, и всѣ недостатки, кромѣ нѣкотораго «усилія», какое у него иногда обнаруживалось въ позднѣйшихъ произведеніяхъ: монументальность описаній, яркость средневѣковаго колорита, интересъ дѣйствія и тотъ духъ мрачнаго, необычайнаго, таинственнаго, который сообщается читателю и оставляетъ въ немъ особое впечатлѣніе навсегда. При-

*) Здѣсь была его колыбель, тамъ—могила. Вѣра не забудетъ этихъ словъ. Миръ новый можетъ возникнуть, можетъ упасть, но тѣ слова не выгладятся. Изъ грозныхъ острововъ будутъ стекаться, на зовъ его, тѣни, всѣ народы будущаго. Мракъ этихъ скалъ, и молвіи, бьющія въ ихъ вершины, и бури, ихъ окружающія,—все это говорить уже только о немъ.

бавлю, что мрачнаго здѣсь даже больше, чѣмъ въ самомъ архитектурномъ храмѣ Богоматери парижской: Громадный, старинный, какъ онъ кажется легокъ, даже воздушенъ, когда вечернее солнце освѣщаетъ его верхнія подпоры и придаетъ имъ видъ парусовъ. Но мракъ, искаженія, страданія вполне соответствуютъ общему характеру среднихъ вѣковъ. Напр., затворница въ *Notre Dame*, это—фигура совершенно въ томъ же духѣ, какъ *L'homme qui rit*.

Недостатки романа — чрезмѣрная чудовищность Квазимодо, который представляется иногда существомъ сверхъестественнымъ, и нѣкоторая сухость, превосходнаго, впрочемъ, по наглядности рисунка, стараго Парижа. Гюго могъ оживить это описаніе и если не сдѣлалъ такъ, то, быть можетъ, просто по спѣшности работы. Для исполненія обязательства передъ издателемъ, Гюго долженъ былъ окончить этотъ романъ въ пять мѣсяцевъ, а романъ вышелъ не такой, какой въ пять мѣсяцевъ можетъ быть вполне законченъ; онъ вышелъ грандіознымъ.

Авторъ одной изъ нѣмецкихъ статей о Гюго *) приводитъ неблагоприятный отзывъ Гёте о *Notre Dame*, которую авторъ *Фауста* прямо называетъ «das abscheulichste Buch das je geschrieben worden». Гёте находитъ, что въ этомъ романѣ нѣтъ природы и правды и что дѣйствующія въ немъ лица — не живые люди, а искаженія. Но въ этомъ отзывѣ можно видѣть, за исключеніемъ справедливости, все, что угодно, даже старческую зависть къ молодой славѣ и крохотно-министерское неблаговоленіе къ вольному духу.

То, что выше сказано о спѣшности работы по поводу вступленія въ *Notre Dame*, не должно быть понимаемо въ такомъ смыслѣ, что если бы авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не 5, а 10 мѣсяцевъ или два года, то романъ вышелъ бы совсѣмъ иной. Я говорилъ только о недостаткѣ нѣсколькихъ штриховъ, для наведенія которыхъ достаточно было двухъ дней; при спѣшности работы ихъ не оказалось. Но въ общемъ романъ вылился цѣльнымъ и едва ли выигралъ бы отъ вылеживанія. Нѣкоторые писатели сильнѣе въ импровизаціи, чѣмъ въ медленномъ гравированіи; то, что импровизируется, выходитъ иногда и ярче, и цѣльнѣе. За годъ до *Notre Dame*, въ 1829 году, Гюго написалъ въ три недѣли драму *Marion Delorme*, которая можетъ служить до-

*) Я долженъ отдать справедливость *Allg. Zig*, о которой упоминалъ въ началѣ своего очерка. Позднѣе въ этой газетѣ явился вполне приличный эссею о Викторѣ Гюго г. Гуго Клейва.

казательствомъ тому, что сейчасъ сказано. Она вылилась совершенно цѣльною, такъ сказать, однимъ почеркомъ. Самъ авторъ въ предисловіи къ ней говоритъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ, которыя протекли между окончаніемъ этой драмы и постановкой ея на сцену, онъ сдѣлалъ въ ней только незначительныя измѣненія. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ не нашелъ нужнымъ ввести существенныя перемѣны въ то, что было создано въ три недѣли.

Здѣсь отступимъ нѣсколько отъ хронологическаго порядка и соберемъ вмѣстѣ все драматическое творчество Гюго. Какъ уже сказано въ началѣ, величіе Гюго—въ поэзіи лирической. Въ ней онъ, если имѣетъ равныхъ, то, все-таки, ни одинъ поэтъ не превышаетъ его. Въ драмѣ онъ во многихъ отношеніяхъ уступаетъ, не говоря уже о Шекспирѣ, — котораго самъ признавалъ идеаломъ своимъ и учителемъ, — но и Шиллеру. Драматизированная поэма Гёте не идетъ при этомъ въ сравненіе. Въ драматическихъ картинахъ Шиллера полотно большихъ размѣровъ. На немъ умѣщается народъ, которому въ драмахъ Гюго не хватаетъ мѣста. И тѣ, и другія картины—историческія, но картина можетъ быть въ четыре квадратныя аршина или во всю стѣну. Въ большой живописной эпопее можно изобразить, какъ въ *Валленштейнѣ* и въ *Теллѣ* Шиллера, и массу фигуръ, и, такъ сказать, фигуру массу, не только дѣятелей, но и среду дѣйствія. Но возьмите иную картину Поля Делароша, представляющую всего двѣ фигуры, и она изображаетъ эпоху, она производитъ «историческое» впечатлѣніе. У обоихъ поэтовъ, у Шиллера, какъ и у Гюго, есть одинъ недостатокъ общій: лирикъ постоянно хватается драматурга за руку, останавливаетъ дѣйствіе и начинаетъ пѣть. Оба поэта злоупотребляютъ монологами. Такъ, всѣ знаменитыя «рѣчи», которыя встрѣчаются въ драмахъ Гюго—рѣчь Сильвы передъ портретомъ предковъ (*Эрнани*), рѣчь Нанжиса противъ Ришелье (*Marion Delorme*), рѣчь Сен-Валле (*Roi s'amuse*), рѣчь Мильтона Бромвеллю, рѣчь Руи Блаза министрамъ—превосходныя лирическія тирады; онѣ годятся болѣе всего въ *Legende des siecles*. Но при данныхъ обстоятельствахъ онѣ не могли быть произнесены.

У Шиллера это встрѣчается также, особенно въ *Донъ-Карлосъ*. Да возьмемъ хоть такой примѣръ изъ *Теллы*: человѣку объявляютъ, что отецъ его ослѣпленъ тираномъ. Какъ выразится чувство любящаго сына, въ какихъ словахъ выльется негодованіе патріота? Отрывистымъ воплемъ, затѣмъ проклятіями, быть можетъ. Но мыслимо ли, чтобы человѣкъ въ такомъ положеніи

сталъ пространно разсуждать о томъ, какой великій даръ Божій есть зрѣніе и какъ много потерялъ отецъ, лишившись его? Не увидитъ онъ завтра ни цвѣтовъ, ни того, ни другаго, ни третьяго. Очевидно, здѣсь уже нѣтъ правды драматической; здѣсь чувство запѣло, лирикъ взялъ верхъ надъ драматургомъ.

Ни Карлъ V, ни Францискъ I, ни Людовикъ XIII не стерпѣли бы тѣхъ проповѣдей о предкахъ, о порокахъ, о казняхъ, которыя авторы преподносятъ имъ въ лицѣ трехъ смѣлыхъ стариковъ. Гюго, прибавимъ, впѣдаетъ въ этотъ недостатокъ гораздо въ большей степени, чѣмъ Шиллеръ, по личному своему пристрастію къ формѣ «перечня», къ номенклатурнымъ поясненіямъ мысли.

Перейдемъ къ другимъ недостаткамъ драмъ Гюго. Нѣтъ въ нихъ единичныхъ фигуръ изъ народа, какъ нѣтъ народныхъ группъ. У Шиллера гораздо болѣе разнообразіа: и бюргерская семья, и пастухи-охотники, разбойники, солдаты. Гюго также выводитъ иногда людей изъ народа, но дѣлаетъ это съ болѣею тенденціею; ему нужна нота протеста. Но о нихъ и можно сказать только то, что они вышли изъ народа, совсѣмъ вышли. Эти люди, министръ и любовникъ королевы, бывшій лакей (*Puи Блазз*), Дидье мрачный разночинецъ среди маркизовъ и кавалеровъ (*Marion Delorme*), даже Трибулѣ, шутъ (*Roi s'amuse*) одушевлены рыцарскими чувствами и говорятъ рыцарскимъ языкомъ. Великодушіе, неустрашимость, гордость, культъ женщины, болѣе чѣмъ любовь къ ней,—вотъ тѣ душевные мотивы, которые онъ любитъ преимущественно приводить въ дѣйствіе. Гюго призывалъ себя въ учителя Шекспира; но онъ, все-таки, болѣе—Корнель и по изображаемымъ характерамъ, и по пренебреженію ко всему не геройскому.

Достоинства, кромѣ неподобныхъ стиховъ, съ лирическими вставками, сценичность, быстрота дѣйствія, неожиданность развязки, крѣпость постройки этихъ драмъ (за исключеніемъ *Кромвелля и Бурирафовъ*). Нагляднымъ подтвержденіемъ этихъ качествъ драмъ Гюго служитъ то, что большая часть его сценаріевъ цѣликомъ взята для оперъ, въ которыхъ главная потребность дѣйствія—крупность чертъ, быстрота, живописность, сопоставленіе. *Эрнани, Лукреція Борджіа, Пуи Блазз, Корольскія забавы*,— все это взято въ оперы и либретто списаны съ драмъ и только мѣстами подѣланы пропуски. Характеристическія черты героевъ у Гюго выступаютъ не въ разговорахъ (какъ то бываетъ у Шиллера), но въ самомъ дѣйствіи.

Мы упоминали о некоторых лирических отступленіяхъ. Но что же было дѣлать, когда они такъ просятся наружу изъ души автора-лирика? Драматургъ является слишкомъ снисходительнымъ цензоромъ и пропускаетъ ихъ, прпускаетъ тѣмъ легче, что и публика, и критика поощряютъ такое злоупотребленіе и неестественность. Критика, положимъ, указываетъ, что они замедляютъ дѣйствіе, но сама же любуется ими до такой степени, что именно они попадаютъ въ хрестоматіи. Недавно вышла довольно хорошо составленная брошюрка съ извлеченіями изъ разнородныхъ произведеній Гюго и продается издателемъ Гетцелемъ на сооруженіе памятника. Есть тамъ кое-что и изъ драмъ; но что же, главнымъ образомъ? — три изъ тѣхъ самыхъ рѣчей, которыя мы принуждены осудить, какъ неестественныя. А публика? Вѣдь, она аплодируетъ именно послѣ тирады, не иначе. Каждой изъ перечисленныхъ выше чисто-лирическихъ рѣчей она рукоплещетъ и восторгается. А вотъ такая сцена у того же Гюго: Дидё и Саверни въ тюрьмѣ, ожидаютъ смерти. Саверни проситъ: «скажи мнѣ что-нибудь объ этомъ?» И вотъ, Когда Дидё, въ простыхъ и не длинныхъ словахъ, напоминаетъ товарищу, чтобы онъ не поддался въ послѣднюю минуту слабости, что отвѣчаетъ Саверни? Онъ спитъ. Развѣ такому мелкому и простому, но мастерскому штриху въ изображеніи характера статься аплодировать?

Это взято изъ *Marion Delorme*, — пьесы, въ которой есть всё достоинства драмъ Гюго и почти нѣтъ недостатковъ. Положимъ, въ ней нѣтъ философской глубины Шекспира; но какое обиліе, какая ясность и какая вѣрность типовъ! Сама Марія Делормъ, эта «благородная барышня», превратившаяся въ куртизанку, лицо историческое, но въ исторіи не представляющее ничего типическаго, — куртизанка увлекательная и ничего болѣе. Личность ея блѣдна въ мемуарахъ, которые свидѣтельствуютъ только о ея красотѣ и модности. Гюго одушевилъ ее искренней любовью; Marion — прототипъ Маргариты Готье Дюма. Типъ сложный, превосходно выдержанный. Она любитъ въ самомъ дѣлѣ, прежней жизнью гнушается; она нѣжна, робка. Но посмотрите, когда случайно появившійся маркизъ напоминаетъ ей о ея знакомыхъ въ той, прежней жизни, какъ вѣрна та черта, что она два раза смѣется, сама невольно спрашиваетъ о двоихъ и потомъ гонитъ все это прочь, вмѣстѣ съ маркизомъ.

Онъ самъ, этотъ блестящій маркизъ де-Саверни, для кото-

раго всякій пустякъ важенъ, а жизнь—копѣйка, разговоръ его, въ которомъ столько шаловливой легкости и простоты, а вмѣстѣ изящнаго нахальства, — типъ совершенно художественный. Разговоры между аристократами - офицерами анжуйскаго полка, мрачность, отсталость и достоинство британскаго барона, старика Нанжиса, этого обломка отъ феодальной скалы, которую добиваетъ Ришельё, наконецъ, Людовикъ XIII, король робкій передъ министромъ и передъ женщинами, но недовольный, ненавидящій всесильнаго кардинала и, прежде всего, смертельно скучающій, — все это чудесная галлерей историческаго «жанра».

Людовику такъ горька жизнь, такъ тосклива зависимость; онъ готовъ свергнуть иго, знаетъ, что одного его слова достаточно для этого и вмѣстѣ онъ же предостерегаетъ любимаго придворнаго не говорить слишкомъ громко о Ришельё. Людовика мучитъ мысль, что жизнь его безысходна; онъ любитъ говорить даже съ шуткомъ о смерти, которая не хуже жизни, хотя страшна, а, между тѣмъ, такая тоска, дождь идетъ...

Быстрота дѣйствія, образцовая простота остроумнаго діалога, въ которомъ стихъ, всегда художественный, изгибается согласно съ естественностью хода, нерѣдко отрывистыхъ разговоровъ, такъ что онъ и замѣтенъ только тѣмъ, что все выходитъ какъ-то складнѣе, эффектнѣе, чѣмъ въ прозѣ, — вотъ остальные качества *Marion Delorme*. Тѣмъ, кто слышался о «ходульности», «неестественности», «напыщенности» Гюго, совѣтую прочесть *Marion Delorme*. Ни въ одной пьесѣ ни Шиллера, ни Шекспира нѣтъ такой простоты и столь художественной техники.

Это была первая, по времени, драма Гюго; написана она еще въ послѣдній годъ реставраціи. Вокругъ Гюго въ это время собиралась группа молодыхъ писателей, которыхъ прозвали *le sépacle*. При чтеніи *Marion Delorme* передъ директоромъ «французской комедіи» къ членамъ дружескаго кружка присоединились и другіе писатели. Имена присутствовавшихъ тамъ стоить назвать, хотя бы съ цѣлью напомнить, что выросло въ литературѣ при реставраціи. При чтеніи находились: Виньи, Сент-Бевъ, Мюссе, Дюма, Бальзакъ, Делакруа, Вилльменъ, Мериме, Сулье. *Marion Delorme* называлась въ то время *Un duel sous Richelieu*.

Цензура воспретила представленіе этой пьесы. Ее «шокировала», конечно, «неморальность». Во французской литературѣ, я согласенъ, можно болѣе чѣмъ въ каждой иной встрѣтить ве-

щей, написанных съ не особенно нравственною цѣлью. Таковы, напр., нѣкоторыя произведенія г. Золя. Положимъ, и онъ будто бы *castigat describendo*, если не *ridendo*. Но вещи, имъ осуждаемыя, онъ такъ размазываетъ, такъ самъ въ нихъ смакуеть, снабжаетъ такъ усиленно животность своего рода поэзіею, что какъ-то не особенно вѣрится въ его цѣль нравственную, а болѣе вѣроятной цѣлью кажется просто «успѣхъ». Иначе, собственно въ видахъ простаго реализма, для чего же понадобилось бы придавать реальности столько добавочныхъ красокъ, даже возсоздавать что-то вродѣ земнаго рая (*Paradou*) для двойнаго грѣхопаденія, изображать столь нерѣдкій случай подъ особопредназначеннымъ для него, что-то прообразующимъ собою деревомъ познанія и называть по именамъ всѣ цвѣтки, которые при этомъ присутствовали?

Ничего подобнаго нѣтъ ни въ *Marion* Гюго, ни въ *Маргаритѣ* Дюма-младшаго. Оба просятъ только допустить, что въ женщинѣ, которую судьба сгубила, можетъ, все-таки, остаться хоть какое-нибудь человѣческое чувство, что она можетъ возненавидѣть позоръ и обновиться любовью. И оба, Дюма и Гюго, не рѣшились даже примирить такой фактъ съ жизнью, допустить возможность побѣды этого факта надъ дѣйствительностью. Обѣ эти женщины терпятъ оскорбленія отъ тѣхъ, кого любятъ, отталкиваются ими и слышатъ «прощеніе» при смерти. Неужели и это, все-таки, еще безнравственно?

В. Гюго обратился къ королю. Карлъ X подтвердилъ запрещеніе цензуры; быть можетъ, ему было непріятно видѣть на сценѣ предка не очень отдаленнаго. При этомъ король сказалъ смѣшную вещь: «Я очень люблю ваши стихи; для меня есть только два поэта: вы и Дезошъ». Нѣсколько напоминаетъ комплиментъ Григорія XVI Ламартину, послѣ каковаго комплимента папа спросилъ его: «*et comment va M. Paul de Kock?*»

Чтобъ «утѣшить» «своего поэта», Карлъ X хотѣлъ возвысить его пенсію до 4 тысячъ франковъ. Но Гюго отказался отъ пенсіи. Запрещеніе цензурою его пьесы было послѣднимъ ударомъ роялистскимъ иллюзіямъ поэта. Ровно черезъ годъ (въ іюлѣ 1830 г.) онъ привѣтствуетъ революцію. Отмѣтимъ при этомъ черту деликатности. Послѣ іюльскихъ дней 1830 года, когда цензура была уничтожена, театръ тотчасъ предложилъ автору поставить *Marion*, рассчитывая на успѣхъ тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя черты Людовика XIII могли быть отнесены зрителями

къ королю только что изгнанному; *Marion* могла имѣть успѣхъ de circonstance. Но Гюго отказалъ и, только когда прошелъ еще годъ и публика уже перестала заниматься Барломъ X, онъ позволилъ играть *Marion*.

Прежде нея былъ представленъ *Hernani*. Когда цензура запретила первую пьесу, авторъ тотчасъ принялся за *Hernani*, такъ какъ этотъ сюжетъ давно уже былъ имъ намѣченъ. Надъ *Эрнани* онъ работалъ больше, а именно мѣсяца полтора, такъ какъ 1 октября 1829 года уже состоялось представленье.

Это первое представленье *Эрнани* составило событiе въ борьбѣ романтизма съ классицизмомъ. Я какъ-то сказалъ въ началѣ статьи, что у южныхъ народовъ идея очень скоро выходитъ изъ книги на улицу, а между южнымъ словомъ и южнымъ дѣйствiемъ почти нѣтъ разстоянiя. Это буквально примѣнимо къ борьбѣ романтизма съ классицизмомъ. Борьба эта выразилась при первомъ представлени *Эрнани* всеобщей свалкой въ партерѣ. Романтизмъ, такъ романтизмъ, и à bas les perruques! Восторженные воины романтизма, въ ихъ числѣ извѣстные писатели и художники, на зло этимъ «мѣщанамъ» классикамъ, одѣлись, такъ сказать, во всѣ литературные элементы, изъ которыхъ складывался романтизмъ: кто пришелъ въ театръ въ короткомъ плащѣ Генриха III и въ соответствующемъ беретѣ, другой пришелъ матросомъ, третiй—революционнымъ incoguable'емъ, четвертый—средневѣковымъ монахомъ. И «такихъ» пришли многiе десятки. Всѣ, во славу романтизма, давно отростили себѣ бороды и длинныя гривы. Буржуа, приличные, гладко выбритые, съ ужасомъ и ненавистью смотрѣли на вторженiе этихъ косматыхъ и необыкновенныхъ людей. Теофиль Готье, на примѣръ, этотъ поэтъ изящества во что бы то ни стало, этотъ ювелиръ слога, пришелъ съ цѣлой папашой взъерошенныхъ волосъ и въ багровомъ жилетѣ—цвѣта крови.

«Филистимляне», то-есть буржуа, предводимые академическими старичками, съ отвращенiемъ отнеслись и къ пьесѣ, и къ ея сторонникамъ. Гдѣ только былъ стихъ слишкомъ смѣлый, по ихъ понятiямъ, они громко смѣялись. На примѣръ, когда Эрнани, догадавшись, что старикъ Сильва—его соперникъ, произнесъ совершенно натуральный стихъ: «старый дуракъ, онъ самъ ее любить»,—

Vieillard stupide, il l'aime,

то это былъ взрывъ «адскаго» хохота. Или: вотъ самъ Эрнани

произносить свою тираду (не изъ длинныхъ и совсѣмъ уместную), послѣ того какъ донъ-Барлосъ (императоръ Карлъ V) спасъ ему жизнь; сказавъ, что «этотъ сеньоръ принадлежитъ къ моей свитѣ»... Тогда Эрнани въ слѣдъ ему:

De ta suite o roi! Oui, de ta suite; j'en suis;

Nuit et jour pas à pas je te suis...

то-есть, что оня, сынъ разореннаго, опальнаго гранда, разбойникъ, высматриваетъ короля, чтобы убить его. Смѣхъ начался съ «деликатныхъ», которымъ показалось безграмотнымъ повтореніе: «къ твоей свитѣ, я принадлежу къ ней». Но и всѣ буржуа-классики засмѣялись на вѣру и зашикали. При другихъ мѣстахъ стали свистать. Понятно, что тѣ необычныя существа, которыя пришли въ театръ для того, чтобы истоптать ногами классицизмъ, не могли остаться равнодушными. Они начали бить «филистимлянъ», и Теофиль Готье билъ... Романтики оказались сильнѣе, потому что вѣрили въ будущность; мѣшавшихъ представленію выгнали, и оно дошло до конца, среди неистоваго восторга. Но за этой битвой послѣдовали другія, при слѣдующихъ представленіяхъ.

Разсказываютъ, что тутъ же, въ театрѣ, издатель Бодуэнъ купилъ рукопись *Hernani* и отсчиталъ 6 тысячъ франковъ Виктору Гюго, у котораго было въ карманѣ всего 50 франковъ.

Довольно соблазнительно остановиться на *Hernani*, а затѣмъ и на другихъ драмахъ Гюго, представить нѣчто вроде этюда о его «театрѣ». Но для соблюденія нѣкоторой пропорциональности въ статьѣ надо отказаться отъ этого. Пусть то, что сказано выше по поводу *Marion Delorme*, замѣнитъ болѣе подробную характеристику.

Скажу только, что лучшія пьесы Гюго, послѣ *Marion*, это *Lucrece Borgia* и *Hernani*, лучшія въ смыслѣ драматическомъ. Въ *Marion* и въ *Lucrece* больше всего движенія, правды въ развитіи дѣйствія и простоты въ словахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ нихъ же, а, сверхъ ихъ, еще въ *Roi s'amuse* и въ *Ruy Blas* есть и правда историческая. Здѣсь приходится сдѣлать двойное различеніе. Во-первыхъ, повторяю, что *Marion* и *Lucrece*—лучшія пьесы въ смыслѣ драматическомъ; но въ *Hernani* и въ *Roi s'amuse* есть за то превосходныя лирическія вставки, которыя, положимъ, вредятъ дѣйствію и неправдоподобны на сценѣ, но, все-таки, представляютъ такія поѣтическія красоты, которыхъ тѣ двѣ пьесы (*Marion*, *Lucrece*) лишены.

Во-вторыхъ, упомянувъ объ исторической правдѣ, приходится замѣтить мимоходомъ, что эта правда бываетъ двоякая: соотвѣтствіе лицъ, изображаемыхъ на сценѣ, съ тѣмъ, какими ихъ представляетъ исторія, и затѣмъ вѣрность передачи духа, нравовъ, манеръ дѣйствовать и говорить въ данную эпоху. Первая правда можетъ быть соблюдена въ самомъ блѣдномъ, ничтожномъ произведеніи; вторая—важнѣе; однако, отступленіе отъ фактовъ историческихъ, все-таки, можетъ быть включено въ недостатокъ и во всякомъ случаѣ требуетъ оговорки.

Великіе драматурги вообще не особенно церемонились съ правдою фактовъ. Вѣдь, если провѣрить по исторіи шекспировскихъ Коріолана, Брута и Кассія, Генриха VIII, то окажется совершенно произвольная идеализація. Не говорю уже о томъ, что у Шекспира Коріоланъ имѣетъ артиллерію, въ Богемію ѣдутъ моремъ, а Дельфы оказываются островомъ. У Шиллера *Johannes patricida* является въ *Телль*, хотя преданіе относитъ Телля къ другому времени, и такъ далѣе. У Гюго идеализирована *Marion Delorme*; положимъ, это фигура ничтожная въ исторіи и съ нею можно было обращаться по произволу. Но Лукреція, дочь Александра Борджіа, очернена всѣми клеветами ея враговъ. Поэтъ представилъ намъ тотъ образъ Лукреціи, какой созданъ былиной, но не исторіей.

Но историческая правда въ смыслѣ вѣрнаго колорита эпохи и въ *Лукреціи*, и въ *Эрнани*, и въ *Руи Блазъ* поразительна. Есть неправдоподобія. Такъ, въ *Лукреціи* дважды отравляютъ; въ *Эрнани* разбойникъ, который поставилъ себѣ цѣлью жизни мечь королю, оказывается вдругъ великодушнымъ грандомъ, когда можетъ убить его; Руи Блазъ, по чужому приказанію, старается влюбить въ себя королеву, забывая, что тотъ, кто ему приказалъ это, можетъ всегда выдать его тайну. Но сходныя, хотя, быть можетъ, и меньшія невѣроятности можно указать и у Шекспира, и Шиллера. У нихъ же найдется излишній анализъ чувствъ въ самые критическіе моменты дѣйствія. Этимъ недостаткомъ страдаютъ отчасти *Hernani*, въ особенности *Roi s'amuse*. Есть и высокопарность въ обѣихъ этихъ пьесахъ, высокопарность романская, не свойственная великому англичанину и великому нѣмцу. Напр., когда шутъ Трибуле ставитъ ногу на трупъ Франциска I (какъ онъ думаетъ) и произноситъ сперва нѣсколько отрывочныхъ, простыхъ словъ, а потомъ говорить:

Maintenant, monde, regarde moi.

Ceci c'est un bouffon, et ceci c'est un roi!

то это вовсе не высокопарность; это истинный, потрясающий драматическій эффектъ. Но когда, затѣмъ, онъ на цѣлой страницѣ расписываетъ, какъ великъ тотъ король, который у него подъ ногой, вспоминаетъ при этомъ мариньянскую битву, то это несомнѣнная фальшь.

Не будемъ останавливаться на драмахъ *Marie Tudor* и *Angelo* (1835), написанныхъ прозою. Марія «кровожадная» изображена вѣрно, но средою авторъ не владѣетъ, какъ владѣлъ въ *Лукреціи*, въ испанскихъ и французскихъ драмахъ. Въ *Angelo* есть характеристическое мѣсто, которое доказываетъ, что не только стихъ иногда увлекалъ Гюго къ пространнымъ изложеніямъ: Анжело, тиранъ падуанскій, на двухъ страницахъ въ прозѣ объясняетъ свою зависимость отъ Венеціи.

Остается упомянуть о томъ порядкѣ, въ какомъ появились драмы Гюго. Послѣ *Hernani* и *Marion* написанъ былъ *Le Roi s'amuse*. Эта пьеса была играна въ 1832 году одинъ разъ; несмотря на июльскую революцію, она оказалась, все-таки, нецензурною. Дальнѣйшія представленія были воспрещены министерскимъ распоряженіемъ, которое было вызвано соображеніями, весьма разнородными. Во-первыхъ, нецензурнымъ казалось «разоблаченіе» короля Франциска I, который признается одной изъ національныхъ славъ и обыкновенно называется «Мариньянскимъ героемъ», хотя онъ же былъ павійскимъ плѣннымъ, то-есть имѣлъ свой Седанъ послѣ своего Сольферино. Во-вторыхъ, признавалось неудобнымъ выставять покушеніе на жизнь короля въ то время, какъ въ Людовика Филиппа однажды уже стрѣляли. *Roi s'amuse* былъ игранъ во второй разъ уже только въ 1882 году и, надо сказать, безъ особеннаго успѣха. Но *Hernani*, возобновленный въ 1880 году, былъ принятъ восторженно.

Лукреція Борджиа была поставлена въ 1833 году и *Марія Тюдоръ* въ томъ же году, *Анжело*—въ 1835, *Бургграфы*—въ 1843 г. Всѣ драмы имѣли большой успѣхъ, кромѣ послѣдней. Слово *burggrave* (*Burggraf*), повидимому, очень нравилось Виктору Гюго; оно часто у него встрѣчается, когда онъ хочетъ изобразить темную эпоху среднихъ вѣковъ, высшее развитіе феодализма (особенно въ *Legende des siecles*). Но въ пьесѣ, которая носитъ это названіе, дѣйствующія лица не столько живыя лица, сколько готическія олицетворенія пороковъ и добродѣтелей. Во-

обще В. Гюго въ области германизма «былъ въ гостяхъ» и напрасно онъ ходилъ туда въ гости. Въ *Донъ-Карлосъ* Шиллера хотя и духъ, и языкъ очень мало напоминаютъ Испанію, но, все-таки, есть знакомство съ исторіею, какъ у Гюго въ *Марию Тюдоръ*. Но каждый драматургъ лучше у себя дома: Гюго въ романскомъ, Шиллеръ въ германскомъ мірѣ. Только Шекспиру удавались Венеція, Верона; даже расположеніе городовъ вѣрно: онъ или былъ въ нихъ, или много слышалъ о нихъ отъ очевидцевъ. И, сверхъ того, онъ—Шекспиръ.

Боюсь, чтобы читатель не увидѣлъ въ тѣхъ пояснительныхъ сопоставленіяхъ, которыя встрѣчаются выше, намѣреніе возвысить В. Гюго, какъ драматическаго поэта, на мѣсто, ему не принадлежащее въ этой области. Желая выразиться короче, повторю только, что въ общемъ я и не думаю отрицать превосходство Шиллера надъ Гюго—въ драмѣ. Главная сила и высшее мѣсто его въ лирикѣ.

VIII.

Битву! «при Эрнани» можно признавать за видимую побѣду романтизма. Эта литературная революція предшествовала, такимъ образомъ,—въ фактахъ наружныхъ,—революціи политической, іюльской революціи 1830 года, всего нѣсколькими мѣсяцами. Обѣ онѣ назрѣвали въ теченіе половины періода реставраціи. Франція скоро разочаровалась въ Бурбонахъ, которые въ изгнаніи «ничему не научились и ничего не забыли», такими и сошли со свѣта въ лицѣ графа Шамбора, съ его пресловутымъ бѣлымъ знаменемъ, которое буквально помѣшало ему воцариться во время септенната 1877 года.

В. Гюго воспѣлъ восторгъ, возбужденный знаменитыми тремя іюльскими днями, которымъ поставленъ новый памятникъ на мѣстѣ, гдѣ въ старину возвышалась Бастилья. Въ *Feuilles d'automne*, вышедшихъ въ 1831 году, преобладаетъ нота интимная, радость на дѣтей своихъ, и есть прелестныя вещи, внушенныя этимъ чувствомъ. Но въ томъ же сборникѣ есть сильное стихотвореніе, изъ котораго можно привести нѣсколько характеристическихъ строкъ:

Je suis fils de ce siècle! une erreur, chaque année,
S'en va de mon esprit, d'elle meme étonnée,
Et, detrompé de tout, mon culte n'est resté,
Qu'à vous, sainte patrie et sainte liberté.

Затѣмъ послѣ перечня разныхъ современныхъ событій, онъ оканчиваетъ такъ:

Oh, la muse se doit aux peuples sans défense,
 J'oublie alors l'amour, la famille, l'enfance,
 Et les molles chansons, et le loisir serein,
 Et j'ajoute a ma lyre une corde d'airain *).

Въ *Chants de crépuscule*, изданныхъ въ 1835. году, есть нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ «тремъ днямъ», которые Гюго довольно не кстати приравниваетъ къ побѣдамъ Наполеона. Но энтузиазмъ, возбужденный успѣхами революціи, которые казались вмѣстѣ и освобожденіемъ отъ иностранной указки, былъ дѣйствительно великъ, и не могъ не увлечь Гюго, бывшаго Тиртеемъ славы народной. Юльскихъ героевъ онъ приравниваетъ къ солдатамъ революціи и имперіи:

Vous êtes bien leurs fils! c'est leur sang, c'est leur âme
 Qui fait vos bras d'airain et vos regards de flamme,
 Ils ont tout commencé: vous avez votre tour.
 Votre mère c'est bien cette France féconde
 Qui fait, quand il lui plait, pour l'exemple du monde,
 Tenir au siècle dans un jour *).

Несмотря на восторженное отношеніе къ новой революціи, Гюго, въ превосходной одѣ *Sunt lacrimae*, воздаѣ честь памяти Карла X, умершаго въ 1836 году. Ода эта помѣщена въ сборникѣ стихотвореній, носящемъ названіе *Voix intérieures* и посвященномъ памяти отца поэта, генералъ-лейтенанта графа Гюго, умершаго въ 1828 году. Этотъ сборникъ вышелъ въ 1837 г. Въ немъ замѣчательна небольшая поэма *L'arc de triomphe*, въ которой поэтъ представляетъ себѣ развалины Парижа, засыпанныя временемъ, и среди нихъ триумфальныя ворота, какъ тысячелѣтнюю руину. Въ *Chants de crépuscule* и въ *Voix intérieures* сказывается, во многихъ мѣстахъ, мимоходомъ, какъ

*) Я снѣгъ своего вѣка; одно заблужденіе за другимъ, какъ годъ за годомъ, уходить отъ меня, само какъ бы удивляясь тому, какъ оно могло быть. Освободясь отъ всего обманчиваго, я сохранилъ культъ только тебѣ, святая родина, и тебѣ, святая свобода.... Да, муза обязана служить беззащитнымъ народамъ; я забываю тогда любовь, и семью, и дѣтей, и нѣжныя пѣсни, и свѣтлый отдыхъ, я къ лирѣ своей прибиваю страну желѣзную.

*) Да, вы ихъ дѣти; ихъ кровь, ихъ душа даютъ рукамъ вашимъ силу и взглядамъ вашимъ огонь. Они положили начало, теперь ваша очередь. Вы достойны своей матери, этой Франціи плодотворной, которая, когда захочетъ, вмѣщаетъ въ одинъ день цѣлое столѣтіе.

бы вздохъ поэта надъ отлетѣвшимъ догматическимъ вѣрованіемъ. Любовь къ дѣтямъ также продиктовала здѣсь поэту прелестныя вещи, наприм., *A des oiseaux envolés*. Въ предисловіи къ послѣдующему собранію стихотвореній, *Les rayons et les ombres*, появившемуся въ 1840 году, самъ поэтъ называетъ тогдашнее свое настроеніе «вторымъ періодомъ мысли автора». Просматривая теперь эти предисловія, которыхъ обыкновенно не читаешь, пробѣгая знакомые томы, останавливаюсь на такой авто-характеристикѣ поэта, которую я могъ бы принять за эпитафію для начала настоящаго, посвященнаго ему очерка: «Кому угодно было читать мои стихи; тотъ знаетъ, что хотя авторъ ихъ и допускаетъ иногда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, неопредѣленность и полусвѣтъ въ мысли, но въ выраженіи ея это случается съ нимъ гораздо рѣже. Не отказывая въ признаніи великой поэзии сѣвера, которая въ самой Франціи имѣетъ превосходныхъ представителей, онъ лично всегда имѣлъ сильную склонность къ формѣ южной, точной. Онъ любитъ солнце; любимая книга его библія. Виргилій и Данте—его божественные учителя. Все его дѣтство было ничто иное, какъ долгій періодъ мечтанія, перемѣшаннаго съ изученіемъ наукъ точныхъ».

Для освѣщенія преобладавшей въ Гюго стороны—объективности, проникновенія національнымъ чувствомъ, намъ необходимо часто справляться съ тѣми его произведеніями, которыя имѣютъ характеръ политической. Духъ народный, согласно съ призваніемъ поэта, по его представленію, подчинялъ себѣ въ Гюго его личное, человѣческое чувство, его субъективныя стремленія, однако же, вовсе не уничтожилъ въ поэтѣ этотъ внутренній міръ. Такъ, въ *Rayons et les ombres*, рядомъ съ новымъ стихотвореніемъ о Карлѣ X, можно указать прелестную элегическую пьесу: *Pustesse d'Olimpio*, одну изъ лучшихъ у Гюго. Мысль та, что человѣкъ осваиваетъ свои чувства и важнѣйшія событія своей жизни съ природою (мысль—чисто-«южная»), а, между тѣмъ, эта обстановка природы и кажущаяся ея отзывчивость даются человѣку только на время, какъ бы ссужаются на срокъ, а потомъ отбираются назадъ:

Dieu nous prête un moment les près et les fontaines,
 Les grands bois frissonnants, les rocs profonds et sourds
 Et les cienx azurés, et les bois, et les plaines,
 Pour y mettre nos coeurs, nos rêves et nos amours.
 Puis il nous les retire. Il souffle notre flamme.

Il plonge dans la nuit l'autre on nous rayonnons;
Et dit à la vallée, où s'imprima notre âme.
D'effacer notre trace et d'oublier nos noms *).

Это естественное противорѣчіе идеи безконечности, какою запечатлѣвается каждое глубокое чувство, съ фактомъ непрочно-сти, съ которымъ мы должны считаться, съ большой силою и съ чудесной нѣжностью передано здѣсь на отношеніи природы къ человѣку, или, лучше сказать, на диссонансѣ въ ея измѣнчивости тамъ, гдѣ онъ самъ не измѣнился, на ея неизмѣнности тамъ, гдѣ у него радость смѣнилась на горе.

Къ этому же періоду творчества относится замѣчательный очеркъ *Mirabeau*, котораго поэтъ, впрочемъ, слишкомъ идеализировалъ, видя въ немъ, главнымъ образомъ, не личность трибуна, но образъ самой революціи. Замѣтимъ, что и самую революцію Гюго не только почиталъ за провозглашенныя при началѣ ея идеи, но и обожалъ за то, что она была одной изъ «славъ» Франціи. Повторяю, онъ былъ народный бардъ, а не самостоятельный мыслитель. Упомянемъ еще о превосходныхъ описаніяхъ природы въ книгѣ *Rhin*, вышедшей въ 1842 году.

Такъ какъ призваніе поэта Гюго видѣлъ въ дѣятельномъ участіи въ народныхъ дѣлахъ, приглашая поэта не удаляться въ пустыню, но жить съ людьми, участвовать въ борьбѣ за дѣло свободы и справедливости, раздѣлять ихъ радости и горе, то было естественно, что онъ желалъ участвовать въ политическихъ дѣлахъ. Но при іюльской монархіи условіемъ такого участія былъ имущественный цензъ, довольно высокій, такой, во всякомъ случаѣ, что его могъ имѣть *épicier*, но не имѣлъ Гюго. Король Людовикъ Филиппъ открылъ ему доступъ въ сферу законодательную, назначивъ его въ 1845 году членомъ палаты пэровъ. Гюго не состоялъ ни въ какихъ отношеніяхъ къ новому правленію. Оно обезпечивало свободу, оно возстановило статуя Наполеона на вандомской колоннѣ, перевезло прахъ Наполеона съ острова св. Елены и помѣстило въ отелѣ Инвалидовъ, оно возстановило и трехцвѣтное знамя, знамя республики, — однимъ словомъ, старалось опереться на всѣ «славы». И хотя само оно никакой

*) Богъ сужаетъ намъ на время луга и ключи, трепещущіе гѣса, глубокия и глухія ущелья, лазоревые небеса, озера и долины, и мы помѣщаемъ въ нихъ наши сердца, наши мечты и привязанности. Потомъ онъ отнимаетъ ихъ. Задуваетъ нашъ огонь, погружаетъ во мракъ ту пещеру, въ которой мы блистали, и той долины, въ которой запечатлѣлась душа наша, велитъ изгладить нашъ слѣдъ и забыть наше имя.

славы вновь не создавало, кромѣ той, весьма существенной, что Франція при немъ была счастлива, но Гюго не имѣлъ поводовъ и возставать противъ этого порядка. Голосъ его раздавался и тогда въ защиту гонимыхъ, хотя бы цѣлямъ этихъ гонимыхъ онъ и не сочувствовалъ.

Такъ, въ палатѣ онъ произнесъ увлекательную рѣчь противъ законовъ объ изгнаніи и потребовалъ возвращенія права жить во Франціи Бонапартамъ, которые современемъ отплатили ему за это изгнаніемъ. Такъ, онъ обратился къ королю съ просьбой о помилованіи одного изъ виновниковъ покушенія на жизнь Людовика-Филиппа. Покушеній этихъ было не менѣе 11-ти, но Людовикъ-Филиппъ продолжалъ держаться своей системы. Однако, онъ отвергъ ходатайство Гюго о помилованіи преступника. Наканунѣ дня казни, поэтъ дважды пріѣзжалъ къ королю и не засталъ его или не былъ принятъ. Въ послѣдній изъ этихъ напрасныхъ пріѣздовъ, въ полночь, когда онъ думалъ встрѣтить короля при возвращеніи во дворецъ, Гюго, расписываясь на поданномъ ему листѣ бумаги, вздумалъ обратиться къ королю во имя умершей его недавно дочери и недавно же родившагося внука, графа Парижскаго, и вотъ, къ имени своему онъ прибавилъ стихи:

Par votre ange envolée ainsi qu'une colombe,
Par ce royal enfant, doux et frêle roseau,—
Grâce encore une fois! Grâce au nom de la tombe!
Grâce un nom du berceau! *).

Болѣе дѣятельное участіе въ политическихъ дѣлахъ Гюго принялъ въ законодательныхъ собраніяхъ республики 1848 года. Замѣчательно, что на выборахъ въ учредительное собраніе В. Гюго явился кандидатомъ консервативной партіи; по числу голосовъ, поданныхъ за него въ Парижѣ, онъ былъ седьмымъ, и имя его стояло непосредственно передъ именемъ Людовика-Наполеона Бонапарта. Но поэтъ, какъ человѣкъ убѣжденія и независимости, не принадлежалъ ни къ какой партіи и вотиrowалъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ внушала ему совѣсть. Вслѣдствіе того, партіи, эти котеріи программъ, поочередно обвиняли его въ невѣрности. Такъ, само собою разумѣется, что онъ,

*) Во имя твоего ангела, отлетѣвшаго, какъ голубь, во имя царственного ребенка, вѣжнаго и ломкаго, какъ стебелекъ, еще разъ—помилуй! Помилуй ради могилы, помилуй ради колыбели!

виѣсть съ «красными», подавалъ голосъ за отѣну смертной казни, за неразрѣшеніе судебныхъ преслѣдованій противъ Луи Блана и Ледрю-Роллена, за отклоненіе благодарности диктатору Каваньяку, который не только разгромилъ баррикады социалістовъ въ кровопролитные іюньскіе дни 1848 года, — въ этотъ моментъ проглянула «коммуна» за 23 года до поднятаго ею надъ Парижемъ зарева, — но и разстрѣливалъ безоружныхъ людей десятками на улицахъ. Въ то же время, Гюго голосовалъ за одно съ консерваторами противъ тѣхъ мѣръ, которыя клонились къ перевороту социальному, противъ національныхъ мастерскихъ и «права на трудъ», противъ прогрессивнаго налога на имущество и капиталъ.

Газета *Evénement*, которую основалъ Гюго въ 1848 же году и въ которой участвовали его сыновья, Карлъ и Францискъ, Поль Мѣрисъ и Августъ Вавери, братъ Карла, мужа одной изъ его дочерей, также высказывалась за безусловныя начала справедливости, великодушія, свободы, но съ устраненіемъ законодательной передѣлки общественныхъ условій. Въ силу того обаянія, какое имѣла для поэта наполеоновская легенда, онъ, довѣрчивый къ людямъ, защищалъ въ своей газетѣ кандидатуру принца Людовика-Наполеона въ президенты республики. Исповѣданіе своихъ политическихъ воззрѣній онъ изложилъ въ своемъ воззваніи къ избирателямъ въ національное собраніе въ 1848 году.

Не мѣшаетъ сдѣлать извлеченіе изъ этого воззванія, во-первыхъ, потому, что Гюго, сравнивая здѣсь «двѣ» республики, могъ дать полный просторъ любимой своей антитезической формѣ, и превосходно ею воспользовался; во-вторыхъ, и потому еще, что сдѣланное имъ сопоставленіе ярко выражаетъ различіе между партіей, хотя и радикальной даже, но только либеральной, и, съ другой стороны, партіей насильственныхъ социальныхъ опытовъ. «Возможны двѣ республики,—говоритъ Гюго, — одна сорветъ трехцвѣтное знамя и вывѣситъ красное, передѣляетъ вандомскую колонну на мѣдные гроши, къ словамъ: свобода, равенство, братство прибавитъ: «или смерть»; произведетъ банкротство, разоритъ богатыхъ, не обогативъ бѣдныхъ, уничтожитъ кредитъ, который есть общее достояніе, и трудъ, который каждого кормитъ, разрушитъ собственность и семью, выставитъ человѣческія головы на пикахъ, подозрѣніемъ станетъ наполнять тюрьмы и убійствомъ опорожнять ихъ; убьетъ свободу, заду-

шить искусство, обезглавить народную мысль, отринеть Бога; введетъ снова въ дѣйствіе двѣ роковыя машины, которыя бывають неразлучны—ассигнаціонный станокъ и гильотину,—однимъ словомъ, станеть дѣлать хладнокровно то, что люди 93 года дѣлали въ изступленіи. Другая республика можетъ быть союзомъ всѣхъ французовъ, а современемъ и другихъ народовъ, на началѣ демократическомъ; учредить свободу безъ похищенія и насилій и такое равенство, которое не будетъ препятствовать естественному развитію каждаго, наконецъ, братство не монаховъ, но свободныхъ людей; всѣмъ дать даромъ образованіе, какъ солнце даетъ свѣтъ; внести милосердіе въ законъ уголовный и примиреніе въ законъ гражданскій; умножить желѣзныя дороги, возростить лѣса, увеличить цѣнность почвы; она будетъ исходить изъ того принципа, что каждый человекъ долженъ начинать съ труда и кончать собственностью; будетъ уважать наслѣдство, которое есть только рука помощи, протягиваемая отцомъ своимъ дѣтямъ изъ могилы; потрудится мирно надъ рѣшеніемъ великой задачи общаго благополучія и, не сходя съ реальной почвы, постарается осуществить великія мечтанія мудрецовъ—поставить власть на томъ же основаніи, какъ свободу, то-есть на правѣ; подчинить силу уму; упразднить мятежь и войну, эти двѣ формы варварства; сдѣлаетъ изъ порядка законъ для гражданъ, а изъ мира законъ для націй; будетъ жить и просіяетъ, возвыситъ Францію и подчинитъ себѣ міръ,—представитъ, однимъ словомъ, величественныя объятія человечества передъ взорами удовлетвореннаго Бога. Изъ этихъ двухъ республикъ вторая называется—цивилизацией, первая—терроромъ. Я готовъ посвятить жизнь одной, чтобы стала невозможной другая».

Въ своей домашней жизни Гюго испыталъ въ 1843 году большое горе. Дочь его Леопольдина утонула вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, Карломъ Вакери, катаясь въ лодкѣ съ парусомъ на Сенѣ. Гюго былъ въ это время въ Испаніи. Поэтъ страстно любилъ своихъ дѣтей, и изъ-за нихъ, конечно, полюбилъ дѣтей вообще; онъ перенесъ эту приверженность на внуковъ—Жоржа и Жанну, дѣтей сына его Карла, который умеръ въ 1871 году. Вторымъ сыномъ поэта, Францискъ-Викторъ, умеръ въ 1873 году. О другой дочери, Адели, которая живетъ въ убѣжищѣ умалишенныхъ, уже упомянуто. Горе при потери старшей дочери внушило лучшія стихотворенія въ сборникѣ, носящемъ названіе *Contem-*

plations, появившемся не скоро, а именно уже в 1856 году, во время изгнания.

Идея «великодержавности», дѣятельной роли въ международных дѣлахъ не дала рѣспубликѣ 1848 года установиться настолько, насколько установилась нынѣшняя. Потребовались страшныя несчастія для того, чтобы принудить Францію довольствоваться внутреннимъ успѣхомъ, не соединяя двухъ стремленій, несовмѣстимыхъ. И то Франція едва ли еще примирилась съ этой мыслью—быть примѣромъ политическаго самоуправленія. Дальнія экспедиціи, предпринятія нынѣшней республикою, и страстность, съ какою нисправверяются въ ней министерства именно по поводу виѣшнихъ неуспѣховъ, какъ бы свидѣлствуютъ о чемъ-то иномъ. Римская экспедиція 1848 года—вотъ та ошибка правленія диктатора Каваньяка, изъ которой истекло и избраніе претендента на корону въ вожди народовластія.

Смутно, но, все-таки, почувствовалось, что для успѣха такихъ дѣлъ, какъ соперничество съ Австріей въ Италіи, съ одной стороны, устраненіе возможной коалиціи монархической Европы—съ другой, слѣдовало обратиться въ военный лагерь. Для итальянской кампаніи, хотя она уже привела въ Римъ, требовался, однако, Наполеонъ, для поддержанія папской власти внѣ Франціи и сдерживанія элементовъ, совершенно противоположныхъ въ самой Франціи, нужно было «сильное правительство». Такое правительство уже и явилось въ Каваньяковской диктатурѣ. Избраніе Наполеона—это былъ только дальнѣйшій шагъ въ томъ же смыслѣ. Думали придать «силѣ» еще «прочность» и «авторитетъ» унаслѣдованнаго имени. Изъ обломковъ іюньскихъ баррикадъ въ Парижѣ и гарибальдійскихъ баррикадъ въ Римѣ состроились президентскія кресла втораго Наполеона, логически, хотя и преступно преобразившіяся послѣ въ престолъ его.

Самый составъ втораго народнаго собранія, законодательнаго, которое явилось на смѣну учредительному, былъ консервативнѣе. Консерватизмъ былъ, такъ сказать, въ воздухѣ, еще пахнувшемъ порохомъ Каваньяка. Поэтъ, который въ учредительное собраніе явился въ качествѣ кандидата консервативнаго, въ законодательномъ собраніи перешелъ окончательно къ «краснымъ», къ демократамъ, на крайнемъ флангѣ у которыхъ были социалисты. Въ 1850—1851 годахъ явились попытки ограничить всеобщую подачу голосовъ и подвергнуть пересмотру только что

вотированное прежнимъ собраніемъ уложеніе. Викторъ Гюго и Ламартинъ оба возставали противъ этихъ мѣръ и оба почерпали свои аргументы изъ соображеній историческихъ, а не изъ паролей разныхъ партій. Рѣчи Гюго бывали сильны, какъ его лирическая поэзія, особенно когда онъ являлся въ роли обличителя. Такова была знаменитая рѣчь по поводу пересмотра конституціи, въ которой поэтъ клеймилъ консерваторовъ за ихъ вѣчный страхъ передъ державами, клеймилъ тѣхъ, «кто при малѣйшемъ стукѣ бросается внизъ, прикладываетъ ухо къ землѣ и прислушивается, не ѣдетъ ли иностранная артиллерія».

Однако, ей дѣйствительно суждено было придти, суждено было громить дорогой Виктору Гюго Парижъ; черезъ 20 лѣтъ послѣ его ораторскаго обличенія ему пришлось быть Іереміею своей страны, написать *L'année Terrible*. Но еще прежде, въ самой Франціи, Виктора Гюго должна была обмануть любимая имъ и украшенная имъ наполеоновская легенда; «традиція славы» должна была начать съ преступленія и окончить безславіемъ, а пѣвца своей богатырской лиры, Виктора Гюго, она обрекла на изгнаніе.

Леонидъ Полонскій.

ОГНЕМЪ И МЕЧОМЪ *).

Романъ Генриха Сенкевича.

ЧАСТЬ III.

ГЛАВА I.

Въ одну погожую ночь по правому берегу Валадинки подвигался отрядъ изъ нѣсколькихъ десятковъ всадниковъ.

Они ѣхали медленно, почти шагомъ. Впереди, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ прочихъ, два всадника о чемъ-то жарко разговаривали между собой и только изрѣдка покрикивали на своихъ товарищей:

— Эй, потише! потише!

Тогда отрядъ еще болѣе замедлялъ шагъ.

Наконецъ, изъ тѣни, отбрасываемой высокою горой, онъ выѣхалъ на пространство, залитое лучами мѣсяца, и только теперь можно было разгадать причину, почему онъ шелъ съ такою осторожностью: посерединѣ, между двухъ лошадей, были привязаны носилки, а въ носилкахъ лежала какая-то фигура.

Серебристые лучи освѣщали ея блѣдное лицо и закрытые глаза.

За носилками ѣхало около десятка вооруженныхъ людей, по всѣмъ примѣтамъ, козаковъ. За исключеніемъ двоихъ, ѣхавшихъ впереди, всѣ остальные тревожно оглядывались по сторонамъ.

Но вездѣ царствовало величайшее спокойствіе.

Тишину прерывалъ только стукъ конскихъ копытъ, да возгласы одного изъ переднихъ всадниковъ, который отъ времени до времени повторялъ:

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

— Тихе! осторожнѣй!

Наконецъ, онъ обратился къ своему товарищу:

— Горпина, далеко еще?—спросилъ онъ.

Товарищъ, котораго звали Горпиной и который, въ сущности, былъ переодѣтой по-козацки женщиной огромнаго роста, взглянулъ на небо и отвѣтилъ:

— Недалеко. Къ полуночи будемъ. Проѣдемъ Вражье урочище, пройдемъ Татарскій лѣсъ, а тамъ ужъ сейчасъ и Чортовъ яръ. Ой! плохо было бы проѣзжать тамъ послѣ полуночи, прежде чѣмъ пѣтухъ пропоетъ. Мнѣ можно, а вамъ плохо было бы, плохо!

Первый всадникъ пожалъ плечами.

— Я знаю,—сказалъ онъ,—что тебѣ чортъ приходится братомъ, да, вѣдь, и противъ чорта средство есть.

— Чортъ не чортъ, а средства нѣту,—отвѣтила Горпина.— Ищи по всему свѣту убѣжища для своей княжны, лучшаго не найдешь. И близко туда никто послѣ полуночи не подойдетъ... развѣ со мной... а въ яру еще никогда ноги человѣческой не бывало. Кто хочетъ воровать, тотъ ждетъ у яра, пока я не выйду. Ты не бойся. Туда не придутъ ни ляхи, ни татары, никто, никто. Чортовъ яръ страшный, самъ увидишь.

— Пусть себѣ будетъ страшный, а я говорю тебѣ, что я приду туда, когда захочу.

— Только днемъ.

— Когда захочу. А если чортъ станетъ поперегъ дороги, я его схвачу за рога.

— Эй, Богунъ! Богунъ!

— Эй, Донцовна, Донцовна! ты обо мнѣ не тревожься. Возьметъ ли меня чортъ, не возьметъ ли, не твое дѣло, а я тебѣ вотъ что говорю: управляйся ты со своими чертями, какъ хочешь, только бы княжна была спокойна; если что съ ней случится, такъ изъ моихъ рукъ тебя ни черти, ни упыри не вырвутъ.

— Ужъ меня разъ топили, когда мы съ братомъ на Дону жили, другой разъ въ Ямполь палачъ стригъ мнѣ волосы, и все ничего. А тутъ другое дѣло. Я по дружбѣ къ тебѣ буду стеречь ее, чтобъ духи волоса ея не тронули, а людей бояться нечего. Она ужъ отсюда не вырвется.

— Ахъ, ты, сова! Если такъ, зачѣмъ же ты пророчишь мнѣ бѣду, зачѣмъ кричала надъ ухомъ: «ляхъ возлѣ нея! ляхъ возлѣ нея!»?

— Это не я говорила, это духи. Теперь, можетъ быть, переиблилось. Завтра я поворожу тебѣ на мельничномъ колесѣ. Въ водѣ все хорошо видно, только надо долго смотрѣть. Самъ увидишь. Ну, сказать тебѣ по правдѣ, ты бѣшеная собака, все рычишь да за обухъ хватаешься.

Разговоръ прекратился, только конскія копыта стучали по камнямъ да со стороны рѣки доносились звуки, похожіе на стрекотаніе кузнечиковъ.

Богунъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на эти звуки, во всякомъ случаѣ необычные въ эту пору. Онъ поднялъ глаза къ мѣсяцу и глубоко задумался.

— Горпина!—сказалъ онъ послѣ молчанія.

— Чего тебѣ?

— Ты колдунья, ты должна знать: правда ли, есть такая трава, что какъ ее кто напьется, то долженъ полюбить? Любистокъ, что ли?

— Любистокъ. Но твоему горю и любистокъ не поможетъ. Еслибъ княжна никого не любила, тогда ей только бы дать напиться, а если любить, то знаешь, что будетъ?

— Что?

— То еще больше полюбить другаго.

— Пропадай же ты со своимъ любисткомъ! Ты умѣешь только злое предсказывать, а посовѣтовать не умѣешь.

— Такъ слушай: я знаю иное зелье; въ землѣ оно растетъ. Кто его напьется, два дня и двѣ ночи лежитъ, какъ колода, свѣта не видитъ. Такъ я ей этого зелья дамъ, а потомъ...

Козакъ вздрогнулъ на своемъ сѣдлѣ и впился своими блестящими глазами въ лицо колдуньи.

— Что ты каркаешь?

— И готово! — крикнула Горпина и разразилась громкимъ смѣхомъ, болѣе похожимъ на лошадиное ржаніе.

Хохотъ злобѣщимъ эхомъ отозвался въ расщелинахъ оврага.

— Вѣдьма!—проговорилъ козакъ.

Глаза его мало-по-малу угасали, онъ впадалъ въ задумчивость и началъ какъ бы про себя:

— Нѣтъ! нѣтъ! Когда мы брали Баръ, я первый ворвался въ монастырь, чтобъ охранять ее отъ пьяницъ и размознить голову первому, кто до нея дотронется, а она прынула себя пожемъ и теперь лежитъ безъ чувствъ. Прикоснешься къ ней, она

снова пырнетъ себя или въ рѣку бросится, не усмотришь, несчастный!

— Ты въ душѣ ляхъ, не козакъ, если не хочешь по-козацки приневолить дѣвушку!

— Еслибъ я былъ ляхъ!—закричалъ Богунъ.—О, еслибъ я былъ ляхъ!

И онъ схватился обѣими руками за горящую голову.

— Ну, теперь-то она помирнѣй сдѣлается,—буркнула Горпина.

— Эхъ, если бы такъ! Пусть меня первая пуля не минетъ, пусть я на колу покончу свою собачью жизнь... Одну я хочу на свѣтъ, и та одна меня не хочетъ!

— Дуракъ!—гнѣвно воскликнула Горпина,—она въ твоихъ рукахъ!

— Зажми свою пасть!—окончательно разсвирѣпѣлъ Богунъ.—А какъ она зарѣжется, тогда что? Тебя разорву, себя разорву, голову разобью о камень, людей буду грызть, какъ собака. Я бы душу за нее отдалъ, славу козацкую отдалъ, убѣжалъ бы за Егорлыкъ, туда, отъ своихъ, чтобы только съ ней жить, при ней издохнуть... вотъ что! А она ножомъ себя пырнула, и черезъ кого? Черезъ меня! Ножомъ себя пырнула! Слышишь?

— Ничего съ ней не будетъ. Не умретъ.

— Еслибъ она умерла, я бы тебя прибилъ гвоздями къ дереву.

— Власти у тебя надъ ней нѣтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я бы желалъ, чтобы она меня ножомъ пырнула, пусть бы и убила, все лучше было бы.

— Глухая полька! Я бы по доброй волѣ полюбила тебя. Гдѣ лучше найдешь?

— Сдѣлай ты это, а я тебѣ отсыплю горшокъ дукатовъ, а другой жемчугу. Въ Барѣ мы хорошо попользовались и раньше тоже.

— Ты богатъ, какъ князь Еремія, и такой же славный. Тебя, говорятъ, самъ Кривоносъ боится.

Козакъ махнулъ рукой.

— Что мнѣ изъ того, коли сердце болитъ...

Молчаніе воцарилось снова. Берегъ рѣки становился все болѣе дикимъ и пустыннымъ. Свѣтъ луны придавалъ фантастическія формы деревьямъ и скаламъ. Наконецъ, Горпина произнесла:

— Вражье урочище близко. Нужно ѣхать вмѣстѣ.

— Зачѣмъ?

— Здѣсь нехорошо.

Они придержали коней и дождались, пока подѣхалъ весь отрядъ.

Богунъ приподнялся въ стременахъ и заглянулъ въ носилки.

— Спать?—спросилъ онъ.

— Спать,—отвѣтилъ старый козакъ,—сладко, какъ младенецъ.

— Я дала ей соннаго зелья,—пояснила колдунья.

— Тише, осторожнѣй, — проговорилъ Богунъ, не спуская глазъ со спящей, — не разбудите ее. Мѣсяцъ прямо въ лицо ей смотреть... радость моя!

— Тихо свѣтить, не разбудить, — прошепталъ одинъ изъ козаковъ.

Отрядъ пошелъ дальше. Вотъ и Вражье урочище. То былъ пригорокъ, лежащій у самой рѣки, низкій и округленный, словно опрокинутый щитъ. Мѣсяцъ обливалъ его своимъ свѣтомъ и обнаруживалъ каменья, разбросанные по его поверхности. Каменья лежали кое-гдѣ по одиночкѣ, въ иныхъ мѣстахъ въ кучѣ, точно остатки какихъ-то построекъ, разрушенныхъ замковъ и церквей. Мѣстами изъ глубины земли торчали каменные плиты, точно надгробные памятники, да и вообще весь пригорокъ походилъ на кладбище. Можетъ быть, давно, во времена Ягелло, и здѣсь кипѣла человѣческая жизнь; теперь же пригорокъ и вся окрестность, вплоть до Рашкова, представлялась глухой пустыней, гдѣ водился только дикій звѣрь, а по ночамъ проклятые духи собирались въ свои хороводы.

Только лишь отрядъ поднялся до половины пригорка, легкій вѣтерокъ, дувшій до сего времени, сразу перешелъ въ настоящій вихрь, который визжалъ такъ зловѣще и уныло, что козакамъ показалось, не выходятъ ли стоны изъ глубины этихъ развалинъ, не слышатся ли оттуда хохотъ, плачь и пискъ дѣтей? Весь пригорокъ оживился, началъ кричать разными голосами; изъ-за каменьевъ, казалось, выглядывали темныя, высокія фигуры; уродливыя тѣни тихо ползли отъ одной плиты къ другой. Вдали, во мракѣ сверкали огоньки, похожіе на волчьи глаза, наконецъ, изъ-за другой стороны пригорка послышался низкій, горловой вой, подхваченный сразу десятками другихъ.

— Волки?—шепнулъ молодой козакъ, обращаясь къ старому эсаулу.

— Нѣтъ, то упыри,—еще тише отвѣчалъ эсаулъ.

Лошади начали трести ушами и храпѣть. Впереди Горпина въ полголоса шептала какія-то непонятныя слова, словно молилась дьяволу. Только на другомъ боку пригорка она обернулась и сказала:

— Ну, теперь кончено. Теперь пойдетъ уже хорошо. Я ихъ еле сдержала, очень голодны.

Козаки вздохнули облегченной грудью. Богунъ съ Горпиной снова поѣхали впереди, а ихъ свита, которая доселѣ сдерживала дыханіе, начала перешептываться межъ собой. Каждый вспоминалъ о своемъ столкновеніи съ духами или упырями.

— Если бы не Горпина, мы бы не перешли, — сказалъ одинъ.

— Знаетъ свое дѣло; вѣдьма.

— А нашъ атаманъ и «дидка» *) не боится. Онъ ничего не слушалъ, только на свою княжну смотрѣлъ.

— Если бы съ нимъ случилось то, что со мною, то онъ бы такъ не храбрился,—замѣтилъ старый эсаулъ.

— А что съ тобой случилось, Овсивой?

— Вѣхалъ я разъ изъ Рейментаровки въ Гуляйполь, ночью, около могилъ. Вдругъ что-то сзади съ могилы прыгъ на сѣдло. Обернулся—младенецъ, синій весь, блѣдный!... Видно, его татары вмѣстѣ съ матерью взяли въ плѣнъ, а онъ тамъ и умеръ негрешенный. Глаза у него горятъ, какъ свѣчки, и все онъ плачетъ, все плачетъ. Прыгнулъ онъ съ сѣдла ко мнѣ на спину; чувствую, кусаетъ за ухомъ. О, Господи! упырь. Но я долго служилъ въ Валахія, тамъ упырей больше, чѣмъ живыхъ людей, знаю, какъ съ ними справляться. Соскочилъ я съ коня, и кинжаломъ въ землю. Сгинь, пропади! Онъ застоналъ, ухватился за рукоятку кинжала, да такъ по острію и спустился въ землю. Я провелъ кинжаломъ крестъ по землѣ и поѣхалъ дальше.

— Такъ въ Валахія столько упырей?

— Всякій валахъ послѣ смерти дѣлается упыремъ. А валашскіе хуже всѣхъ. Тамъ ихъ называютъ бруколаки.

— А кто сильнѣй: «дидка» или упырь?

*) Чорта.

— «Дидко» сильвѣй, а упырь храбрѣй. Дидко, если съумѣешь его заговорить, такъ онъ тебѣ служить будетъ, а упырь ни на что не годится, только кровь высасываетъ. А, все-таки, дидко надъ ними всегда атаманъ.

— А Горпина и дидку приказываетъ.

— Должно быть, такъ. Пока умѣть, потуда и приказываетъ. Ну, если бы она не имѣла надъ нимъ власти, нашъ атаманъ не отдалъ бы ей своей невѣсты, потому что бруколаки больше всего любятъ дѣвичью кровь.

— А мнѣ ее жаль,—сказалъ молодой козакъ.—Какъ мы ее въ носилки клали, то она сложила бѣлыя руки и такъ просила, такъ просила: убей, говорить, не губи несчастную.

Въ это время къ разговаривающимъ подѣхала Горпина.

— Эй, молодцы!—крикнула она,—то Татарская лощина, но вы не бойтесь, тутъ только одна ночь въ году страшна, а Чортъвъ яръ и мой хуторъ уже недалеко.

Дѣйствительно, вскорѣ послышался собачій лай. Отрядъ вошелъ въ оврагъ, идущій въ сторону отъ рѣки, и такой узкій, что четвернымъ всадникамъ еле-еле можно проѣхать. Но по мѣрѣ пути отвѣсныя стѣны оврага все разступались и образовывали довольно обширную лощину, слегка идущую въ гору и замкнутую съ боковъ скалами. Кое-гдѣ виднѣлись высокія деревья. Вѣтеръ сюда не заходилъ. Отъ деревьевъ падали длинныя черныя тѣни, а на освѣщенныхъ пространствахъ ярко свѣтились какіе-то бѣлые, круглые и продолговатые предметы, въ которыхъ козаки съ ужасомъ узнали человѣческіе черепа и кости. Немного погодя, вдали, между деревьями, блеснулъ огонекъ, а потомъ приближались два пса, страшные, огромные, съ горящими глазами, съ оскаленными зубами. На голосъ Горпины они усмирились и начали бѣгать вокругъ всадниковъ.

— То не собаки,—проворчалъ старый Овсивой голосомъ, въ которомъ звучало глубокое убѣжденіе—

Вотъ изъ-за деревьевъ показалась хата, за ней конюшня, а дальше и выше еще какая-то темная постройка. На видъ хата была очень прилична; въ окнахъ ея свѣтился огонь.

— Вотъ и моя усадьба,—сказала Горпина Богуну,—а тамъ мельница. Она мелетъ только наше зерно, а я ворожу на водѣ, что сбѣгаетъ по колесу. Поворожу и тебѣ. Княжна будетъ жить въ свѣтлицѣ, а если ты думаешь стѣны убрать, ее придется на время перенести на другую сторону. Стойте и слѣзайте съ коней!

Отрядъ остановился. Горпина возвысила голосъ:

— Черемись! ой, Черемись!

Изъ хаты вышелъ какой-то человѣкъ съ пукомъ зажженной лучины и молчаливо началъ разглядывать прѣхавшихъ.

То былъ человѣкъ старый, отвратительно безобразный, низенькаго роста, почти карликъ, съ плоскимъ квадратнымъ лицомъ и косыми глазами.

— Ты что за чортъ?—спросилъ его Богунъ.

— Не спрашивай его; у него языкъ отрѣзанъ, — сказала Горпина.

— Подойди-ка сюда поближе.

— Послушай, Богунъ, — продолжала колдунья, — а, можетъ быть, княжну лучше на мельницу отнести? Здѣсь будутъ убирать свѣтлицу, гвозди вбивать, какъ бы она не проснулась.

Козаки спѣшились и начали со всевозможной осторожностью отвязывать носилки. Самъ Богунъ наблюдалъ за всѣмъ и придерживалъ въ головахъ носилки, когда ихъ переносили на мельницу. Барликъ шелъ впереди и освѣщалъ дорогу. Княжна, благодаря усыпительному напитку Горпины, не просыпалась. Можетъ быть, дѣвушка снились радостные сны; она улыбалась во время шествія, болѣе похожаго на погребальную процессію. Богунъ смотрѣлъ на нее и чувствовалъ, какъ сильно бьется его сердце. «Радость моя, кукушечка моя!»—тихо шепталъ онъ, и грозное, хотя прекрасное лицо атамана дѣлалось кроткимъ и горѣло огнемъ великой любви, которая охватывала его все болѣе и болѣе, какъ огонь, забытый путникомъ, охватываетъ дикія степи.

— Если не проснется, здорова будетъ, — сказала идущая съ нимъ рядомъ Горпина. — Рана ея заживаетъ, здорова будетъ.

— Слава Богу! слава Богу!—отвѣтилъ атаманъ.

Въ это время козаки сняли съ лошадей вьюки и начали доставать оттуда добычу, взятую въ Барѣ, — бархатъ, ковры, парчи и прочія драгоценныя матеріи. Въ свѣтлицѣ зажгли яркій огонь; нагота деревянныхъ стѣнъ быстро исчезала подъ разноцвѣтными тканями. Богунъ не только позаботился о брѣвнкой клѣткѣ, но еще и убиралъ ее, чтобъ птичкѣ неволя не казалась черезъ-чуръ тяжелой. Ночь уплывала, а въ свѣтлицѣ все еще раздавались удары молотка. Наконецъ, когда уже всѣ стѣны были завѣшаны, а полъ устланъ досками, сонную княжну принесли назадъ и положили на мягкую постель.

Все утихло. Только въ конюшнѣ еще раздавались крики и хохоть, болѣе похожій на лошадиное ржаніе: то колдунья, любезничая съ козаками, раздавала имъ свои оплеухи и поцѣлуи.

Г л а в а П.

Солнце было уже высоко на небѣ, когда на другой день княжна открыла глаза.

Взглядъ ея упалъ, прежде всего, на стѣну и долго остановился на ней, потомъ перешелъ на потолокъ, на полъ. Дѣйствительность еще боролась съ остатками сна и сновидѣній. На лицѣ Елены вырисовались удивленіе и тревога. Гдѣ она? Какъ попала сюда и въ чьей власти находится теперь? Во снѣ ли видитъ она все это, или на яву? Что значить роскошь, которая окружаетъ ее? Что съ ней было прежде? Въ эту минуту страшныя сцены взятія Бара, какъ живыя, встали передъ ея глазами. Она припомнила все: эту страшную бойню, гдѣ тысячи шляхты, горожанъ, священниковъ, монахинь и дѣтей падали подъ ножомъ пришельцевъ, вымазанныя кровью лица черни, шеи и головы, обвитыя еще дымящимися внутренностями, пьяные крики, судный день погибающаго города, наконецъ, появленіе Богунa и похищеніе. Она припомнила, какъ въ припадкѣ отчаянія она вонзила себѣ ножъ въ грудь, и холодный потъ выступилъ на ея лбу. Ножъ, вѣроятно, дрогнулъ въ ея рукѣ, потому что теперь она почти не чувствуетъ боли, она сознаетъ, какъ къ ней возвращается здоровье и силы, наконецъ, помнить, какъ долго, долго ея везли куда-то въ носилкахъ. Но гдѣ же она теперь? Въ какомъ-нибудь замкѣ, спасена, отбита, въ безопасности? И снова она начала осматривать комнату. Въ комнатѣ были маленькія квадратныя окна, да и тѣ не пропускали свѣта, потому что, вмѣсто стеколъ, были затянута пузырями. Значить, это крестьянская хата? Не можетъ быть, тогда откуда же бы взялась эта безмѣрная роскошь? Вмѣсто потолка, надъ дѣвушкой спускался огромный покровъ изъ пурпурной шелковой матеріи, затканной золотыми звѣздами, стѣны сплошь покрыты парчой, на полу лежать пестрые ковры. Повсюду золото, шелкъ, бархатъ, начиная съ потолка и кончая подушками, на которыхъ покоится ея голова. Ясные солнечныя лучи, проникая сквозь пузырь, освѣщаютъ внутренность комнаты, но тутъ же и теряются въ темныхъ складкахъ бархата. Княжна дивится, глазамъ своимъ не

вѣрить. Что это, волшебство какое-нибудь? Ужь не войско ли Ереміи вырвало ее изъ козацкихъ рукъ и помѣстило въ одномъ изъ княжескихъ замковъ?

Елена сложила руки.

— Святая Дѣва, пошли, чтобъ первое лицо, какое покажется въ этихъ дверяхъ, было бы лицомъ друга и защитника!

Въ это время изъ-за окна до нея донеслись отдаленные звуки торбана и извѣстной въ то время пѣсни.

Княжна привстала на своемъ ложѣ и начала прислушиваться. Глаза ея раскрывались все шире отъ ужаса; наконецъ, она отчаянно вскрикнула и, какъ мертвая, свалилась на подушки.

Она узнала голосъ Богуна.

Вѣроятно, крикъ ея дошелъ до слуха поющего, потому что черезъ нѣсколько мгновений тяжелая портьера зашелестѣла и самъ атаманъ показался на порогѣ.

Елена закрыла глаза руками. Ея поблѣднѣвшія губы словно въ горячкѣ повторяли:

— Иисусъ, Марія! Иисусъ, Марія!

А, между тѣмъ, зрѣлище, поразившее ее, заставило бы забыть не одно дѣвичье сердце: такимъ свѣтомъ горѣло лицо и одежда молодого атамана. Бриллиантовыя пуговицы его жупана искрились, какъ звѣзды на небѣ, ножъ и сабля сверкали драгоценными камнями, жупанъ изъ серебряной парчи и красный гунтушъ удваивали красоту его смуглаго лица, и такъ онъ стоялъ передъ нею, статный, чернобровый, самый прекрасный изъ всѣхъ сыновъ Украйны. Глаза его кротко, почти съ покорностью глядѣли на нее. Онъ увидалъ, что страхъ ея не проходитъ, и заговорилъ нѣжнымъ, грустнымъ голосомъ:

— Не бойся, княжна!

— Гдѣ я? гдѣ я? — повторила она, смотря на него сѣвось пальцы.

— Въ безопасномъ мѣстѣ, далеко отъ войны. Не бойся, радость ты моя. Я тебя привезъ сюда изъ Бара, чтобъ тебя не обидѣли злые люди. Тамъ козаки никого не миловали; ты одна живая вышла.

— Что вы дѣлаете, за что преслѣдуете меня?

— Я тебя преслѣдую! Боже милосердый! — и атаманъ покачалъ головой, какъ человѣкъ, подвергшійся несправедливому обвиненію.

— Я боюсь васъ.

— Зачѣмъ? Если ты скажешь, я не переступлю порога, я рабъ твой. Мнѣ бы здѣсь сидѣть все у порога и въ очи твои глядѣть. Я тебѣ не хочу зла, за что ты меня ненавидишь? Ты въ Барѣ ударила себя ножемъ при моемъ видѣ, хотя меня давно знала и знала, что я иду спасать тебя. Я не чужой тебѣ, я другъ... а ты себя ножемъ ударила, княжна!

Блѣдныя щеки княжны вспыхнули румянцемъ.

— Я предпочитаю смерть, чѣмъ позоръ, — сказала она, — и клянусь, если вы тронете меня пальцемъ, я убью себя... душу свою загублю.

Глаза дѣвушки загорѣлись и атаманъ видѣлъ, что нельзя шутить съ этой княжеской кровью, что Елена въ отчаяніи сдержитъ свою клятву и не промахнется уже во второй разъ.

Онъ не сказалъ ни слова, только сдѣлалъ два шага къ окну, сѣлъ на лавку, покрытую золотою парчей, и поникъ головой.

Молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Будь спокойна. Пока я трезвъ, пока горѣлка не закружитъ мою голову, ты для меня будешь все равно, что образъ въ церкви. А съ тѣхъ поръ, какъ я увидалъ тебя въ Барѣ, я пересталъ пить. Передъ тѣмъ я пилъ, нилъ... горе свое горѣлкою заливалъ. Что-жь было дѣлать? Но теперь я въ ротъ ничего не возьму.

Княжна молчала.

— Посмотрю на тебя, порадую глаза яснымъ твоимъ личикомъ, да и пойду.

— Возвратите мнѣ свободу.

— А здѣсь ты развѣ въ неволѣ? Здѣсь ты госпожа. И куда ты хочешь возвратиться? Курцевичи погибли, огонь пожралъ города и деревни, князя въ Лубнахъ нѣтъ, онъ идетъ на Хмельницкаго, а Хмельницкій на него, всюду война, кровь льется рѣкою, всюду козаки, ордынцы и польскіе солдаты. Кто отнесется къ тебѣ съ уваженіемъ? Кто пожалѣетъ? Кто тебя охранитъ, если не я?

Княжна подняла глаза вверхъ. Она вспомнила, что на свѣтѣ есть еще кто-то, кто готовъ отдать за нее всю жизнь, и глубокая тоска сжала ей сердце. Живъ ли онъ, избранникъ ея души? Въ Барѣ его имя доходило до ея ушей вѣстѣ съ извѣстіями о побѣдахъ грознаго князя. Но съ той поры сколько дней и ночей прошло, сколько битвъ разыгралось, сколько опас-

ностей могъ встрѣтить онъ! Вѣсти о немъ теперь могли доходить только черезъ Богуна, а она не смѣла и не хотѣла спрашивать его объ этомъ.

Она опять упала лицомъ въ подушки.

— Значить, я должна остаться вашей плѣнницей?—съ рыданіемъ въ голосъ спросила она.—Что я сдѣлала вамъ, за что вы преслѣдуете меня, какъ несчастье?

Козакъ поднялъ голову и заговорилъ чуть слышнымъ голосомъ:

— Что ты мнѣ сдѣлала, не знаю, но если я преслѣдую тебя, какъ несчастье, то и ты меня сдѣлала несчастнымъ. Еслибъ я не полюбилъ тебя, то былъ бы свободенъ, какъ вѣтеръ въ полѣ, со свободнымъ сердцемъ, со свободою душою и такой же славный, какъ самъ Конашевичъ Сагайдачный. Это твое лицо, твои свѣтлые глаза сдѣлали меня несчастнымъ; ни воля мнѣ не мила, ни слава козачья! Чтò для меня были всѣ красавицы, пока ты была еще ребенкомъ? Разъ я взялъ галеру съ молодыми дѣвушками, — ихъ везли къ султану, — и не одна сердца моего не затронула. Понгнали козаки-братья, а потомъ я велѣлъ каждой камень на шею, да въ воду. Не боялся я ничего, не заботился ни о чемъ, ходилъ войною на невѣрныхъ, бралъ добычу, и какъ князь въ замкѣ, такъ и я былъ въ своей степи. А теперь что? Вотъ, сижу здѣсь... рабъ... вымаливаю у тебя доброе слово и вымолить не могу, и не слыхалъ его никогда, даже когда за меня стояли твои братья и тетка. Охъ, еслибъ ты была для меня чужою, еслибъ ты была чужою! Не побилъ бы я твоихъ родныхъ, не братался бы съ хлопами, но черезъ тебя потерялъ весь свой разумъ. Ты можешь повести меня за собою, куда хочешь, я бы кровь свою отдалъ тебѣ, душу бы отдалъ. Посмотри, теперь я весь обрызганъ шляхетскою кровью, а прежде только билъ татаръ, да привозилъ тебѣ добычу, чтобы ты ходила въ золотѣ и самоцвѣтныхъ камняхъ, какъ херувимъ Божій, отчего же ты тогда не любила меня? Охъ, тяжело! Горе мнѣ и сердцу моему! Ни съ тобою жить, ни безъ тебя, ни вдали, ни вблизи, ни на горѣ, ни на долині, голубка ты моя, жизнь ты моя! Прости ты меня, что я пришелъ за тобою въ Розлоги по-козацки, съ саблей и огнемъ; я тогда былъ пьянъ отъ горѣлки и гнѣва на князей... убійца я несчастный! А потомъ, когда ты ушла отъ меня, я вылъ, какъ волкъ, и раны мои болѣли, и ѣсть я не хотѣлъ, и смерть звалъ

въ себѣ... а ты требуешь, чтобъ я отпустилъ тебя, потерялъ тебя вновь!

Богунъ замолчалъ. У него не хватало силъ говорить. Лицо Елены то блѣднѣло, то краснѣло попеременно. Чѣмъ больше любви звучало въ словахъ Богуна, тѣмъ ббольшая пропасть раскрывалась передъ дѣвушкой, — пропасть безъ дна, безъ надежды на спасеніе.

— Проси, чего хочешь. Вотъ, посмотри, какъ убрана эта комната, — это все мое, все добыча изъ Бара; на шести коняхъ привезъ это сюда для тебя. Проси, чего хочешь: золота, драгоценныхъ камней, парчи, послушныхъ рабовъ. Я богатъ, у меня своего добра немало, а Хмельницкій для меня ничего не пожалѣетъ и Кривоносъ не пожалѣетъ; ты жить будешь, какъ княгиня Виснѣвецкая; я для тебя добуду десятки замковъ, половину Украйны подарю тебѣ... Я хоть и козакъ, не шляхтичъ, за то бунчужный атаманъ, за мной пойдутъ десять тысячъ козаковъ, болѣе чѣмъ за княземъ Еремѣемъ. Проси, чего хочешь, только бы ты не хотѣла уйти отъ меня, любовь моя, жизнь моя!

Княжна приподнялась съ подушекъ. Лицо ея было смертельно блѣдно, но въ глазахъ горѣло твердое рѣшеніе.

— Если вы хотите моего отвѣта, — сказала она, — то знайте, что еслибъ мнѣ было суждено цѣлый вѣкъ пробить въ плѣну у васъ, то и тогда я не полюблю васъ, не полюблю, клянусь Богомъ!

Богунъ съ минуту боролся самъ съ собою.

— Не говори мнѣ такихъ словъ, — сказалъ онъ хриплымъ голосомъ.

— И вы не говорите мнѣ ничего о своей любви, не оскорбляйте меня. Я не для васъ.

Атаманъ всталъ.

— А для кого же ты, княжна Курцевичъ? Кому бы ты досталась въ Барѣ, еслибъ не я?

— Кто спасъ мнѣ жизнь, чтобъ заключить меня въ неволю, опозорить меня, тотъ врагъ мой, не другъ.

— Ты думаешь, что хлопы убили бы тебя? Нѣтъ, о, нѣтъ! Подумать страшно.

— Меня убилъ бы ножъ... вы же вырвали его.

— И не отдамъ. Ты должна быть моею!

— Никогда! лучше смерть!

— Должна и будешь!

— Никогда!

— Ну, еслибъ ты не была ранена, то послѣ твоихъ словъ я сегодня же отправилъ бы козаковъ въ Рашковъ за монахомъ, а завтра былъ бы твоимъ мужемъ. Да, да... Мужа грѣхъ не любить и не приголубить. Эхъ, ты, панна вельможная, тебя обижаетъ козацкая любовь! А ты кто такая, что считаешь меня хлопомъ? Гдѣ твои замки и слуги, и войска? Откуда взялся твой гнѣвъ, твоя обида? Я тебя на войнѣ взялъ, ты моя плѣнница. О, еслибъ я былъ хлопъ, я бы нагайкой научилъ тебя уму-разуму и безъ священника наслаждался бы твоей красой... еслибъ я былъ хлопъ, а не рыцарь!

— Ангелы небесные, спасите меня! — прошептала княжна.

А на лицѣ козака выразалось все большее бѣшенство. Гнѣвъ окончательно овладѣлъ имъ.

— Я знаю, отчего ты обижаешься, отчего отвертываешься отъ меня! Для другаго ты бережешь свой дѣвичій стыдъ, да ничего изъ того не будетъ, пока я живъ! Нищій шляхтичъ! Проходимецъ! Правалиться ему! Едва посмотрѣлъ, только прошелся въ танцѣ, и всю заповонилъ, а ты, козакъ, терпи, лбомъ бей объ стѣну! Ну, да я достану его, шкуру съ него сдеру и на-смѣюсь же надъ нимъ! Знай, на ляховъ идетъ Хмельницкій, и я иду за нимъ, и найду твоего возлюбленнаго, хоть подъ землей, и то найду, а какъ возвращусь, такъ его голову, вмѣсто подарка, брошу тебѣ подъ ноги.

Елена не слыхала послѣднихъ словъ атамана. Боль, гнѣвъ, волненіе, страхъ помutilи ея умъ и мысли, и она вновь впадала въ обморокъ.

Атаманъ стоялъ нѣкоторое время, гнѣвный и страшный, потомъ увидалъ, что голова Елены свалилась съ подушекъ, и изъ груди его вырвался нечеловѣческій крикъ:

— Сюда! сюда! Горпина! Горпина! Горпина!

И онъ упалъ на землю.

Болдуныя не замедлила явиться на зовъ.

— Спаси! спаси! — кричалъ Богунъ. — Убилъ я ее, душу мою, солнышко мое ясное!

— Да ты съ ума не спятилъ?

— Убилъ, убилъ! — стоналъ атаманъ и ломалъ руки.

Но Горпина, приблизившись къ княжнѣ, сразу поняла, что то не смерть, а лишь глубокой обморокъ, выпихнула за дверь Богуну и принялась за свои средства.

Княжна скоро открыла глаза.

— Ну, дочка, ничего, — увѣщевала Горпина. — Ты, вѣрно, перепугалась сильно; ничего, пройдетъ. Тебѣ еще долго на свѣтъ жить и быть счастливой.

— Кто ты? — слабымъ голосомъ спросила княжна.

— Я слуга твоя, потому что онъ такъ приказалъ.

— Гдѣ я?

— Въ Чортовомъ яру. Тутъ пустыня, никого не увидишь, кромѣ его.

— И ты здѣсь живешь?

— Здѣсь нашъ хуторъ. Я Донцовна, братъ мой подполковникъ у Богунъ, козаковъ на бой водить, а я тутъ сижу и буду стеречь тебя въ этой золотой комнатѣ. вмѣсто хаты — теремъ! Глазамъ даже больно! Это онъ все для тебя привезъ.

Елена посмотрѣла прямо въ лицо дѣвушка и лицо это показалось ей необычайно добрымъ.

— О, ты будешь добра ко мнѣ?

Лицо молодой колдуньи разцвѣло широкой улыбкой.

— Буду. Отчего нѣтъ? Да и ты будь добра къ атаману. Онъ соколы, онъ славный воинъ, онъ тебя...

Тутъ она наклонилась къ уху княжны и шепнула что-то.

— Прочь! — крикнула княжна.

Г л а в а III.

На третій день, утромъ, Донцовна и Богунъ сидѣли подъ вербой, около мельничнаго колеса, и смотрѣли на пѣнящуюся воду.

— Ты будешь ухаживать за ней, стеречь... глазъ съ нея не спускай, чтобъ никогда изъ оврага не выходила, — сказалъ Богунъ.

— Отъ оврага къ рѣкѣ узкій проходъ, а тутъ мѣста много. Прикажи засыпать проходъ камнями, и мы останемся здѣсь, какъ на днѣ горшка. А я себѣ дорогу найду.

— Чѣмъ же вы тутъ живете?

— Черемисъ подъ скалами съѣтъ кукурузу и ловить птицъ въ силки. Съ тѣмъ, что ты привезъ, у насъ недостатка ни въ чѣмъ не будетъ. Ты не бойся; она изъ оврага не выйдетъ и никто о ней не узнаетъ, только бы твои люди не разболтали.

— Я имъ приказалъ присягнуть. Они вѣрный народъ, не сважутъ, хотъ кожу съ нихъ сдери. Но ты сама говорила, что къ тебѣ приходятъ люди ворожить.

— Иногда приходятъ изъ Рашкова и изъ другихъ мѣстъ приходятъ. Но они дальше рѣки не идутъ, въ оврагъ взойти бо-
ятся. Ты видишь кости? Были такіе, что хотѣли войти; вотъ ихъ-то кости и лежатъ здѣсь.

— Это ты ихъ убилъ?

— Кто убилъ, тотъ убилъ! Кто хочеть ворожить, ждетъ у оврага, а я иду къ колесу. Что увижу въ водѣ, то и скажу. И для тебя сейчасъ буду смотрѣть, только не знаю, покажется ли... не всегда бываетъ видно.

— Только чего-нибудь дурнаго не увидала бы.

— Если увижу дурное, ты не поѣдешь. И такъ бы лучше не ѣздила.

— Нужно. Хмельницкій прислалъ мнѣ письмо въ Баръ и Бривнось приказывалъ. Теперь на насъ ляхи идутъ съ великой силой, и намъ нужно собираться вмѣстѣ.

— А когда вернешься?

— Не знаю. Будеть большая битва, какой еще не бывало. Или намъ смерть, или ляхамъ. Если насъ побьютъ, то я схоронюсь здѣсь; мы побьемъ—заѣду за моей кукучечкой и вмѣстѣ съ ней поѣду въ Кіевъ.

— А если тебя убьютъ?

— Однѣмъ разъ мать родила.

— А съ дѣвушкой что я тогда буду дѣлать? Зарѣзать ее, что ли?

— Тронь ты ее только пальцемъ, и я тебя велю посадить на колъ.

Атаманъ угрюмо задумался.

— Если я погибну, скажи ей, чтобъ она меня простила.

→ Эхъ, глупая она, что не любитъ за такую любовь. Еслибъ мнѣ такой, я бы не ломалась такъ!

Горпина два раза пихнула кулакомъ въ бокъ Богуна и широко улыбнулась.

— Убирайся къ чорту!—крикнулъ козаць.

— Ну, ну! я знаю, что ты не для меня.

Богуна засмотрѣлся въ водяную пѣну, точно самъ хотѣлъ ворожить для себя.

— Горпина!

— Что?

— Если я поѣду, будетъ она тужить обо мнѣ?

— Боли ты не хочешь заставить ее полюбить себя силой, по-козацки, то, можетъ быть, и лучше, если ты уѣдешь.

— Не хочу, не могу, не смѣю! Я знаю, она умерла бы.

— Такъ поѣзжай. Пока она тебя и знать не хочетъ, а посидитъ со мной и съ Черемисомъ мѣсяцъ, два, и ты ей милъ покажешься.

— Я не знаю, что сдѣлалъ бы, только-бъ она была здорова. Хотѣлъ было я попа привезти изъ Рашкова, обвинять насъ, да боюсь испугается и умереть. Ты сама, вѣдь, видѣла.

— Оставь ее въ покоѣ. Да зачѣмъ тебѣ попъ и свадьба? Не настоящій ты козацъ, нѣтъ! А мнѣ вовсе не хочется видѣть здѣсь ни попа, ни всендза. Въ Рашковѣ стоятъ добруджскіе татары, ты еще имъ сюда дорогу покажешь, а тогда потуда и видѣлъ княжну. Что тебѣ пришло въ голову? Поѣзжай себѣ и возвращайся.

— А ты смотри въ воду и говори, что увидишь. Говори правду, не лги, хоть бы ты меня мертвого увидала.

Донцовна подошла въ плотинѣ и подняла другой затворъ; вода хлынула бурнымъ потокомъ, колесо начало вертѣться съ удвоенной быстротой и скоро скрылось въ брызгахъ водяной пыли и пѣны.

Болдунья вперила свои черные глаза въ водоворотъ и, схвативъ себя за волосы, начала кричать:

— Гукъ! гукъ! покажись! Въ колесѣ дубовомъ, въ пѣнѣ бѣлой, въ туманѣ ясномъ, злой ли ты, добрый ли, покажись!

Богунъ приблизился и сѣлъ рядомъ съ ней. На лицѣ его рисовалось опасеніе и лихорадочное любопытство.

— Вижу!—наконецъ, кривнула Горпина.

— Что видишь?

— Смерть моего брата. Донца сажаютъ на колъ.

— Къ чорту твоего брата!

Богуну хотѣлось знать что-то другое.

Съ минуту слышался только бѣшеный плескъ воды.

— Синее лицо у моего брата, синее... вороны его клюютъ!

— Что видишь еще?

— Ничего. О, какой синій! Гукъ! гукъ! Въ колесѣ дубовомъ, въ пѣнѣ бѣлой, въ туманѣ ясномъ, покажись!... Вижу.

— Что?

— Битва! Ляхи бѣгутъ передъ козаками.

— А я ихъ преслѣдую?

— Вижу и тебя. Ты сталкиваешься съ низенькимъ рыцаремъ... О, о!... Берегись низенькаго рыцаря.

— А княжна?

— Ея нѣту. И опять вижу тебя, а при тебѣ тотъ, что тебя предастъ. Твой вѣроломный другъ.

— Какой другъ?

— Не вижу. Не знаю, молодой или старый!

— Старый! навѣрное, старый!

— Можетъ быть, и старый.

— Тогда я знаю кто. Онъ уже разъ измѣнилъ мнѣ. Старый шляхтичъ съ сѣдой бородой и кривымъ глазомъ. На погибель ему! Но онъ мнѣ не другъ.

— Онъ добирается до тебя. Опять вижу. Стой, подожди! и княжна тутъ... въ вѣникѣ изъ руты, въ бѣлой одеждѣ, надъ нею ястребъ.

— Это я.

— Можетъ быть, и ты. Ястребъ... или соколъ? Ястребъ!

— Это я.

— Подожди. Вотъ и не видно ее... Въ колесѣ дубовомъ, въ пѣнѣ бѣлой... О! о! много войска, много козаковъ, ой, много, какъ деревьевъ въ лѣсу, какъ ковыля въ степи, а ты надо всѣми, передъ тобою три бумчуга несутъ.

— А княжна со мной?

— Нѣтъ ея, ты въ обозѣ.

Снова молчаніе. Колесо гудитъ такъ, что вся мельница трясется.

— О, сколько тутъ крови! сколько крови! сколько труповъ! Волки надъ ними, вѣроны надъ ними! зараза надъ ними! Одни трупы! одни трупы! и дальше... дальше... только трупы, ничего не видать, только кровь!

Вдругъ порывъ вѣтра разсѣялъ туманъ надъ колесомъ; вмѣстѣ съ этимъ подъ мельницей показался уродливый Черемисъ съ вязанкой дровъ за плечами.

— Черемисъ, закрой затворъ!—крикнула колдунья и пошла умывать лицо и руки.

Богунъ сидѣлъ въ задумчивости. Только приходъ Горпины заставилъ его очнуться.

— Больше ты ничего не видала?—спросилъ онъ.

— Что показалось, то показалось, больше ничего не увижу.

— А ты не лжешь?

— Нѣтъ, клянусь головой брата. Его на колъ сажаютъ, валами за ноги натягиваютъ. Мнѣ его жаль. Эхъ, не ему одному смерть суждена! Сколько труповъ! Я никогда столько не видала; будетъ большая война на свѣтѣ.

— А ее ты видѣла съ ястребомъ надъ головой?

— Да.

— И она была въ вѣнкѣ?

— Въ вѣнкѣ и бѣлой одеждѣ.

— А почему ты знаешь, что ястребъ, это я? Я тебѣ говорилъ о молодомъ ляхѣ-шляхтичѣ, можетъ быть, это онъ?

Горпина нахмурила брови и задумалась.

— Нѣтъ, — сказала она, немного погодя, и тряхнула головой, — еслибъ то былъ ляхъ, то былъ бы орелъ.

— Слава Богу! слава Богу! Ну, я пойду къ своимъ, прикажу коней готовить въ дорогу. Ночью выѣдемъ.

— Такъ ты навѣрно хочешь ѣхать?

— Хмель приказывалъ и Кривоносъ приказывалъ. Ты правильно сказала, что будетъ большая война. Я самъ въ Барѣ читалъ письмо Хмеля, и онъ то же пишетъ.

— Ну, поѣзжай. Ты счастливый, гетманомъ будешь. Я видѣла, какъ передъ тобою три бунчука несутъ.

— Гетманомъ буду и княжну за себя замужъ возьму. Мнѣ не мужичку же брать.

— Съ мужичкой ты иначе бы разговаривалъ, а для этой ты не пара. Той нуженъ ляхъ.

— Ну, и я не хуже.

Богунъ повернулся и пошелъ въ конюшню, а Горпина готовить обѣдъ.

Вечеромъ они были готовы къ дорогѣ, но атаману было не до того. Онъ сидѣлъ на связкѣ ковровъ съ торбаномъ въ рукахъ и смотрѣлъ на свою княжну. Та поднялась со своей постели, но прижалась въ противоположный уголь комнаты и, перебирая четки, не обращала никакого вниманія на Богуну, точно его и въ свѣтлицѣ не было. А Богунъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, ловилъ каждый вздохъ ея и самъ не зналъ, что ему дѣлать. Каждую минуту онъ открывалъ ротъ, чтобъ начать разговоръ, но слова не хотѣли выходить изъ горла. Блѣдное лицо съ оттѣнкомъ суровости въ сдвинутыхъ бровяхъ всеяло въ него

робость. Такого выраженія Богунъ не видалъ еще до сихъ поръ на лицѣ княжны. И противъ воли припомнилъ онъ вечера въ Розлогахъ: словно живые, вокругъ дубоваго стола сидятъ Курцевичи, старая княгиня грызетъ подсолнечныя сѣмена, князья поочередно мечутъ кости, а онъ не спускаетъ глазъ съ княжны, такой же прелестной, какъ и сегодня. Но въ то время на его долю выпадали минуты счастья, когда, во время его разсказовъ о кровавыхъ стычкахъ съ татарами, черные ея очи надолго останавливались на его лицѣ, а полуоткрытыя уста показывали, съ какимъ вниманіемъ слушаетъ она его. А теперь ни взгляда, ни слова!... Тогда, бывало, онъ заиграетъ на торбанѣ, она и слушаетъ, и смотритъ на него, и сердце его таетъ. И чудное дѣло! теперь онъ ея господинъ, она его плѣнница, невольница; онъ можетъ повелѣвать ею, а, все-таки, прежде разстояніе, отдѣлявшее ихъ, было какъ-то меньше. Курцевичи были его братьями, она, ихъ сестра, все-таки, могла считаться родственницею. А теперь передъ нимъ сидитъ панна, гордая, суровая, молчаливая, немилосердая. Охъ, и гнѣвъ же кипитъ въ немъ! Показалъ бы онъ ей, какъ презирать козака... да горе горькое — любить онъ ее, эту немилосердную панну, кровь бы отдалъ за нее всю до капли, и гнѣвъ стихаетъ въ немъ и какой-то голосъ шепчетъ ему на ухо: стой! Онъ чувствуетъ, что его присутствие стѣсняетъ, тяготитъ ее. Хоть бы улыбнулась, проронила доброе слово, — онъ палъ бы къ ея ногамъ и поѣхалъ бы хоть къ самому чорту, топить свою тоску безъисходную, свой гнѣвъ въ яшской крови. А теперь онъ словно рабъ передъ этой княжной. Еслибъ онъ ее не зналъ раньше, еслибъ эта полька была взята изъ перваго шляхетскаго дома, онъ былъ бы смѣлѣй, но, вѣдь, это княжна Елена, изъ-за которой онъ кланялся Курцевичамъ, за которую готовъ былъ отдать все, что имѣлъ. Тѣмъ больше стыдъ ему быть рабомъ передъ ней, тѣмъ больше онъ передъ ней робѣетъ.

Время уходитъ, со двора доносится говоръ козаковъ, которые теперь вѣрно уже сидятъ на коняхъ и ждутъ атамана, а у атамана сердце разрывается отъ боли. Ясный свѣтъ лучины падаетъ на его лицо, на богатый кунтушъ, а она хоть бы разъ взглянула! Богунъ не знаетъ, что ему дѣлать. Онъ хотѣлъ бы проститься, проститься хорошо, сердечно, и бояться, что прощанье будетъ не такое, какое было бы ему желательно, что онъ уйдетъ отсюда съ горечью, съ гнѣвомъ и болью въ душѣ.

Эхъ, еслибъ то была не княжна Елена, не та, что ранила себя ножемъ, не та, что грозить зарѣзаться... не та, милая, дорогая, и чѣмъ болѣе суровая и неприступная, тѣмъ болѣе милая!..

Вотъ какая-то лошадь заржала за окномъ.

Атаманъ почувствовалъ приступъ отваги.

— Княжна,—сказалъ онъ,—миѣ пора въ дорогу.

Княжна молчала.

— А ты миѣ не скажешь: съ Богомъ?

— Поѣзжайте съ Богомъ,—медленно сказала княжна.

У козака стиснуло сердце: она сказала то, что ему хотѣлось, но сказала не такъ... сухо, чуть не презрительно.

— Я знаю, что ты гнѣваешься на меня, ненавидишь меня, но скажу тебѣ только одно, что другой былъ бы хуже меня. Я тебя привезъ сюда, иначе миѣ нечего было дѣлать, но что дурнаго тебѣ сдѣлалъ? Развѣ я не обходился съ тобой, какъ съ королевой? Скажи сама. Развѣ я ужъ такой разбойникъ, что ты миѣ слова добраго не скажешь? А, вѣдь, ты въ моей власти.

— Я во власти Бога,—все также медленно проговорила княжна,—но если вы сдерживаетесь въ моемъ присутствіи, то благодарю васъ и за это.

— Я поѣду, хотя бы и съ такимъ словомъ. Можетъ быть, пожалѣешь обо миѣ, а, можетъ быть, взгруснется когда-нибудь, когда меня не будетъ.

Елена молчала.

— Жаль миѣ тебя оставлять здѣсь одну,—продолжалъ Богунъ,—жаль уѣзжать, но дѣлать нечего—долгъ. Легче было бы миѣ, еслибъ ты улыбнулась миѣ, крестикъ дала бы отъ чистаго сердца. Что я долженъ сдѣлать, чтобъ заслужить твое расположение?

— Возвратите миѣ свободу и Богъ вамъ все проститъ и я прощу и буду благословлять васъ.

— Можетъ быть, и будетъ такъ,—сказалъ козакъ,—можетъ быть, ты еще пожалѣешь, что была такъ сурова со мною.

Богунъ хотѣлъ цѣною полуобѣщанія купить миѣ разставанья. Онъ добился своего. Въ глазахъ Елены блеснулъ огонь надежды, суровость исчезла съ ея лица. Она сложила руки на груди и устремила на него умоляющій взоръ.

— Еслибъ вы...

— Н... не знаю,—тихо прошепталъ козакъ. И стыдъ и жалость стискивали его горло.—Теперь я не могу, не могу, въ

Дикихъ поляхъ стоитъ татарская орда, отъ Рашкова тоже татары идутъ, не могу, боюсь, но, какъ вернусь... Я, вѣдь, словно ребенокъ передъ тобою. Ты со мной, что хочешь, то и сдѣлаешь. Не знаю... не знаю!...

— Да благословить васъ Богъ, да вдохновить васъ святая Дѣва... Поѣзжайте съ Богомъ.

Она протянула ему руки. Богунъ однимъ прыжкомъ очутился около нея, впился губами въ ея руку, но вдругъ поднялъ голову, встрѣтилъ ея укоризненный взоръ и выбѣжалъ вонъ.

Вскорѣ за окномъ раздавался топотъ козачьихъ коней.

ГЛАВА IV.

— Истинное чудо явилъ намъ Господь Богъ,—говорилъ панъ Заглоба Володѣевскому и Подбицентъ, сидя въ квартирѣ Скшетускаго,—истинное чудо, говорю я вамъ, что дозволилъ мнѣ вырвать ее изъ собачьихъ рукъ и сохранить въ цѣлости во всю дорогу; будемъ надѣяться, что Онъ и еще смилуется надъ нами. Только бы она была жива. А мнѣ все сдается, что онъ ее снова похитилъ. Обратите вниманіе, что послѣ Пулъяна онъ занялъ его мѣсто при Кривоносѣ (чтобъ его черти искривили!) и долженъ былъ быть при взятіи Бара.

— Онъ могъ не найти ее въ толпѣ несчастныхъ; говорятъ, тамъ погибло до двадцати тысячъ,—замѣтилъ Володѣевскій.

— Вы его не знаете. Я приму присягу, что онъ зналъ о ея пребываніи въ Барѣ. Иначе и быть не можетъ, онъ спасъ ее отъ смерти и увезъ куда-нибудь.

— Небольшое утѣшеніе. На мѣстѣ пана Скшетускаго я скорѣе согласился бы, чтобъ она погибла, чѣмъ попала въ его руки.

— И тутъ радостнаго мало: если она погибла, то погибла опозоренная...

— Повсюду плохо!—сказалъ Володѣевскій.

— Охъ, плохо!—повторилъ панъ Подбиента.

Заглоба началъ дергать свои усы и бороду, наконецъ, разразился:

— Ахъ, чтобъ на васъ чума нашла, чтобы татары изъ вашихъ внутренностей скрутили тетиву для своихъ луковъ!

— Я не зналъ этой панны,—грустно проговорилъ Володѣевскій,—но лучше бы меня самого постигло несчастье.

— Я видѣлъ ее разъ въ жизни, но когда вспомню, гдѣ она, то жить гадко становится,—сказалъ панъ Лонгинусъ.

— То вамъ,—закричалъ панъ Заглоба,—а каково мнѣ, коли я полюбилъ ее, какъ отецъ, и отъ татарской неволи высвободилъ, каково мнѣ?

— Нѣтъ, а каково пану Скшетускому?

Всѣ замолкли. Первый встрепенулся панъ Заглоба.

— Неужели нѣтъ средства?

— Если нѣтъ средства, то мы должны отомстить,—отозвался Володіевскій.

— Еслибъ Господь послалъ генеральную битву!—вдохнулъ панъ Лонгинусъ.—О татарахъ говорятъ, что они уже переправились и въ поляхъ стали лагеремъ.

Панъ Заглоба начиналъ выпатиться:

— Не можетъ быть, чтобъ мы оставили бѣдняжку, ничего не предприняли для ее спасенія. Я уже довольно потаскался по бѣлому свѣту, старыя кости на покой просятся, но для своей княжны готовъ даже хотъ бы въ Стамбуль, хотя бы для этого вновь пришлось напяливать мужицкую сермягу и тащить торбанъ... о! будь онъ проклятъ! безъ отвращенія вспомнить о немъ не могу!

— Вы искусны на выдумки, изобрѣтите что-нибудь,—поддержалъ его панъ Подбипента.

— У меня уже много было плановъ. Если бы у князя Доминика было на половину меньше, то Хмельницкій давно уже висѣлъ бы на висѣлицѣ. Я и со Скшетускимъ говорилъ, да теперь съ нимъ говорить нельзя ни о чемъ. Горе залѣзло въ него и мучить хуже болѣзни. Вы присматривайте за нимъ, какъ бы онъ ума не лишился. Часто бываетъ, что отъ великихъ горестей шепс начинаетъ бродить, какъ вино, и, въ концѣ-концовъ, скиснется.

— Бываетъ, бываетъ!—и панъ Лонгинусъ покачалъ головой. Володіевскій нетерпѣливо повернулся на своемъ сидѣньи и спросилъ:

— Какіе же ваши планы?

— Мои планы? Прежде всего, мы должны узнать, жива ли она, бѣдняжка (да хранить ее святые ангелы отъ всякаго зла!), а узнать можемъ двоякимъ способомъ: или найти вѣрныхъ козаковъ, которые покажутъ видъ, что хотятъ соединиться съ Хмельницкимъ, убѣгутъ къ Богуну и попытаются отъ его людей о чемъ-нибудь...

— Таіе у меня есть, драгуны, русскіе!—воскликнулъ Володіевскій.

— Подождите... или схватить «языка» изъ тѣхъ, что брали Баръ, не знаетъ ли чего. Всѣ они на Богуна чуть Богу не молятся, больно ужъ онъ нравится имъ, чертямъ, пѣсни о немъ поютъ (глотки бы у нихъ полопались!) и рассказываютъ одинъ другому, что онъ сдѣлалъ и чего не сдѣлалъ. Если онъ похитилъ княжну, то отъ нихъ это не укрылось.

— Можно и козаковъ послать, и о «языкѣ» позаботиться, въ одно и то же время,—замѣтилъ панъ Подбиента.

— Именно. Блестящее соображеніе у васъ, милый панъ Лонгинусъ. Если мы узнаемъ, что она ушла, самое главное дѣло сдѣлано. Если вы (только, прошу васъ, говорите откровенно) хотите на самомъ дѣлѣ помогать Скшетускому, то подчинитесь моей волѣ; я человекъ болѣе опытный. Мы переодѣнемся хлопцами и постараемся узнать, куда онъ скрылъ ее, а разъ узнаемъ, я головой ручаюсь, что достанемъ ее оттуда. Главное затрудненіе во мнѣ и Скшетускомъ—насъ Богунъ знаетъ, ну, а ужъ если узнаетъ, то послѣ этого насъ и родная мать не узнаетъ. А васъ обоихъ онъ не видалъ.

— Меня видѣлъ,—сказалъ панъ Подбиента,—ну, да это пустяки.

— Можетъ быть, Богъ отдастъ его въ наши руки!—прибавилъ панъ Володіевскій.

— Ну, это лишнее,—воспротивился панъ Заглоба.—Пусть съ нимъ лучше палачъ вѣдается. Начинать нужно осторожно, чтобы не испортить всего дѣла. Не можетъ быть, чтобы онъ одинъ зналъ о мѣстѣ ея жительства.

— Можетъ быть, наши узнаютъ что-нибудь. Если князь позволить, я выберу тѣхъ, кто повѣрнѣй, и вышлю хоть завтра утромъ.

— Князь-то дозволить, но узнаютъ ли они что-нибудь, въ этомъ я сомнѣваюсь. Послушайте только: мнѣ приходитъ въ голову такой способъ: вмѣсто того, чтобы высылать кого-нибудь, переодѣнемся-ка хлопцами да сейчасъ и въ дорогѣ, не мѣшая.

— О, того быть не можетъ!—вскричалъ панъ Володіевскій.

— Отчего?

— Значить, вы не знаете военной службы. Если войска стоятъ не *пеміне ехсерто*, то это святое дѣло. Отецъ и мать умирай,—рыцарь и тогда не пойдетъ просить отпуска, потому что

это величайшій позоръ для солдата. Послѣ генеральнаго сраженія, когда непріятель разбить, можно, но не раньше. Помните, какъ Сьшетускому хотѣлось ѣхать къ невѣстѣ, однако, онъ и словомъ не обмолвился. Репутація его уже составлена, князь его любить, а онъ все молчалъ, потому что знаетъ свои обязанности. Собственно говоря, это общественное дѣло, а тамъ частное. Я не знаю, какъ въ другихъ странахъ, хотя думаю, что вездѣ одинаково, а у нашего князя передъ битвой не дають отпусковъ, въ особенности офицерамъ. Хотя бы душа у Сьшетускаго разрывалась на части, онъ и то не пойдетъ за этимъ къ князю.

— Слова нѣтъ, онъ по духу римлянинъ, — сказалъ панъ Заглоба, — но если бы кто-нибудь стороной шепнулъ объ этомъ князю? Можетъ быть, онъ [своею волею далъ бы мнѣ и вамъ отпускъ.

— И не подумаетъ. У князя на плечахъ вся республика. Въ то время, когда рѣшаются судьбы цѣлаго народа, время ли князю заниматься частными дѣлами? Ну, допустимъ самое невѣроятное — онъ дастъ намъ непрошенный отпускъ, кто изъ насъ выйдетъ изъ лагеря? Не себѣ, несчастной отчизнѣ должны мы служить теперь.

— Знаю я это, и службу военную съ давнихъ поръ знаю, и потому сказалъ вамъ, что предположеніе это только мелькнуло въ моемъ умѣ, а не засѣло тамъ. Да и по совѣсти сказать вамъ, пока шайки грабителей не разгромлены, мы немного и успѣемъ, ну, а когда онѣ будутъ разбиты, когда ихъ будутъ преслѣдовать, когда онѣ будутъ спасать свою шкуру, тогда мы смѣло можемъ вмѣшаться въ ихъ толпу и легко разузнать отъ нихъ все, что желаемъ. Только поскорѣе подходило бы остальное войско, а то мы, пожалуй, всѣ перемремъ со скуки. Князь Доминикъ долго заставилъ себя ждать.

— Его ожидаютъ черезъ три дня.

— Дай Богъ поскорѣе! А панъ коронный подчасій будетъ сегодня?

— Сегодня.

Тутъ двери отворились и въ комнату вошелъ Сьшетускій. Лицо его было совершенно неподвижно; однимъ могильнымъ холодомъ и спокойствіемъ вѣяло отъ него.

Безъ глубокаго сожалѣнія невозможно было смотрѣть на это молодое лицо, на которомъ, казалось, никогда не появлялось

улыбки. Борода пана Яна выросла до половины груди и серебрилась кое-гдѣ сѣдиною.

Онъ никому не жаловался на свое горе и, совершенно спокойный на видъ, весь ушелъ въ исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей.

— Мы тутъ толковали о вашемъ несчастіи, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и наше несчастіе, — сказалъ панъ Заглоба, — но, Богъ свидѣтель, ничѣмъ васъ утѣшить не можемъ. А такъ какъ одними вздохами да слезами дѣлу не поможешь, то мы рѣшились отдать свою жизнь, только бы вырвать княжну изъ неволи, если она, бѣдняжка, жива еще до сихъ поръ.

— Да заплатитъ вамъ Богъ!

— Мы пойдемъ съ тобою хотъ въ обозъ къ Хмельницкому, — прибавилъ Володіевскій, безпокойно поглядывая на товарища.

— Да заплатитъ вамъ Богъ! — повторилъ Скшетускій.

— Мы знаемъ, — продолжалъ Заглоба, — что вы пожелали отыскать ее живую или мертвую. Мы готовы хотъ сейчасъ...

Скшетускій сѣлъ на лавку, уставился глазами въ одну точку и не отвѣчалъ ничего, такъ что панъ Заглоба начиналъ даже злиться. Что же онъ, отказывается отъ своего намѣренія, что ли? Если такъ, то Богъ ему судья! Нѣтъ, вѣрно, на бѣломъ свѣтѣ ни памяти, ни сознанія долга. Ну, да хорошо... авось отыщутся и такіе, что и безъ него попытаются спасти ее, до послѣдней капли крови будутъ биться.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе, прерываемое только вздохами пана Лонгинуса. Наконецъ, Володіевскому надоѣло ждать, онъ подошелъ и ударилъ Скшетускаго по плечу.

— Ты откуда?

— Отъ князя.

— Ну, и что же?

— Ночью иду на развѣдки.

— Далече?

— Подъ Ярмолинцы, если дорога свободна.

Володіевскій и Заглоба переглянулись и сразу все поняли.

— Это по направленію къ Бару? — пробормоталъ Заглоба.

— Мы пойдемъ съ тобою.

— Тогда тебѣ нужно спроситься у князя, не назначить ли онъ тебѣ другаго дѣла.

— Пойдемъ вмѣстѣ. Миѣ еще его надо кой о чемъ спросить.

— И мы съ вами! — сказалъ Заглоба.

Въ княжеской пріемной толпилось множество офицеровъ изъ-подъ разныхъ хоругвей; войска, подходящія къ Чолганскому камню, спѣшили отдать себя въ распоряженіе князя. Пану Володіевскому и Подбицентъ довольно-таки долго пришлось ждать аудіенціи, за то князь сразу позволилъ имъ и самимъ ѣхать, и драгуновъ - русиновъ направить въ лагерь богуновскихъ казаковъ для собиранія свѣдѣній о княжнѣ.

— Я нарочно выдумываю разныя дѣла для Скшетускаго, — сказалъ князь. — Я вижу, что горе забралось и точитъ его сердце. Ничего онъ не говорилъ вамъ?

— Очень мало, — отвѣтилъ Володіевскій. — Въ первую минуту онъ вскочилъ, чтобъ идти, не разбирая, на козаковъ, но затѣмъ вспомнилъ, что теперь войска стоятъ *non in exercitu*, что мы всѣ обязаны защищать родину, и потому не ходилъ къ вашему сіятельству. Только Богу одному извѣстно, что съ нимъ дѣлается.

— Онъ сильно страдаетъ. Присматривайте же за нимъ; я вижу, вы очень преданы ему.

Володіевскій низко поклонился и вышелъ изъ комнаты, потому что въ эту минуту къ князю пришелъ кіевскій воевода, панъ Денгофъ, староста стобницкій и другія важныя лица.

— Ну, что? — первымъ словомъ спросилъ Скшетускій.

— Ёду вмѣстѣ съ тобой. Только мнѣ нужно отправить кой-куда людей изъ моего полка.

Они пошли, т.-е. Скшетускій, Володіевскій, Подбиента, Заглоба и Зацвилюховскій, который направлялся къ своей хоругви. Недалеко отъ стоянки драгуновъ нашимъ друзьямъ попался панъ Лащъ, идущій съ нѣсколькими своими товарищами, такими же пьяными, какъ и онъ самъ. Панъ Заглоба глубоко вздохнулъ. Онъ еще подъ Константиновымъ сдружился съ паномъ короннымъ стражникомъ и находилъ въ его характерѣ много симпатичныхъ чертъ. Панъ Лащъ, гроза и страхъ непріятеля, свободное отъ занятій время обыкновенно любилъ посвящать попойкамъ въ кругѣ людей вродѣ пана Заглобы. То былъ буянъ чистѣйшей воды, натворившій столько безобразій, что живи онъ въ другой странѣ, давно бы ему не миновать висѣлицы. На немъ тяготѣло нѣсколько смертныхъ приговоровъ, но онъ и въ мирное время обращалъ на нихъ не особенно много вниманія, а въ военное и подавно. Къ князю онъ присоединился еще подъ Росоловцемъ и оказалъ ему значительныя услуги подъ Константиновымъ, но въ Збаражѣ сдѣлался почти невыносимымъ,

благодаря своимъ выходкамъ. Трудно сосчитать, сколько вина и меду выпилъ у него панъ Заглоба, сколько вздора нагородилъ ему, но со времени взятія Бара старый шляхтичъ утратилъ веселое расположеніе духа и болѣе не посѣщаль уже пана стражника. Панъ Лащъ думаль было, что Заглоба уѣхаль куда-то, какъ вдругъ столкнулся съ нимъ лицомъ къ лицу.

Онъ протянулъ ему руки на встрѣчу.

— А, здравствуйте! Отчего не заглянете ко мнѣ, что подѣлываете?

— Я все съ паномъ Скшетускимъ,—отвѣтилъ Заглоба.

Стражникъ не долюбиваль Скшетускаго за его суровость и называль его иронически мудрецомъ. Онъ хорошо зналь о несчастіи, постигшемъ Скшетускаго, но до поры до времени воздерживалься отъ какихъ-нибудь намековъ на этотъ счетъ. Теперь же винные пары шумѣли въ его головѣ, онъ взяль поручика за пуговицу отъ жупана и спросилъ:

— А вы все по возлюбленной плачете? Хороша была?... а?

— Оставьте меня!—глухо сказалъ Скшетускій.

— Подождите минуту.

— Я спѣшу по дѣлу, по службѣ. Пустите!

— Пойдите, —настаиваль Лащъ съ упорствомъ пьянаго человѣка.—Вамъ дѣло, не мнѣ. Мною тутъ распорядиться никто не смѣеть.

Онъ понизилъ голосъ:

— Скажите лучше, хороша она была?

Брови поручика нахмурились.

— Не дотрогивайтесь до моей раны.

— Не дотрогиваться? Не бойтесь. Если она была хороша, то жива.

Лицо Скшетускаго покрылось смертельною блѣдностью, но онъ сдержался и сказалъ:

— Панъ стражникъ, не забывайте, съ кѣмъ вы говорите.

Лащъ вытаращилъ глаза.

— Что такое? Вы грозите, грозите мнѣ?...

— Идите своей дорогой, панъ стражникъ!—крикнулъ, дрожа отъ злости, Зацвилюховскій.

— Ахъ, вы, дрянъ эдакая!—трещаль стражникъ.—Господа, за сабли!

Онъ выхватилъ саблю и бросилъ съ нею на Скшетускаго,

но въ то же мгновение сабля его была выбита изъ рукъ, а самъ онъ съ размаху растянулся на землѣ.

Панъ Сьшетускій не добивалъ его. Онъ стоялъ, блѣдный, взволнованный, посреди сбѣжавшейся толпы. Съ одной стороны, подоспѣли солдаты стражника, съ другой—солдаты Володѣвскаго высыпали словно пчелы изъ улья. Раздались крики: «бей! бей!» Вотъ засверкали обнаженные сабли, свалка могла каждую минуту перейти въ битву. На счастье, сторонники Лаца, видя свою малочисленность, поостыли, схватили пана стражника и потащили его за собою.

Еслибъ онъ имѣлъ дѣло съ менѣе дисциплинированнымъ войскомъ, его, вѣроятно, давно бы разорвали въ клочья, но старикъ Зацвилюховскій скоро образумился, крикнулъ «стой!» и сабли скрылись въ ножнахъ.

Тѣмъ не менѣе, проходившій въ это время панъ Кушель счелъ своею обязанностью довести о происходящемъ до свѣдѣнн князя. Онъ торопливо вошелъ въ его комнату и крикнулъ:

— Князь, солдаты рубятся между собой.

Въ это время дверь со стукомъ распахнулась и въ комнату, словно бомба, влетѣлъ, блѣдный отъ бѣшенства, панъ стражникъ.

— Ваше сіятельство!—оралъ онъ,—справедливости! Въ нашемъ лагерѣ, точно у Хмельницкаго, ни на заслуги, ни на достоинство не обращаютъ вниманія! Обнажаютъ сабли противъ сановниковъ государства! Если вы не окажете мнѣ справедливости, не приговорите къ смерти дерзкаго обидчика, я самъ найду себѣ дорогу..

Князь вскочилъ изъ-за стола.

— Что случилось? Кто обидѣлъ васъ?

— Вашъ офицеръ, Сьшетускій.

На лицѣ князя выразилось неподдѣльное изумленіе.

— Сьшетускій?

Тутъ двери отворились и вошелъ Зацвилюховскій.

— Князь, я былъ свидѣтелемъ при этомъ,—сказалъ онъ.

— Я не на очную ставку пришелъ сюда, а требую кары,—продолжалъ кричать Лаць.

Князь повернулся къ нему и остановилъ на немъ свои глаза.

— Тише, тише!—медленно и съ удареніемъ сказалъ онъ.

Вѣроятно, въ его взглядѣ или тихомъ голосѣ было что-то настолько страшное, что извѣстный своимъ нахальствомъ страж-

никъ сразу умолкъ, точно потерялъ даръ слова, а всѣ присутствующіе поблѣднѣли.

— Говорите вы!—приказалъ князь Зацвѣлиховскому.

Зацвѣлиховскій передалъ всю суть дѣла и закончилъ такъ:

— Вы знаете меня, князь, знаете, что въ теченіе всей моей семидесятилѣтней жизни ни одно слово лжи не замарало моихъ устъ, и теперь, хотя бы подъ присягой, я не могу ни слова выкинуть изъ моего разсказа.

Князь зналъ, что Зацвѣлиховскій всегда говоритъ правду, къ тому же, панъ Лащъ былъ хорошо ему извѣстенъ. Тѣмъ не менѣе, онъ, не сказавъ ни слова, взялся за перо и началъ что-то писать.

— Вы получите то, чего просили,—сказалъ онъ стражнику, окончивъ свое письмо.

Стражникъ раскрылъ было ротъ, хотѣлъ что-то сказать, но слова какъ-то не слушались его, наконецъ, подбоченился, поклонился князю и гордо вышелъ изъ комнаты.

— Желеньскій,—сказалъ князь,—отнеси это письмо пану Скшетускому.

Панъ Володѣвскій, который не отходилъ отъ пана Скшетускаго, отчасти перепугался при видѣ пажа князя. Желеньскій, не говоря ни слова, отдалъ пакетъ и ушелъ. Скшетускій прочелъ письмо Еремѣи и подалъ его товарищу.

— Читай,—сказалъ онъ.

Панъ Володѣвскій даже вскрикнулъ:

— Патентъ на поручика!—и кинулся на шею Скшетускому.

Званіе поручика гусарской хоругви давало носившему его высокое положеніе въ военной іерархіи. Въ этомъ полку, гдѣ служилъ панъ Скшетускій, ротмистромъ былъ самъ князь, а поручикомъ панъ Суффчинскій изъ Сѣнчи, человекъ старый, давно вышедшій изъ дѣйствительной службы. Панъ Янъ de facto исправлялъ должность и того, и другаго, что вовсе не казалось страннымъ. Во многихъ полкахъ два первыхъ чина всегда бывали номинальными. Такъ, напримѣръ, въ королевской хоругви ротмистромъ былъ самъ король, въ хоругви примаса—примась, поручиками—вышіе придворные сановники, а должность ихъ исправляли намѣстники, которыхъ по привычкѣ называли поручиками и ротмистрами. Такимъ фактическимъ поручикомъ былъ панъ Янъ, но между самимъ званіемъ и исполненіемъ сопряженныхъ съ ней обязанностей лежала цѣлая пропасть. Благодаря новому распо-

ряженію, панъ Скшетускій сразу сдѣлался однимъ изъ высшихъ офицеровъ князя-воеводы русскаго.

Друзья вновь пожалованнаго поручика радостно приносили ему свои поздравленія, а онъ самъ оставался такимъ же, какъ былъ: лицо его ни на минуту не утратило своей каменной неподвижности. На всемъ свѣтѣ не было почестей, которыя могли бы обрадовать его.

Все-таки, онъ всталъ и пошелъ благодарить князя. Володѣвскій принялся расхаживать по комнатѣ и потирать руки.

— Ну, ну!—повторялъ онъ,—поручикъ гусарской хоругви! Въ такихъ молодыхъ лѣтахъ еще никто не добивался такого званія.

— Только бы Богъ возвратилъ ему его счастье! — сказалъ Заглоба.

— Въ томъ-то и дѣло! Замѣтили вы, онъ даже и бровью не повель?

— Мнѣ кажется, онъ съ радостью отказался бы отъ этого,—прибавилъ панъ Лонгинусъ.

— Господа!—вздыхнулъ Заглоба,— что же тутъ страннаго? Я за нее тоже отдалъ бы свои пять пальцевъ, вотъ тѣ самыя, которыми отбилъ непріятельское знамя.

— Значить, панъ Суффчиньскій умеръ?

— Должно быть, такъ.

— Кто же будетъ намѣстникомъ? Хорунжій почти мальчикъ и только съ Константинава занимаетъ свое мѣсто.

Вопросъ этотъ такъ и остался бы неразрѣшеннымъ, если бы отвѣтъ не принесъ самъ поручикъ Скшетускій.

— Панъ Подбиента,—сказалъ онъ,—князь назначилъ васъ намѣстникомъ.

— О, Боже! Боже!—простоналъ панъ Лонгинусъ, молитвенно складывая руки.

— Съ такими же удобствами могли бы назначить инфлянцкую кобылу,—пробормоталъ Заглоба.

— Ну, а экспедиція?—спросилъ панъ Володѣвскій.

— Вдемъ, ѣдемъ сейчасъ.

— Много людей князь приказалъ взять съ собою?

— Бозацкую и волошскую хоругви, всего пятьсотъ человѣкъ.

— Эге, это уже цѣлая армія. Когда такъ, пора въ дорогу.

Спусти два часа, вмѣстѣ съ заходомъ солнца, четверо нашихъ друзей выѣзжали изъ Чолганскаго камня на югъ, а на

сѣверъ изъ княжескаго лагеря выходилъ панъ стражникъ со своими людьми. Рыцари, не щадя криковъ и насмѣшекъ, тѣснились около пана Бушеля, который рассказывалъ, по какой причинѣ панъ стражникъ былъ изгнанъ и какъ это случилось.

— Я носилъ ему приказъ князя, и повѣрите ли, это было очень неприятное порученіе. Когда онъ прочелъ бумагу, то зарычалъ, какъ волъ, когда его клеймятъ желѣзомъ. На меня накинута было съ кинжаломъ, да увидалъ нѣмцевъ пана Корыцкаго и моихъ драгуновъ. Потомъ какъ закричить: «Хорошо! хорошо! я уйду, они меня гонять! Пойду къ князю Доминику; онъ меня лучше приметъ! Не буду служить съ нищими, а ужь этому негодяю докажу, что такое значитъ Лаццъ!» Я думалъ, онъ задохнется отъ злости; стоитъ около стола, да нѣтъ-нѣтъ и ударить по немъ кинжаломъ. И, знаете, я боюсь, какъ бы онъ не сдѣлалъ чего-нибудь пану Скшетускому; съ нимъ шутки плохи. Человѣкъ онъ гордый и никогда не спускалъ ни одной обиды.

А поручикъ, тѣмъ временемъ, во главѣ своего отряда приближался къ Ожиговцу, по направленію къ Бару и Медвѣдовкѣ. Хотя сентябрьскіе морозы уже окрасили разными красками листья на деревьяхъ, ночь стояла тихая и теплая, словно въ іюлѣ. Послѣ дождливаго лѣта наступила сухая погожая осень, съ яркими днями и свѣтлыми ночами. Дорога была хорошая, опасаться нечего,—княжескій лагерь еще такъ близко,—и отрядъ шелъ быстро. Намѣстникъ съ нѣсколькими солдатами ѣхалъ впереди, а за нимъ Володѣвскій, Заглоба и панъ Лонгинусъ.

— Посмотрите, какъ свѣтло на этомъ пригоркѣ,—шепталъ панъ Заглоба,—словно днемъ. Говорятъ, что такія ночи бывають только во время войны, чтобъ души, оставившія тѣло, въ потемкахъ не разбивались о деревья, какъ воробьи въ сараѣ о стропила, и легче находили дорогу. Сегодня пятница, день Спасителя, сегодня мертвецы не выходятъ изъ могилъ и злые духи ничего не могутъ сдѣлать съ человѣкомъ. Я чувствую себя легче, какая-то надежда вступаетъ въ меня.

— Начало сдѣлано, теперь выѣхали,—сказалъ Володѣвскій.

— Хуже всего въ бездѣйствіи сидѣть на мѣстѣ,—продолжалъ Заглоба.—Какъ сядешь на коня, такъ и чувствуешь, что мало-по-малу вытрясаешь изъ себя всякое горе, а, въ концѣ-концовъ, глядишь, и совсѣмъ вытрясешь.

— Ну, едва ли,—глубоко вздохнулъ панъ Лонгинусъ.—Если чувство искреннее, то съ нимъ ничего не подѣлаешь.

Володіевскій пришпорилъ своего коня и поровнялся съ Скшетускимъ. Долго онъ ѣхалъ рядомъ съ нимъ, долго въ молчаніи разсматривалъ его неподвижное лицо, наконецъ, ударилъ своимъ стременемъ въ его стремя.

— Янъ,—сказалъ онъ,—плохо ты дѣлаешь, что задумываешься.

— Я не задумываюсь, я молюсь.

— Святое это дѣло, только ты, вѣдь, не монахъ, чтобъ посвящать себя одной молитвѣ.

Панъ Янъ повернулъ къ товарищу свое страдальческое лицо и спросилъ глухимъ, полнымъ смертельнаго отчаянія голосомъ:

— Скажи, что же мнѣ остается, кромѣ монашеской рясы?

— Остается спасти ее,—отвѣтилъ Володіевскій.

— Я такъ и сдѣлаю, все отдамъ, до послѣдней капли крови. Но если я и найду ее живую, не все ли мнѣ равно? Смилуйся надо мною, Всемогущій!... Обо всемъ я могу думать, только не объ этомъ... Смилуйся, Боже, надъ моимъ разсудкомъ! Я ужь ничего не желаю, только бы вырвать ее изъ этихъ злодѣйскихъ рукъ, а тамъ пусть она ищетъ пристанища, которое и я себѣ буду искать. Видно, такова воля Божія. Дай мнѣ молиться, не трогай моей кровавой раны...

Володіевскому стиснуло сердце; онъ хотѣлъ было сказать что-то, но слова не сходили съ его языка. Товарищи въ нѣмомъ молчаніи ѣхали впередъ.

ГЛАВА V.

Панъ Скшетускій велъ свой отрядъ только ночью, посвящая день отдыху. Подходя къ какой-нибудь деревушкѣ, онъ обыкновенно окружалъ ее, забиралъ провизію для солдатъ, наводилъ справки о непріятелѣ и уходилъ, не сдѣлавъ жителямъ никакого вреда. За околицей онъ сразу мѣнялъ дорогу, чтобы непріятель не могъ узнать, въ какую сторону онъ направился. Цѣлью экспедиціи было узнать, осаждаютъ ли еще до сихъ поръ Кривоносъ со своими сорока тысячами городъ Каменецъ, или бросилъ осаду и идетъ на помощь Хмельницкому, что дѣлаютъ добруджскіе татары, перешли ли Днѣстръ и соединились съ Кривоносомъ, или все еще стоятъ на той сторонѣ? Знать объ этомъ было необходимо польской арміи, но гетманы и не поду-

мали позаботиться объ этомъ своевременно. Если Кривоносъ вмѣстѣ съ аккерманскими и добруджскими ордами оставилъ осаду неприступнаго Каменца и спѣшить къ Хмельницкому, тогда нужно какъ можно скорѣй идти на послѣдняго, чтобъ не дать ему возможности усилиться, но главнокомандующій, князь Доминикъ Заславскій-Островскій, не спѣшилъ. Его ждали черезъ два дня послѣ выѣзда Скшетускаго. Вѣроятно, по своему обычаю, онъ провалялъ по дорогѣ, а время шло, дорогое время, и князь Еремія приходилъ въ отчаяніе при мысли, что если война будетъ вестись такимъ порядкомъ, то не только Кривоносъ и заднѣстровскія орды подоспѣютъ на помощь Хмельницкому, но и самъ ханъ явится во главѣ своихъ силъ, всѣхъ перекопскихъ, ногайскихъ и азовскихъ ордъ.

Въ обозѣ уже носились слухи, что ханъ перешелъ Днѣпръ и ведетъ съ собою двѣсти тысячъ человекъ, а князя Доминика все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Все складывалось такъ, что войска, стоящія подъ Чолганскимъ камнемъ, должны будутъ имѣть дѣло съ непріателемъ, сильнѣйшимъ въ пять разъ, и, въ случаѣ пораженія, этому непріятелю ничто не помѣшаетъ вторгнуться въ сердце республики, подъ Браковъ и Варшаву.

Кривоносъ былъ опаснѣе всѣхъ. Если бы гетманы вздумали подвинуться въ глубь Украйны, онъ, идя изъ-подъ Каменца прямо на сѣверъ, могъ отрѣзать имъ отступленіе и тогда польская армія попала бы между двухъ огней. Скшетускій рѣшился не только разузнать о Кривоносѣ, но и удержать его. Проникнутый сознаниемъ важности своей задачи, поручилъ охотно пожертвовалъ бы своей жизнью и жизнью своихъ солдатъ. Очевидно, вступить въ бой съ сорокатысячной арміей Кривоноса было бы чистымъ безуміемъ, да, къ тому же, панъ Скшетускій обладалъ опытностью, чтобъ не пускаться въ подобныя болѣе или менѣе безумныя предпріятія. Онъ зналъ, что козаки просто сомнутъ его первымъ натискомъ, и потому избралъ другое средство. Прежде всего, онъ распустилъ между своими солдатами слухъ, что они составляютъ передовой отрядъ всей дивизіи страшнаго князя, а солдаты, въ свою очередь, распространяли этотъ слухъ по всѣмъ хуторамъ, селамъ и городкамъ, которые пришлось имъ встрѣтить по дорогѣ. И вѣсть эта съ быстротою молніи пронеслась вдоль Збруча до самаго Днѣстра и летѣла дальше, отъ Каменца до самаго Егорлыка. Ее повторяли и турецкіе паши

въ Хотинѣ, и запорожцы въ Ямполѣ, и татары въ Рашковѣ. И снова раздался знакомый крикъ: «Ерёма идетъ!» — крикъ, отъ котораго замирало сердце бунтовщика.

Въ справедливости этого слуха никто не сомнѣвался. Гетманы ударятъ на Хмеля, а Ерёма на Кривоноса, — это было въ порядкѣ вещей. Самъ Кривоносъ повѣрилъ и опустилъ руки. Что ему дѣлать? Идти на князя? Подъ Константиновымъ у него было больше силъ и среди черни царствовалъ другой духъ, а, однако, они были побиты, разгромлены, еле унесли ноги. Кривоносъ былъ увѣренъ, что его козаки будутъ бѣшено драться съ какимъ угодно войскомъ республики, съ какимъ угодно вождемъ, но при первомъ появленіи Ереміи разсыпятся въ разныя стороны, какъ стая лебедей передъ орломъ, какъ степной пухъ отъ дуновенія вѣтра.

Ждать князя подъ Каменцомъ? Еще хуже. И Кривоносъ рѣшилъ идти на востокъ, къ Брацлаву, обойти страшнаго врага и соединиться съ Хмельницкимъ.

А тутъ подоспѣлъ и другой слухъ, что Хмельницкій уже разбитъ (и этотъ слухъ былъ пущенъ паномъ Скшетускимъ). Бѣдный Кривоносъ совсѣмъ растерялся. Все равно, ему нѣтъ много спасенія, какъ бѣгство на востокъ. Уйти подалеже въ степи; тамъ, можетъ быть, онъ встрѣтитъ татаръ и присоединится къ нимъ.

Но, прежде всего, ему нужно получить точныя свѣдѣнія. Кривоносъ началъ высматривать, не найдется ли среди его полковниковъ человекъ вѣрный и готовый на все, котораго онъ могъ бы выслать на развѣдки. Выборъ труденъ, охотниковъ нѣтъ, а надо найти такого, который, въ случаѣ, если онъ попадетъ въ руки непріятеля, ни подъ какими муками не выдастъ плана бѣгства.

Наконецъ, Кривоносъ нашелъ.

Однажды ночью онъ приказалъ позвать къ себѣ Богуна.

— Слушай, другъ Юрко, — сказалъ онъ, — на насъ идетъ Еремія съ великою силой. Всѣмъ намъ, несчастнымъ, придется погибнуть!

— И я слышалъ, что идетъ. Мы съ вами, батька, уже говорили объ этомъ, но зачѣмъ же намъ гибнуть?

— Не выдержимъ. Съ инымъ бы сладили, съ Еремией нѣтъ. Козаки его боятся.

— Я его не боюсь. Я его полкъ въ Василевкѣ въ Запнѣ-провѣ вырѣзалъ.

— Я знаю, что ты его не боишься. Твоя козацкая молодецкая слава равна его гняжеской, но я-то не могу дать ему битвы, да и козаки не захотятъ... Вспомни, что они толковали на совѣтѣ, какъ кидались на меня съ саблями и кистенями за то, что я ихъ веду на гибель.

— Такъ пойдемъ къ Хмелю; тамъ ни въ крови, ни въ добычѣ недостатка не будетъ.

— Говорятъ, Хмель побить гетманами.

— Я не вѣрю этому, отецъ; Хмѣль хитрая лисица, безъ татаръ не пойдетъ на ляховъ.

— Пожалуй что и такъ, но въ этомъ нужно удостовѣриться. Тогда мы обошли бы чорта Еремю, соединились бы съ Хмельницкимъ, но, все-таки, въ этомъ нужно удостовѣриться! Вѣтъ, еслибъ кто не побоялся Еремю, пошелъ бы на развѣдки и досталъ «языка», я ему полную шапку червонцевъ отсыпалъ бы.

— Я пойду, отецъ, не червонцевъ искать, а славы молодецкой!

— Ты послѣ меня второй атаманъ, а хочешь идти? Ты скоро и первымъ атаманомъ будешь надъ козаками, надъ добрыми молодцами, потому что ты не боишься Еремю. Иди, соколъ, иди и потомъ проси, чего хочешь. Ну, теперь я тебѣ скажу вотъ что: еслибъ ты не пошелъ, я пошелъ бы самъ, да мнѣ нельзя идти.

— Вамъ нельзя; еслибъ вы пошли, козаки загадѣли бы, что вы спасаете свою голову, и рассыпались бы по свѣту, а если я пойду, это придастъ имъ храбрости.

— А людей тебѣ много дать?

— Я не возьму много; съ небольшой ватагой легче скрываться. Дайте пятьсотъ человекъ, а я головой ручаюсь, что до стану вамъ языка.

— Такъ иди сейчасъ же. Въ Каменцѣ изъ пушекъ стрѣляютъ отъ радости, на спасеніе ляхамъ и на погибель намъ, невиннымъ.

Богунъ ушелъ и тотчасъ же сталъ готовиться къ дорогѣ. Козаки его, по своему неизмѣнному обычаю, пили мертвую, «куда смерть не угомонитъ»; онъ пилъ наравнѣ со всѣми, наконецъ, окончательно ошалѣлъ, приказалъ выкатить бочку дегтя

и, какъ былъ, въ бархатъ, атласъ, такъ залѣзъ въ нее, оку-
нулся съ головой разъ, другой, третій и крикнулъ:

— Черень я теперь, какъ темная ночь! Не увидать меня ляш-
скія очи.

Онъ вскочилъ на коня и помчался впередъ, сопровождаемый
своимъ отрядомъ.

А панъ Скшетускій тѣмъ временемъ дошелъ до Ярмолинца
и, встрѣтивъ тамъ отпоръ, безмилосердно покаралъ несчастныхъ
горожанъ, пригрозилъ немедленнымъ прибытіемъ Ереми и оста-
новился на ночлегъ.

Вечеромъ онъ сказалъ своимъ товарищамъ:

— Покуда Богъ помогаетъ намъ. Миѣ кажется, что насъ
дѣйствительно считаютъ за авангардъ князя, но намъ нужно
подумать, какъ бы не разгадали нашу тайну.

— Долго еще мы будемъ такъ ходить?—спросилъ Заглоба.

— Пока не разузнаемъ намѣреній Кривоноса.

— Вѣдь, такъ мы и битву прогуляемъ, не попадемъ къ
своимъ.

— Очень можетъ быть.

— Это миѣ не очень нравится. Правда, досталось козакамъ
подъ Константиновымъ, да мало. Руки такъ и чешутся...

— Можетъ быть, вамъ придется здѣсь драться больше, чѣмъ
вы рассчитываете.

— О! quo modo?—неспокойно спросилъ панъ Заглоба.

— Каждый день мы можемъ наткнуться на непріятеля и
хотя пришли сюда не за тѣмъ, чтобы оружіемъ преграждать ему
дорогу, но, въ случаѣ нападенія, должны обороняться. Но воз-
вратимся къ дѣлу: намъ нужно обойти побольше селеній, чтобы
о насъ одновременно говорили въ разныхъ мѣстахъ, бунтов-
щиковъ карать безъ пощады, навести побольше страху и по-
всюду распускать о себѣ молву. Поэтому, я думаю, намъ надо
раздѣлиться.

— И мое мнѣніе таково,—согласился Володіевскій,—у стра-
ха глаза велики, и тѣ, которые убѣгутъ къ Кривоносу, будутъ
говорить о сотняхъ тысячъ.

— Вы здѣсь начальникъ,—сказалъ Подбиента, — распоря-
жайтесь, какъ знаете.

— Я пойду на Зинковъ, къ Солодковцамъ, а если можно,
то и дальше, вы, панъ намѣстникъ Подбиента, идите прямо на

югъ, ты, Володѣвскій, поѣдешь подъ Бупинь, а панъ Заглоба къ Збручу, около Сатанова.

— Я?—переспросилъ панъ Заглоба.

— Вы. Вы человекъ умный и избрѣтательный; я рассчитывалъ, что вы охотно возьметесь за это дѣло, въ противномъ случаѣ я поручу его вахмистру Космачу.

— О, нѣтъ, нѣтъ! — крикнулъ Заглоба, котораго внезапно осѣнила мысль, что онъ будетъ начальникомъ особаго отряда. — Если я и спросилъ васъ, то потому, что мнѣ жаль было разставаться съ вами.

— Да хорошо ли вы знакомы съ военнымъ дѣламъ?—спросилъ Володѣвскій.

— Хорошо ли знакомъ? Вы еще на свѣтъ не родились, а я уже водилъ отряды побольше этого. Цѣлый вѣкъ я прослужилъ въ войнѣ и до сихъ поръ служилъ бы, еслибъ не проклятый заплѣснѣвшій сухарь, который застрѣлъ у меня однажды въ желудкѣ, да и просидѣлъ тамъ три года. Пришлось за лѣкарствомъ ѣхать въ Галату... ну, объ этомъ путешествіи я расскажу вамъ подробно когда-нибудь впослѣдствіи, а теперь мнѣ пора въ дорогу.

— Поѣзжайте и распространяйте повсюду слухъ, что Хмельницкій побитъ, что князь недалеко. Разный сбродъ въ плѣнъ не берите, но если встрѣтите кого-нибудь изъ-подъ Каменца, то старайтесь захватить такихъ, что могли бы дать свѣдѣнія о Кривоносѣ.

— Пусть хоть самъ Кривоносъ выѣдетъ на встрѣчу, достанется ему отъ меня на орѣхи! Не бойтесь, панъ Скшетусскій, я научу бунтовщиковъ плясать подъ мою дудку!

— Черезъ три дня мы съѣдемся вновь въ Ярмолинцахъ, а теперь—каждый въ свою сторону. Людей своихъ берегите!

— Черезъ три дня въ Ярмолинцахъ!—повторили Заглоба, Володѣвскій и Подбиента.

Глава VI.

Когда панъ Заглоба остался одинъ во главѣ своего отряда, онъ почувствовалъ себя какъ-то неловко; ему становилось просто страшно. Дорого бы онъ далъ, чтобъ увидать около себя Скшетускаго, Володѣвскаго, даже пана Лонгинуса, которымъ онъ въ глубинѣ души удивлялся и въ присутствіи которыхъ чувствовалъ себя въ полнѣйшей безопасности.

Шляхтичъ нѣкоторое время ѣхалъ впереди въ угрюмомъ молчаніи, боязливо осматриваясь по сторонамъ и мысленно перечисляя всѣ опасности, могущія встрѣтиться на его пути.

— Все-таки, веселѣй было бы, еслибъ тутъ былъ кто-нибудь изъ нихъ,— ворчалъ онъ.— Всякому человѣку Богъ далъ свое, а эти трое людей, должно быть, родились пиявками: до того они охочи до человѣческой крови. Они на войнѣ себя чувствуютъ, какъ другой въ хорошей компаніи за чаркой меда, какъ рыба въ водѣ. Хлѣбомъ ихъ не корми, только бы драться. Брюхо у нихъ легкое, рука тяжелая. Видалъ я Скшетускаго на работѣ... Господи, какъ онъ саблю махаетъ!... Да что и говорить, любимое его занятіе! А тотъ человѣкъ, что за немѣннѣемъ своей головы, ищетъ три чужихъ? Ему все ни почемъ, ничего въ грошъ не ставитъ. Этого карлика Володѣвскаго я меньше всѣхъ знаю, но думаю, что и онъ тоже птица не послѣдняя... вотъ хоть бы подъ Константиновымъ, напримѣръ. Къ счастью, онъ идетъ недалеко отъ меня. Не присоединиться ли мнѣ къ нему? Если я знаю, куда мнѣ идти, пусть меня назовутъ татариномъ.

Панъ Заглоба почувствовалъ себя такимъ одинокимъ, что самъ сжалился надъ своимъ одиночествомъ.

— Да, да! У всякаго есть кто-нибудь близкій, а у меня кто? Ни друга, ни отца, ни матери. Сирота я, вотъ и все!

Въ это время къ нему приблизился Космачъ, вахмистръ.

— Панъ комендантъ, куда мы идемъ?

— Куда идемъ?—повторилъ панъ Заглоба.—Что?

Вдругъ онъ выпрямился въ сѣдлѣ и закрутилъ усь.

— Въ Каменецъ, если будетъ мнѣ воля! Понимаешь, панъ вахмистръ?

Вахмистръ поклонился и въ молчаніи отъѣхалъ назадъ, недоумѣвая, чего разсердился панъ комендантъ, а панъ Заглоба бросилъ вокругъ еще нѣсколько грозныхъ взглядовъ, потомъ успокоился и продолжалъ дальше:

— Если я пойду на Каменецъ, то позволю дать себѣ сто палокъ по пяткамъ, по турецкой модѣ. Тьфу! тьфу! еслибъ кто-нибудь изъ нихъ былъ здѣсь, я чувствовалъ бы себя лучше. Что я буду дѣлать съ своими людьми? Ей-Богу, я предпочиталъ бы остаться въ одиночествѣ, тогда, по крайней мѣрѣ, изобрѣтательность является. А теперь насъ слишкомъ много для того, чтобъ быть изобрѣтательными, и слишкомъ мало для обороны

противъ врага. Очень глупая мысль пришла въ голову Скшету-скому раздѣлить отрядъ. Ну, куда я пойду? Что за мною, это я знаю, а кто мнѣ скажетъ, что впереди, и кто поручится, что тамъ какой-нибудь чортъ не поставилъ ловушки? Кривоносъ и Богунъ! Хорошенькая парочка! Чтобъ ихъ чортъ ободралъ! Сохрани меня, Боже, по крайней мѣрѣ, отъ Богуна. Вонъ Скшету-скій ищетъ встрѣчи съ нимъ,— исполни лучше его молитву! Я желаю ему того, чего онъ самъ себѣ желаетъ, не даромъ мы друзья, аминь. Дотащусь какъ-нибудь до Збруча и назадъ въ Ярмолинецъ, а языковъ приведу имъ больше, чѣмъ они сами желаютъ.

Космачъ вновь подѣхалъ къ нему.

— Панъ комендантъ, тамъ за пригоркомъ какіе-то всадники.

— Пусть убираются къ дьяволу!... Гдѣ? гдѣ?

— А вотъ тамъ, за горою. Слѣды видны.

— Войско?

— Кажется, что войско.

— Пусть ихъ волки заѣдятъ! А много ихъ?

— Неизвѣстно, далеко. Если мы устроимся за скалами, то нападёмъ на нихъ врасплохъ; другой дороги имъ нѣтъ. Если ихъ много, то панъ Володѣвскій недалеко; онъ услышитъ выстрѣлы и прискачетъ на помощь.

Пана Заглобу охватила внезапная отвага. Можетъ быть, то было проявленіемъ отчаянія, можетъ быть, надежда на близость пана Володѣвскаго. Шляхтичъ взмахнулъ обнаженной саблей, грозно оглянулся вокругъ и воскликнулъ:

— Спрятаться за скалы! Мы нападёмъ на нихъ врасплохъ. Покажемъ этимъ негодьямъ!...

Опытные княжескіе солдаты тотчасъ же повернули къ скаламъ и въ мгновеніе ока установились въ боевомъ порядкѣ, готовые къ нападенію.

Прошелъ часъ; наконецъ, издали послышался шумъ приближающихся людей; эхо доносило напѣвы веселыхъ пѣсень; еще немного и слышались звуки скрипокъ, дудокъ и бубенъ. Вахмистръ приблизился къ пану Заглобѣ.

— То не войско, панъ комендантъ, не козаки. То свадьба.

— Свадьба? — спросилъ Заглоба. — А вотъ я имъ покажу свадьбу.

Онъ прищиприлъ коня, солдаты выѣхали за нимъ и установились въ порядокъ на дорогѣ.

— За мной!—громко крикнулъ Заглоба.

Солдаты помчались рысью, потомъ галопомъ, окружили скалу и остановились передъ кучкою людей, донельзя перепуганныхъ ихъ появленіемъ.

— Стой! стой!—раздалось съ обѣихъ сторонъ.

То была дѣйствительно свадьба. Впереди верхомъ ѣхали торбанистъ, скрипачъ, всѣ немного пьяные, но, тѣмъ не менѣе, наигрывающіе веселые танцы. За ними слѣдовала новобрачная, красивая дѣвушка, въ темномъ жупанѣ, съ распущенными по плечамъ волосами. Ее окружали подруги, и всѣ эти дѣвушки верхомъ на лошадахъ, убранныя полевыми цвѣтами, издали походили на красныхъ козановъ. Въ другой линіи на горячемъ конѣ ѣхалъ новобрачный, шествіе замыкали родственники и гости, и все это верхомъ, только бочки съ медомъ, горѣлкой и пивомъ слѣдовали въ легкихъ телѣжкахъ, подпрыгивая по неровной дорогѣ.

— Стой! стой!

Свадебная процессія смѣшалась. Дѣвки подняли пронзительный крикъ, парни и старшіе гости выдвинулись впередъ, чтобы своею грудью охранить ихъ отъ неожиданнаго нападенія.

Панъ Заглоба подскакалъ поближе и началъ махать саблею передъ глазами испуганныхъ крестьянъ.

— А, разбойники, собаки, бунтовщики! Бунтовать захотѣлось?! Съ Кривоносомъ заодно, негодяи? Шпіонить ѣздили? Дорогу войску загораживаете? На шляхту руку поднимаете? Задамъ я вамъ, собачьи души! На дыбу васъ, на колъ прикажу посадить, нехристи вы подлые! За всѣ измѣны вы мнѣ заплатите!

Старый, сѣдой, какъ лунь, дружокъ соскочилъ съ коня, подошелъ къ шляхтичу и покорно обнялъ его колѣно:

— Смилуйся, ясный рыцарь, не губи бѣдныхъ людей. Богъ свидѣтель, мы невинны, мы не бунтуемъ, идемъ изъ церкви; нашего родственника Дмитрія съ дочерью бочара Бсеніей вѣнчали. Мы со свадьбы.

— Они невинные люди, панъ комендантъ, — шепнулъ вахмистръ.

— Прочь! Они мошенники! Отъ Кривоноса на свадьбу пришли!—заоралъ Заглоба.

— Пропастъ бы ему! Мы его въ глаза не видали, мы люди бѣдные. Смилуйся, ясный панъ, дай намъ пройти, мы никому зла не дѣлаемъ, мы сами по себѣ.

— Въ Ярмолинецъ всѣхъ васъ на веревкѣ поведу.

— Мы пойдемъ, куда прикажете, пане! Вамъ приказывать, намъ слушать! Только вы ужь смилуйтесь надъ нами, прикажите панамъ солдатамъ, чтобъ они не обижали насъ, а сами, — ужь простите намъ, дуракамъ, — просимъ васъ покорно: откушайте за новобрачныхъ. Выпейте, ваша милость, на радость бѣднымъ людямъ, какъ учить Богъ и святое евангеліе.

— Только вы не думайте, чтобъ я сталъ потворствовать вамъ, — гнѣвно сказалъ панъ Заглоба.

— О, пане, нѣтъ! — обрадовался старикъ, — мы не думаемъ. Эй, музыканты, играйте для яснаго рыцаря, ясный рыцарь добрый, а вы, молодцы, скорѣй меду, сладкаго меду ясному рыцарю; онъ бѣдныхъ людей не обидитъ. Скорѣе, парни, скорѣе! Спасибо, пане!

Парни во всю прыть пустились къ бочкамъ, а тѣмъ временемъ бубны ударили во всю, сбирки запищали, польскіе солдаты начинали подвигаться все ближе, крутить усы и заглядываться на молодицъ. Раздались снова пѣсни и страха какъ не бывало.

Но панъ Заглоба успокоился не сразу; даже когда ему подали кварту меда, онъ тихо ворчалъ еще: «а, мошенники, а разбойники!» Даже когда усы его погрузились въ густой напитокъ, брови его еще не разгладились; онъ поднялъ голову и долго чмокалъ губами, наконецъ, удивленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, негодованіе выразились на лицѣ пана Заглобы.

— Что за времена! — проворчалъ онъ. — Мужичье, и пьетъ такой медъ. Боже, Боже! Ты видишь и не покараешь!

Онъ вновь приложилъ къ устамъ кварту и опорожнилъ ее всю до дна.

Осмѣлившіеся поѣзжане пришли всею гурьбою просить его не дѣлать имъ зла и отпустить съ миромъ; вмѣстѣ съ ними пришла и новобрачная, несмѣлая, дрожащая, со слезами на глазахъ, раскраснѣвшаяся и прелестная, какъ утренняя зорька. Она подошла, сложила руки. «Помилуйте, пане!» и поцѣловала желтый сапогъ пана Заглобы. Сердце стараго шляхтича тотчасъ же растаяло.

Онъ порылся въ кожаномъ поясѣ, вытащилъ оттуда нѣсколько золотыхъ (последніе изъ княжескаго подарка) и отдалъ ихъ Ксеніи:

— На вотъ! Пусть благословитъ тебя Богъ, какъ и всякую невинность.

Волненіе не позволяло говорить ему дальше. Стройная, чернобровая Ксенія напомнила пану Заглобѣ княжну, которую онъ такъ любилъ по своему. «Гдѣ-то она теперь, бѣдняжка, охраняютъ ли ее святые ангелы?»—подумалъ онъ и настолько умирался, что готовъ былъ обниматься и брататься съ каждымъ первымъ встрѣчнымъ.

Поѣзжане, при видѣ богатаго подарка, чуть съ ума не сошли отъ радости, «Добрый панъ! знатный ляхъ! червонцы даетъ!» Скрипачъ пилилъ съ неимовѣрнымъ усиленіемъ, дудка испускала какіе-то отчаянные звуки. Старый бочаръ, очевидно, человѣкъ, не отличающійся храбростью, который доселѣ держался въ сторонѣ, тоже выступилъ впередъ со старой кузнечихой, матерью новобрачнаго, и, низко кланяясь, началъ умолять дорогаго гостя пожаловать къ нему на хуторъ,—имъ будетъ такая радость, а иначе онъ всѣхъ обидитъ. За ними кланялся новобрачный и чернобровая Ксенія, которая сразу сообразила, что ея просьба сильнѣе всѣхъ прочихъ. Дружки увѣряли, что хуторъ недалеко, что рыцарь не сдѣлаетъ крюка по дорогѣ, что старый бочаръ-человѣкъ богатый и не такого еще меду выкатить.

Панъ Заглоба оглянулся на своихъ солдатъ: всѣ они, словно зайцы, поводили усами, предвкушая предстоящія удовольствія. Панъ Заглоба смиловался надъ ними и черезъ минуту онъ, дружка, молодицы и солдаты въ величайшемъ согласіи двинулись на хуторъ.

Хуторъ, дѣйствительно, былъ недалеко; старый бочаръ въ правду оказался человѣкомъ богатымъ. Всѣ подпили на славу, а панъ Заглоба такъ разохотился, что повсюду былъ первымъ. У новобрачнаго не было отца, пана Заглобу попросили замѣнить его, и старый шляхтичъ не отказался. Бочаръ выкатывалъ все новыя бочки, наконецъ, подожгли костры изъ сухаго бурьяна и попойка начала принимать гомерическіе размѣры.

Панъ Заглоба, раскраснѣвшійся, шатающійся на ногахъ, забылъ обо всемъ; какъ сквозь туманъ онъ видѣлъ лица пирующихъ, но хоть убей, не могъ бы отвѣтить, еслибъ его спросили, кто они, эти пирующіе. Онъ помнилъ, что находится на свадьбѣ, но на чьей? А, вѣрно пана Скшетускаго съ княжной? Эта мысль такъ понравилась ему, наполнила его такой радостью, что онъ началъ орать, какъ сумасшедшій: «Да здравствуютъ! Панове братья, обнимемся!» и поднималъ все новые тосты: «Здоровье нашего князя! Дай Богъ, чтобы поскорѣе миновали для родины

тяжелыя времена! Тутъ онъ залился слезами и споткнулся на дорогѣ къ бочкѣ, да и немудрено: на землѣ, какъ на полѣ битвы, валялось множество безгласныхъ тѣлъ.

— Боже!—возопилъ панъ Заглоба!—нѣтъ болѣе доблести во всей республикѣ. Одинъ только Лащъ пить умѣеть, другой Заглоба, а остальные... Боже! Боже!

И онъ поднялъ горестныя глаза къ небу и только тутъ замѣтилъ, что небесныя свѣтила совершаютъ свой путь не такъ, какъ слѣдуетъ, но одни дрожать, словно хотятъ выскочить изъ своей оправы, другія описываютъ какіе-то странныя круги. Панъ Заглоба смутился и спросилъ свою душу:

— Неужели только я одинъ не пьянъ in universo?

Но вдругъ земля, подобно звѣздамъ, затряслась, закружилась и панъ Заглоба, какъ снопъ, свалился на землю.

Ему снились страшные сны. Ему представлялось, что какіе-то разбойники усѣлись къ нему на грудь, что его стискиваютъ, вьжутъ ему руки и ноги. Одновременно съ этимъ до его ушей долетѣлъ какой-то шумъ, звуки выстрѣловъ, какой-то кровавый свѣтъ проникалъ сквозь его закрытыя рѣсницы и рѣзалъ глаза невыносимымъ свѣтомъ. Онъ хотѣлъ проснуться, открыть глаза и не могъ. Онъ чувствовалъ, что съ нимъ творится что-то необычайное, что голова его свѣшивается внизъ, какъ будто его несутъ за руки и за ноги... Потомъ его охватилъ какой-то страхъ; ему было плохо, очень плохо, очень тяжело. Сознаніе возвращалось къ нему, но, странно, въ сопровожденіи такого безсилія, съ какимъ онъ никогда не былъ знакомъ. Онъ попробовалъ пошевелинуться, но ему не удалось, тогда онъ проснулся окончательно и открылъ глаза.

Прежде всего, онъ увидалъ пару глазъ, которые съ жадностью впивались въ него, а глаза эти были черныя, какъ уголь, и такіе злыя, что проснувшійся панъ Заглоба въ первую минуту подумалъ, что это на него смотритъ самъ дьяволъ, и снова закрылъ свои глаза, и снова быстро раскрылъ ихъ. А проклятыя глаза не спускали съ него упорнаго взгляда... да и лицо казалось знакомымъ... Вдругъ панъ Заглоба вздрогнулъ до мозга костей, лобъ его покрылся холоднымъ потомъ, по кожѣ пробѣжали тысячи мурашекъ.

Онъ узналъ лицо Богуна.

ГЛАВА VII.

Заглоба лежалъ, связанный, въ той самой комнатѣ, гдѣ происходилъ свадебный пирь, а страшный атаманъ сидѣлъ поодаль на скамьѣ и наслаждался ужасомъ своего плѣнника.

— Добрый вечеръ, панъ Заглоба! — сказалъ онъ.

Панъ Заглоба не отвѣтилъ ничего, но во мгновение ока отрезвѣлъ такъ, какъ будто не подносилъ къ устамъ сосуда съ виномъ, только мурашки, дойдя до его пятки, возвращались назадъ, а мозгъ въ костяхъ обратился въ совершенный ледъ. Говорятъ, что тонущій въ послѣднюю, предсмертную минуту видитъ ясно все прошедшее, ясно понимаетъ, что съ нимъ происходитъ; такое же ясновидѣніе осябло теперь и пана Заглобу. Какъ въ фокусъ зажигательнаго стекла, всѣ мысли его теперь соединились въ одинъ пунктъ:

— Ужъ и задасть же онъ мнѣ теперь!

А атаманъ повторилъ спокойнымъ голосомъ:

— Добрый вечеръ, панъ Заглоба!

«Брр! — подумалъ Заглоба, — лучше мнѣ попасть бы въ самый адъ!»

— Не узнаете меня, панъ шляхтичъ?

— Челомъ бью вамъ! Какъ ваше здоровье?

— Недурно. А вашимъ я уже самъ займусь.

— Я не просилъ у Бога такого доктора и сомнѣваюсь, чтобъ твои лѣкарства пошли мнѣ въ прокъ, но пусть все творится по волѣ Божіей.

— Ну, ты ужасивалъ за мной, теперь настала моя очередь. Мы старые друзья. Помнишь, какъ ты закутывалъ меня въ Розлогахъ?... а?

Глаза Богуна засверкали, какъ два карбункула, а губы сложились въ страшную усмѣшку.

— Помню, что я могъ пырнуть тебя ножомъ, и не пырнулъ.

— А я тебя развѣ пыряю или думаю пырнуть? Нѣтъ! ты — мой милый, дорогой мой; я тебя буду хранить, какъ зѣницу ока.

— Я всегда говорилъ, что ты истинный рыцарь (Заглоба показывалъ видъ, что принимаетъ слова Богуна за чистую монету, а въ головѣ его вертѣлась безотвязная мысль: «Ужъ придумаетъ онъ для меня что-нибудь особенное, просто не умру»).

— Ты хорошо говоришь; ты также истинный рыцарь. Мы разыскивали другъ друга, вотъ и нашли.

— Сказать по правдѣ, я тебя не искалъ, но, все-таки, благодарю за доброе слово.

— Ты скоро меня еще не такъ поблагодаришь, я и благодарю тебя за то, что ты мою дѣвушку проводилъ отъ Розлогъ въ Барь. Я ее и нашелъ тамъ и теперь попросилъ бы тебя на свадьбу, да не время—воевать нужно, а ты человѣкъ старый, можетъ быть, не доживешь.

Заглоба, несмотря на свое страшное положеніе, насторожилъ уши.

— На свадьбу?

— А ты что думалъ? Развѣ я хлопецъ, чтобы взять ее насиліемъ, или у меня не хватитъ денегъ перевѣнчаться въ Кіевѣ? Не для хлопа ты привелъ ее въ Барь, а для атамана и гетмана.

— Хорошо,—подумалъ Заглоба и сказалъ въ слухъ:—прикажи, пожалуйста, развязать меня.

— Полежи, полежи; ты въ далекую дорогу поѣдешь, а ты человѣкъ старый, тебѣ покой нуженъ.

— Куда ты хочешь везти меня?

— Ты мой другъ, такъ я тебя повезу къ другому своему пріятелю, къ Кривоносу. Мы вдвоемъ и обдумаемъ, какъ бы тебя лучше помѣстить.

— Будетъ мнѣ жарко!—пробормоталъ шляхтичъ и мурашки вновь забѣгали по его тѣлу.

Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Я знаю, ты имѣешь противъ меня что-то, но напрасно, напрасно, видитъ Богъ. Мы жили вмѣстѣ, въ Чигиринѣ не одну бутылку выпили, потому что я любилъ тебя, какъ сына, за твой рыцарскій характеръ. И что же? Чѣмъ я провинился передъ тобою? Еслибъ я не ѣздилъ съ тобою въ Розлоги, мы до сихъ поръ жили бы съ тобою по-пріятельски, а изъ-за чего я поѣхалъ, какъ не изъ-за искренняго расположенія къ тебѣ? И еслибъ ты не взбѣсилъ, еслибъ не побилъ тѣхъ несчастныхъ людей, клянусь Богомъ, я не сталъ бы на твоей дорогѣ. Что мнѣ за охота вмѣшиваться въ чужія дѣла? Я лично желалъ бы, чтобъ дѣвушка досталась тебѣ, чѣмъ кому-нибудь другому. Но послѣ твоего татарскаго звѣрства во мнѣ заговорила совѣсть... вѣдь, то былъ шляхетскій домъ. Ты самъ поступилъ бы не иначе. Я могъ бы для своей безопасности, съ большою пользою для себя отправить тебя на тотъ свѣтъ, но, однако, не сдѣлалъ

этого. А почему? Потому, что я шляхтичъ и мнѣ было бы стыдно. Постыдись же теперь и ты, потому что я знаю, что ты хочешь издѣваться надо мною. Бяжна и такъ теперь въ твоихъ рукахъ. Чего ты хочешь отъ меня? Или я не стерегу ее, какъ правый глазъ, не берегу твоего сокровища? Если ты пощадилъ ее, значить, и въ тебѣ живы рыцарская честь и совѣсть... Подумай, какъ ты подашь ей руку, коли она будетъ омочена въ моей невинной крови? Какъ ты скажешь ей: человекъ, который провелъ тебя черезъ толпу татаръ и взбунтовавшихся мужиковъ, я обрекъ на муку? Устыдись же и освободи меня отъ оковъ и той неволи, въ которую ты захватилъ меня предательствомъ. Ты молодъ и не знаешь, что встрѣтишь, а за мою смерть тебя Богъ покараетъ въ томъ, что болѣе всего дорого тебѣ.

Богунъ всталъ со скамейки, блѣдный отъ бѣшенства, и, приблизившись къ Заглобѣ, заговорилъ тихимъ, шипящимъ голосомъ:

— Кабанъ нечистый, я прикажу съ тебя живаго содрать кожу, сожгу на медленномъ огнѣ, гвоздями набью, на клочки разорву!

И въ пароксизмъ безумія онъ схватилъ ножъ, висящій у пояса, продержалъ его съ минуту въ конвульсивно сжатой рукѣ... вотъ-вотъ... передъ глазами пана Заглобы свергнуло полированное лезвие, но атаманъ также быстро опомнился, спряталъ ножъ обратно въ ножны и крикнулъ:

— Эй!

Шестеро запорожцевъ вбѣжали въ комнату.

— Взять эту падаля и запереть въ хлѣвъ. Да беречь его, а не то...

Козаки схватили пана Заглобу, двое за руки и за ноги, одинъ сзади за чубъ, перенесли черезъ весь дворъ и бросили на солому въ одиноко стоящемъ хлѣву. Двери захлопнулись и плѣнникъ очутился во мракѣ, только кое-гдѣ, сквозь щели крыши, просвѣчивало темное ночное небо. Вскорѣ, однако, глаза пана Заглобы освоились съ темнотой. Онъ оглядѣлся вокругъ и нашелъ, что въ хлѣву нѣтъ ни свиней; ни козаковъ. Тѣмъ не менѣе, голоса этихъ послѣднихъ явственно доходили сквозь всѣ четыре стѣны. Очевидно, вся постройка была обставлена стражею, но, несмотря на это, Заглоба вздохнулъ свободнѣе. Прежде всего, онъ еще живъ. Когда Богунъ занесъ надъ нимъ свой ножъ, онъ былъ увѣренъ, что послѣдняя минута его пробила, и вручалъ свою душу Богу, правда, съ величайшимъ страхомъ. Но, очевидно,

Богунъ готовилъ для него смерть, несравненно болѣе мучительную. Атаманъ жаждалъ не только отомстить, но и насытиться местию надъ тѣмъ, кто вырвалъ изъ его рукъ возлюбленную и жестоко насмѣялся надъ нимъ и его рыцарской славой. Пану Заглобъ представлялась печальная перспектива, но онъ утѣшалъ себя мыслью, что пока еще онъ живъ, что его повезутъ, по всей вѣроятности, къ Кривоносу, что у него въ распоряженіи нѣсколько дней, а сейчасъ онъ лежитъ въ хлѣву, одинокій, и можетъ на досугѣ придумать какой-нибудь ловкій фортель.

Это была единственная, сколько-нибудь сносная сторона дѣла. А сколько дурныхъ, Боже!

Да, поди-ка выдумай тутъ что-нибудь!

— Еслибъ самого Соломона такъ связали, какъ меня, такъ и онъ едва ли бы придумалъ что-нибудь,—ворчалъ панъ Заглоба.—О, Господи, за что ты такъ караешь меня? Изъ всѣхъ людей на свѣтѣ я только и бѣгалъ, что отъ этого злодѣя, и вотъ счастье-то мое—только его и не избѣжалъ. Выдѣляетъ онъ мою шкуру на славу. Еслибъ другой схватилъ меня, то я заявилъ бы, что присоединяюсь къ бунту, а потомъ убѣждалъ бы. Да и другой не повѣрилъ бы (дураковъ теперь мало), а этотъ и подавно. Чувствую, что сердце мое замираетъ. И чортъ меня сюда принесъ... Охъ, Господи, ни рукой, ни ногой пошевелинуть не могу!

Потомъ пану Заглобъ пришла мысль, что еслибъ онъ высвободилъ руки и ноги, то легче могъ бы набрести на какой-нибудь планъ спасенія. Развѣ попробовать? Только бы саблю достать, остальное все легко... да, поди-ка, чортъ ее достанетъ! На бока повернуться? И этого нельзя. Панъ Заглоба глубоко задумался.

Наконецъ, онъ началъ ѣрзать на собственной спинѣ, все скорѣй и скорѣй, и при каждомъ такомъ движеніи подвигался на полтудовица впередъ. Онъ весь измучился и поневолѣ долженъ былъ по временамъ прерывать свои занятія, въ особенности когда ему казалось, что къ дверямъ кто-то подходитъ. Наконецъ, послѣ ряда тяжелыхъ усилій ему удалось подползти къ стѣнѣ. Но какъ достать саблю? Она пропущена между его колѣнами и руками и такъ крѣпко привязана, что веревка почти врѣзалась въ тѣло.

Панъ Заглоба началъ вновь раскачиваться, но теперь ужъ съ бока на бока, такъ, что съ каждымъ разомъ сабля слегка

ударялась своимъ концомъ о стѣну и все болѣе и болѣе передвигалась внутрь, въ сторону рукояти. Сердце пана Заглобы сильно забилось; онъ увидалъ, что такимъ манеромъ онъ можетъ высвободить саблю. Вотъ конецъ сабли приходится на одной линіи съ локтемъ, дальнѣйшіе удары о стѣну бесполезны, за то рукоятка, часть болѣе тяжелая, значительно передвинулась впередъ.

На рукояткѣ былъ крестъ; на этотъ-то крестъ болѣе всего и рассчитывалъ панъ Заглоба. Онъ опять началъ ползти вдоль стѣны. Сабля еще держалась, но рукоятка все болѣе цѣплялась за неровности почвы, наконецъ, зацѣпилась сильнѣй, панъ Заглоба сдѣлалъ послѣднее усиліе и сабля выпала на землю. Шляхтичъ высвободилъ руки, и, хотя ладони его были еще связаны, кое-какъ ухватилъ саблю и вытащилъ ее изъ ноженъ.

Разсѣчь веревку на ногахъ было дѣломъ одной минуты. Съ руками пришлось провозиться подольше, но наступила радостная минута, когда панъ Заглоба увидалъ себя не только свободнымъ отъ узъ, но и вооруженнымъ. Онъ глубоко вздохнулъ и перекрестился нѣсколько разъ. Но до освобожденія отъ рукъ Богуна было еще далеко.

«Что дальше? — спрашивалъ самого себя панъ Заглоба и не находилъ отвѣта. — Хлѣвъ окруженъ козаками; всѣхъ ихъ, ноги, будетъ около сотни; тутъ мышъ не проскользнетъ незамѣченною, а куда ужъ такому солидному человѣку, какъ панъ Заглоба!... Кажется, я начинаю играть въ прятки, — подумалъ онъ, — и весь мой умъ годится развѣ только на то, чтобъ имъ сапоги смазывать, хотя лучшую мазь можно купить у венгерца на ярмаркѣ. Если мнѣ Богъ не пошлетъ какой-нибудь мысли, я пойду въоронамъ на кушанье, а если пошлетъ, то я обѣщаюся хранить чистоту, какъ панъ Лонгинусъ».

Громкій разговоръ козаковъ прервалъ его дальнѣйшія размышленія. Онъ подскочилъ къ стѣнѣ и приложилъ ухо къ щели между досками.

— Буда мы отсюда поѣдемъ? — спрашивалъ одинъ голосъ.

— Не знаю, должно быть, въ Каменецъ, — отвѣчалъ другой.

— Кони едва ноги волочать, не дойдутъ.

— Оттого-то мы и стоимъ; къ утру отдохнуть.

Наступило молчаніе, потомъ первый голосъ раздался вновь, только тише:

— А мнѣ кажется, что атаманъ изъ-подъ Каменца на Ямполь поѣдетъ.

Заглоба затаилъ дыханіе въ груди.

— Молчи ты, если тебѣ голова дорога! — слышался отвѣтъ.

Опять воцарилось молчаніе, только съ другой стороны долеталъ шепотъ.

— Повсюду размѣстились, стерегутъ!—проворчалъ Заглоба и пошелъ къ другой стѣнѣ.

Здѣсь стояли лошади, а козаки, вѣроятно, лежали на землѣ, потому что голоса слышались снизу.

— Мы сюда скакали сломя голову, — говорилъ одинъ голосъ, — не спали, не ѣли, коней не кормили, чтобъ не попасть въ руки Ерѣмы.

— Значить, правда, что онъ здѣсь?

— Люди, что убѣжали изъ Ярмолинца, видѣли его, какъ я тебя теперь вижу. Страхъ, что говорятъ: большой онъ, какъ сосна, во лбу у него двѣ горящихъ головни, а конь подъ нимъ не конь, а змѣй.

— Господи, помилуй!

— Намъ нужно этого ляха съ солдатами забрать и бѣжать.

— Какъ бѣжать? Кони и такъ чуть не падаютъ.

— Плохо, братцы родные. Еслибъ я былъ атаманомъ, я бы отрубилъ ляху голову и въ Каменецъ хоть бы пѣшкомъ возвратился.

— Его въ Каменецъ повезутъ. Тамъ наши атаманы поиграютъ имъ.

— Прежде вами черти поиграютъ!—сказалъ тихо Заглоба.

Помимо страха передъ Богуномъ, а, можетъ быть, вслѣдствіе этого страха, онъ поглялся, что живымъ не дастъ себя взять. Онъ свободенъ отъ узъ, у него въ рукахъ сабля, онъ будетъ защищаться. Убьютъ его, такъ убьютъ, только живымъ не возьмутъ.

Топотъ и фырганье лошадей заглушили дальнѣйшій разговоръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушили пану Заглобѣ нѣкоторую мысль.

« Еслибъ я могъ пробраться черезъ эту стѣну и незамѣтно вскочить на лошадь!—думалъ онъ.—Теперь ночь; прежде чѣмъ меня замѣтятъ, я ушелъ бы у нихъ изъ виду. По этимъ оврагамъ и лощинамъ и днемъ-то гнаться трудно, а ночью... вотъ, если бы Богъ послалъ!».

Но какъ это сдѣлать? Нужно было или повалить стѣну, а у пана Заглобы не было силы Подбиенты, или подкопаться

внизу. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ услышать, увидать и схватить бѣглеца за шиворотъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ поставить ногу въ стремя.

Въ головѣ пана Заглобы тѣснились тысячи плановъ, одинаково неудобноисполнимыхъ.

«Нѣтъ, придется, вѣрно, заплатитъ собственной шкурой», — подумалъ онъ и пошелъ къ третьей стѣнѣ.

Вдругъ онъ ударился головой обо что-то твердое и началъ ощупывать: то была лѣстница. Хлѣвъ служилъ помѣщеніемъ для быковъ. Надъ половиною всего строенія тянулся чердакъ, гдѣ были сложены сѣно и солома. Панъ Заглоба безъ малѣйшаго колебанія полѣзъ наверхъ.

Тамъ онъ сѣлъ, отдохнулъ и началъ медленно тащить къ себѣ лѣстницу.

«Ну, вотъ я и въ крѣпости! Хотя бы и другую лѣстницу нашли, не скоро сюда доберутся. Если я не разобью голову первому, кто сюда полѣзетъ, я позволю прокоптить себя на ветчину. О, чортъ ихъ возьми, именно, они меня могутъ не только проконтить здѣсь, но и изжарить. Ну, да пускай! Хотятъ хлѣвъ сжечь — хорошо; живьемъ меня тѣмъ болѣе не возьмутъ, а мнѣ все равно, сыраго меня расклюютъ вороны, или жаренаго. Только мы мнѣ уйти отъ разбойничьихъ рукъ, а о дальнѣйшемъ я не забочусь. Посмотримъ еще, что будетъ».

Панъ Заглоба легко переходилъ отъ полнаго отчаянія къ надеждѣ. И теперь онъ чувствовалъ себя какъ въ обозѣ князя Ереміи, хотя его положеніе почти не улучшилось. Онъ сидѣлъ на чердакѣ и, держа въ рукахъ саблю, дѣйствительно долго могъ сопротивляться, вотъ и все. Но съ чердака до свободы дорога длинная, тѣмъ болѣе, что внизу его ждали сабли и копы козаковъ, стерегущихъ его.

«Посмотримъ, что будетъ!» — повторилъ панъ Заглоба и, подойдя къ крышѣ, началъ вытаскивать изъ нея солому, чтобы устроить себѣ «prospectus» на Божій свѣтъ.

Дѣло шло успѣшно; козаки все болтали подъ стѣною, къ тому же, поднялся сильный вѣтеръ и заглушалъ своимъ свистомъ шумъ вырываемой соломы.

Скоро отверстіе было готово; панъ Заглоба просунулъ голову и началъ оглядываться вокругъ.

Ночь близилась къ концу; на восточной сторонѣ небосклона загоралась заря. При блѣдномъ ея свѣтѣ панъ Заглоба увидалъ,

что весь дворъ переполненъ лошадьми, что передъ хатой въ растяжку на землѣ спятъ сотни казаковъ и около колодца валяются тоже люди, а возлѣ нихъ, съ саблями наголо, стоятъ нѣсколько запорожцевъ.

— То мои люди... ихъ всѣхъ перевязали, — сказалъ панъ Заглоба. — Да! хорошо, еслибъ они были мои, а то княжескіе. Хорошимъ я былъ начальникомъ, нечего сказать! Завелъ ихъ прямо въ пасть къ звѣрю. И глаза стыдно будетъ показать, если Богъ возвратитъ мнѣ свободу. А все это отчего? Все любовь да пьянство. Что мнѣ за дѣло, что крестьяне женятся? А тутъ еще этотъ проклятый медъ, который больше дѣйствуетъ на ноги, чѣмъ на голову. Все зло на свѣтѣ отъ пьянства, потому что еслибъ на насъ напали на трезвыхъ, то я живо одержалъ бы побѣду и самъ бы заперъ Богуна въ хлѣвъ.

Тутъ взоръ пана Заглобы упалъ на хату, гдѣ спалъ атаманъ, и остановился на ея замкнутыхъ дверяхъ.

«О, спи, злодѣй, спи! Пусть тебѣ снится, что съ тебя черти шкуру сдираютъ... авось когда-нибудь это случится. Ты хотѣлъ изъ моей шкуры чепракъ сдѣлать; попробуй-ка влѣзть сюда ко мнѣ, посмотришь, не продыравлю ли я твою такъ, что она собакѣ на обувь не пригодится? Еслибъ мнѣ только вырваться отсюда, еслибъ только вырваться! Но какъ?»

Дѣйствительно, задача представлялась совершенно неразрѣшимой. Весь дворъ былъ такъ запруженъ людьми и лошадьми, что еслибъ пану Заглобѣ удалось выйти изъ хлѣва, хотя бы онъ съумѣлъ спрыгнуть сверху прямо на одну изъ верховыхъ лошадей, то и тогда ему не добраться до воротъ.

Однако, ему казалось, что онъ до половины достигъ своей цѣли: онъ былъ свободенъ, вооруженъ и сидѣлъ подъ крышей, какъ въ крѣпости.

«Что за чертовщина! — думалъ онъ, — развѣ я для того освободился отъ веревокъ, чтобъ потомъ повѣситься на нихъ?»

И снова множество плановъ зародилось въ его головѣ.

На дворѣ все болѣе яснѣло. Окрестности хаты начали выступать изъ мрака; теперь панъ Заглоба могъ свободно различать группы людей на площадкѣ: вотъ красныя одежды его людей, вотъ баранья тулупы, подъ которыми спятъ казаки около хаты.

Вдругъ кто-то изъ спящихъ всталъ и медленнымъ шагомъ пошелъ по направленію къ хлѣву. Сначала панъ Заглоба поду-

малъ, что это Богунъ, потому что стража относилась къ нему съ великимъ почтеніемъ.

— Эхъ!—сказалъ онъ,—будь у меня ружье въ рукахъ, научилъ бы я тебя дрыгать ногами.

Въ это время идущій поднялъ голову; то былъ не Богунъ, а сотникъ Голода, котораго панъ Заглоба отлично зналъ въ Чигиринѣ.

— Молодцы,—сказалъ Голода,—не спите?

— Нѣтъ, батька, а спать смерть какъ хочется. Пора бы смѣнить насъ.

— Сейчасъ васъ смѣнятъ. А сучій сынъ не убѣждалъ?

— Развѣ душа изъ него убѣжала, а самъ онъ не тронулся.

— Хитрая лисица! Посмотрите, однако, что съ нимъ дѣлается, а то онъ съумѣетъ въ землю спрятаться.

— Сейчасъ,—и нѣсколько козаковъ приблизились къ дверямъ хлѣва.

— Да, кстати, и сѣна возьмите съ чердака. Какъ солнце взойдетъ, поѣдемъ.

— Хорошо, батька.

Панъ Заглоба тотчасъ же оставилъ свой наблюдательный постъ и сталъ у отверстия въ чердакѣ. Вотъ скрипнули деревянные засовы, вотъ солома зашелестѣла подъ ногами козаковъ. Сердце пана Заглобы тревожно забилось, онъ стиснулъ въ рукахъ саблю и повторилъ свою клятву, что скорѣе позволить сжечь себя вмѣстѣ съ хлѣвомъ, изрубить въ куски, но живыми не отдастся. Онъ предполагалъ, что козаки вотъ-вотъ подымутъ своихъ, но ошибся. Одно время было слышно, какъ они расхаживали по хлѣву, наконецъ, одинъ изъ нихъ заговорилъ:

— Куда дѣвался этотъ чортъ? Никакъ его не найдешь! Мы его вотъ здѣсь бросили.

— Болдунъ онъ, что ли? Высѣки огня, Василій, тутъ темно, какъ въ лѣсу.

Настало молчаніе; Василій, очевидно, искалъ труть и огниво, а другой козакъ началъ потихоньку вызывать пана Заглобу:

— Панъ шляхтичъ, гдѣ вы тутъ?

— Какъ же, нашель дурака!—прошпенталъ Заглоба.

Наконецъ, Василій размыскалъ свое огниво. Потокъ искръ освѣтилъ темный хлѣвъ и головы козаковъ въ шапкахъ, затѣмъ все вновь потонуло во мракѣ.

— Нѣтъ его! нѣтъ!—шептали тревожные голоса.

Одинъ изъ козаковъ подбѣжалъ къ дверямъ.

— Батька Голода! батька Голода!

— Что такое?—отозвался сотникъ.

— Ляха здѣсь нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?

— Словно въ землю провалился! Нѣтъ нигдѣ. О, Господи, помилуй! Мы огонь высѣкали—нѣту!

— Не можетъ быть! Ой, и достанется вамъ отъ атамана! Убѣжалъ, что ли? Вы заснули?

— Нѣтъ, батька, мы не спали. Изъ хлѣва онъ не могъ уйти съ нашей стороны.

— Тише! не будите атамана! Если ляхъ не вышелъ, то, должно быть, гдѣ-нибудь здѣсь. А вы повсюду смотрѣли?

— Вездѣ смотрѣли.

— А на чердакъ?

— Буда ему было на чердакъ влѣзть, когда онъ связанъ?

— Дуракъ! Еслибъ онъ не развязался, то былъ бы здѣсь.

Искать его на чердакъ! Зажечь огонь!

Искры посыпались снова. Въ хлѣвъ собралась вся стража. Поднялась страшная суматоха. Одинъ совѣтовалъ одно, другой другое.

— На чердакъ! на чердакъ!

— Смотри снаружи!

— Не будите атамана, а то бѣда!

— Лѣстницы нѣту!

— Принести другую!

— Нигдѣ нѣту!

— Бѣги въ хату, нѣтъ ли тамъ.

— О, проклятый ляхъ!

— Лѣзь по углу на крышу, черезъ крышу можно войти.

— Нельзя, она обита досками.

— Принести копьѣ. По копьѣмъ взберемся. А, собака, лѣстницу за собою втащилъ!

— Принести копьѣ!—загремѣлъ голосъ Голоды.

Часть козаковъ побѣжала за копьѣми, остальные задрали головы и поглядывали на чердакъ. Черезъ отворенныя двери проникли лучи разсвѣта и озарили отверстие, ведущее на чердакъ, черное и молчаливое.

Козаки снизу не переставали уговаривать пана Заглобу:

— Ну, панъ шляхтичъ! спусти лѣстницу и слѣзь. И такъ не уйдешь, зачѣмъ утруждать людей? Слѣзь, слѣзь!

Тишина.

— Ты умный человекъ! Еслибъ тебѣ это помогло, такъ ты бы сидѣлъ, но такъ какъ это тебѣ не поможетъ, ты слѣзешь добровольно; ты добрый!

Тишина.

— Слѣзь, а то мы тебѣ шкуру съ головы сдеремъ, а потомъ головой внизъ, въ навозъ спустимъ!

Панъ Заглоба оставался одинаково безучастнымъ какъ къ просьбамъ, такъ и къ угрозамъ, и сидѣлъ въ темнотѣ, какъ барсукъ въ своей норѣ, готовясь къ отчаянной оборонѣ. Только губы его шептали какую-то молитву, да рука все крѣпче сжимала саблю.

Козаки возвратились, связали копыя по три вмѣстѣ и поставили ихъ остриями къ отверстию. У пана Заглобы мелькнула было мысль втоптать ихъ къ себѣ, но онъ раздумалъ: все равно, принесутъ другія.

Мало-по-малу весь хлѣвъ наполнился народомъ. Одни свѣтили лучинами, другіе понатаскали шестовъ и лѣстницъ. Лѣстницы всѣ оказались коротки. Рѣшили большинствомъ голосовъ связать ихъ ремнями, потому что по копьямъ, дѣйствительно, трудно было взбираться. Однако, и на это нашлись охотники.

— Я пойду!—разомъ крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Ждать лѣстницы!—скомандовалъ Голода.

— А что помѣшаетъ, батька, попробовать по копьямъ?

— Василий влѣзетъ; онъ какъ кошка взбирается.

— Ну, пробуй.

Другіе начали подшучивать:

— Эй, осторожнѣй! У него сабля, голову раскроить, вотъ увидишь.

— Я самъ его за чубъ поймаю и стяну внизъ.

Однако, Василий не робѣлъ.

— Онъ знаетъ, что если пальцемъ тронетъ меня, то атаманъ рассчитается съ нимъ... и вы, братцы.

То было предостереженіе для пана Заглобы, который сидѣлъ, притаившись на своемъ мѣстѣ.

Козаки начинали приходиться въ веселое расположеніе духа; эпизодъ съ паномъ Заглобой забавлялъ ихъ.

— Однимъ дуракомъ будетъ меньше на бѣломъ свѣтѣ.

— Онъ не посмотритъ, какъ мы ему заплатимъ за твою голову. Онъ смѣлый рыцарь.

— Онъ колдунъ. Чортъ его знаетъ, во что онъ тамъ обратился. Кого ты тамъ найдешь?

Василій, который было уже собрался лѣзть, вдругъ остановился.

— На ляха я пойду,—сказалъ онъ,—ну, а на чорта нѣтъ.

Впрочемъ, въ это время лѣстница была уже связана и приставлена къ чердаку. Взбираться и по ней было плохо: тонкія перекладины тагъ и трещали подъ тяжелыми ступнями козаковъ. Первымъ полѣзъ самъ Голода.

— Ты видишь, панъ шляхтичъ, тутъ не шутки,—сказалъ онъ.—Хочешь сидѣть наверху—сиди, но не обороняйся; мы тебя достанемъ, хоть бы для этого намъ пришлось разобрать весь хлѣвъ. Сообрази-ка это!

Наконецъ, голова его поравнялась съ отверстіемъ; вдругъ послышался свистъ сабли, козакъ страшно вскрикнулъ, зашатался и упалъ внизъ съ раскрытою пополамъ головою.

— Коли! коли!—закричали козаки.

Въ хлѣву поднялся страшный шумъ и беспорядокъ, но надо всѣмъ этимъ царилъ громовой голосъ пана Заглобы:

— А, злодѣи, людоѣды! а, негодяи! всѣхъ васъ до одного перекрошу, шельмы! Узнаете вы рыцарскую руку. На мирныхъ людей нападать ночью, въ хлѣву запретъ шляхтича... мерзавцы! Идите, идите сюда! влѣзайте!

— Коли! коли!—продолжали козаки.

— Хлѣвъ спалимъ!

— Я и самъ спажу, свиные вы хвосты, только съ вами!

— По нѣскольку заразъ!—крикнулъ старый козакъ.—Держать лѣстницу, подпирать копыями! Закройте головы снопами и дальше... Нужно взять его!

Съ этими словами онъ началъ взбираться кверху, а за нимъ еще двое козаковъ. Перекладины начали трескаться, лѣстница выгнулась еще болѣе, но болѣе двадцати сильныхъ рукъ удерживало ее отъ паденія.

Еще нѣсколько минутъ и три новыхъ трупа свалились внизъ.

Панъ Заглоба, разгоряченный триумфомъ, рычалъ, какъ буйволъ, и изрыгалъ такия проклятія, какихъ еще не слышалъ свѣтъ и отъ которыхъ замерла бы душа въ козакахъ, еслибъ и ими не начало овладѣвать бѣшенство. Нѣкоторые изъ нихъ тыкали

копьями въ чердакъ, другіе карабкались на лѣстницу, хотя знали, что идутъ на вѣрную смерть. Вдругъ крики смолкли и въ дверяхъ хлѣва показался самъ Богунъ.

Онъ былъ безъ шапки, въ одной рубашкѣ и шараварахъ. Глаза его горѣли, въ рукахъ сверкала обнаженная сабля.

— Черезъ крышу, собаки!—крикнулъ онъ.—Разобрать доски и брать живьемъ.

Панъ Заглоба тоже увидалъ его.

— Подойди ты только сюда, хамъ!—зарычалъ онъ,—Носъ и уши обрублю... шен твоей не трону,—она добыча палача. А, что? Струсилъ, боишься, мальчикъ? Связать этого негодяя!... Слышите вы, дураки?... Прощеніе получите. Что, висѣльникъ, что, кукла жидовская? Подойди, подойди! Выставь только голову на чердакъ. Что же ты? Я тебѣ буду радъ, я тебя такъ угощу, что тебѣ припомнится и твой отецъ-дьяволъ, и мать-вѣдьма.

Доски на кровлѣ начинали трещать. Вѣроятно, козаки взобрались и начали отдираить обшивку.

Заглоба слышалъ все это, но страхъ не лишалъ его силъ. Онъ совершенно опьянѣлъ отъ битвы и крови.

«Уйду въ уголь, тамъ и смерть моя», — подумалъ онъ. Но въ эту же самую минуту на дворѣ раздались выстрѣлы и нѣсколько козаковъ торопливо вбѣжали въ хлѣвъ.

— Батъка! батъка!—отчаянно кричали они,—иди сюда!—Панъ Заглоба въ первую минуту не понималъ, что случилось, и сильно изумился. Онъ приблизился къ отверстию, заглянулъ туда,—хлѣвъ пустъ. Доски на крышѣ болѣе не трещать.

— Что такое? что такое?—громко спросилъ онъ.—А! понимаю. Они хотятъ поджечь хлѣвъ и стрѣляютъ въ крышу изъ пистолетовъ.

А на дворѣ шумъ становился все сильнѣе. Выстрѣлы, смѣшанные съ криками, стукъ желѣза... «Боже, не битва ли это?»—подумалъ панъ Заглоба и подскочилъ къ продѣланному имъ отверстию въ крышѣ.

Одинъ взглядъ—и у него ноги подкосились отъ радости. На дворѣ кипѣла битва, вѣрнѣе сказать, панъ Заглоба увидалъ страшный погромъ богуновыхъ козаковъ. Застигнутые врасплохъ, подъ бѣглымъ огнемъ изъ ружей и изъ пистолетовъ, гонимые отъ плетня къ плетню, отъ хаты къ амбарамъ, козаки гибли почти безъ сопротивленія. Солдаты въ красной одеждѣ, преслѣдующая обезумѣвшую толпу, не позволяли ей сформироваться, ни

обнажить саблю, ни отдохнуть, ни съѣсть на коней. Защищались только отдѣльныя кучки, другіе, побросавъ сабли и копыя, старались проползти подъ плетень, застрѣвали между жердями, перелѣзали сверху, выли нечеловѣческими голосами. Несчастливымъ казалось, что самъ князь Еремія, какъ орелъ, неожиданно спалъ имъ на голову со всею своею силою. У нихъ не было времени опаматоваться, оглядѣться; крики непріятели, свистъ сабель, ружейныя залпы гнали ихъ впередъ, какъ буря, горячее конское дыханіе обжигало имъ спину. «Люди, спасайтесь!»—раздалось со всѣхъ сторонъ. «Бей, рѣжь!»—кричалъ въ свою очередь непріятель.

И увидалъ, наконецъ; панъ Заглоба пана Володіевскаго, какъ онъ, стоя у воротъ во главѣ нѣсколькихъ солдатъ, распорядился другими и только изрѣдка направлялъ своего гнѣдаго коня въ середину свалки, а гдѣ побываетъ панъ Володіевскій, тамъ сейчасъ же падаетъ человѣкъ, иногда безъ всякаго крика. О, панъ Володіевскій фехтмейстеръ изъ фехтмейстеровъ, солдатъ по крови и по духу. Онъ въ битвѣ ничего не упускаетъ изъ вида, поправитъ, что нужно, и снова на мѣсто, словно опытный капельмейстеръ, который иногда возьметъ скрипку въ руки, а самъ не спускаетъ бдительнаго ока со своего оркестра.

Панъ Заглоба началъ неистово стучать ногами по крышѣ и хлопать въ ладоши:

— Бей ихъ, бей, убивай! Ну, еще, всѣхъ ихъ вырѣзать, до единаго!

Такъ кричалъ панъ Заглоба, совершенно забывъ о своемъ положеніи, но потомъ взору его представилось еще болѣе пріятное зрѣлище: вотъ, окруженный нѣсколькими десятками козаковъ, молніей мчится Богунъ, и за нимъ гонится панъ Володіевскій со своими солдатами. «Бей!»—крикнулъ было Заглоба,—то Богунъ», но голосъ его не дошелъ по назначенію, а тѣмъ временемъ Богунъ перескочилъ черезъ плетень, панъ Володіевскій за нимъ. Нѣкоторые остались на дворѣ, у другихъ лошади не осилили преграды. Смотритъ Заглоба: Богунъ на равнинѣ и панъ Володіевскій на равнинѣ. Вотъ обѣ стороны рассыпались въ разныя стороны, преслѣдованіе стало въ одиночку. У Заглобы стѣснило духъ, глаза чуть не вылѣзли изъ орбитъ... Что видитъ онъ? Вотъ Володіевскій настигаетъ Богуна, какъ охотничья собака кабана, атаманъ оборачиваетъ голову, вынимаетъ саблю... «Дерутся»,—кричитъ Заглоба... еще минута и Богунъ падаетъ

вмѣстѣ съ конемъ, а Володѣвскій перескочилъ его и гонится за другими.

Но Богунъ живъ, онъ поднимается съ земли и бѣжитъ къ скаламъ, поросшимъ кустарникомъ.

— Держи, держи, — рычитъ Заглоба, — то Богунъ!

А вотъ летитъ новая ватага козаковъ, которая слѣдовала прежде съ другой стороны скалъ, а теперь, открытая, ищетъ новаго пути въ бѣгствѣ. За ними, въ разстояніи сотни сажень, видны польскіе солдаты. Ватага догоняетъ Богуну, схватываетъ его и уводитъ за собою. Наконецъ, все исчезаетъ за поворотомъ оврага.

На дворѣ царствуетъ полнѣйшая тишина, потому что даже и солдаты пана Заглобы, отбитые Володѣвскимъ, овладѣли козацкими конями и поскакали вмѣстѣ съ прочими въ догону за растерявшимся неприятелемъ.

Панъ Заглоба спустилъ лѣстницу, вышелъ на дворъ и оглянулся кругомъ.

— Я свободенъ...

На дворѣ лежало множество козацкихъ и польскихъ труповъ. Шляхтичъ медленно проходилъ между ними, внимательно осматривая каждый, наконецъ, нагнулся надъ однимъ.

Черезъ минуту онъ выпрямился съ жестяной манеркой въ рукѣ.

— Полная, — самодовольно сказалъ онъ.

Онъ приложилъ манерку къ губамъ.

— Недурно!

Тутъ онъ снова оглянулся по сторонамъ и снова повторилъ, но уже болѣе рѣшительнымъ голосомъ:

— Я свободенъ.

Панъ Заглоба вошелъ въ хату и наткнулся на порогѣ на трупъ стараго бочара, убитаго козаками. Когда онъ возвратился назадъ, вокругъ его бедеръ красовался поясъ Богуну, силенъ расшитый золотомъ, а за поясомъ ножъ съ крупнымъ рубиномъ въ рукояткѣ.

— Богъ награждаетъ мужество, — сказалъ панъ Заглоба, — вотъ и поясъ... да полный, вдобавокъ. А, разбойникъ! Надѣюсь, что теперь онъ не вывернется. Но этотъ Володѣвскій, вотъ такъ штука! Я зналъ, что онъ добрый солдатъ, но чтобы сразиться съ Богуномъ, этого я не ожидалъ отъ него. Богунъ могъ бы просто носить его у пояса. Чтобъ ему... впрочемъ, дай

ему Богъ всякаго счастья! Вѣроятно, не узналъ Богуна, иначе покончилъ бы съ нимъ. Фу! какъ тутъ порохомя пахнетъ, не продохнешь! Ну, и вывернулся же я изъ бѣды! Никогда не приходилось бывать въ такомъ скверномъ положеніи. Слава Богу! А на Володіевскаго нужно обратить особое вниманіе.

Размышляя такимъ образомъ, Заглоба усѣлся на порогъ хлѣва и ждалъ.

Вскорѣ на равнинѣ показались солдаты, возвращающіеся изъ погони, а панъ Володіевскій во главѣ ихъ. Увидѣвъ Заглобу, онъ прибавилъ шагу и, торопливо соскочивъ съ коня, пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Васъ ли я вижу?—издали закричалъ онъ.

— Меня, меня,—отвѣчалъ Заглоба.—Дай вамъ Богъ всего лучшаго, что вы подоспѣли съ помощью.

— Благодарите Его, что въ пору, — отвѣтилъ рыцарь, радостно пожимая руку пана Заглобы.

— Откуда вы узнали о томъ, что я нахожусь въ такомъ отчаянномъ положеніи?

— Крестьяне съ того хутора увѣдомили.

— О, а я думалъ, что они-то меня и предали.

— Что вы! Они добрые люди. Едва и сами живые ушли, т.-е. новобрачные, а что съ остальными побѣжденными сталось, не знаю.

— Если они не измѣнники, то они побиты козаками. Здѣшній хозяинъ лежитъ возлѣ хаты. Ну, да это въ сторону. Скажите мнѣ, Богунь живъ? убѣжалъ?

— Развѣ то былъ Богунь?

— Ну, да, безъ шапки, въ рубашкѣ; котораго вы повалили вмѣстѣ съ конемъ.

— Я его ранилъ въ руку. Какая досада, что я не узналъ его. Но вы, вы, панъ Заглоба, что вы хорошаго сдѣлали?

— Что я сдѣлалъ?—повторилъ панъ Заглоба.—Подите сюда и посмотрите!

Онъ взялъ пана Володіевскаго за руку и повелъ въ хлѣвъ.

— Посмотрите.

Панъ Володіевскій сначала не видалъ ничего (онъ только что вошелъ со свѣта), но когда глаза его достаточно освоились съ темнотою, когда онъ увидалъ трупы, неподвижно лежащія на землѣ, его взяло недоумѣніе.

— Кто убилъ этихъ людей?

— Я!—скромно сказалъ Заглоба.—Вы спрашивали меня, что я сдѣлалъ: вотъ!

Молодой офицеръ покачалъ головой.

— Какимъ же это образомъ?

— Я защищался тамъ, наверху, а они штурмовали меня снизу и сквозь крышу. Не знаю, какъ долго это длилось; въ битвѣ для война пріостанавливается теченіе времени. То былъ Богунъ, Богунъ со всею силою. Помнить онъ васъ, помнить и меня! Когда-нибудь на свободѣ я вамъ расскажу, какъ попалъ въ плѣнъ, что выдержалъ и какъ обошелъ Богуна, но теперь я такъ усталъ, что еле держусь на ногахъ.

— Нечего сказать,—проговорилъ Володѣвскій,—вы храбро сопротивлялись; я только замѣчу одно, что вы хорошій рыцарь, но плохой вождь.

— Панъ Михалъ,—возразилъ шляхтичъ,—объ этомъ не время толковать. Поблагодаримъ лучше Творца, что онъ даровалъ намъ обоимъ такую побѣду, память о которой не умретъ между людьми.

Панъ Володѣвскій съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Заглобу. До сихъ поръ ему казалось, что онъ одинъ одержалъ побѣду, которую теперь панъ Заглоба хочетъ раздѣлить съ нимъ.

Но онъ только посмотрѣлъ на шляхтича, покачалъ головою и сказалъ:

— Пусть и такъ будетъ.

Чась спустя, оба наши пріятели, во главѣ соединенныхъ отрядовъ, выѣзжали на Ярмолинецъ.

Изъ людей Заглобы не погибъ почти ни одинъ. Застигнутые врасплохъ, они не сопротивлялись, а Богунъ, высланный, главнымъ образомъ, за «языкомъ», приказалъ братъ въ плѣнъ живьемъ, не убивать.

Глава VIII.

Несмотря на свое мужество и опытность, Богунъ не имѣлъ счастья въ столкновеніи съ дивизією (какъ онъ предполагалъ) князя Ереміи. Онъ еще болѣе утвердился въ мнѣніи, что князь дѣйствительно вышелъ со всѣми своими силами противъ Кривоноса. Такъ говорили взятые въ плѣнъ солдаты пана Заглобы, которые сами свято вѣрили, что князь идетъ за ними. Несчастному атаману не оставалось ничего другаго, какъ спѣшить на-

заячь къ Бривоносу, но это было не такъ легко. Только на третій день около него собралась ватага козаковъ изъ двухсотъ человекъ съ небольшимъ, остальные или полегли на полѣ боя, или получили тяжелыя раны, или скрывались въ оврагахъ и лѣсахъ, не зная, что дѣлать, куда идти. Да и собравшіеся внушали мало надежды, всѣ были деморализованы, готовы при первомъ сигналѣ рассыпаться на всѣ стороны: настолько повліялъ на нихъ страхъ прошлой битвы. А, вѣдь, это былъ цвѣтъ козаковъ, лучшихъ во всей Сѣчи не отыщешь. Богунъ находился въ самомъ скверномъ положеніи: раненый въ руку, разбитый, больной, онъ выпустилъ изъ рукъ заклятаго врага и утратилъ значительную долю своего обаянія; козаки, которые наканунѣ готовы были слѣпо идти за нимъ въ Крымъ, въ самый адъ, на князя Еремію, теперь только о томъ и думали, какъ бы унести ноги отъ всеобщаго погрома. А, вѣдь, Богунъ сдѣлалъ все, что могъ, ничего не упустилъ изъ вида, поразставилъ стражу и остановился на ночлегъ только потому, что утомленные кони не были способны идти далѣе. Но панъ Володѣвскій, всю свою жизнь проведшій въ войнѣ съ татарами, какъ волкъ, подкрался ночью къ стражѣ и онъ, Богунъ, еле могъ спастись въ одной рубашкѣ. При одной мысли объ этомъ въ глазахъ его темнѣло, въ головѣ и душѣ кипѣлъ цѣлый адъ. Онъ, который на Черномъ морѣ нападалъ на турецкія галеры; онъ, который доходилъ до Перекопа; онъ, который на глазахъ у князя, подъ самыми Лубнами, вырѣзалъ его гарнизонъ въ Василѣвкѣ, долженъ теперь бѣжать въ одной рубашкѣ, безъ шапки... безъ сабли даже, и ту онъ потерялъ въ стычкѣ съ маленькимъ рыцаремъ. Когда, на ночлегахъ, онъ оставался одинъ, то схватывалъ себя за голову и кричалъ: «Гдѣ моя слава молодецкая, гдѣ моя подруга-сабля?» Имъ овладѣвало дикое отчаяніе, онъ начиналъ страшно пить, затѣивалъ идти на князя, ударить на всю его силу, и сгинуть и пропасть навѣки.

Онъ хотѣлъ, да козаки не хотѣли. «Убей, батька, не пойдемъ!» — уперно отвѣчали они и напрасно онъ, въ припадкахъ бѣшенства, рубилъ ихъ саблей, опаливалъ имъ лицо изъ пистолета, — они не хотѣли, не пошли.

Словно земля уходила изъ-подъ ногъ атамана; но несчастія его здѣсь еще не кончились. Боясь идти прямо на югъ, онъ кинулся на востокъ и наткнулся на отрядъ пана Подбипенты. Побдительный, какъ журавль, панъ Лонгинусъ не далъ себя обойти,

первый ударил на атамана и разбил его безъ труда, потому что козаки не хотѣли драться. Затѣмъ несчастный Богунъ повстрѣчался съ паномъ Скшетускимъ, который добилъ его окончательно, и, наконецъ, послѣ долгаго блужданія по степямъ, съ ничтожными остатками своего войска, безъ славы, безъ добычи и безъ языка, едва достигъ лагеря Кривоноса.

Но дикій Кривонось, столь страшный подвластнымъ ему, на этотъ разъ не разсердился. Онъ по собственному опыту зналъ, что такое значить имѣть дѣло съ Еремѣемъ, и теперь обласкалъ Богуна, всячески утѣшалъ его, а когда атаманъ захворалъ горячкою, приказалъ ухаживать и хранить его, какъ зѣницу ока.

А княжескіе рыцари, наведя страхъ на цѣлую страну, теперь благополучно возвратились въ Ярмолинецъ, гдѣ и рассчитывали отдохнуть нѣсколько дней. Каждый, поочереди, отдавалъ отчетъ пану Скшетускому, потомъ всѣ собрались вмѣстѣ за бутылкой въ дружеской бесѣдѣ. Впрочемъ, панъ Заглоба почти никому не давалъ ротъ раскрыть. Онъ вовсе не хотѣлъ слушать, онъ требовалъ, чтобы елушали только его, да, наконецъ, его похождения гораздо интереснѣе.

— Господа!—ораторствовалъ онъ,—я попалъ въ плѣнъ, это правда, но колесо фортуны ни на мигъ не остаётся въ покоѣ. Богунъ всю жизнь побѣждалъ, а теперь мы его побили. Такъ все идетъ на войнѣ! Сегодня ты колотишь, завтра поколотить тебя. Но Богуна Богъ наказалъ за то, что онъ на насъ, спящихъ сномъ невинности, напалъ и разбудилъ такъ грубо. Ха-ха! онъ думалъ, что устрашить меня своими глупыми угрозами, а на дѣлѣ вышло иначе: я его такъ прижалъ къ стѣнѣ, что онъ тотчасъ же растерялся и выболталъ то, чего не хотѣлъ говорить. Что тутъ долго говорить! Еслибъ я не попалъ въ плѣнъ, мы съ паномъ Михаломъ не нанесли бы неприятелю такого удара; я говорю: оба потому, что здѣсь не обошлось и безъ моего участія; это я буду твердить до самой смерти. Слушайте дальше: еслибъ мы съ паномъ Михаломъ не начали, то ему панъ Подбиента не подбилъ бы пятъ, наконецъ, онъ не наткнулся бы на пана Скшетускаго или, вѣрнѣе сказать, еслибъ мы его не разгромили, онъ разгромилъ бы насъ. Спрашивается, кому мы обязаны хорошимъ исходомъ дѣла?

— Вы словно лисица,—замѣтилъ панъ Лонгинусъ,—тутъ махнете хвостомъ, тамъ слѣдъ запутаете и отовсюду цѣлымъ выйдете.

— Глупа та собака, что бѣжить за хвостомъ—и не догнать и ничего хорошаго не вынюхаетъ и, въ концѣ-концовъ, чутье потеряетъ. Сколько человѣкъ вы потеряли?

— Всего на всего двѣнадцать человѣкъ и нѣсколько раненныхъ. Тамъ насъ не особенно сильно били.

— А вы, панъ Михалъ?

— Человѣкъ тридцать.

— А вы, панъ поручикъ?

— Столько же, сколько панъ Лонгинусъ.

— А я всего только двоихъ. Скажите сами, кто лучший вождь? Вотъ то-то и есть! Зачѣмъ мы сюда пріѣхали? По княжескому порученію, набрать побольше вѣстей о Кривоносѣ, и я теперь говорю вамъ, что первый узналъ о немъ изъ самаго достовѣрнаго источника, отъ Богуна. Я знаю, что Кривоносъ стоитъ подъ Каменцомъ, но хочетъ бросить осаду, потому что трусить. Это я знаю *de publicis*, но знаю и еще кое-что, отъ чего у васъ сердце запрыгаетъ отъ радости. Я не говорилъ объ этомъ раньше, потому что былъ нездоровъ и измученъ... Вы думаете легко провести столько времени связаннымъ самымъ варварскимъ способомъ? Я думалъ, что умираю.

— Да говорите же вы, ради Христа!—воскликнулъ Володіевскій.—О княжнѣ слышали что-нибудь?

— Слышалъ, да благословить ее Богъ!—отвѣтилъ Заглоба. Панъ Скшетускій всталъ во весь свой ростъ и потомъ опять опустился на скамью. Въ комнатѣ настала такая тишина, что было слышно, какъ за окномъ жужжать мухи. Панъ Заглоба заговорилъ снова:

— Она жива, это я знаю навѣрно, и теперь во власти Богуна. Господа, это страшный человѣкъ, но Богъ не допуститъ, чтобъ она была обижена или опозорена. Господа, мнѣ это сказалъ самъ Богунъ, а онъ не преминулъ бы похвастаться, еслибъ было чѣмъ.

— Какъ это можетъ быть? Какъ это можетъ быть?—Съ лихорадочною поспѣшностью спрашивалъ панъ Скшетускій.

— Если я лгу, пусть меня поразитъ громъ небесный, — важно сказалъ Заглоба,—это святое дѣло. Слушайте: Богунъ издѣвался надо мной, когда я, связанный, лежалъ у его ногъ и говорилъ: «Ты думаешь, что я ее для хлопа привезъ изъ Бара? Развѣ я хлопъ, чтобы сталъ насиловать ее? Развѣ у меня не хватить денегъ, чтобъ насъ обвѣнчали въ Кіевѣ, чтобы въ церк-

ви горѣло триста свѣчей, у меня, атамана, гетмана?» Тутъ онъ затопалъ ногами и пожемъ мнѣ угрожалъ, — все думалъ устроить меня, но я ему сказалъ, чтобъ онъ такъ пугалъ этими собаками.

Скшетускій опомнился, монашеское лицо его вновь засвѣтилось радостью и надеждой.

— Гдѣ же она теперь? Гдѣ она?—разспрашивалъ онъ.—Если вы и это узнали, то я не знаю, чѣмъ отплатить вамъ.

— Этого онъ мнѣ не говоритъ, но для умнаго человѣка достаточно одного намека. Замѣьте господа, что онъ все еще издѣвается надо мною. «Прежде всего, я отвезу тебя къ Кривоносу, а потомъ просилъ бы тебя на свадьбу, да свадьба будетъ нескоро, теперь война». Замѣйте: еще не скоро, значить, у насъ есть время! Во-вторыхъ, тоже обратите вниманіе: сначала къ Кривоносу, потомъ на свадьбу, значить, ее какимъ образомъ нѣтъ у Кривоноса. Она далеко, куда война еще не дошла.

— Золотой вы человѣкъ!—воскликнулъ Володѣвскій.

— Я думалъ сначала (панъ Заглоба самодовольно улыбнулся), что онъ ее отослалъ въ Кіевъ, но нѣтъ; онъ говоритъ, что поѣдетъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ нею, значить, и въ Кіевѣ ея нѣтъ. Да онъ, кромѣ того, настолько уменъ, чтобъ не везти ее туда, потому что еслибъ Хмельницкій пошелъ на Червонную Русь, Кіевъ легко могъ бы сдѣлаться добычею литовскихъ войскъ.

— Правда, правда!—восторженно сказалъ панъ Лонгинусъ.—Блянусь Богомъ, не одинъ человѣкъ съ удовольствіемъ помянлся бы съ вами умомъ.

— Да я-то не со всякимъ буду мѣняться; боюсь, какъ бы, вмѣсто ума, въ обмѣнъ не получить ботвиньи. Между литвинами это часто бываетъ *).

— Опять принялись за свое,—слегка обидѣлся Лонгинусъ.

— Позвольте же мнѣ окончить. Такъ если ее нѣтъ ни у Кривоноса, ни въ Кіевѣ, гдѣ же она, спрашиваю я?

— Въ томъ-то и вопросъ!

— Если вы догадываетесь, то говорите скорѣй, я не могу долѣе ждать!—крикнулъ Скшетускій.

— За Ямполемъ!—проговорилъ Заглоба и обвелъ всѣхъ торжествующимъ единственнымъ окомъ.

*) Ботвинья—національное литовское кушанье.

— Откуда вы знаете?

— Откуда я знаю? А вотъ откуда: сижу я въ хлѣву (этотъ негодяй приказалъ меня запереть въ хлѣвъ, чтобъ его свиньи за это слопали!), а вокругъ козаки разговариваютъ. Я приложилъ ухо къ стѣнѣ и слышу, какъ одинъ говоритъ: «Теперь атаманъ, должно быть, за Ямполь поѣдетъ», а другой: «Молчи, говорить, если тебѣ жизнь мила». Я даю голову на отсѣченіе, что она за Ямполемъ.

— И сомнѣній никакихъ быть не можетъ!—вскричалъ Володѣвскій.

— Въ Дикія Поля онъ ее не увезъ, а, по моему соображенію, скрылъ ее гдѣ-нибудь между Ямполемъ и Егорлыккомъ. Я бывалъ въ тѣхъ сторонахъ. Тамъ, надъ самымъ Днѣстромъ много овраговъ, укрытыхъ мѣсть и камышей; тамъ въ хуторахъ живутъ люди, не видя своего ближняго. У такихъ-то дикихъ пустынножковъ онъ, вѣроятно, и спряталъ ее; тамъ и безопаснѣй.

— Да, но какъ доберешься туда, когда Кривоносъ дорогу загроживаетъ?—сказалъ панъ Лонгинусъ.—А Ямполь, какъ я слышалъ, просто разбойничье гнѣздо.

Скшетускій вскочилъ съ своего мѣста.

— Хоть бы мнѣ грозило десять смертей, я попытаюсь спасти ее. Я пойду переодѣтымъ и буду искать. Богъ мнѣ поможетъ, я найду ее.

— Я съ тобою, Янъ!—сказалъ Володѣвскій.

— И я, въ нищенскомъ платьѣ, съ торбаномъ. Вѣрите мнѣ, я болѣе васъ опытенъ въ этомъ дѣлѣ. А такъ какъ торбанъ мнѣ окончательно опротивѣлъ, я возьму волюнку.

— Можетъ быть, и я на что-нибудь пригожусь тебѣ, миленькій!—жалобно протянулъ панъ Лонгинусъ.

— Навѣрное,—подхватилъ Заглоба.—Когда придется намъ перебираться черезъ Днѣстръ, вы будете переносить насъ на плечахъ, какъ святой Христофоръ.

— Отъ души благодарю васъ,—сказалъ Скшетускій,—и принимаю вашу помощь. Дай мнѣ, великій Боже, отплатить вамъ за все, что вы сдѣлали для меня.

— Мы все какъ одинъ человекъ!—крикнулъ Заглоба.—Богъ любитъ согласіе, и вы увидите, что мы скоро пожнемъ плоды трудовъ своихъ.

— Мнѣ не остается ничего другаго,—послѣ минутнаго мол-

чанія сказалъ Скшетускій, — какъ провести хоругвь къ князю и немедленно идти на поиски. Мы пойдемъ Днѣстромъ, на Ямполь, до самаго Егорлыка, и всюду будемъ искать. А если, какъ я надѣюсь, Хмельницкій уже разбитъ, или будетъ разбитъ, прежде чѣмъ мы дойдемъ до князя, то и нашъ долгъ по отношенію къ отечеству намъ мѣшать не будетъ. Войска, вѣроятно, пойдутъ на Украйну, чтобъ угасить остатки бунта, но тамъ дѣло и безъ насъ обойдется.

— А послѣ Хмельницкаго настанетъ очередь Бривоноса, тогда мы можемъ вмѣстѣ съ войсками идти на Ямполь, — сказалъ Володіевскій.

— Нѣтъ, намъ нужно тамъ быть раньше, — воспротивился Заглоба, — но, прежде всего, отвести хоругви, чтобъ имѣть руки свободными. Я думаю, что князь останется доволенъ нами.

— Въ особенности вами.

— Въ особенности мною, потому что я привезу ему добрыя вѣсти. Знаете ли, я рассчитываю на награду?

— Такъ, значить, въ путь?

— До утра нужно отдохнуть, — сказалъ Володіевскій. — Впрочемъ, пусть распоряжается Скшетускій, онъ тутъ начальникъ, но я предостерегаю, что если мы пойдемъ сегодня, всѣ мои лошади попадаютъ.

— Я знаю, что сегодня идти нельзя, но къ завтрашнему дню онъ отдохнетъ.

На слѣдующій день наши друзья двинулись въ путь. Слѣдуя княжеской инструкціи, они должны были возвратиться въ Збаражъ и тамъ ожидать княжескихъ приказаній. Въ Волочискѣ былъ назначенъ привалъ.

Но едва лишь рыцари, утомленные длиннымъ переходомъ, заснули, какъ въ лагерь поднялся шумъ и стража дала знать о приближеніи какого-то коннаго отряда. То были свои, татары пана Вершула. Заглоба, панъ Лонгинусъ и Володіевскій тотчасъ же собрались въ хатъ Скшетускаго, а вслѣдъ за ними въ комнату, какъ вихрь, влетѣлъ человекъ, задыхающійся, весь покрытый грязью, донельзя измученный. Скшетускій, какъ только увидалъ его, всплеснулъ руками:

— Вершулъ!

— Да... я! — еле простоналъ вошедшій.

— Отъ князя?

— Да!... Не могу говорить!

— Какія вѣсти? Хмельницкаго больше нѣтъ?

— Нѣтъ больше... республики!

— Ради Бога, что вы говорите! Пораженіе?

— Пораженіе, позоръ, срамъ... безъ битвы!... Все погибло!... О! о!

— Ушамъ не хочется вѣрить. Говорите же, говорите, ради Христа!... Гетманы?...

— Бѣжали...

— Гдѣ нашъ князь?

— Уходитъ... безъ войска... Я отъ князя... приказъ... сейчасъ же во Львовъ... насъ преслѣдуютъ.

— Кто? Вершунъ! Вершунъ! Опомнитесь, рыцарь! Кто?

— Хмельницкій, татары!

— Боже великій! — воскликнулъ Заглоба, — земля разстучается.

Но Скшетускій понялъ, въ чемъ дѣло.

— Оставимъ разспросы, — сказалъ онъ, — теперь на коней!

— На коней, на коней!

Татары Вершула еще не слѣзали съ лошадей; жители проснулись и вышли изъ домовъ съ фонарями и факелами въ рукахъ. Горестная вѣсть молніей облетѣла весь городъ. Колокола забили тревогу, спокойный за часъ до того городокъ весь взволновался. Жители хотѣли уходить вслѣдъ за войскомъ и торопливо укладывали на телеги болѣе цѣнные пожитки; пришла депутація съ бургомистромъ во главѣ просить пана Скшетускаго, чтобъ онъ не уѣзжалъ и проводилъ бы жителей хоть до Тарнополья, но панъ Скшетускій и слушать не хотѣлъ, имѣя передъ собой рѣшительный приказъ идти на Львовъ.

По дорогѣ Вершунъ немного отдохнулъ и началъ рассказывать, какъ было дѣло.

— Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ республика, еще не было такого пораженія. Что въ сравненіи съ этимъ Цецора, Желтыя Воды, Корсунъ!

Скшетускій заломилъ въ отчаяніи руки.

— Невѣроятно! — сказалъ онъ. — Гдѣ же былъ князь?

— Оставленный, умышенно отстраненный отъ всего, онъ не могъ распоряжаться даже своей дивизіей.

— Кто же командовалъ?

— Никто и всѣ. Я давно служу, зубы на войнѣ съѣлъ, но такихъ войскъ и такихъ вождей еще не видывалъ.

Заглоба, который мало зналъ и вообще не долюбивалъ Вершула, сомнительно покачалъ головой.

— Можетъ быть, вы сразу были настолько ошеломлены, что приняли небольшую стычку за генеральное поражение, — сказалъ онъ. — То, что вы рассказываете, превышаетъ всякое вѣроятіе.

— Я согласенъ, что это невѣроятно, и охотно пожертвовалъ бы своею головой, если мнѣ докажутъ, что я ошибаюсь.

— Какимъ же образомъ вы первый очутились въ Волочискѣ? Я не могу предположить, что вы бѣжали первый съ поля битвы. Гдѣ же тогда войска? Куда они пошли? Что съ ними сдѣлалось? Почему они не опередили васъ? На всѣ эти вопросы я тщетно жду отвѣта!

Вершулъ въ другое время не спустилъ бы задаромъ такіе вопросы, но теперь отвѣтилъ только:

— Я первый очутился въ Волочискѣ, тогда какъ другіе уходять на Ожиговецъ потому, что меня князь нарочно послалъ въ сторону, гдѣ я могъ бы соединиться съ вами, чтобъ заранѣе увѣдомить васъ. Наконецъ, вашъ отрядъ изъ пятисотъ человѣкъ теперь для него много значить: его дивизія частью погибла, частью разбѣжалась.

— Странныя вещи! — пробормоталъ Заглоба.

— Страшно подумать! Сердце разрывается, слезы сами текутъ изъ глазъ! — простоналъ Володѣевскій. — Отечество погибло, обезславлено! Такія войска — и разбиты! Настаетъ послѣдній день свѣта!

— Не перебивай его, — сказалъ Скшетусскій, — дай ему все рассказать.

Вершулъ замолкъ, словно собирался съ силами. Крупныя дождевыя капли тяжело шлепались въ придорожныя лужи; лошади съ трудомъ брели по размокшей почвѣ. Среди темной осенней ночи, подъ проливнымъ дождемъ какъ-то особенно зловѣще звучали слова Вершула, когда онъ началъ свой рассказъ.

— Если бы я не рассчитывалъ погибнуть въ бою, то, навѣрное, сошелъ бы съ ума. Вы говорите о концѣ свѣта, и я такъ же думаю, что онъ скоро наступить, потому что все расшаталось, всѣ узы порваны, зло беретъ верхъ надъ добродѣтелью и антихристъ уже ходитъ по свѣту. Вы не видали того, что видѣлъ я, но если не можете равнодушно выслушать мой рассказъ, то каково же мнѣ, свидѣтелю неслыханнаго поражения и

позора! Богъ помогаль намъ въ началѣ войны. Нашъ князь переломилъ себя и помирился подъ Чолганскимъ камнемъ съ княземъ Доминикомъ. Мы всё радовались этому согласію и благодарили Бога. Князь одержаль новую побѣду подъ Константиновымъ и вновь взялъ самый городъ. Мы пошли на Пилавецъ, хотя князь не совѣтоваль идти туда. Тутъ-то по дорогѣ и начались разные интриги и подвопы подъ князя. Его не слушали на совѣтахъ, не обращали вниманія на его слова, а, прежде всего, старались разъединить его дивизію, чтобъ онъ не могъ въ цѣлости распоряжаться ею. Еслибъ онъ сопротивлялся, на него взвалили бы всю бѣду, но онъ молчалъ, страдалъ и все переносилъ. По приказу генераль-фельдмаршала, легкіе полки остались въ Константиновѣ, вмѣстѣ съ Вурцелемъ, съ артиллеріей и Махницкимъ; пана обознаго литовскаго Осиньскаго и полкъ Боряцкаго тоже отдалили отъ князя, такъ что при немъ остались только гусары Зацвилеховскаго, два драгунскихъ полка и я съ частью моей хоругви—всего на всего менѣе двухъ тысячъ чело-вѣкъ. Съ нами начали обращаться съ нескрываемымъ презрѣніемъ; я самъ слышалъ, какъ говорили клеветы князя Доминика: «теперь послѣ побѣды уже не скажутъ, что это дѣло рукъ одного Виснѣвецкаго». Говорилось въ слухъ, что если князь еще прославится, то влияніе его усилится настолько, что при выборахъ верхъ одержитъ королевичъ Карлъ, тогда какъ они хотятъ Казимира. Еслибъ я вамъ разсказаль о паденіи дисциплины, о безумныхъ пирахъ, хвастливыхъ тостахъ и еще болѣе безумной роскоши, вы не повѣрили бы мнѣ. Что такое были колонны Пира въ сравненіи съ этими войсками, сіяющими золотомъ и драгоценными камнями! Двѣсти тысячъ слугъ, неизмѣримое количество телѣгъ шло за нами; кони падали подъ тяжестью парчевыхъ и шелковыхъ намѣтовъ, телѣги трещали подъ тяжестью серебряной посуды. Кто-нибудь подумаль бы, что мы собираемся на завоеваніе цѣлаго свѣта. Шляхта всеобщаго ополченія съ утра до ночи помахивала батогами: «вотъ, молъ, чѣмъ хамовъ успокоимъ, не вынимая сабли изъ ноженъ». А мы, старые солдаты, привыкшіе бить не разсуждая, мы уже при одномъ видѣ этого самодовольнаго нахальства предчувствовали что-то недоброе. Прежде всего, начались ссоры изъ-за пана Киселя; одни говорили, что онъ измѣнникъ, другіе защищали его. Пошли въ ходъ подъ пьяную руку сабли. Обозныхъ стражниковъ не было. Никто не смотрѣлъ за порядкомъ, никто никого не слушался, вся-

кій дѣлалъ, что ему хотѣлось, шель куда угодно, челядь тво-
рила всяческія безобразія... о, Боже милосердый! то былъ пиръ,
не война,—пиръ, на которомъ славу республики проѣли, пропили
и протанцовали до остатка.

— Мы еще живы!—сказалъ Володѣевскій.

— И Богъ на небѣ!—прибавилъ Скшетускій.

Вершуль продолжалъ далѣе:

— Мы всё погибнемъ, если только Богъ не смируется, не
перестанетъ казнить насъ и даруетъ намъ незаслуженное про-
щенье. Минутами я и самъ не вѣрю своимъ глазамъ и думаю,
что меня мучить кошмаръ.

— Рассказывайте дальше,—понукалъ Заглоба.—Вы пришли
подъ Пилавецъ и...

— И стали. О чемъ тамъ совѣтовались гетманы, я не знаю;
они дадутъ за то отвѣтъ Богу, потому что, еслибъ ударили
сразу на Хмельницкаго, побѣда осталась бы за нами, несмотря
на неурядицу и отсутствіе вождя. Между козаками пошла распря;
чернь уже хотѣла выдать старшинъ и Хмельницкаго, а самъ
онъ собирался бѣжать. Нашъ князь развѣзжалъ отъ намѣта къ
намѣту, просилъ, умолялъ, грозилъ: «ударимъ, пока не подошли
татары, ударимъ!» рвалъ волосы на головѣ, а тамъ одинъ по-
глядывалъ на другаго,— и ничего, и ничего! Пили, сеймы со-
бирали... Пришли слухи, что идутъ татары, ханъ съ двумя
стами тысячами конницы, а они совѣтуются, да совѣтуются.
Князь заперся въ своемъ намѣтѣ, потому что на него уже рѣ-
шительно никакого вниманія не обращали. Въ войскѣ начинали
поговаривать, что канцлеръ запретилъ князю Доминику вступать
въ битву, что идутъ переговоры; безпорядокъ еще болѣе уси-
лился. Наконецъ, пришли татары, но Богъ помогъ намъ: въ пер-
вый день татары наткнулись на князя, пана Осиньскаго и пана
Лаца и понесли поражение, а потомъ...

Голосъ Вершула дрогнулъ и порвался.

— А потомъ?—спросилъ панъ Заглоба.

— Пришла страшная ночь. Помню, я стоялъ на стражѣ со
своими людьми возлѣ рѣки. Вдругъ слышу, въ козацкомъ ла-
герѣ палать изъ пушекъ и кричатъ, точно привѣтствуютъ кого-
то. Я вспомнилъ, что не всё татары пришли, одинъ только Ту-
гай-бей, и подумалъ: ужь не хана ли это самого встрѣчаютъ?
А тутъ и въ нашемъ лагерѣ шумъ начинается. Я поскорѣе ту-
да, спрашиваю: что случилось? Миѣ говорятъ: «Гетманы ушли!»

Я къ князю Доминику—нѣтъ его, въ подчашему—нѣтъ къ коронному хорунжему—нѣтъ! Иисусъ Назарянинъ! Солдаты мечутся по площади, крикъ, шумъ, махаютъ факелами, кричатъ: «гдѣ гетманы? гдѣ гетманы?» другіе: «спасайтесь! измѣна! измѣна!» У всѣхъ лица, какъ у сумасшедшихъ, глаза помутившіеся, всѣ топчутся на одномъ мѣстѣ, сѣдлаютъ лошадей и скачутъ, сами не зная куда. А тутъ идетъ князь съ своими гусарами; на немъ серебряныя латы, около него несутъ шесть факеловъ, а онъ стоитъ въ стременахъ и кричитъ: «Господа, я остался, сюда, ко мнѣ!» Да гдѣ тамъ! его не слышатъ, не видятъ, летятъ на гусарь, смѣшиваютъ ихъ ряды, люди падаютъ вмѣстѣ съ лошадьми,—едва самого князя спасли,—потомъ, по затоптаннымъ кострамъ, въ густомъ мракѣ, словно бѣшенный потокъ, словно рѣка въ половодье, все войско въ дикомъ беспорядкѣ хлынуло изъ обоза, рассыпается въ разныя стороны, гибнетъ, бѣжитъ... Тѣперь уже нѣтъ болѣе войска, нѣтъ вождей, нѣтъ республики, остался только одинъ несмыаемый позоръ...

Тутъ Вершуль застоналъ. Отчаяніе его сообщились и другимъ. Долго длилось общее молчаніе. Первый заговорилъ Заглоба.

— Безъ битвы, о, шельмы! о, собачьи сыны! Помните, какъ хорохорились въ Збаражѣ, какъ собирались съѣсть Хмельницкаго безъ соли и перца? О, шельмы!

— Какже!—крикнулъ Вершуль,—они бѣжали послѣ первой побѣды надъ чернью и татарами, послѣ битвы, гдѣ даже ополченцы дрались, какъ львы.

— Во всемъ этомъ видѣнъ перстъ Провидѣнія,—сказалъ Скшетускій,—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и тайна, которая должна разъясниться.

— Если бы войско отступило,—замѣтилъ Володіевскій,—то это еще ничего, на свѣтѣ все случается, но тутъ вожди первые оставили лагерь, какъ будто для того, чтобы облегчить непріателю побѣду и отдать всю армию на гибель.

— Да, да!—согласился Вершуль.—Говорятъ, что они нарочно такъ сдѣлали.

— Нарочно? Блянусь Богомъ, этого не можетъ быть!

— Говорятъ, что нарочно, а для чего—кто знаетъ, кто догадается?

— Чтобы имъ и въ сырой землѣ не видать покоя, чтобы безславіе навѣки покрыло ихъ родъ!—воскликнулъ Заглоба.

— Аминь!—сказалъ Скшетускій.

— Аминь!—повторилъ Володѣвскій.

— Аминь!—загочилъ панъ Лонгинусъ.

— Есть одинъ человекъ, который можетъ спасти отчизну, если ему отдадутъ булаву и остатокъ силъ республики, только одинъ, потому что о другомъ ни войско, ни шляхта слышать не захочетъ.

— Бнязь!—сказалъ Скшетускій.

— Да.

— Около него будемъ стоять, около него погибнемъ. Да здравствуетъ Еремія Виснѣвецкій!—крикнулъ Заглоба.

— Да дравствуетъ!—отвѣтило нѣсколько невѣрныхъ голо-
совъ, но крикъ тотчасъ же замеръ, потому что къ минутѣ, когда земля, казалось, разступается подъ ногами, а небесный сводъ обрушивается на голову, не идутъ крики торжества и радости.

На востокѣ появился слабый отблескъ зари. Вдали начали обрисовываться стѣны Тарнополя.

В. М. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Морская обсерваторія въ Гамбургѣ.—Предсказываніе погоды.—Практическое значеніе научной помощи.

Послѣ прусско-французской войны, въ 1871 г., нѣмцы заняли высокое мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, и заняли, по мнѣнію желѣзнаго канцлера, совершенно неожиданно. Національная задача вдругъ измѣнила характеръ; всѣ усилія отнынѣ должны направляться къ одной цѣли,—къ тому, чтобы удержать за собою это блестящее положеніе.

Давно уже наука нашла въ Германіи гостепріимный кровъ, теперь же сочли необходимымъ воздвигнуть ей великолѣпные храмы и поставить на алтарь золотые сосуды.

Такъ, были построены роскошныя лабораторіи для Гельмгольца и Дюбуа-Реймона въ Берлинѣ; такъ, въ нѣсколькихъ тысячахъ шагахъ отъ Берлина, въ Шарлоттенбургѣ, выстроены новый политехникумъ, сравнительно съ которымъ дворецъ императора Вильгельма есть лишь скромный и малый флигель; такъ, въ двадцати минутахъ ѣзды отъ Берлина, въ Потсдамѣ, учреждена солнечная и астро-физическая обсерваторія и т. д.

Работа въ центрѣ усугубилась работою на окраинахъ.

Городъ Страсбургъ, за исключеніемъ знаменитаго собора, мало представляетъ интереснаго; это городъ старый и черный. Но теперь въ немъ есть новый кварталъ, состоящій изъ палатъ на мраморныхъ цоколяхъ, изъ домовъ со стеклянными крышами, съ куполами и башнями. Съ зубцовъ стѣнъ важно смотреть на удивленнаго путешественника мраморныя изваянія; кругомъ цвѣты и зелень. Все это вмѣстѣ взятое есть одинъ новый университетъ; и французскій патріотъ, оставшійся въ Страсбургѣ, услышалъ и усвоилъ лишь одно новое слово, а именно *la nouvelle université!*

На другомъ концѣ Германіи, въ Гамбургѣ, создана морская обсерваторія. Обсерваторія представляетъ изъ себя институтъ совершенно своеобразный.

Мы знакомы съ учрежденіями двухъ родовъ: во-первыхъ, съ университетами и высшими техническими школами, куда стекаются молодые люди, чтобы, начиная съ элементовъ спеціальной науки, стать въ концѣ медицинкомъ, юристомъ или инженеромъ; во-вторыхъ, съ самостоятельными обсерваторіями и академіями наукъ, т.-е. учрежденіями, состоящими изъ людей, которые должны служить лишь чистой наукѣ, изъ людей, хорошо обставленныхъ, разъ навсегда обеспеченныхъ, имѣющихъ полнѣйшую возможность запереться отъ людей, бросить общество, уйти отъ всего... Бываетъ, что они уходятъ и отъ самой науки.

Морская обсерваторія не то. Группа отличныхъ ученыхъ, составляющая ея штатъ, служа наукѣ, стараясь двигать ее впередъ, *обязана* всеми способами служить интересамъ торговаго флота, единственно и исключительно *торговало*.

Въ обсерваторіи, такимъ образомъ, нѣтъ ни академиковъ, ни студентовъ; есть названные ученые и желательно было бы, чтобы въ нее пришли за добрымъ совѣтомъ капитаны торговыхъ судовъ, механики и строители мореходныхъ инструментовъ.

Но механикъ свое дѣло знаетъ и самъ; офицеръ, прежде чѣмъ стать капитаномъ, прошелъ длинную и трудную школу. Посему, передъ постройкой поднимались отдѣльные голоса съ предостереженіями, что никакой обсерваторія не надо, что никто къ ней не обратится. Такіе голоса остались, однако, единичными, никто на нихъ не обратилъ вниманія; на постройку института казна отпустила сотни и сотни тысячъ и была осуществлена обширная организація съ центромъ въ обсерваторіи.

Надежда оправдалась блестящимъ образомъ.

Обсерваторія наполнилась агентами торговаго флота. Они стеклись, чтобы послушать разъясненіе болѣе трудныхъ вопросовъ теоретическаго мореплаванія и взаимно разсказать, что сами видѣли въ далекихъ странахъ; одною рукою брали наблюденія, произведенныя въ обсерваторіи, другою давали свои собственныя. Механики, часовыхъ дѣлъ мастера пришли толпой, прося указать имъ ихъ ошибки, дать совѣтъ, какъ усовершенствовать инструменты, почитать въ библіотекѣ и всегда открытой читальнѣ, посмотреть модель, взглянуть на карту,—жизнь закипѣла.

На этой обсерваторіи мы остановимъ вниманіе читателя.

Она носитъ официальное названіе Deutsche Seewarte, т.-е. нѣмецкая морская обсерваторія, для обозначенія, что она не принадлежитъ самому городу Гамбургу, а есть общегосударственное учрежденіе.

Хозяйство обсерваторіи сложное, инвентарь ея богатый. Чтобы бесѣда наша не вышла слишкомъ длинною, коснемся лишь нѣкоторыхъ сторонъ ея дѣятельности. Начнемъ съ метеорологическаго отдѣленія.

Погода имѣетъ большое вліяніе на всю органическую жизнь; но особенное значеніе пріобрѣтаетъ она въ глазахъ сельскаго хозяина и моряка. Чрезвычайно важно имѣть возможность предугадывать погоду напе-

редъ. Но есть ли возможность въ настоящее время предсказать погоду и если есть, то на какихъ условіяхъ? Возможность есть, но только на короткое время, на какихъ-нибудь 20 или 24 час. напередъ; притомъ же, осуществить ее очень трудно и стоитъ весьма дорого. Посмотримъ, что надлежало бы сдѣлать для такихъ предсказаній, напр., въ Москвѣ. Вообразимъ себѣ около Москвы, какъ около центра, кругъ радиусомъ въ 200 или 250 географическихъ миль. Въ такомъ кругѣ будетъ лежать все Бѣлое море и добрая часть Ледовитаго океана, весь Уральскій хребетъ, половина Каспійскаго моря, все Черное, затѣмъ Константинополь, Вѣна, Берлинъ и вся Швеція.

Въ этомъ громадномъ районѣ надо было бы размѣстить достаточное число метеорологическихъ станцій, посадить въ нихъ хорошихъ наблюдателей и связать всѣ станціи телеграфомъ. Теперь, если желаемъ, напр., въ понедѣльникъ предугадать погоду на вторникъ, то въ понедѣльникъ утромъ надо сдѣлать полный рядъ метеорологическихъ наблюдений на всѣхъ станціяхъ нашего района, передать сейчасъ же по телеграфу результатъ наблюдений въ Москву и здѣсь искусный метеорологъ, сообразуясь съ температурою, барометрическимъ давленіемъ, направлениемъ вѣтровъ и ихъ измѣненіями по разнымъ мѣстамъ, можетъ составить предсказаніе на завтрашній день, въ нашемъ примѣрѣ на вторникъ.

Другими словами, угадать погоду можно лишь на основаніи наблюдений, сдѣланныхъ въ одинъ и тотъ же моментъ на разныхъ и очень удаленныхъ другъ отъ друга станціяхъ. Нанесемъ результатъ одновременныхъ наблюдений на географическую карту; подобныя карты зовутся *синоптическими*. Онѣ изображаютъ въ маломъ видѣ воздушный океанъ и по нимъ мы можемъ видѣть, можемъ слѣдить за каждою его волною, за всякимъ теченіемъ. Система одновременныхъ наблюдений составляетъ капитальный шагъ впередъ; она теперь уже дала богатый результатъ и служить залогомъ будущихъ успѣховъ.

Не будемъ, однако, забывать, что между метеорологическимъ предсказаніемъ и предсказаніемъ астрономическимъ, напр., солнечнаго затмѣнія, есть громадная разница. Можно смѣло дать голову на отсѣченіе, что предсказанное на сотни лѣтъ впередъ затмѣніе состоится въ обозначенный моментъ, между тѣмъ какъ изъ 100 метеорологическихъ предсказаній на нѣсколько десятковъ часовъ впередъ среднимъ числомъ 80 состоится, 20 же не оправдается.

Организація, подобная той, о какой мы говорили, осуществлена для обсерваторіи въ Гамбургѣ.

Открытъ цѣлый рядъ станцій, преимущественно по морскому берегу; кромѣ того, обсерваторія вошла въ сношеніе со многими иностранными учрежденіями этого рода, такъ что ежедневно, даже два раза въ день, получаютъ телеграммы изъ разныхъ станцій, лежащихъ на всемъ протяженіи района, описанныхъ выше размѣровъ.

Около пяти часовъ вечера въ нѣсколькихъ мѣстахъ города, на улицѣ, вывѣшиваются объявленія объ ожидаемой на слѣдующій день погодѣ. Такимъ образомъ, погода въ Гамбургѣ и ближайшихъ окрестностяхъ извѣстна за 24 часа, не только въ главныхъ чертахъ, но и съ нѣкоторыми подробностями.

Кромѣ собственно метеорологическихъ станцій, есть еще особые сигнальные пункты, расположенные по морскому берегу и прибрежнымъ островамъ отъ Боркума до Мемеля. Въ этихъ пунктахъ находятся высокія мачты, на которыхъ вывѣшиваются сигналы въ случаѣ приближенія шторма. Когда обсерваторія, соображаясь съ состояніемъ атмосферы, найдетъ нужнымъ, въ сигнальные станціи отправляются телеграммы, а чтобы надсмотрщики станцій не манкировали, имъ приказано сейчасъ же давать отвѣтъ, что телеграмма получена и сигналъ поднять.

Метеорологическая дѣятельность обсерваторіи имѣла большой успѣхъ. Оказалось до такой степени важнымъ знать ежедневно погоду въ разныхъ уголкахъ Европы и предугадывать въ извѣстномъ мѣстѣ, что и правительство, и публика содѣйствуютъ расширенію этой дѣятельности. Многія газеты обратились съ просьбою выработать условія, на которыхъ бы онѣ могли получать отъ обсерваторіи метеорологическія телеграммы.

Абонементъ былъ открытъ. Плата состоитъ изъ двухъ частей: изъ платы за составленіе телеграммъ и изъ платы за ихъ передачу.

Однѣ редакціи требуютъ болѣе, другія менѣе пространныхъ свѣдѣній; однѣ преимущественно изъ одной, инныя изъ другой части Европы. Нѣкоторые, наконецъ, редакціи, для того чтобы успѣшнѣе пользоваться телеграммой обсерваторіи для угадыванія погоды своего города, для того чтобы лучше приладиться къ мѣстнымъ условіямъ, открыли свои собственные метеорологическія станціи подъ руководствомъ опытныхъ ученыхъ.

Успѣхъ этой «газетной метеорологіи» всецѣло зависитъ отъ привлеченія къ дѣлу именно опытныхъ специалистовъ, а отнюдь не дилетантовъ и самоучекъ.

Многіе читатели, вѣроятно, помнятъ, что въ концѣ 1883 г. послѣ захода солнца по небу сталъ разливаться какой-то красный, необыкновенный свѣтъ, до того яркій, что серпъ луны, вслѣдствіе контраста, принималъ зеленоватый оттѣнокъ. Эта странная заря обратила на себя всеобщее вниманіе, о ней много писали, но первый, напавшій на мысль, что явленіе происходитъ отъ присутствія въ воздухѣ пыли, выброшенной вулканомъ Кракатоа, былъ метеорологъ *Фоссовой* газеты.

Въ 1880 году метеорологическія наблюденія публиковали: въ Пруссіи 32 газеты, въ Саксоніи 6, Баваріи 5, Вюртембергѣ 5, Меклембургѣ 4, въ Гамбургѣ 5 и т. д.

Всѣ метеорологическія телеграммы шифрованныя и выражаются цифрами. Весьма не трудно составить себѣ ясное и точное понятіе о томъ,

какъ это устроить. Въ самомъ дѣлѣ, знать погоду въ какомъ-нибудь мѣстѣ значить знать высоту барометра, направление вѣтра, температуру и т. д. Высоту барометра принято теперь выражать въ миллиметрахъ; пусть, для примѣра, она будетъ 769,3 миллим. Такъ какъ въ мѣстахъ не очень возвышенныхъ высота барометра всегда больше 700 миллим. и цифру 7 пришлось бы повторять каждый разъ, то условимся подразумѣвать ее, будемъ, кромѣ того, для краткости, пропускать запятую, отдѣляющую десятые доли; такимъ образомъ, вмѣсто 769,3 напишемъ 693.

Вѣтеръ получаетъ свое названіе отъ той стороны горизонта, откуда дуетъ. На горизонтѣ есть, прежде всего, четыре главные точки: сѣверъ, востокъ, югъ и западъ, которыя обозначаются буквами N, E, S, W. Кромѣ этихъ главныхъ точекъ или направлений, есть и промежуточные: сѣверо-востокъ NE, юго-востокъ SE и т. д. Моряки различаютъ 32 направления, но въ метеорологіи употребляется только 16. Для телеграфной передачи условимся называть эти направления не словами и даже не буквами, а цифрами. Такъ, востокъ обозначимъ цифрою 8, югъ 16, западъ 24, сѣверъ 32; промежуточные страны обозначимъ промежуточными цифрами и вмѣсто, напр., юго-западнаго направленія будемъ телеграфировать 20. Но однимъ направленіемъ вѣтеръ не характеризуется; кромѣ направленія, надо знать его силу или его скорость. Въ настоящее время имѣются снаряды, такъ называемые анеометры, позволяющіе прямо сказать, сколько метровъ пролетаютъ частицы воздуха въ одну секунду, но совершенно достаточно, въ большинствѣ случаевъ, опредѣлять скорость вѣтра лишь приблизительно. Вотъ одна изъ употребительныхъ скалъ, состоящая изъ семи подраздѣленій: тихо, вѣтеръ слабый, умѣренный, свѣжій, сильный, буря и ураганъ. Вѣтеръ называется слабымъ, если онъ едва движетъ флагъ, свѣжимъ — если приходятъ въ движеніе вѣтви деревьевъ; буря колышетъ цѣлыя большія деревья и т. д. Названныя подраздѣленія мы опять будемъ обозначать цифрами отъ 0 до 6. Мы привели, для простоты, скалу о семи подраздѣленіяхъ, употребляемую на сушѣ; моряки принимаютъ англійскую, состоящую изъ 12 градаций.

Для обозначенія температуры прямо передаются градусы и ихъ десятые доли по термометру Цельсія; запятая, конечно, пропускается; если термометръ стоитъ ниже нуля, то его показаніе вычитается изъ 50 и остатокъ передается вмѣсто непосредственнаго показанія; это дѣлается для того, чтобы не передавать слова *морозъ* или знака *минусъ*.

Кромѣ температуры, надо опредѣлять еще влажность воздуха. Есть нѣсколько прямыхъ и косвенныхъ способовъ опредѣлять влажность. Поставимъ рядомъ два термометра и обернемъ шарикъ одного изъ нихъ мокрымъ батистомъ. При испареніи воды изъ батиста происходитъ охлажденіе и термометръ, который мы будемъ звать *мокрымъ*, опустится ниже обыкновеннаго. Зная разность показаній обоихъ термометровъ, можно вычислять степень насыщенія воздуха водянымъ паромъ.

Теперь остается условиться разъ навсегда, въ какомъ порядкѣ передавать цифры, чтобы не произошло ни путаницы, ни какихъ бы то ни было недоразумѣній. Пусть первыя три цифры обозначаютъ барометръ, слѣдующія двѣ—направление вѣтра, затѣмъ одна цифра — силу вѣтра и по три—обыкновенный и мокрый термометры. Всѣ цифры раздѣлимъ на три группы. Такимъ образомъ, наша схема будетъ слѣдующая:

ББВВ   СТТТ   ттт

Если какой-нибудь цифры не будетъ, то на ея мѣсто поставимъ нуль.

Принимая во вниманіе все вышесказанное, намъ не составятъ ни малѣйшаго затрудненія прочесть, напр., такую телеграмму:

40304   5147   132.

Она обозначаетъ: барометръ 740,3 милл., вѣтеръ 04 или NE, т.-е. сѣверо-восточный, сила 5, что обозначаетъ бурю, температура 14°,7 Ц., показаніе мокрого термометра 13°,2 Ц.

Метеорологическія свѣдѣнія, передаваемые по телеграфу въ обсерваторію, болѣе полныя; въ нихъ обозначаются форма облаковъ, степень синевы неба, наибольшая и наименьшая температура сутокъ, дождь, снѣгъ и т. д.

Каждая телеграмма состоитъ изъ группъ цифръ, непременно по *пяти* знаковъ въ каждой группѣ.

Но намъ нѣтъ никакой надобности болѣе останавливаться на этомъ, ибо и такъ механизмъ передачи метеорологическихъ телеграммъ совершенно понятенъ: всякое атмосферное явленіе опредѣляется цифрою и мѣстомъ, занимаемымъ этою цифрою въ телеграммѣ.

Непремѣннымъ условіемъ успѣха являются при этомъ быстрота и правильность въ произведеніи наблюденій, въ ихъ вычисленіи и передачѣ по телеграфу въ обсерваторію. Не будемъ забывать, что человекъ поставилъ себѣ смѣлую задачу опередить тучи и вѣтеръ,—медлить некогда.

Въ извѣстные часы метеорологическое отдѣленіе обсерваторіи представляетъ удивительное зрѣлище, о какомъ и не снилось философамъ добраго стараго времени. Телеграфныя станкіи работаютъ; одна черезъ другую летятъ телеграммы изъ С. Готарда и Норвегіи, изъ Москвы и Лондона; онѣ подхватываются на лету, читаются, наносятся на карты, по которымъ тутъ же составляется предсказаніе погоды на завтра, предназначенное для немедленнаго выставленія въ нѣсколькихъ публичныхъ мѣстахъ; пишутся и отправляются газетныя телеграммы, а если обнаруживается приближеніе бури, то во всѣ береговыя сигнальныя станціи даются телеграммы о поднятіи штормовыхъ знаковъ. Глядя на все это, кажется, что находишься въ мозгу гиганта, котораго нервы опутываютъ всю страну, а длинныя руки размахиваютъ по всему протяженію морскаго берега.

Отрадно любоваться великолѣпною картиною прогресса, но еще утѣшительнѣе прислушиваться къ нареканіямъ передовыхъ людей, всматри-

ваться въ припадки грусти и унынія, ибо въ этомъ залогъ дальнѣйшаго развитія, это—пламенѣніе внутренняго очага, жгучаго, мучительнаго, но толкающаго машину все впередъ и впередъ.

На римскомъ метеорологическомъ конгрессѣ 1879 г. Скоттъ жаловался, что мало надежды довести европейскую телеграфную метеорологическую службу хотя *приблизительно* до той степени развитія, какую она имѣетъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Для Гузо (Houzeau) и Бейсъ-Баллота двухъ-трехъ телеграммъ въ день мало; они хотятъ въ разныхъ мѣстахъ поставить самопишущіе снаряды, соединить эти снаряды проволоками съ центральной станціею, чтобы тутъ на одномъ столѣ, бокъ-о-бокъ, день и ночь само собою записывалось состояніе атмосферы въ разныхъ концахъ государства. И несомнѣнно, скоро придетъ время, когда мы такъ себѣ, мимоходомъ, замѣтимъ въ какомъ-нибудь листкѣ краткое извѣстіе, что *телеметеорографія* заведена гдѣ-нибудь на широкую ногу; въ маломъ масштабѣ она существуетъ и теперь уже.

Духовная жажда, незамѣтная и рѣшительно непонятная, для очень многихъ имѣетъ иногда роковой исходъ.

Шефъ метеорологическаго бюро адмиралъ Фидрой организовалъ въ Англіи въ 1861 году предостереженія о приближеніи штормовъ. Дѣло было совершенно новое и невѣдомое. Несмотря на величайшее умственное усиліе, на громадную работу, на издержки, многія изъ предостереженій не оправдывались; со всѣхъ сторонъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, раздались свистки, вмѣсто добраго совѣта, насмѣшки, вмѣсто участія, и глубоко огорченный метеорологъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Миръ праху талантливаго піонера, погибшаго на форпостахъ въ борьбѣ за науку!

Предсказаніе на завтрашній день имѣетъ для публики лишь временное значеніе; прошелъ день, объ немъ и позабыли. Но въ ту минуту, когда объ немъ забыла публика, оно стало особенно интереснымъ для наблюдателя. Теперь надъ нимъ будутъ сидѣть и думать, будутъ сравнивать предсказаніе съ тѣмъ, что было на самомъ дѣлѣ, рассучать его по ниточкамъ, разберутъ по частямъ.

Это наблюдательнѣе учится сама и каждый день становится все опытнѣе, все умнѣе.

Мы сами встрѣчаемся ежедневно съ разными предсказаніями, но предсказаніями другаго рода. Таковы: Брюсовъ календарь, карты дѣвицы Ленорманъ, раскрытыя тайны индійской Агга-Нури и цѣлый рядъ примѣтъ, въ которыя особенно вѣрують сельскіе хозяева. И чѣмъ хозяинъ лучше, ревностнѣе и старше, тѣмъ примѣты его сложнѣе и хитрѣе. Ученая цѣна всѣмъ такимъ предсказаніямъ одинакова; ихъ образцомъ и типомъ отлично можетъ служить весьма распространенная примѣта, что черная ко́рова, идущая впереди стада, предвѣщаетъ дождь.

Любопытно остановиться нѣсколько секундъ надъ вопросомъ: нельзя ли помочь дѣлу популярными чтеніями и статьями? Нѣтъ, нельзя. Успѣхъ

если и будетъ, то весьма малый. Астрологія исчезла не потому, что противъ нея раздавались ораторскія рѣчи, а потому, что каждый годъ календарь давалъ будущія положенія планетъ и будущія затмѣнія и мало-по-малу всѣ получили глубочайшее убѣжденіе въ непреложности сихъ предсказаній, въ неизмѣнной законности небесныхъ движеній и въ томъ, что человѣкъ изучилъ эти явленія. Такъ и въ метеорологіи. Когда привыкнуть ежедневно находить въ газетахъ метеорологическій бюллетень, а гдѣ-нибудь на Тверской или на Кузнецкомъ объявленіе о погодѣ на завтра, тогда только исчезнетъ изъ метеорологіи черная корова.

Въ обсерваторіи разрабатывается также и метеорологія другого сорта, такъ называемая морская. Океанъ представляетъ много разныхъ явленій; и для науки, и для практики весьма важно все лучше и лучше изучать эти явленія. Обсерваторія поэтому проситъ и предлагаетъ, не угодно ли кому-нибудь изъ капитановъ купеческаго флота дѣлать во время путешествія наблюденія.

Согласившемуся обсерваторія дастъ живообразно барометръ, термометръ и другіе нужные инструменты, — инструменты отличные, хорошо выѣренные, даже установить сама на борту. Дастъ журналъ, большую хорошо переплетенную, разграфленную книгу и скажетъ, что и когда записать въ каждой графѣ.

Есть на обсерваторіи комната, вся наполненная такими журналами.

Всѣ книги совершенно одинаковы по виду, точно вышли только что изъ рукъ переплетчика, а, между тѣмъ, каждая изъ нихъ была на кораблѣ и наполнилась цифрами въ далекомъ уголѣ земли.

Обсерваторія взяла на себя задачу изучить полосу Атлантическаго океана, ограниченную параллелями 20 и 50 градусовъ сѣверной широты.

Изучаются температура воды и воздуха, течения, облачность и т. п.

Чтобы показать, къ чему приводитъ подобное изслѣдованіе, возьмемъ примѣръ, однако, не изъ архивовъ весьма еще молодой обсерваторіи, а изъ англійскихъ и американскихъ источниковъ.

Есть два сорта морской бури: 1) буря, при которой масса воздуха съ огромною скоростью стремится подобно рѣкѣ по руслу, и 2) болѣе частые, по крайней мѣрѣ, въ Атлантическомъ океанѣ, и болѣе опасные такъ называемые циклоны.

Циклономъ называется масса воздуха, образующая круговоротъ. Величина такого круговорота весьма значительна, выражается сотнями морскихъ миль, а иногда принимаетъ и гигантскіе размѣры. Частицы воздуха, двигаясь кругомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, приближаются къ срединѣ циклона, описывая спирали, закрученныя внутрь. Скорость движенія въ разныхъ частяхъ весьма различна. На краяхъ вѣтеръ слабый, къ срединѣ быстро возрастаетъ и приобретаетъ силу всеразрушающаго урагана. Въ самой срединѣ, однако, либо совсѣмъ тихо, либо дуетъ слабый, измѣн-

чивый вѣтеръ. Величина этой срединной области мѣняется, какъ и самаго циклона, въ широкихъ предѣлахъ; въ разныхъ случаяхъ она имѣла 10, 20 даже 30 морскихъ миль въ діаметръ. Круговоротъ не стоитъ на одномъ мѣстѣ, но передвигается. Скорость этого передвиженія, которую не слѣдуетъ смѣшивать со скоростью вѣтра внутри, тоже весьма различна для разныхъ циклоновъ; она даже мѣняется современемъ у одного и того же шторма.

Были случаи, когда центръ циклона перемѣщался съ быстротою 50 англійскихъ миль въ часъ; были случаи, когда этотъ центръ шелъ медленнѣе пѣшехода. Путь, по которому движется центръ, обыкновенно изогнутъ на подобіе параболы, иногда прямолинейный, часто весьма сложный, съ извилинами и узлами. Перемѣщеніе циклона, очевидно, даетъ возможность напередъ оповѣстить его появленіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда скорость и направленіе его движенія могутъ быть болѣе или менѣе точно опредѣлены.

Вообразимъ себѣ рядъ барометровъ, расположенныхъ по радіусу циклона. Высота ихъ будетъ не одинакова; она уменъшается къ срединѣ, въ которой всегда есть барометрическій мінімумъ, представляющій явленіе, самымъ тѣснымъ образомъ связанное со штормомъ.

Не одно судно встрѣтилось съ циклономъ и нѣтъ недостатка въ описаніяхъ грознаго метеора.

Одна непрерывная черная туча покрываетъ все небо, дождь льетъ, точно разверзлись хляби небесныя; волны, достигши громаднхъ размѣровъ горъ и пирамидъ, валятся и хлещутъ со всѣхъ сторонъ, заливая палубу, проникая во всѣ отверстія, унося людей и предметы; вихрь дуетъ неровно, какими-то судорожными порывами; все трещитъ, все рвется; подчасъ при бѣшенномъ порывѣ вѣтра лохмотьями слетаетъ съ плечъ шерстяная рубашка, а концы канатовъ до крови ранятъ головы и лица; свистъ, шумъ, грохотъ, ни команды, ни крика не слышно, даже громъ не выдѣляется, хотя молнія безпрестанно пронизываетъ воздухъ; къ ночи тьма становится совершенно непрозрачная, небо и земля смѣшиваются въ одинъ безобразный хаосъ.

И судно, богато нагруженное цѣнными товарами, съ бравою командою, съ веселыми пассажирами, что такъ недавно стройно колыхалось на зеркальной поверхности воды, блистая лебединою грудью бѣлыхъ парусовъ, превращается въ щепку, въ которую вцѣпились коснѣющими пальцами несчастные, обезумѣвшіе люди.

Корабль, находящійся въ открытомъ морѣ, разобщенный съ берегами, не можетъ быть, само собою разумѣется, увѣдомленъ, что штормъ возникъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Если есть возможность получить предостереженіе, то оно заключается единственно въ аккуратномъ наблюденіи барометра, каковой снарядъ и долженъ непремѣнно находиться на борту. Барометръ обыкновенно начинаетъ падать, прежде чѣмъ обнаруживаются

какія бы то ни было иные признаки приближающейся опасности. Съ той минуты, когда вѣтеръ подулъ и обнаружился циклонъ, всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы выбраться изъ него и не попасть въ средину. Мы видѣли уже, что опасность возрастаетъ съ каждымъ шагомъ, приближающимъ судно къ срединѣ; разница въ нѣсколько морскихъ миль можетъ имѣть роковыя послѣдствія; въ самой срединѣ вѣтра нѣтъ, но это по истинѣ тишина смерти. Здѣсь волны особенно громадны и неправильны; онѣ дико бѣгутъ со всѣхъ сторонъ, перекрещиваются и смѣшиваются; поверхность океана точно кипитъ въ какомъ-то адскомъ котлѣ.

Сообразить, въ какой сторонѣ находится центръ циклона, не трудно. Въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что движеніе воздуха происходитъ всегда такъ, что если вѣтеръ дуетъ прямо въ спину, то центръ находится какъ разъ налѣво, въ сѣверномъ полушаріи земли, и какъ разъ направо—въ южномъ. Правило это извѣстно подъ названіемъ закона Бейсъ-Баллота. Если направленіе вѣтра мѣняется, то значить, что центръ перемѣщается. Къ несчастью, нельзя опредѣлить разстоянія, на какомъ находится центръ, нельзя, слѣдовательно, сказать, приближается ли онъ, или удаляется; возможны лишь скудныя догадки на основаніи быстроты паденія барометра, измѣненія вѣтра и волнъ.

По мѣрѣ развитія метеорологическихъ ученій, уяснились законы циклоновъ и ставилось возможнымъ бороться съ ними.

Ридъ и Пиддингтонъ составили правила, понятныя, впрочемъ, лишь для моряковъ, какъ управлять судномъ для того, чтобы выбраться изъ циклона.

Приведемъ примѣръ, ярко выставляющій всю важность этихъ правилъ.

Англійскій флотъ, состоящій изъ военныхъ кораблей адмирала Роднея, извѣстнаго участника сѣверо-американской войны за независимость, изъ взятыхъ французскихъ кораблей и множества торговыхъ судовъ, потерпѣлъ страшное крушеніе 16 сентября 1782 г. Однихъ людей погибло болѣе *трехъ тысячъ*. Хорошо извѣстны распоряженія, сдѣланныя для встрѣчи шторма; они были, къ несчастью, какъ разъ противны правилу Рида; но теоріи циклоновъ тогда еще не было, нечему было защитить флотъ, и гордые корабли, вооруженные сотнями пушекъ, пошли ко дну.

Бороться съ силами природы можетъ лишь человѣкъ, стоящій на извѣстной высотѣ культуры; для командованія ими необходимо подняться еще выше.

Случаи изъ жизни людей, поднявшихся на эту болѣе высокую ступень, вспоминаются съ удовольствіемъ и извѣстною гордостью; мы можемъ разсказать объ одномъ такомъ случаѣ.

Капитанъ Эрскинъ, командиръ военнаго судна *Наватта*, шелъ съ мыса Доброй Надежды въ Сидней. На дорогѣ попался штормъ. Капитанъ, отличный знатокъ морской метеорологіи, сообразилъ, что штормъ шелъ по

одной съ нимъ дорогѣ, смѣло вошелъ въ его область, превосходно управляя судномъ, держался въ надлежащемъ мѣстѣ относительно средины, позволилъ нести себя и на крыльяхъ циклона пролетѣлъ въ четыре дня 1,200 морскихъ миль.

Несмотря на чрезвычайную важность теоретическихъ познаній, они мало распространены между органами торговаго флота, и морская обсерваторія старается исправить эту крупную ошибку.

Отдѣленіе морской метеорологин, какъ мы уже сказали, поставило себѣ задачей изученіе части Атлантическаго океана, лежащей между 20 и 50 градусами сѣверной широты. Кромѣ того, отдѣленіе зорко слѣдитъ за всякими вообще изслѣдованіями какихъ бы то ни было морей.

Вънецъ этой дѣятельности, высокій и благородный результатъ ея составляютъ тѣ наставленія, которыя обсерваторія выдаетъ отправляющимся въ плаваніе и, притомъ, выдаетъ даромъ, скоро, съ удовольствіемъ всякому желающему: и нѣмцу, и чужестранцу, и капитану громаднаго трансатлантическаго парохода, и шкиперу суденышка, таскающаго норвежскій ледь.

Посмотримъ теперь, что дѣлается въ другихъ частяхъ института.

Кто изъ насъ не восхищался описаніями далекихъ плаваній,—не одинъ, можетъ быть, мечталъ о нихъ,—но любопытно было бы знать, многіе ли задавались вопросомъ, какимъ это образомъ находятъ путь по безбрежному океану, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни дорожныхъ столбовъ. Постоянно дующій вѣтеръ и налетѣвшій штормъ сбиваютъ судно съ дороги, по которой оно шло, морское теченіе непрерывно уноситъ его въ сторону, и, все-таки, капитанъ не блуждаетъ, не ворочается, ни у кого не спрашиваетъ, а лишь мѣняетъ надлежащимъ образомъ свой курсъ, дѣлая это рѣшительно и самоувѣренно, и приводитъ судно къ назначенному мѣсту. Дѣло это нелегкое; есть цѣлая наука о кораблевожденіи, въ которой излагаются всѣ относящіяся сюда правила и способы.

Нетрудно составить себѣ нѣкоторое понятіе о задачахъ, рѣшаемыхъ въ названной наукѣ.

Чтобы попасть въ мѣсто назначенія, необходимо, во-первыхъ, постоянно знать, гдѣ находится судно, надо умѣть, по первому требованію, поставить на географической картѣ крестикъ, обозначающій точное мѣсто судна. Относящіяся сюда задачи суть чисто астрономическія и весь механизмъ рѣшенія ихъ придуманъ астрономами. Рѣшаются онѣ посредствомъ наблюденій надъ звѣздами при помощи небольшого углоизмѣрнаго прибора, называемаго секстантомъ, и хронометра, т.-е. весьма точныхъ часовъ. Безъ этихъ инструментовъ ни одно судно не можетъ уйти въ плаваніе.

Необходимо, во-вторыхъ, умѣть попасть изъ опредѣленнаго астрономическаго мѣста въ мѣсто назначенія. Главный инструментъ при этомъ есть компасъ или магнитная стрѣлка, имѣющая, какъ извѣстно, свой-

ство обращаться постоянно концомъ своимъ на сѣверъ. Она даетъ возможность повернуть судно къ сѣверу, къ востоку или въ какую угодно другую сторону горизонта и поддерживать постоянно это направление, ибо всякій поворотъ, какой бы тихій и медленный онъ ни былъ, скажется на компасѣ, стоитъ только не спускать глазъ съ компаса и слѣдить за нимъ день и ночь; такъ и дѣлають.

Конечно, если бы стрѣлка обращалась не къ сѣверу, а къ другой сторонѣ горизонта, и мы бы этого не знали, то шли бы по ложному направлению и не попали бы въ мѣсто назначенія. Въ дѣйствительности магнитная стрѣлка не показываетъ точно на сѣверъ; конецъ ея, въ разныхъ мѣстахъ земли, отклоняется то къ востоку, то къ западу, но это такъ называемое *склоненіе* стрѣлки тщательно изучается и учитывается при назначеніи пути. Существуютъ особыя карты, на которыхъ показано склоненіе для разныхъ мѣстъ земной поверхности.

Но показаніе стрѣлки, даже поправленное за склоненіе, можетъ быть ложнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, весьма не трудно вызвать стрѣлку на такое ложное показаніе. Стоитъ только поднести къ ней кусокъ желѣза, она отклонится и не станетъ показывать на сѣверъ. На деревянномъ суднѣ можно всегда устроиться такъ, что вблизи компаса желѣза не будетъ; но теперешнія суда не деревянные, а желѣзные. Желѣзо въ рукахъ современнаго инженера оказалось и крѣпче, и дешевле, и легче дерева; желѣзные суда имѣютъ громадныя преимущества передъ деревянными. Масса желѣза, изъ котораго они состоятъ, не можетъ, конечно, не оказывать вліянія на компасъ; вліяніе дѣйствительно существуетъ и магнитная стрѣлка на борту желѣзнаго корабля не указываетъ на сѣверъ. Такое уклоненіе особенно большое на броненосцахъ, вооруженныхъ пушками. Показанія двухъ компасовъ одного и того же броненосца могутъ разниться на 70 или на 80 градусовъ; въ исключительныхъ случаяхъ разница можетъ пріобрѣтать еще большую величину и доходить до 90 и до 100 градусовъ. Придерживаясь показанія одного компаса, пришлось бы идти совсѣмъ въ другую сторону, нежели придерживаясь другаго. Которому же вѣрить? Конечно, ни одному, ибо оба даютъ совершенно ложное показаніе.

Но, можетъ быть, дѣло не такъ плохо, какъ кажется, можетъ быть, наши стрѣлки не показываютъ на сѣверъ, но каждая изъ нихъ, все-таки, сохраняетъ постоянное направленіе, можетъ быть, одна всегда обращена къ сѣверо-востоку, другая къ сѣверо-западу. Если такъ, то мы опредѣлимъ это постоянное направленіе помощью астрономическихъ наблюденій для каждой стрѣлки и будемъ всегда принимать во вниманіе, что стрѣлка обращена не къ сѣверу, а, напр., къ сѣверо-востоку. Если нѣтъ, то такъ поступить нельзя. При поворачиваніи желѣзнаго судна поворачиваются и стрѣлки то больше, то меньше, одна налѣво, другая направо. Однимъ словомъ, мы потеряли таинственную руку, вѣчно вытянутую къ сѣверу,

которая веда по безбрежному океану. Дѣло казалось совершенно потеряннымъ, но только казалось. И изъ этого лабиринта, какъ и изъ многихъ, вывела Ариаднина нить теоретическаго изслѣдованія.

Французскій математикъ Пуассонъ составилъ теорію явленія, — тотъ самый Пуассонъ, который говаривалъ, что жизнь хороша по двумъ причинамъ: потому, что даетъ возможность самому учиться математикѣ, и, во-вторыхъ, потому, что даетъ возможность учить ей другихъ.

Измѣнчивость компаса въ разсматриваемомъ случаѣ происходитъ оттого, что желѣзо, на которое мы привыкли смотрѣть, какъ на образецъ крѣпости и неизмѣняемости, мѣняется въ высшей степени легко свое магнитное состояніе не только вблизи магнита, но и подъ вліяніемъ земли, дѣйствующей какъ большой магнитъ. Достаточно слегка повернуть въ рукахъ желѣзную полосу, чтобы въ ней что-то перемѣнилось; я не знаю, что это тамъ мѣняется, но мѣняется навѣрное, ибо дѣйствіе полосы на магнитную стрѣлку не постоянно и зависитъ отъ положенія полосы относительно горизонта.

Представимъ себѣ, что держимъ за оба конца желѣзный пруть. Будемъ держать его въ горизонтальной плоскости, перпендикулярно къ стрѣлкѣ компаса, и поднесемъ лѣвый конецъ прута къ концу стрѣлки, обращенному къ югу; желѣзный пруть не будетъ оказывать никакого вліянія на компасъ.

Если теперь, не двигая лѣвой руки съ мѣста, опустимъ правый конецъ прута внизъ, то стрѣлка тотчасъ же начнетъ отталкиваться и уходить отъ лѣваго конца полосы, не измѣнившаго своего мѣста, и наоборотъ, поднявъ правый конецъ вверхъ, мы сейчасъ замѣтимъ, что стрѣлка притягивается къ лѣвому концу, который, какъ и въ первомъ случаѣ, опять-таки неизмѣнно находится у южнаго полюса стрѣлки. Каждый, у кого есть достаточно чувствительный компасъ, можетъ повторить этотъ простой и весьма любопытный опытъ, взявъ вмѣсто желѣзнаго прута простую кочергу. Магнитное состояніе прута въ этомъ опытѣ мѣняется подъ вліяніемъ земли; всякая желѣзная вещь намагничивается этимъ вліяніемъ такъ, что сѣверный полюсъ оказывается внизу; при переворачиваніи желѣзной вещи сію же минуту перемѣняются и магнитные полюсы.

Когда вращается судно, то положеніе желѣзныхъ частей относительно горизонта мѣняется, мѣняются ихъ магнитныя состоянія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вліяніе на стрѣлку. Отсюда происходитъ различное отклоненіе компаса при разныхъ положеніяхъ корабля. Эти измѣненія, хотя и весьма сложные, можно изучить. Для этого въ портѣ, до путешествія, дѣлаютъ особое изслѣдованіе, а именно опредѣляютъ, помощью надлежащихъ измѣреній, направленія стрѣлки для 8, 16, 24 или 32 направленій судна, которое, при этомъ, постепенно поворачиваютъ, не сходя съ мѣста.

На основаніи такихъ наблюденій можно уже вычислить исправленное

показаніе магнитной стрѣлки, или, какъ говорится, *девіацію* компаса для всякаго промежуточнаго положенія судна.

И разъ *девіація* изучена, на желѣзномъ кораблѣ можно плавать съ такою же безопасностью, съ какою плылъ мѣенческій корабль, въ корну котораго, по прекрасному сказанію, богиня мудрости вставила кусокъ священнаго дуба.

Исслѣдованіе *девіаціи* компаса есть, слѣдовательно, дѣло чрезвычайно важное и серьезное. Считается, что не менѣе *четыре*хъ *пяти*хъ несчастій съ желѣзными парходами вблизи береговъ происходитъ отъ недостаточнаго знанія уклоненій компаса. Но теоріи, въ особенности математическія, прививаются туго, понять ихъ не легко, на первый взглядъ часто не видно, какъ ихъ и приладить къ практическому вопросу, а по-сему морская обсерваторія, отводя важное мѣсто оригинальнымъ исслѣдованіямъ, помогаетъ желающимъ ознакомиться съ этимъ ученіемъ, объясняетъ и руководить.

На обсерваторіи дѣлается и многое другое. Исслѣдуются хронометры, принадлежащіе торговымъ судамъ. Для поднятія часоваго искусства въ Германіи и Швейцаріи назначаются ежегодно конкурсы, и лучшіе хронометры правительство покупаетъ, платя дороже цѣнъ, назначенныхъ мастерами. Повѣряются всевозможные инструменты, рассылаемые на станціи; испытываются секстанты разныхъ мастеровъ, для чего есть особая башня, и каждому инструменту выдается свидѣтельство съ обозначеніемъ его качества. Подобныя испытанія, при несомнѣнномъ желаніи нѣмецкихъ мастеровъ улучшить свои произведенія, имѣли значительный успѣхъ и теперь многіе гамбургскіе механики дѣлаютъ прекрасные снаряды. Издаются карты, путеводители, метеорологическія обзоренія, описанія путешествій; на ученыхъ собраніяхъ членовъ обсерваторіи и постороннихъ лицъ читаются рефераты и сообщенія. Тѣ, которые приобрѣли право быть учителями въ мореходныхъ классахъ, проходятъ еще дополнительный курсъ математики, физики и ученія о *девіаціи* и т. д.

Въ нашемъ коротенькомъ разсказѣ про морскую обсерваторію нѣтъ пока ни фундамента, ни краеугольнаго камня; до сихъ поръ мы и не упомянули о человѣкѣ, создавшемъ это новое и оригинальное учрежденіе.

Чрезвычайно трудно придумать общій планъ и обсудить безчисленные подробности при постройкѣ, нелегко распределить занятіе между лицами предполагаемаго штата, но во сто кратъ труднѣе оживить и привести въ дѣйствіе институтъ, представляющій изъ себя смѣсь холодной науки съ гостепріимною любезностью, соединеніе кротости специалиста съ общедоступностью, долженствующій свѣтить и грѣть, учиться и учить, спѣшить, не опаздывать на телеграфъ и медленно прикладывать по крошкѣ къ вѣковому запасу науки.

Директоръ обсерваторіи профессоръ Неймайеръ соединяетъ въ себѣ всѣ

рѣдкія и необходимыя для этого качества; иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, ибо обсерваторія есть именно воплощеніе его идей и стремленій.

Георгъ Неймайеръ, нынѣ тайный совѣтникъ адмиралтейства, предсѣдатель нѣмецкаго метеорологическаго общества и полярной комиссіи, родился 21 іюня 1826 года въ городѣ Кирхгеймъ-Боланденъ въ Баваріи, учился инженернымъ наукамъ въ мюнхенскомъ политехникумѣ, посѣщалъ, затѣмъ, тамошній университетъ и занимался практически въ астрономической обсерваторіи. Кончивъ всѣ установленныя испытанія, онъ отправился въ 1850 г. въ Гамбургъ и поступилъ простымъ матросомъ на корабль. Много путешествовалъ, между прочимъ, въ Южную Америку и не разъ въ Австралію.

Въ 1855 г. баварскій король Максимилианъ II отправилъ его съ ученою цѣлью въ южное полушаріе. Для необходимыхъ при этомъ изслѣдованій была въ 1857 г. выстроена физическая обсерваторія въ Мельбурнѣ, которая затѣмъ перешла въ собственность колониальнаго правительства, улучшена и расширена, но Неймайеръ оставался ея директоромъ до 1864 года. Въ это время онъ дѣлалъ большія экспедиціи во внутрь австраійскаго континента. Въ 1864 г. вернулся въ Европу, стремясь осуществить институтъ, посвященный морскому дѣлу. Но тогдашнія политическія условія были неблагоприятны; Неймайеръ поселился въ Баваріи и занялся, на счетъ колониальнаго правительства Викторіи, обработкою многочисленныхъ наблюденій въ области физики земнаго шара. Результатомъ этой работы, продолжавшейся семь лѣтъ, было большое четырехтомное сочиненіе. Въ 1871 г. переехалъ въ Берлинъ, гдѣ его идеи, на этотъ разъ, обратили на себя вниманіе. Онъ былъ назначенъ гидрографомъ въ новоучрежденное гидрографическое бюро, разработалъ въ подробностяхъ планы обсерваторіи и осуществилъ ее въ 1875 году, въ слѣдующемъ же году былъ назначенъ ея директоромъ.

Какъ географъ, Неймайеръ занимался австраійскимъ континентомъ и антарктическими странами, каковымъ изслѣдованіямъ посвящены многія его статьи и чтенія.

Новое, великолѣпное зданіе морской обсерваторіи, принадлежащее нынѣ къ достопримѣчательностямъ Гамбурга, было окончено въ 1881 г. и 15 сѣнтября, въ день рожденія Александра Гумбольдта, торжественно открыто самимъ германскимъ императоромъ.

Обдумывая многостороннюю дѣятельность обсерваторіи, ея задачи и стремленія, не знаешь, чѣмъ болѣе восхищаться, что больше цѣнить: лишніе ли милліоны, зарабатываемые при ея содѣйствіи торговымъ флотомъ, многія ли жизни, спасаемыя отъ неминуемой гибели, или же духъ изслѣдованія и открытія, озаряющій всѣ работы обсерваторіи, тотъ духъ науки, который даетъ право извѣстному обществу высоко держать знамя своей народной гордости.

В. Цераскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Конецъ законодательной сессіи.—Общее возвышеніе таможеннаго тарифа.—Покровительство и старая „меркантильная система“.—Таблицы вѣшной торговли.—Князь Бисмаркъ и промышленная война съ Германіей.—Новый законъ о продажѣ питей.—Трудности „питейнаго“ вопроса.—Упраздненіе кабака.—Что такое пьянство?—Ограниченіе числа продаж.—Питейныя присутствія или земство?—Отмена подушной и преобразование оброчной подати.—Дворянскій банкъ.—Наемъ сельскихъ рабочихъ.—Ночная работа на фабрикахъ.—Измѣненія въ судебныхъ уставахъ.

Окончаніе законодательной сессіи ознаменовывается обнародованіемъ ряда новыхъ положеній или отдѣльныхъ дополненій къ дѣйствующимъ законамъ. На этотъ разъ новыхъ законодательныхъ мѣръ такъ много и нѣкоторыя изъ нихъ столь важны въ отношеніи бытовомъ, что мы должны ограничиться разсмотрѣніемъ почти исключительно однихъ только законодательныхъ актовъ, въ связи съ поводами, ихъ вызвавшими. Начнемъ съ новаго общаго и значительнаго возвышенія всего таможеннаго тарифа.

Такъ называемая въ наукѣ политической экономіи «меркантильная» система, считавшаяся окончательно осужденною и сданною въ архивъ, въ наши дни какъ будто обнаруживаетъ задатки возрожденія. Меркантильная система видѣла богатство по преимуществу въ драгоценныхъ металлахъ и главной цѣлью ея было увеличивать приливъ ихъ въ страну и удерживать ихъ въ ней. Средствомъ для этого служили затрудненіе ввоза и поощреніе вывоза для пслученія «благопріятнаго торговаго баланса», благопріятность котораго и выражалась приливомъ золота и серебра въ страну посредствомъ оплаты того излишка, какой должны были ей заграничныя купцы сравнительно съ задолженностью ея купцовъ за границую.

Важнѣйшимъ изъ второстепенныхъ средствъ къ достиженію той же цѣли считалось основаніе или завоеваніе колоній въ другихъ частяхъ свѣта. Эти колоніи затѣмъ самымъ немилосерднымъ образомъ эксплуатировались въ пользу метрополіи. Въ нихъ устанавливались запретительныя пошлины на ввозъ всякихъ продуктовъ изъ иныхъ странъ, кромѣ

метрополиі. На этомъ пути, какъ извѣстно, Англія потеряла большія владѣнія на восточномъ берегу Сѣверной Америки. Самое начало возстанія этихъ владѣній, превратившихся въ Соединенные Штаты, характеризуетъ исходный поводъ ихъ недовольства: въ Бостонѣ чернь овладѣла англійскимъ кораблемъ, нагруженнымъ чаемъ, который продавался по высокой цѣнѣ, благодаря запрещенію ввоза его на иностранные суда; чернь захватила этотъ грузъ чая изъ Англіи и потопила его въ морѣ.

Меркантильная система была опровергнута экономистами, которые доказали, что какъ фунтъ золота вѣситъ столько же, сколько фунтъ ваты, напримѣръ, такъ точно и цѣнность золота для извѣстной страны нисколько не больше, чѣмъ цѣнность того количества любого продукта, которое за извѣстное количество золота пріобрѣтается. Примѣромъ Испанія, которая разорилась, а не обогатилась тѣмъ потокомъ золота и серебра, какой проходилъ чрезъ нее за открытіемъ Америки, примѣромъ Англіи, которая, будучи прежде богата цѣнными металлами, принуждена была въ теченіе 19 лѣтъ не платить по банковымъ билетамъ потому, что издержки ея на войны не соответствовали ея производительности, а количество выпущенныхъ банкомъ билетовъ сдѣлало невозможнымъ размѣнъ ихъ,—такими примѣрами экономисты подкрѣпляли свое теоретическое положеніе, что фунтъ стерлинговъ въ серебрѣ не можетъ принести странѣ болѣе пользы, чѣмъ фунтъ стерлинговъ въ любомъ продуктѣ, могущемъ быть предметомъ жѣны. Впослѣдствіи явился новый примѣръ для подкрѣпленія этой же истины, а именно потрясеніе Германіи крахомъ вслѣдъ за наплывомъ въ нее пяти милліардовъ французскаго золота, серебра и срочныхъ обязательствъ на звонкую монету, и затѣмъ отливомъ болѣе части всего этого металла назадъ, на международный рынокъ; этому примѣру никто уже не удивлялся; такой фактъ былъ принятъ всѣми какъ естественное подтвержденіе истины научной.

Правда, предрасудокъ національной исключительности, илюзія возможности посредствомъ такихъ-то собственныхъ своихъ законоположеній обогатиться насчетъ другихъ народовъ не исчезли съ паденіемъ меркантильнаго ученія. Но они приняли иную окраску, стали ссылаться на иные основанія, а именно на «поднятіе внутренней производительности» и «покровительство національному труду». Это и было новымъ изданіемъ меркантилизма, подъ названіемъ системы «покровительства», протекціонизма. Протекціонизмъ уже не ставилъ теоретическаго положенія о превосходствѣ цѣнности благородныхъ металловъ надъ цѣнностью товарною; онъ молчалъ и о необходимости заводить или отнимать у другихъ націй заморскія колоніи съ цѣлью закабалить эти колоніи въ нѣкія арестантскія роты обязанныхъ потребителей продуктовъ дальняго отечества.

Но въ дѣйствительности и въ протекціонизмѣ уцѣлѣли еще зародыши прежняго «меркантильнаго» ученія и ожидали только благопріятныхъ об-

стоятельствъ, чтобы отродиться и выступить вновь открыто. Такъ, въ Соединенныхъ Штатахъ высокій таможенный тарифъ поддерживался сперва не столько съ цѣлью фискальной или съ цѣлью доставить заработки, дѣйствительно, всему населенію союза, сколько въ видахъ эксплуатаціи Южныхъ, земледѣльческихъ Штатовъ Сѣверными, фабричными. Югъ, хотя и кряхтѣлъ подъ такой эксплуатацией, поневолю подчинился ей, такъ какъ носилъ въ себѣ страшную язву—рабство и хозяева его выше всего ставили интересъ рабовладѣнія, заботясь о поддержаніи его и о сообщеніи этой заразы самому сѣверу.

Затѣмъ, когда югъ былъ сокрушенъ и рабство было отмѣнено, то естественнымъ результатомъ явилось двадцатилѣтнее, непрерывное господство въ законодательныхъ собраніяхъ партіи «республиканской», партіи промышленнаго сѣвера, который продолжалъ эксплуатировать въ свою пользу югъ, покоренный силою.

Но съ этого времени въ американскомъ протекціонизмѣ уже возрасли таившіеся зародыши меркантильныхъ взглядовъ и громадные долги, заключенные на веденіе междоусобной борьбы, выпуски неразимѣнныхъ «гринбековъ» требовали погашенія. Поэтому высокій тарифъ и взиманіе пошлинъ золотомъ были оставлены въ силѣ, оправдываемые уже не «покровительствомъ народному труду»,—какое оправданіе не годилось по ихъ чрезмѣрности и крайней отяготительности,—но «поддержаніемъ благоприятнаго торговаго баламса» и прилива цѣнныхъ металловъ изъ-за границы. Америка, дѣйствительно, быстро уплатила свои процентные долги и затѣмъ возстановила и размѣнъ гринбековъ. Но насколько эти явленія были послѣдствіемъ высокаго таможеннаго тарифа, этого опредѣлить нельзя, такъ какъ одновременно произошли совсѣмъ постороннія экономическія явленія, которыя сами по себѣ гораздо вѣрнѣе объясняютъ и возрастаніе богатства Соединенныхъ Штатовъ, и самый притокъ цѣнныхъ металловъ. Наплывъ эмиграціи въ Америку изъ Европы, сдержанный во время войны, возобновился въ громадномъ размѣрѣ, и этотъ потокъ людей взрослыхъ, снабженныхъ нѣкоторыми сбереженіями, устремился на «далекій Западъ», куда еще и до войны стали направляться избытокъ населенія изъ штатовъ восточныхъ. Разработка вновь колоссальныхъ пространствъ нетронутой плодородной почвы, проведеніе нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, соединившихъ океаны, дешевая раздача государственныхъ земель, развитіе техническихъ и кредитныхъ средствъ для увеличенія производства хлѣба и облегченія доставки его къ восточнымъ и южнымъ портамъ подняли производительность Америки и вывозъ изъ нея въ степени несравненно болѣе высокой, чѣмъ та, въ какой развились фабричныя производства въ старыхъ штатахъ въ силу поддерживаемаго чрезмѣрно покровительственнаго тарифа. Тѣмъ не менѣе, иллюзія въ умахъ большинства осталась и наши протекціонисты, какъ извѣстно, любятъ ссы-

латься на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, совершенно упуская изъ вида главнѣйшую причину быстраго экономическаго роста этой страны.

У насъ, въ Россіи, таможенные тарифы искони были высоко покровительственны, что объяснялось необходимостью «созданія» національной промышленности, и внезапныхъ общихъ пониженій всего тарифа, конечно, никто не сталъ бы и предлагать. Но-послѣ войны 1877—78 годовъ, когда наша государственнo-долговая масса быстро возрасла и къ количеству обращающихся и прежде $\frac{3}{4}$ миллиарда неразмѣнныхъ бумажекъ прибавилось ихъ еще почти на $\frac{1}{2}$ миллиарда, тогда постоянныя домогательства фабрикантовъ о покровительствѣ стали находить гораздо болѣе благопріятный приѣмъ въ сферахъ вліятельныхъ, такъ какъ совмѣстно съ этими частными ходатайствами сталъ выдвигаться впередъ интересъ фискальный. Постройка желѣзныхъ дорогъ и паденіе цѣнности кредитнаго рубля сильно подняли нашъ ввозъ вмѣстѣ съ спусками, несмотря на вздорожаніе привозныхъ продуктовъ.

Довольно естественно, что, при финансовыхъ затрудненіяхъ и при такомъ возрастаніи внѣшней торговли, представлялась мысль взять съ послѣдней какъ можно больше въ пользу казны. Переложеніе всѣхъ таможенныхъ пошлинъ на золото и явилось, во-первыхъ, для возвышенія казеннаго дохода, во-вторыхъ, для доставленія казнѣ звонкаго металла въ количествѣ достаточномъ, а какъ впоследствии оказалось, даже чрезмѣрномъ для ея заграничныхъ платежей. Дѣйствительно, въ самый 1878 годъ, —годъ заключенія мира, таможенный доходъ доставилъ почти 81 мил. руб. кред., между тѣмъ какъ до войны онъ доставлялъ 65 (1875 г.)—70 (1876 г.) мил. руб. Возвышеніе продолжалось и въ 1879 году—92 $\frac{3}{4}$ мил. руб.

Такой успѣхъ понравился, и вотъ, въ 1880 году, послѣдовало новое огульное возвышеніе тарифа еще на 10%. Доходъ возросъ до небывалой цифры—102 $\frac{3}{4}$ мил. руб., но она оказалась предѣльною: слѣдующія цифры были уже 85 $\frac{1}{2}$ мил. руб. (1881 г.) и 98 $\frac{2}{3}$ (1882 г.). Съ этого времени начинается цѣлый рядъ возвышеній отдѣльныхъ статей пошлины. Возвышенія эти только отчасти были сдѣланы въ угоду чистому «покровительству»; въ значительной же мѣрѣ они вызывались прямо тѣми идеями меркантилизма, которыя всегда присущи протекціонизму и которыя составляютъ самое надежное оружіе, такъ какъ относится къ сферѣ соображеній государственной, а не частной будто бы пользы. Дѣло въ томъ, что, несмотря на послѣдованіе хваленому примѣру Соединенныхъ Штатовъ, высокій таможенный тарифъ вовсе не производилъ у насъ тѣхъ результатовъ, какіе оказались тамъ. Производительность фабричная расширилась, но безъ вліянія на общее экономическое положеніе страны. А, между тѣмъ, дефициты въ казначействѣ продолжались и долги не только не сокращались, какъ въ Америкѣ, но постоянно росли. Не оказывалось также и возможности возстановить размѣнъ и курсъ нашъ нисколько не улучшился.

Вот тот «психологическій моментъ», когда изъ нашего протекціонизма съ новой силой выступили постоянно ему присущіе меркантильные взгляды. Стали требовать дальнѣйшаго возвышенія пошлины уже для восстановленія «благопріятнаго торговаго баланса», для «уменьшенія нашей задолженности за границую». Возвышены были пошлины еще по нѣсколькимъ статьямъ и таможенный доходъ едва не дошелъ вновь до цифры 1880 года, а именно составилъ немногимъ менѣе 102 мил. руб. (101.931 т. р.), но въ слѣдующемъ же, 1884 году, доходъ упалъ до 99½ мил. руб.

Нынѣ послѣдовало, на основаніи закона, утвержденнаго 3 минувшаго іюня, новое огульное возвышеніе всего таможеннаго тарифа на 20%, а именно установленъ «дополнительный къ таможеннымъ пошлинамъ сборъ, въ размѣрѣ 20 коп. золотомъ съ каждаго рубля причитающихся пошлинъ со всѣхъ, провозныхъ по европейской и азиатской торговлѣ товаровъ», за нѣкоторыми исключеніями. Такими исключеніями представляются тѣ предметы ввоза, съ которыхъ пошлина возвышается не на 20, а только на 10 процентовъ, и затѣмъ еще тѣ привозные продукты, пошлина съ которыхъ возвышена еще въ нынѣшнемъ же году.

Такимъ образомъ, относительно большинства тарифныхъ статей пошлина оказывается нынѣ возвышенною на 80% сравнительно съ тѣмъ, какова она была до минувшей войны. Переложеніе на золото возвысило ее на 50%, затѣмъ послѣдовало повышеніе еще на 10% и нынѣ на 20%. И это возвышеніе на 20% послѣдовало въ такомъ тарифѣ, который и безъ того по важнѣйшимъ статьямъ конкуренціи внутреннему производству; какъ, напр., по хлопчато-бумажнымъ, шерстянымъ, полотнянымъ и разнымъ другимъ издѣліямъ, взималъ съ заграничныхъ продуктовъ въ пошлину, начиная отъ 1/3 ихъ цѣны до полной ихъ стоимости, и даже превосходилъ ихъ стоимость по нѣкоторымъ статьямъ.

Нынѣшнее повышеніе заставило, наконецъ, призадуматься и самихъ фабрикантовъ, которымъ предстоитъ переплата по выписываемымъ ими полуобработаннымъ матеріаламъ. Еще болѣе оно озаботило портовыхъ торговцевъ, которые предвидятъ сильный упадокъ дѣлъ. Особенно оно должно отозваться въ Петербургѣ, котораго торговля и безъ того ослаблена соперничествомъ другихъ балтійскихъ портовъ.

Но надо повторить, что нынѣшнее огульное повышеніе тарифа дѣлается не столько съ цѣлями «покровительства національному труду» и даже не столько въ видахъ возвышенія казеннаго дохода, сколько именно въ силу такихъ убѣжденій, которыя относятся прямо къ меркантильной системѣ. Министерство финансовъ признавало, что имъ уже многое сдѣлано для «покровительства», что размѣръ этого покровительства весьма значителенъ и что, съ другой стороны, расчетъ на большее возвышеніе казеннаго дохода посредствомъ огульнаго поднятія тарифа не представляется вѣрнымъ, такъ какъ послѣдняя цифра поступ-

ленія этого дохода, несмотря на отдѣльныя возвышенія пошлинъ, упала. Но министерствомъ финансовъ нынѣ руководить открыто заявленная мысль о сокращеніи ввоза съ цѣлью охранить, а если возможно, то и улучшить нашъ «торговый балансъ». «Возстановленіе торговаго баланса въ нашу пользу»,— вотъ мотивъ, съ которымъ выступило министерство финансовъ, внося настоящую мѣру въ государственный совѣтъ. При этомъ указывалось на ту вѣроятность, что наложеніе въ Германіи и Франціи пошлинъ на привозный хлѣбъ должно уменьшить нашъ хлѣбный отпускъ, а, затѣмъ, курсъ нашъ, который и безъ того никакъ не хочетъ прочно улучшиться и несправно возвращается къ 254 сантимамъ за рубль, можетъ упасть еще ниже. Вотъ въ виду этого обстоятельства министерство финансовъ и предположило возвысить огульно весь тарифъ и ослабить, такимъ образомъ, ввозъ соотвѣтственно вѣроятному паденію вывоза, для того, чтобы возстановить «благопріятный торговый балансъ».

По слухамъ, въ самомъ государственномъ совѣтѣ эти соображенія были сильно оспариваемы. Говорившіе противъ возвышенія доказывали ссылками на иностранныхъ экономистовъ, что пошлины на ввозный хлѣбъ подняты въ Германіи и Франціи вовсе не въ томъ размѣрѣ, какой могъ бы уменьшить ввозъ хлѣба, а лишь въ томъ размѣрѣ, который нѣсколько подниметъ цѣну хлѣба и тѣмъ поддержитъ мѣстное земледѣліе. Иностранные экономисты отзываются, что возвышеніе пошлинъ на ввозный хлѣбъ въ два и три раза, какъ оно послѣдовало въ тѣхъ странахъ, безсильно сократить ввозъ, такъ какъ для этой цѣли пришлось бы возвысить пошлину въ гораздо большемъ размѣрѣ, а потому и не принесетъ столько пользы мѣстному земледѣлію на возвышеніи цѣнъ хлѣба, сколько отяготитъ потребителей.

Однако же, и у насъ одержали верхъ соображенія, заимствованныя изъ возродившагося меркантилизма. При этомъ случаѣ, по словамъ *Новаго Времени*, «одинъ изъ блестящихъ ораторовъ государственнаго совѣта высказалъ, что нашъ идеалъ состоитъ въ томъ, чтобы дойти до такого положенія, когда избыткомъ вывоза мы станемъ покрывать расходы по государственному долгу и всякіе другіе плажежи за границею». Отдавая полную справедливость дѣйствительно блестящимъ дарованіямъ того государственнаго дѣятеля, которому, если не ошибаемся, Россія обязана прекращеніемъ дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, мы должны, однако же, оговориться, что «идеалъ», о которомъ онъ упоминалъ, независимо даже отъ мнѣній о достижимости его посредствомъ запретительнаго тарифа, приведенъ былъ здѣсь не совсѣмъ кстати. Въ мотивахъ къ настоящему закону приводилась вѣроятность паденія нашего вывоза и соотвѣтственно тому законъ хочетъ исправить «балансъ» сокращеніемъ привоза. И такъ, говорить теперь о такомъ идеалѣ, когда нашъ вывозъ возрастетъ подобно американскому и произведетъ сходныя послѣдствія, не входило въ кругъ мотивовъ закона и значило скорѣе открывать

путь для возраженій такого свойства, что огульное возвышеніе тарифа будетъ препятствовать самому осуществленію «идеала», такъ какъ оно увеличитъ расходы самихъ фабрикантовъ по приобрѣтенію нужныхъ имъ сырыхъ и полуобработанныхъ продуктовъ.

Но какъ бы то ни было, собственно въ отношеніи «идеала», нельзя не остановиться надъ характеристичностью самаго предположенія ослабить привозъ для того, чтобы привести его въ балансъ съ отпускомъ, которому грозитъ упадокъ. Упадокъ нашего отпуска на нѣсколько лѣтъ, по крайней мѣрѣ, несомнѣненъ, причемъ главную роль будутъ играть и впредь не германскія и французскія пошлины на хлѣбъ, но соперничество хлѣба, доставляемаго въ Европу изъ Америки, Австраліи и Індіи, благодаря колоссальнымъ усиліямъ тѣхъ странъ о расширеніи производительности, облегченіи и удешевленіи вывоза, между тѣмъ какъ у насъ ничего для этихъ цѣлей не предпринимается. Одно же стараніе объ ослабленіи ввоза, въ соотвѣтствіи съ упадкомъ вывоза, можетъ повести только къ общему паденію всей нашей внѣшней торговли, къ разстройству торговыхъ дѣлъ въ Петербургѣ, Ригѣ и Ревелѣ, послѣ того какъ дѣла за послѣдній десятокъ лѣтъ уже сильно сократились въ портахъ южныхъ.

Подобный опытъ, предпринимаемый спеціально въ виду поддержанія курса, есть нѣчто едва ли не болѣе еще вызывающее на размышленія, чѣмъ та искусственная поддержка курсовъ, какою забавлялись у насъ въ прѣжнее время. Тогда, по крайней мѣрѣ, въ рукахъ министерства финансовъ всегда была возможность прекратить подобныя старанія, не доводя ихъ до жертвъ, слишкомъ чувствительныхъ. Курсъ же нашъ зависитъ вовсе не отъ одного только торговаго баланса, какъ то показываетъ неисправимость его, несмотря на то, что отпускъ нашъ уже превысилъ привозъ. Онъ зависитъ отъ самаго свойства нашей денежной системы, обуславливающей неопредѣленность валюты и выгодность спекуляціи на ней, которою занимаются не только берлинскіе банкиры; но и собственные наши банки. Зависитъ оно еще и отъ финансоваго положенія государства, отъ не прекращающихся дефицитовъ, отъ постоянно возрастающей финансовой задолженности за границей. Забота о сокращеніи привоза, идущая наряду съ заключеніемъ новыхъ внѣшнихъ займовъ, едва ли можетъ обѣщать много пользы. А, между тѣмъ, повторяемъ, дѣлать для курса подобные опыты надъ торговлею еще гораздо серьезнѣе, чѣмъ дѣлать ихъ посредствомъ продажи золота для поддержанія курса. Торговля—дѣло болѣе долговременное и, если можно такъ сказать, болѣе органическое, болѣе частное, во всякомъ случаѣ, чѣмъ покупка иностранныхъ траттъ на десятокъ, другой милліоновъ съ временно биржевой цѣлью поддержанія курса. Тѣ мѣры, которыя касаются торговли, производятъ и послѣдствія менѣе удобо-предвидимыя и болѣе долговременныя.

Вообще огульное возвышеніе всего тарифа—такая мѣра, которая не может не произвести значительныхъ колебаній во многихъ отрасляхъ привозной торговли, и если при возвышеніи одной какой-либо статьи можно не извѣщать объ этомъ импортеровъ заблаговременно, чтобы устранить усиленный ввозъ, какой всегда вызывается въ промежутки времени между обнародованіемъ пошлины и взиманіемъ ея, то при повышеніи тарифа, общемъ и, притомъ, столь значительномъ, убытки отъ такой внезапной перемѣны могутъ быть слишкомъ многочисленны. Въ настоящемъ же случаѣ торговцы едва ли могли своевременно сократить заказы товаровъ и зафрахтованіе судовъ, такъ какъ возвышенныя пошлины на основаніи закона, утвержденного 3 іюня и обнародованнаго черезъ недѣлю, должны взиматься уже съ 1 іюля. Все, чѣмъ могли облегчить себя импортеры, это—стараться о скорѣйшемъ очищеніи пошлинами товаровъ уже привезенныхъ, дабы избѣгнуть платежа возвышенныхъ пошлинъ, которыя должны были взиматься съ товаровъ «не очищенныхъ» къ 1 іюля.

Колебанія въ торговлѣ нынѣшній опытъ, несомнѣнно, произведетъ, по достигнеть ли онъ своей цѣли,—улучшенія курса и, вмѣстѣ, удовлетворенія протекціонистовъ,—это весьма сомнительно. Курсъ нашъ носить на себѣ печать несправимости и всякіе расчеты относительно его мало надежны, кромѣ тѣхъ, конечно, которые бы опирались на коренное улучшение въ самомъ финансовомъ и экономическомъ положеніи государства. Что касается протекціонистовъ, то ихъ удовлетворить очень трудно, какъ то доказывается новѣйшимъ заявленіемъ *Московскихъ Вѣдомостей*, къ которому, впрочемъ, нельзя отказать въ совершенной логичности. Мы сами допускали въ предшествующемъ обзорѣ, что новое сильное возвышеніе тарифа побудитъ германскую промышленность къ перенесенію еще большаго числа фабрикъ внутрь русской пограничной черты, и замѣтили, что протекціонизмъ логично могъ бы требовать, чтобы открытіе фабрикъ на этой полосѣ допускалось не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы всѣ мастера и рабочіе на нихъ были русскіе подданные.

«Фабрики и заводы вдоль нашей западной границы растутъ не по днямъ, а по часамъ,—говорятъ *Моск. Вѣд.* по поводу новаго тарифа.— Это иностранная промышленность, которая вторгается къ намъ подъ охрану нашего тарифа и насъ дурачить». Газета замѣчаетъ еще: «если бы это явленіе означало только развитіе мѣстной промышленности и обращалось бы въ пользу мѣстныхъ населеній, мы не могли бы дѣлать никакого различія между центральными и окраинными частями страны». Но бываютъ такіе примѣры, что фабрики устраиваются столь близко къ пограничной чертѣ, что рабочіе живутъ за границей и ежедневно приходятъ въ Россію работать, а если и живутъ на нашей сторонѣ, то съ простыми легитимационными картами, которыя возобновляются безъ всякаго затрудненія. Далѣе газета высказываетъ убѣжденіе, что одно требованіе русска-

го подданства отъ рабочихъ не поможетъ, такъ какъ они примутъ подданство, «но русской промышленности едва ли отъ этого будетъ легче». Поэтому, *Моск. Вѣд.*, ссылаясь, также какъ и мы, на недавнее безцеремонное изгнаніе изъ Пруссіи до 30 тысячъ русскихъ поляковъ-рабочихъ, предлагаютъ слѣдующую мѣру: «воспретить, по крайней мѣрѣ, въ трехмильной пограничной полосѣ, въ районѣ которой иностранцы могутъ пребывать безъ паспортовъ, устройство мануфактуръ, обрабатывающихъ иностранное сырье. Мы желаемъ развитія промышленности въ привислянскихъ губерніяхъ, но промышленности туземной, въ ихъ центральныхъ пунктахъ, а никакъ не филиалій иностранной промышленности».

Повторимъ, что нельзя отказать подобнымъ требованіямъ протекціонистовъ, по крайней мѣрѣ, въ логичности. Но намъ кажется, что *Московскія Вѣдомости* болѣе искренни въ неопредѣленныхъ пожеланіяхъ, какія онѣ высказываютъ по этому поводу, чѣмъ въ томъ точно-опредѣленномъ предложеніи, которое газета формулируетъ относительно «трехмильной полосы». Газета обуславливаетъ еще разрѣшеніе на открытіе фабрикъ въ тѣхъ мѣстностяхъ «не однимъ рассмотрѣніемъ того, насколько соблюдены установленныя закономъ формальности, но и соображеніемъ, насколько путемъ такого устройства нарушаются постановленія, имѣющія цѣлью оградить отечественную промышленность», допускаетъ даже, что «едва ли можно не только вновь дозволить этого рода предпріятія, но оставлять и существующія», и заключаетъ такимъ пожеланіемъ, которому можетъ быть данъ смыслъ весьма пространный. «Иностранныхъ предпринимателей,—говорится здѣсь,—желающихъ пользоваться охраной нашего тарифа и разрабатывать наши естественныя богатства, равно какъ и желающихъ пріобрѣтать въ Россіи земли поселенцевъ, милости просимъ подалеже отъ окраинъ, внутрь страны...» Что значитъ при этомъ «внутри страны», можно толковать различно. Принадлежатъ ли Лодзь и Згѣржъ къ тѣмъ «центральныхъ» пунктамъ польскихъ губерній, которымъ газета желаетъ промышленнаго процвѣтанія? Или слова «внутри страны» означаютъ Августовскую, Ковецкую, можетъ быть, Смоленскую и Тверскую губерніи? Во всякомъ случаѣ проектируемая *Московскими Вѣдомостями* мѣра «не только вновь не дозволить, но не оставлять и существующихъ» иностранныхъ фабрикъ на русской территоріи, явно подрывающихъ интересы народнаго труда, едва ли осуществима. Представьте себѣ закрытіе лодзинскихъ фабрикъ, въ томъ числѣ мануфактуры Шейблера, второй въ Европѣ, по своимъ размѣрамъ, послѣ Кренгольмской.

Но таково свойство протекціонизма. Разъ вступивъ на путь усиленія покровительства и осуществленія выгоднаго баланса, приходится идти отъ запрещенія къ запрещенію. На эти запрещенія иностранныя государства отвѣчаютъ тѣмъ же, что съ нашей стороны должно опять вызывать репрессаліи, какъ то и представляется нынѣшнимъ огульнымъ возвышеніемъ

емъ тарифа, которое прямо мотивируется возвышеніемъ пошлинъ на хлѣбъ въ Германіи и Франціи. Затѣмъ, въ этихъ странахъ пошлина, нынѣ удвоенная и утроенная, можетъ быть еще разъ утроена или учетверена, и такъ далѣе.

Нельзя не указать, какъ на любопытный психологическій фактъ, что протекціонисты примиряются съ повсемѣстнымъ возвышеніемъ тарифовъ. Имъ, повидимому, нѣтъ дѣла до того, что, въ смыслѣ достиженія «благопріятнаго торговаго баланса», возвышеніе чужихъ тарифовъ можетъ парализовать возвышеніе нашихъ тарифовъ. Ихъ нисколько не смущаетъ мысль, что если всѣ государства возвысятъ свои тарифы въ равной мѣрѣ (а къ этому дѣлу необходимо придетъ), то въ результатѣ «покровительство не окажетъ пользы никому, кромѣ контрабандистовъ». При всеобщемъ возвышеніи тарифовъ, въ концѣ-концовъ, въ каждой странѣ будутъ терять наиболѣе тѣ производства, которыя въ ней наиболѣе развиты: Россія—на хлѣбѣ, Франція—на винахъ, шелковыхъ тканяхъ и другихъ предметахъ роскоши и т. д. Выиграютъ ли прочія производства настолько, насколько эти потеряютъ, это вопросъ, но во всякомъ случаѣ «торговый балансъ» останется прежній, такъ какъ каждый лишится того на отпускѣ, что выиграетъ на замѣнѣ ввозныхъ продуктовъ внутренними (допуская, что есть выгода поддерживать и создавать невыгодныя производства насчетъ податей).

Одной только черты не доставало возрожденію меркантилизма, находившагося столь долгое время въ скрытомъ состояніи—въ протекціонизмѣ, это—возвращеніе морскихъ державъ къ колониальной политикѣ. Въ настоящее время и это усиленно осуществляется. Промышленныя морскія государства, по мѣрѣ того какъ сбытъ въ Европѣ закрывается ихъ произведеніямъ, вслѣдствіе усиленія протекціонизма, возвращаются къ приобрѣтенію себѣ новыхъ колоній и искусственныхъ въ нихъ рынковъ. Это поведетъ къ спорамъ и къ войнамъ изъ-за колоній, а впоследствии и къ неизбежному отпаденію колоній.

Впрочемъ, въ исторіи не новостъ — повтореніе прежнихъ ошибокъ, возвращеніе къ системамъ, которыя однажды оказались несостоятельными. Въ современной Европѣ починъ въ воскрешеніи преданій меркантилизма принадлежалъ князю Бисмарку, которому обстоятельства дали возможность производить различные эксперименты, вовсе къ его специальности не относящіеся. Князь Бисмаркъ — прозорливый, рѣшительный, ловкій, если угодно, гениальный дипломатъ. Но онъ не имѣетъ никакихъ экономическихъ знаній и вообще научное его образованіе слабо. Біографы его рассказываютъ, что, вступивъ въ университетъ для поступленія потомъ на службу, онъ никогда не посѣщалъ лекцій, а только числился нужное количество семестровъ и приготавлился къ экзамену по тетрадамъ. Потомъ онъ очень дѣятельно служилъ, но не учился. Между тѣмъ, этотъ «штатскій» министръ всегда былъ диллетантомъ военнаго дѣла и, числясь

въ запасъ (какъ всё рѣшительно въ Пруссіи), не только носилъ кирасирскій мундиръ, но и давалъ «кирасирскіе» совѣты графу Мольтке при осадѣ Парижа.

Точно такъ и въ области экономіи. Человѣкъ въ высшей степени самолюбивый и тщеславный (какъ показывало, напр., постоянное ношеніе имъ медали за спасеніе погибавшихъ, пока у него не было орденовъ), онъ возмнилъ себя не только великимъ дипломатомъ, но и экономистомъ, и нашелъ ученыхъ профессоровъ для поддакиванія себѣ, напр., Адольфа Вагнера и другихъ. Между тѣмъ, изъ фактическаго содержанія экономическихъ рѣчей Бисмарка всегда просвѣчиваетъ только вчерашній докладъ. Что же касается основныхъ экономическихъ взглядовъ, то Бисмаркъ просто Канкринъ, только съ малой опытностью, — Канкринъ въ то время, когда онъ еще не бывалъ и генераль-интендантомъ, а служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и подавалъ записки о налогахъ на доходы и на число лошадей въ упряжи персонъ разныхъ ранговъ. И убѣжденія тѣ же, самыя первоначальныя, возвышать пошлины, не благопріятствовать частной предпримчивости, забирать все, по мѣрѣ возможности, въ казну.

Между тѣмъ, желаніе Бисмарка — законъ для Германіи, а примѣръ Германіи, по ея центральному положенію въ Европѣ, не можетъ не вызывать послѣдованій, въ видѣ ли прямыхъ подражаній, или въ видѣ репрессалій. Въ результатѣ является война à coups de tarif, за которой могутъ появиться современемъ и другія послѣдствія.

Намъ предстоитъ заняться теперь двумя новыми законами, близко касающимися быта народной массы, а именно окончательной отмѣны подушной подати и новыхъ правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками. Оба эти закона обнародованы въ истекшемъ мѣсяцѣ, хотя второй изъ нихъ былъ утвержденъ еще 14 мая. Объ обоихъ мы уже упоминали, когда они еще были въ видѣ проектовъ, причемъ подробнѣе останавливались въ прошлый разъ на подушной подати. Поэтому теперь разсужденіе наше о податномъ законѣ можетъ быть короче, а болѣе мѣста мы отведемъ вопросу объ ограниченіи пьянства и вновь изданному литейному закону.

Вопросъ о пьянствѣ и о лучшемъ устройствѣ литейной торговли очень сложенъ, и немудрено, что онъ разсматривался въ административныхъ сферахъ цѣлыхъ четыре года. Дѣло въ томъ, что разсмотрѣніе было начато съ готоваго проекта узаконеній, вмѣсто того, чтобы сперва остановиться на такомъ или иномъ, но определенномъ представленіи теоретической стороны. Вслѣдствіе того, при разсмотрѣніи не только въ каждой новой инстанціи, но и каждого раздѣла правилъ, возникали вновь всѣ теоретическія сомнѣнія.

Что пьянство, издавна развитое въ Россіи, не могло не развиваться еще болѣе при удешевленіи водки съ отмѣною откуповъ и при полученіи

крестьянствомъ самостоятельности,—объ этомъ, по настоящему, не стоило и спорить, потому что иначе и быть не могло. Но такъ какъ еще долгое время по освобожденіи крестьянъ у насъ проявлялись еще какія-то «сожалѣнія», не то «поползновенія» немножко прикрѣпить его снова, подъ предлогомъ нравственной опеки и мнимаго спасенія народа отъ собственнаго его загула, то и защитники народной самостоятельности, оберегатели великой реформы, считали себя вынужденными совсѣмъ отрицать развитіе пьянства. Извѣстный статистикъ, покойный Бушень, пустилъ въ ходъ съ этой цѣлью цифровыя сопоставленія, изъ которыхъ выходило, во-первыхъ, что въ Россіи пьютъ меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и, во-вторыхъ, что потребленіе крѣпкихъ напитковъ не всегда находится въ прямомъ отношеніи къ числу мѣстъ продажи питей. И вотъ въ печати, люди, руководимые наилучшими намѣреніями, долгое время вѣдѣли себя въ правило доказывать, что никакого пьянства нѣтъ и мѣръ не для чего принимать, что хотя, конечно, въ деревняхъ бываютъ гулящіе люди, но, вѣдь, они есть и въ городахъ и, притомъ, не въ однихъ рабочихъ классахъ; что кабакъ есть единственное мѣсто развлеченія для крестьянъ въ селеніяхъ, а въ городахъ, прежде чѣмъ уничтожить кабаки, надо построить народные театры и т. п.

Все это писалось съ несомнѣнно хорошей цѣлью, но стоило только послушать проклятій, посылаемыхъ кабакамъ женщинами, и поговорить съ самими крестьянами, чтобы вся упомянутая маниловщина сдѣлалась порядочно противною, тѣмъ болѣе, что и статистическія данныя, на которыя она опиралась, не могли внушать довѣрія, хотя они вошли даже и въ законодательныя работы. Въ одномъ докладѣ министерства финансовъ по составленію новыхъ правилъ сопоставлены такія данныя: въ Россіи приходится въ годъ на человѣка 0,32 ведра спирта, во Франціи 0,37, въ Англіи 0,47, въ Голландіи 0,91, да, сверхъ того, еще въ тѣхъ странахъ пьютъ пиво, виноградное вино, сидръ. Выходитъ такъ, что Россія, по меньшей мѣрѣ, втрое, а то и вчетверо трезвѣе Голландіи.

Въ томъ же докладѣ принималось за доказанное провозглашенное покойнымъ Бушеномъ, а за нимъ разными газетами, объясненіе того противорѣчія, какое представляетъ приведенному числительному выводу наглядное сравненіе любой улицы, въ городѣ или въ деревнѣ, все равно, но взятой, положимъ, хоть въ Голландіи, самой, повидимому, пьяной странѣ, и въ Россіи—странѣ, по цифрамъ, самой трезвой. Объясненіе это гласитъ, что у насъ вся бѣда происходитъ отъ «неравномѣрнаго» потребленія спирта, то-есть, что русскій человѣкъ или совсѣмъ не пьетъ, или напивается, а голландецъ, положимъ, пьетъ чуть не каждыя полчаса по наперстку, очевидно, съ двойной цѣлью, чтобы спиртъ, имъ потребляемый, не производилъ на него никакого дѣйствія, а, между тѣмъ, чтобы отъ подобнаго, наперсточнаго, но учащеннаго потребленія непремѣнно возросталъ казенный доходъ.

И на такія данныя и столь тонкія соображенія считаютъ возможнымъ серьезно ссылаться въ то время, когда то же финансовое вѣдомство съ году на годъ придумываетъ значительныя измѣненія въ системѣ акцизнаго надзора, а съ мѣсяца на мѣсяць въ каждомъ году составляетъ новыя циркуляры, какъ обмотать проволокой и въ какихъ мѣстахъ припечатывать контрольный снарядъ на заводахъ, то-есть всемѣрно проявляетъ свое смутное сознаніе, что количество выпускаемаго заводами и потребляемаго народомъ спирта гораздо больше того, какое регистрируется снарядами, оплачиваетъ акцизъ и идетъ въ статистическія данныя министерства финансовъ.

Сверхъ степени точности самыхъ цифръ, надо имѣть въ виду, что за границей безъ всякаго сравненія болѣе употребляется спирта, чѣмъ въ Россіи, съ цѣлями промышленными и даже домашними. Для приготовления лаковъ, лѣкарственныхъ средствъ, для множества ремесленныхъ цѣлей, для согрѣванія воды и т. д. за границей спирта идетъ гораздо болѣе, чѣмъ въ Россіи.

Самое важное различіе совсѣмъ не въ томъ, что русскій будто бы непременно концентрируетъ свое потребленіе вина, а иностранецъ дробить его. Въ Россіи очень много людей, которые постоянно потребляютъ водку умеренно, а, *сверхъ того*, иногда, къ сожалѣнію, не особенно рѣдко пьютъ ее еще неумѣренно. Да едва ли не большинство крестьянъ-хозяевъ и рабочихъ въ городахъ ежедневно потребляютъ «малость», что и не считается. Но едва ли возможно оспаривать, что въ Россіи «выпить лишнее» болѣе въ нравахъ и считается менѣе зазорнымъ, чѣмъ на Западѣ. Тамъ люди раздѣляются на двѣ категоріи—на непьяницъ и на пьяницъ, и только пьяница напивается до-пьяна. У насъ же, не только среди крестьянства, но и среди зажиточныхъ ремесленниковъ и даже мелкаго купечества, самый порядочный хозяинъ, не говоря уже о рабочихъ,—если только онъ не воздерживается безусловно, — бываетъ совсѣмъ пьянъ и даже за ничто считаетъ пройти пьянымъ по своей улицѣ.

Вотъ въ чемъ главное различіе питейнаго потребленія у насъ и на Западѣ. Нѣтъ никакого повода видѣть въ пьянствѣ явленіе органически-національное. Оно станеть ослабляться и современемъ изгладится, по мѣрѣ того, какъ будетъ вырабатываться въ Россіи и брать верхъ подъ разными условіями начало личности. Не логично было бы ожидать, чтобы человекъ, котораго иногда «посѣкутъ», будетъ имѣть настолько сознанія личнаго достоинства, что сочтетъ неприличнымъ для себя ходить по улицамъ въ пьяномъ видѣ и впадать во всѣ приключенія и послѣдствія, отсюда происходящія.

А послѣдствія эти гибельны. Гибельно именно то, что слишкомъ много, чуть ли не большинство нашихъ крестьянъ находится въ постоянной опасности загулять, растратить деньги, внести разстройство въ семью. Какъ часто случается слышать отъ самихъ крестьянъ про такую-то де-

ревню, что тамъ «всѣ пропились». Отчего же это происходитъ? Неужели отъ того только, что русскому человѣку по природѣ свойственно «концентрировать» свое вишнее потребленіе, вмѣсто того, чтобы дробить его при помощи какого-то модератора?

Такова правда реальная, и хотя она производитъ грустное впечатлѣніе, но друзьямъ народа слѣдуетъ не скрывать ее отъ себя. Вѣрнѣе, чѣмъ за статистическими данными, слѣдуетъ пойти за воплемъ женщинъ и за отзывами самихъ же умныхъ русскихъ крестьянъ. Они знаютъ, что кабакъ есть зло. И такъ, не надо слушать такихъ разсужденій, что прежде слѣдуетъ построить народные театры, или что число кабаковъ ни при чемъ въ искушеніи пьянства, или что если уменьшить ихъ число, то ихъ замѣнятъ тайные шинки. Все это—разсужденія одного только прекрасодушія. Кабакъ есть зло, не только какъ искушеніе, но и какъ главная опора кулака, какъ школа безнравственности, какъ воровской притонъ. Говорятъ: закроете кабакъ—солдатка будетъ продавать водку изъ окна или въ горницы у себя. Но пусть ужъ лучше хоть это будетъ; въ фискальномъ отношеніи это можетъ быть убыточно, но въ нравственномъ и въ экономическомъ выгоднѣе, такъ какъ нигдѣ тайный шинокъ не получить той власти надъ деревней, какую имѣлъ на старинѣ «царевъ кабакъ».

Прежде чѣмъ скажемъ о новыхъ правилахъ, которыхъ главное достоинство и состоитъ въ ихъ основномъ намѣреніи уничтожить кабакъ въ его нынѣшнемъ видѣ, остановимся еще нѣсколько на тѣхъ трудностяхъ, которыя сопряжены съ рѣшеніемъ вопроса о наилучшемъ устройствѣ питейной продажи. Въ губернскихъ комиссіяхъ и въ совѣщаніи при министерствѣ финансовъ проявилась и, наконецъ, одержала верхъ и перешла въ «правила» 14 мая мысль объ уничтоженіи кабака нынѣшняго типа, то-есть кабака въ смыслѣ продажи «голой водки», такого заведенія, въ которомъ ничего нельзя больше дѣлать, какъ «глотать», именно глотать водку, такъ какъ тамъ даже съѣсть негдѣ. Потребленіе же одной «голой водки» на тощій желудокъ,—говорятъ намъ,—гигиенически крайне вредно. Водка при этомъ сильнѣе дѣйствуетъ; а закусить въ кабакъ нельзя, такъ какъ тамъ запрещено держать что-либо, кромѣ «маржнтантской» закуски, которая самой «остротой» своихъ составныхъ частей,—огурца, соленой рыбы и т. д.,—умышленно разжигаетъ жажду и побуждаетъ еще болѣе пить.

Въ этихъ разсужденіяхъ есть нѣкоторая доля наивности. Во-первыхъ, забываютъ, что если нынѣшній кабакъ устроенъ неудобно, то, вѣдь, и это было сдѣлано въ свое время прямо въ видахъ ограниченія пьянства, а вовсе не въ видахъ его увеличенія. Мебели и горячей пищи въ кабакъ не полагается для того, чтобы тамъ «не засиживались»; прежній законодатель также имѣлъ свое основаніе полагать, что если стануть въ кабакъ сидѣть, то будутъ спрашивать водки больше, чѣмъ пока могутъ стоять на ногахъ, и нарочно устроилъ такъ, чтобы въ кабакъ можно было только

заглянуть—выпить и затѣмъ уйти. Что касается разсужденій о вредѣ отъ «голой водки» на «тощій желудокъ» и свойствахъ маркитантской закуски, то замѣтимъ, что никто не пьетъ водку для утоленія жажды, а, сверхъ того, всѣ эти соображенія непримѣнимы къ деревнямъ, такъ какъ въ деревнѣ кто же станетъ ходить въ кабакъ кушать, хотя бы этотъ кабакъ и назывался трактиромъ? Другое дѣло—корчмы на дорогахъ, для проѣзжающихъ; мѣстные же жители и на корчмы, тамъ гдѣ онѣ существуютъ, т.-е. въ западныхъ губерніяхъ, смотрятъ исключительно какъ на мѣста, гдѣ можно выпить «голой водки».

Мы уже говорили о той трудности, которая представляется при стараніи объ уменьшеніи числа питейныхъ заведеній и вѣроятности умноженія тайныхъ шинковъ. Но здѣсь является и другое соображеніе: чуть ли не главной заботой при реформѣ продажи питей должно быть ослабленіе вліянія кабатчиковъ, которые имъ злоупотребляютъ и для безнаказаннаго соединенія съ питейной продажей еще другихъ вредныхъ промысловъ, и для всяческой эксплуатаціи крестьянъ. Но уменьшеніемъ числа кабаковъ нельзя уменьшить вліяніе кабатчиковъ; совсѣмъ наоборотъ: для уменьшенія ихъ значенія пришлось бы скорѣе благопріятствовать раздробленію продажи, чему противорѣчить, съ другой стороны, забота объ ограниченіи искушенія.

Далѣе, уменьшеніе числа продажъ питей предполагаетъ нормированіе этого числа въ каждой мѣстности, но кѣмъ? Это также вопросъ серьезный. Предоставить нормированіе земству, какъ полагали нѣкоторые «свѣдущіе люди», то это, конечно, хорошо; но на это, въ видѣ возраженія, приводились примѣры земцевъ и даже мировыхъ судей, которые снимали всѣ кабаки въ своей мѣстности. Намъ кажется, однако, что передъ такимъ опасеніемъ останавливаться не слѣдовало. Это вообще вопросъ, въ которомъ затрудненія встрѣчаются на каждомъ шагѣ, и нельзя избѣгнуть всѣхъ, а надо устранять только важнѣйшія. Для насъ несомнѣнно, что одной изъ главныхъ цѣлей при реформѣ должно было быть подчиненіе питейной продажи надзору общественному, то-есть именно земскому. Возражать, что кабатчики тогда всѣ войдутъ въ земство и съумѣютъ пріобрѣсти въ немъ силу, но на это мы можемъ сказать, что вообще людей даннаго времени нельзя сдѣлать лучше, чѣмъ они есть. Во всякомъ случаѣ, установленіе преобладающаго надзора со стороны земства было бы, по крайней мѣрѣ, правильнымъ основаніемъ для улучшеній въ будущемъ.

Обратимся теперь къ самымъ «правиламъ» 14 мая. Они носятъ на себѣ слѣды своей долговременной выработки, притомъ въ разныхъ инстанціяхъ: въ департаментѣ, въ комиссіи свѣдущихъ людей, въ губернскихъ комиссіяхъ, въ совѣщаніи при департаментѣ и, наконецъ, въ государственномъ совѣтѣ. Они стремятся и къ ограниченію числа мѣстъ продажи питей, и къ привлеченію мѣстной интеллигенціи къ противо-

дѣйствию злоупотребленіямъ и содѣйствию трезвости, но дѣлаютъ все это очень осторожно. Одно только проведено въ нихъ рѣшительно, это— уничтоженіе распивочной продажи «голой водки». Въ числѣ заведеній, въ которыхъ отнынѣ будетъ производиться распивочная продажа, «питейный домъ» въ новыхъ правилахъ вовсе не названъ.

Оставивъ въ сторонѣ, для ясности въ главномъ, продажу пива и русскихъ виноградныхъ винъ, находимъ, что водка будетъ продаваться распивочно и на выносъ въ трактирахъ, въ находящихся внѣ городовъ постоянныхъ дворахъ и корчмахъ, въ буфетахъ на станціяхъ желѣзнодорожныхъ, въ гостинницахъ, на почтовыхъ станціяхъ и въ буфетахъ, находящихся въ театрахъ, кабакахъ, на пароходахъ, на общественныхъ гуляньяхъ. Все это такіа заведенія, въ которыхъ торгуютъ и кушаньями, и другими негорячительными напитками. Ни въ какихъ иныхъ заведеніяхъ распивочная продажа водки производиться не будетъ, за исключеніемъ, однако, «временныхъ выставокъ» на ярмаркахъ и въ мѣстахъ большаго стеченія народа. Это послѣднее исключеніе составляетъ совершенное отступленіе отъ принципа, такъ какъ «временныя выставки», это — мѣста продажи одной водки и пива, безъ всякихъ трактирныхъ признаковъ. Для чего такое исключеніе потребовалось, трудно понять, такъ какъ ярмарки происходятъ, если не въ городахъ и мѣстечкахъ, то, все-таки, въ значительныхъ селахъ, гдѣ непремѣнно будутъ трактиръ и постоянный дворъ.

Затѣмъ, для продажи питей только на выносъ учреждаются «винныя лавки», «ведерныя лавки» и «ренсковые погреба». Открытіе винныхъ лавокъ въ городахъ совершается безъ особаго разрѣшенія, просто на основаніи взятаго патента. Ведерныя лавки производятъ разливъ въ мелкую посуду, который виннымъ лавкамъ воспрещается, и сами могутъ продавать виннымъ лавкамъ не менѣе четверти ведра, а потребителямъ не менѣе $\frac{1}{10}$ ведра. Нужно ли такое подраздѣленіе на винныя и ведерныя лавки и возможно ли услѣдить, чтобы тѣ и другія оставались въ предѣлахъ своихъ полномочій, это намъ неясно. Вообще, на нашъ взглядъ, въ новомъ законѣ есть немало статей недостаточно опредѣлительныхъ и немало совсѣмъ излишнихъ, какъ вообще во всѣхъ нашихъ специальныхъ узаконеніяхъ. Къ чему, наприм., особая статья, что требуется чистота? Само собою разумѣется, что за этимъ словомъ «чистота» прибавлено еще «и опрятность».

На «винныя лавки», которыя будутъ торговать только «на выносъ», перенесены теперь всѣ требованія спартанской простоты, которыя прежде предъявлялись къ питейнымъ домамъ. «Винныя лавки должны имѣть окна и двери на улицу, состоять изъ одной комнаты съ однимъ ходомъ, безъ всякихъ внутреннихъ сообщеній съ другимъ какимъ-либо помещеніемъ и съ жилою квартирою продавца; въ нихъ не должно быть никакой мебели, кромѣ (?) стойки; для храненія питей устраиваются особыя полки».

Такимъ образомъ, кабакъ, въ его нынѣшнемъ «безобразномъ видѣ», уничтожается и водку можно пить только въ трактирахъ, буфетахъ и на постоянныхъ дворахъ, гдѣ подаются кушанье и чай. Но теперь спрашивается, не будетъ ли огромное большинство трактировъ и корчемъ просто кабаками, въ которыхъ плита будетъ только для формы, а кушанье и чай—только напоказъ; не размножатся ли до крайности трактиры, постоянные дворы и корчмы специально для продажи «благовиднымъ образомъ» той же водки распивочно? Новый законъ не содержитъ въ себѣ никакихъ опредѣлительныхъ признаковъ трактира, постоялаго двора и корчмы и только ссылается, въ этомъ отношеніи, на уставъ о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ.

И такъ, посмотримъ, какія же ограниченія постановлены «правилами» противъ чрезмѣрнаго размноженія мѣстъ для раздробительной продажи питей вообще. Первое ограниченіе представляется въ полученіи согласія владѣльца земли, кто бы онъ ни былъ, частное лицо или общество. Это ограниченіе было и доселѣ; новый законъ повторяетъ и существующее запрещеніе владѣльцамъ взимать особую плату за согласіе на производство питейной продажи на ихъ земляхъ, хотя запрещеніе это бесполезно, такъ какъ нельзя знать, почему владѣлецъ не давалъ или далъ согласіе, и сельскія общества обыкновенно взимаютъ съ кабатчика деньги, и, конечно, возьмутъ и съ трактирщика, и съ корчмаря.

За ограниченіемъ раздробительной продажи согласіемъ владѣльцевъ земель слѣдуетъ еще ограниченіе просто по усмотрѣнію дѣйствительной надобности. Здѣсь мы приходимъ къ другой, важнѣйшей особенности новаго закона, а именно къ установленію особыхъ органовъ надзора за продажей питей. Доселѣ за правильностью этой продажи наблюдали только акцизные управленія и полиція. Но акцизные управленія имѣли въ виду только соблюденіе формальныхъ требованій закона и руководствовались исключительно заботою о взиманіи казеннаго дохода. Не ихъ дѣломъ, конечно, было стараться объ уменьшеніи числа кабаковъ и объ ограниченіи пьянства, скорѣе наоборотъ. Что касается полиціи, то хотя она вообще обязана блюсти за исполненіемъ законовъ и еще петровское постановленіе о ней гласитъ, что полиція «всякіе порядки чинитъ и всякіе безпорядки отгоняетъ», но именно поэтому ея обязанности такъ же многосложны, какъ совокупность томовъ нашего свода законовъ, и безпорядки отгонять она не въ силахъ иначе, какъ поочереды, а выборъ очереди ужъ отъ нея зависитъ. Вотъ почему надзоръ за кабаками признанъ недостаточнымъ даже и по переименованіи ихъ въ трактиры, включая только городовъ Петербурга и Кронштадта, единственныхъ въ Европейской Россіи, къ которымъ новыя правила вообще не примѣняются.

И такъ, правила создаютъ специальные органы надзора за питейною торговлей. Эти органы—уѣздныя и губернскія по питейнымъ дѣламъ присутствія. Надзоръ за правильнымъ производствомъ раздробительной торговли крѣпкими напитками возлагается на эти присутствія, а, сверхъ нихъ,

еще и на городскія думы, и на акцизные управления, и на полицію. Мы вообще безъ особеннаго увлеченія относимся къ размноженію «присутствій», которыхъ учредилось вновь въ послѣднее время порядочное число, именно по финансовому вѣдомству. Но нельзя не признать, что если къ питейному вопросу относиться, какъ министерство финансовъ и объявило въ своихъ мотивахъ къ новому закону намѣреніе отнестись, не съ фискальной только точки зрѣнія, если имѣть въ виду дѣйствительное противодѣйствіе злоупотребленіямъ и разоренію народа, если стремиться къ уменьшенію пьянства, то надо же, чтобы кому-нибудь предоставлено было специальное право заботиться именно обо всемъ этомъ, наблюдать за исполненіемъ такихъ ограничительныхъ и предохранительныхъ мѣръ и даже изыскивать такія мѣры, съ полномочіемъ придавать имъ силу обязательную.

Вотъ таково и есть назначеніе новыхъ, учреждаемыхъ въ вѣдомствѣ финансовъ, органовъ. Уѣзднымъ присутствіямъ, а въ городахъ городскимъ думамъ, по соглашенію съ полиціей, предоставляется издавать, съ утвержденія губернскаго присутствія, обязательныя постановленія о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для того: 1) «чтобы трактирные заведенія не служили исключительно для распивочной продажи крѣпкихъ напитковъ; 2) чтобы заведенія для продажи только на выносъ не производили торговли распивочной и 3) чтобы заведенія каждаго рода соответствовали вообще (?) своему назначенію (ст. 46)». Сверхъ того, внѣ городовъ, уѣздному присутствію «предоставляется, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами, не допускать излишняго числа» заведеній для раздробительной продажи. Но это право уѣздныхъ присутствій, въ свою очередь, ограничено нѣкоторыми постановленіями. Напримѣръ, нельзя запрещать распивочной питейной продажи въ селеніяхъ, имѣющихъ «не менѣе 5 тысячъ наличныхъ душъ обоого пола, а изъ селеній съ меньшимъ населеніемъ во всѣхъ базарныхъ, торговыхъ, промышленныхъ и фабричныхъ селахъ, а также при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, у пристаней и перевозовъ большихъ рѣкъ, на проѣзжихъ трактахъ и вообще въ мѣстахъ значительнаго скопленія или проѣзда постороннихъ людей». Что касается винныхъ и ведерныхъ лавокъ (продажа на выносъ), то нельзя запрещать открытія ихъ въ селеніяхъ, имѣющихъ до 500 душъ, но можно ограничить число такихъ лавокъ одною; а гдѣ населеніе больше, тамъ можно ограничивать число винныхъ лавокъ въ такомъ же размѣрѣ—одною на 500 наличныхъ душъ, но нельзя требовать, чтобы лавокъ было менѣе, чѣмъ въ такомъ численномъ отношеніи. Наконецъ, уѣздныя присутствія не имѣютъ также права запрещать или ограничивать числомъ открытіе винныхъ и ведерныхъ лавокъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ заведенія для распивочной продажи.

Но за то, имъ дано право представлять губернскому присутствію о закрытіи заведеній для раздробительной питейной торговли, со-

держатели коихъ своими злоупотребленіями, хотя бы на судѣ и не доказанными, вызовутъ общее неудовольствіе мѣстныхъ жителей. Такія заведенія (стало быть, трактиры, постоянные дворы, корчмы, буфеты, пивныя лавки, винныя и ведерныя лавки и ренсковые погреба) закрываются по распоряженію губернскаго присутствія. Въ принципѣ, конечно, нельзя одобрять лишенія кого-либо правъ или наложенія на кого-либо каръ безъ суда. Спрашивается, для чего же мы дорожимъ независимостью нашихъ судовъ, если въ многочисленныхъ сферахъ дѣятельности и для цѣлыхъ категорій лицъ и проступковъ примѣняется юрисдикція чисто-административная?

Надзоръ за питейной продажей со стороны элемента общественнаго опредѣляется только слѣдующимъ постановленіемъ: «общества трезвости, приходскія попечительства и братства, церковныя совѣты, а также и частныя лица, которыя пожелаютъ содѣйствовать обнаруженію допускаемыхъ виноторговцами нарушеній, могутъ заявлять о такихъ нарушеніяхъ учрежденіямъ и лицамъ, на коихъ возложенъ надзоръ за производствомъ питейной торговли» (ст. 45). Къ сожалѣнію, единственная статья, посвященная общественному надзору въ новыхъ правилахъ, оказывается совершенно лишнею. Каждый человекъ, будь онъ даже не подданный Россійской имперіи или будь онъ лишенъ всѣхъ правъ не только по званію, но и по состоянію, пользуется неотъемлемымъ правомъ заявлять подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ о нарушеніяхъ закона. Поэтому эта статья лишена всякаго значенія.

Заявивъ сожалѣніе, что участіе общественнаго элемента въ надзорѣ за питейными продажами и въ противодействіи пьянству ограничено сдѣланной только, весьма мало значущей статьёй, мы должны теперь сказать о самомъ составѣ присутствій по питейнымъ дѣламъ, такъ какъ общественный элементъ отчасти допущенъ въ этомъ составѣ. Уѣздныя присутствія образуются изъ слѣдующихъ лицъ: непремѣннаго члена уѣзднаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, мирового судьи, по назначенію мирового съѣзда, исправника и чиновника, назначеннаго управляющимъ акцизными сборами. Предсѣдателемъ будетъ предводитель дворянства или членъ земской управы, по ея назначенію. Присутствіе приглашаетъ еще въ свои засѣданія, на правахъ члена, и того участковаго мирового судью, до мѣстности котораго относится разбираемый вопросъ. Губернскія присутствія будутъ состоять, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, губернскаго предводителя дворянства, прокурора, управляющаго казенной палатою, управляющаго акцизными сборами, предсѣдателя или члена земской управы и городского головы или члена городской управы, по выбору управы.

Перечисленіе это показываетъ, что питейныя присутствія будутъ состоять, во-первыхъ, преимущественно изъ чиновниковъ, а, во-вторыхъ, изъ такихъ административныхъ и выборныхъ лицъ, которыя имѣютъ другія

и, притомъ, многочисленныя занятія. У насъ вошло въ обычай предоставлять надзоръ за исполненіемъ всѣхъ новыхъ положеній на эти смѣшанныя присутствія. Присутствія по городскимъ дѣламъ, по крестьянскимъ дѣламъ, по воинской повинности, присутствія податныя имѣютъ составъ не только однородный, но, за исключеніемъ двухъ-трехъ членовъ въ каждомъ изъ нихъ, почти тождественный. Хотя въ глазахъ составителей каждаго отдѣльнаго законоположенія присутствія эти и представлялись «особыми» присутствіями, но, въ сущности, это въ каждомъ уѣздѣ и въ каждой губерніи почти одно присутствіе на всѣ дѣла. Такъ, предводитель дворянства, членъ земской управы, мировой судья, губернаторъ или исправникъ, прокуроръ или непремѣнный членъ участвуютъ во всѣхъ ихъ, и по этому самому, можно сказать, не участвуютъ дѣятельно ни въ одномъ изъ нихъ. Въ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ есть, по крайней мѣрѣ, непремѣнный членъ, на которомъ лежитъ, въ дѣйствительности, все дѣло и который одинъ, на практикѣ, и составляетъ все присутствіе. Но въ питейномъ присутствіи такого особаго дѣятеля нѣтъ, кромѣ акцизнаго чиновника—въ уѣздномъ и управляющаго акцизными сборами—въ губернскомъ. Ясно, что они и будутъ вершителями нитейныхъ дѣлъ.

Но это и обусловитъ преобладающе-чиновническій характеръ всего надзора за продажою питей. Какъ было безъ присутствія, такъ и съ присутствіемъ, останется сомнительно, чтобы о борьбѣ съ пьянствомъ, о распространеніи обществъ трезвости, объ ограниченіи мѣстъ питейной продажи могли наиболѣе дѣятельно и усердно, оставляя въ сторонѣ фискальный интересъ (какъ поступило министерство финансовъ при внесеніи закона въ государственный совѣтъ), заботиться акцизный чиновникъ и управляющій акцизными сборами, который будетъ назначать того чиновника въ уѣздное присутствіе, а самъ будетъ заправлять присутствіемъ губернскимъ.

Вотъ почему мы въ правѣ сказать, что новый питейный законъ совсѣмъ не осуществилъ мысли объ общественномъ надзорѣ за кабаками и о борьбѣ общества съ злоупотребленіемъ кабака, разореніемъ имъ народа и съ самымъ пьянствомъ. Какъ уже замѣчено нами выше, проектъ новаго закона слишкомъ долго отшлифовывался въ разныхъ инстанціяхъ и при этомъ утратилъ всѣ рельефныя черты предложеній, бывшихъ въ виду, за исключеніемъ только одной—отмѣны кабака, какъ мѣста продажи «голой водки». Мы не хотимъ быть односторонни, и потому начали разсмотрѣніе вопроса, рѣшаемаго новыми правилами, съ указаній на его сложность, на взаимно-противорѣчащія требованія, которыя въ немъ встрѣчаются, между прочимъ, и на тѣ опасенія, какія могло внушить предоставленіе надзора за питейной продажей непосредственно земству. Но мы держимся, все-таки, мнѣнія, что рѣшеніе вышло бы рациональнѣе и полнѣе, если бы законодатель положился въ этомъ случаѣ на безкорыстіе земства. Вполнѣ допускаемъ, что и въ земствѣ бываютъ люди разные, но,

вѣдь, въ общемъ нѣтъ же никакой возможности утверждать, что составъ мѣстной администраціи лучше состава земскихъ властей.

Въ концѣ-концовъ, приходится, все-таки, положиться на нравственность людей, примѣнителей закона. Но почему же думать, что акцизный чиновникъ и исправникъ вкупѣ съ земцами будутъ дѣйствовать нравственнѣе и усерднѣе, чѣмъ дѣйствовали бы одни земцы? Напротивъ, намъ кажется, что земство могло бы принять ованное ему въ этомъ случаѣ довѣріе, какъ вопросъ чести, захотѣло бы доказать еще болѣе свою полезность и достигло бы уменьшенія и злоупотребленій при продажѣ питей и пьянства вѣрнѣе, чѣмъ тѣ смѣшанныя присутствія, которыхъ коренная слабость обуславливается уже тѣмъ, что члены, ихъ составляющіе, присутствуютъ, такъ сказать, «по всѣмъ реформамъ»—и по крестьянской, и по городской, и по воинской, и по податной, а теперь еще и по питейной.

Кромѣ того, непосредственное подчиненіе надзора за раздробительной продажей питей земскимъ учрежденіямъ, которыя самостоятельно сносились бы съ акцизнымъ вѣдомствомъ, значительно приблизило бы эти учрежденія къ жизни деревенской, крестьянской, придало бы земству хоть нѣсколько дѣйствительной власти, которой оно пока совершенно лишено. Если одною изъ цѣлей питейной реформы должно было быть противо-дѣйствіе кулачеству, эксплуатаціи, закабаленію крестьянъ, которые опираются, прежде всего, на кабакъ, то кому же ближе было поручить и естественнѣе было работать въ этомъ именно направленіи, какъ не земству? Что ни дѣлайте, а кабакъ всегда будетъ играть въ сельской жизни вліятельную роль, уже хотя бы только потому, что онъ центръ, гдѣ люди ежедневно сходятся и толкуютъ обо всемъ, устраиваютъ дѣла. Питейная продажа, особенно же теперь, когда въ ней будутъ даже всѣ удобства для засѣданія, это не то, что кузница или мельница, или паромъ, гдѣ люди также встрѣчаются. Это есть «общественный домъ», public-house, какъ кабакъ и называется въ Англии. Онъ заиняетъ въ селеніи и клубъ, и газету, и биржу. Въ этихъ разныхъ значеніяхъ дѣло кабака—дѣло живое, а не мертвое, какъ какой-нибудь кузницы, да даже и мелочной лавки, гдѣ она есть. И вотъ потому и надзирать за нимъ, регулировать его или съ нимъ бороться (смотря по тому, какъ онъ ведется) лучше пристало бы учрежденію живому, каково земство, а не органу, по природѣ своей нейтральному, каково «питейное присутствіе».

И если земству поручено вліять самымъ рѣшительнымъ образомъ на отправленіе мѣстнаго правосудія, такъ какъ отъ него зависитъ выборъ мировыхъ судей, если земству поручены заботы о мѣстномъ хозяйствѣ, объ обезпеченіи народнаго здоровья, народнаго продовольствія и образованія, то почему же нельзя было поручать надзора за охраненіемъ всѣхъ этихъ же интересовъ отъ одной только болѣзни—пьянства, одного только врага и довольства, и образованія, и всякаго хозяйства—отъ кабака?

Для полноты обзора новаго, весьма важнаго въ бытовомъ отношеніи, нитейнаго закона, подробностей котораго мы не касаемся, остается упомянуть о приговорахъ относительно недопущенія раздробительной питейной торговли и о наказаніяхъ, устанавливаемыхъ за нарушеніе «правилъ». Приговоры сельскихъ обществъ о недопущеніи раздробительной торговли крѣпкими напитками дозволяется составлять на крестьянскихъ сходкахъ, простымъ большинствомъ голосовъ, но не иначе, какъ по каждому селенію отдѣльно, безъ различія, составляетъ ли селеніе одно сельское общество, или часть общества, или состоитъ изъ нѣсколькихъ обществъ. Такіе приговоры дѣйствительны на три года и представляются уѣздному присутствію; они не могутъ подлежать въ теченіе этого срока отмѣнѣ по ходатайству тѣхъ же селеній. Но вотъ что имѣетъ болѣе существенное значеніе: общества и владѣльцы, не желающіе допускать питейной продажи на своихъ земляхъ, могутъ просить о запрещеніи этой продажи еще и на земляхъ сосѣднихъ владѣльцевъ на разстояніи 100 сажень отъ усадебной оеѣдности своей. Такимъ образомъ, частный землевладѣлецъ если не дозволяетъ корчмы на своей землѣ, то можетъ и крестьянскую корчму нѣсколько отдалить отъ нея, что могутъ сдѣлать по отношенію къ нему и крестьяне.

Наказанія устанавливаются слѣдующія: арестъ и денежное взысканіе въ трехъ степеняхъ—не свыше 7 дней, двухъ недѣль и одного мѣсяца; не свыше 25 р., 50 р. и 100 рублей, наконецъ, отобраніе патента. Наказаніямъ этимъ подвергаются виновные въ разныхъ нарушеніяхъ правилъ, какъ, напримѣръ, за продажу распивочно изъ заведенія, торгующаго только на выносъ, за продажу питей въ долгъ, на счетъ будущаго урожая, подъ закладъ платья, посуды или иныхъ вещей, за промѣнъ на хлѣбъ или за платежъ виномъ за исполненіе работы и обязательствъ, за допущеніе малолѣтнихъ или видимо пьяныхъ къ распітію крѣпкихъ напитковъ, принятіе вещей завѣдомо краденыхъ и т. д. Эти послѣднія постановленія заслуживаютъ полнаго сочувствія.

Отмѣна подушной подати и преобразование оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ составляетъ предметъ другаго бытоваго закона, обнародованнаго въ прошломъ мѣсяцѣ. Этимъ постановленіемъ взиманіе подушной подати окончательно отмѣняется съ 1 января будущаго года со всѣхъ крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ, а съ 1 января 1887 года—съ государственныхъ крестьянъ. Такая отсрочка на годъ отмѣны подушной подати съ государственныхъ крестьянъ обусловлена тѣмъ обстоятельствомъ, что только 1 января 1887 года истекаетъ двадцатилѣтній срокъ, назначенный для размѣра оброчной подати указомъ 25 ноября 1866 года. Преобразование оброчной подати будетъ состоять въ зачѣтѣ ея выкупными платежами, или въ выкупѣ въ 44-хъ лѣтній срокъ самой подати, какъ выражается законъ.

Такимъ образомъ, земля, предоставленная государственнымъ крестьянамъ въ вѣчное пользованіе, обратится въ полную ихъ собственность, то-есть они получатъ, по окончаніи выкупа, право продавать ее. Казна при этомъ преобразованіи выиграетъ всю ту сумму, на какую выкупные платежи будутъ выше отиѣняемой оброчной подати. Разница же эта будетъ значительная и самый законъ опредѣляетъ максимумъ такого возвышенія ежегодныхъ платежей съ государственныхъ крестьянъ въ 45% нынѣшней ихъ суммы. Но этотъ предѣлъ 45% нынѣшней оброчной подати устанавливается именно только для итога разницы выкупныхъ платежей съ нынѣшней оброчной податю. Стало быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть, что государственный крестьянинъ будетъ нести выкупныхъ платежей больше, чѣмъ на 45% выше оброчной подати.

Такое возвышеніе поступленій съ государственныхъ крестьянъ составить для казны одинъ изъ источниковъ, изъ которыхъ долженъ быть покрытъ тотъ недоборъ, какой образуется для нея изъ отиѣны подушной подати (другіе источники для покрытія этого недобора—возвышеніе виннаго акциза и налогъ на доходы отъ денежныхъ капиталовъ). Упомянутое ограниченіе 45 процентами общей выгоды казны при замѣнѣ оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ выкупными платежами установлено государственнымъ совѣтомъ при разсмотрѣніи проекта закона, внесеннаго министерствомъ финансовъ. Печатный текстъ закона оправдываетъ и тотъ слухъ, о которомъ мы говорили въ прошлый разъ, именно, что государственный совѣтъ взялъ на себя при этомъ случаѣ починъ въ преобразованіи паспортной системы, основанной на подушныхъ сборахъ. Относящееся сюда утвержденное мѣсто мнѣнія государственнаго совѣта приводимъ дословно: «предоставить министру финансовъ приступить безотлагательно къ подготовительнымъ дѣйствіямъ и составленію предположеній объ измѣненіяхъ, которыя должны быть сдѣланы въ узаконеніяхъ, основанныхъ на счетѣ населенія по ревизскимъ душамъ, о порядкѣ отвѣтственности по уплатѣ въ казну окладныхъ сборовъ и о паспортной системѣ. Предположеніе по упомянутымъ предметамъ (то-есть еще и о преобразованіи оброчной подати въ выкупные платежи)... внести... съ такимъ расчетомъ времени, чтобы приведеніе ихъ въ дѣйствіе могло послѣдовать съ 1 января 1887 года».

Въ этой рѣшительной и грозной постановкѣ паспортнаго вопроса мы видимъ главную практическую пользу послѣдовавшей отиѣны подушной подати. Другое значеніе ея преимущественно нравственное. Чувствительнаго матеріальнаго облегченія отиѣна эта не произведетъ, такъ какъ, съ одной стороны, уплата подушной подати не была затруднительна, вслѣдствіе прироста населенія со времени послѣдней ревизіи и упадка цѣнности кредитнаго рубля со времени послѣдняго оклада, и, съ другой стороны, возвышеніе виннаго акциза на 1 р. съ ведра безводнаго спирта представляетъ собой новое бремя, которое поглотитъ часть подушной льготы.

Законъ о помощи спеціальнымъ государственнымъ дешевымъ кредитомъ дворянской земельной собственности уже вступилъ въ силу. Изложимъ здѣсь главныя основанія этого закона. Государственный дворянскій банкъ учреждается первоначально на капиталъ въ 3 милліона рублей кредита, позаимствованныхъ у общаго государственнаго банка и имѣющихъ быть возмѣщенными изъ прибылей. Дворянскій банкъ будетъ выдавать ссуды подѣ залогъ земли исключительно потомственнымъ дворянамъ Европейской Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, Царства Польскаго и прибалтійскаго края. Дворянскій банкъ будетъ имѣть отдѣленія въ провинціи, въ которыхъ будутъ члены отъ дворянства, какъ и въ совѣтѣ самаго банка, но члены оцѣнщики, какъ и управляющіе отдѣленіемъ и центральнымъ управленіемъ банка, назначаются правительствомъ. Банкъ будетъ производить ссуды подѣ залогъ земельной собственности, свободной отъ долговъ, или съ условіемъ уплаты этихъ долговъ изъ ссуды, назначенной къ выдачѣ, или, наконецъ, по согласію кредиторовъ заемщика на полученіе имъ такой ссуды, но съ предоставленіемъ банку права преимущественнаго удовлетворенія по сдѣланному у него долгу. Банкъ принимаетъ на себя расчеты по переводу и погашенію долга закладываемаго въ немъ имѣнія тѣмъ частнымъ кредитнымъ установленіемъ, изъ залога въ которыхъ имѣнія эти къ нему переводятся. Если заложенное въ дворянскомъ банкѣ имѣніе перейдетъ къ лицу не-дворянскаго происхожденія, не по наслѣдству, то новый собственникъ имѣнія обязанъ погасить всю сумму долга банку въ срокъ не свыше пяти лѣтъ; въ противномъ случаѣ, имѣніе продается банкомъ съ публичныхъ торговъ.

Ссуды выдаются банкомъ на сроки 48 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ и 36 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, въ размѣрѣ не болѣе 60% оцѣночной стоимости закладываемаго имѣнія; но размѣръ этотъ можетъ быть увеличиваемъ до 75% оцѣнки, по согласію $\frac{2}{3}$ голосовъ членовъ совѣта и съ утвержденія министра финансовъ, если ссуда испрашивается для перезалога имѣнія изъ частнаго кредитнаго учрежденія и оказывается необходимою въ такомъ возвышенномъ размѣрѣ для покрытія долга частному банку, притомъ долга, сдѣланнаго раньше 3 іюня текущаго года. Нормальныя цѣны на земли устанавливаются соглашеніемъ между тремя министерствами и ссуды по нормальной оцѣнкѣ разрѣшаются отдѣленіемъ, которое, впрочемъ, можетъ признать нужною спеціальную оцѣнку, какъ и самъ заемщикъ можетъ требовать спеціальной оцѣнки по полученіи ссуды на основаніи оцѣнки нормальной, для того, чтобы просить потомъ дополнительной ссуды. Фабрики и заводы, находящіеся въ имѣніяхъ, въ оцѣнку не включаются, но лѣса включаются въ томъ случаѣ, если въ нихъ рубка производится по плану, который при этомъ становится обязательнымъ.

Банкъ получаетъ средства на производство ссудъ выпускомъ закладныхъ листовъ, которые реализуетъ самъ, а заемщику выдаетъ наличныя деньги, но записываетъ ему въ долгъ сумму по номинальной сто-

имости закладныхъ листовъ, то-есть потерю при реализаціи относить на счетъ заемщика. Эти закладные листы обезпечиваются какъ имѣніемъ, заложеннымъ въ банкѣ, такъ и всѣми средствами правительства, что вполне естественно въ банкѣ государственномъ. Листы принимаются въ залоги по подрядамъ наравнѣ съ 5% билетами государственнаго банка.

Обратимся къ самому «интересному» вопросу—къ платежамъ заемщиковъ. Срочные платежи банку будутъ производиться по полугодно и имѣть такой составъ: 2½ процента роста, ¼ или ½ процента погашенія, смотря по тому, выдана ли ссуда на 48 или на 36 лѣтъ, наконецъ, ½ процента на расходы по управленію банка и образованіе его запаснаго капитала. Такимъ образомъ, дворянскій банкъ будетъ давать ссуды по 5¾—6¼ процента годовыхъ. Но погашеніе сдѣлано обязательнымъ, а не факультативнымъ. Сверхъ того, заемщикъ уплачиваетъ, при совершеніи залога, ¼ процента одновременно. Допускаются еще льготы въ случаяхъ чрезвычайныхъ бѣдствій, постигшихъ заемщика. Льготы эти могутъ заключаться въ разсрочкѣ на три года не болѣе двухъ полугодичныхъ платежей, съ обязательствомъ погасить ихъ равнымъ полугодовымъ взносомъ, или же въ отсрочкѣ на годъ внесеннаго въ свое время платежа.

Въ заключительныхъ статьяхъ «положенія» о дворянскомъ банкѣ еще прямо выражено, что банкъ этотъ «содержится на средства, выручаемыя отъ производства операций»; къ этимъ средствамъ относятся, кромѣ одновременнаго и срочныхъ платежей заемщиковъ, еще пени по просрочкамъ и проценты на операціонныя суммы банка. Провозглашено также правило, что «запасный капиталъ банка не можетъ быть обращаемъ на государственныя потребности и предназначается исключительно на поддержаніе и развитіе дворянскаго землевладѣльческаго кредита». Въ мѣстѣ государственнаго совѣта, согласно которому состоялось утвержденіе положенія о дворянскомъ банкѣ, предоставлено министру финансовъ подвергнуть соображенію особо еще слѣдующіе вопросы: 1) о мѣрахъ, какія могли бы быть приняты для облегченія при помощи дворянскаго банка нынѣшняго положенія заемщиковъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, въ которомъ платежи считаны на металлическую валюту, а потому особенно стѣснительны, и 2) объ облегченіи заемщикамъ, заложившимъ въ дворянскомъ банкѣ свои имѣнія, «способовъ» къ пользованію краткосрочнымъ кредитомъ.

Такъ какъ мы рассматривали въ предшествующемъ обзорѣни вопросъ объ учрежденіи специально-дворянскаго государственнаго кредита въ самомъ ходѣ развитія этого вопроса, то теперь можемъ ограничиться лишь краткимъ замѣчаніемъ относительно «положенія» уже вышедшаго. Оно хорошо составлено и во всякомъ случаѣ представляетъ собою наилучшее, что могло быть сдѣлано для рѣшенія такого вопроса, въ которомъ экономическія условія смѣшиваются съ видами, принадлежащими къ совѣтѣ

ной сферѣ. Несомнѣнно, что размѣръ процента, опредѣленный государствомъ для заемщиковъ-дворянъ, ниже того, какой требуютъ банки частныя; онъ ниже даже и тѣхъ платежей, на какихъ государство же предоставляетъ кредитъ заемщикамъ въ банкѣ крестьянскомъ. Государственный кредитъ открывается дворянскому сословію на условіяхъ болѣе выгодныхъ также, чѣмъ тѣ, на которыхъ онъ доступенъ классамъ торговымъ и промышленнымъ.

И тѣмъ не менѣе, все-таки, дѣло очень гадательное, достигнетъ ли дворянскій банкъ своей цѣли—удержать въ рукахъ дворянства тѣ земли, которыми оно въ настоящее время владѣетъ. Прежде всего, пройдетъ еще продолжительное время, пока дворянскія имѣнія успѣютъ перевестись въ государственный банкъ изъ банковъ частныхъ, такъ какъ въ самомъ развитіи операций дворянскаго банка придется соблюдать нѣкоторую постепенность. Затѣмъ, допустимъ, что для большинства дворянскихъ имѣній, на которыхъ выдана ссуда въ размѣрѣ 60% высокой оцѣнки, доступенъ будетъ переходъ въ дворянскій банкъ при помощи ссуды въ 75% съ оцѣнки болѣе умѣренной, но въ результатѣ, все-таки, окажется необходимымъ исправно уплачивать около 6½ процентовъ въ годъ съ суммы дѣйствительно реализованнаго капитала. Между тѣмъ, коренной вопросъ заключается не столько въ разницѣ 1½ или 2 процентовъ по годичнымъ платежамъ, но въ трудности вносить срочные платежи исправно, когда не имѣешь оборотнаго капитала, въ невозможности правильнаго оредняго хозяйства при отсутствіи хозяина изъ имѣнія и, наконецъ, въ затруднительности правильнаго малаго хозяйства при большихъ личныхъ расходахъ. Прибавимъ, что всѣ эти недостатки менѣе чувствительны для самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Имъ легче обзавестись оборотнымъ капиталомъ посредствомъ предоставленія какихъ-либо угодій въ аренду, или путемъ личнаго кредита они могутъ замѣнить себя хорошими управляющими, наконецъ, ихъ минимумъ необходимаго на личное содержаніе не такъ тяжелъ для хозяйства. При нѣкоторомъ благоразуміи крупнѣйшіе дворяне-землевладѣльцы еще долго могутъ держаться и для нихъ-то пониженіе самаго размѣра срочныхъ платежей на какую-нибудь четвертую часть можетъ составлять именно первостепенный вопросъ. Поэтому, мы думаемъ, что дворянскій банкъ наиболѣе пользы принесетъ самому крупному, но пошатнувшемуся землевладѣнію, если оно пожелаетъ поправить свои дѣла.

Банкъ крестьянскій, какъ показываетъ недавно опубликованный отчетъ его, дѣйствуетъ успѣшно. Но надо имѣть въ виду, что онъ помогаетъ такому элементу, который самъ естественно стремится къ расширенію. Дворянскій же банкъ долженъ оказать помощь такому явленію, которое естественно клонится къ упадку. Задачи обоихъ этихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, поэтому, далеко не одинаково удобоисполнимы.

Упомянемъ здѣсь кстати, что повелѣніемъ, состоявшимся 10 мая, предоставлено министру финансовъ разрѣшить крестьянскому банку выпускъ свидѣтельствъ и въ нынѣшнемъ году на 10 милл. рублей.

Такъ какъ намъ придется упомянуть еще о законѣ, относящемся къ регулированію условій работы фабричныхъ рабочихъ, то поставимъ здѣсь же нѣсколько замѣчаній о наймѣ рабочихъ сельскихъ. Извѣстно, что трудность находить рабочихъ, а въ особенности полагаться на исполненіе ими принятыхъ обязательствъ, составляетъ предметъ второй главной жалобы нашихъ землевладѣльцевъ. Первая ихъ жалоба была—на тягость условій кредита въ частныхъ банкахъ; эта жалоба теперь должна постепенно устраниваться для землевладѣльцевъ. Вторая, постоянно указываемая землевладѣльцами причина упадка частнаго хозяйства въ Россіи формулируется такъ: «неисполненіе рабочими принятыхъ на себя обязательствъ и безуспѣшность мѣръ взысканія за неисполненіе договоровъ личнаго найма». Въ изданномъ отдѣльной брошюрой *) рефератѣ генерала Лишина въ вольно-экономическомъ обществѣ по этому вопросу положеніе нанимателей въ Россіи рисуется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Безъ задатка рабочій вовсе не рядится и задатокъ получаетъ иногда за 6 мѣсяцевъ впередъ, и затѣмъ землевладѣлецъ попадаетъ въ полную зависимость отъ рабочаго, такъ какъ на него нѣтъ ни судебныхъ доказательствъ, ни самаго суда, ни, наконецъ, какой-либо матеріальной гарантіи. Получивъ задатки осенью и зимою, рабочіе не приходятъ на работы къ условленному сроку, а то и вовсе не являются, или работаютъ такъ плохо, что хозяинъ бываетъ принужденъ самъ отказать имъ до срока.

Вотъ какъ г. Лишинъ рисуетъ картину возникающихъ отсюда послѣдствій: «Землевладѣльцы поставлены въ необходимость сокращать свои запашки, земля несвоевременно вспахивается, посѣвы запаздываютъ, хлѣбъ не только убирается поздно, но часто цѣлыми партіями (?) пропадаетъ на корнѣ; къ тому же, отъ крайне небрежнаго обращенія рабочихъ съ инвентаремъ земледѣльческія орудія и рабочій скотъ портятся; словомъ сказать,—заключаетъ авторъ,—сельское хозяйство въ настоящее время обезсилено со всѣхъ сторонъ и оно систематически падаетъ». Теперь, въ виду такой картины, спрашивается, что можетъ сдѣлать дворянскій банкъ, такъ какъ г. Лишинъ несомнѣнно имѣлъ въ виду именно дворянское сельское хозяйство? Облегчить на $\frac{1}{4}$ банковые платежи такому хозяйству, которое сокращаетъ свои запашки, обезсилено со всѣхъ сторонъ и самъ по себѣ, независимо отъ банковъ, по самымъ условіямъ своего производства—систематически падаетъ?

Извѣстно, что относительно найма сельскихъ рабочихъ существуютъ

*) *Нѣсколько замѣтокъ о современной постановкѣ личнаго найма сельскихъ рабочихъ въ Россіи.*

доселѣ въ законѣ только «временныя правила», приложенныя къ одной изъ статей положенія о присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. Этими правилами установлены были «рабочія книжки», выдаваемыя изъ волостныхъ правленій, думъ и ратушь. Эти рабочія книжки, съ расчетнымъ листомъ при нихъ, законъ постановлялъ принимать въ основаніе при судебномъ разборѣ исковъ между рабочими и нанимателями. Иски же эти должны были разбираться у мировыхъ судей или въ волостныхъ судахъ, по званію или желанію договорившихся. Въ этихъ правилахъ не было ничего несправедливаго, за исключеніемъ развѣ того, что по нимъ договоръ могъ быть прекращенъ судомъ по жалобѣ нанимателя, между прочимъ, за одну «грубость» или «дерзкіе поступки рабочаго», между тѣмъ какъ рабочій для расторженія договора по соотвѣтствующему поводу обязанъ уже былъ доказать «побѣи, тяжкія оскорбленія и дурное обращеніе».

Но правила эти не исполнялись и рабочія книжки не вошли въ употребленіе. Затѣмъ, вопросъ объ условіяхъ найма разсматривался въ «особыхъ» комиссіяхъ, подъ предсѣдательствомъ графа Игнатъева (отца бывшаго министра) и графа Валуева. Последняя изъ нихъ (та же, которая занималась въ началѣ 70-хъ годовъ изслѣдованіемъ сельскаго хозяйства) выработала, между прочимъ, слѣдующія чудовищныя основанія: «чтобы волостныя правленія и полиція, по предъявленіи имъ письменныхъ условій найма, немедленно, безъ разбирательства дѣла и не принимая никакихъ возраженій, возвращали рабочихъ, самовольно оставившихъ своего хозяина, дальнѣйшій же разборъ дѣла подлежалъ бы вѣдѣнію мировыхъ судей, притомъ, не только участковыхъ, но и почетныхъ».

Однако, въ концѣ-концовъ, комиссія графа Валуева пришла къ такому выводу, что «высканія за нарушеніе условій найма, при существующихъ въ настоящее время порядкахъ, представляются почти невозможными». Между тѣмъ, г. Липинъ ссылается на фактъ, что въ Царствѣ Польскомъ существуютъ «явочныя» книжки для слугъ, выдаваемыя частными конторами, и еще на то, что дѣйствующая нынѣ фабричная комиссія сдѣлала обязательными «расчетныя» книжки для найма рабочихъ на фабрикахъ, высказываетъ убѣжденіе въ необходимости ввести такія же расчетныя книжки и для найма сельскихъ рабочихъ, съ тѣмъ, чтобы книжки эти служили юридическимъ обезпеченіемъ исковъ и чтобы наниматели не имѣли права принимать рабочихъ безъ книжекъ, а волостнымъ судамъ и сельской полиціи предоставлено было высылать рабочихъ, отлучившихся съ мѣста работъ, съ нарушеніемъ занесенныхъ въ расчетную книжку условій.

Нельзя не замѣтить, что въ этомъ вопросѣ о наймѣ рабочихъ, какъ почти во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ у насъ принято видѣть «пробѣлы» въ законодательствѣ, есть двѣ стороны. Одна изъ нихъ именно недостатокъ положительныхъ опредѣленій въ законѣ. Нѣтъ ничего легче,

какъ пополнить такой «пробѣлъ» десятью строками закона. Эти десять строкъ могли бы, допустимъ, установить обязательность расчетныхъ книжекъ для найма всякаго рода рабочихъ, исключая мѣстныхъ. Пусть эти книжки имѣютъ юридическую силу, если онѣ будутъ формулированы справедливо, то-есть будутъ настолько гарантировать рабочихъ, насколько и обязывать ихъ. Но много ли отъ этого выиграется на практикѣ? Вотъ здѣсь-то и представляется другая сторона вопроса: необезпеченность нѣкоторыхъ отношеній зависитъ не столько отъ недостатка опредѣленій въ законѣ, сколько отъ трудности сообщить ему принудительную силу, безъ которой, по ученію самихъ юристовъ, законъ не можетъ считаться закономъ. Громадность пространства и малонаселенность страны, обуславливая затруднительность, медленность отправленій самой юстиціи, дѣлаютъ почти невозможнымъ обращеніе къ ней въ большинствѣ случаевъ мелкихъ нарушеній правъ собственности.

Здѣсь не законъ виновать; вѣдь, насчетъ самовольной порубки или умышленной порчи чужой собственности въ законѣ есть вполне точныя опредѣленія и потерпѣвшему даны, на бумагѣ, всѣ средства получить удовлетвореніе. А, между тѣмъ, добиваться удовлетворенія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, просто не стоитъ. Чуть ли не то же самое было бы и съ удовлетвореніемъ по расчетнымъ книжкамъ. Г. Липинъ хочетъ возложить на волостныя и сельскія власти высылку самовольно ушедшихъ съ работы. Но, вѣдь, для разбора этого дѣла, все равно—волостнымъ или мировымъ судомъ или хотя бы сельскимъ старостою, нанятому или его повѣренному пришлось бы пріѣзжать съ доказательствами. Иначе, если бы сельскія власти обязаны были просто высылать рабочаго, по присылкѣ его рабочей книги, «не принимая никакихъ съ его стороны возраженій», какъ предполагала коммиссія графа Валуева, то это было бы вопіющею кабалой. Рабочій ушелъ, быть можетъ, оттого, что подрядчикъ морилъ его голодомъ, держалъ въ такихъ землянкахъ, въ которыхъ открылся пятнистый тифъ, и т. п., какъ то бываетъ вовсе нерѣдко, и сельскія власти были бы обязаны высылать такого рабочаго по первому требованію, безъ всякихъ объясненій... Этого невозможно допустить. Наконецъ, предположимъ даже, что подобная кабала въ самомъ дѣлѣ установлена; но, вѣдь, она, все-таки, можетъ быть установлена только на бумагѣ. Какимъ же образомъ сельскія власти будутъ «высылать» рабочаго на то мѣсто, съ котораго онъ ушелъ? Десятскій сведетъ его за послѣднюю изгородь селенія и пустить,—это ли будетъ высылка? Или требуется, чтобы сельскія власти доставляли такихъ рабочихъ въ уѣздный городъ и сдавали ихъ этапному начальнику? Но, въ такомъ случаѣ, ихъ пришлось бы вести какъ преступниковъ, по одному заявленію нанимателя, что совсѣмъ нелѣпо.

Авторъ брошюры упрекаетъ и мировыхъ судей за слишкомъ формальное отношеніе къ разбирательству дѣлъ. Но на практикѣ главное въ томъ,

что огромное большинство подобныхъ дѣлъ никогда не будетъ доведено до разбора въ мировомъ ли, или въ волостномъ судѣ, все равно, потому что не стоить доводить ихъ до суда; на поѣздку и веденіе дѣла предприниматель истратитъ болѣе времени и денегъ, чѣмъ сколько онъ теряетъ отъ ухода рабочаго. При такихъ дѣйствительныхъ условіяхъ, чуть ли не приходится нанимателямъ утѣшаться тѣмъ замѣчаніемъ, какое по этому вопросу высказалъ въ вольно-экономическомъ обществѣ покойный К. Д. Кавелинъ, именно, что у хорошаго хозяина бываетъ и работникъ хорошій.

Конечно, случается и иначе. Но если поставить вопросъ болѣе общимъ образомъ, если спросить: какіе случаи въ Россіи имѣютъ характеръ болѣе повсемѣстный и встрѣчаются чаще, тѣ ли, что рабочіе нарушаютъ свои обязательства и, безъ всякой вины нанимателя, ради полученія болѣшей выгоды въ другомъ мѣстѣ, уходятъ, или что рабочіе остаются и обязанности свои исполняютъ, но хозяева содержатъ ихъ самымъ невозможнымъ образомъ, штрафуютъ ихъ совершенно произвольно, подвергаютъ ихъ опасности и болѣзней, и увѣчья, и пожара, эксплуатируютъ немилосердно такихъ рабочихъ, которые никуда уйти не могутъ, а именно дѣтей и женщинъ, то отвѣтъ еще неизвѣстно какой будетъ.

Несомнѣнно только, что первыя же донесенія недавно учрежденной фабричной инспекціи обнаружили необходимость законодательной защиты этимъ послѣднимъ, несвободнымъ рабочимъ. Законъ, состоявшійся 3 іюня, воспретилъ, въ видѣ опыта на 3 года, съ 1 октября, для женщинъ и подростковъ, не достигшихъ 17-ти лѣтняго возраста, ночныя работы на хлопчато-бумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ, предоставивъ соглашенію двухъ министровъ распространять эту мѣру и на другія промышленныя заведенія, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе 3 лѣтъ составленъ былъ проектъ закона какъ относительно вопроса о ночной работѣ женщинъ и подростковъ, такъ и о работѣ малолѣтнихъ.

Вмѣшательство государственной власти въ отношеніе между фабрикантами и рабочими собственно съ цѣлью охраненія личности послѣднихъ не представляетъ ничего новаго. Съ самыхъ первыхъ поръ сильнаго развитія индустриализма, съ сороковыхъ годовъ, въ Англіи, классической странѣ экономической свободы, подобное вмѣшательство было признано необходимымъ. Въ экономическія же отношенія государственная власть не вмѣшивалась, но при этомъ надо всегда имѣть въ виду, что за то она предоставляла рабочимъ неограниченное право соглашеній для забастовокъ, для митинговъ съ цѣлью массоваго отказа фабрикантамъ въ работѣ, допускала учрежденіе съ этой цѣлью постоянныхъ обществъ (Trade's unions),—однимъ словомъ, не лишала рабочихъ той свободы соглашенія, какую пользовались фабриканты и которая въ большинствѣ государствъ европейскаго материка долгое время признавалась мятежною и подавлялась полицейскими мѣрами.

Въ настоящее время уже и на материкѣ почти вездѣ признано право

забастовокъ, и, сверхъ того, законодательства нѣкоторыхъ странъ признали нужною защиту личности рабочихъ въ такихъ предѣлахъ, которые постоянно еще раздвигаются. Такъ, нынѣшней весной вопелъ въ силу новый фабричный законъ въ Австріи, которымъ максимумъ рабочихъ часовъ въ сутки опредѣленъ въ 11, съ промежуткомъ отдыха въ 1½ часа, не входящихъ въ означенное число; сверхъ того, законъ этотъ установилъ обязательный воскресный отдыхъ.

Законъ, отмѣняющій ночную работу несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, вышедшій у насъ въ прошломъ мѣсяцѣ, по самой своей неокончателности указываетъ на крайнюю необходимость безотлагательнаго вмѣшательства. Въ самомъ дѣлѣ, законъ этотъ изданъ только на время, а, между тѣмъ, вѣдь, уже имѣлся законъ 1882 года, которымъ воспрещалась ночная работа не достигшимъ 15-ти лѣтняго возраста, съ тѣмъ, чтобы вводился онъ постепенно, въ теченіе 2 лѣтъ, допуская, все-таки, на этотъ срокъ ночную работу малолѣтнихъ въ производствахъ, не причиняющихъ вреда ихъ здоровью.

Если въ виду существованія такого закона и въ предположеніи, что законъ окончательный будетъ составленъ еще черезъ 3 года, признано необходимымъ теперь же безусловно отмѣнить ночную работу малолѣтнихъ и женщинъ закономъ временнымъ, то ясно, что полученныя свѣдѣнія о положеніи этой категоріи рабочихъ на нашихъ фабрикахъ должны быть крайне неутѣшительными; между тѣмъ, не успѣлъ выдти законъ 3 іюня, какъ нѣкоторые изъ нашихъ подмосковныхъ фабрикантовъ уже послали куда слѣдуетъ просьбу объ отсрочкѣ его примѣненія. Справедливо или нѣтъ явившееся затѣмъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* обличеніе, будто въ этомъ ходатайствѣ скрывается какая-то спекуляція, такъ какъ въ числѣ просящихъ есть владѣльцы такихъ фабрикъ, на которыхъ ночныхъ работъ не производилось, но во всякомъ случаѣ предоставленіе отсрочки въ примѣненіи закона временнаго, прямо вызваннаго необходимостью мѣръ безотлагательныхъ, противорѣчило бы логикѣ.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ важномъ законодательномъ измѣненіи, обнародованномъ въ концѣ мая, а именно объ узаконеніи 20 мая о порядкѣ изданія общаго наказа судебнымъ установленіямъ и о дисциплинарной отвѣтственности «чиновъ судебного вѣдомства». По поводу опредѣленія вновь порядка, какимъ долженъ состояться общій «наказъ» судебнымъ мѣстамъ, то-есть дополнительныя къ судебнымъ уставамъ инструкціи, имѣющія цѣлью, значить, опредѣлить и объединить судебное дѣлопроизводство и судебно-административныя отношенія, признано необходимымъ ввести нѣкоторыя измѣненія и въ самое судебное учрежденіе. Измѣненія эти касаются дисциплинарной власти въ судебномъ вѣдомствѣ. Конечно, подробности внутреннихъ распоряжковъ судебныхъ мѣстъ могли бы представлять для общества только интересъ второ-

степенный, если бы къ этому не примѣшивалась естественная заботливость объ охраненіи той независимости судей отъ административнаго вліянія, которая представляетъ собой и общій интересъ, и одну изъ основныхъ чертъ судебныхъ уставовъ Императора Александра II.

Въ виду агитаціи, какая велась противъ судебной независимости, несмѣняемости судей и окончательности рѣшеній высшихъ судовъ въ известной части печати, наибольшій интересъ возбуждаютъ, естественно, тѣ статьи новаго узаконенія, которыя касаются дисциплинарной власти.

Для того, чтобы оцѣнить съ точностью сдѣланныя измѣненія, необходимо имѣть въ виду, что въ самыхъ судебныхъ уставахъ допускались въ достаточной мѣрѣ и дисциплинарная власть высшаго суда надъ судебными органами и лицами, и даже законные поводы для удаленія судьи отъ должности безъ наличности уголовного съ его стороны преступленія. Такъ, ст. 295 предоставляла общему собранію кассационныхъ департаментовъ сената право удалить отъ должности судью, который подвергся какому-либо взысканію или наказанію, хотя бы и не соединенному съ лишеніемъ права на службу; ст. 293 допускала преданіе уголовному суду такого судью, который въ теченіе одного года подвергся три раза предостереженію въ порядкѣ дисциплинарномъ.

Изложимъ тотъ порядокъ, который устанавливается теперь взаимѣнъ 295 статья. Когда судья за преступленіе или проступокъ, не относящіеся къ службѣ, будетъ въ уголовномъ порядкѣ подвергнутъ какому-либо взысканію или наказанію, хотя бы и не соединенному съ потерей права на службу, то обстоятельство это передается на обсужденіе высшаго дисциплинарнаго присутствія сената, которое, истребовавъ отъ судьи объясненіе, можетъ по обстоятельствамъ постановить объ увольненіи его отъ должности. Это высшее дисциплинарное присутствіе сената будетъ состоять изъ первоприсутствующихъ кассационныхъ департаментовъ, изъ всѣхъ сенаторовъ соединеннаго присутствія этихъ департаментовъ и департамента перваго и еще 4-хъ сенаторовъ судебного же сената, подъ предсѣдательствомъ того изъ первоприсутствующихъ, который для этого будетъ особо назначенъ.

Временному устраненію отъ должности можетъ подлежать судья еще и не осужденный въ порядкѣ уголовномъ (за преступленіе, не относящееся къ службѣ), если онъ привлеченъ къ слѣдствію по дѣянію, влекущему за собой кару тюремнаго заключенія и выше, причемъ высшему дисциплинарному суду предоставляется принять эту мѣру, въ случаѣ настоятельности, и безъ истребованія у него объясненій. Затѣмъ предоставляется министру юстиціи передавать на обсужденіе высшаго присутствія еще дѣла о судьяхъ, если министромъ будетъ усмотрѣнъ одинъ изъ слѣдующихъ случаевъ: «что судья совершилъ такія служебныя упущенія, которыя хотя и не влекутъ удаленія его отъ должности по суду, но по своему значенію или многократности свидѣтельствуютъ о несоотвѣтствіи

виновнаго въ нихъ судья занимаемому имъ положенію, или о явномъ съ его стороны пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ; или что судья дозволилъ себѣ внѣ службы такіе противныя нравственности или предсудительныя поступки, которые, хотя и не имѣли послѣдствіемъ привлеченіе его къ уголовной отвѣтственности, но, будучи несомнѣнны съ достоинствомъ судейскаго званія и получивъ огласку, лишаютъ совершившаго ихъ судью необходимыхъ для сего званія довѣрія и уваженія, или, наконецъ, что судья, поставивъ себя образомъ своихъ дѣйствій въ мѣстѣ служенія въ такое положеніе, которое подаетъ основательный поводъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ спокойномъ и безпристрастномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей, тѣмъ не менѣе, уклоняется отъ предлагаемаго ему перевода въ другую мѣстность на равную должность».

Высшее дисциплинарное присутствіе сената, по передачѣ ему такихъ дѣлъ министерствъ юстиціи, должно истребовать объясненіе отъ судьи, а затѣмъ можетъ постановить, въ первыхъ двухъ случаяхъ, объ увольненіи его отъ должности, а въ послѣднемъ—о перемѣщеніи его въ другую мѣстность на равную судейскую должность. Первые два случая, какъ и упомянутое выше положеніе, подсудное или подслѣдственное, представляютъ собой еще нѣчто опредѣленное: по отношенію къ нимъ нынѣшній законъ расширяетъ и усиливаетъ дисциплинарныя мѣропріятія противъ судей, подвергающихся общественному нареканію. Но третій случай, упоминаемый въ узаконеніи 20 мая, вводитъ въ судебныя уставы нѣчто новое, законодательному опредѣленію не поддающееся. Въ самомъ дѣлѣ, все различіе отношеній, установленныхъ судебными уставами,—отношеній административной подчиненности,—заключается въ томъ, что независимость судьи обезпечена отъ мѣстныхъ административныхъ вліяній; хотя это можетъ вести къ столкновеніямъ, которыя всегда прискорбны, но вовсе не исключаетъ возможности спокойнаго и безпристрастнаго исполненія судьей его обязанностей. Скажемъ болѣе: независимость только и проявляется именно при возможности не утрачивать тѣмъ, чтобы поставить себя въ какое-либо неудобное положеніе относительно администраціи. *Русскія Выдѣлости* совершенно справедливо замѣчаютъ, что въ новомъ законѣ явно свозитъ недоувѣріе къ коллегиальному началу и предпочтеніе личнаго усмотрѣнія. Этими узаконеніями наносится тяжкій ударъ кореннымъ основамъ знаменитыхъ судебныхъ уставовъ (*Русскія Выд.*, № 169). Въ области правосудія несмѣняемость судей, ихъ независимость отъ административнаго давленія и коллегиальное устройство судебныхъ установленій служатъ вѣрнѣйшимъ обезпеченіемъ справедливости приговора и высокаго общественнаго авторитета суда.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Іюль

1885 года.

Содержаніе: I. Книги: Беллетристика.—Философія.—Исторія.—Политическая экономія и книги юридическія.—Географія, этнографія, антропологія.—Педагогія, учебники, книги для народнаго чтенія.—Естествознаніе и медицина.—Сельское хозяйство и технология.—II. Периодическія изданія: Русскіе, нѣмецкіе и польскіе журналы. III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ журналѣ „Русская Мысль“ съ октября 1884 г. по іюль 1885 г. IV. Указатель новыхъ книгъ. V. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ. VI. Объявленія.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„На Индію при Петръ I“. Г. П. Данилевскаго.—„Потемкинъ на Дунаѣ“. Г. П. Данилевскаго.—„Царевичъ Алексѣй Петровичъ“. П. В. Полежаева.—„Патріархъ Никонъ“. М. А. Филиппова.—„На отдыхѣ“. Жителя.—„И молотомъ, и золотомъ“. А. Михайлова.—„Необъяснимое и необъясненное изъ личныхъ и семейныхъ воспоминаній“. В. Желиховской.

На Индію при Петръ I.—Потемкинъ на Дунаѣ. Историческіе романы. Г. П. Данилевскаго. Спб., 1885 г. Имя г. Данилевскаго занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ среди именъ писателей историческихъ романовъ; оно пользуется заслуженною извѣстностью и за границею: его романы: *Быльи въ Новороссіи*, *Воля*, *Новыя мѣста*, *Мировичъ* и др. переведены на нѣмецкій языкъ. Въ романѣ *На Индію при Петръ I* разсказана печальная исторія первой русской экспедиціи въ Хиву, снаряженной при Петрѣ Великомъ подъ начальствомъ Бековича. Въ приказѣ командирующей экспедиціей царь писалъ, между прочимъ: «Въхать тебѣ къ хивинскому хану и въ Индію къ Моголу... Для сего дать четыре тысячи солдатъ, судовъ и козаковъ. Все то сдѣлать... а въ газардъ не входитъ». Малочисленность вооруженной силы и инструкція государя показываютъ ясно, что экспедиція отнюдь не предназначалась для завоевательныхъ цѣлей; солдаты же и козаки должны были служить просто конвоемъ для охраны царскаго посольства,—конвоемъ, достаточно сильнымъ, чтобы, въ случаѣ крайности, постоять за себя даже при враждебномъ настроеніи средне-азиатскихъ хановъ. Давая свои инструкціи, царь, очевидно, зналъ или догадывался, съ кѣмъ придется имѣть дѣло его посоль-

ству. Но Бекевичъ, вопреки приказу, вошелъ въ *казарды*; послѣ первыхъ удачныхъ стычекъ съ хивинскимъ ханомъ онъ повѣрилъ ему на слово, далъ заманить себя съ небольшою свиткою въ непріятельскій лагерь для переговоровъ и былъ тамъ измѣнически убитъ со всѣмъ своимъ штабомъ; весь экспедиционный отрядъ былъ уничтоженъ хивинцами по частямъ. Разсказъ объ историческихъ событіяхъ тѣсно связанъ съ романомъ артиллерійскаго офицера Касаткина, учившагося въ Парижѣ, прикомандированнаго къ отряду Бекевича, попавшаго въ плѣнъ къ хивинцамъ, бѣжавшаго въ Индію и вернуващагося въ Петербургъ къ молодой женѣ, красавицѣ Дунѣ, любимицѣ царя Петра.

Потемкинъ на Дунай представляетъ еще болѣшій интересъ. Тутъ, какъ живое, встаетъ передъ читателемъ екатерининскій вѣкъ съ «большимъ» дворомъ въ Петербургѣ, гдѣ только что вошли въ силу Зубовы, и съ «малымъ» въ Гатчинѣ, гдѣ Кутайсовъ еще подаетъ ботфорты цесаревичу Павлу Петровичу, который съ затаенною досадою вынужденъ пожертвовать однимъ изъ лучшихъ своихъ офицеровъ нерасположенію къ нему новаго временщика. Съ удивительнымъ мастерствомъ, дышащимъ историческою правдою, написаны сцены въ тайной канцеляріи Стелана Ивановича Шешковского, въ кабинетѣ цесаревича, въ Яссахъ у князя Потемкина, подъ Измаиломъ въ землянкѣ Суворова. Цѣлую картину, грандіозно-мрачную, представляетъ штурмъ этой крѣпости. Ни въ одномъ романѣ намъ не встрѣчались такіе превосходные портреты перечисленныхъ выше лицъ, какъ въ этомъ. Другія лица, какъ, напримѣръ, Мих. Ил. Кутузовъ, очерчены лишь нѣсколькими штрихами, но штрихами въ высшей степени характерными. Романъ написанъ отъ перваго лица, въ видѣ мемуаровъ секунд-майора Бехтѣева. «Въ текстѣ найденной рукописи, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — замѣнены лишь нѣкоторыя, совсѣмъ устарѣлыя слова, теперь мало даже понятныя, и разсказъ раздѣленъ на главы». Не мѣшало бы это принять къ свѣдѣнію и руководству каждому изъ нашихъ писателей историческихъ романовъ, которые не только не замѣняютъ устарѣлыхъ словъ болѣе понятными, а умышленно стараются щегольнуть устарѣвшими выраженіями и оборотами рѣчи и даже сами сочиняютъ таковыя, воображая придать этимъ колоритность своимъ писаніямъ. Оба вышеозначенные романа написаны такъ увлекательно, что отъ нихъ трудно оторваться, не дочитавши до конца.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ. Историческій романъ. П. В. Полежаева. Спб., 1885 г. Жизнь старшаго сына Петра Великаго представляетъ обильный и удобный матеріалъ для романа: воспитаніе ребенка-царевича бабкою Натальей Кирилловной и матерью Авдотьею Федоровной по старинѣ на рубежѣ двухъ цивилизацій; смерть бабушки и разлука съ матерью, насильно постриженною въ монахини; посылка юноши въ ненавистную ему иноземщину; сватовство и бракъ съ принцессою-иноувѣркою; отношенія молодыхъ супруговъ; интриги старой партіи, подставляющей царевичу любовницу; любовь Афросиньи и т. д., — все это и романтично, и драматично. Все это извѣстно, конечно, изъ исторіи и изъ массы опубликованнаго историческаго матеріала, къ которому едва ли можно добавить что-либо новое, но извѣстно въ сухомъ, протокольномъ изложеніи. Въ этому всѣмъ извѣстному протоколу г. Полежаевъ ничего не прибавилъ, ничего не внесъ такого, что бы позволило назвать его плохую компіляцію романомъ. Непониманіе авторомъ задачъ историческаго романа такъ же поразительно, какъ и непониманіе имъ эпохи, людей и значенія

событій, которыя онъ взялся описать. Вся его книжка состоитъ изъ наскоро и безъ толку надерганныхъ отрывковъ изъ исторіи Соловьева, изъ журнала *Русская Старина*, причежъ г. Полежаевъ не потрудился даже въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлать необходимыя исправленія. Такъ, разговоръ герцогини Вольфенбютельской, матери кронпринцессы Шарлотты, съ Толстымъ авторъ передаетъ цѣликомъ по депешѣ этого послѣдняго. Изъ этого вышелъ такой курьезъ: герцогиня постоянно называетъ австрійскаго императора *цесарскимъ величествомъ*, а его супругу-императрицу—*цесаревою*. Кронпринцесса Шарлотта говоритъ своей пріятельницѣ, принцессѣ Остѣ-Фрисландской: «Отпишите матушкѣ и сестрѣ, римской *цесаревнѣ*». Авторъ не сообразилъ, что разговоры происходили на нѣмецкомъ языкѣ, или на французскомъ; а, слѣдовательно, ни герцогиня, ни кронпринцесса не могли называть императрицу *цесаревою*, да, по всей вѣроятности, герцогиня и не подозрѣвала даже существованія такого варварскаго слова. Изъ донесенія того же Толстаго выписаны слова царевича, обращенныя къ вице-королю неаполитанскому, графу Дауну: «А тебя, господня фельдмаршала и графа, прошу отписать цесарскому величеству». Въ донесеніи царскаго агента это *тебя, г. фельдмаршала и графа*, характерно; въ дѣйствительности же молодой человѣкъ, принцъ, получившій европейское образованіе, не могъ говорить по-нѣмецки «ты» первому государственному сановнику, отъ котораго, между прочимъ, зависѣла въ данную минуту участь царевича. Образцовъ такихъ же несодвѣянностей мы могли бы привести десятки.

Въ рускомъ языкѣ г. Полежаевъ тоже не силенъ: на стр. 117 онъ называетъ монаха-затворника *сподвижникомъ*, не зная, очевидно, что таковыхъ именовуютъ *подвижниками* и что употребленное имъ слово имѣетъ совсѣмъ иное значеніе. Это не типографская опечатка, такъ какъ слово «сподвижникъ» повторяется нѣсколько разъ. Не типографскія опечатки и нижеслѣдующіе обращенія слога г. Полежаева: «Книжнъ не простилъ государю розогъ; можетъ быть не простилъ болѣе потому, что не могъ отгѣснить Данилыча и *одному* завладѣть волею государя». Въ другомъ мѣстѣ: «Царь не видѣлъ, что творится, какіе помыслы бродятъ даже въ сердцѣ *своей* возлюбленной Катеринушки». На стр. 13: «... ворчалъ царевичъ не твердымъ голосомъ, садясь на диванъ, передъ которымъ стоялъ круглый столъ, отдуваясь и отирая со лба обильный потъ». Вообще романъ г. Полежаева невыносимо скученъ, написанъ очень скороспѣло и неряшливо, неряшливо изданъ и снабженъ нигуда негодными портретами и дрянными картинками лубочнаго издѣлія.

Патріархъ Никонъ. Историческій романъ. М. А. Филиппова. 1 т. Спб. 1885 г. Редакція газеты *Свѣтъ* угощаетъ своихъ подписчиковъ, впрочемъ, за особую плату, ежемѣсячнымъ приложеніемъ романовъ, которые поступаютъ также и въ отдѣльную продажу. Такимъ образомъ, публика, читающая газету г. Комарова, получаетъ за 4 р. въ годъ 12 книгъ романовъ. Каковы эти беллетристическія произведенія, украшенныя даже рисунками, можно судить по 1 тому историческаго романа г. Филиппова *Патріархъ Никонъ*.

Литературное произведеніе романиста, поощряемаго г. Комаровымъ, вполне достойно высокой чести занять свое опредѣленное мѣсто среди твореній, издаваемыхъ книгопродавцаи-спекулянтами, имѣющими мѣстопробываніе на Никольской улицѣ. Историческіе романы гг. Мордовцева, Вс. Соловьева и другихъ сотрудниковъ нашихъ иллюстрированныхъ журналовъ, при всей ихъ неудовле-

творительности, стоять неизмѣримо выше полуграмотнаго сочинителя вродѣ г. Филиппова, обезобразившаго и личность Никона, и русское общество XVIII вѣка. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ произведеніяхъ, авторъ громкогласно, но нескладно высказываетъ свой взглядъ на важность разрѣшаемой имъ задачи и твердитъ о великой пользѣ, которую принесетъ его трудъ. Такъ, въ предисловіи онъ опредѣляетъ «значеніе исторіи въ цѣлѣ практическихъ наукъ» (?). Единственнымъ средствомъ популяризовать г. Филипповъ считаетъ облеченіе историческаго матеріала въ форму беллетристическую. Чисто-историческое сочиненіе, какъ бы оно ни было художественно и увлекательно, никогда, по его мнѣнію, не можетъ читаться народомъ. Если г. Филипповъ думаетъ замѣнить произведеніе Карамзина, Костомарова и другихъ нашихъ даровитыхъ историковъ романами вродѣ его *Патріарха Никона*, то мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что какъ знаніе фактовъ, такъ и пониманіе исторіи въ нашемъ обществѣ были бы доведены до минимума, а безграмотность утвердилась бы еще на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Пусть читатель попробуетъ разобрать хотя бы слѣдующую тираду: «Избрали мы эту эпоху своимъ предметомъ, такъ какъ она заканчиваетъ древнюю нашу жизнь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, со времени объединенія московскаго государства, наноситъ (?) *первые окончательный* (?) ударъ Польшѣ и обозначаетъ мечомъ тѣ великія пайславистскія начала, которыя она должна преслѣдовать въ своей политической жизни» (?).

Въ самомъ романѣ одна несообразность смѣняетъ другую: послѣ рожденія Никиты является старый шаманъ и предсказываетъ блестящую будущность младенцу, но когда отецъ новорожденнаго высказываетъ недоверіе къ словамъ языческаго жреца, то священникъ произноситъ серьезно и строго: «Не говори это, Мининъ; коли Богъ захочетъ взискать своею милостью кого, то и взыщеть, хотя ты и крестьянинъ и въ убожествѣ. Родился Христосъ Богъ нашъ въ яслѣхъ, да на поклоненіе къ нему пришли и волхвы, и цари языческіе, — и младенцу сему дано знаменіе, — привелъ къ нему самъ Господь на поклоненіе шамана языческаго». Сцена заканчивается здравицей за новорожденнаго, причемъ батюшка осушаетъ «сосудъ съ пѣннымъ виномъ». Сдѣлавшись нижегородскимъ священникомъ, Никита Миничъ, отличенный высокимъ разумомъ и пользующійся большимъ вліяніемъ, отправляется въ первый разъ въ Москву по весьма важному дѣлу, и вотъ будущій патріархъ всея Руси, ради шутки, начинаетъ пугать своего возчика-черемиса: «Да вотъ что, любезный, коли ты впервой въѣзжаешь въ Москву, у воротъ стоитъ старая-престарая баба, по прозвищу баба-яга, костяная нога, ни одного зуба; нужно ее поцѣловать, да въ жены взять»...

«— Ай! ай! ай! — завопилъ черемисъ и ударилъ по лошадинымъ». Затѣмъ рассказано, какъ черемисъ отказывается подъѣхать къ воротамъ и требуетъ расчета. Отецъ Никита надѣваетъ тогда на себя его армякъ, извожикъ облачается въ рясу священника и, такимъ образомъ, они въѣзжаютъ въ бѣлокаменную столицу московскаго царства. Зачѣмъ автору понадобился этотъ тривиальный эпизодъ — рѣшить трудно. Можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду публичку, пребывающую въ лакейскихъ. Сдѣлаемъ еще одну небольшую выписку и закончимъ съ этимъ плодомъ спекуляціи г. Комарова. Отецъ Никита возвратился изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ, гдѣ ему удалось оправдать передъ патріархомъ Филаретомъ сосланную, по интригамъ Салтыковыхъ, царскую невѣсту

Хлопову. Съ добрыми вѣстями приходитъ онъ къ ней и застаётъ тамъ свою жену: «Хозяйка была вѣдъ себя отъ радости и велѣла тотчасъ накормить гостя; все, что было въ домѣ, появилось на столѣ, и отецъ Никита, рѣдко употреблявшій напитки, сталъ пить здарицы и за хозяйку, и за жену, такъ что онъ такъ подвыпилъ, что цѣловался и съ женой, и съ Хлоповой».

Къ роману приложены рисунки, по художественности исполненія вполне достойные того литературнаго произведенія, страницы котораго они украшаютъ.

На отдыхъ. Деревенскія письма. „Жителя“. Спб., 1885 г. Петербургскій «житель», разметавшись, какъ бы хорошо было «пожить вѣдъ города, отдохнуть лѣтомъ, подышать чистымъ деревенскимъ воздухомъ, на большой рѣкѣ». снялъ въ 18 верстахъ отъ желѣзно-дорожной станціи 120 десятинъ заливныхъ луговъ на судоходной рѣкѣ съ пароходнымъ сообщеніемъ два раза въ сутки и отправился «наслаждаться». Но, выйдя изъ вагона въ шести часахъ ѣзды отъ Петербурга, онъ сразу очутился «въ странѣ, въ которой быть нельзя», — въ трактирѣ близъ станціи нельзя жить отъ грязи и сирада, уѣхать на дачу нельзя потому, что дорогъ нѣтъ, надо ждать открытія пароходства, корреспонденціи и газетъ нельзя получить со станціи потому, что никто «не обязанъ» ихъ выдавать. Для полученія писемъ и журналовъ необходимо войти въ соглашеніе съ телеграфистомъ; онъ передастъ ихъ матросику на пароходѣ, матросикъ передастъ солдатнику въ гусарскомъ штабѣ, солдатикъ — паромщику и, наконецъ, паромщикъ доставитъ адресату. Само собою разумѣется, что всѣмъ передавателямъ надо заплатить за трудъ. «Станціонный мужикъ» не дастъ житья своими приставами; нѣтъ у него ни своего дѣла, ни хозяйства: «Онъ встрѣчаетъ и провожаетъ господъ, тащить ихъ чемоданы, получаетъ гривенники и съ гордой увѣренностью потряхиваетъ шапкой. Онъ весь — «что пожелаете», да «прибавить надо». Жена у него здѣсь же торгуетъ квасомъ, ситникомъ, тухлыми яйцами. Дѣти разносятъ по вагонамъ воду или просятъ милостыню». «Отправили поѣздъ и всѣ въ трактиръ. Здѣсь пиво, селянка и машина: «Вдоль по Питерской». Отличительная черта этого станціоннаго «мужичка» — непобѣдимая увѣренность въ своемъ умѣ и превосходствѣ, — увѣренность, украшенная какою-то озвѣрѣлымъ ожесточеніемъ, разбѣяннымъ на гривенники». Типъ мужика, оподлѣлага подъ влияніемъ станціонной цивилизаціи, изображенъ авторомъ вѣрно и ярко. Авторъ удивляется живучести «крѣпостническихъ притязаній», въ силу которыхъ «не ловко» уйти изъ трактира, не выбросивши лакею сообразную съ его достоинствомъ дань, на которую «уходятъ бѣшенныя деньги». «Вы повсюду выше вашихъ средствъ и повсюду опутаны паразитной цѣпкостью, не имѣющей ничего общаго съ *заработкомъ*. Вмѣсто услуги, вамъ дѣлаютъ не-пріятность, грубость или глупость и требуютъ за это такую же стѣснительную, подлую неопредѣленность: что пожелаете. Выбросьте рубль, вмѣсто гривенника, и услышите: надо бы прибавить, баринъ... *Баринъ* — это совершенно мнѣшескій дуракъ, у котораго денегъ куры не клюютъ». Насчетъ такого-то барина и просвѣщается преимущественно деревня. Съ петербургскаго «жителя», прѣхавшаго наслаждаться деревней, за все спрашиваютъ «что пожелаете», а когда дѣло доходитъ до болѣе точнаго опредѣленія, тогда требуютъ ни съ чѣмъ несообразныя цѣны, больше петербургскихъ, потому — «на дачѣ».

Въ деревнѣ авторъ встрѣчается съ цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе типическихъ обывателей. Съ первымъ судьба сводитъ его съ Николаемъ Ефимови-

чемъ Колотушкинымъ. Это «купецкій сынъ, хватившій образованія и съумѣвшій разсчетливо и ловко совмѣстить въ своемъ образованіи непорочное невѣжество, въ какомъ состоялъ до ученья, и наружный лоскъ, ловкость, искательство и умѣнье «дворянскаго обхожденія». Колотушкинъ — кулакъ и воротыло, только не простой, а «съ мудриомъ». Земскій цензь у него—три кабака; образовательный — курсъ средняго учебнаго заведенія. По *единомасному* выбору онъ влетѣлъ въ мундиръ мирового судьи на томъ основаніи, что съ готовностью и наслажденіемъ готовъ за всѣхъ работать и все дѣлать, тогда какъ у всѣхъ только одно на умѣ—ничего не дѣлать и земскіе оклады получать. Въ изображеніи авторомъ этого Колотушкина есть немало преувеличеній, доходящихъ иногда до нѣкотораго шаржа; но въ общемъ фигура кабатчика, «приговореннаго къ мундиру», выходитъ живою и типичною. Картины деревенской жизни набросаны мѣстами тоже слишкомъ ужъ яркими и густыми красками, и, все-таки, ихъ нельзя упрекнуть ни въ искаженіи истины, ни въ невѣрности. Описывая безобразія деревенскихъ праздниковъ, авторъ правильно замѣчаетъ: «Какъ можетъ жизнь идти иначе тамъ, гдѣ водку пьютъ всѣ, а читасть и пишетъ одинъ писарь, да и у того отъ праздниковъ мозгъ выворачивается... гдѣ кабакъ находитъ поощреніе и покровительство, а школа — отпоръ и запретъ? Да при изобиліи кабаковъ и надобности въ ней не чувствуется... Въ самомъ разгулѣ не слышно веселости. Это сумрачное, тяжелое, почти лондонское пьянство».

Авторъ, свѣжій петербургскій человѣкъ, лицомъ къ лицу столкнулся на практикѣ съ вопросами величайшей важности для деревенской жизни, — съ вопросами о наемкѣ рабочихъ и объ отношеніяхъ рабочихъ къ нанимателямъ-хозяевамъ. Тутъ онъ воочию увидалъ и понялъ, отчего происходятъ «всякаго рода правонарушенія, неисполненіе условій, заборъ задатковъ и побѣги съ работъ, — словомъ, всѣ тѣ *безотрадныя явленія*, которыя вдохновляютъ землевладельцевъ прожектами о введеніи уголовной ответственности *спеціально* для мужика. «А вотъ другую сторону, — замѣчаетъ авторъ, — притянуть къ ответственности не могли и подумать. Почему же, однако, «не могли»? А вотъ почему»... и авторъ даетъ точныя и правдивыя объясненія, по нашему мнѣнію, не совсемъ полныя, но, тѣмъ не менѣе, достаточныя для доказательства, что для отклоненія *безотрадныя явленія* необходимо «притянуть къ ответственности другую сторону», проявляющуюся «порядками притѣсненій, кабалы и обмана». Но однимъ притягиваніемъ къ ответственности кого бы ни было, все-таки, нельзя исправить деревенской жизни и водворить на землѣ миръ, а въ человѣкахъ благоволеніе. Авторъ знаетъ это и всю надежду возлагаетъ на возвращеніе въ деревню «интеллигентнаго» класса, представителя котораго давно разбѣжались изъ деревень, уступивши мѣсто «набѣглому дирижирующему классу», вызывающему въ своемъ денежномъ «осатаиѣни» къ закону объ уголовной ответственности и о поголовной «поркѣ». «Нужны, — говоритъ авторъ, — дѣйствительно «новыя» люди, проникнутые сознаниемъ не одной своей барской власти, мелкой хитрости и лѣни, но и зависимости отъ благоденствія деревни». Но откуда же ждать этихъ «новыхъ» людей, если, по словамъ самого же автора, интеллигенты боятся деревни и не хотятъ идти въ нее, говоря, что тамъ имъ дѣлать нечего, что пахать они не умѣютъ? «Неужели, — восклицаетъ авторъ, — рабочая интеллигенція не возьмется за умъ, чтобы сбросить съ себя

справедливый укоръ въ хищническомъ попустительствѣ?» — «Нѣтъ, — говорить онъ дальше, — рано или поздно интеллигентнымъ людямъ придется разстаться съ вѣковыми вздорами и взяться за землю. Другаго исхода не можетъ быть...» Есть или нѣтъ другой исходъ, здѣсь судить не мѣсто; сомнительно только, что нынѣшніе интеллигенты окажутся способными имъ воспользоваться. Мы бо- лѣе склонны думать, что земля сама народитъ новую интеллигенцію, которая «рано или поздно» должна возникнуть на землѣ, въ новой связи съ землею и должна упразднить интеллигенцію, оторвавшуюся отъ земли. Всѣ искусственные мѣры и способы направить существующую интеллигенцію на землю едва ли будутъ въ состояніи возстановить разорванную связь ея съ землею, и всякія попытки къ тому должны, по нашему мнѣнію, лишь ускорить ликвидацію старыхъ отношеній нынѣшней интеллигенціи къ землѣ. Авторъ приводитъ въ своихъ «деревенскихъ письмахъ» немало фактовъ, могущихъ подтвердить наше мнѣніе. Въ сожалѣнію, размѣры библиографическаго отзыва не дозволяютъ намъ привести ихъ здѣсь и познакомить читателей съ цѣлымъ рядомъ очень интересныхъ личностей, каковы, напримѣръ, мужикъ Власъ Герасимовъ, «денежный человекъ», занимающійся исключительно тѣмъ, что «очищаетъ» помѣщика, т. е. скупаютъ на срубъ лѣса, или старый помѣщикъ Чернобуровъ, убѣжденный, что все пойдетъ преемственно, стоитъ только издать «основной законъ: драть! пороть! второй законъ: пороть съ утра до ночи; третій: пороть съ ночи до утра!»... Или еще помѣщикъ Лабоська, нѣчто вродѣ Гамлета Шигровскаго уѣзда, только семейнаго Гамлета, воспитывающаго дѣтей по-мужицки. Въ живыхъ образахъ проходятъ передъ читателемъ помѣщики, чиновники, мѣстные и заѣзжіе, мужики и бабы, сельскія власти, земцы, — весь людъ деревенскій, провинціально-городской и петербургскій, набѣгомъ появляющійся въ деревнѣ. Далеко не со всеми положеніями автора можно согласиться, но нельзя отказать ему въ талантливости, а его книжку слѣдуетъ признать въ высокой степени интересною и для многихъ поучительною.

И молотомъ, и золотомъ. Романъ. А. Михайлова. Спб., 1885 г. Сюжетъ романа взятъ изъ современной жизни. Герой, Данила Павловичъ Муратовъ, желѣзно-дорожный подрядчикъ, сбиваетъ себѣ состояніе и молотомъ, и золотомъ, не стѣсняясь тѣмъ, по комъ бьетъ молотъ и какими средствами добывается золото. Онъ страстно любитъ жену, красивую, обожающую его Лину—Олимпиаду Пахомовну, дочь крупнаго подрядчика изъ бывшихъ крѣпостныхъ, успѣвшаго уже составить большое состояніе тѣми же способами, какими, по его слѣдамъ и въ компаніи съ нимъ, орудуетъ его зять, Муратовъ. Рабочихъ обсытываютъ, морятъ голодомъ, недовольство ихъ усмиряютъ при помощи мѣстнаго начальства силою; мрутъ эти несчастные сотнями и тысячами на каторжной работѣ и на негодной пищѣ. Но каждая копейка, сорванная съ рабочаго, превращается въ карманахъ подрядчиковъ въ сотни тысячъ рублей. Муратовъ любитъ дѣтей, для нихъ работаетъ и молотомъ, и золотомъ. Онъ могъ бы почитаться образцовымъ семьяниномъ, если бы грѣхъ его не путалъ съ красивою рождественницею, вліятельною петербургскою дамою, живущею на содержаніи у финансоваго туза изъ жидовъ. Въ романѣ эта дама является полною противоположностью Олимпиады Пахомовны, представляющей собою идеалъ жены, матери, хозяйки, олицетвореніе всѣхъ семейныхъ добродѣтелей. Но впечатлѣніе отъ этого сопоставленія получается довольно странное:

симпатіи читателя оказываются не на сторонѣ молодой, красивой и добродѣтельной Муратовой, а склоняются, до нѣкоторой только степени, впрочемъ, на сторону великосвѣтской кокетки. Дѣло въ томъ, что Аделаида Александровна, хотя и падшая женщина, но, все-таки, женщина, сохраняющая извѣстную долю женскаго и человѣческаго достоинства даже въ самомъ паденіи своемъ. Липочка Муратова—формально безукоризненна, но она не женщина, а человѣческая самка, т.-е. нѣчто худшее, чѣмъ самка животнаго. Мотивъ этотъ далеко не отличается новизною, но проведенъ онъ авторомъ хорошо, въ немъ даже проскальзываетъ кое-что и оригинальное. Очень хороша личность Баскакова, дядя Муратова, фантазера-барина изъ тѣхъ баръ, что нынче уже слходятъ со сцены. Всѣ вводныя лица живы и похожи на настоящихъ, хотя, по правдѣ сказать, ни одно изъ нихъ не возвышается до типа. Вообще романъ читается легко и съ интересомъ; многія сцены написаны весьма живо и не безъ хорошаго юмора. Иныя изъ нихъ оставляютъ довольно сильное впечатлѣніе. Въ особенное достоинство автору мы ставимъ безукоризненную правдивость даже въ тѣхъ опасныхъ мѣстахъ, въ которыхъ такъ легко ему было увлечься тенденціей, чего онъ вполне избѣжалъ съ чуткостью истинно-талантливаго человѣка.

Необъяснимое и необъясненное изъ личныхъ и семейныхъ воспоминаній. В. Желиховской. Изд. ред. журн. „Ребусъ“. Спб., 1885 г. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ появилась у насъ являя столоверченія, перешедшая очень скоро въ писаніе карандашами, прикрѣпленными къ ножкѣ столика или вставленнымъ въ просверленный край тарелки, въ выстукиваніе столами буквъ азбуки, въ указаніе чайнымъ блюдцемъ или картою буквъ, написанныхъ на листѣ бумаги. Таково было начало «спиритизма», занесеннаго къ намъ изъ Америки. Вѣра Петровна Желиховская, авторъ лежащей передъ нами книжки, съ молодыхъ лѣтъ стала проявлять особенную *медиумическую* силу. По ея словамъ, карта подъ ея рукою такъ ходуномъ и ходила, безъ записки указывая буквы, изъ которыхъ составлялись поразительные отвѣты на самые мудреные вопросы. Ея отецъ относился скептически къ «необъяснимой» силѣ дочери и все приписывалъ ея ловкости, противъ чего она «протестовала» тогда словесно, а теперь протестуетъ письменно и старается своею книжкою доказать несомнѣнность и достовѣрность *стологаданія*, вѣщихъ стуконъ и даже привидѣній; но о сихъ послѣднихъ говорить не такъ рѣшительно, какъ ея сестра, Елена Петровна Блаватская, извѣстная русской публикѣ подъ именемъ Радда-Бай, которымъ она подписывается подъ своими сочиненіями въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Мы не позволили бы себѣ нескромности—открытія псевдонима, если бы редакція, издавшая книжку г-жи Желиховской, не пояснила въ примѣчаніи (стр. 42), что Е. П. Блаватская, сестра автора этой книжки, состоитъ секретаремъ общества теософовъ, и если бы Радда-Бай не заявила въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, что она сама и есть секретарь этого англо-индійскаго общества. Г-жа Блаватская насчетъ привидѣній, оборотней, колдовства, порчи и заговоровъ высказывается много опредѣленнѣе и рѣшительнѣе г-жи Желиховской. Но по части столобѣсія эта послѣдняя не уступить никому. Въ библиографическомъ отзывѣ мы, само собою разумѣется, не имѣемъ возможности вступать въ какіе-либо споры съ вѣрующими въ бесѣды съ духами при посредствѣ столовъ, снабженныхъ карандашами или оными не снабженныхъ. Мы вынуждены лишь привести сообщаемое авторомъ, предоставляя оцѣнку личному усмотрѣнію читателей. Въ

видѣ примѣра приведемъ такой случай, рассказанный г-жею Желиховскою: задумала она вопросъ: сколько денегъ получить она за свой маленькій рассказъ? Столъ тотчасъ же отвѣтилъ: «250 рублей». Молодецъ, столъ! (Мы питаемъ автора).—Ну, говори дальше, и подумала: «посоветуй, куда мнѣ послать его?» Вообразите мое удивленіе, когда столъ ясно простучалъ: «Пошли Михаилу, пиши ему, а я повлію».

Вышло недоумѣніе: кто бы такой могъ быть этотъ Михаилъ? Столъ не заставлялъ ждать отвѣта и выстукалъ: «Пошли Михаилу Никифоровичу Каткову, а я устрою твое дѣло!» — Да ты то кто такой? Стуками сказано слѣдующее: «Я княжна Наталья Шаликова. Мы были съ нимъ большіе друзья. Я помогу тебѣ». Не зная родственныхъ отношеній М. Н. Каткова къ покойной кн. Шаликовой, вопрошающіе дерзновенно подумали, что «какая-то грузинская княжна Шаликова» похваляется. «Столъ сталъ сильно волноваться и простучалъ: «Я не *какая-нибудь!* Я сестра жены Каткова! Онъ меня очень любитъ... Я попрошу его, и онъ прочтетъ твою повѣсть». Княжна Шаликова скончалась передъ этимъ за два года. Къ сожалѣнію, г-жа Желиховская не сообщаетъ, какииъ образомъ покойная свояченица г. Каткова исполнила обѣщаніе,—въ сонномъ ли видѣніи просила опа зятя о напечатаніи повѣсти въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, или посредствомъ столоверченія; какъ бы, однако, ни было, повѣсть появилась въ этомъ журналѣ.

Впрочемъ, столы и прочая мебель въ домахъ г-жи Желиховской и нѣкоторыхъ ея знакомыхъ, по увѣренію автора, не всегда дожидались вопроса и, вопреки своему прямому назначенію, позволяли себѣ вмѣшиваться въ жизнь хозяевъ совершенно самостоятельно,—стучали, передвигались и предрекали безъ спроса. Вся книжка г-жи Желиховской наполнена такими *необъяснимыми* и *необъясненными* казусами. Во всемъ этомъ самымъ «необъяснимымъ» представляется нашъ терпѣніе, съ которымъ г-жа Желиховская и близкіе ей люди переносили несносную возню путающей не въ свое дѣло и вѣчно пророчествующей мебели. Нисколько не заподозрѣвая искренности писательницы, мы, впрочемъ, не вѣримъ реальности сообщаемыхъ ею «фактовъ», не вѣримъ потому, во-первыхъ, что они не объяснены, во-вторыхъ, невѣроятны, въ-третьихъ, недостаточно засвидѣтельствованы... Не вѣримъ потому же самому, почему не вѣримъ привидѣніямъ и оборотнямъ г-жи Блаватской, бѣсамъ, «муринамъ и эфіопамъ» старухъ-чернычекъ и «старцевъ», лѣшиямъ, водянымъ и всякой нечисти, занимающимъ досугъ людей, очень искреннихъ, но... вѣрующимъ во все это и гадающимъ на бобахъ, кофейной гущѣ и на постукивающихъ столахъ.

ФИЛОСОФІЯ.

„Симптомы и причины современнаго настроенія“. П. Астафьева.—„Востокъ, Россія и славянство“. К. Леонтьева.

Симптомы и причины современнаго настроенія. П. Астафьева. Москва, 1885 г. Эта брошюра заключаетъ въ себѣ двѣ публичныя лекціи, прочтенныя г. Астафьевымъ въ февралѣ нынѣшняго года. Авторъ указываетъ на то пессимистическое настроеніе, которое составляетъ, по мнѣнію многихъ, характеристическую особенность нашего времени. «Никогда еще, кажется,

осужденіе всего существующаго, неудовлетворенность человѣка всѣмъ, что онъ ни находитъ въ своемъ ли внутреннемъ мірѣ,—въ своей наукѣ, искусствѣ, религіи, въ учрежденіяхъ ли и состояніяхъ своего общества, въ самой ли природѣ,—не были такъ общи и такъ искренни, никогда, притомъ, и не выражались такъ беззавѣтно, какъ теперь». Въ прежнее время люди, потерявшіе наивную вѣру, совершенно утратившіе религиозное чувство, «страдали и умирали или вовсе безъ тѣхъ жалобъ, неистовствъ и воплей, къ которымъ мы теперь такъ прислушались, или если и жаловались, то благородно, изящно, въ прекрасныхъ формахъ, смягчавшихъ и облагораживавшихъ самую горечь страданія и для нихъ самихъ, и для зрителя». Г. Астафьевъ говоритъ, что и такихъ людей стало меньше. Не знаемъ, на чемъ основывается эта статистическая выкладка автора. Количество подобныхъ людей могло, вѣдь, и увеличиться, но рядомъ съ нимъ могло произойти возрастаніе числа людей иного настроенія, иного типа, такъ что соотношеніе этихъ двухъ группъ потерпѣло значительное измѣненіе. Выскажемъ ктати сомнѣніе и въ другой математической формулѣ г. Астафьева: «злбный и отчаянный пессимизмъ современнаго человѣчества,—говоритъ онъ,—возрастаетъ, усиливается *пропорціально*, успѣхамъ въ технической, экономической и политической области». Гдѣ, въ серьезномъ смыслѣ, доказательства такой пропорціональности? И что на самомъ дѣлѣ могла бы доказать установленная въ этомъ случаѣ пропорціональность? Не причинную же зависимость двухъ явленій,—техническаго богатства и духовной нищеты. Духовная нищета не въ состояніи произвести никакого богатства, даже и техническаго, потому что «духъ» творитъ и желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны; техническое богатство, само по себѣ, вовсе не ведетъ къ духовному оскудѣнію, а успѣхи въ дѣлѣ общественной организаціи, въ улучшеніи формъ сочетанія личныхъ силъ могутъ только усиливать личную энергію, духовное богатство всѣхъ и каждаго. Самъ г. Астафьевъ высказываетъ мѣткія и глубокія замѣчанія по этому поводу, когда входитъ въ прекрасно знакомую ему область психологіи, когда онъ освобождается отъ тенденціозности, которая придаетъ его книжкѣ непріятно поражающую читателя односторонность въ оцѣнкѣ явленій общественныхъ. «Нужно имѣть,—говоритъ г. Астафьевъ,—слишкомъ бѣдно развитую, слишкомъ нетребовательную и мало подвижную душу для того, чтобы подъ влияніемъ чрезмѣрно однообразной и бѣдной впечатлѣніями обстановки дѣятельности не задремать, не отупѣть или не сойти съ ума». Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы у г. Астафьева сильныя страницы, посвященныя выясненію великаго, во всѣхъ направленіяхъ благотѣльнаго значенія *сознательнаго труда*. Безъ усилій, говоритъ авторъ, нѣтъ *самочувствія*, нѣтъ сознанія, то есть душевной жизни. «Отнимите у жизни усиліе, борьбу и трудъ, и какъ бы вы ни сдѣлали ее богатою всякими удобствами и даровыми благами,—вы отнимете вмѣстѣ и весь интересъ и всю цѣнность у нея». Во всемъ и вездѣ,—продолжаетъ г. Астафьевъ,—«намъ дорога именно вложенная нами въ любимый предметъ, любимое лицо или произведеніе нашего труда—доля этого личнаго труда, этихъ нашихъ личныхъ усилій, заботъ и т. п.»

Мы не будемъ полемизировать съ нѣкоторыми отдѣльными положеніями автора, которые, по нашему мнѣнію, отличаются неправоудностью или односторонностью: это невозможно въ предѣлахъ библиографической замѣтки. Приведемъ важный и главный выводъ автора. Неужели, спрашивать онъ, человѣчеству

надо отказаться отъ техническихъ усовершенствованій, отъ конституцій, обезпечивающихъ личное достоинство человѣка, и вернуться къ до-культурному состоянию? «Не для того ли жило, работало и страдало человечество, чтобы кончить этимъ томленіемъ по состоянию первобытной дикости, этимъ *неосуществимымъ* стремленіемъ къ нравственному самоубійству? И это только изъ-за вреда *злоупотребленій* желѣзными дорогами, машинами, банками и конституціями, приводящими къ убійственному для душевнаго здоровья смѣшенію?!» И г. Астафьевъ энергически возстаетъ противъ этого предположенія: «становится почти все гибельнымъ или полезнымъ лишь отъ того употребленія, которое даютъ ему направляющіе ихъ духъ и воля человѣка». Слѣдовательно, — скажемъ мы въ заключеніе, — никакой пропорціальности между пессимизмомъ и успѣхами экономической и политической культуры, вопреки первоначальному утверженію г. Астафьева, не существуетъ.

Востокъ, Россія и славянство. Сборникъ статей К. Леонтьева. Москва, 1885 г. Статьи, вошедшія въ этотъ сборникъ, печатались въ теченіе десяти лѣтъ. Авторъ замѣчаетъ, что въ этотъ довольно продолжительный срокъ измѣнились лишь нѣкоторые второстепенные его взгляды, лишь оцѣнка тѣхъ или другихъ историческихъ явленій, взятыхъ въ отдѣльности. Такъ, прежде г. Леонтьевъ больше симпатизировалъ болгарамъ въ ихъ распрѣ съ константинопольскимъ патріархатомъ, а впоследствии безусловно перешелъ на сторону грековъ.

Статьи г. Леонтьева отличаются выдающимися достоинствами: онѣ написаны съ большимъ знаніемъ дѣла, съ крѣпкимъ убѣжденіемъ, нервно, страстно. Съ болѣею частью воззрѣній автора, въ особенности съ его восторженнымъ преклоненіемъ передъ византизмомъ, мы всегда менѣе склонны согласиться. Публицистъ-мыслитель часто заслоняется въ статьяхъ г. Леонтьева художникомъ, для котораго всего невыносимѣе буржуазная пошлость, для котораго яркіе образы мрачнаго, но величественнаго и поэтичнаго Востока неизмѣримо выше утѣренной и аккуратной европейской буржуазіи. Последнюю антипатію мы раздѣляемъ съ г. Леонтьевымъ, но не доводимъ ее до тѣхъ парадоксальныхъ крайностей, до которыхъ доводитъ г. Леонтьева его возмущенное артистическое чувство.

Авторъ считаетъ *всеславизмъ* чѣмъ-то аморфическимъ, стихійнымъ, не организованнымъ. На русскихъ и на славянъ вообще (но на насъ въ особенности) имѣлъ уже громадное вліяніе *византизмъ* и мировое значеніе славянства, по мнѣнію г. Леонтьева, обуславливается дальнѣйшимъ и полнымъ торжествомъ этого вліянія. «Представляя себѣ мысленно византизмъ, — говоритъ авторъ, — мы видимъ передъ собою какъ бы строгій, ясный планъ обширнаго и помѣстительнаго зданія. Мы знаемъ, на примѣръ, что византизмъ въ государствѣ значитъ самодержавіе. Въ религіи онъ значитъ христіанство съ опредѣленными чертами, отличающими его отъ западныхъ церквей, отъ ересей и расколовъ. Въ нравственномъ мірѣ мы знаемъ, что византійскій идеалъ не имѣетъ того высокаго и во многихъ случаяхъ крайне преувеличеннаго понятія о земной личности человѣческой, которое внесено въ исторію германскимъ феодализмомъ; знаемъ наклонность византійскаго нравственнаго идеала къ разочарованію во всемъ земномъ *), въ счастья, въ устойчивости нашей собственной чистоты, въ спо-

*) Это не мѣшало бы принять въ соображеніе при изслѣдованіи причинъ совре-

собности нашей къ полному нравственному совершенству здѣсь, долу. Знаемъ, что византизмъ (какъ и вообще христіанство) отвергаетъ всякую надежду на всеобщее благоденствіе народовъ, что онъ есть сильнѣйшая антитеза идеи всеславянства въ смыслѣ земнаго всеравенства, земной всесвободы, земнаго всеовершенства и вседовольства».

Читатель видитъ, что мы имѣемъ дѣло съ яснымъ и послѣдовательнымъ мировоззрѣніемъ, оспаривать которое въ настоящемъ случаѣ нѣтъ ни мѣста, ни основанія. Г. Леонтьевъ съ большимъ удовольствіемъ ссылается на мнѣнія *умныхъ нашей*, которые весьма одобряютъ его государственныя воззрѣнія. Онъ рѣшительно утверждаетъ, что основы нашего, какъ государственнаго, такъ и домашняго, быта остаются тѣсно связаны съ византизмомъ. «При взглядѣ на нашихъ флигель-адъютантовъ и камергеровъ не найдешь въ нихъ много сходства съ крещеными преторіанцами, палатинами и евнухами Θεодосія или Іоанна Цимисхія (неужели это достойно сожалѣнія?). Однако, это войско, эти придворные, занимающіе при этомъ почти всѣ политическія и административныя должности, покоряются и служатъ одной идеѣ царизма, укрупнившейся у насъ со времяъ Іоанновъ, подъ византийскомъ вліяніемъ».

Недавно, по поводу книги г. Каптерева (*Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку*) въ *Русской Мысли* уже было высказано мнѣніе о значеніи византийскаго вліянія въ русской жизни. Во многихъ отношеніяхъ оно оказалось весьма вреднымъ, обезличивая русскаго человѣка, приучая его къ слѣпому формализму, къ преклоненію передъ обрядностью. Греки, говорятъ г. Каптеревъ, равнодушно и безучастно относились къ попыткамъ нашего правительства въ XVII вѣкѣ устроить въ Москвѣ греческую школу. Они эксплуатировали религиозное чувство и умственную неразвитость русскаго народа самыми возмутительными способами. Естественнымъ послѣдствіемъ такого образа дѣйствій былъ тотъ великій поворотъ къ западно-европейскому просвѣщенію, который, начавшись до Петра Великаго, особенно характеризуется его дѣятельностью.

ИСТОРИЯ.

„Мееодіевскій юбилейный сборникъ“.—Титъ Ливій“. Г. Тѣна.—„The Empire of the“.
W. Wright.—„Wie Russland europäisch wurde. Brüggen.“

Мееодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Императорскимъ Варшавскимъ университетомъ подъ редакціею ордин. проф. А. Будиловича. Варшава, 1885 г. Недавній мееодіевскій юбилей вызвалъ цѣлую литературу, въ которой сборникъ, изданный Варшавскимъ университетомъ, займетъ выдающееся мѣсто. Нельзя сказать, чтобы труды, помещенные въ немъ, отличались одинаковыми научными и литературными достоинствами; нѣкоторые статьи отмѣчены слишкомъ юбилейнымъ характеромъ, другія затрогиваютъ вопросы, имѣющіе лишь косвенное отношеніе къ славянскимъ

меннаго пессимизма г. Астафѣву, который, по недоразумѣнію, ссылается на г. Леонтьева, какъ на своего единомышленника. Впрочемъ, и г. Леонтьевъ повторяетъ ту же ошибку, ссылаясь на автора *Симптомовъ и причинъ современнаго настроенія*.

апостоламъ. Всѣхъ изслѣдованій шесть: Лавровскаго, Н. А.—*Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи*, Будиловича, А. С.—*Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія*, Первѳольфа, О. О.—*Словенскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ*, Кулаковскаго, П. А.—*Очеркъ исторіи попытокъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ*, Грота, Б. Я.—*Взглядъ на подвигъ славянскихъ первоучителей съ точки зрѣнія греческаго ихъ происхожденія*, Зигеля, Ф. Ф.—*Общественное значеніе дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія*.

Г. Лавровскій выходитъ изъ утвержденія, что богатый разцвѣтъ русской церковной литературы, черезъ полвѣка послѣ принятія христіанства, можетъ быть объясненъ только довольно обширнымъ распространеніемъ греческой вѣры въ эпоху, предшествовавшую Владимиру св. На основаніи изслѣдованій г. Голубинскаго и высокопреосвященнаго Макарія, онъ старается намѣтить главные пути и способы, которыми проникали и христіанское вѣрованіе, и богослужебныя книги, переведенныя славянскими первоучителями. Разумѣется, представленіе о болѣе высокой культурѣ до-владимировской Руси составляетъ блестящую гипотезу, основанную на намекахъ источниковъ, но не имѣющую значенія вполне доказанной исторической истины.

Г. Будиловичъ въ довольно длинномъ разсужденіи доказываетъ мысль, что свв. Кириллъ и Меѳодій не были ни греками, ни славянами, а принадлежали къ смѣшанному типу, весьма обыкновенному въ Византійской имперіи того времени,—греко-славянскому. Желая придать научность этому термину, авторъ употребляетъ выраженіе «этнологическій типъ», снабжая его отличительными признаками какъ духовнаго, такъ и физическаго свойства. Не знаемъ, на основаніи какихъ данныхъ г. Будиловичъ подыскалъ въ дѣятельности и обликѣ славянскихъ первоучителей физическіе признаки этого типа. Доказательства, приводимыя проф. Будиловичемъ, отличаются большими натяжками и служатъ не столько къ возвеличенію, сколько къ униженію заслугъ и той идеальной чистоты, которою отличались солунскіе братья. Въмѣсто того, чтобы поставить ихъ выше чувства національной вражды и церковно-догматическихъ распрей, авторъ вдвигаетъ ихъ въ самую среду тогдашнихъ мѣстныхъ и временныхъ отношеній. Возгласы вродѣ того, что «Олимпъ былъ первымъ, хотя и нѣмымъ свидѣтелемъ зарожденія греко-славянской письменности, церкви, культуры», что «на его сіяющей вершинѣ слѣдуетъ соорудить часовню имени славянскихъ братьевъ, а на развалинахъ древняго Полихрона—храмъ, достойный этой славной въ нашей исторіи мѣстности, этой колыбели греко-славянской образованности»,—не могутъ сгладить непріятнаго впечатлѣнія. Дѣлу не поможетъ также и слѣдующая тирада: «Пусть теперь затихъ славянскій языкъ на склонахъ «Горы Монаховъ» и у ея подножій, по берегамъ «Ожнкійскихъ» озеръ и Мраморнаго моря, съ его бѣлыми островами; все же изъ глубины вѣковъ, на разстояніи цѣлаго тысячелѣтія языкъ этотъ очень внятно доносится до насъ въ текстахъ библейско-богослужебныхъ книгъ,—доносится голосъ слабый, но священный, какъ прощальное благословеніе умершей матери».

Тѣсная связь между Фотіемъ и солунскими братьями служитъ любимую тему, которую развиваетъ г. Будиловичъ съ особенною настойчивостью. Онъ находитъ присутствіе славянства въ греческихъ стремленіяхъ Фотія и грецизма

въ славянскихъ подвигахъ Кирилла и Меодія. Ради предполагаемой дружбы этихъ замѣчательныхъ дѣятелей IX вѣка, авторъ дѣлаетъ солидарными славянскихъ первоучителей съ вопросомъ о низверженіи патріарха Игнатія и возведеніи Фотія. Онъ даже весьма хлесткой фразой, совершенно не идущей къ той эпохѣ, обвиняетъ Игнатія и оправдываетъ Фотія. «Вопросъ о легальности формы имѣетъ для насъ въ этомъ случаѣ очень второстепенное значеніе въ сравненіи съ вышею внутреннею законностью патріаршей роли Фотія и архіепископской Меодія. Свѣча, особенно столь высокая и лучезарная, какъ геній Фотія, какъ мысль Кирилла, какъ чувство Меодія, имѣетъ свое собственное внутреннее право стоять на престолахъ, на свѣтильнигахъ. Вина патріарха Игнатія заключается въ томъ, что по своей ограниченности онъ не могъ ни понять, ни признать дремлющее въ исторіи умовъ большихъ передъ малыми, людей съ великимъ призваніемъ передъ заурядными рутинерами». Серьезный историкъ никогда бы не рѣшился обвинить Игнатія, пострадавшаго за стремленіе повліять на нравственность императора Михаила III и смѣло обличавшаго всемогущаго министра Варду, извѣстнаго въ византійской исторіи своимъ коварствомъ и жестокостью. Какъ Игнатія нельзя сравнить съ баварскими епископами, такъ и архіепископа Меодія нельзя сопоставить съ патріархомъ Фотіемъ, котораго можно оправдывать съ точки зрѣнія морали современнаго ему общества, но котораго нельзя возводить на какую-то идеальную высоту. Склонность къ парадоксамъ привела автора къ представленію великихъ святителей въ извращенномъ видѣ; склонность къ парадоксамъ проглядываетъ даже въ частностихъ. Намъ, напримѣръ, неизвѣстно въ точности, къ какимъ сарацинамъ отправлялся св. Кириллъ, а г. Будиловичъ утверждаетъ, что Кириллъ-философъ встрѣтилъ, вѣроятно, и славянъ при дворѣ того эмира, который вызвалъ грековъ на богословскій турниръ съ арабами. Мы весьма мало знаемъ о хозарской миссіи, а почтенный авторъ заявляетъ, что хозарская миссія солунцевъ, это—замаскированная миссія русско-славянская. Нанеши хозарскимъ жидамъ удары не менѣ тяжелые, какъ въ первую миссію сирійскимъ сарацинамъ, Кириллъ-философъ подорвалъ нравственный кредитъ юдаизма и исламизма въ средѣ восточнаго славянства и тѣмъ подготовилъ его постепенное обращеніе въ христіанство». Читатель легко замѣтитъ, что славяне при дворѣ арабскаго эмира пригодились для фразы о нанесеніи ударовъ исламу и юдаизму.

Такимъ образомъ, страсть къ оригинальнымъ выводамъ и громкимъ фразамъ вродѣ: „фарватеръ латино-нѣмецкой жизни“, „колебаніе мѣстной почвы и напоръ западныхъ вѣтровъ“, „обиліе духовныхъ водъ“,—помѣшали г. Будиловичу, одаренному значительной долей остроумія и знанія, разработать спокойно и безпристрастно тему о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности Кирилла и Меодія. Заключительныя слова о необходимости обратиться къ идеаламъ Кирилла и Меодія достойнымъ образомъ вѣнчаютъ вычурное зданіе, построенное авторомъ: „Многіе глубокіе и сильные вѣкогда славянскіе потоки и совѣсь, увн. пересохи подъ жгучими лучами западныхъ свѣтилъ. При благоприятныхъ условіяхъ могли бы, однако, и они вновь заиграть волною. Необходимо лишь соединиться имъ съ тѣмъ начальнымъ и центральнымъ историческимъ глетчеромъ славянства, который бѣлѣя на дальнемъ и давнемъ горизонтѣ между двухъ гигантскихъ конусовъ, кирилловскаго и меодіевскаго, не перестаетъ питаться атмо-

сферическими осадками восточнаго неба и, въ свою очередь, питать чистыми струями сердцевыя артеріи нашего духовнаго организма“.

Вольшая работа г. Первольфа о судьбахъ богослужебнаго славянскаго языка, кромя историческаго обзора его многовѣковаго литературнаго вліянія, имѣетъ и практическое значеніе, такъ какъ авторъ совѣтуетъ рѣшить поскорѣе жгучій вопросъ о замѣнѣ у католическихъ славянъ латинскаго богослуженія словенскимъ.

П. А. Кулаковскій составилъ весьма полезный для русскихъ читателей обзоръ главныхъ попытокъ рѣшенія вопроса объ общеславянскомъ литературномъ языкѣ. Попытки эти распадаются на двѣ категоріи; одни писатели старались выработать искусственный языкъ, навязавъ условныя формы тому типу языка, который долженъ былъ играть роль общеславянскаго, другіе находили выходъ изъ затруднительнаго положенія славянской раздробленности лишь въ томъ, чтобы всѣ славяне приняли одинъ изъ живыхъ славянскихъ языковъ за общій литературный для удовлетворенія высшихъ потребностей славянской культурной жизни. Къ писателямъ перваго рода принадлежать: Крижанчичъ, хорватскій панславистъ XVII вѣка, а въ текущемъ столѣтіи словакъ Янъ Геркель, словенецъ Матія Мажаръ Цильскій и русскій ученый А. Ф. Гильфердингъ. Къ попыткамъ втораго рода отнесены г. Кулаковскимъ труды и теоріи Яна Коллара, ученаго лексикографа чешскаго Юнгмана, Карла Кузманя, Людевита Штура и, наконецъ, русскихъ ученыхъ: Погодина и Пыпина. Многіе склоняются признать общимъ славянскимъ литературнымъ языкомъ языкъ русскій. Этого мнѣнія держится и г. Кулаковскій.

Профессоръ Гротъ видитъ въ греческомъ происхожденіи солунскихъ братьевъ нѣчто особенно важное и развиваетъ мысль о знаменательности этого факта въ небольшой статьѣ, написанной тяжелымъ и напыщеннымъ языкомъ. Обращикомъ можетъ послужить слѣдующій отрывокъ: «Немногимъ историческимъ дѣятелямъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ выпадала на долю роль, могущая сколько-нибудь быть приравненною по величію своему и глубинѣ значенія той роли, которую Богъ судилъ великимъ создателямъ духовнаго просвѣщенія всего славянства, чувствуемымъ нынѣ на всемъ его исполнскомъ протяженіи отъ далекихъ окраинъ Сибири до Адриатики въ 1000-лѣтнюю годовщину смерти одного изъ святыхъ братьевъ».

Статья г. Зигеля, написанная весьма ясно, имѣетъ чисто-юридическій характеръ. Дѣятельность первоучителей славянскихъ подготовила условія, при которыхъ у различныхъ славянскихъ народовъ: чеховъ, поляковъ, болгаръ, могли появиться сборники законовъ на народномъ языкѣ и юридическая литература. Разсмотрѣніе этихъ произведеній славянской государственной и общественной жизни составляетъ задачу г. Зигеля. Только въ одномъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ нимъ. Значеніе богомиловъ, этой еще мало изслѣдованной секты, преувеличено авторомъ, утверждающимъ, что «перенесенная изъ Болгаріи въ Византію, Сербію, Босну, Италію, на югъ Франціи и даже въ Германію, она связана черезъ вальдейцевъ съ гуситствомъ и протестантствомъ и представляетъ одну изъ самыхъ раннихъ попытокъ человѣческаго ума освободиться отъ богословскихъ оковъ».

Мы остановились на сборникѣ, составленномъ профессорами Варшавскаго университета, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду одно весьма важное обстоятельство. Тамъ, на окраинѣ русскаго государства, гдѣ соприкасаются двѣ славянскія національности, собралось столько ученыхъ славистовъ, сколько мы не встрѣча-

емъ въ другихъ университетахъ, въ особенности же у насъ въ Москвѣ, въ средоточіи земли русской. Интересно, слѣдовательно, узнать, какими научными приемами, какимъ направленіемъ и какими чаяніями отличаются русскіе ученые слависты, представляющіе нашу науку въ столицѣ бывшаго Царства Польскаго.

Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе Г. Тэна. Переводъ съ французскаго А. Иванова и Е. Щепкина. Москва, 1885 г. Монографія знаменитаго французскаго писателя о Ливіѣ считается однимъ изъ самыхъ остроумныхъ сочиненій Тэна и переводчики оказали значительную услугу, сдѣлавъ эту небольшую, но разностороннюю, блестящую книгу доступной для русскихъ читателей. Немногіе историки подверглись такой полной обработкѣ, какъ историкъ римскаго народа Ливій подъ перомъ г. Тэна. Послѣ краткой біографіи, въ которой большая часть посвящена характеристикѣ литературныхъ вкусовъ временъ Августа и направленія исторической науки въ ту эпоху, разсматривается трудъ Тита Ливія, во-первыхъ, съ точки зрѣнія исторіи, какъ науки, во-вторыхъ, съ точки зрѣнія исторіи, какъ искусства. Первый отдѣлъ распадается на шесть главъ; три изъ нихъ занимаются исторической критикой. Прежде всего, говорится о критикѣ вообще, потомъ о критикѣ у Тита Ливія и, наконецъ, о критикѣ новаго времени, какъ она разработана въ XVIII вѣкѣ Босфоромъ и въ XIX столѣтіи Нибуромъ.

Въ другихъ трехъ главахъ изслѣдуется философія исторіи вообще, потомъ философія исторіи у Тита Ливія и философія римской исторіи у новыхъ писателей: Макиавелли и Монтескьё.

Во второй части Тэнъ трактуетъ объ искусствѣ въ исторіи, о характерѣ у Тита Ливія, объ его повѣствованіи и о рѣчахъ.

Много остроумныхъ замѣчаній высказано относительно его слога и въ заключеніе представлено разборъ таланта Тита Ливія, сдѣлано сравненіе великаго римскаго историка съ другими древними историками и указано различіе между древней и новѣйшей историографіей. Уже одинъ голый перечень въ достаточной степени показываетъ, какъ широко понялъ свою задачу Тэнъ. Русский переводъ сдѣланъ тщательно, изложеніе даровитаго французскаго писателя передается хорошимъ литературнымъ языкомъ. Книга, изданная г. Солдатенковымъ, принесетъ большую пользу учащимся и всѣмъ любящимъ серьезное чтеніе.

The Empire of the Hittites by William Wright with decipherment of hittite inscriptions by A. H. Sayce. Открытіе новой культурной области въ передней Азіи, на предѣлахъ вліянія древнихъ цивилизацій—мессопотамской и египетской, принадлежитъ недавнему времени. Имя Хета, гетеевъ или гиттитовъ встрѣчалось и раньше въ исторіи древняго Востока, но открытіе своеобразныхъ надписей и оригинальныхъ памятниковъ искусства привело ученыхъ къ сгруппированію всѣхъ данныхъ и подведенію ихъ подъ одну категорію совершенно особой цивилизаціи гетеевъ. Новооткрытая культура по Оронту и среднему Евфрату, около городовъ Кадеша и Кархемиша, служила, повидимому, соединяющимъ звеномъ между народами древняго Востока и эллинской цивилизаціей. Райтъ, изслѣдовавшій на мѣстѣ памятники, собралъ все, извѣстное намъ о гетеевахъ и составилъ полную монографію объ этой новой области въ исторіи древняго Востока. Сейсъ, помѣщавшій въ трудахъ общества библейской археологіи изслѣдованія о гетеевахъ, приложилъ къ труду Райта опыты разъясненія надписей, оставленныхъ гетеевами. Въ концѣ книги приложены снимки всѣхъ дошедшихъ до насъ надписей.

Wie Russland europäisch wurde. Studien zur Kulturgeschichte von Ernst Freiherr von der Brüggen. Авторъ поднимаетъ старую тяжбу между петровской и до-петровской Россіей, имѣя въ виду практическую цѣль. Онъ отмѣчаетъ усиленіе въ послѣднее время старорусской партіи, «которая достаточно рѣшительна и сильна, чтобы дать новое направленіе русской государственной жизни, и сознательно ставить себѣ эту задачу, понимая, что на теперешнемъ пути государство близко къ политически-административному, хозяйственному и дипломатическому банкротству». Авторъ имѣетъ особыя причины бояться этого новаго направленія; онъ опасается за цѣлость «дѣйствительно культурныхъ элементовъ», находящихся «въ нерусскихъ окраинахъ царства». Подъ этимъ разумѣется остзейская «культура»; авторъ горячій поклонникъ провинціализма и сословнаго неравенства.

Мѣры практической политики, рекомендуемыя авторомъ, соотвѣтствуютъ высказанному взгляду: онъ предлагаетъ старорусской партіи «не возвращеніе къ учрежденіямъ Алексѣя Михайловича», а «созданіе самостоятельныхъ классовъ народа, прежде всего, сильнаго правящаго сословія, освобожденіе областной и религіозной народной жизни, возвращеніе къ дѣйствительнымъ русскимъ народнымъ интересамъ, которые еще и теперь находятъ пріютъ въ Москвѣ «у гробовъ предковъ», а не въ чуждомъ городѣ Петра».

Пятьдесятъ лѣтъ спора о нашей самобытности и подражательности привели насъ, по крайней мѣрѣ, къ тому, что мы не считаемъ больше петровскую и до-петровскую Русь несравнимыми величинами и пытаемся выдти изъ заколдованнаго круга этихъ терминовъ, хотя бы съ помощью ихъ самихъ: или мы перечисляемъ всѣ случаи сношеній Россіи съ западомъ до Петра и выводимъ, что Россія всегда была европейской, или, не довольствуясь количествомъ сношеній, разбираемъ ихъ качества и приходимъ къ заключенію, что Россія не стала европейской и послѣ Петра. Автору разбираемой книги тоже тѣсно въ рамкахъ прежнихъ терминовъ, и онъ выходитъ изъ нихъ третьими путемъ; Россія всегда принимала чужое и всегда только внѣшнимъ образомъ, всегда подражала и никогда не была европейской. Этотъ выводъ основывается на слѣдующемъ представленіи о ходѣ русской исторіи: «Русскій народъ выступаетъ въ исторіи, благодаря подчиненію норманнамъ; онъ переживаетъ періодъ сравнительнаго процвѣтанія, продолжающійся до тѣхъ поръ, пока норманскій элементъ силенъ и господствуетъ, и кончающійся, когда этотъ элементъ оттѣсняется монголами и норманнская система государствъ уничтожается Москвой; этотъ народъ поработается съ тѣхъ поръ монгольскому игу, которое смѣняется московскимъ; потомъ его поработаетъ Польша, онъ возстаетъ и освобождается, становится въ первый разъ свободнымъ народомъ подъ властью собственнаго государя, въ такомъ положеніи проживаетъ столѣтіе въ жалкомъ безсиліи создать условія для правильнаго государственнаго порядка; Петръ является и начинаетъ новый періодъ, характеризующійся насильственнымъ подчиненіемъ европейскимъ формамъ жизни; въ теченіе двухъ столѣтій производятся попытки навязать народу европейскую культуру силой бюрократическаго деспотизма; эта бюрократія оказывается неспособной разрѣшить свою задачу, и опять поднимается страшный вопросъ: кто сумѣетъ достигнуть того, къ чему стремился Петръ, кто сумѣетъ обезпечить европейскую культуру за славянскимъ востокомъ?» (Стр. 510). Не останавливаясь на общихъ точкахъ зрѣ-

нія, на взглядъ автора на исторію и смыслъ исторической жизни народа, на его дѣленіи народовъ на «культурные» и «не культурные», на его пониманіи термина «культура»,—на вопросахъ, однимъ словомъ, о которыхъ споръ никогда бы не кончился, переходимъ къ оцѣнкѣ приведеннаго сейчасъ взгляда автора на фактическую связь событій и эпохъ русской исторіи.

Построеніе начинается съ мысли, столь же древней, какъ нѣмецкія изслѣдованія о русской исторіи (байеровско-шлецеровской): славяне стали общественнымъ народомъ, благодаря культурному вліянію германскаго элемента. Послѣ Соловьева нечего останавливаться на опроверженіи этой теоріи о силѣ норманнскаго вліянія, доведенной до абсурда Погодинымъ. Но авторъ превзошелъ и Погодина.

Все добро отъ норманновъ въ кievскомъ періодѣ; городская жизнь и торговля развивались въ это время сильнѣе, чѣмъ потомъ: это потому, что норманнскіе удѣльные князья сидѣли еще по своимъ столицамъ, которыя они старались всячески возвысить; но, вѣдь, болѣе другихъ процвѣтали республики, Новгородъ и Псковъ, не бывшія столицами княжескихъ лній? Это потому, что онѣ ближе къ сѣверу, гдѣ «связь съ Скандинавіей и раньше была завязана и долѣе продолжалась, чѣмъ на югѣ»; авторъ даже полагаетъ, что и вольный духъ новгородскій, и поѣздки ушкуйниковъ отзываются «безпокойнымъ германскимъ духомъ» и «старыми походами викинговъ». Еще затрудненіе: вѣдь, еще до монголовъ такой же «норманнъ», Андрей Боголюбскій, наноситъ ударъ этой «норманнской системѣ государствъ» на югѣ и перекочевываетъ на сѣверъ, въ новую сельскую Русь; стало быть, до монголовъ и Москвы южные города теряютъ значеніе? Но авторъ и не видитъ этого затрудненія, ему все равно, что Новгородъ, что Кіевъ, что Владиміръ на Блязмѣ первенствуетъ въ «норманнской системѣ»; вообще онъ совершенно не знакомъ съ фактической исторіей княжескихъ отношеній; ему ничего не стоитъ сдѣлать современниками князей, жившихъ на разстояніи столѣтій: отецъ Мономаха оказывается у него современникомъ своего праправнука, а другой правнукъ Мономаха сдѣланъ его братомъ (стр. 73—4).

Удѣльный періодъ идеализируется, какъ время господства норманнскихъ началъ; за то Москва наследуетъ всѣ эпитеты, которыми у насъ въ литературѣ награждали монголовъ. «Норманнская Россія была оторвана отъ Европы, уничтожена; на мѣстѣ ея возникло государство, на столѣтія оставшееся прикованнымъ къ Азіи». Эта схематизація историческихъ явленій подъ двѣ рубрики, монгольскій и норманнскій, азіатскій и европейскій, доходитъ у автора до комичнаго въ разсказѣ объ Иванѣ IV: норманнъ, ставшій монголомъ! «На первый взглядъ,—говоритъ авторъ,—кажется, что въ Иванѣ пробудилось берсеркерское бѣшенство его предковъ... но, всматриваясь пристальнѣе, можно замѣтить, что страсти этого государя ничего не имѣютъ общаго съ богатырствомъ, съ норманнскимъ элементомъ; скорѣе хочется думать, что имѣешь дѣло съ монголомъ» (стр. 21). По мнѣнію Бриггена, борьба Ивана съ боярствомъ есть борьба монгола съ остатками норманнства. Насколько автору знакома фактическая исторія этого времени, видно изъ того, что, по его мнѣнію, Иванъ ведетъ борьбу съ боярствомъ въ союзѣ съ церковью, которую для этого усиливаетъ учрежденіемъ патріаршества; послѣднее обстоятельство авторъ повторяетъ два раза, ставя оба раза и годъ (1589), такъ что никакъ нельзя объяснить опіской этого не-

знанія учебника. Слѣдуетъ описаніе внутренняго строя московскаго государства, гдѣ мы узнаемъ много новостей. Оказывается, что окольные значуть то же, что думные дворяне, и вмѣстѣ съ думными дьяками составляютъ разрядъ «большихъ» или «городовыхъ дворянъ», засѣдающихъ въ думѣ, дьяки и стольники составляютъ переходъ къ простымъ дворянамъ. Что касается низшаго класса, онъ, по мнѣнію автора, распадается на три отдѣла: *крестьяне*—живуть на помѣстной землѣ и естественно съ ней связаны; *холопы*—крестьянское населеніе на вотчинной землѣ, ихъ можно продать и выселить, и, кромѣ того, *дворовые*, состоящіе въ личномъ услуженіи. Авторъ не подозреваетъ, очевидно, что дворовый то же, что холопъ, а вотчинные и помѣщичьи крестьяне имѣють почти одинаговую исторію.

Вторая треть книги посвящена реформѣ Петра. За исключеніемъ немногихъ данныхъ, взятыхъ у Соловьева, остальные почти всё заимствованы изъ популярнаго изложенія Костомарова (*Русская исторія въ біографіяхъ*; можно привести сколько угодно доказательствъ непосредственнаго пользованія этой книгой). Ссылки на Костомарова дѣлаются всего раза три, причемъ одинъ разъ неудачно (стр. 226), потому что приписанное авторомъ Костомарову изображеніе грабительства чиновниковъ при Петрѣ взято имъ цѣликомъ у Вебера («Das Veränderte Russland», p. 51). Упоминаемъ объ этомъ не потому, чтобы мы требовали отъ автора знакомства съ первыми источниками, а потому, что нѣкоторые выраженія въ его книгѣ производятъ на непосвященнаго читателя такое впечатлѣніе, какъ будто онъ этимъ знакомствомъ обладаетъ.

Конечно, ошибка въ этой части начинается лишь тогда, когда авторъ отступаетъ отъ своего источника или источникъ оставляетъ автора. Такъ, переводя костомаровскую характеристику Ромодановскаго, авторъ сдѣлалъ только одну ошибку, прибавивши, что преображенскій приказъ учрежденъ еще Иваномъ IV. Извѣстно, что этотъ приказъ является при Петрѣ. Пренная путаница продолжается въ фактахъ социальной исторіи, гдѣ Костомаровъ, а иногда и Соловьевъ, не даютъ автору нужныхъ свѣдѣній. Такъ, у нихъ нѣтъ разъясненій о подушной подати Петра, и авторъ дѣлаетъ смѣлое предположеніе, что подушная (Kopfsteuer), бывшая при Петрѣ, ведетъ свое начало отъ монголовъ, очевидно, не подозревая существованія до нея поземельной и подворной подати и вспомнивши про монгольскую перепись. Введеніе обязательной службы дворянства, по автору, было только возстановленіемъ старинной личной службы дружины, которая въ московскомъ государствѣ замѣнилась было службой съ помѣстій (Lehngüter); съ помѣстій при Петрѣ, вмѣсто службы, которая и безъ того стала обязательной, стали брать рекрутами и деньгами, и эти повинности распространили на вотчины (Erbgüter), бывшія прежде свободными отъ повинностей. Такимъ образомъ свершилось сліяніе помѣстій и вотчинъ, только подтвержденное указомъ о единонаслѣдіи. Очевидно, здѣсь авторъ, при всемъ негодованіи на московскихъ государей за то, что они не дали развиться феодализму, не можетъ обойтись безъ феодальныхъ представленій: ему и въ голову не приходитъ, чтобы деспотизмъ Москвы могъ простираться до того, что она и съ вотчины требовала совершенно такой же службы и повинностей, какъ съ помѣстья, по крайней мѣрѣ, за полтораста лѣтъ до Петра. Припомнимъ, что, по автору, на вотчинной землѣ сдѣять холопы и дворовые (Erb. und Hofbauern), а на помѣстной—крестьяне (Frohnbeamern); стало быть, изъ сліянія вотчинъ

съ помѣстными вытекаетъ сліяніе холопей съ крестьянами, и авторъ, оплакивающій отсутствіе феодализма на Руси, не подозреваетъ, что наградила насъ новой соціальной теоріей, построенной на феодальныхъ идеяхъ.

Личность Петра, общій характеръ его реформъ, служебный по отношенію къ его военнымъ дѣламъ и по преимуществу фискальный, вѣрно поняты и ярко обрисованы авторомъ; его мнѣнія о вѣншей политикѣ Петра, о томъ, что рано было для бѣдной средетвами и не имѣвшей реальныхъ интересовъ на западѣ Россіи втягиваться въ европейскую международную жизнь, что лучше было бы бороться съ естественными врагами, Польшей и Крымомъ, чѣмъ съ Швеціей и Персіей,—всѣ эти мнѣнія интересны и иногда вѣроятны; но совершенно невѣроятны заключенія о сословныхъ реформахъ Петра. Эти реформы, по мнѣнію автора, «разрушили единственную соціальную группу—дворянство»,—реформы, завязавшія узелъ дворянскаго крѣпостнаго права, какъ извѣстно самому автору. Табелъ о рангахъ превратила дворянство въ чиновничество, продолжаетъ авторъ. А мы знаемъ, что всему XVIII в. не удалось загнать это дворянство въ канцеляріи на гражданскую службу. «Въ погонѣ за орденомъ и производствомъ, это дворянство мало и плохо хозяйничало». По этой ли причинѣ, или по другой, совершенно вѣрно, что дворянству хозяйничать не удалось и не вышло изъ него нѣмецкихъ или остзейскихъ гутебезицеровъ; въ противномъ случаѣ, не было бы крестьянской реформы. Такъ, заключаетъ авторъ, дворянинъ и крестьянинъ стали рабами государства; народъ дѣлился на двѣ группы: царскій чиновникъ и крѣпостной крестьянинъ.

Послѣдняя треть книги рассказываетъ событія отъ смерти Петра до вступленія Елизаветы, которой и кончается. Окончаніе совершенно неожиданное у писателя, желающаго изслѣдовать «какъ Россія стала европейской». Изъ того, что при Петрѣ «страна была матеріально слаба, чтобы быть европейской державой, и духовно слишкомъ груба, чтобы наполнить живымъ содержаніемъ европейскія формы жизни», какимъ образомъ можетъ слѣдовать, что и теперь, полтора вѣка спустя, она такова же? Разумѣется, при такомъ взглядѣ приходится игнорировать исторію дворянства и думать, что при Екатеринѣ «остатки его были уничтожены и порабощены государству въ пустыхъ формахъ самоуправленія», главное содержаніе полтора вѣка развитія полагать въ усиленіи эксплуатаціи общества государствомъ (*Verstaatlichung der Gesellschaft Bureauchvatisierung der leitenden Klassen*), общественное мнѣніе отождествлять съ нигилизмомъ (стр. 508, 502), а русскій умъ считать годнымъ только для разрушительной критической работы, образцомъ которой въ XVIII в. былъ Вольтеръ, а въ XIX—Черняевъ (стр. 468).

Общее заключеніе автора мы уже знаемъ: Россія никогда не могла обойтись безъ заимствованій и никогда не была европейской. Насколько основателенъ взглядъ автора на исторію Россіи, какъ на исторію заимствованій, видно изъ предъидущаго. Что же касается его послѣдняго вывода, что Россія никогда не была европейской, мы не будемъ спорить объ этомъ съ авторомъ, потому что, прежде чѣмъ спорить, надо согласиться въ употребленіи терминовъ. Что такое терминъ «европейскій»; принадлежитъ ли онъ какой-нибудь естественной или искусственной классификаціи? Какой признакъ дѣлаетъ Россію не европейской? Централизація и бюрократизмъ (безсословность)? Исторію Франціи характеризовали этими самыми чертами (Тювилль); слѣдовательно, Франція страна не евро-

пейская? Съ другой стороны, какимъ общимъ съ западными государствами признакомъ должна обладать Россія, чтобы подойти подъ это понятіе «европейскаго» государства? Если это извѣстныя этическія и правовыя идеи, то остается еще рѣшить, какія онѣ; и тутъ мы, можетъ быть, разойдемся съ авторомъ относительно самыхъ идей. Если же такимъ общимъ признакомъ являются черты прошедшей западно-европейской исторіи, какъ утверждаетъ авторъ, напр., феодализмъ, папство, — тогда нѣтъ никакой надобности писать 500 страницъ, чтобы придти къ выводу, что Россія никогда не будетъ европейской, ибо не была таковой въ прошедшемъ. Авторъ, дѣйствительно, склоняется къ этому выводу: «взглядъ на прошедшее Россіи, по его мнѣнію, возбуждаетъ невольно сомнѣнія, призванъ ли этотъ народъ къ самостоятельной культурѣ». Отказывая намъ въ будущемъ, онъ не хочетъ связывать съ нами будущаго своей родины и, въ виду ожидаемаго имъ всеобщаго *saue qui reut*, заблаговременно выступаетъ осторожнымъ представителемъ интересовъ своихъ земляковъ. И съ этой стороны книга представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ знаменіе времени.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И КНИГИ ЮРИДИЧЕСКІЯ.

„Международная хлѣбная торговля“. П. И. Георгіевскаго. — „Lectures on the industria Revolution in England“. А. Тоунбея. — „Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ наслѣдованія имущества“. К. Д. Кавелина. — „Защита въ уголовномъ процессѣ“. И. Я. Фойницкаго.

Международная хлѣбная торговля. Приватъ-доцента Императ. Спб. университета П. И. Георгіевскаго. Выпускъ первый. Страны ввоза. Спб., 1885 г. Событія послѣднихъ лѣтъ выдвинули на первый планъ вопросъ о хлѣбной торговлѣ, которая приобрѣла одинаково важное значеніе какъ для странъ, ввозящихъ хлѣбъ, такъ и для странъ, вывозящихъ его. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣны будутъ стоять такъ низко, какъ онѣ стоятъ послѣдніе годы, тогда намъ невыгодно будетъ вывозить хлѣбъ, намъ нечѣмъ будетъ платить за нашъ заграничный ввозъ и мы должны будемъ начать производить тѣ товары, которые ввозили теперь изъ другихъ странъ. Нечего и говорить, къ какимъ огромнымъ переворотамъ во всей нашей экономической и общественной жизни можетъ повести одинъ этотъ фактъ. Такой же рядъ весьма важныхъ вопросовъ возникаетъ и для Англій, Франціи и Германіи съ тѣхъ поръ, какъ американская, въ послѣднее время австралійская и индійская конкуренція начала совершенно убивать туземное производство хлѣба. Въ этихъ странахъ ощущается необходимость коренныхъ измѣненій въ распредѣленіи поземельной собственности, измѣненій въ земледѣльческой культурѣ, предстоитъ, можетъ быть, переходъ къ скотоводству, — однимъ словомъ, имѣютъ наступить измѣненія не только въ экономической жизни, но и въ общественной и даже политической. Разсмотрѣть значеніе хлѣбной торговли для каждой изъ этихъ странъ и показать, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ въ каждой изъ нихъ ввозъ хлѣба, какія существенныя измѣненія вноситъ онъ во всю внутреннюю жизнь, выяснитъ на этомъ вопросѣ взаимныя отношенія всѣхъ классовъ общества и показать, при какой организаціи поземельныхъ отношеній вопросъ этотъ теряетъ свое острое значеніе, — все это составляетъ задачу, достойную изслѣдованія.

Каково же удивленіе читателя, когда онъ приступаетъ къ чтенію объемистой книги г. Георгіевскаго и видитъ, что цѣлыя десятки страницъ посвящены вовсе не тѣмъ вопросамъ, изъ-за которыхъ онъ приступилъ къ чтенію книги, а вопросамъ, не имѣющимъ никакого отношенія или же имѣющимъ весьма отдаленное отношеніе къ хлѣбной торговлѣ. Въ введеніи авторъ высказываетъ соображеніе (довольно, впрочемъ, общаго свойства) о благодѣтельномъ значеніи общественности въ развитіи человѣка и общества, о видахъ раздѣленія труда и значеніи ихъ, о томъ, что «исторія хлѣбной торговли»—въ высшей степени существенный вопросъ, и устанавливаетъ планъ изслѣдованія. Такъ «первымъ опредѣляющимъ развитіе хлѣбной торговли моментомъ является излишекъ или недостатокъ въ количествахъ хлѣба, которыми располагаетъ та или другая страна», то *первая* глава посвящена описанію моментовъ, опредѣляющихъ внутреннее предложеніе хлѣба, т.-е. перечисленію данныхъ о пространствѣ пашни, урожаѣ, количествѣ посѣва и потребленіи хлѣба въ Англіи, Франціи и Германіи, странахъ ввоза, о которыхъ только и говоритъ авторъ во всей своей книгѣ. Съ теченіемъ времени внутренняго производства оказывается недостаточно, является необходимость ввозить хлѣбъ, и вопросъ о путяхъ сообщенія приобретаетъ существенное значеніе. Поэтому вся *вторая* глава посвящена описанію путей у древнихъ, въ средніе вѣка и въ настоящее время, когда желѣзныя дороги проложены почти повсюду, разсужденіямъ о громадномъ значеніи пара, о важности сооруженія каналовъ, устройства телеграфовъ и другимъ соображеніямъ, имѣющимъ самое отдаленное отношеніе къ предмету изслѣдованія. Въ *третьей*, очень обстоятельной главѣ разсказана исторія хлѣбнаго законодательства Англіи, Франціи и Пруссіи, перечислены постановленія относительно ввоза и вывоза хлѣба, начиная отъ среднихъ вѣковъ и кончая закономъ 1879 г. о хлѣбныхъ пошлинахъ въ Германіи. Въ исторіи хлѣбнаго законодательства авторъ различаетъ слѣдующія три стадіи: первая характеризуется отсутствіемъ опредѣленной экономической системы, малымъ пониманіемъ экономическихъ явленій, заботой лишь о населеніи узко ограниченной мѣстности и объ ея потребителяхъ, для чего часто запрещался вывозъ хлѣба, когда въ сосѣднихъ мѣстностяхъ жители страдали отъ голода. Такова была политика городовъ въ средніе вѣка. Съ ростомъ общественности и политическихъ единицъ приобретаетъ большое значеніе интересъ фиска и поощреніе привилегированныхъ классовъ, особенно крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, интересы которыхъ пользуются покровительствомъ. Это вторая стадія, длившаяся вплоть до послѣднихъ десятилѣтій настоящаго столѣтія. Но съ „большей демократизаціей“ „постепенно непосредственная дѣятельность государственной власти сводится почти къ нулю; это движеніе завершается объявленіемъ невмѣшательства правительства и признаніемъ полной свободы хлѣбной торговли, и, такимъ образомъ, кладется основаніе новому (третьему) періоду въ развитіи послѣдней“. Такъ какъ въ торговлѣ хлѣбомъ вопросъ о цѣнахъ является весьма важнымъ, то ему отведена цѣлая глава (*четвертая*), но за невозможностью перечислить всѣ причины, вліяющія на цѣны, авторъ ограничивается, во-первыхъ, изслѣдованіемъ данныхъ о вліяніи урожаяевъ, изъ которыхъ не считаетъ возможнымъ „вывести заключеніе, чтобы цѣна хлѣба опредѣлялась внутренними урожаями, а тѣмъ менѣе, чтобы колебанія цѣны совершались пропорціонально измѣненіямъ урожаяевъ“; во-вторыхъ, изслѣдованіемъ вліянія путей сообщенія, причелъ

приходить къ заключенію, что улучшеніе путей сообщенія уравниваетъ цѣны. Третья причина, влияющая на цѣны, законодательство по внѣшней торговлѣ хлѣбомъ, рассмотрѣна въ пятой главѣ, причежь указаны мѣры, затрудняющія и поощряющія ввозъ и вывозъ, и другія мѣры, влияющія на цѣны, какъ преміи за ввозъ и вывозъ, закупка хлѣба правительствомъ, но такъ какъ „всѣ эти мѣропріятія уже сошли со сцены и едва ли есть надежда на ихъ возрожденіе“, то авторъ переходитъ въ шестой главѣ къ мѣрѣ, ожившей уже въ Германіи и могущей ожить во Франціи,—къ неизмѣнной пошлинѣ. По мнѣнію автора, такая мѣра улучшить положеніе только крупныхъ землевладѣльцевъ, положеніе же крестьянъ, производящихъ, главнымъ образомъ, на себя, ухудшится, такъ какъ имъ приходится покупать мануфактурные товары по болѣе высокой цѣнѣ, шансы промышленности на иностранныхъ рынкахъ ухудшатся, положеніе рабочихъ отъ вздорожанія хлѣба также не улучшится,—однимъ словомъ, отъ хлѣбной пошлины можетъ выиграть только „нѣсколько десятковъ тысячъ, сотни же тысячъ, милліоны могутъ только потерять“. Напротивъ, благодаря свободѣ торговли, цѣны становятся устойчивѣе и понижаются въ странахъ ввоза. Послѣ этого рассмотрѣнія „отдѣльныхъ главнѣйшихъ факторовъ хлѣбной торговли въ ихъ историческомъ развитіи“ авторъ переходитъ, наконецъ, въ послѣдней, седьмой главѣ—къ даннымъ самой хлѣбной торговли и рассматриваетъ, „какъ отразились на хлѣбной торговлѣ существенныя измѣненія въ каждомъ отдѣльномъ факторѣ или въ суммѣ ихъ“. Заключеніе этой главы и, въ то же время, всей книги, выведенное изъ рассмотрѣнія исторіи хлѣбной торговли въ Англій, Франціи и Германіи, имѣетъ, по мнѣнію автора, „до извѣстной степени силу и относительно прочихъ государствъ, какъ ввоза, такъ и вывоза, въ виду того, что всѣ три рассмотрѣнныхъ государства были въ извѣстное время странами вывоза по преимуществу“, а заключеніе это сводится къ тому, что въ снабженіи каждой страны хлѣбомъ замѣчаются три ступени развитія, которыя были указаны авторомъ еще въ третьей главѣ. На послѣдней ступени при полной свободѣ хлѣбной торговли привозный хлѣбъ получаетъ первенствующее значеніе, а внутреннее производство отступаетъ на задній планъ и составляетъ незначительную часть всего потребленія страны.

Мы передали, по возможности, точно содержаніе книги, насколько это было возможно при отсутствіи связи между отдѣльными главами и при массѣ совершенно не идущихъ къ дѣлу разсужденій и замѣчаній автора. Если выдѣлать изъ книги то, что не относится къ рассматриваемому вопросу, то изъ всей книги останется только шестая глава, въ которой положеніе Германіи выяснено довольно обстоятельно и ясно. Къ чему, спрашивается, распространяться о благотѣльномъ влияніи общественности, о различныхъ видахъ раздѣленія труда, о дифференціаціи и интеграціи по поводу того, что прежде „орудіе переищненія въ самостоятельной формѣ совершенно отсутствовало—и мускульная сила человѣка тратилась не только на переищненіе грузовъ, помѣщавшихся на спинѣ или шеѣ человѣка, но и на сопротивленіе силѣ тяжести этихъ грузовъ“? Къ чему въ книгѣ о „международной хлѣбной торговлѣ“ посвящать цѣлую главу разсужденіямъ о томъ, что до развитія торговли общество находится въ зависимости отъ внутренняго производства, а другую—исторіи путей сообщенія? Правда, эти вопросы дѣйствительно важны, но неужели они имѣютъ такое близкое отношеніе къ предмету, чтобы имъ посвятить цѣлыхъ двѣ главы? По нашему мнѣнію, въ

книгѣ, посвященной хлѣбной торговлѣ, не зачѣмъ пространно говорить о томъ, что прямого отношенія къ предмету не имѣетъ, а должно ограничиться указаніемъ лишь на то, что имѣетъ прямое отношеніе, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ—вопросамъ о тарифахъ. Авторъ хочетъ дать намъ не только описаніе современнаго состоянія, но и исторію, а, между тѣмъ, вся исторія сводится у него къ сухому перечисленію самыхъ разнообразныхъ законодательныхъ постановленій, безъ всякаго освѣщенія, безъ объясненія, при какихъ условіяхъ и съ какими цѣлями введена та или другая политика. По нашему мнѣнію, исторія должна не только объяснять прошлое, но, въ то же время, должна давать намъ руководящія нити для настоящаго и помочь намъ въ рѣшеніи тѣхъ же вопросовъ. Сухое же перечисленіе ординасовъ не есть исторія; въ основѣ исторіи должна непремѣнно лежать идея, иначе она будетъ лишь повѣствованіемъ о томъ, что въ одной странѣ въ одно время была такая торговая политика, а въ другой странѣ въ другое время другая. Вмѣсто того, чтобы выяснить торговую политику, связавши ее съ характерными чертами всей переживаемой въ каждую эпоху культуры, авторъ хочетъ для всѣхъ странъ установить три ступени развитія въ законодательствѣ и этимъ думаетъ объять весь вопросъ. Понятно, что средневѣковыя постановленія кажутся ему бессмысленными, что, по его мнѣнію, „отличительной чертой того времени надо признать неспособность прослѣдить болѣе глубокую связь между явленіями“, что его поражаетъ эгоизмъ, благодаря которому „вся забота ограничивалась населеніемъ мѣстности“, между тѣмъ какъ „у воротъ города чужіе умираютъ съ голода“. Еслибъ авторъ былъ нѣсколько болѣе посвященъ въ исторію средневѣковаго быта, то онъ видѣлъ бы, что регулированіе всѣхъ цѣнъ было такой же характерной чертой того времени, какой у насъ служить соперничество, и что это регулированіе имѣетъ своя глубокія причины, что постановленія каноническаго права тоже вполне соответствовали всему складу средневѣковой жизни. Кромѣ того, едва ли можно назвать эгоистической политику, имѣющую въ виду интересы потребителей, а политику, имѣющую въ виду исключительно землевладѣльцевъ, соответствующей демократизаціи власти. Для эгоизма остается полный просторъ и при свободѣ торговли, такъ какъ, говоря словами Рикардо, хлѣбъ ввозится въ страну, страдающую отъ неурожая, не потому, что онъ можетъ спасти жителей отъ голодной смерти, а потому, что за него даютъ лучшую цѣну. Въ книгѣ поражаетъ часто, что десятки страницъ посвящены доказательству истинъ, не подлежащихъ спору и не возбуждающихъ сомнѣній; напримѣръ, нужно ли доказывать, что при свободѣ ввоза и вывоза хлѣба цѣны опредѣляются не урожаями внутри страны, а международными условіями, или что улучшеніе путей сообщенія уравниваетъ цѣны? Еслибъ читатель полюбопытствовалъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ совершается переходъ отъ одной политики къ другой, связанъ ли этотъ переходъ съ измѣненіемъ во всей экономической жизни, въ организаціи собственности и проч., онъ въ книгѣ найдетъ только одинъ отвѣтъ, что такой переходъ совершался постепенно, какъ будто бы такія слова какъ „постепенно“ или „мало-по-малу“ что-нибудь объясняютъ. Особенно достойны удивленія заключительныя страницы, которыя говорятъ о томъ, что всѣ страны переходятъ три ступени развитія и что третья ступень характеризуется преобладаніемъ ввознаго хлѣба и уменьшеніемъ туземнаго производства. Крайне любопытно было бы узнать, откуда тогда будетъ ввозиться хлѣбъ?

Мы остановились на этой книгѣ, можетъ быть, дольше, чѣмъ это оправдывается самимъ ея содержаніемъ, но намъ хотѣлось ясно представить, до какой степени неушло и нескладно она написана. Хотя въ книгѣ и нѣтъ ссылокъ на первоначальные источники, а данныя заимствованы изъ вторыхъ рукъ, тѣмъ не менѣе, труда потрачено достаточно, но весь этотъ трудъ, къ сожалѣнію, пропалъ даромъ, потому что книга никого ничему научить не можетъ. Единственная, прямо относящаяся къ дѣлу глава, шестая, повторяетъ преимущественно то, что высказано было Конрадомъ въ статьяхъ его журнала, а изъ всѣхъ другихъ главъ читатель не вынесетъ ничего, что помогло бы ему разобраться въ вопросѣ, занимающемъ теперь чуть ли не всю Европу. Подобныя книги обречены на забвене въ самый день появленія въ свѣтъ, и историкъ экономической литературы когда-нибудь съ грустью будетъ вспоминать то время, когда писались такіа книги.

Lectures on the industrial Revolution in England by Arnold Toynbee. London, 1884. Смерть за послѣдніе годы похитила лучшихъ англійскихъ экономистовъ, когда они были еще полны силъ и могли бы многое сдѣлать для науки. Послѣ Кэрса и Клиффа Лесли умеръ Джевонсъ, а въ прошломъ году Тойнби, имя котораго при жизни было неизвѣстно, но который несомнѣнно займетъ весьма почетное мѣсто среди современныхъ экономистовъ. Онъ умеръ 31 года и хотя успѣлъ написать очень мало, но его лекціи по исторіи англійскаго промышленнаго переворота и характеристика Рикардо и старой политической экономіи обнаруживаютъ въ немъ добросовѣстнаго и талантливаго историка и, въ то же время, хорошаго теоретика. За многочисленными фактами онъ всегда старается уловить идеи, характеризовавшія изслѣдуемую имъ эпоху, связываетъ чисто-дедуктивные приемы мышленія съ индукціей и путемъ такой комбинаціи даетъ не сухую передачу фактическаго матеріала, а исторію экономическаго быта въ связи съ исторіей экономическихъ идей. Именно это послѣднее обстоятельство выгодно отличаетъ Тойнби отъ нѣмецкихъ историковъ экономическаго быта, которыхъ можно упрекнуть въ томъ, что за деревьями они не замѣчаютъ лѣса и за безконечнымъ разнообразіемъ и обиліемъ фактическаго матеріала потеряли идеи, оживлявшія каждую эпоху, чѣмъ и внесли большую путаницу въ политическую экономію. Кромѣ того, у германскихъ экономистовъ никогда нельзя встрѣтить того научнаго безпристрастія, какое встрѣчаемъ у англичанъ. Въ то время какъ лучшія работы современныхъ представителей новѣйшей исторической школы въ Германіи не свободны отъ упрека въ пристрастномъ отношеніи къ прошлому, которое для нихъ служитъ подтвержденіемъ ихъ собственныхъ воззрѣній на какой-нибудь современный жгучій вопросъ, Тойнби совершенно свободенъ отъ подобныхъ упрековъ.

Какъ ни талантливо написаны очерки Клиффа Лесли и Беджота, характеристика Рикардо у Тойнби кажется намъ еще удачнѣе и полнѣе. Спрашивается, какимъ образомъ сжатый, абстрактный, безпристрастный Рикардо занялъ такое важное мѣсто и оказалъ такое огромное вліяніе на умы во всей Европѣ? На это Тойнби отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Вся сила Рикардо заключается въ удивительной логической силѣ, въ безошибочной послѣдовательности его аргументаціи. Допустите его послышки, и вы должны будете согласиться съ нимъ во всемъ остальномъ, такъ какъ системы сильны не вѣрностью послышекъ, а совершенствомъ способа разсужденія. Именно эта логическая неувязимость придала такое

важное значеніе Рикардо. Въ то время какъ онъ исключилъ изъ своего изслѣдованія всѣ другія стороны человѣческой жизни и изслѣдовалъ одну только экономическую, на его сочиненіе смотрѣли, какъ на полную философію не только промышленной, но даже всей общественной жизни. Контрастъ между слабостью его послылокъ и силой его аргументаціи поразителенъ, но на послылки никто не обращалъ вниманія, не считалъ нужнымъ провѣрять ихъ. Онъ жилъ въ эпоху промышленнаго переворота, котораго не могли понять даже сильнѣйшіе умы того времени. Въ то время какъ Смитъ говорилъ отдѣльно о рентѣ, прибыли и проч., Рикардо выяснилъ ихъ взаимныя отношенія, такъ что трактатъ его получилъ значеніе отравленія. Посылки, которыя прежде никому не могли бы придти въ голову, были для него весьма естественными; онѣ были лишь преувеличеніемъ того, что дѣйствительно совершалось предъ его глазами. Онъ даже не сознавалъ метода, которому слѣдовалъ, и думалъ, что говорить о живыхъ людяхъ и вещахъ, тогда какъ имѣлъ дѣло лишь съ абстракціями. Онъ только одинъ разъ упоминаетъ, что исходитъ отъ предположенія чистаго соперничества, а о другихъ послыткахъ, какъ частная собственность, полная свобода труда, полное знакомство съ состояніемъ прибыли и рабочей платы во всѣхъ мѣстахъ,—онъ ни разу не упоминаетъ во всей своей книгѣ.

Дедуктивный методъ и абстрактный анализъ характеризуютъ всю школу мыслителей, съ которой онъ былъ тѣсно связанъ и которая оказала на него огромное вліяніе,—Бентама, Милля (отца) и Остина. Если же къ этому прибавить, что по природѣ Рикардо обладалъ весьма сильнымъ абстрактнымъ умомъ, то мы поймемъ, какъ онъ незамѣтно впалъ въ ошибку, смотря на законы, вѣрные для общества, созданнаго имъ для цѣлей анализа, какъ на законы, применимыя къ обществу, въ которомъ онъ жилъ. Великая задача того времени была уничтожить стѣвленія и установить свободу торговли, и для рѣшенія этой проблемы дедуктивный методъ былъ самымъ подходящимъ. Когда же свобода торговли была установлена, миссія старой политической экономіи была выполнена, экономистамъ нечего было больше предлагать. Но изъ этого не слѣдуетъ, что дедуктивный методъ, павшій послѣ своего триумфа, бесполезенъ; онъ сохраняетъ свое мѣсто, какъ необходимое средство изслѣдованія. Историческій методъ внесъ, правда, революцію въ политическую экономію, но не тѣмъ, что доказалъ ложность ея законовъ, а тѣмъ, что они относятся къ опредѣленной ступени цивилизаціи. Это разрушило ихъ характеръ какъ вѣчныхъ законовъ и освободило нашъ умъ отъ предразсудковъ. Тѣмъ не менѣе, нападки на дедукцію, все-таки, несправедливы, такъ какъ вся ошибка заключается въ недостаточной провѣркѣ послылокъ или даже въ невѣрности ихъ, а дурное пользованіе методомъ не доказываетъ еще его непригодности. Дедуктивную политическую экономію нельзя винить за то, что многіе смѣшиваютъ ея законы съ правилами, построенными на нихъ. Это есть чистая наука, ея цѣль—знаніе, а политическая экономія въ прессѣ и на кафедрѣ есть практическая наука, т. е. сборникъ правилъ и предписаній. Журналисты и члены парламента часто смѣшиваютъ законы чистой науки съ максимами практической науки, и когда Гладстона обвиняли въ нарушеніи законовъ политической экономіи, то это было невѣрно, такъ какъ онъ не нарушалъ никакихъ законовъ, а отступалъ лишь отъ практическаго правила, рекомендовавшаго свободу договора. Съ другой стороны, одинъ историческій методъ не въ состояніи дать намъ законовъ прогресса, потому что мно-

тѣ факты экономической жизни, изъ которыхъ онъ долженъ быть выведенъ, скрыты отъ насъ. Этотъ методъ, столь полезный при ограниченіи дедуктивныхъ выводовъ, чрезвычайно опасенъ тѣмъ, что приводитъ къ несовершеннымъ обобщеніямъ, какъ это показываютъ изслѣдованія Мэна и Лавеле».

Мы нарочно остановились на характеристикѣ Рикардо и на разграниченіи дедуктивнаго метода отъ индуктивнаго, потому что исключительное предпочтеніе, удѣляемое индуктивному методу современными экономистами, основывается, по нашему мнѣнію, на неясномъ представленіи о роли, которую долженъ играть каждый изъ этихъ методовъ. Теоретическая политическая экономія немислима безъ дедукціи; историкъ экономической жизни также никакъ не разберется въ сыромъ матеріалѣ, если не прибѣгнетъ къ нѣкоторымъ посылкамъ. Если его заключенія и не будутъ безусловно вѣрны, то мы все же думаемъ, что лучше имѣть приблизительную истину, чѣмъ совсѣмъ не имѣть ея и дожидаться, пока будутъ изучены и рассмотрѣны всѣ факты, какъ будто бы послѣднее когда-либо можетъ быть выполнено. Свести всю экономическую науку на изученіе и группированіе фактовъ значить лишить ее идеи, обратитъ ее изъ науки въ собраніе свѣдѣній.

Въ исторіи промышленнаго переворота Тойнби рисуетъ картину Англій до 1760 г., когда старые порядки еще были въ полной силѣ, говорить о населеніи, о состояніи земледѣлія, промышленности и торговли до появленія крупныхъ промышленныхъ центровъ, объ упадкѣ англійскаго крестьянства—Йоменовъ, наконецъ, о положеніи рабочихъ. Къ концу вѣка картина совершенно измѣняется: вмѣсто меркантильнаго духа, которымъ была проникнута вся средневѣковая экономическая политика, устанавливается свободное соперничество, самыя характерныя проявленія котораго Тойнби приводитъ въ связь съ идеями, которыми проникнута книга А. Смита. Когда онъ потомъ переходитъ къ развитію крупной промышленности и связаннаго съ нимъ пауперизма, эти явленія приведены у него въ связь съ ученіемъ Мальтуса о населеніи и съ теоріей рабочаго фонда. Наконецъ, когда онъ доходитъ до вздорожанія цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ, мнѣвшаго мѣсто въ началѣ XIX вѣка, онъ показываетъ, какъ этотъ фактъ послужилъ основаніемъ для рикардовской теоріи ренты. Однимъ словомъ, теоретическія положенія классиковъ освѣщены и приведены у него въ связь съ историческими событіями, послужившими, независимо отъ желанія экономистовъ, основаніемъ для ихъ воззрѣній. Съ другой стороны, исторія пріобрѣтаетъ для насъ высокое значеніе, когда ее излагаютъ въ связи съ господствовавшими идеями, какъ это дѣлаетъ Тойнби. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ закончить своей работы, но и въ такомъ видѣ она составляетъ выдающееся явленіе въ экономической литературѣ; она принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ книгъ, въ которыхъ одинаково поражаетъ какъ добросовѣстное отношеніе автора къ предмету изслѣдованія и богатство мыслями, такъ и гуманная тенденція, которая проходитъ чрезъ всю книгу. По общему направленію, по оцѣнкѣ системы свободнаго соперничества и по нѣкоторымъ другимъ взглядамъ его можно было бы причислить къ германскимъ катедеръ-соціалистамъ, но отъ нихъ онъ выгодно отличается полною независимостью своихъ воззрѣній.

Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ наслѣдованія имущества. К. Д. Кавелина. Спб., 1885 г. Эта книжка является послѣднимъ изъ напечатанныхъ трудовъ знаменитаго ученаго. Она со-

ставлена изъ лекцій, которыя покойный К. Д. Кавелинъ читалъ въ 1883—84 году въ военно-юридической академіи. Въ предисловіи авторъ указываетъ на крупныя недостатки нашего законодательства и на то важное обстоятельство, что теперь основныя юридическія вопросы подвергаются въ наукѣ многостороннему пересмотру. К. Д. Кавелинъ думаетъ поэтому, что едва ли наступило уже время для капитальнаго труда о наследованіи и не претендуетъ на такое значеніе своего очерка.

Курсъ распадается на три части: наследованіе по завѣщанію, наследованіе по закону, открытіе наследства и переходъ его къ наследникамъ.

На наследованіе, говоритъ Кавелинъ, нельзя смотрѣть только съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ: «Оно, по существу своему, имѣетъ двѣ стороны, — частную, личную, приватную, которою обращено къ тому или другому лицу или категоріямъ людей, — и публичную, общественную, которая дѣлаетъ наследованіе, какъ и всѣ другія условія существованія людей, — семью, собственность, обязательства, — предметомъ публичнаго, общественнаго интереса». На этомъ основаніи нельзя разсматривать наследованіе исключительно съ точки зрѣнія гражданского права. У всѣхъ народовъ наследованіе въ имуществѣ и обязательствахъ находилось въ самой тѣсной связи съ условіями общественной жизни. Подъ вліяніемъ общаго культурнаго развитія имущественныя права, обязательства и интересы, которые римское право относило къ области частныхъ отношеній, все болѣе и болѣе подчиняются требованіямъ государственной и общественной жизни. Особенно важное значеніе пріобрѣтаетъ въ новое время вопросъ о томъ, какъ должно переходить наследство, по завѣщанію или по закону (и обычаю). Въ дѣйствующихъ законодательствахъ допускаются оба эти способа, съ перевѣсомъ то одного, то другаго изъ нихъ. Въ теоріи далеко не кончены споры объ относительномъ достоинствѣ завѣщанія, причемъ преобладаетъ личное начало и наследованія по закону, причемъ на первое мѣсто выступаютъ требованія общественнаго интереса. «Наследованіе по завѣщанію, въ которомъ главнѣйшую роль играетъ воля завѣщателя, сближаетъ этотъ видъ перехода имущества отъ одного поколѣнія къ другому съ дареніемъ». Наоборотъ, «наследованіе по закону имѣетъ прежде и больше всего общественный, публичный характеръ». На первоначальныхъ ступеняхъ народнаго развитія частнаго имущества не существовало и весь бытъ былъ построенъ на родѣ, потомъ на юридической семьѣ. Глава рода или домоначальникъ былъ и обладателемъ всего родового или домашняго достоянія, и завѣщаніе тогда не могло быть частнымъ распоряженіемъ объ имуществѣ, а было торжественною передачею полуполитической власти домоначальника надъ домою, лицами и имуществомъ. Съ развитіемъ индивидуализма такой порядокъ вещей все болѣе и болѣе измѣнялся и личный произволъ стремился стать единственнымъ мѣриломъ завѣщательныхъ распоряженій. Наконецъ, какъ было уже замѣчено выше, въ новое время все болѣе и болѣе крѣпнетъ движеніе, которое имѣетъ цѣлю примирить личныя и общественныя требованія, завѣщаніе и наследованіе по закону, ограждая, по мѣрѣ возможности, индивидуальную свободу и обеспечивая общественную справедливость и пользу. «Личный произволъ, — замѣчаетъ Кавелинъ, — индивидуальныя вкусы и предрасположенія могутъ свободно развиваться только за предѣлами обязанностей и только послѣ того, какъ послѣднія выполнены». Первая обязанность человѣка заключается въ за-

богъ объ его семьѣ, и законъ долженъ охранять эту послѣднюю отъ произвольныхъ завѣщательныхъ распоряженій. Кавелинъ предлагаетъ учрежденіе семейныхъ совѣтовъ (онъ говорилъ о нихъ въ *Очеркъ юридическихъ отношеній, вытекающихъ изъ семейнаго союза*. Сиб., 1884 г.). Совѣты эти, составленные изъ членовъ семьи, ближайшихъ родныхъ и друзей и дѣйствующіе подъ наблюденіемъ общественной власти, по мысли покойнаго ученаго, руководствуясь общими предписаніями закона, устанавливають сообразный съ жизненными условіями и требованіями справедливости переходъ имущества умершаго лица. «Только при существованіи семейныхъ совѣтовъ законы о расточителяхъ перестанутъ быть мертвой буквой,—утверждаетъ Кавелинъ,—и начнутъ примѣняться, какъ слѣдуетъ; только семейные совѣты внесутъ организацію въ семью, раздѣлаемую теперь индивидуализмомъ, не знающимъ границъ въ частной жизни; а съ устройствомъ семьи и общественный бытъ неминуемо, естественно улучшится». Намъ кажутся преувеличенными надежды, которыя покойный Кавелинъ возлагалъ на семейные совѣты; несомнѣнно, однако, что подобнаго рода учрежденія могутъ оказать свою долю добраго вліянія, и мысль о нихъ свидѣтельствуетъ, что знаменитый юристъ не могъ не признавать взаимнаго вліянія семьи и общественныхъ учреждений.

Написаны лекціи Кавелина съ свойственною этому писателю ясностью, живостью и изяществомъ.

Защита въ уголовномъ процессѣ, какъ служеніе общественное. И. Я. Фойницкаго. Спб., 1885. Послѣ преувеличенныхъ ожиданій и увлеченій русское общество стало относиться къ защитѣ по уголовнымъ дѣламъ съ преувеличенною строгостью, а въ послѣднее время раздаются голоса, которые требуютъ ограниченія уголовной защиты, ея стѣсненія передъ судомъ. «Не дѣло науки, конечно,—говоритъ проф. Фойницкій,—раздавать лавры и порицанія и не для восхваленія или униженія кого-либо предназначается наше слово. Но на наукѣ лежить обязанность освободить поле спора отъ недоразумѣній, выяснить истинныя сущность и назначеніе защиты, указать невѣрныя мнѣнія и дѣйствія, мѣшающія ея успѣху. Такая научная разработка поможетъ намъ сознательнѣе идти къ достиженію всѣмъ намъ одинаково дорогой цѣли—торжеству правосудія». Г. Фойницкій представляетъ краткій, но ясный и точный очеркъ исторической судьбы защиты по уголовнымъ дѣламъ. Первоначально въ уголовномъ процессѣ государство предоставляетъ стороны ихъ собственнымъ силамъ, а затѣмъ постепенно усиливаетъ обвинительную власть, сосредоточивая въ своихъ рукахъ значительныя средства и силы, необходимыя для слѣдствія и обвиненія на судѣ. «Но однимъ стремленіемъ къ осужденію не исчерпывается задача правосудія; для достиженія ея необходимо оградить отъ осужденія невинныхъ и обезпечить наказаніе виновныхъ только по мѣрѣ ихъ вины, а для этого представляется нужнымъ, кромѣ розыска обвинительнаго и представительства обвиненія, оказать возможную помощь розыску защитительному и представительству защиты». Эта помощь превращаетъ защиту въ установленіе, служащее не частному, но и общественному интересу. «Недалеко уже время,—говоритъ почтенный профессоръ,—когда защита во всѣхъ отношеніяхъ сравнивается съ обвиненіемъ и, подобно тому, какъ существуетъ обвинительная власть, появится власть защитительная, которая сосредоточитъ въ своихъ рукахъ защити-

тельный розыскъ и формулированіе защитительнаго антитезиса». Будущее воплотить эту идею въ соответствующую форму.

Профессоръ Фойницкій справедливо полагаетъ, что «на защитникѣ, какъ на представителѣ задачъ общественныхъ, лежитъ важная обязанность сообразовать дѣйствія свои съ требованіями нравственности». Мы напечатали недавно (*Русская Мысль*, май) статью г. Джаншіева, гдѣ авторъ горячо настаиваетъ на этомъ требованіи. Съ неменьшею основательностью г. Фойницкій доказываетъ необходимость свободы для уголовной защиты: «безъ нея послѣдняя превращается въ дѣтскую игрушку, не заслуживая названія серьезнаго общественнаго института. Тотъ же опытъ свидѣтельствуетъ, что только путемъ свободы въ защитникахъ могутъ быть выработаны традиціи, необходимыя для защиты, какъ общественнаго служенія». Проф. Фойницкій ссылается при этомъ и на историческій опытъ, и на авторитетное свидѣтельство знаменитѣйшихъ юристовъ. «Рабство, — замѣчаетъ Баррара, — деморализируетъ человѣка; чѣмъ болѣе адвокатское сословіе будетъ подчинено административнымъ властямъ или прокуратурѣ, тѣмъ болѣе будетъ понижаться въ немъ чувство собственнаго достоинства, тѣмъ болѣе въ немъ будетъ развиваться духъ антипатіи и реакціи противъ исполнительнаго власти; приниженіе адвокатуры естественно внушаетъ ея членамъ желаніе отомстить прокуратурѣ за личныя притѣвленія, провести и одурачить ее къ выгодѣ обвиняемаго».

Проф. Фойницкій энергически настаиваетъ на необходимости глубокаго знанія, честнаго и тщательнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ со стороны защиты. Мы усердно рекомендуемъ эту брошюру молодымъ юристамъ. Противъ одного только мнѣнія проф. Фойницкаго мы считаемъ своею обязанностью высказать нѣсколько замѣчаній. Авторъ *Защиты въ уголовномъ процессѣ* считаетъ итальянскую антропологическую школу уголовнаго права врагомъ личной свободы и сентиментальной теоріи среды и призываетъ къ борьбѣ съ этою школою. Этотъ призывъ, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ нѣкоторо: недоразумѣніе. Антропологическая школа въ Италіи и ея сторонники въ другихъ странахъ требуютъ точнаго приѣма изслѣдованія, тщательнаго собранія свѣдѣній о причинахъ и ходѣ преступности. Съ такимъ требованіемъ, конечно, бороться не подобаетъ. Что касается уголовной политики, тѣхъ мѣръ, которыя предлагаются сторонниками антропологической школы для борьбы съ преступленіямъ, то здѣсь возникаютъ значительныя разногласія, и гуманныя задачи нисколько не исключаются новымъ направленіемъ, приобретаая въ немъ, наоборотъ, твердую точку опоры. Отдѣльные голоса, которые жестко доводятъ до крайности недостаточно обоснованныя и узкія начала, не должны служить матеріаломъ для общей характеристики антропологической школы.

ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ, АНТРОПОЛОГІЯ.

„Славянскій міръ“. А. Ф. Риттиха. — „Словарь областного архангельскаго нарѣчія“. А. Подвысоцкаго. — „Женщина у монголо-бурятъ“. Я. П. Дуброва. — „Das Weib in der Natur- und Völkerkunde“. Dr Ploss.

Славянскій міръ. Историко-географическое и этнографическое изслѣдованіе. Составилъ А. Ф. Риттихъ. Изданіе В. М. Истомина. Варшава, 1885 г. Прекрасно изданный томъ, со многими кар-

таки, съ перваго взгляда производить пріятное впечатлѣніе, такъ что многіе изъ образованной публики, пожалуй, подвергнутся соблазну и потратятъ 8 рублей на приобрѣтеніе произведенія г. Риттиха. Желая охранять нашихъ читателей отъ непродуманной затраты, остановимся подробнѣе на указаніи крупныхъ недостатковъ, которые дѣлаютъ историко-географическую и этнографическую книгу о славянскомъ мірѣ совершенно бесполезной. Нѣсколько разъ приходилось указывать на вредъ, происходящій отъ примѣненія языкознанія къ рѣшенію историко-этнографическихъ вопросовъ людьми незнакомыми съ лингвистикой и выработанными этой наукой приемами. Большею частью такими профанами-дилетантами оказываются нѣкоторые патриоты-славянофилы, прославляющіе величіе русскаго народа и унижающіе съ самымъ смиреннымъ видомъ всѣ другія національности. У насъ почему-то принято отзываться неодобительно о самомнѣннѣ тщеславныхъ французовъ, гордыхъ британцевъ и носителей просвѣщенія—нѣмцевъ. Но если вспомнить различныя трагедіи о томъ, насколько нашъ смиренный русскій народъ, главный представитель славянства, которому принадлежитъ будущее, чище, выше и благороднѣе народовъ, населяющихъ гнилой Западъ, то приходится признать, что мы не имѣемъ никакого основанія глумиться надъ самовосхваленіями французовъ, нѣмцевъ и англичанъ. Книга г. Риттиха примыкаетъ къ такимъ дифирамбамъ славянофильскаго направленія. Не всегда искреннее тщеславіе воодушевляетъ автора и доводитъ его до полной отиѣны научныхъ методовъ. Не сдерживаемая ничѣмъ фантазія руководитъ аргументаціей г. Риттиха и позволяетъ ему дѣлать самыя смѣлыя выводы на основаніи произвольно-истолкованныхъ фактовъ. Подобно нѣмецкимъ историкамъ, изображающимъ добродѣтели своихъ предковъ времени Тацита, г. Риттихъ утверждаетъ, что «древніе писатели даютъ намъ слѣдующее понятіе о славянахъ: они добродушны, безъ злости и коварства, гостепримны, трудолюбивы, воровства не знаютъ, цѣломудренны. Если такія качества покрываются теперь какъ корою другими, имъ противоположными, то это благодаря только доброму сосѣдству, которое, при помощи грубой силы, безъ нравственно-религіозныхъ убѣжденій навязано славянамъ христіанство, употребило всѣ мѣры для ихъ развращенія и паденія». Въ другомъ мѣстѣ о вѣрваніяхъ славянъ и объ ихъ мифологіи авторъ утверждаетъ, что они носятъ на себѣ отпечатокъ самобытности, неизвѣстной ни Греціи, ни Риму. Почему религіозныя воззрѣнія грековъ и римлянъ менѣе самобытны—трудно рѣшить; вѣроятно, г. Риттиху хотѣлось поставить древнихъ славянъ выше творцовъ античной цивилизаціи.

Среди славянскаго міра русскіе занимаютъ первостепенное мѣсто и вотъ, что въ разбираемой нами книгѣ говоритъ авторъ объ ихъ исторической роли: «Несмотря на всѣ невыгоды восточной равнины, несмотря на многочисленныхъ враговъ кругомъ, Россія жила и крѣпла, потому что испоконъ вѣковъ во всей цѣлости и чистотѣ сохранила въ себѣ лучшія типическія черты славянства, духъ славянства въ высшемъ значеніи этого выраженія, который все осилилъ и остался несокрушимъ до настоящей эпохи. И этотъ духъ славянства, какъ показала исторія отношеній славянъ къ Западу, значить больше, чѣмъ всякія умствованія послѣдняго». Имя Русь гремитъ, благодаря изслѣдованіямъ г. Риттиха, на огромномъ пространствѣ въ многочисленныхъ именахъ племенъ, областей, рѣкъ и поселеній; оно есть древнѣйшее и даже болѣе извѣстное для всѣхъ племенъ, жившихъ къ сѣверу и востоку отъ Дуная, чѣмъ имя славянннѣ. Какимъ обра-

зожь производились лингвистическія разслѣдованія, можно видѣть изъ того, что г. Риттихъ находитъ это имя въ такихъ словахъ, какъ Араксъ, Арсія, Россія, Рослагенъ, Россіены и т. д.

Лингвистическіе приемы г. Риттиха показываютъ, что онъ не церемонится съ наукою и атакуетъ этого непріятеля съ чисто-военной отвагой. Онъ, желая обрусить и ославянить названія народовъ и урочищъ, передѣлываетъ ихъ на свой ладъ, переводитъ съ иностраннаго языка на русскій, — однимъ словомъ, подвергаетъ всевозможнымъ манипуляціямъ и превращеніямъ, не руководясь при этомъ никакими опредѣленными правилами, хотя бы даже и собственного измышленія. Приведемъ болѣе характерные филологическіе курьезы, которыми исполнена книга г. Риттиха.

Рѣка Рейссъ въ Швейцаріи значитъ то же, что и Руссъ; Везеръ представляетъ видоизмѣненіе Вьезера; французская Изера, притокъ Роны, это славянское выраженіе Изъ—езера. Сену должно превратить въ Сѣву, а галльскій народъ белловаковъ—въ славянъ бѣловаковъ. Славянъ и славянскія названія при помощи различныхъ ухищреній мы встрѣчаемъ въ Англии, Бельгіи, Испаніи, Франціи, на Кавказѣ и, вѣроятно, если бы авторъ не остановился, то не только во всей Европѣ, но и въ остальныхъ частяхъ свѣта открыты были бы наши ближайшіе соплеменники. По крайней мѣрѣ, Люттихъ равняется Лыку; Лионъ, у древнихъ Лугдунумъ, соответствуетъ славянскимъ словамъ лугъ и Донъ; Русильонъ получаетъ названіе отъ Руси изъ Лиона; Брестъ въ Бретани уподобляется Вресту литовскому. Особенно много является галицкихъ урочищъ: Галацъ на Дунаѣ, область Галиціи въ сѣверной Испаніи, Галлиполи у Дарданельскаго пролива и еще много другихъ именъ, по мнѣнію остроумнаго автора, происходящихъ отъ одного общаго корня. Однимъ изъ самыхъ милыхъ курьезовъ необходимо признать сближеніе славянскаго божества Триглава съ Тримурти, браминской троицей. Тримурти—это три морды на трехъ головахъ славянскаго бога.

Авторъ такой фантастической книги любитъ пользоваться столь же смѣлыми и беспочвенными произведеніями и ссылается на авторитеты вроде *Писемъ изъ Индіи* Рада-Бай, *Древнѣйшихъ сказаній о Кавказѣ* Услара, *О происхожденіи первоначальной Руси изъ Виріа* Проценко и Верковича *Вода словенская*. Болѣе солидныхъ источниковъ и пособій, судя по приложенному списку, у г. Риттиха было слишкомъ недостаточно для обширной работы, обнимающей запутанные этнографическіе и историко-географическіе вопросы. Міръ славянскій заслуживалъ бы усилій болѣе напряженныхъ и, во всякомъ случаѣ, болѣе продолжительныхъ. Правда, не было бы поспѣшныхъ выводовъ и невозможныхъ комбинацій, но за то читатель чувствовалъ бы, что изслѣдователь питаетъ уваженіе къ наукѣ и искреннюю любовь къ славянству. Ни того, ни другаго нѣтъ въ сочиненіи г. Риттиха.

Словарь областного архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. А. Подвысоцкаго. Спб., 1885 г. Нельзя не сказать добраго слова П. Отдѣленію нашей академіи наукъ, издавшей этотъ обширный трудъ рано умершаго труженика, многіе годы своей жизни положившаго на его составленіе. Богатство русскаго областного языка, удивительно разнообразно измѣняющагося по отдѣльнымъ этнографическимъ центрамъ, давно останавливало на себѣ вниманіе нашихъ лингвистовъ. Достаточно вспомнить здѣсь имена Надеждина, Даля, Равинскаго, работы самой академіи надъ

двумя областными словарями, чтобъ согласиться съ тѣмъ, что материала для дѣла множество, «знай работай, да не трусъ», какъ говоритъ поэтъ. Но трусить отдѣльному лицу весьма возможно, зная, что помощь для подобнаго изданія не всегда-то окажется во-время. Тѣмъ болѣе пріятно, что въ данномъ случаѣ она пришла къ автору и прекрасный трудъ его изданъ теперь. Одна губернія дала 200 страницъ in folio словаря, съ десяткомъ тысячъ словъ, изъ коихъ почти любое представляетъ новый интересъ или въ филологическомъ, или въ бытовомъ отношеніи. Давно пора бы нарядить цѣлую экспедицію по Россіи для собиранія этого богатства.

Двѣ черты надо отмѣтить въ этомъ областномъ словарѣ, вполнѣ, впрочемъ, приложимыя и къ каждому другому подобному словарю. Съ одной стороны, удивительно сильный консерватизмъ мысли удерживаетъ въ народной памяти массу такихъ словъ, которыя живутъ уже многіе вѣка и которыя, поѣтому, представляютъ собою неоцѣнимый источникъ для объясненія древнѣйшихъ памятниковъ быта и права, избилующихъ выраженіями, вышедшими изъ оборота нашей рѣчи и сохранившимися только у народа. Съ другой стороны, языкъ въ народѣ постоянно измѣняется, движется и съ этой стороны является живымъ показателемъ новыхъ нарождающихся отношеній. Человѣку, любящему народъ и желающему познать его, необходимо углубляться и въ чтеніе народныхъ словарей. Въ этой прихотливой игрѣ словами и выраженіями, въ ихъ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ, въ массѣ поговорокъ и пословицъ такъ ярко сказываются особенности народнаго міросозерцанія, такъ живо запечатлѣваются черты его быта. Не ѣшпаетъ замѣтить, что въ то время какъ интеллигенція склонна слишкомъ усердно пользоваться готовыми иностранными словарями, вводя изъ нихъ къ намъ разные галицизмы, германизмы и т. д., у насъ мало обращаютъ вниманія на областные русскіе словари, изъ которыхъ многое могло бы войти въ *общерусскій* словарь.

Женщина у монголо-бурятъ. Я. П. Дуброва. (Особое приложеніе къ № 35 газеты *Сибирь*). Когда предъ нами лежитъ книга, изданная въ одномъ изъ уголковъ необъятной Россіи, наша мысль невольно настраивается радостно: хочется вѣрить, что тамъ, во глубинѣ Россіи, пробуждается нѣкоторый умственный интересъ, что-сама книга эта познакомятъ насъ съ чѣмъ-нибудь новымъ, намъ неизвѣстнымъ. Эти надежды, впрочемъ, не часто сбываются; поѣтому очень пріятно отмѣтить небольшую работу г. Дуброва, какъ таковую, изъ которой можно почерпнуть интересныя и новыя свѣдѣнія о женщинѣ у монголо-бурятъ. Замѣтимъ при этомъ слѣдующее: современная социологія весьма дорожитъ всѣми фактами первобытной жизни у племень, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ развитія, и въ этомъ отношеніи наше инородческое населеніе представляетъ собою громадный, почти еще нетронутый матеріалъ. Понятно поѣтому, какъ интересны наблюденія тѣхъ немногихъ лицъ, которыя, имѣя склонность къ научному наблюденію, живутъ въ недоступныхъ и удаленныхъ отъ цивилизаціи углахъ нашихъ инородческихъ поселеній. Брошюра г. Дуброва именно и интересна съ этой стороны, какъ плодъ непосредственнаго наблюденія. Въ интересахъ этого послѣдняго, нельзя не пожелать, чтобъ авторъ продолжалъ собираніе обычаевъ, судебныхъ рѣшеній и проч. у инородцевъ, по возможности, меньше удѣляя мѣста цитированію всѣхъ извѣстныхъ сочиненій Спенсера, Лейбока и т. д., и т. д. Ихъ научную схему, конечно, надо имѣть въ виду, наблюдаи и

классифицируя свой материалъ, но чѣмъ больше будетъ этого послѣдняго, тѣмъ работа выиграетъ въ своемъ значеніи. Такъ, напримеръ, приводимые авторомъ нѣкоторые обычаи гостепріимнаго гетеризма или обрядовъ брака намъ было интереснѣе прочесть, чѣмъ выписки изъ Самоквасова или Шашкова, и понятно, почему интереснѣе: они представляютъ собою новый запасъ фактовъ, а этимъ запасомъ, въ виду вышесказаннаго, нельзя не дорожить. И такъ, еще разъ пожелаемъ автору побольше воспользоваться своимъ положеніемъ и больше, и больше наблюдать окружающую его жизнь.

Das Weib in der Natur- und Völkerkunde. Anthropologische Studien von D-r Ploss. L., 1884 — 1885. 2 Bde. Д-ръ Плоссъ заявилъ себя ранѣе двумя трудами, посвященными ребенку. Одно изъ нихъ — *Дитя въ нравахъ и обычаяхъ народовъ* — разсматриваетъ положеніе дѣтей у всевозможныхъ племенъ, способы физическаго воспитанія ихъ, уходъ за родильницами и т. п. Другое — *Младенецъ отъ колыбели до первыхъ шаговъ* — описываетъ болѣе подробно уходъ за грудными дѣтьми и иллюстрировано 135 рисунками. Оба эти труда нашли себѣ подражателя въ д-рѣ Е. А. Покровскомъ, составившемъ обширный трудъ о физическомъ воспитаніи дѣтей (изданіе общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи), въ который вошли, между прочимъ, многія новыя и интересныя данныя о положеніи дѣтей и уходъ за ними и родильницами у различныхъ народовъ Россіи. Плоссъ, между тѣмъ, выступилъ съ новымъ трудомъ въ томъ же родѣ, но на этотъ разъ уже посвященнымъ женщинѣ. Въ двухъ толстыхъ томахъ собрана имъ масса фактовъ по физической антропологии женщины, причѣмъ центръ тяжести сочиненія составляетъ половая сфера, состояніе беременности, роды и уходъ за родильницей. Въ первомъ томѣ есть, впрочемъ, главы, трактующія вообще о женщинѣ съ антропологической, эстетической и этнографической точки зрѣнія, а во второмъ томѣ есть глава, посвященная социальному положенію женщины. Тѣмъ не менѣе, исходя изъ положенія, что «въ жизни женщины ни одна функція не играетъ столь значительной роли, какъ рожденіе ребенка» и что, «становясь матерью, женщина выполняетъ задачу, съ которой тѣсно связаны важнѣйшія требованія ея физической и психической дѣятельности», авторъ посвящаетъ половой сферѣ девять десятыхъ своего сочиненія. Сообщаемыя имъ въ этомъ отношеніи антропологическія, этнографическія и статистическія данныя представляютъ много любопытнаго и, несомнѣнно, это самый полный сводъ подобныхъ данныхъ, сдѣланный, притомъ, компетентнымъ специалистомъ — врачомъ. Первый томъ обнимаетъ физическую жизнь женщины до родовъ и разсматриваетъ подробно наступленіе половой зрѣлости, отношенія между полами и беременность; второй посвященъ родамъ и родильницѣ, причѣмъ въ немъ повторяются, отчасти, факты, вошедшіе въ прежнія сочиненія того же автора. Наибольшій интересъ представляетъ книга, конечно, для гинекологовъ и акушеровъ, но въ ней найдутъ для себя также много поучительнаго антропологъ и этнографъ, а равно и всякій образованный человѣкъ, серьезно интересующійся антропологическими вопросами.

ПЕДАГОГІЯ, УЧЕБНИКИ, КНИГИ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

„Избранныя педагогическія сочиненія“ Ад. Дистервега.—„Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства“. А. Гольмстена.—„Курсъ законовѣдѣнія“. Н. Бакшеева.—Дешевыя изданія книжнаго склада „Посредникъ“.

Избранныя педагогическія сочиненія Ад. Дистервега. Изданіе журнала «Семья и Школа». Томъ I. Спб., 1885 г. Переводъ избранныхъ сочиненій знаменитаго германскаго педагога представляетъ цѣнное приобрѣтеніе для нашей литературы. Редакція *Семьи и Школы* справедливо замѣчаетъ, что, «вслѣдствіе малой еще разработки и неустойчивости основныхъ принциповъ педагогическаго искусства, чтеніе педагогическихъ писателей, *мастеровъ* своего дѣла, является для лицъ, посвятившихъ или желающихъ посвятить себя воспитанію и обученію юношества, необходимымъ условіемъ успѣшной дѣятельности ихъ». Конечно, всего бы лучше знакомиться съ первоклассными и вообще замѣчательными мыслителями въ подлинникѣ, но нашъ классицизмъ обусловливаетъ, какъ извѣстно, незнаніе всѣхъ языковъ (въ томъ числѣ и роднаго).

Многое изъ высказаннаго Дистервегомъ (онъ началъ писать съ 1830 года) стало уже общезвѣстнымъ, многое устарѣло или оказалось неправильнымъ; но общій смыслъ дѣятельности этого писателя—живая и бодрая мысль, глубокое уваженіе къ человѣку въ ребенкѣ, которыми проникнуты сочиненія Дистервега, составляютъ драгоценныя качества книги, изданной редакціею *Семьи и Школы*. Она можетъ навести на весьма полезныя размышленія, и эту пользу могутъ принести даже нѣкоторые изъ ошибочныхъ приѣмовъ и заключеній Дистервега при сопоставленіи ихъ съ приѣмами и разсужденіями новѣйшихъ педагоговъ. (такой дѣли служатъ и немногочисленныя примѣчанія редактора перевода) Дистервегъ энергично и вполне основательно вооружается противъ бюрократическаго взгляда на школьное дѣло и противъ обязательныхъ единообразныхъ плановъ обученія. Онъ указываетъ на сушь и тоску, которыя являются результатами названныхъ причинъ. «Регламенты не принимаютъ, —говорятъ нѣмецкій педагогъ, —того, что люди существуютъ не для учебныхъ плановъ и удобствъ начальства, а для удовлетворенія своихъ, самую природою имъ данныхъ потребностей и стремленій. Удобства начальства—вотъ источникъ чисто чиновническаго, бюрократическаго вліянія столовъ подъ зеленымъ сукномъ на корпораціи учителей, а чрезъ ихъ посредство и на учащееся юношество. Горе той школѣ, директоръ которой внемлетъ только желаніямъ и приказаніямъ начальства, и буквальному смыслу опредѣленій учебныхъ плановъ, не считаясь ни съ условіями ввѣреннаго ему заведенія, ни съ потребностями учащихся, ни съ индивидуальными особенностями учителей!» Въ другомъ мѣстѣ Дистервегъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Кто стремится къ однообразію и одноцѣвности, къ униформированію душъ человѣческихъ, —исповѣдуетъ ли онъ католическую или другую вѣру, работаетъ ли онъ на поприщѣ церкви, школы или государственной дѣятельности, —тотъ является іезуитомъ. Онъ не терпитъ ни свободы личности, ни свободы мышленія, чувствованія и дѣятельности: онъ желаетъ всѣмъ привить свои взгляды, свои симпатіи, свои антипатіи». Предъявляя высокія требованія къ учителю, Дистервегъ говоритъ, что стыдъ и позоръ ему, если онъ

безучастенъ къ политическимъ событіямъ въ своемъ отечествѣ. Само собою разумѣется, что знаменитый писатель смотритъ на государство лишь какъ на форму народной жизни и вооружается противъ такого взгляда, по которому государство есть будто бы цѣль.

Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства. А. Гольмстена. Спб., 1885 г. Названная книжка представляетъ собою отчасти комментарий, отчасти перифразъ нашихъ законовъ о гражданскомъ судопроизводствѣ, недурно изложенныхъ. Больше отъ учебника, пожалуй, и нечего желать, особенно когда онъ является курсомъ лекцій, читанныхъ въ такомъ питомникѣ привилегированнаго чиновничества, какъ училище правовѣдѣнія. Но авторъ, принимая скромную задачу изложенія законовъ нашего гражданскаго судопроизводства, въ предисловіи и введеніи къ своей книжкѣ наговорилъ много словечекъ, совсѣмъ не соответствующихъ этой скромной задачѣ. Такъ, онъ полагаетъ, что его «учебникъ является первою попыткою послѣдовательнаго проведенія основной идеи новѣйшаго, Бюловскаго, направленія въ научной разработкѣ гражданскаго процесса, той идеи, что процессъ есть юридическое отношеніе, развивающееся по тѣмъ же ступенямъ, какъ и всякое другое правоотношеніе» (стр. 4). Это очень громко сказано, но пересмотрите пересказъ нашихъ законовъ г. Гольмстена, и вы увидите, что это «самоновѣйшее направленіе» очень мало отразилось въ изложеніи *догмы* гражданскаго судопроизводства, если вообще могло отразиться. Небезынтересно также такое утвержденіе автора: «Я утверждалъ,—говоритъ онъ,—и продолжаю утверждать, что главнѣйшая задача преподаванія юридическихъ наукъ заключается въ развитіи въ слушателяхъ способности юридическаго мышленія, въ развитіи въ нихъ умственной дисциплины въ строго-юридическомъ направленіи, а не въ обогащеніи ихъ ума знаніемъ фактовъ изъ исторіи, литературы, законодательства» (стр. 14). Не говоря уже о томъ, что самъ авторъ, испещряя страницы своей книги статьями законовъ (которые суть, конечно, знанія), поступаетъ какъ разъ наоборотъ своему утвержденію, что это за развитіе юридическаго мышленія безъ обогащенія ума знаніемъ фактовъ исторіи, литературы и даже (!!) законодательства? Не будетъ ли это приготовленіе риторовъ-схоластовъ, вѣсто развитыхъ юристовъ? Правильнѣе было бы соединеніе знаній со строго-научными методологическими приемами, а не какое-то странное пренебреженіе къ первымъ и исключительная надежда на вторые, притомъ излагаемые часто довольно посредственными жрецами науки. Какъ быть тогда? И знанія-то выкинуты, да и приемы-то плохи.

Курсъ законовѣдѣнія. Н. Бакшеева. Изд. второе. Спб., 1885 г. Второе изданіе такого рода книги и въ столь короткое время (первое вышло въ 1883 году) свидѣтельствуетъ объ исключительномъ у насъ успѣхѣ; но мы должны сознаться, что и не слыхали о существованіи перваго изданія. Г. Бакшеевъ преподаетъ законовѣдѣніе въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія и въ нѣкоторыхъ другихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Для нихъ-то и вообще для лицъ, которые нуждаются въ элементарныхъ юридическихъ свѣдѣніяхъ, книга и составлена. Какъ видно изъ списка сочиненій, служившихъ для составленія курса, г. Бакшееву знакома исключительно русская юридическая литература, да и то далеко не вся. Упоминаются, впрочемъ, *Die Polizei-Wissenschaft* Моля и *Grundsätze der Volkswirtschafts-Politik* Рау, но незвѣстно, почему г. Бак-

шеву понадобились по-нѣмецки только эти два сочиненія: въ курсѣ законо-вѣдѣнія не мѣшало бы познакомиться, прежде всего, съ другими нѣмецкими писателями, юристами, а не экономистами, какъ Рау. За двумя предисловіями у г. Бакшеева слѣдуютъ *перемѣны, происшедшія въ текстѣ по его отмеча-таніи*. Эти фантастическія перемѣны заключаютъ въ себѣ указанія на тѣ новыя постановленія нашего законодательства, которыя вышли въ свѣтъ по отпечатаніи книги.

«Подъ именемъ *законовѣдѣнія*,—говоритъ авторъ,—обыкновенно преподается, краткимъ образомъ, ученіе о *государствѣ и его дѣятельности*». Сообразно съ этимъ опредѣленіемъ, г. Бакшеевъ говоритъ на сотняхъ страницъ о томъ, что составляетъ содержаніе полицейскаго права у экономической политики и науки о финансахъ. Курсъ его отличается большимъ разнообразіемъ, малою обстоятельностью и очень слабою теоретическою обработкою. Онъ является нагроможденіемъ фактовъ и данныхъ, въ которыхъ можетъ безнадежно запутаться всякій, желающій получить элементарныя юридическія свѣдѣнія. Стоитъ эта книга, въ 600 страницъ, четыре рубля, но пользы отъ нея можно ожидать самой незначительной.

Дешевыя изданія книжнаго склада „Посредникъ“. Въ этой книжкѣ нашего журнала приложено объявленіе книжнаго склада *Посредникъ*, на которое мы настоятельно обращаемъ вниманіе всѣхъ, кому дорого нравственное развитіе мало достаточныхъ или бѣдныхъ классовъ русскаго народа. До сихъ поръ распространенію *хорошихъ* книгъ у насъ препятствовали: во-первыхъ, ихъ сравнительная дороговизна, во-вторыхъ, наводненіе книжнаго рынка глупыми и по большей части вредными изданіями Никольской улицы и Апраксина двора, въ-третьихъ, недостаточная осмотрительность въ выборѣ книгъ, издаваемыхъ обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, и, въ-четвертыхъ, раздѣленіе русскаго народа на различныя религіозныя секты. Это послѣднее обстоятельство вело къ тому, что почти четвертая часть русскаго народа не читала книгъ духовно-нравственнаго содержанія, издаваемыхъ для народа, признавая ихъ несогласными съ своими религіозными воззрѣніями и убѣжденіями. Выборъ книгъ, предложенныхъ на первый разъ книжнымъ складомъ *Посредникъ*, таковъ, что книжки эти могутъ въ равной мѣрѣ удовлетворить нравственное чувство всякаго человѣка, оставляя незатронутыми особенности его религіозныхъ вѣрованій. *Чѣмъ люди живутъ, Богъ правду видитъ* и нѣкоторыя изъ поименованныхъ въ объявленіи книгъ прочтутся съ одинаковымъ удовольствіемъ и съ одинаковою нравственною пользою не только христіанами, къ какой бы церкви они ни принадлежали, но и магометанами, и евреями. Всѣ эти книжки продаются по 1½ коп., слѣдовательно, по цѣнѣ онѣ доступны самобѣднѣйшимъ людямъ. Люди же мало-мальски состоятельные имѣютъ возможность за какіе-нибудь 75 коп. сдѣлать къ празднику прекраснѣйшій подарокъ цѣлой полсотнѣ деревенскихъ дѣтей. Отъ всей души привѣтствуемъ доброе начинаніе учредителей новаго книжнаго склада, но считаемъ своимъ долгомъ высказать два желанія: первое, чтобы въ выборѣ книгъ завѣдующіе дѣломъ были какъ можно разборчивѣе и не впадали въ ошибки, надѣланныя прежними издателями духовно-нравственныхъ книгъ и брошюръ; второе, чтобы издаваемая книжка появлялась въ печати безъ искаженія русскаго языка, какъ мы это видимъ въ разсказѣ *Судъ людской—не Божій* В. И. Савихина, гдѣ встрѣчаются такія

слова, какъ *охота*, вмѣсто охота (стр. 26). Ни къ чему не нужно это коверканье языка на мужицкій якобы ладъ. Такимъ коверканьемъ потѣшаются только «господа», не знающіе народа, крестьянамъ же нуженъ языкъ простой, понятный, чисто - русскій, безъ искаженій. Да и самая книжка г. Савкина, на нашъ взглядъ, не подходитъ къ тому типу литературныхъ произведеній, который слѣдовало бы съ особенною настойчивостью распространять въ народѣ.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И МЕДИЦИНА.

„Матерія и движеніе“. *К. Максвелла*.—„On Mammalian Descent. the Hunterian Lectures for 1884“. *K. Parker*.—„Traité Chimie biologique“. *A. Ad. Wurts*.—„Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи“.—„Курсъ фармакологіи“. *В. А. Тихомирова*.—„Очеркъ основъ оперативнаго акушерства“. *Д-ра Шаума*.

Матерія и движеніе. Клерка Максвелла. Переводъ съ англійскаго М. А. Антоновича. Спб., 1885 г. Книга Максвелла, появившаяся въ оригиналѣ лѣтъ восемь тому назадъ, только теперь, благодаря М. А. Антоновичу, является въ русскомъ переводѣ. Книга эта заключаетъ въ себѣ элементарное изложеніе основныхъ положеній кинематики и динамики и поэтому можетъ служить введеніемъ при изученіи физики. Вся она распадается на восемь главъ. Авторъ начинаетъ съ изложенія принципа векторовъ, затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію понятій о времени и пространствѣ. Для того, чтобы показать, какую важность имѣютъ вѣрные понятія о пространствѣ въ элементарной динамикѣ, онъ указываетъ на ошибку Декарта, смѣшавшаго свойства матеріи со свойствами пространства и пришедшаго, вслѣдствіе этой ошибки, къ невѣрному «логическому заключенію, что если совершенно удалить матерію изъ внутренности сосуда, то внутри сосуда уже не будетъ пространства». «Въ интересахъ научнаго прогресса,—говоритъ Максвеллъ,—мы считаемъ болѣе цѣлесообразнымъ считать понятія времени и пространства, по крайней мѣрѣ теоретически, отдѣльными отъ понятія той матеріальной системы, состоянія которой приводятся въ соотношеніе при помощи этихъ двухъ понятій». Изложивъ въ слѣдующихъ главахъ основныя понятія кинематики и динамики, а также свойства центра массы матеріальной системы, авторъ переходитъ къ обстоятельному разсмотрѣнію понятій работы и энергіи. Опредѣливъ работу, какъ произведеніе измѣненія конфигураціи системы съ противодѣйствіемъ силъ, которая сопротивляется этому измѣненію, а энергію, какъ способность производить работу, онъ излагаетъ принципъ сохраненія энергіи и общую формулу его и затѣмъ останавливается на выясненіи понятій потенциальной и кинетической энергіи. На примѣрѣ введенныхъ часовъ онъ показываетъ, что подъ потенциальной энергіей матеріальной системы мы разумѣемъ принадлежащую этой системѣ способность производить работу и зависящую отъ измѣненія конфигураціи системы. Кинетическая же энергія есть энергія, которую тѣло имѣетъ вслѣдствіе того, что оно находится въ движеніи. Выяснивъ на нѣсколькихъ примѣрахъ различіе между потенциальной и кинетической энергіей, онъ вкратцѣ излагаетъ теорію теплоты, согласно которой теплота есть форма энергіи, и указываетъ, что «спеціальная задача, предстоящая физикамъ при настоящемъ состояніи науки, есть опредѣленіе количества энергіи, которая входитъ

въ матеріальную систему или выходитъ изъ нея во время перехода системы отъ ея начальнаго состоянія до какого-нибудь опредѣленнаго состоянія. Въ заключеніе пятой главы онъ указываетъ на тѣ различныя формы энергіи, въ которыхъ проявляется она въ природѣ. Сдѣлавъ въ шестой главѣ обзоръ всего пройденнаго, авторъ въ послѣднихъ двухъ главахъ разсматриваетъ движеніе маятника, явленія всеобщаго тяготѣнія, законы Беплера и заканчиваетъ свою книгу указаніемъ на методы молекулярной физики. «Изслѣдованіе молекулярныхъ явленій,—говоритъ онъ,—ведется болѣею частью методомъ гипотезъ и сравненіемъ результатовъ гипотезы съ наблюдаемыми фактами. Успѣхъ этого метода зависитъ отъ общности гипотезы, съ которой мы начинаемъ. Если наша гипотеза очень обща и исходитъ изъ того положенія, что изслѣдуемыя явленія зависятъ отъ конфигураціи и движенія матеріальной системы, и если намъ удастся вывести изъ такой гипотезы какіе-нибудь годные результаты, тогда мы съ увѣренностью можемъ примѣнить ее къ занимающимъ насъ явленіямъ. Однако, если мы составимъ такую гипотезу, что конфигурація, движеніе или дѣйствіе матеріальной системы—совершенно особаго опредѣленнаго рода и если результаты этой гипотезы согласуются съ явленіями, то, все-таки, мы должны допускать возможность того, что она окажется ложной, если только мы не докажемъ, что никакая другая гипотеза не можетъ объяснить этихъ явленій».

Однимъ изъ главныхъ достоинствъ книги Максвелла является мастерское изложеніе математическихъ понятій и вычисленій языкомъ обыкновенной рѣчи. Во всей своей книгѣ Максвеллъ очень умѣренно пользуется математическими знаками и ни разу не прибѣгаетъ за помощью къ дифференціальному исчисленію, хотя исключительно занимается такими вопросами, при обсужденіи которыхъ обыкновенно пользуется дифференціальнымъ исчисленіемъ. Поэтому нельзя не быть благодарнымъ М. А. Антоновичу за переводъ этой книжки, которая, по выраженію Тэта, можетъ быть прочтена не безъ пользы каждымъ физикомъ, а популярное изложеніе дѣлаетъ ее доступной всякому образованному человѣку.

On Mammalian Descent. the Hunterian Lectures for 1884. K. Parker. L., 1885. Профессоръ Паркеръ приобрѣлъ себѣ извѣстность, какъ анатомъ, своими спеціальными изслѣдованіями о строеніи и развитіи черепа позвоночныхъ животныхъ. Въ прошломъ году онъ задумалъ попробовать свои силы въ популярномъ изложеніи одной изъ главъ біологіи, именно—вопроса о происхожденіи различныхъ группъ млекопитающихъ животныхъ. Согласившись прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій въ музеѣ королевской коллегіи врачей, Паркеръ рѣшился придать имъ возможно болѣе популярную, общедоступную форму, и этотъ опытъ оказался ему настолько удачнымъ, что онъ нашелъ возможнымъ обработать затѣмъ свои лекціи для печати. Всѣхъ лекцій девять; изъ нихъ первая и послѣдняя заключаютъ въ себѣ общіе взгляды и выводы, а остальные посвящены разсмотрѣнію отдѣльныхъ группъ млекопитающихъ.

Паркеръ принимаетъ классификацію Гексли, который подраздѣляетъ всѣхъ звѣрей на три отдѣла: Prototheria, простѣйшихъ (утконосъ и эхидна), Meta-theria (сумчатыхъ) и Eutheria, высшихъ, настоящихъ звѣрей. Простѣйшіе не имѣютъ сосцовъ и въ строеніи своего скелета, особенно плечеваго пояса (ключица), и моче-половыхъ органовъ выказываютъ черты, общія гадамъ и птицамъ. Древнѣйшіе слѣды ихъ извѣстны изъ триасовой формаціи, но несомнѣнно, что Prototheria должны были появиться много раньше и, вѣроятно, существовали

уже въ каменно-угольный періодъ. Свое начало они должны были получить отъ вымершихъ нынѣ, низшихъ формъ позвоночныхъ, которыя лишь мало-по-малу обособились въ формы, характеризующія нынѣшніе классы голыхъ и чешуйчатыхъ гадовъ, птицъ или звѣрей. *Prototheria* дали начало *Metatheria*, животнымъ, занимающимъ промежуточное положеніе между ними и высшими звѣрями, какъ то доказываютъ ихъ анатомическіе признаки и особенность ихъ эмбріональнаго развитія. Особенность эта состоитъ въ томъ, что дѣтеныши сумчатыхъ рождаются очень маленькими и неразвитыми и донашиваются самкой уже въ брюшной сумкѣ, гдѣ они, помощью особаго приспособленія, могутъ присасываться на долгое время къ сосцамъ, безъ опасенія задохнуться. Въ связи съ этимъ недоразвитіемъ дѣтенышей стоитъ отсутствіе у сумчатыхъ нѣкоторыхъ зародышевыхъ оболочекъ, существующихъ у всѣхъ другихъ высшихъ млекопитающихъ. Черепъ, кости конечностей, зубы, мозгъ и другія внутренности сумчатыхъ также представляютъ нѣкоторыя характеристичныя отличія, впрочемъ, не настолько рѣзкія, чтобы отдѣлить ихъ непереходимою чертою отъ высшихъ звѣрей. Нѣкоторыя изъ этихъ отличій встрѣчаются и у другихъ млекопитающихъ, которыя, такимъ образомъ, могли быть связаны съ сумчатыми въ древнихъ, исчезнувшихъ теперь формахъ. Съ другой стороны, нѣкоторыя группы *Eutheria* могли получить начало непосредственно изъ *Prototheria*, минуя промежуточную группу животныхъ сумчатыхъ. Къ числу такихъ относятся, напримеръ, такъ называемыя *Edentata* или неполнозубыя, къ которымъ принадлежатъ ящеръ, муравьѣдъ, броненосецъ, лѣнвонецъ, африканскій землекопъ и др. Всѣ эти формы теперь вымирающія и, несомнѣнно, имъ предшествовало много другихъ подобныхъ же вымершихъ еще ранѣе. Онѣ довольно ярко различаются между собою и каждая изъ нихъ, можно сказать, выказываетъ свой особый, спеціальныи типъ строенія. Тѣмъ не менѣе, взятыя вмѣстѣ, онѣ представляютъ нѣкоторую общность признаковъ, указывающую, между прочимъ, на происхожденіе изъ общей основы, и именно изъ простѣйшихъ звѣрей, *Prototheria*. Съ другой стороны, эти формы, какъ мы ихъ видимъ нынѣ, являются крайними предѣлами спеціализаціи въ группѣ, которая, по всѣмъ признакамъ, не дала начала высшимъ формамъ, измѣненіе типа которыхъ повело бы къ образованію другихъ, высшихъ отрядовъ.

Совершенно иное значеніе имѣютъ насѣкомоядныя, —отрядъ, который, по видимому, развился изъ сумчатыхъ и который заключаетъ въ себѣ формы, выказывающія сходство со многими отрядами. Несмотря на малую величину и невзрачность большинства современныхъ насѣкомоядныхъ, они представляютъ для біолога большой интересъ, такъ какъ въ строеніи ихъ мы находимъ многія первобытныя черты, изъ развитія коихъ могли впоследствии обособиться признаки всѣхъ высшихъ *Eutheria* и, прежде всего, лемурувъ, грызуновъ, хищниковъ и животныхъ копытныхъ. Изучая останки древнѣйшихъ третичныхъ формъ млекопитающихъ, мы постоянно встрѣчаемъ въ ихъ скелетѣ признаки насѣкомоядныхъ, и, по словамъ Гексли, относительно многихъ этихъ ископаемыхъ формъ почти невозможно рѣшить, слѣдуетъ ли ихъ причислить къ лемурамъ, насѣкомояднымъ, хищнымъ или копытнымъ. Такимъ образомъ, болѣе обстоятельное знакомство съ организаціей насѣкомоядныхъ млекопитающихъ можетъ дать наиболѣе убѣдительное доказательство шаткости нашей зоологической классификаціи и, въ то же время, правильности великой идеи Дарвина о генетиче-

скомъ родствѣ всѣхъ биологическихъ группъ. Между прочимъ, въ ряду насѣкомоядныхъ мы встрѣчаемъ также формы, какъ бы напоминающія летучихъ мышей (*Galeorhynchus*), и другія, выказывающія какъ бы намекъ на животныхъ хоботныхъ или слоновъ (*Xylocodon*).

Группа лемурувъ также тѣсно связана съ насѣкомоядными, и профессоръ Бопъ нашелъ въ американскихъ третичныхъ отложенияхъ останки многихъ формъ, относительно которыхъ трудно сказать, имѣемъ ли мы дѣло съ насѣкомоядными или лемурами. Съ другой стороны, нѣкоторыя ископаемыя формы лемурувъ почти не могутъ быть отличены отъ хищныхъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляютъ сходство и съ животными копытными. Лемуры, въ свою очередь, тѣсно связываются съ обезьянами, какъ то доказываютъ многія данныя сравнительной анатоміи, особенно нѣкоторыя, недавно найденныя американскія ископаемыя формы, а обезьяны подходятъ уже настолько близко къ человѣку, что невольно напоминаютъ ему объ его отдаленныхъ прародичахъ. Что касается, наконецъ, хищниковъ, слоновъ и китообразныхъ, то они представляютъ специализировавшіяся боковыя вѣтви, генезисъ которыхъ, особенно послѣднихъ двухъ, еще не могъ быть достаточно прослѣженъ, за отсутствіемъ палеонтологическихъ и эмбриологическихъ данныхъ.

«Мы еще очень немного знаемъ о природѣ души человѣка,—говоритъ Паркеръ въ заключительной главѣ своей книги,—но мы знаемъ много больше объ его плоти, знаемъ, что въ организмъ его нѣтъ ничего новаго, ничего такого, зачатки чего не встрѣчались бы много раньше». Паркеръ спѣшитъ, впрочемъ, оговориться, что онъ отнюдь не отрицаетъ этимъ присутствіе у человѣка отдѣльнаго отъ тѣла духа.

Traité de Chimie biologique par M. Ad. Würtz. Paris, 1880—1885. За послѣднія три десятилѣтія труды большинства химиковъ посвящались преимущественно органической химіи и сравнительно мало изучалась такъ называемая биологическая химія, имѣющая своей задачей изслѣдованіе, съ одной стороны, строенія соединеній, входящихъ въ составъ животныхъ и растительныхъ организмовъ, съ другой—тѣхъ реакцій, которымъ подвергаются эти соединенія въ организмахъ. Этимъ объясняется и то, что по органической химіи написано много прекрасныхъ учебниковъ, тогда какъ по биологической химіи, не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ, ихъ очень немного; поэтому-то мы съ удовольствіемъ, указываемъ на книгу Вюрца, какъ на прекрасный учебникъ по биологической химіи. Книга Вюрца, первая часть которой вышла еще въ 1880 году, вторая же была издана уже послѣ смерти автора, въ 1885 году, представляетъ собой курсъ, читанный имъ на медицинскомъ факультетѣ въ Парижѣ. Она распадается на 10 главъ, изъ которыхъ первая посвящена разсмотрѣнію вопроса объ усвоеніи растениями углерода, водорода, азота, кислорода и др. элементовъ.

При разсмотрѣніи вопроса о вліяніи лучей свѣта различной преломляемости на разложеніе углекислоты зелеными частями растений, авторъ, основываясь на опытахъ Дренера и Пфеффера, приписываетъ наиболѣе сильное дѣйствіе на разложеніе углекислоты желтымъ лучамъ. Очевидно, ему неизвѣстно изслѣдованіе проф. Тимирязева, показавшаго, что наиболѣе сильное разложеніе углекислоты производится красными лучами. Описавъ опытыя данныя, авторъ приводитъ тѣ гипотезы, съ помощью которыхъ можно объяснить процессъ синтеза

бѣлковъ и углеводовъ, совершающійся въ растеніяхъ. Послѣ всего сказаннаго въ первой главѣ становится вполнѣ ясно роль растеній въ экономіи земнаго шара: съ одной стороны, въ нихъ совершаются тѣ реакціи синтеза, благодаря которымъ изъ соединеній простаго состава создаются вещества такой большой сложности, какъ углеводы и бѣлки, съ другой — они являются какъ бы складочнымъ мѣстомъ для солнечной энергіи, которая остается въ растеніяхъ въ скрытомъ состояніи и освобождается въ видѣ тепла или мускульной работы, когда питательныя вещества, образовавшіяся въ растеніи, будутъ приняты въ организмъ животнаго. Указаніемъ этой роли растеній и заканчивается первая глава, причѣмъ указывается та аналогія въ функціяхъ животныхъ и растительныхъ организмовъ, которая не позволяетъ провести между ними рѣзкой границы.

Вещества, выработанныя въ растеніяхъ и сложныя по своему составу, поступающія въ организмъ животнаго, подвергаются въ немъ постепенному распаденію, конечными продуктами котораго являются углекислота, вода и мочевины, — соединенія, служащія пищей растеніямъ. Разсмотрѣнію тѣхъ превращеній, которымъ подвергаются вещества въ тѣлѣ животныхъ, посвящена вторая глава. Описавъ въ третьей главѣ бѣлковыя вещества растительнаго и животнаго произведенія, способы ихъ добыванія, ихъ физическія и химическія свойства, а также ихъ превращенія подъ вліяніемъ различныхъ реактивовъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію химіи пищеваренія. Въ четвертой главѣ онъ описываетъ составъ слюны, желудочнаго сока, желчи, сока поджелудочной железы и кишечнаго сока, выясняетъ роль каждаго изъ нихъ при пищевареніи, т. е. разсматриваетъ тѣ измѣненія, которымъ подвергаются различныя составныя части, пищи подъ вліяніемъ выдѣленій пищеварительнаго канала. Для сравненія съ составомъ желудочнаго сока у млекопитающихъ, онъ указываетъ на составъ пищеварительнаго сока у моллюсковъ и насѣкомоядныхъ растеній. Въ пятой главѣ авторъ знакомитъ читателя съ физическими и химическими свойствами крови и тѣлѣ, входящихъ въ составъ ея, а также съ тѣми измѣненіями въ ея составѣ, которыя происходятъ при различнаго рода болѣзняхъ; заканчивается эта глава описаніемъ метода анализа крови. Шестая глава начинается краткимъ изложеніемъ исторіи взглядовъ на процессъ дыханія, затѣмъ описывается строеніе легкихъ, составъ вдыхаемаго и выдыхаемаго ими воздуха, методы, служившіе для изученія процесса дыханія, и приводятся опытные данныя, полученные съ помощью этихъ методовъ. Послѣ этихъ опытныхъ данныхъ становится вполнѣ ясною теорія дыханія, которая излагается авторомъ въ этой главѣ. Авторъ не ограничивается описаніемъ процесса легочнаго дыханія у высшихъ животныхъ, но приводитъ также опытные данныя относительно дыханія рыбъ, раковъ, червей и зоофитовъ, и рядомъ съ легочнымъ дыханіемъ разсматриваетъ также накожное дыханіе у человѣка и другихъ животныхъ. Познакомивъ читателя въ седьмой главѣ съ составомъ млечнаго и лимфатическаго сока, авторъ, въ восьмой главѣ, приступаетъ къ описанію химическихъ явленій питанія. Въ этой главѣ онъ придерживается такого порядка: сначала описываетъ явленія ассимиляціи и дезассимиляціи, затѣмъ вліяніе голода и различнаго рода пищи на явленія питанія, причѣмъ приходитъ къ слѣдующему выводу, не совсѣмъ выгодному для теоріи вегетаріанцевъ: самой лучшей пищей для человѣка является пища смѣшанная, къ хлѣбу нужно прибавлять извѣстное количество жира и мяса. Кромя

того, мясо гораздо легче переваривается, чѣмъ хлѣбъ, и при этомъ остается непереваримаго остатка очень мало, тогда какъ большая часть азотистыхъ соединений и углеводовъ, находящаяся въ хлѣбѣ, при пищевареніи не переваривается и выбрасывается вонь. Самой лучшей смѣсью для пищи будетъ та, въ которой отношеніе количества азота къ углероду колеблется между 1:11 и 1:15. Въ дальнѣйшемъ изложеніи указываются условія образованія жировъ и углеводовъ, причемъ оказывается, что и въ этомъ отношеніи смѣшанная пища является наиболѣе выгодной, такъ какъ жиры и углеводы образуются въ организмѣ не только на счетъ углеводовъ, но и на счетъ бѣлковыхъ соединений. Въ заключеніи этой главы рассматриваются тѣ измѣненія, которымъ подвергаются явленія питанія при различнаго рода болѣзняхъ. Въ девятой главѣ авторъ переходитъ къ изложенію химіи тканей; онъ описываетъ составъ соединительной и жировой ткани, костей, зубовъ, мускульной и нервной ткани, головного мозга, печени и различныхъ частей глаза и уха, причемъ онъ довольно подробно останавливается на описаніи отдѣльныхъ соединений, входящихъ въ составъ этихъ тканей, и тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ составѣ послѣднихъ при различныхъ патологическихъ состояніяхъ. При описаніи состава мускуловъ рассматриваются также и тѣ измѣненія, которыя они претерпѣваютъ при совершеніи работы. Въ этой же главѣ указываются условія образованія гликогена въ печени. Последняя, десятая глава посвящена химіи выдѣленій. Въ ней читатель знакомится вкратцѣ съ гистологическимъ строеніемъ почекъ, химическимъ ихъ составомъ, а также съ составомъ мочи животныхъ, какъ при нормальномъ, такъ и при патологическомъ состояніи. Описавъ довольно подробно соединения, входящія въ составъ мочи, и ихъ производныя, авторъ заканчиваетъ свой трудъ изложеніемъ способовъ анализа мочи. Книга написана хорошимъ языкомъ, читается она съ интересомъ, а изъ того краткаго изложенія ея содержанія, которое мы сдѣлали, можно видѣть, что она представляетъ собой довольно подробный учебникъ биологической химіи, и потому мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ ее всѣмъ интересующимся этимъ предметомъ.

Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологии. Повременное изданіе, подъ редакціей профессора И. П. Мержеевского. Годъ третій, выпускъ I. Спб., 1885 г. Изданіе К. Риккера. Съ общимъ характеромъ и значеніемъ этого прекраснаго изданія мы уже познакомили нашихъ читателей въ отзывѣ, помѣщенномъ въ третьей за нынѣшній годъ книжкѣ *Русской Мысли* (стр. 47 «Библ. отдѣла»). Вновь вышедшая книжка *Вѣстника* начинается статьей д-ра П. А. Дюкова: *Преступленіе и помѣшательство*. «Врачи, занимавшіеся изслѣдованіемъ и разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ о преступленіи и помѣшательствѣ, до сихъ поръ не сходятся между собою въ главныхъ точкахъ зрѣнія на личность преступника и его дѣйствія»,—такъ начинается авторъ свою статью. Наблюденія компетентныхъ въ дѣлѣ врачей вполне подтверждаютъ мнѣніе, что «многіе изъ преступниковъ должны быть отнесены къ классу людей ненормальныхъ, больныхъ, во многомъ сходныхъ съ душевно-больными, и что поэтому имъ нужно не наказаніе, а исправленіе нравственное и пособіе медицинское». Профессоръ Кюнкъ указываетъ на случаи судебныхъ приговоровъ къ различнымъ наказаніямъ, не исключая и смертной казни (Justizmorde), постигавшихъ душевно-больныхъ, совершившихъ преступленіе. Множество другихъ авторитетныхъ лицъ, приводи-

мыхъ авторомъ, подтверждаютъ то же самое, причѣмъ указаны и нѣкоторыя цифровыя данныя. Тамъ, въ марсельской цѣлюлярной тюрьмѣ въ теченіе двухъ-лѣтъ на 2,400 заключенныхъ было 44 осужденныхъ, которые во время совершенія преступленій страдали разными формами помѣшательства. Изъ статистическихкихъ данныхъ, опубликованныхъ д-ромъ Вентринье, оказывается 262 помѣшанныхъ на 43,000 осужденныхъ, и т. д. При дѣйствіи въ Россіи судебныхныхъ уставовъ 1864 г., «одержимый психическимъ разстройствомъ, въ какой бы формѣ оно ни обнаруживалось, имѣетъ полную возможность быть гарантированнымъ отъ незаслуженной кары, и по настоящее время намъ, правда, не приходилось читать или слышать объ осужденіи гдѣ-либо помѣшаннаго. Напротивъ, слышны были выраженія недоумѣнія по поводу оправданія присяжными, по выслушаніи психиатрической экспертизы, нѣкоторыхъ подсудимыхъ, представлявшихъ психопатическое состояніе, но безъ ясныхъ признаковъ сумасшества въ данный моментъ. Къ чести нашего суда слѣдуетъ сказать, что онъ весьма предупредительно относится даже къ случаямъ, только намекающимъ на сомнительное душевное состояніе подсудимыхъ, и предоставляетъ всѣ средства къ всестороннему разъясненію дѣла». За это на наши суды не разъ обрушивались громы, только не изъ тучи, а изъ газетъ извѣстнаго направленія, усматривающихъ въ каждомъ оправдательномъ приговорѣ, хотя бы завѣдомо сумасшедшаго, покушеніе на то, на что... еще никто и нигдѣ не покушался. «Въ Англіи, напротивъ,—продолжаетъ д-ръ Дюковъ,—нѣтъ закона, относящагося до испытанія отвѣтственности преступника передъ судомъ». Статья г. Дюкова знакомитъ читателя съ обширною литературою, посвященною разработкѣ вопроса объ отношеніи помѣшательства къ преступности. Слѣдить за выводами автора мы не имѣемъ возможности и ограничимся лишь немногими характерными, на нашъ взглядъ, выдержками изъ нея. Д-ръ Томсонъ, врачъ общей шотландской тюрьмы въ Пертѣ, насчиталъ приблизительно 12% преступниковъ слабоумныхъ, самоубійцъ и эпилептиковъ, не принимая въ счетъ помѣшанныхъ. «Общее число убійцъ въ 12-ти-лѣтній періодъ его дѣятельности составляло 430 чел., изъ которыхъ 40 были признаны сумасшедшими въ моментъ совершенія убійства, или во время суда, и поправились, но никто изъ нихъ, за исключеніемъ, быть можетъ, одного, не обнаруживалъ ни малѣйшаго угрызения совѣсти. То же самое можно замѣтить и относительно всѣхъ прочихъ преступниковъ не помѣшанныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ». Изъ этого д-ръ Томсонъ выводитъ заключеніе, что «вообще преступники лишены нравственнаго чувства, и никакое моральное леченіе не имѣетъ вліянія на преступниковъ привычныхъ». Намъ такое мнѣніе кажется слишкомъ уже рѣшительнымъ и, по разумнію нашему, было бы болѣе осмотрительно сказать, что *данное леченіе*, т.-е. тюрьма, «не имѣетъ надлежащаго вліянія на преступниковъ», что тюрьма не располагаетъ къ пробужденію совѣсти и къ раскаянію. А потому настоятельно выдвигается потребность изыскать иные способы исправленія и «моральнаго леченія» какъ случайныхъ преступниковъ, такъ и привычныхъ, врожденныхъ или психически больныхъ. Ломброзо, въ книгѣ *Uomo delinquente*, говорить, что «преступленія являются передъ статистикой такимъ же естественнымъ, необходимымъ фактомъ, какъ оплодотвореніе, рожденіе и смерть. Противъ извѣстныхъ преступленій наказаніе бессильно». Д-ръ Модслей, говоря о возникновеніи преступниковъ привычныхъ, находитъ, что «это не случайности и не аномаліи,

но законныя явленія, громко заявляющія собою принципъ причинности. Нѣтъ ничего случайнаго и сверхъестественнаго во влеченіи дѣлать добро или зло; то и другое дается намъ или наслѣдствомъ, или воспитаніемъ... Многіе преступники не только зачаты, рождены и воспитаны въ грѣхѣ, но и обучаются еще ему съ раннихъ лѣтъ, и потому ихъ первоначальныя преступныя инстинкты приобрѣтаютъ такую власть, что никакія послѣдующія усилія обращенія на путь истинный не могутъ имѣть успѣха». Д-ръ Просперъ Делпизъ (въ *Psychologie naturelle*. Paris, 1868) положительно отрицаетъ тождество преступления и помѣшательства и называетъ, однако же, преступленіе нравственною болѣзью, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаетъ и фактъ наслѣдственнаго органическаго вліянія на преступность дѣтей, происшедшихъ отъ душевно-больныхъ родителей.

Статья д-ра Дюкова еще не кончена, а потому мы пока лишены возможности ознакомить читателя съ конечными выводами самого автора и возвратимся къ этому предмету по выходѣ въ свѣтъ втораго выпуска *Вѣстника*. Заслуживаетъ вниманія обсужденіе авторомъ практическихъ послѣдствій примѣненія статей 95 и 96 улож. о наказ. (изд. 1866 г.), по которымъ въ одномъ случаѣ совершившіе преступное дѣяніе заключаются непременно въ домъ для умалишенныхъ, въ другомъ—отдаются на попеченіе родителямъ, родственникамъ и т. д. Установленіе закономъ различія между тѣми и другими больными не оправдывается, по мнѣнію автора, научными данными, и авторъ указываетъ на желательность измѣненія этихъ законоположеній, приводя къ тому довольно всѣкіе доводы.

Вторую статью въ настоящемъ выпускѣ помѣщена пробная лекція, читанная въ конференціи Императорской военно-медицинской академіи приватъ-доцентомъ П. Я. Розенбахомъ: *О душевныхъ расстройствѣхъ эпилептиковъ*. Авторъ приводитъ нѣсколько характерныхъ случаевъ безсознательнаго совершенія весьма сложныхъ, иногда преступныхъ дѣяній эпилептиками. Въ категоріи наиболѣе выдающихся слѣдуетъ отнести многочисленныя кражи, учиненныя богатыми молодыми человѣкомъ «во время припадковъ помраченія сознанія» (автоматизма). Еще поразительнѣе приводимые авторомъ случаи убійствъ, покушеній на убійства, или только непреодолимаго желанія совершить убійство, въ припадкѣ эпилепсіи, причемъ нѣкоторые больные заранѣе предчувствуютъ приближеніе припадка и просятъ окружающихъ принять соотвѣтствующія мѣры, чтобы предупредить совершеніе какого-либо безсознательнаго преступленія. Авторъ проводитъ различіе между *Petit mal intellectuel* — помраченіемъ сознанія съ чувствомъ страха, тоской и импульсивными дѣйствіями, и *Grand mal intellectuel* — неистовствомъ съ ужасающими галлюцинаціями и идеями преслѣдованія. Въ этимъ обѣимъ формамъ болѣзни близко примыкаютъ «случаи импульсивныхъ насильственныхъ дѣйствій, порывъ къ которымъ появляется безъ неистовства и безъ видимаго омраченія сознанія». «Больные такого рода, — говоритъ лекторъ, — внезапно чувствуютъ неудержимый импульсъ совершить убійство, или самоубійство, или поджогъ, предупреждаютъ объ этомъ окружающихъ, сознаютъ свою опасность для нихъ, но, въ то же время, бессильны побѣдить влеченіе, овладающее ихъ волей съ такою же стихійною силой, съ какою судорога овладеваетъ ихъ мышцами въ обыкновенныхъ припадкахъ надучей болѣзни. Замѣчательно при этомъ, что у одного и того же больного стереотипно повторяются одинаковыя болѣзненные импульсы, и несомнѣнно, что къ этой категоріи крат-

современных эпилептических психозов относятся многие случаи, подавшие повод старымъ французскимъ психіатрамъ въ созданію ошибочныхъ ученій о такъ называемыхъ мономаніяхъ, наприм., *monomanie homicide, suicide, raptomanie* и т. под.). Отдѣльную форму эпилептической маніи,—по словамъ д-ра Розенбаха,—представляютъ припадки «галлюцинаторнаго бреда релігіознаго характера». Случаи такой маніи, приводимые авторомъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія психіатровъ и юристовъ-практиковъ. Изъ нихъ явствуетъ, что этотъ видъ эпилепсін уступаетъ леченію, а съ тѣмъ вмѣстѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, что страдающіе именно этою формою погибали массами въ былые годы на крестахъ, подъ пытками, да и въ наше время, несмотря на всю осторожность судовъ, рискуютъ попасть въ тюрьму, и даже хуже того, а не въ лечебницу, какъ бы то слѣдовало. Наименѣе опасными для общества представляются болѣе рѣдкіе случаи эпилепсін, при которыхъ наблюдалось «кратковременное состояніе легкаго маниакальнаго возбужденія съ безсвязностью идей, быстрой переменной настроенія, склонностью къ нелѣпнымъ, не мотивированнымъ дѣйствіямъ, но безъ той страшной импульсивности, которая дѣлаетъ эпилептическую манію болѣею частью самой опасной изъ всѣхъ формъ душевнаго разстройства». «Такъ какъ мы,—говоритъ авторъ,—несмотря на многочисленныя варіаціи разсмотрѣнныхъ формъ душевнаго разстройства, повидимому, имѣющихъ между собою мало общаго, соединяемъ ихъ въ одну группу эпилептическихъ психозовъ и считаемъ ихъ эквивалентными обыкновеннымъ проявленіямъ падачей болѣзни, то мы тѣмъ самымъ какъ бы признаемъ, что въ основѣ тѣхъ и другихъ лежитъ одинаковое по своей сущности патологическое состояніе мозга». Далѣе д-ръ Розенбахъ указываетъ на попытки отчасти объяснить характеръ эпилептическаго разстройства сознанія неправильной апперцепціей внѣшнихъ впечатлѣній, каковая не разъ была наблюдаема у страдающихъ вышеприведенными формами душевнаго разстройства. Во всякомъ же случаѣ есть основаніе думать, что во всѣхъ видахъ психическихъ разстройствъ эпилептиковъ большую роль играетъ независимое другъ отъ друга нарушеніе отдѣльныхъ психическихъ актовъ, при сохранности другихъ, чтѣ и должна обуславливаться «своеобразная безсвязность, нарушеніе координаціи и взаимодѣйствія между различными областями сознанія». Лекція закончена общимъ взглядомъ на леченіе эпилептическихъ психозовъ.

Новостью въ нашей литературѣ является статья д-ра Вл. Чижова: *Экспериментальное изслѣдованіе, по методу компликаціи, объ апперцепціи простыхъ и сложныхъ представленій*. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ статей по *невропатологіи*, имѣющихъ, равно какъ и вышеозначенная, значеніе исключительно для врачей-спеціалистовъ. Въ отдѣлѣ критики помѣщенъ разборъ книги Ломброзо: *Uomo delinquente in rapporto all' Antropologia, giurisprudenza ed alle discipline carcerarie* (*Преступный человекъ по отношенію къ антропологіи, юриспруденціи и тюремной дисциплинѣ*). Книга эта вышла въ 1884 г. третьимъ изданіемъ, значительно дополненнымъ противъ прежнихъ изданій.

Въ первомъ выпускѣ *Вѣстника* за нынѣшній годъ помѣщено, по обыкновенію, много рефератовъ о новыхъ книгахъ по психіатріи и невропатологіи. Потомъ слѣдуютъ «отчеты о заведеніяхъ для душевно-больныхъ»: *Очеркъ призрѣнія душевно-больныхъ въ Вологодской губ.* д-ра А. Ф. Мальцева

и *Очеркъ состоянія отдѣленія душевно-больныхъ при симферопольскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ* д-ра К. С. Грейденберга. Въ приложеніи напечатаны *Протоколы засѣданій общества психіатровъ въ С.-Петербургѣ въ 1884 г.* Всѣхъ засѣданій въ теченіе года было 6; на нихъ заслушано и обсуждено 26 научныхъ сообщеній.

Курсъ фармакогнози. Доктора медицины В. А. Тихомирова, экстраординарнаго профессора Московскаго университета. 1) Растенія, употребляемая въ цѣльномъ видѣ. 2) Отдѣльныя части растений: корни и корневища. Съ 76 политипажамъ въ текстѣ и 2 таблицами. Москва, 1885 г. Передъ нами только первая часть, посвященная растительной фармакогнози; вторую авторъ обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ въ возможно непродолжительномъ времени. Въ ряду специально врачебныхъ наукъ фармакогнозія занимаетъ довольно видное мѣсто. Занимаясь естественно-историческимъ изученіемъ сыраго лѣкарственнаго матеріала (простыхъ лѣкарственныхъ средствъ), доставляемаго всѣми тремя царствами природы, она тѣсно соприкасается съ родственными ей медицинскими науками—фармакологіей и фармаціей.

Сочиненіе доктора Тихомирова, имѣющее цѣлью удовлетворить насущную потребность студентовъ-медиковъ и фармацевтовъ, дѣйствительно заслуживаетъ съ ихъ стороны полнаго вниманія: книга составлена съ знаніемъ дѣла и отличается хорошей научной обработкой; съ внѣшней стороны изданіе вполне удовлетворительно, въ особенности же хорошо исполнены рисунки. Къ сожалѣнію, книга содержитъ массу совершенно излишнихъ ботаническихъ подробностей, врядъ ли умѣстныхъ въ курсѣ фармакогнози. Авторъ совершенно свободно могъ бы ихъ выпустить, имѣя въ виду, что изученіе фармакогнози невозможно безъ предварительнаго знакомства съ ботаникой, а это позволило бы значительно сократить книгу и, въ то же время, удешевить ее. Къ слову сказать, цѣна 2 р. 50 к. только за одну часть всего въ 200 съ небольшимъ страницъ является слишкомъ дорогой, тѣмъ болѣе, что трудъ предназначается, главнымъ образомъ, для студентовъ и фармацевтовъ.

Изложеніе мѣстами страдаетъ шероховатостью, и мы не можемъ не поставить этого въ упрекъ автору, такъ какъ, по нашему мнѣнію, простой и удобопонятный языкъ составляетъ главное и необходимое условіе при составленіи всякаго учебника. Особенно въ опредѣленіяхъ слѣдовало бы соблюдать возможную точность и ясность. На стр. 2 г. Тихомировъ пишетъ, напр.: «Фармакогнозія изучаетъ: 1) правильное, систематическое, т.-е. основанное на данныхъ описательныхъ естественныхъ наукъ названіе средства, чѣмъ и опредѣляется само собой мѣсто его въ естественной системѣ и происхожденіе отъ того или другаго ботаническаго или зоологическаго вида (производящее растеніе или животное)». Въ книгѣ встрѣчаются также уклоненія отъ принятой въ наукѣ терминологіи. Такъ, на стр. 6 читаемъ, напр.: «изъ оплодотвореннаго архегонія развивается такъ называемый плодъ» (не вѣришь ли спороплодикъ?). На стр. 70 напечатано: углекислый ангидридъ (угольный, да, а углекислый не говорятъ). Указанные погрѣшности, недосмотры и промахи, неизбежныя почти во всякомъ трудѣ (въ 1 изданіи), имѣютъ, конечно, только второстепенное значеніе и не могутъ умалять достоинствъ труда въ общемъ. Во всякомъ

случай книга г. Тихомирова—приятное явление въ русской врачебной литературѣ и потому мы желаемъ ей полного успѣха.

Очеркъ основъ оперативнаго акушерства для практическихъ врачей и студентовъ. Д-ра. Шаута, проф. Имнсбрукскаго университета. Пер. съ нѣмец. Фишера. Въ виду почти полного отсутствія въ русской литературѣ сочиненій по оперативному акушерству, книга д-ра Шаута, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что составлена она весьма тщательно. Одно очень странно, что авторъ, несмотря на продолжительную практику въ родильномъ госпиталѣ, указывая различные способы и приемы, ни одного въ особенности не рекомендуетъ. Врядъ ли молодой врачъ, а тѣмъ болѣе студентъ, возьмется за операцию, не зная, какъ къ ней приступить. Гораздо лучше сдѣлалъ бы авторъ, еслибъ, минуя все, что сомнительно и недостаточно провѣрено, онъ подробно описалъ бы лучшіе оперативные способы, получившіе уже въ акушерской практикѣ право гражданства; тогда книга его дѣйствительно принесла бы большую пользу начинающимъ врачамъ и студентамъ. Затѣмъ нельзя не поставить автору въ упрекъ того, что онъ слишкомъ много говоритъ о сложныхъ операціяхъ, какъ, напр., о кесаревомъ сѣченіи, и почти ничего о такихъ, которыя приходится дѣлать почти на каждомъ шагѣ. Мало также отведено мѣста и уходу за больными послѣ операціи. Часто операція сдѣлана прекрасно, но, вслѣдствіе плохаго ухода, результаты получаются печальные.

Если книга Шаута предназначена для начинающихъ врачей, а въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться, такъ какъ врачамъ уже практикующимъ все это давно извѣстно, то автору не мѣшало бы отнестись къ своему труду нѣсколько посерьезнѣе, чтобы не ставить молодыхъ врачей въ затруднительное положеніе. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, такъ утвердительно говорить (стр. 321), что швы слѣдуетъ снимать одни на 4 день, а другіе на 8; вѣдь, подобная поспѣшность можетъ иногда привести только къ тому, что ихъ придется, пожалуй, вторично накладывать. Извѣстно, что у малокровныхъ (а онѣ составляютъ большинство) заживленіе происходитъ очень медленно. Вообще о книгѣ д-ра Шаута можно сказать, что та польза, которую она можетъ принести, ничтожна по сравненію съ количествомъ затраченнаго на нее труда.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ТЕХНОЛОГІЯ.

„Пчеловодство“. А. Зубарева.—„Справочная книжка по свеклосахарному производству“. А. П. Титаренко.—„Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ“. С. Войслава.—„The Materials of Engineering in three parts“.

R. H. Thurston.

Пчеловодство. Посвящается сельскимъ учителямъ. А. Зубарева. Спб., 1885 г. Пчеловодство является одной изъ самыхъ выгодныхъ отраслей сельскаго хозяйства, доказательствомъ чему можетъ служить примѣръ не только древней Россіи, славившейся изобиліемъ меда, но и Америки, гдѣ оно настолько выгодно, что тамъ не боятся затрачивать на него десятки тысячъ рублей; такъ, напримѣръ, нѣкто Гарбисонъ, считающійся самымъ большимъ производителемъ меда, затратилъ въ 1870 году на устройство пасѣки въ

Калифорніи около 50,000 франковъ, а въ 1875 году онъ получалъ до 4,500 пудовъ меду. Не только въ Калифорніи, гдѣ пчелы могутъ работать круглый годъ, но и въ Канадѣ, климатъ которой не уступаетъ по своей суровости климату Петербургской губерніи, пчеловодство процвѣтаетъ, а въ штатѣ Иллинойсѣ, гдѣ въ зиму 1882—83 г. морозы доходили до 32° Р., живетъ извѣстный пчеловодъ Карлъ Даданъ, переселившійся изъ Франціи въ Америку и составившій себѣ отъ пчеловодства обезпеченное состояніе. Прииѣръ Америки увлекъ за собою болѣе близкія къ намъ страны—Англию, Францію, Швецію и Швейцарію. Въ послѣднее десятилѣтіе пчеловодство въ этихъ странахъ получило сильное развитіе. Въ книгѣ г. Зубарева, откуда мы заимствовали эти свѣдѣнія, въ первыхъ трехъ бесѣдахъ довольно подробно рассмотрѣны существующія системы пчеловодства, условія сбыта произведеній пчеловодства и получаемые отъ того доходы, затѣмъ сообщается много интересныхъ фактовъ о положеніи пчеловодства въ Америкѣ и Западной Европѣ. Авторъ указываетъ на то, что у насъ содѣйствія распространенію рациональнаго пчеловодства ближе всего можно ожидать отъ сельскихъ учителей, такъ какъ, по его мнѣнію, ни на крупныхъ землевладѣльцевъ, ни на духовенство рассчитывать нельзя: «потому что,—говоритъ онъ,—они часто бываютъ обременены другими занятіями и обязанностями, кромѣ того, отношенія двухъ этихъ сословій къ крестьянамъ весьма часто неблагопріятны для филантропическихъ цѣлей». Съ такимъ положеніемъ автора едва ли можно согласиться. Въ шестой бесѣдѣ указываются условія лучшаго устройства ульевъ, причемъ авторъ держится того мнѣнія, что въ томъ случаѣ, когда хозяйство ведется на медъ, гораздо выгоднѣе заводить ульи большихъ размѣровъ, чѣмъ малыхъ. Къ этой бесѣдѣ прилагаются чертежи улья-стояка бар. Берлепша, улья-лежака Дадана и двойнаго сквознаго улья. Въ послѣдующихъ бесѣдахъ разсматриваются современные системы и приемы пчеловодства, сообщаются краткія свѣдѣнія изъ исторіи развитія пчелъ, описываются ихъ болѣзни и враги. Послѣднія бесѣды посвящены описанію устройства пчельника, главныхъ основаній его веденія и занятій пчеловеда въ различные времена года. Закачивается все это описаніемъ свойствъ и способовъ храненія меда, воска и прополиса. Изъ приведеннаго нами содержанія книги г. Зубарева видно, что она является полезнымъ дополненіемъ къ руководствамъ, уже существующимъ на русскомъ языкѣ. Она представляется интересной и полезной книгой для человѣка, уже нѣсколько знакомаго съ практикой и теоріей пчеловодства. Начинать по ней учиться нельзя. Для этого придется обратиться къ другимъ руководствамъ, гдѣ теорія изложена болѣе подробно. Лучшимъ изъ нихъ, безспорно, является *Пчела* А. М. Бутлерова.

Справочная книжка по свеклосахарному производству. Составилъ инженеръ-технологъ А. П. Титаренко. Кіевъ, 1885 г. Благодаря энергіи и трудолюбію русскихъ техниковъ, сахарная промышленность дѣлаетъ въ Россіи очень быстрые успѣхи. Приемы производства непрерывно совершенствуются, такъ что въ техническомъ отношеніи оно опередило многія европейскія государства, выработка сахара годъ отъ году увеличивается, доставляя странѣ солидный доходъ съ акциза, и, наконецъ, культура свекловицы, занимающая теперь довольно обширный районъ, значительно возвысила доходность земель. На сахарныхъ заводахъ уже давно преобладаетъ элементъ образованныхъ техниковъ, стремящихся освободить производство отъ эмпирическихъ

прёмовъ и поставить его на строго-научную почву: Сотни хиниковъ трудятся надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, связанныхъ съ этой отраслью промышленности; ища выводовъ и обобщеній, которые могли бы послужить руководящей нитью при изысканіи наиболее совершенныхъ способовъ производства. Г. Титаренко взялъ на себя очень точенный и въ высшей степени полезный трудъ собрать во-едино массу тѣхъ мелкихъ замѣтокъ и обобщеній изъ практики сахарнаго дѣла, которые разскладаны по разнымъ иностраннымъ, и частью и русскимъ источникамъ. Авторъ самъ отлично помнитъ, что его книжка «какъ первый опытъ»; не можетъ не страдать пробѣлами и краткостью, и потому обращается ко всемъ, посвятившимъ себя этой промышленности, съ просьбою не отказать въ правдивыхъ замѣчаніяхъ, при помощи которыхъ только и возможно сдѣлать справочную книжку вполне удовлетворяющей современнымъ требованіямъ.

Книжка г. Титаренко замѣчается въ себѣ 4 отдѣлами: 1) математика; 2) вспомогательныя таблицы, куда входятъ таблицы температуръ кипѣнія сахарныхъ растворовъ, ареометрия, сахарометрия и проч.; 3) данные по свеклосахарному производству и 4) топливо, котлы, паровыя машины, насосы и т. н.

Составленіе справочныхъ книгъ и разнаго рода специальныхъ календарей—задача далеко не легкая. Автору приходится не только близко знать дѣло, но и съ педагогическою точностью проверить всякую приводимую имъ цифру, такъ какъ всякая ошибка (или даже просто недосмотръ) можетъ повлечь крайне неприятныя послѣдствія для того, кто воспользуется неверными данными при составленіи проекта или расчета. Трудъ составителей справочныхъ книгъ требуетъ повышенной добросовѣстности и самого напряженного вниманія. Опечатокъ, напр., совѣтъ бы не должно быть, а у г. Титаренко одиъ только замѣченный имъ занимаютъ около двухъ страницъ. Въ общемъ, справочная книжка по свеклосахарному производству составлена старательно и съ знаніемъ дѣла; но мы не можемъ не упрекнуть автора въ нѣкоторой небрежности и недосмотрахъ, мало извинительныхъ въ конспектахъ дѣловаго характера. Приводя на стр. 124 анализъ костей Берцеліуса (къ слову сказать, аналитическія изслѣдованія почтеннаго химика довольно-таки устарѣли), г. Титаренко пишетъ: «33, 3% хрища и сосудовъ, растворимыхъ въ водѣ» (?). Что это за удивительные хрищи и сосуды—слѣдовало бы разъяснить, а то, вѣдь, кто-нибудь и дѣйствительно повѣритъ, что кости содержатъ $\frac{1}{3}$ часть растворимыхъ въ водѣ органическихъ веществъ. Разварить ихъ въ илей можно, а растворить, все-таки, нельзя. Далѣе, на стр. 125, помѣщенъ анализъ свѣжей крупки (животнаго угля) Шульца, причемъ страннымъ образомъ опущена главная составная часть—фосфорнокислая известь. На стр. 137 теплопроизводительная способность топлива названа нагревательной (то, что авторъ называетъ парометрическимъ дѣйствіемъ топлива, и есть его нагревательная способность), а приведенныя цифры количествъ единицъ теплоты для углерода и окиси углерода неверны. Г. Титаренко глубоко заблуждается, думая, что при сгораніи углерода въ окись углерода (2,473) и этой послѣдней въ угольный ангидридъ (2,403 ед. тепла) выдѣляется почти одинаковое количество калорій. Все равно, будетъ ли углеродъ сгорать прямо въ углекислоту, или сначала въ окись, а потомъ въ ангидридъ,—выдѣлится одно и то же количество единицъ тепла (8,080), а, по мнѣнію автора справочной книжки, во второмъ случаѣ углеродъ разовѣетъ только 4,876 калорій. Это серьезная ошибка. Надо бы также проверить анализъ топлива по болѣе новымъ источ-

никакъ и дать дѣйствительно среднія цифры, а не случайныя. Такъ, напр., въ торфѣ считаютъ около 60% углерода, а не 54, свободного водорода болѣе 1%, въ каменномъ углѣ (стр. 140) углерода 75—80%, а въ коксѣ, изъ него получаемомъ, только 50—60%. (Какъ же это такъ? Въ коксѣ углерода отъ 85—93 считаютъ). Теплопроизводительная способность 8,000—9,500 ед. теп. (никогда угли не даютъ столько) и т. д. На стр. 207 читаемъ: «дальнѣйшему извлеченію сахара непосредственно кристаллизациею препятствуютъ сопровождающія его соли (несахаръ)». Автору, конечно, извѣстно, что не одиѣ соли препятствуютъ кристаллизации и не одиѣ онѣ составляютъ несахаръ. Говоря о извлеченіи сахара изъ патоки, г. Титаренко не сообщаетъ никакихъ данныхъ о эмоціонномъ и стронціановомъ способахъ. Всѣ эти промахи и недосмотры невольно наводятъ на мысль, что книжка требуетъ серьезной переработки, и мы не сомнѣваемся, что авторъ получитъ немало указаній на такія мѣста, которыя требуютъ исправленій.

Записная книжка по сахарному производству, изданная г. Титаренко, представляетъ собою карманную записную книжку и заключаетъ въ себѣ мѣсяцесловъ, таблицы записей по разнымъ отдѣленіямъ завода, журналъ работъ, форму бланковъ химическаго журнала и т. п. Въ концѣ помѣщены санитарныя правила въ примѣненіи къ заводамъ и первая врачебная помощь. Къ сожалѣнію, ни на записной, ни на справочной книжкѣ цѣна не обозначена и для насъ остается неизвѣстнымъ, продаются ли онѣ вмѣстѣ или отдѣльно. Намъ уже не разъ приходилось отмѣчать это странное въ русскомъ книжномъ дѣлѣ обстоятельство.

Книжки г. Титаренко, пройдя черезъ вторую, болѣе строгую и внимательную редакцію, должны будутъ принести большую пользу нашему свеклосахарному дѣлу.

Разсчетъ и построение частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Руководство для машиностроителей, заводчиковъ, чертежниковъ, техническихъ и реальныхъ учебныхъ заведеній. С. Войслава. Съ атласомъ въ 76 таб. Изд. К. Риккера. Спб., 1885 г. Ц. 4 р. Трудъ г. Войслава восполняетъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ пробѣловъ въ нашей технической литературѣ, а именно: недостатокъ руководствъ по машиностроенію не только оригинальныхъ, но даже и переводныхъ. Новая книга составлена съ полнымъ знаніемъ дѣла и отличается отъ другихъ сочиненій этого рода тѣмъ, что, не ограничиваясь одними теоретическими разсчетами, даетъ очень много чисто-практическихъ указаній, что при построеніи частей машинъ совершенно необходимо. Браткость и ясность выводовъ составляютъ также немаловажное достоинство. Жаль только, что авторъ обратилъ мало вниманія на англійскую литературу по машиностроенію. Книга г. Войслава раздѣлена на два отдѣла: 1) вспомогательныя части механизмовъ и 2) передаточные механизмы. Атласъ чертежей выполненъ весьма удовлетворительно; цѣна сравнительно недорогая.

The Materials of Engineering in three parts by Robert H. Thurston, professor of Engineering Stevens Institute of Technology. New-York, 1884—85. Second edition. Въ составъ первой части входятъ не-металлическіе матеріалы, какъ-то: камни, дерево, различные виды топлива, смазочныя вещества, кожа, ремни, бумага, гуттаперча и проч.,

вторая часть посвящена всецѣло желѣзу, стали и чугуну, а въ третьей описаны все другіе металлы и сплавы, имѣющіе какое-либо техническое примѣненіе. Сочиненіе профессора Thurston'a, хорошо извѣстнаго техникамъ своими капитальными изслѣдованіями въ области строительнаго и инженернаго дѣла, представляетъ весьма солидный вкладъ въ техническую литературу, тѣмъ болѣе, что по матеріаламъ вообще довольно мало дѣльныхъ сочиненій.

Съ особой полнотою изложена вторая часть, снабженная массою таблицъ, діаграммъ, цифръ и всевозможныхъ практическихъ данныхъ; все это мы находимъ и въ другихъ двухъ частяхъ, но уже не въ такой степени обстоятельности. Помимо того, во второй части много мѣста отведено металлургіи чугуна, желѣза и стали, тогда какъ, наприм., въ третьей части о добычаніи металловъ и о приготовленіи сплавовъ говорится только вкратцѣ. Большая сравнительно полнота второй части объясняется, съ одной стороны, тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, какое занимаютъ описываемые въ ней металлы въ технику, а съ другой—вообще обиліемъ данныхъ и тѣмъ еще, что самъ авторъ лично много работалъ въ этой области. Какъ и все американскія изданія, съ вѣшной стороны книга Thurston'a выглядитъ необыкновенно изящно: бумага прекрасная, печать крупная и четкая, опечатки составляютъ явленіе чрезвычайно рѣдкое, рисунки исполнены вполне удовлетворительно. Изложеніе отличается ясностью и ясностью. Намъ остается только пожелать, чтобы это прекрасное сочиненіе поскорѣе было переведено на русскій языкъ, въ виду почти полного отсутствія въ нашей литературѣ сочиненій подобнаго характера.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Русскія. — Нѣмецкія. — Польскія.

Русскіе журналы.

„Вѣстникъ Европы“. — „Русскій Вѣстникъ“. — „Наблюдатель“.

Вѣстникъ Европы, іюнь и іюль. «Прошло семнадцать лѣтъ», — такъ начинается вторая часть разсказа Н. А. Таль: *Жизнь за жизнь*, о началѣ котораго мы бесѣдовали съ читателемъ въ нашей майской книжкѣ. Для уясненія послѣдующаго мы должны вернуться къ первой части повѣсти и передать одинъ пропущенный нами эпизодъ. Умирающая Вѣра, жена Веприна, писала нѣсколькимъ писемъ своей отсутствующей матери и отправку ихъ поручала Аннѣ, той злой Аннѣ, которая отбила у нея мужа, ненавидѣла ее и была виновницей всѣхъ ея несчастій и страданій. Анна припрятывала письма. Неполученіе отъ матери отвѣта ни на одно изъ писемъ не возбуждало ни малѣйшаго сомнѣнія въ больной женщинѣ, и она продолжала, попрежнему, довѣрять свои письма той же Аннѣ. Прошло семнадцать лѣтъ, и Анна хранить эти обличающія ея злодѣйства посланія перевязанными голубою ленточкою, и въ часы досуга перечитываетъ ихъ. Люба, — ея дочь отъ Веприна, которую Анна, по какимъ-то мало выясненнымъ побужденіямъ, выдала за дочь Вѣры Веприной, — стала уже взрослою дѣвцею. Воспитана она болѣе чѣмъ странно, убѣгаетъ изъ дома одна, никому не сказавшись куда и зачѣмъ, днемъ и ночью, шляется по улицамъ Рима за нѣкимъ графомъ, дающимъ серенады красавицамъ. Въ заключеніе одной изъ

такихъ серенадъ графъ залѣзъ на балконы и долго обнимался и цѣловался съ какою-то Эльвирою. Любѣ завидно стало, и когда графъ покончилъ пѣвную сцену съ синьорой и сошелъ на улицу, тогда дѣвушка подскочила къ нему и попросила поцѣлуя: «Un basio per la rovegina». Графъ не замедлилъ исполнить ея желаніе. «Tu m'ami? (Ты любишь меня?)—прошептала она. «Jo t'amo» (Я люблю тебя),—прошепталъ онъ задыхающимся шепотомъ. Все это Люба отрапортовываетъ своей семьѣ, и семья относится къ такимъ похищеніямъ очень спокойно, даже шутливо, какъ бы отнеслась къ самой невинной дѣтской шалости. На легкія замѣчанія брата, что такимъ путемъ можно нарваться на неприятную исторію, Люба отвѣчаетъ: «Я умна, вывернусь». Ей съ дѣтства натолковали, что она умна. Авторъ всѣми силами старается увѣрить въ томъ же читателя, только это плохо ему удается. Изображенная имъ дѣвушка представляется избалованною, взбалмошною, очень дерзкою и грубою, ума же особеннаго въ ней не замѣтно. Въ Италиі получаетъ извѣстіе о болѣзни Веприна. Его семья спѣшитъ въ Парижъ къ больному. При суматохѣ сборовъ Любѣ удается захватить перевязанную голубой ленточкой пачку писемъ, по просту говоря, украсть письма не изъ шалости, а изъ желанія прочесть, такъ какъ Анна сказала ей, что письма эти содержатъ «чужой секретъ». Люба прочитываетъ этотъ «секретъ», узнаетъ, сколько зла надѣлала Анна женщиной, которую она считала своей матерью, и, наконецъ, узнаетъ и то, что ея настоящая мать—Анна. Въ Любѣ вдругъ является жажда мести. «Она упивалась мыслью о мщеніи,—говоритъ авторъ.—Кому отомстить? За что? она еще не сознавала ясно, она только чувствовала, что нужно и должно отомстить». Какъ разъ въ эту минуту, ради усиленія драматическаго эффекта, вѣроятно, Любѣ сообщаютъ о смерти ея отца. Въ повѣсти Н. А. Таль все дѣлается «по шучьему велѣнью», какъ на сценѣ и во французскихъ романахъ: дѣйствующія лица не видятъ того, чего бы не увидалъ только слѣпой, не слышатъ, точно глухіе; «по шучьему велѣнью» узнаютъ «секреты» и не догадываются о такихъ вещахъ, которыя для всѣхъ ясны, и т. д., и т. д. Самый слогъ напоминаетъ переводъ съ французскаго, сдѣланный не совсемъ грамотно; напримѣръ, докторъ говоритъ Любѣ: «О, вы будете опасная женщина». Люба восклицаетъ: «И вы не бросите мнѣ въ лицо какое-нибудь обидное слово»...—«И тороплюсь домой и возьму ближайшую дорогу по большой аллеѣ». Эти три примѣра взяты нами изъ одной коротенькой сценки. Вся исторія кончается тоже чисто по-французски. Ради отомщенія, неизвѣстно кому и неизвѣстно за что, Люба топится въ озерѣ. Въ ея рукѣ нашли медальонъ съ портретомъ Вѣры Андреевны и съ вырѣзанными почеркомъ Любы словами: «Жизнь за жизнь». У французовъ такими романами хоть прудъ пруди; у насъ же до сихъ поръ этотъ сортъ не былъ въ ходу, и можно только пожелать, чтобы повѣсть *Жизнь за жизнь* такъ и осталась исключеніемъ въ нашей литературѣ.

Седьмое изъ *Пестрыхъ писемъ* г. Щедрина служить какъ бы продолженіемъ предыдущаго письма, напечатаннаго въ апрѣльской кн. *Вѣсти. Евр.* «И что же на другой день оказалось? Что весь вчерашній вечеръ я провелъ среди членовъ тайнаго общества «антиреформенныхъ бунтарей»! Это на вечерѣ-то у тайнаго совѣтника Покатилова. Оказалось, что «Покатиловъ—глава и основатель общества; Краснощекловъ—человѣкъ судьбы, долженствующій, въ случаѣ надобности, выхвать на бѣломъ конѣ; Пучеглазовъ—правая рука; Ба-

лаболкинъ—лѣвая; Набрюшниковъ—вѣстникъ; Гвоздиковъ—предатель. Слово сказать, вся обстановка, не исключая и дамъ, на которыхъ возложено щипанье корнѣи и приготовленіе бинтовъ. Какъ, однакожъ, обманчива наружность! До сихъ поръ я представлялъ себѣ члена тайнаго общества не иначе, какъ въ видѣ взѣрошеннаго человѣка, который питается сильно дѣйствующими веществами и походя изрыгаетъ изъ себя подпольныя прокламаціи, — и вдругъ, что же увидѣлъ? Самыхъ обыкновенныхъ плѣшивыхъ стариковъ, которые даже твердой пицци разжевать не въ силахъ, которые не то говорятъ, не то урчатъ, и вообще ведутъ себя до того тлетворно, что безъ хорошаго вентилятора съ ними невозможно быть! А, между тѣмъ, въ нихъ-то именно и засѣло потрясеніе основъ! Поди, угадай!» Не угадалъ и попался. Всѣхъ забрали и препроводили «въ комиссію». Что «въ комиссіи» происходило, покрыто мракомъ секретности, ибо дѣла такого рода секретныя. Однако, не всѣ были препровождены: Гвоздиковъ бѣжалъ изъ-подъ стражи и утонулъ. Дѣло быстро «округлили»; презусъ «округлительной комиссіи» сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ объ участи тайнаго совѣтника Гвоздилова и выразилъ надежду, что примѣръ его не найдетъ подражателей, «ибо даже въ самыя горькія минуты жизни человѣкъ не имѣетъ права распоряжаться симъ драгоценнымъ даромъ Творца, но обязанъ съ покорностью выжидать начальственныхъ по сему предмету распоряженій». Потомъ «презусъ» отпустилъ всѣхъ по домамъ съ миромъ, такъ какъ самыя нахѣренія общества—«возстановленіе московскихъ департаментовъ сената, а затѣмъ и всего остальнаго» — признаны благовременными и тайнымъ совѣтникамъ свойственными; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предупреждалъ быть впередъ осмотрительнѣе и въ своей «благонахѣренно-преступной дѣятельности» не увлекаться «мишурою популярности». Бъ автору, не имѣющему чина тайнаго совѣтника, онъ отнесся суровѣе, однако, же и его отпустилъ. Возвращаясь домой, авторъ крѣпко задумался надъ тѣмъ, «что именно могло внушить презусу округлительной комиссіи невыгодное мнѣніе объ общемъ характерѣ его дѣятельности». «Правда,—разсуждаетъ онъ,—я либераль... Это такъ точно, ваше превосходительство!—но либераль до такой степени скромный, смиренный, что даже въ участкѣ, въ графѣ: «чѣмъ занимается», прописанъ: «всего опасается». «Одинъ только и есть за мною грѣхъ: отъ времени до времени пописываю... ну, да, вѣдь, нельзя же совсѣмъ ужъ зачоченѣть, потому только, что кругомъ дымятъ коромысломъ стоять». Но и въ писаніяхъ своихъ авторъ остается въ высшей степени скромнымъ и возмущается лишь тогда, когда видитъ, что люди для защиты своихъ мнѣній приобгаютъ къ предательскимъ полемическимъ приемамъ. По его мнѣнію, «это гнусность, въ которой нѣтъ надобности ни для оживленія столбцовъ, ни для розничной продажи». Призывая лишь «къ честности и опрятности», онъ и въ ужѣ не имѣлъ какихъ-либо «посягательства» или «потрясенія основъ». «Къ сожалѣнію,—разсуждаетъ авторъ,—приходится убѣдиться, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ и потрясеніи, и посягательства — все блѣднѣетъ и стирается передъ вопросами о какихъ-то личныхъ привилегіяхъ самаго низменнаго свойства». Въ глазахъ очень многихъ людей представляется въ высшей степени вреднымъ «выраженіе удивленія по поводу какого-нибудь безшабашнаго публициста, который, засѣвши по уши въ грязь, брызжетъ ею во всѣхъ, имѣющихъ дерзновеніе не признавать его мудрецомъ. Такъ, мало-по-малу, мельчаетъ и

вырождается старинная распря между либералами и охранителями. И очень возможно, что недалеко то время, когда, по волѣ всемогущихъ судьбъ, либераламъ совѣсть очутится внѣ боя, а охранители, почувствовавъ себя окончательно свободными отъ всякой узды, будутъ на всей своей волѣ безъ промаха надѣить въ пустое «дростраство».

Авторъ предвидитъ, что найдутся читатели, которые скажутъ, что все вышесказанное не только преувеличено, «но просто-на-просто представляетъ слдоцную небывальщину». Да я и самъ, — говоритъ г. Щедринъ, — лучше, чѣмъ кто-нибудь знаю, что ничего этого въ натурѣ не было; но, тѣмъ не менѣе, «я утверждаю по совѣсти, что все написанное мною съ подлиннымъ вѣрно, и что ежели, напримеръ, не существуетъ въ натурѣ общества антиреформенныхъ бунтарей, то существуетъ духъ времени; который нельзя назвать иначе, какъ антиреформенно-бунтарскимъ и который съ каждымъ днемъ приобретаетъ все большую и большую авторитетность». Этотъ духъ пропитана вся влательно-интеллигентная Россія, и раздѣлющая въ ея рядахъ «конспиративныя сѣтованія» во сто кратъ карикатурнѣе имъ описанныхъ. «Вездѣ, по словамъ автора, мы всстрѣчаемся съ несомнѣнными живыми жернами, которые пропагандируютъ несомнѣнно полудумные фантази и бреды и, не обинуясь, присвоиваютъ имъ наименование политическихъ и административныхъ программъ». Формы, въ которыя облачались идеалы Покатилова, были нѣсколько неуклюжи, но «самое зерно ихъ заслуживало сочувствія и похвалы». Покатиловъ, прежде всего, «пламенѣлъ предъ закономъ и не только не позволялъ себѣ выражаться, что такой-то законъ издавъ впоныхъ, а такой-то представляетъ собой плодъ бунтующей плоти, но даже къ извѣстному афоризму: «по нуждѣ и закону премѣна бываетъ» отосился съ величайшею осмотрительностью. «Бываетъ премѣна, — говорилъ онъ, — но лишь тогда, когда такая въ законодательномъ порядкѣ утверждена». Равнымъ образомъ, онъ не молюлъ суконымъ языкомъ, что сенатъ есть «учрежденіе крамольническое». Въ общей белибердѣ приняла участие и часть нашей «такъ называемой прессы»; но въ неистовой околесицѣ, которую она несетъ, нѣтъ возможности ничего разобрать. «Одно, вполнѣ ясно въ этой сутолокѣ: на каждомъ шагу продается отечество. Продается и при содѣйствіи элеваторовъ, и при содѣйствіи транзитовъ, и даже при содѣйствіи джутовыхъ мѣшковъ». Такое положеніе вещей авторъ не считаетъ, однако же, серьезно-угрожающимъ, но все же признаетъ его причиняющимъ немало частнаго зла. «У насъ это частное зло какъ будто даже и въ счетъ не идетъ. Исчезъ челоуѣкъ, наложилъ на себя руки, дошелъ до послѣдней степени отчаянія — велика важность!». И эту-то легкою возможностью причинять частное зло г. Щедринъ объясняетъ тайну успѣховъ белиберды. Не герои, а средній челоуѣкъ, которымъ кишитъ вселенная, сторонится передъ ней, поддакиваетъ, лишь бы она прошла мимо, не замѣтивъ и не зацѣпивъ, и иногда проскальзываетъ, хотя и не безъ мучительныхъ изворотовъ. «Ибо и белибердоносцы враждуютъ и препираются между собой». Вотъ тутъ-то и является задача, къ какой белибердѣ благовременно будетъ подлаживаться? «Мало кликнуть кличь: поспѣшай назадъ! — надобно съ точностью указать, въ какой именно кіоскъ надежить поспѣшать. Мало сказать: намъ ничего не нужно, кромѣ помоевъ; надобно съ достовѣрностью опредѣлить вкусъ, цвѣтъ и запахъ исконыхъ помоевъ». Какъ тутъ быть? Какъ угадать, какая белиберда надежнѣе, какой предстоитъ болѣе прочная будущность?

За разрѣшеніемъ своихъ недоразумѣній, по давнишней привычкѣ, г. Щедринъ обратился къ своему другу Глузову, несомнѣнному мудрецу. «Въ древности онъ, навѣрное, выдумалъ бы Пифагоровы штаны, а въ наше время ограничивается тѣмъ, что звонкомъ друзей съ наилучшими приспособительными приемами, при помощи которыхъ можно припѣваючи жизнь провести. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ только и дѣлаетъ, что приспособляется, и, наконецъ, до того вошелъ во вкусъ, что во всеуслышаніе заявляетъ, что еслибъ отнять у жизни необходимость приспособленій, то она сдѣлалась бы столь же безвкусною, какъ каша безъ масла». Разъ въ жизни, а именно въ концѣ пятидесятихъ годовъ, ему показалось, что можно прожить безъ приспособленій; но онъ ошибся, и теперь весь, и съ головою, и съ потрохами, насквозь приспособился. Такое усердіе было оцѣнено, и Глузовъ заполучилъ тепленькое мѣстечко въ провинціи. Сидитъ онъ тамъ и приспособляется, въ Петербургъ наѣзжаетъ справиться, какіе новыя фасоны приспособленій вышли. Г. Щедринъ воспользовался однимъ изъ такихъ пріѣздовъ Глузова для бесѣды съ нимъ по душѣ. Но и умныя рѣчи Глузова разъяснили немногое, только начало всѣхъ приспособленій. «Вспомнилось мнѣ,—говорилъ Глузовъ,—какъ меня въ дѣтствѣ у папаша прощенья просить заставляли, такъ повѣришь ли, такъ я и ахнулъ: вотъ они, съ которыхъ поръ, приспособленья-то наши начались. Огорчишь, бывало, папашу, а прощенья просить не хочется. Вотъ мамаша съ тетеньками и похаживаетъ около тебя. «Развѣ тебя убудетъ отъ того, что ты скажешь папенькѣ: пардонъ, папа?»—уговариваетъ мамаша.— «Развѣ у тебя языкъ отвалится?»—убѣждаетъ одна тетенька.— «Развѣ у тебя заболитъ головка?»—подбадриваетъ другая тетенька. Слушаешь-слушаешь эти предки, возьмешь да и выпалишь: пардонъ, папа! И что-жь, дѣйствительно, какъ по писаному, такъ и сбылось. Ни самого меня не убывало, ни языкъ не отваливался, ни голова не болѣла. Прошло дѣтство, настала настоящая жизнь, и что дальше, то больше. Стоишь кругомъ стоишь: развѣ тебя убудетъ? Развѣ языкъ у тебя отвалится? Тутъ и литература, и наука, и нравственный кодексъ—все тутъ. А вдали, въ перспективѣ, дилемма: съ одной стороны, храмъ славы съ надписью: «Не убудетъ», съ другой—вольче существованіе среди наускиваній и шипѣній... Тутъ-то вотъ Крокодилы и подстерегають тебя: цыпъ, цыпъ, цыпъ... Какъ съ этимъ быть?». Несмотря на всю мудрость Глузова, этотъ вопросъ такъ и не получилъ разрѣшенія.

Комментаріи къ «письмамъ» г. Щедрина, вообще, не нужны; въ настоящемъ же случаѣ они были бы неумѣстны, такъ какъ въ этомъ «письмѣ» авторъ самъ разъясняетъ свою предшествовавшую сатиру и становится уже почти публицистомъ. Намъ это «письмо» кажется едва ли не лучшимъ изъ серіи «Пестрыхъ писемъ». Въ особенности, послѣднія рѣчи Глузова должны навести на очень серьезное раздумье о цѣлесообразности нѣкоторыхъ воспитательныхъ приемовъ.

Бромъ окончанія статьи П. Д. Боборыкина *Этюды по психологической теоретическаго характера*, съ характеромъ которой мы познакомили читателя въ нашей V кн., въ июньской кн. *Вѣстника Европы* помѣщено начало *Афганскихъ очерковъ* г. Иванова, озаглавленныхъ: *Шунганъ*. Авторъ прошелъ съ небольшою партией топографовъ черезъ мало-извѣстную горную страну, носящую названіе Шунганъ, и въ указанной статьѣ даетъ обстоятельное описаніе своего труднаго похода среди полудикихъ кочевниковъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, по суровости горнаго климата, невозможно земледѣліе. Страна эта, равная по размѣ-

рамъ Бельгіи, лежитъ на высотѣ 11—14 тысячъ фут. надъ уровнемъ моря; нѣкоторыя горы въ ней достигаютъ 23—25 тысячъ фут. Все ея населеніе состоитъ изъ 3,000 бѣдныхъ кочевыхъ киргизовъ, управляемыхъ собственнымъ ханомъ. Въ той же книгѣ журнала нѣсколько статей посвящено памяти покойнаго К. Д. Кавелина: Некрологъ, М. С., *Речь въ юридическомъ обществѣ*, В. Д. Спасовича, библиографическій очеркъ: *Учено-литературная дѣятельность К. Д. Кавелина*, Д. Д. Языкова, и стихи Н. Минскаго.

Въ июльской кн. *Вѣстника Европы* помѣщенъ лишь одинъ оригинальный рассказецъ: *Добрые люди, наброски изъ сельской жизни*, Н. И.,—слабоватые «наброски» изъ крестьянскаго или, вѣрнѣе, изъ «пейзанскаго» быта. Авторъ задумалъ изобразить «молодаго мужика», «молодаго» въ смыслѣ новаго, прогрессирующаго человѣка. Это бы не бѣда. Только горе наше въ томъ, что пока такого мужика въ дѣйствительности нѣтъ, и приходится его «сочинять». А для того, чтобы «сочиненіе» вышло похожимъ на правду, необходимо очень основательное знакомство съ средою, изъ которой берется сюжетъ для сочиненія; да, кромѣ того, нуженъ и талантъ немаленькій. Ни того, ни другаго у автора набросковъ не имѣется въ надлежащей мѣрѣ. А потому и изъ затѣи его ровно ничего не вышло. Его «молодой мужикъ» напоминаетъ намъ множество добродѣтельныхъ, чистенькихъ и припомаженныхъ «пейзановъ», какими изображали мужиковъ въ доброе старое время. Герой «набросковъ», «молодой мужикъ» Трофимъ, женился не по «пристрастію», а по собственному выбору, увлекся хозяйственными нововведеніями «ученаго управителя», потелъ къ этому управителю въ ученье, потомъ отделился отъ семьи и началъ вести свое собственное хозяйство «по новому». Ну, а затѣмъ все по заведенному порядку: хозяйство «молодаго мужика» процвѣтаетъ, яко грибокъ; всѣ ему завидуютъ, строятъ разные подвохи и, наконецъ, выживаютъ вонъ изъ села угрозою какихъ-то тяжелыхъ напастей и бѣдъ. Во всемъ этомъ «наброскѣ» нѣтъ ни нотки оригинальной, ни черточки самобытной; такихъ всякій грамотный человѣкъ можетъ «набросать» сколько угодно, только печатать ихъ никто не станетъ, и, «набросавши», придется ихъ выбросить.

Полу-беллетристическій характеръ имѣетъ рассказъ Н. А—рева: *Въ волостныхъ писаряхъ*, въ которомъ опять дѣйствующими лицами являются исключительно мужики, но на этотъ разъ—настоящіе, не выдуманные и не сочиненные авторомъ, а списанные имъ съ природы, по большей части очень удачно. Г. А—ревъ уѣхалъ изъ Петербурга въ 1881 г. искать въ Воронежской губерніи мѣста волостнаго писаря. «Нѣкоторыя обстоятельства,—говоритъ авторъ,—сложились относительно меня такимъ образомъ, что жизнь въ городѣ, въ «культурной» средѣ, стала мнѣ просто ненавистна: не обеспеченный матеріально, я не могъ вполнѣ покинуть житейскаго омута, чтобы съ большей или меньшей для себя пользой и пріятностью пережидать непогоду, и долженъ былъ непрестанно работать изъ-за куска хлѣба. Конторекія занятія,—единственныя для меня доступныя,—опротивили мнѣ въ конецъ, благодаря своей сухости и безжизненности; хотѣлось живаго дѣла, хотѣлось общенія съ живыми людьми, хотѣлось доказать самому себѣ свою пригодность на служеніе истиннымъ общественнымъ нуждамъ, а не на одно только служеніе интересамъ различныхъ «компаній» и «товариществъ»; думалось, что такое служеніе можетъ имѣть мѣсто единственно въ деревнѣ». Въ силу такихъ-то побужденій, г. А—ревъ уѣхалъ въ Воро-

немскую губернію и, при содѣйствіи одного добраго знакомаго изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, получилъ мѣсто сначала помощника волостнаго писаря для выучки, а потомъ—писаря въ волости, населенной исключительно крестьянами-земледѣльцами, безъ примѣса промышленнаго элемента. Разсказъ написанъ просто и безъ мудрствованій лукавыхъ; въ немъ правдиво передается лишь то, что авторъ видѣлъ, слышалъ, пережилъ и перечувствовалъ въ непривычной и совсѣмъ незнакомой ему средѣ. Съ полною искренностью передаетъ онъ свои увѣщанія и ошибки, мудренныя для не-крестьянина «загвоздки», которыми въ практикѣ мужицкой жизни выбиваются изъ колеи теоретическія положенія, на-жущіяся непреложными людямъ, недостаточно вникнувшимъ въ эту практику, трудно, впрочемъ, доступную «чужому» человѣку. «Сначала,—говорить, между прочимъ, авторъ,—я думалъ, что именно моя личность и именно мое неумѣлье разговоры разговаривать производить отталкивающее впечатлѣніе на мужиковъ; но впоследствии я убѣдился, что скортучникъ и лапотникъ—два взаимноотталкивающихся элемента, и никакихъ общихъ интересовъ, по мнѣнію лапотника, въ данное время не имѣютъ». «Всякій трезвый крестьянинъ старается по возможности укрыть все свое нутро, свои помыслы, желанія и надежды отъ взоровъ ненавистнаго племени» (чиновничьяго). «Шьяный же мужикъ нерѣдко ругается и придирается, вымечая на попавшемся ему поперекъ дороги скортучникъ старинныя обиды, когда-нибудь нанесенныя ему другими скортучниками и «струцкими». Эта любопытная особенность народной жизни, это многоѣвковое убѣжденіе народное, что сословіе струцкихъ—особь статья, а «хрестыанскій народъ»—тоже особь статья», по мнѣнію автора, будутъ еще очень долго служить препятствіемъ сближенію интеллигенціи съ «лапотнымъ міромъ». Это, конечно, не ново, какъ не ново, впрочемъ, и все повѣствованіе г. Н. А.—рева для людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ деревней и порядками такъ называемаго крестьянскаго самоуправленія. Но горожанинъ, особливо столичный житель, найдетъ въ этихъ разсказахъ немало любопытнаго и даже поучительнаго, если онъ изъ чиновныхъ и, къ тому же, изъ такихъ, черезъ чьи руки проходятъ крестьянскія дѣла или проекты «переустройствъ» администраціи въ селахъ. Для такихъ читателей, по всей вѣроятности, будетъ новостью старшина Яковъ Ивановичъ, робѣвшій передъ всякимъ «начальствомъ», будь это хоть акцизный надзиратель или судебный приставъ». На убѣжденія волостнаго писаря-петербуржца «держаться съ большимъ достоинствомъ» онъ коротко отвѣчалъ: «Вѣдь, стрескаеть!» И что же, мы, хорошо знающіе, какъ дѣлаются дѣла въ провинціи, не считаемъ себя въ правѣ улынуться надъ такимъ отвѣтомъ; на самомъ дѣлѣ и акцизный, и приставъ могутъ «стрескаться»; все зависить отъ ихъ отношеній къ предводителю, исправнику, непремѣнному члену и всѣмъ остальнымъ начальникамъ и повелителямъ старшины, а съ ними вмѣстѣ и всего крестьянскаго самоуправления. Изъ самаго разсказа г. А.—рева видно, что волостные писаря удаляются отъ службы и назначаются на мѣста помимо крестьянъ и ихъ выборныхъ, простымъ, словеснымъ даже, приказаніемъ, предводителя. Такъ получилъ мѣсто и авторъ разсказа; такъ и всегда дѣлается. А, между тѣмъ, въ волостномъ управленіи писарь играетъ, по меньшей мѣрѣ, такую же важную роль, какъ и старшина. Очень характеренъ разсказъ о томъ, какъ на сходѣ, собранномъ для рѣшенія вопроса о передѣлѣ земли по душамъ, болѣе 300 человѣкъ «воздержались отъ подачи голоса», хотя шумѣли долго и ругались крѣп-

ко. На вопросъ автора, почему они такъ поступаютъ, старшина даетъ такое объясненіе: «Не обдумали всего; должно быть, есть какая-нибудь загвоздка. Гаять—всѣ гають; а какъ подошло время дѣло кончать, ну, и сомнительно для большинства стало, боятся дѣло второпяхъ кончить. Вотъ они ни въ ту, ни въ другую сторону и нейдутъ». «Загвоздка», дѣйствительно, оказалась—слухи о возможности новой прирѣзки земли.

Въ статьѣ г. Д. О. *Печенскій монастырь въ русской Лапландіи* рассказывается отчасти достовѣрная, отчасти легендарная исторія о монастырѣ, когда-то существовавшемъ на нашемъ крайнемъ сѣверѣ, сѣвернѣе Соловецкаго монастыря, но стоявшемъ въ болѣе благоприятной мѣстности, близъ не замерзающаго Варангерскаго залива, почти на самомъ берегу Печенгской губы, носящей у норвежцевъ до сихъ поръ названіе «залива Монаховъ»—*Munkefiord*. Статья эта есть пересказъ изъ вышедшей въ прошломъ году книги Я. А. Фрисса, профессора лопарскаго языка университета въ Христианіи *). Начало монастыря можетъ быть отнесено къ 1524 г., когда удалившійся отъ міра преподобный Трифонъ (по преданію называвшійся въ міру Митрофаномъ) построилъ себѣ келью въ десяти верстахъ отъ морскаго залива на берегу р. Печенги. Существуетъ сказаніе, что въ 1530 г. здѣсь уже была построена церковь. Въ 1556 г. преп. Трифонъ получилъ отъ царя Ивана Грознаго жалованную грамоту, которою все мѣстное населеніе было закрѣпощено за монастыремъ, облеченнымъ неограниченнымъ правомъ управленія и сбора податей по своему усмотрѣнію. Препод. Трифонъ скончался 15 дек. 1583 г. Какъ при своемъ основаніи, такъ и при его преемникахъ монастырь процвѣталъ, велъ значительную торговлю съ Норвегіей и Голландіей, заключалъ торговые договоры съ первоклассными торговыми домами Амстердама. Въ настоящее время отъ этой когда-то цвѣтущей религіозно-торговой колоніи остался единственный слѣдъ—большой мельничный жерновъ, лежащій въ задичалой мѣстности. Для своего дальнѣйшаго повѣствованія Фриссъ избираетъ дѣйствующимъ лицомъ послушника Печенгскаго монастыря Амвросія, пошедшаго въ монахи вслѣдствіе несчастной любви. Недолгое существованіе монастыря было прекращено хищническимъ набѣгомъ „лихихъ людей“, разсказу о которомъ, вѣроятно, будетъ посвящена слѣдующая часть повѣсти.

А. Н. Пыпинъ въ статьѣ *Вола и Кіевъ (впечатлѣнія двухъ поэмъ)* высказываетъ слѣдующіе взгляды на „украинофильство“: „Намъ всегда казалось, въ разныхъ отношеніяхъ, странной, непонятной ожесточенная вражда, съ какой различныя литературныя партіи относились и относятся къ тому направленію, которому даютъ названіе украинофильства. Эта вражда—явленіе не только странное, но, по нашему убѣжденію, глубоко зловредное по различнымъ интересамъ нашей литературы, науки и жизни общественной. Наша новѣйшая литература, задаваясь „высокой политикой“,—для которой, въ сущности, нѣтъ очень мало данныхъ,—и при этомъ обходя молчаніемъ вопросы, гораздо болѣе

*) Въ предисловіи къ статьѣ поименованы слѣдующіе труды Фрисса, знатока Лапландіи и лопарей: *Lappisk Mythologi; Der Sampe Finlands und des Lapper Zaubersfrommel, En sommati Fin marken, Russisk Lapland oy Norkarelen*. Настоящая статья заимствована изъ книги: *Kiostrite i Petschenga Skildringer fra Russisk Lapland*. Повѣсти о Печенгскомъ монастырѣ предшествовало появленіе въ свѣтъ романа изъ лопарской жизни того же автора: *Лаула, или очерки Финмаркена*.

близкіе и существенные, изощряеть свое политическое глубокомысліе надъ „національными“ предметами и, нападая на не имѣющее никакой юридической защиты украинфильство, теряетъ, наконецъ, всякое чувство простой дѣйствительности. а иногда своими инсинуаціями, быть можетъ, вводитъ въ заблужденіе и самую власть. Что такое украинфильство? Это, прежде всего, простое чувство привязанности къ родинѣ. Далѣе авторъ находитъ, что „весьма естественно литературное употребленіе мѣстнаго языка, если онъ довольно отличенъ отъ обычнаго книжнаго, довольно распространенъ, самъ имѣеть уже литературное преданіе—какъ малорусскій“. „Если, какъ говорятъ, русскому языку предстоитъ или слѣдуетъ сдѣлаться общимъ литературнымъ языкомъ славянскаго міра (что не кажется намъ невѣроятнымъ и кажется желательнымъ), то эта будущая роль его будетъ возможна лишь при условіи“ наибольшаго расширенія мѣстныхъ изученій. а развитіе литературы малороссійской должно „обогащить нашу литературную рѣчь, какъ и литературное содержаніе“. „Чѣмъ меньше,—поясняетъ авторъ,—сама литература (наша, русская) будетъ страдать узкой исключительностью, тѣмъ дружелюбнѣе будетъ относиться къ мѣстнымъ интересамъ, тѣмъ она будетъ привлекательнѣе для остальнаго славянства. Къ сожалѣнію, наши мнимо-національные ревнители дѣйствуютъ какъ разъ наоборотъ: литературу огромнаго народа они стремятся изъ всѣхъ силъ сдѣлать литературой одного прихода,—въ результатѣ они больше отталкиваютъ отъ нея братьевъ-славянъ, чѣмъ привлекаютъ къ ней“. Авторъ указываетъ на то, что даже „всепоглащающая“ французская централизація не могла одолѣть мѣстной провансальской или бретанской стихіи. А наши „мономаны“ хотятъ стереть всѣ особенности „отгѣнковъ русской народности“. „Только боязливый и ограниченный взглядъ,—заключаетъ г. Пыпинъ,—можетъ считать отрицаніе и гоненіе всякой мѣстной индивидуальности необходимымъ для интересовъ общества и государства“. „Сила государства создается именно сознаніемъ его членовъ, что подъ его эгидой защищены первоначальные нравственные интересы народной массы и общества. Разумная политика предоставитъ силѣ вещей, естественному процессу жизни практическое и нравственное объединеніе, не нанося ущерба или гибели живому развитію мѣстныхъ силъ, которое составитъ и собственную силу государства“. Заканчиваетъ авторъ призывомъ русскихъ писателей и ученыхъ къ ближайшему ознакомленію съ Кіевомъ и Малороссіей, какъ въ первой половинѣ той же статьи онъ указывалъ на необходимость такого же знакомства съ Волгою. Во всемъ этомъ есть очень много вполне вѣрныхъ мыслей, но есть и кое-что сомнительное, подлежащее спору, само собою разумѣется, не на той почвѣ, на которой велся споръ указываемыми г. Пыпинымъ „мономанами“, видящими въ пѣніи малороссійскихъ пѣсень покушеніе на „сепаратизмъ“. Въ спорѣ, принявшемъ характеръ вражды между украинфилами и ихъ противниками, обѣ стороны увлеклись, по нашему мнѣнію, въ крайности. Возвращеніе этого „вопроса“ къ его настоящему значенію было бы очень желательно, и попыткою къ тому является, повидимому, вышеуказанная статья г. Пыпина.

Русскій Вѣстникъ, май и іюнь. Длинный романъ г. Позняка: *Дорогой цѣмой* законченъ такими же несодѣянностями, какими онъ былъ преисполненъ съ самаго начала. Передавая его фабулу въ нашихъ предшествующихъ «обзорахъ журналовъ», мы остановились на помолвкѣ князя Батурова съ дочерью богача Гречишниковъ. Дальнѣйшее содержаніе романа заключается въ немеслѣ-

дующемъ: супруги не любятъ другъ друга; между ними возникаютъ крупныя непріятности изъ-за желанія княгини попасть въ высшій великосвѣтскій кругъ, куда ввести ее нѣтъ у князя ни желанія, ни умѣнья. Но урожденная купчиха Гречишникова, все-таки, забирается въ высшее общество при помощи графа Артамонова, присватываясь за нее, когда она жила еще дѣвушкой въ Москвѣ. Князь Владиміръ Батуровъ встрѣчается съ Марьей Петровной Холмской, — той барыней, что сначала послѣ ужина выпрыгнула изъ его тарантаса, потомъ послѣ обѣда завала его въ садъ и тамъ растеряла изъ головы гвоздички, а, въ концѣ-концовъ, не согласилась выдти за него замужъ и посовѣтовала жениться на гречишниковскомъ «обрубѣ» и его милліонахъ. Старая любовь вспыхиваетъ съ новою силой, хотя Марья Петровна живетъ на содержаніи у богатаго старика Миронова, т. е. не такъ «на содержаніи», какъ это понимается обыкновенно, а на особомъ, платоническомъ, такъ сказать, содержаніи. Въ смыслѣ денежномъ она — на содержаніи; но въ замѣну этого содержанія даетъ лишь обѣщаніе выдти замужъ за Миронова, когда онъ разведется съ женою. Батуровъ предлагаетъ ей ту же аккомодацию, самому развестись съ Александриною и жениться на ней. Холмская спрашиваетъ, сколько онъ можетъ прикарманить изъ жениныхъ милліоновъ, и когда Батуровъ заявляетъ, что прикарманить не намѣренъ, Марья Петровна вѣжливенько его выпроваживаетъ, перехвативши у него на время векселей на 50 тысячъ. Этого только и ждалъ графъ Артамоновъ, зорко слѣдившій за Батуровымъ. Добылъ графъ эти векселя и показалъ княгинѣ Александринѣ съ цѣлю окончательно рассорить ее и развести съ мужемъ, чтобы жениться на ней самому. Все происходитъ какъ по писаному: Александрина выгоняетъ мужа и требуетъ развода. Кн. Владиміръ бѣжитъ къ Марьѣ Петровнѣ. Та выгоняетъ его тоже; оказалось, что про векселя узналъ Мироновъ и грозитъ ее бросить. Батуровъ возвращается домой, приводитъ въ порядокъ денежные счета жены, заряжаетъ револьверъ и долго молится передъ распятіемъ. Помолвившись, онъ досталъ Евангеліе и сталъ его читать, выжидая 12 часовъ. Когда сравнялось двѣнадцать, кн. Владиміръ застрѣлился.

Все это, конечно, очень большая нелѣпость и безобразіе, но безобразіе весьма характерное. Кн. Батуровъ-отецъ — кутила, мотъ, негодяй, въ денежныхъ дѣлахъ почти жуликъ; кн. Батуровъ-сынъ — скромный, вѣжливый, даже до щепетильности, растрчиваетъ вѣрныя по службѣ деньги; любя другую женщину, женится на богатой, чтобы покрыть растрату, убоившись суда «всякой швали», т. е. присяжныхъ; глупо ведетъ себя съ женой, предоставляет ей вести себя зазорно съ графомъ; готовъ бросить жену, развестись извѣстнымъ способомъ судебнаго подлога и лжесвидѣтельства, чтобы жениться на женщинѣ дурнаго поведенія; когда же это ему не удается, тогда онъ обращается съ молитвою къ распятому Богу, читаетъ Евангеліе, держа въ рукахъ заряженный пистолетъ, и, не дочитавши главы священной книги, пускаетъ себя пулю въ лобъ. Графъ Артамоновъ, расчетливый, холодный негодяй, устраиваетъ шпіонство и разные подвохи подъ Батурова и этими способами овладѣваетъ его женою и огромнымъ состояніемъ. Александрина Гречишникова, Марья Петровна Холмская, разныя тамъ княгини, да графини, да баронессы, — все это достойныя подруги столь же достойныхъ людей, какъ князя Батурова и графы Артамонова и Хлоповскіе. Коллекція негодяевъ и негодницъ, мелкиихъ, безхарактерныхъ, дрянныхъ и трусливыхъ. Но всѣхъ хуже, все-таки, молодой князь Вла-

дмиръ Батуровъ; это не человекъ, а «униженіе человекъ». Онъ просто гадохъ въ своей вѣчной трусости, въ своихъ постоянныхъ сдѣлкахъ съ совѣстью. Своровавши деньги погорѣльцевъ, онъ не думаетъ раскаяться или обвинить себя въ дурномъ дѣяніи; напротивъ, себя онъ даже оправдываетъ подлыми вывертами и ругаетъ судъ присяжныхъ и тѣхъ «мнимо-либераловъ», которые найдутъ его поступокъ сквернымъ. Кончая расчетъ съ жизнью, безъ достаточно разумныхъ къ тому поводовъ, самоубійствомъ, онъ опять-таки ведетъ себя, какъ трусъ, хочеть обмануть Бога кощунственной молитвой, кощунственнымъ чтеніемъ Евангелія. Все это, повторяемъ, очень характерно не только потому, что въ дѣйствительности такъ бываетъ, но и потому, что авторъ съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ личности Владимира Батурова, выставляя его жертвою, достойною симпатіи, тогда какъ онъ просто жертва собственной дрянности, продуктъ вырожденія и недѣльнаго воспитанія, — того воспитанія, которое самую религію, вѣру въ Бога умѣетъ исказить до возможности соединять молитву и чтеніе Евангелія съ самоубійствомъ. Будь этотъ романъ написанъ съ цѣлью показать, до какой глубины нравственнаго паденія дошли представители нашего высшаго и интеллигентнаго сословія и даже, по вѣнности, лучшіе его представители, какъ кн. Владимиръ Батуровъ, можно было бы обвинять автора въ тенденціозномъ преувеличеніи и въ умыленномъ выборѣ такихъ личностей, какія нужны были автору для его тенденціозныхъ цѣлей. Но нѣтъ, въ данномъ случаѣ заподозрить подобную тенденцію не имѣется основанія, а потому не оказывается повода обвинять автора въ умыленномъ преувеличеніи и искаженіи дѣйствительности. Слѣдовательно... мы воздержимся отъ какихъ бы то ни было общихъ выводовъ на основаніи плохого романа, ошибочно и дурно задуманнаго, плохо и скучно написаннаго.

Указанное выше отсутствіе рѣзко опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ есть, несомнѣнно, результатъ всего жизненнаго строя, начиная съ воспитанія, и вовсе не составляетъ отличительнаго признака новаго времени. Доказать это мы попытаемся на примѣрѣ, взятомъ изъ повѣсти г-жи Толычевой: *Полубится сатана пуще яснаго сокола*, напечатанной въ апрѣльской и майской кн. *Рус. Вѣстника*. Въ послѣднихъ строкахъ г-жа Толычева говоритъ: «Мы позволили себѣ рассказать эти событія со всеми, быть можетъ, излишними подробностями, потому что они не вымыселъ, а быль». Въ виду такого утвержденія автора, да и самаго содержанія разсказа, нельзя сомнѣваться въ томъ, что г-жею Толычевою переданы дѣйствительныя происшествія во всѣхъ, даже мелочныхъ и иногда «излишнихъ» подробностяхъ. Для нашихъ выводовъ это имѣетъ серьезное значеніе, почему и настаиваемъ на томъ именно, что во всемъ повѣствованіи нѣтъ мѣста вымыслу. Главная суть въ томъ, что Надежда Павловна Славина, основное лицо повѣсти, не любила своего мужа Аркадія Дмитриевича, не влюбилась и единственнаго сына Гришу. Воспитаніе мальчика всецѣло принадлежало отцу, прекраснѣйшему, отлично образованному и высоко-нравственному человекъ. Когда же Славинъ разнемогся ревматизмомъ, тогда сдѣлкою къ нему, настоящимъ ангеломъ-хранителемъ его и Гриши явилась Марья Николаевна, поступившая въ домъ Славиныхъ экономкою, по старой, нѣжной любви къ Аркадію Дмитриевичу. Марья Николаевна получила воспитаніе въ честной и доброй чиновничьей семьѣ, въ строго-религіозныхъ правилахъ. Эта особа можетъ служить образцомъ христіанской добродѣтели, святой и без-

завѣтной любви честной женщины къ мужчине, стать женою котораго ей же судилъ Богъ. Само собою разумѣется, что подъ влияніемъ отца и его друга Гриша получилъ самое лучшее воспитаніе въ нравственномъ смыслѣ, на кое только можетъ быть дано молодому человѣку. Мать же во что не вѣрившаяся, будучи всецѣло погружена въ хозяйство. Потомъ ей понравился крестьянскій мальчикъ Дѣма; она взяла его къ себѣ, привязалась къ нему, выростила, какъ барченка, избаловала въ конецъ, и вышела изъ Дѣмы отчаянный негодяй. Несмотря на это, самодурка-барыня души не чаетъ въ своемъ любимцѣ; дѣлаетъ въ его пользу духовное завѣщаніе на все свое имѣніе и, наконецъ, изъ неавности къ сыну заставляетъ совсемъ ослабѣвшаго мужа написать вексель, по которому все родовое имѣніе Славина должно достаться въ ея руки, такъ что Гриша остается нищимъ. Аркадій Дмитриевичъ умираетъ. Похоронивши отца, Гриша уѣзжаетъ съ Марьей Николаевной въ отцовское помѣстье. Старуха-мать злорадуется и извѣщаетъ его письмомъ о томъ, что имѣніе это она не замедлитъ отобрать у него по векселю; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, посылаетъ за приказнымъ, которому поручаетъ привезти векселемъ. Но тутъ оказывается, что документъ прѣвралъ изъ секретнаго ящика стараго бюро, ключъ отъ котораго старуха носила всегда при себѣ. Послѣ разказа о разныхъ негодныхъ дѣлахъ Дементія, тайна пропачи долговаго документа объясняется: Марья Николаевна случайно подслушала разговоръ Надежды Павловны съ подьячимъ; съкрыла вексель изъ бюро и сожгла его. Бюро принадлежало когда-то названному отцу Марьи Николаевны. «Отъ этого бюро было два ключа; — разсказываетъ она Гришѣ, — одинъ я отдала отцу, другой, какъ лежалъ въ моемъ сундукѣ, такъ и остался. Совѣтъ я про него забыла. А какъ нашла я его, такъ перекрестилась и уснокоилась: увидала, что Богъ пришелъ ко мнѣ на помощь». — «Отъ ко мнѣ пришелъ на помощь вашею молитвою, — молвилъ Славинъ». Марья Николаевна, свято исполнивши свой долгъ, пошла въ монастырь, гдѣ, вѣроятно, и покончила дни, не усомнившись ни разу относительно достоинства своего поступка съ векселемъ. Передъ смертію Надежда Павловна примирилась съ сыномъ.

Повѣсть г-жи Толычевой написана прекрасно, съ полной задушевностію, составляющей отличительную черту этой писательницы. Самая покража векселя разсказана съ такимъ искреннимъ убѣжденіемъ въ правотѣ этого дѣянія, что не сразу даже сообразишь всей сущности дѣла. А какъ начнешь соображать, да разбирать; то сущность оказывается весьма серьезною. Во-первыхъ, оказывается, что люди образованные, религіозные, нравственные, даже высокобродѣтельные способны совершать кражи, призывая въ помощь Бога; что люди образцово-хорошіе могутъ воровать ради благихъ, по ихъ убѣжденію, цѣлей, т.-е. поступать согласно правилу, что «цѣль оправдываетъ средства». Таково наставленіе, таково поученіе, даваемое обществу, несомнѣнно, искренно-религіозною и нравственною писательницею, въ подкрѣпленіе къ той же идеѣ, выраженной въ романѣ г. Поздняка—*Дорогой цѣной*. Во-вторыхъ, если допустить предположеніе, что Марью Николаевну поймали бы съ личнымъ на мѣстѣ преступленія, которое, по разказу г-жи Толычевой, было совершено въ пятидесятыхъ годахъ, обвиняемую судили бы въ уѣздномъ судѣ и въ уголовной палатѣ. При наличности факта «кражи при помощи подобранаго ключа», Марью Николаевну непременно приговорили бы къ соответствующему наказанію, и

никакая сила не спасла бы ее отъ острога или отъ арестантскихъ ротъ. Тогда какъ на судѣ по благимъ уставамъ Императора Александра II никакой составъ присяжныхъ засѣдателей не сказалъ бы: да, виновна... И не дагъ бы онъ обвинительнаго приговора совѣмъ не потому, что одобрялъ бы правило, будто «цѣль оправдываетъ средства», а по инымъ, болѣе глубокимъ, нравственнымъ и гуманнымъ началамъ, не легко поддающимся точнымъ опредѣленіямъ, но живымъ въ сознаніи «общественной», народной совѣсти, по началамъ, не превращаемымъ ни въ общія правила, ни въ принципы, но душою чувствуемымъ при каждомъ данномъ случаѣ, — по тѣмъ именно неуволнимымъ началамъ, по которымъ г-жа Толычева сочла себя въ правѣ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ дѣянію, отъ котораго, при другихъ обстоятельствахъ, она отвергивается съ ужасомъ. Ошибка писательницы заключается въ томъ, что въ ея разсказѣ Марья Петровна совершаетъ кражу безъ малѣйшей поддержки со стороны нравственнаго чувства—совѣсти. Было бы много лучше, — и не было ничего неправдоподобнаго, — если бы Марья Петровна украла веселье съ полнымъ сознаніемъ дурнаго поступка, грѣха, послѣ тяжелой борьбы, если бы она потомъ всю жизнь замаливала этотъ проступокъ, омрачившій ея честную жизнь. Но г-жа Толычева разсказала только «былъ» и, очевидно, не желала ничѣмъ ее прикрашивать. Относительно такой точности въ передачѣ «дѣйствительныхъ событій» въ беллетристической формѣ можно сказать многое «за» и «противъ»; но на этотъ разъ мы вынуждены за недостаткомъ мѣста воздержаться отъ обсужденія этого вопроса, къ которому, по всей вѣроятности, будемъ еще имѣть случай возвратиться.

Князь Костя (повѣсть изъ пансіонской жизни) Кота Мурлыки весьма живо воспроизводитъ дѣтско-юношескій мірокъ, ютящійся въ частномъ закрытомъ заведеніи. Герой разсказа, пятнадцатилѣтній князь Костя, можетъ показаться нѣсколько неправдоподобнымъ своимъ исключительнымъ развитіемъ. Но авторъ не претендуетъ на повѣствованіе «были», къ тому же, очень часто болѣзненные дѣти отличаются выдающимся развитіемъ передъ сверстниками и, наконецъ, даже преувеличеніе авторомъ нравственной высоты мальчика не производитъ неблагопріятнаго впечатлѣнія, благодаря талантливости разсказа въ его дѣломъ. Князь Костя является въ пансіонѣ, порядочно-таки заброшенномъ въ нравственномъ отношеніи, посетелемъ и даже проповѣдникомъ высокой христіанской идеи братства, добра и правды, доведенной до евангельскаго идеала. На насмѣлки товарищей онъ отвѣчаетъ кротостью, на оскорбленія и зло—незлобностью и прощеніемъ; когда главный заводчикъ всего дурнаго въ заведеніи даетъ ему пощечину, князь Костя смиренно подставляетъ другую щеку. Лучшіе ученики рѣшаютъ, что Костя «не тотъ міра сего». Онъ такимъ и есть на самомъ дѣлѣ. Если бы врожденное предрасположеніе къ чашоткѣ не свело его въ слишкомъ раннюю могилу, изъ Кости могъ бы выйти настоящій подвижникъ; много мѣста онъ не нашелъ бы для себя въ какомъ человѣческомъ обществѣ, но крайней мѣрѣ, въ такомъ, гдѣ идеалы евангельскіе остаются не перенесенными въ практическую жизнь и считаются пока недостижимыми во всеобщемъ обиходѣ. «Не судите», — говоритъ онъ мальчикамъ, возмущающимся дурными поступками товарищей. Мѣстами въ его дѣлахъ проглядываетъ даже извѣстное ученіе «о несопротивленіи злу». Теоретически князь Костя идеалецъ, практически—онъ невозможенъ и, какъ типъ, мало правдоподобенъ.

Равнымъ образомъ, намъ кажется преувеличеннымъ и представителемъ зла, мальчикъ-материалистъ Кудиновъ. Но, повторяемъ, въ прекрасномъ разсказѣ преувеличенія много сглаживаются, и передъ читателемъ проходятъ, какъ живыя, картины пансіонскаго быта.

Статья Д. В. *Государственный сословный кредит (Русскій Вѣстникъ, июнь)* высказываетъ ожиданія и пожеланія всякихъ благъ для государства, долженствующихъ произойти отъ организаціи кредита на началахъ сословности. Пожеланія мы вполне раздѣляемъ, что же касается ожиданій, то нашъ взглядъ на нихъ высказанъ уже въ нашихъ „внутреннихъ обзорѣніяхъ“ (май и июнь); при своемъ мнѣніи мы и останемся до тѣхъ поръ, „пока противное не будетъ доказано“ фактами. Но авторъ вышеуказанной статьи не ограничивается выраженіемъ упованій и благожеланій. Онъ идетъ дальше въ область законо-проектурства, и въ этой-то экскурсіи въ будущее, незамѣтно для него самого, впадаетъ въ противорѣчіе съ нимъ же самимъ высказаннымъ и приближается къ заявленному нами мнѣнію, что „закладъ имѣній“ въ какомъ бы-то ни было кредитномъ учрежденіи не „упрочиваетъ землевладѣнія въ однѣхъ рукахъ, а, наоборотъ, мобилизуетъ его и дѣлаетъ недвижимое имѣніе какъ бы движимымъ“ («Внутр. обзор.» *Русской Мысли*, май). И вотъ, сознавая, что даже дворянскій банкъ не въ состояніи удержать „дворянскихъ“ имѣній отъ перехода въ чужія руки путемъ продажи за долгъ банку, или за частные долги, или же просто по желанію собственника, авторъ считаетъ „полезнымъ“ установить закономъ, чтобы дворянское имѣніе, размѣрами соответствующее цензѣ мирового судьи, „становилось не дѣлимымъ и затѣмъ не подлежащимъ ни залогу, ни отвѣтственности по долгамъ“. То-есть авторъ желаетъ учрежденія очень мелкихъ майоратовъ и заповѣдныхъ имѣній, причѣмъ дѣлаетъ кое-какія довольно странныя оговорки; такъ, онъ заповѣданіе имѣнія допускаетъ лишь въ томъ случаѣ, если „на подобномъ владѣніи находится и усадьба собственника“, и допускаетъ продажу такого имѣнія „лишь лицу того же сословія при согласіи на то всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи“. Входить въ подробную оцѣнку этого проекта мы не станемъ; отмѣтимъ только, что „усадьба собственника“ упомянута тутъ, очевидно, не въ качествѣ постройки, а какъ указаніе на то, что дворянинъ-собственникъ живетъ въ ней. Но, во-первыхъ, ничто не мѣшаетъ ему уѣхать, во-вторыхъ, усадьба можетъ сгорѣть и не быть возобновленной, въ-третьихъ, она можетъ разрушиться отъ нерадѣнія владѣльца или неимѣнія средствъ ее поддерживать, какъ мы это видимъ на каждомъ шагѣ въ дѣйствительности. Кромя того, тутъ не договорено, позволительно ли будетъ отдавать въ аренду такое заповѣдное имѣніе; не выяснено, тѣмъ будутъ существовать дѣти владѣльца такого майората послѣ смерти родителя, когда имѣніе перейдетъ къ одному изъ братьевъ. Все это не додумано, не досказано, не согласно съ русскими обычаями и преданіями, это—англомакино. Но не въ этомъ одномъ суть статьи г. Д. В. Въ ея началѣ авторъ говоритъ о томъ, что государство „не можетъ и не должно оставаться безучастнымъ зрителемъ распредѣленія землевладѣнія, а также упадка производительности земли и благосостоянія населенія, вслѣдствіе неправильнаго распредѣленія поземельной собственности“. „Обращеніе дѣйствующихъ странъ въ пустыни, одичаніе людей и природы,—вотъ тѣмъ отвѣчаетъ жизнь на долгое бездѣйствіе законодательства въ угоду либеральнымъ теоріямъ“. „Жизнь дорого заставляетъ платить за нарушеніе своихъ коренныхъ

законовъ, а именно такое нарушеніе мы и встрѣчаемъ вездѣ, гдѣ разрушена исконная связь человѣка съ землей, гдѣ законодатель не затруднился во имя отвлеченныхъ началъ отнять послѣднее достояніе семьи. Противупоставленіе „коренныхъ законовъ жизни“, „отвлеченнымъ началамъ“ кажется намъ совсѣмъ удивительнымъ; мы всегда считали, что „коренные законы жизни“, вѣстѣ съ признаніемъ ихъ непреложности, получаютъ свое выраженіе, формулируются въ видѣ „отвлеченныхъ началъ“, а всякое „отвлеченное начало“, добытое теоретически и пріобрѣтшее неопровержимость путемъ провѣрки его жизненной практикою, пріобрѣтаетъ значеніе „кореннаго закона жизни“, а до тѣхъ поръ это не будетъ „отвлеченное начало“, а будетъ только измышленіе, практикою не провѣренное и „началомъ“ или принципомъ не могущее почитаться и называться. Вслѣдъ за выписанными угрожающими положеніями авторъ говорить о крѣпостномъ правѣ въ Галиціи: „Мы должны признать, что оно имѣло одно существенное преимущество сравнительно съ нынѣшнимъ порядкомъ; помѣщикъ вынужденъ былъ, по крайней мѣрѣ, заботиться о благосостояніи крестьянина уже потому, что обязанъ былъ кормить его въ неурожайный годъ, да отъ истощеннаго крестьянскаго двора не могъ получить и слѣдовавшей ему работы; такимъ образомъ, даже при наихудшихъ крѣпостныхъ отношеніяхъ помѣщикъ заботился о крестьянахъ не менѣе, чѣмъ о другихъ частяхъ своего живаго инвентаря“. Вотъ какъ чудесно было при крѣпостномъ правѣ „въ Галиціи“; теперь же стало не въ примѣръ хуже, такъ стало плохо, что,—по словамъ автора,—„ученые, серьезно изучившіе этотъ вопросъ, должны были съ презрѣніемъ отвернуться отъ благъ, которыя сулила поверхностная теорія, не выдержавшая и полувѣковаго испытанія; они естественно должны были обратиться къ тѣмъ странамъ дальняго Востока, гдѣ законодателью удалось установить поземельные порядки, сохранившіеся въ теченіе многихъ столѣтій и, притомъ, обезпечившіе благоденствіе народа и охраненіе производительныхъ силъ земли“. „Все сказанное мы испытали за двадцатичетырехлѣтній періодъ въ Россіи“, — заключаетъ авторъ и переходитъ къ изображенію того грустнаго положенія, въ какое, по его мнѣнію, пришли земледѣльческій и помѣщичій классы въ Россіи за этотъ періодъ времени. Какъ поправить дѣло, авторъ пока не говоритъ вполне опредѣленно. На сословно-дворянскій банкъ, какъ мы указали выше, онъ возлагаетъ весьма условную надежду, лишь какъ на временную поддержку дворянамъ-помѣщикамъ; о заповѣдныхъ имѣніяхъ и майоратахъ въ 400—500 дес. говоритъ какъ-то не полно и не рѣшительно; о крестьянскомъ банкѣ говоритъ вскользь и не возлагаетъ на него большихъ надеждъ, находитъ даже полезнымъ слить его во-едино съ дворянскимъ банкомъ, что можетъ на практикѣ оказаться его полнымъ упраздненіемъ. И такъ, что же можно и должно сдѣлать для того, чтобы не дойти до положенія, до котораго дошло дѣло въ Галиціи? „Обратиться къ странамъ дальняго Востока“, слѣдомъ за серьезными „учеными“, какъ высказано авторомъ? Но это крайне неопредѣленно; къ какимъ странамъ, зачѣмъ, собственно, слѣдуетъ къ нимъ обращаться, что именно желательно у нихъ заимствовать? Все это не досказано, точно будто человѣкъ говорилъ-говоришь, да на полсловъ отчего-то и поперхнулся. Впрочемъ ясно изъ приведенной фразы объ обращеніи къ Востоку можно уразумѣть лишь одно, это—начало возникновенія у насъ какихъ-то „восточниковъ“, подобно тому, какъ въ былые годы появились „западники“. Тѣ указывали намъ въ ту сторону, въ которую двигалось „великое переселеніе народовъ“; куда же могутъ

указать „восточники“? Очевидно, въ противоположную, то-есть „вертай назадъ“. Эхъ, не сыграть бы этимъ поворотомъ фронта на Востокъ въ руку тѣмъ, кто раньше насъ провозгласилъ „Drang nach Osten“, только въ совѣмъ иномъ смыслѣ и съ совершенно иными цѣлями! Въ данномъ случаѣ умѣстно припомнить старый завѣтъ нашихъ отцовъ молодымъ людямъ: „играй, да не отыгрывайся, пей, да не опохмѣляйся“.

Наблюдатель, апрѣль, май и июнь. Въ майской книжкѣ журнала законченъ романъ г. Вологодина: *По градамъ и весямъ*, съ первою половиною котораго мы познакомили читателей въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» IV кн. *Русской Мысли*. Въ подзаглавіи пояснено, что повѣствованіе г. Вологодина взято «изъ исторіи нашего времени». Намъ казалось бы болѣе правильнымъ подзаглавіе: «изъ недавняго прошлаго»,—такъ, прииѣрно, лѣтъ за двадцать назадъ. Тогда, дѣйствительно, можно было встрѣтить немало людей вродѣ героя романа Верюгина, посвящавшихъ свои досуги «развиванію» провинціальныхъ барышенъ. Въ «наше время», т.-е. «въ теперешнее», такіе «развиватели» перевелись даже въ отдаленныхъ захолустныхъ уголкахъ,—потому ли, что пропала охота развивать, или уже развивать стало некого, рѣшать не беремся. Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было, типъ «развивателя» шестидесятыхъ годовъ представляетъ собою много интереснаго и остается до сихъ поръ почти нетронутымъ въ нашей литературѣ, хотя изображать его брались очень многіе. Но, сколько намъ припоминается, дѣлалось это всегда тенденціозно въ ту или другую сторону. Одни писатели представляли «развивателей» какими-то «богопротивными козлицами», забравшимися въ плохо оберегаемые огороды и производящими въ нихъ безчистства; другіе изображали ихъ чѣмъ-то вродѣ ходячей прописи, начинающейся афоризмомъ: «ученье свѣтъ, а неученье тьма». Въ первомъ случаѣ все клонилось къ опороченію «развивателей» и «дѣтей», во второмъ—къ посрамленію «отцовъ». Теперь, когда самый типъ развивателя, послѣ нѣсколькихъ видоизмѣненій, уже исчезъ, можно было бы отнестись къ нему вполне объективно и правдиво, безъ дѣтскихъ пріемовъ идеализированія или окаррикатуриванія, ни къ чему не ведущихъ и возбуждающихъ только смѣхъ надъ усиліями авторовъ писать, вмѣсто романовъ, трактаты въ лицахъ на заданную тему. Г. Вологодинъ попытался, повидному, выполнить именно эту задачу. Онъ не справился съ нею; но, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не сочувствовать его задачѣ; а искренность и теблота чувства,—правда, наивная нѣсколько,—проявленная авторомъ въ заключительныхъ страницахъ его произведенія, рѣшительно подкупаетъ и обезоруживаетъ критика. Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ землемѣръ Верюгинъ странствовалъ по помѣщичьимъ усадьбамъ и «развивалъ» барышенъ и гимназистовъ, и о многихъ «сизъ своихъ знакомыхъ онъ могъ сказать: однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече. Сталъ онъ считать ихъ и многихъ не досчитался: одни погибли въ житейскомъ бою, другіе «измѣнили и продали шпагу свою». Но самъ Верюгинъ, «попрежнему, силенъ, бодръ, полонъ энергіи и отваги. Многіе изъ его знаковыхъ, «сдавшихся на капитуляцію», говорили ему, что онъ занимается сизифовой работой, но онъ возражалъ имъ, что это не сизифова работа, а движеніе впередъ шагъ за шагомъ, съ нешзбѣжными остановками и перерывами, которые въ свое время должны наверстаться. Верюгинъ не могъ упасть духомъ потому, что глубоко вѣрилъ въ силу и въ торжество мысли». Однако, и на Верюгина находили

иногда минуты тяжелого сомнѣнья и раздумья. И вотъ въ одну изъ такихъ-то минутъ видитъ онъ сонъ... Кладбище, могилы, въ нихъ лежатъ «живые покойники», изъ тѣхъ, что продались и капитулировали. Всѣ они протягиваютъ къ нему руки, хотятъ схватить и уложить съ собою въ этомъ «мертвомъ царствѣ»... «Но вдругъ вдали, сквозь сумракъ ночи, онъ видитъ какое-то голубоватое сіяніе и слышитъ несущіеся оттуда отрадныя, мелодическіе звуки, такіе мощныя, такіе прекрасныя, что и царь Саулъ заслушался бы ихъ». Въ фигурѣ, окруженной яркимъ свѣтомъ, онъ узнаетъ свою мать. «Спаси! Не дай погибнуть твоему сыну въ этомъ ужасномъ мертвомъ царствѣ! Дорогая моя! Выведи меня отсюда... Мама! Мама!»— шепчетъ онъ довѣрчиво и ласково, какъ, бывало, шепталъ еще въ дѣтствѣ, пробуждаясь отъ страшнаго сна и прибѣгая къ ея заступничеству. Верюгинъ всталъ бодръ и свѣжъ. «Теперь надо снова приниматься за работу. Нельзя опускать руки!»—говорилъ онъ себѣ, выходя изъ дома. «Черезъ часъ онъ уже былъ въ одномъ изъ дальнихъ петербургскихъ предмѣстій, гдѣ дымятъ высокія фабричныя трубы и гдѣ толпы закованныхъ рабочихъ встрѣчаются на улицѣ. Утро было ясное. Верюгинъ быстро шелъ, бодро смотря впередъ, въ даль, сіявшую золотомъ солнечныхъ лучей. И мнилось ему, что надъ міромъ восходитъ солнце, блестящее и ярче того, что теперь поднималось надъ городомъ. То солнце лило на міръ потоки свѣта и тепла, озаряя своими веселыми лучами города и веси, проникая въ самыя дѣкія, глухія дебри и повсюду,—по всему лицу земли,—разливая жизнь и счастье». Таковы заключительныя страницы и слова романа. Мы сдѣлали эту выписку, дабы читатель могъ самъ посудить, почему у насъ рука не поднимается жестко отнестись къ этому произведенію г. Вологодина. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ своею обязанностью сказать, что автору совсѣмъ не удалось личность его героя, вышедшая безцвѣтною, блѣдною, даже не живою. Не удалось ему и многія другія лица, въ особенности же настоятеля монастыря,—такого кулака, по описанію автора, что не уступить онъ ни Разуваеву, ни Дерунову. Этотъ святой мужъ спаваетъ водкой всю округу. Бываютъ ли такіе игумены, мы не знаемъ, сами не видывали и не слыхивали про что-либо подобное. Намъ сдается, что и г. Володинъ тоже не видалъ, а просто сочинилъ наугадъ. Про монастыри онъ слышалъ звонъ, но сущности его не уразумѣлъ,—не понималъ, что если бываетъ эксплуатація населенія монастырями, то ведется она не въ такой грубо-кулацкой формѣ и безъ помощи кабака. Слабо и шаблонно вышло описаніе земскаго собранія и еще кое-что, но есть хорошія, тепло написанныя мѣста, выкупающія многое.

Иначе приходится отнестись къ скучной и крайне плохой компиляціи г. Мордовцева, названной имъ «историческимъ романомъ»: *Похороны*. Никакого романа тутъ и въ поминѣ нѣтъ. Это—рядъ произвольно взятыхъ и ничѣмъ между собою не связанныхъ рассказовъ изъ временъ малолѣтства Петра I, правительствованія царевны Софьи, молодости Петра и т. д. Авторъ охотно останавливается на сценахъ убійства и проявленій всякой дикости и звѣрства и въ изображеніи сихъ послѣднихъ не особенно строго придерживается исторической правды, еще же менѣе правды художественной. Онъ недостаточно объективенъ и, увлекаемый чувствомъ нелюбви къ тому или другому историческому дѣятелю, не стѣсняется уже въ искаженіи неприятныхъ ему личностей и даже событій. Въ этихъ, случаяхъ г. Мордовцевъ изыскиваетъ грубыя выраженія, наиболѣе,

по его мнѣнію, крѣпкія слова, проявляетъ, вообще, какой-то задоръ, неприличный бытописателю. Въ июньской книжкѣ журнала повѣствованіе доведено до празднествъ въ Москвѣ по случаю взятія Азова и до ареста Циклера. Шестая глава второй части романа носитъ странное заглавіе: «Тріумфальные порты». Авторъ поясняетъ, что «тогда такъ выражались», т. е. ворота называли «портами». Петръ дѣйствительно такъ выражался въ письмѣ къ Виніусу, но теперь — то никто уже не выражается и «портами» называютъ не ворота, почему и вышеприведенное заглавіе мы находимъ неудачнымъ, а дальнѣйшіе каламбуры, изъ него вытекающіе, считаемъ каламбурами дурнаго тона. Описаніе тріумфальной арки и торжественнаго вступленія войска, одержавшаго первую важную побѣду, дышетъ странною злобою и къ аркѣ, и къ тѣмъ, кто ее соорудилъ, и кто пришелъ смотрѣть на торжество. «День выдался хотя свѣжій, — пишетъ авторъ, — но ясный, и потому вся Москва высыпала изъ домовъ, изъ церквей, монастырей, изъ царевыхъ кабаковъ, изъ охотныхъ, голичныхъ, сундучныхъ, юхотныхъ, лоскутныхъ и безчисленнаго множества иныхъ гостинныхъ, калачныхъ и обжорныхъ рядовъ и линий — ножовыхъ, перинныхъ и иныхъ, имъ же имена одна Москва вѣдаетъ. Вывалило населеніе всѣхъ слободъ и слободокъ — населеніе Куличекъ, Чигасовъ, Таганокъ, Вшивыхъ горокъ — населеніе оборванное, нечесаное, оголтѣлое, дикое, бабы и парни съ лотками, съ пирогами, квасами, бублийницы, кислещейницы, сачники, сбитенщики, печеночники, — все валяло посмортѣть на невиданные «тріумфальные порты». Говоръ среди этой оголтѣлой толпы шель невообразимый, невѣроятный, какой только возможенъ среди дикаго народа, для котораго земля на трехъ китахъ стоитъ...» Нечего, кажется, и настаивать на томъ, насколько исторически невѣрна такая картина; всякій грамотный чело-вѣкъ, способный прочесть этотъ наборъ словъ, самъ понимаетъ, что невиданное зрѣлище всегда и вездѣ является праздникомъ для народа, что побѣда надъ басурманами и, особенно, надъ крымскими татарами, набѣги которыхъ были еще очень свѣжи въ памяти москвичей, была въ то время большимъ и всенароднымъ праздникомъ; не нужно быть историкомъ, чтобы знать, что населеніе Москвы не могло идти на такой праздникъ «оборваннымъ, нечесаннымъ, съ лотками, пирогами, квасами», съ бубликами и вареною печенкою... Ясно, что г. Мордовцевъ злитъ за что-то и старается всячески обозвать москвичей, заимствуя приемы и слова отъ иныхъ передовыхъ статей газетъ извѣстнаго направленія, называющихъ «нечесаную и оголтѣлую» всякую толпу, изъ кого бы она ни состояла, если эта толпа идетъ на торжество, почему-либо не пользующея сочувствіемъ такихъ газетъ. И наоборотъ, всякая толпа, хотя бы состоящая изъ растрепанныхъ до дикости мясниковъ, въ пылу полемики представляется извѣстнаго рода публицистами и стройною, и разумною, чуть ли даже не величественною въ своей страстности. Такъ же точно поступаетъ и г. Мордовцевъ. Да посудятъ читатели сами: «Вотъ показала голова тріумфальнаго шествія... Какъ все это было дѣтски-наивно, грубо, аляповато! Какъ не похоже на тріумфальныя шествія римскихъ побѣдителей, когда за колесницей тріумфатора по заста via вели скованныхъ царей, какого-нибудь Югурту, а за ними тысяча плѣнныхъ для растерзанія ихъ звѣрями въ Колизеѣ, и когда тріумфаторъ вступалъ не въ деревянные, сколоченные костромскими плотниками «порты», размалеванные охрой и суримомъ, а въ великолѣпныя арки изъ каррарскаго или

пентелискаго мрамора съ художественными барельефами и со всемірнымъ клеймомъ власти—S. P. Q. R.—*senatus populus que romanus!*—страшное тавро владычества надъ вселенною! А тутъ что-то дѣтское и неизящное». И такъ, по г. Мордовцеву, выходить, что толпа римской черни, ликующая, когда ведутъ тысячи плѣнныхъ на растерзаніе звѣрей ради потѣхи этой толпы, представляетъ собою зрѣлище величественное и изящное, а русскій народъ, собравшійся смотрѣть на побѣдные трофеи своего молодого царя,—дикая, оголтѣлая толпа, нечесаная, оборванная и галдящая невообразимыя и невѣроятныя глупости! Да, и мы, слѣдомъ за г. Мордовцевымъ, скажемъ: «какъ дѣтски-наивно, грубо и аляповато» такое историческое повѣствованіе! Авторъ съ восторгомъ говоритъ о римскомъ триумфаторѣ въ его раззолоченной колесницѣ и вотъ какъ описываетъ вступленіе въ Москву русскихъ триумфаторовъ: «Впереди, восьмеркою коней цугомъ, волокли раззолоченные сани на колесахъ, а въ саняхъ важно возсѣдалъ триумфаторъ, генералиссимусъ и бояринъ Алексѣй Степановичъ Шейнъ, сверкая золотымъ шитьемъ кафтана и серебряною бородою. Триумфаторъ скорѣе походилъ на икону «Микола-чудотворца», везомую въ Чудовъ монастырь, чѣмъ на героя. За первыми санями волокли вторыя, такія же пышныя, раззолоченныя. Въ нихъ сидѣлъ Лефортъ; видно было, что со стыда онъ готовъ былъ сквозь землю провалиться: такъ совѣстно ему было играть дурацкую роль; но что подѣлаешь съ царемъ? Онъ такой былъ охотникъ до потѣхъ съ дѣтства—такимъ и остался. Но онъ, этотъ охотникъ до потѣхъ, умелъ: онъ не захотѣлъ самъ играть дурацкой роли въ этой процессіи, ибо она напоминала ему картину, какъ мыши kota хоронятъ. Онъ шелъ пѣшкомъ за санями Лефорта, и не какъ царь, а какъ простой капитанъ Петръ Алексѣевъ». Мы не знаемъ, откуда взялъ г. Мордовцевъ, будто Лефортъ такъ застыдился, что «готовъ былъ провалиться сквозь землю»: заимствовалъ ли историкъ это свѣдѣніе изъ какого-либо источника, или выдумалъ самъ,—поэтому и оставляемъ извѣстіе о стыдливости Лефорта на отвѣтственности автора. Намъ же кажется, что ни Шейнъ, ни Лефортъ, сидя въ раззолоченныхъ саняхъ, не играли никакой дурацкой роли, во всякомъ же случаѣ отнюдь не болѣе дурацкую, чѣмъ Марій на своей золоченой колесницѣ, за которою въ золотыхъ цѣпяхъ шелъ измѣннически захваченный Югурта, или чѣмъ цезарь, передъ колесницею котораго солдаты воспѣвали не одни военные подвиги триумфатора. Неправдоподобно и то, будто Петръ потому не занялъ выдающагося мѣста въ торжественномъ шествіи, что не захотѣлъ «самъ играть дурацкой роли въ процессіи, напоминавшей ему картину, какъ мыши kota хоронятъ». Во-первыхъ, то, что кажется столь «дурацкимъ» г. Мордовцеву, не могло казаться такимъ никому изъ участниковъ торжества, ни ихъ современникамъ—русскимъ и иноземцамъ безразлично; во-вторыхъ, «процессія» едва ли могла напоминать указываемую авторомъ картину, въ то время еще несуществовавшую. Приверженцы старины, по всей вѣроятности, скандализировались всѣми этими новѣшествами не менѣе г. Мордовцева, вѣроятно, высказывались о нихъ въ томъ же духѣ и тонѣ, въ какихъ дѣлаетъ это теперь авторъ романа *Похороны*. Для нихъ всѣ эти триумфальныя и слѣдовавшія за ними шутовскія процессіи «всепьянѣйшаго собора» были далеко не «дурацкою» потѣхою; они хорошо понимали, что это дѣйствительныя *похороны* дорогой имъ старины. И Петръ отлично зналъ, что дѣлаетъ своими «потѣхами» не шутовское дѣло, а очень серьезное. Если этого не знаетъ и не понимаетъ г. Мордов-

цевъ, тѣмъ хуже для него; а еще того хуже, если и понимаетъ, и знаетъ, и, все-таки, искажаетъ исторію, придаетъ умышленно ложное толкованіе событіямъ, представляетъ ихъ въ ложномъ свѣтѣ и вводитъ въ заблужденіе часть читающей публики, ради своихъ цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго ни съ историческою наукою, ни съ задачами художественности.

«Грубы были и празднества дикаря, — говоритъ авторъ. — Но они не были возмутительны, а только смѣшны, какъ вообще смѣшенъ дикарь, надѣвающій на голое тѣло фракъ». «Нахватавшись верхушекъ цивилизаціи, державные и полудержавные дикари чувствуютъ уже себя «новыми людьми» и бросаются, сломя голову, въ отрицаніе старины, — своего рода нигилизмъ. Первымъ русскимъ отрицателемъ является Петръ, а за нимъ всё эти Алексашки, Мибитки, Борьки, Федьки. И самые первые нигилистическіе подвиги ихъ являются въ осмѣяніи старины, обряда, внѣшности. Сущіе Базаровы! Авторъ не сообразилъ всего комизма того противорѣчія, въ которое впалъ онъ этою выходкою: съ одной стороны, Петръ Великій — дикарь и «только смѣшонъ», съ другой — онъ отрицатель, нигилистъ, сущій Базаровъ! Какой сущій вздоръ обскурантно-ретрограднаго пошиба! Таковъ характеръ всего «историческаго романа» г. Мордовцева, составленнаго изъ обрывковъ исторіи, сшитыхъ на живую нитку и переплетенныхъ собственными, весьма смѣхотворными измышленіями автора.

Въ разсматриваемыхъ трехъ книжкахъ *Наблюдателя* помѣщена статья А. В. Старчевскаго: *Александръ Васильевичъ Дружининъ (изъ воспоминаній стараго журналиста)*. Какъ матеріалъ для біографіи, эта статья имѣетъ несомнѣнное значеніе, хотя матеріалъ этотъ нѣсколько одностороненъ. Литературная извѣстность далась А. В. Дружинину сразу, благодаря первому, юношескому его произведенію, повѣсти *Полиньки Саксъ*. Всѣхъ заинтересовала личность автора. «Послѣ того какъ узнали, что этотъ самый рыцарь никто иной, какъ очень юный гвардейскій офицерикъ, — смазливый, деликатный, съ вѣчно опущенными глазами, вѣчно застѣнчивый и пугливый, — Дружинину открыты были двери всѣхъ гостинныхъ, салоновъ и будуаровъ». «При такихъ благоприятныхъ условіяхъ Дружининъ съ его мягкими манерами, безыскусственнымъ краснорѣчіемъ, вкрадчивостью и впечатлительностью фотографическаго негатива»... и т. д. Такими мало опредѣленными штрихами набрасываетъ г. Старчевскій эскизный портретъ Дружинина. Его *Полиньку Саксъ* онъ довольно мѣтко называетъ «литературнымъ волчкомъ, надѣлавшимъ столько шума», главнымъ образомъ, потому, что пущенъ былъ этотъ *волчекъ* въ особенно благоприятное время. «По своему воспитанію, — говоритъ г. Старчевскій, — Дружининъ былъ пажъ, такъ и остался пажемъ въ обществѣ, пажемъ въ кругу дамъ, пажемъ въ литературѣ и въ чемъ угодно. По своему сложенію, онъ былъ тщедушень, слабъ здоровьемъ и лишенъ всякой энергіи». По виду и манерамъ «нѣкоторые считали его аристократомъ; но въ Дружининѣ не было ничего истинно аристократическаго; въ немъ все было — *imitation*, накладное, какъ бываетъ накладное серебро». Первый литературный успѣхъ открылъ Дружинину не только двери салоновъ и будуаровъ, но и редакцій всѣхъ журналовъ. Молодой писатель избралъ *Современникъ*. «Его приняли, — рассказываетъ г. Старчевскій, — съ открытыми объятіями, приютили и стали готовить его къ литературной дѣятельности въ томъ духѣ, въ какомъ уже велся этотъ органъ». Но изъ этого ничего не вышло: Дружинину не по характеру была тенденціозность; онъ пред-

почиталъ служеніе «искусству для искусства» и остался вѣренъ ему до конца жизни. Въ *Современникъ*, подъ псевдонимомъ Ивана Черюкнижника, онъ велъ съ большимъ успѣхомъ отдѣлъ «литературнаго фельетона», озаглавленнаго: *Письма иногородняго подписчика*. Г. Старчевскій редактировалъ въ это время *Библиотеку для Чтенія* Сенковского. Черезъ Е. Н. Ахматову Дружинину предложено было перейти въ *Библиотеку для Чтенія*, и онъ согласился. «Мы съ Е. Н. Ахматовой ожидали отъ этого для *Библиотеки для Чтенія* золотыхъ горъ,—замѣчаетъ авторъ *Воспоминаній*,—но ни мои, ни ея надежды и ожиданія не оправдались. Дружининъ не такой былъ сотрудникъ, чтобы поднять журналъ. Липнувши его, *Современникъ* тоже не много потерялъ». Въ *Воспоминаніяхъ* г. Старчевскаго встрѣчается много поучительнаго для писателя, журналиста и редактора. Къ сожалѣнію, мы лишены возможности останавливаться на всемъ, что намъ кажется даже особенно характернымъ. Въ 1856 году г. Старчевскій предпринялъ изданіе еженедѣльной газеты *Сынъ Отечества* и оставилъ редактированіе *Библиотеки для Чтенія*, которое перешло къ Дружинину. Въ апрѣлѣ того же года онъ былъ оффиціально утвержденъ редакторомъ, по просьбѣ собственника-издателя В. П. Печаткина. «Теперь,—пишетъ г. Старчевскій,—спустя двадцать лѣтъ, когда и Дружинина нѣтъ болѣе на свѣтѣ, когда и *Библиотека для Чтенія* давнымъ давно похоронена, мы можемъ сказать, что Дружининъ, какъ редакторъ толстаго журнала, не оправдалъ надеждъ», на него возлагавшихся. «Онъ оставилъ журналъ въ плачевномъ состояніи по числу подписчиковъ и самому неопредѣленному направленію и передалъ его въ совѣтъ неумѣлыя руки Писемскаго, который вогналъ бѣдную *Библиотеку для Чтенія* въ окончательную чахотку»... «Но за Дружининимъ всегда останется великая заслуга» — основаніе имъ общества «литературнаго фонда». Г. Старчевскій признаетъ за Дружининимъ очень большой талантъ, которому многія обстоятельства не дали развиваться въ надлежащую мѣру, первѣе же всего слишкомъ ранній и несоизданный успѣхъ, неподготовленность, недостаточность образованія, которое одно *даетъ талантамъ—широкій полетъ*.

Изъ оригинальныхъ статей заслуживаетъ полнаго вниманія *Колонизація Кавказа* К. М. Бороздина, человѣка, превосходно знакомаго съ краемъ и способнаго вѣрно опредѣлить его нужды и указать лучшіе способы къ ихъ удовлетворенію. Главнымъ препятствіемъ къ заселенію Кавказа и Закавказья русскими колонистами являются, по мнѣнію автора: канцелярищина, бюрократическія бревна, подсовываемыя въ колеса всякому частному начинанію, административная регламентація, придумавшая размежеваніе пустопорожныхъ земель и не допускающая кого бы то ни было селиться на нихъ ранѣе окончанія этого размежеванія, и т. под. тормазы, заставляющіе пропадать въ пустѣ богатѣйшую и благодатѣйшую въ мірѣ страну. Извѣстныя разсужденія, что «колонизировать этотъ край русскимъ населеніемъ нельзя, такъ какъ русскіе неспособны де къ этому дѣлу», опровергаются имѣющимися въ наличности цвѣтущими колоніями русскихъ переселенцевъ. Молоканскія селенія просто поражаютъ туриста: «Передъ нимъ выступаютъ ряды крѣпко, прочно построенныхъ красивыхъ домовъ съ чистыми, опрятными свѣтлицами; въ быту и въ обиходѣ ихъ хозяевъ на всемъ лежитъ отпечатокъ полнаго довольства. Все образцово. Телѣга,—такъ такая, что лучше не найдешь; конь такой-же—

сытый, коренастый; скотина гладкая; сквердовъ хлѣба вдоволь. Сердце радуется, глядя на такое благообразіе своего роднаго, русскаго; въ немъ чувствуется сила, трезвость и изобиліе. Встрѣчая молокана съ его солидной упряжкой на большой дорогѣ мусульманскихъ провинцій, такъ и видишь, что вотъ онъ-то и есть настоящій тутъ хозяинъ». Такое же отрадное впечатлѣніе производятъ поселенія духоборцевъ. Всѣ эти русскіе люди были насильственно оторваны отъ своихъ родныхъ мѣстъ и «сосланы» на пустыри, «поставлены были въ самыя неблагопріятныя условія, ихъ не баловали и лишь не мѣшали имъ устраиваться, какъ они захотятъ, не навязывали имъ никакихъ канцелярскихъ регламентацій, дали просторъ внутренней силѣ ихъ ассоціацій, — и они достигли цвѣтущаго состоянія». И такъ, что же нужно, прежде всего, для успѣшной колонизаціи Кавказа? Кажется, ясно: нужно только не мѣшать ему. «А куда, — говоритъ авторъ, — крестьянъ нашихъ не только туда не приглашаютъ, а просто не пускаютъ, и въ прошломъ еще году одного изъ вожаковъ крестьянскихъ засадили въ острогъ, какъ безпаспортнаго, и выслали по этапу на родину». Надо полагать, что послѣ этого не только у его односельцевъ, но и въ цѣлой округѣ, пропала охота искать «новыхъ мѣстъ» на Кавказѣ, и потянулись переселенцы въ Томскую губернію, колонизація которой, во-первыхъ, никогда отъ насъ не уйдетъ въ свое время, а, во-вторыхъ, никогда не можетъ представить такихъ выгодъ для государства, какія дало бы очень быстро заселеніе русскими колонистами черноморскаго побережья, Закавказья и вновь соединенной Карской области.

Иностранные журналы.

„Deutsche Rundschau“. — „Westermanns illustrierte deutsche Monats-Hefte“. — „Unsere Zeit“. — „Nord und Süd“. — „Ateneum“. — „Biblioteka Warszawska“. — „Przegląd Tygodniowy“.

Deutsche Rundschau. Май. Эрнестъ Курціусъ считается въ Германіи лучшимъ знатокомъ греческой исторіи. Его исторія Греціи переведена на русскій языкъ. Въ торжественномъ засѣданіи берлинскаго университета онъ произнесъ рѣчь *О десятины*. Этотъ древнѣйшій налогъ, первоначально взимавшійся въ пользу храмовъ, а потомъ и въ пользу государства, разсматривается Курціусомъ, какъ установленіе, встрѣчающееся у всѣхъ народовъ древняго міра. Какъ и всѣ рѣчи и публичныя лекціи нѣмецкаго историка, такъ и эта рѣчь отличается обиліемъ фразъ и скудостью фактовъ. Въ особенности Курціуса интересуетъ положеніе, выставленное имъ, что какъ въ финансовой, такъ и въ административной сферахъ порядки, выработанные жрецами, завѣдывавшими храмовыми имуществами, послужили образцомъ для свѣтскихъ правителей.

Г. Гижицкій разбираетъ въ этюдѣ *Дарвинизмъ и этика* этическихъ теорій различныхъ послѣдователей великаго естествоиспытателя, преимущественно англичанъ. Та часть, гдѣ авторъ излагаетъ взгляды Лесли Стифена, Спенсера, Джона Фиске, Эдифи Смикокъ и др., можетъ быть прочтена съ интересомъ и пользой. Собственныя возраженія г. Гижицкаго стоятъ на почвѣ нѣмецкой философіи и вся его полемика съ Гербертомъ Спенсеромъ состоитъ въ повтореніи уже давно избитыхъ аргументовъ.

Июнь. Вступительная лекція Густава Кона въ Геттингенскомъ университетѣ *Политика и наука о государствѣ* составляетъ апологію государственныхъ и политическихъ наукъ въ виду нападокъ одного великаго государственнаго челоѣка (князя Бисмарка), заявившаго, что политика, вопреки мнѣнію профессоровъ, не наука, а искусство. Контъ рѣшаетъ вопросъ иначе; въ рукахъ Перикла политика искусство, а у Аристотеля она становится наукой.

Westermanns illustrierte deutsche Monats-Hefte. Май. Альфредъ Мейснеръ. Литературный очеркъ Леммермейера. Мейснеръ причисляется къ тѣмъ австро-нѣмецкимъ поэтамъ, которые среди всеобщей апатіи австрійскаго общества, подавленнаго деспотизмомъ католическаго духовенства, чиновниковъ, подъ гнетомъ цензуры сьумѣли сибло высказывать самыя либеральныя взгляды. Гриль Парцель, Ленау, Фердинандъ Раймундъ, Анастасій Грюнь, Карлъ Беккъ и Морицъ Гартманъ,—вотъ имена политическихъ лириковъ и представителей молодой Германіи въ меттерниковской Австріи, къ которымъ примыкаетъ Мейснеръ. Подобно тому, какъ Ленау въ *Саванароллѣ* и *Альбигойцахъ* изобразилъ борьбу съ католицизмомъ, такъ Мейснеръ развилъ тотъ же мотивъ въ поэмѣ *Жижка*. Особенно много сдѣлалъ для распространенія либеральныхъ идей этотъ живой и порывистый поэтъ своими романами, появляющимися почти ежегодно. Ненависть къ католицизму увлекаетъ его за предѣлы дозволеннаго и въ романахъ *Во славу Божію* и *Дѣти Рима* изображеніе католическаго духовенства становится карриатурой. Последнее сочиненіе Мейснера *Исторія моей жизни* не столько характеризуетъ внутреннее развитіе поэта, сколько даетъ много данныхъ для исторіи политическаго и литературнаго движенія съ начала 40-хъ годовъ.

Июнь. Соціологическій этюдъ Гаусгофера *Фантазія какъ социальная сила* затрагиваетъ любопытную область науки объ обществѣ, но авторъ ставитъ только вопросы и ничего не рѣшаетъ.

Unsere Zeit. Май. Россія и Англія на западъ центральной Азии Балъка. Для статьи авторъ пользовался, кромѣ другихъ источниковъ, русскими газетными извѣстіями изъ *Новаго Времени*, *Московскихъ Вѣдомостей* и *Кавказа*. Какъ и всѣ западно-европейскіе политики, авторъ приводитъ самыя дикіе отзывы Боденшедта, Головина о будущей азиатской политикѣ Россіи. Центр тяжести Россіи въ Азій перешелъ изъ Ташкента въ Тифлисъ. Кавказъ составляетъ базисъ будущаго міроваго владычества Россіи. Петербургъ—это временная столица; истинная столица Россійской имперіи—это Константинополь или Калькутта.

Июнь. Государственное развитіе Японіи проф. Браунса изображаетъ измѣненія, вслѣдствіе которыхъ надъ властью отдѣльныхъ князей Даймюсовъ возвысилась императорская династія, ведущая свой родъ отъ боговъ. Потому двѣ аристократическія фамиліи Таира и Минамото боролись изъ-за званія перваго министра Сеогуна. Должность Сеогуна была закрѣплена за домомъ Минамото и до 1868 года всѣ свѣтскія дѣла сосредоточивались въ рукахъ этого сановника, облеченнаго царскою властью. Переворотъ, произведенный нинѣшними микадо, кончился уничтоженіемъ званія перваго министра и прекратилось, такимъ образомъ, двоевластіе, отличавшее прежде государственный строй Японіи. Всѣ эти видоизмѣненія изложены Браунсомъ настолько подробно и полно, что читатель, незнакомый съ японской исторіей, можетъ получить изъ этой статьи желаемыя свѣдѣнія.

Норвежскій министр-президентъ Иоаннъ Свердрунъ Генриха Мартенса. Замятка о выдающемся норвежскомъ государственномъ чловѣкѣ вызвана недавними столкновениями между либеральной партіей и министерствомъ Сельмера. Свердрунъ, вождь либераловъ, самъ сталъ во главѣ министерства и добился еще большаго ограниченія королевской власти, такъ что Норвегію можно назвать теперь почти республиканскимъ государствомъ.

Nord und Süd. Июнь. Колонизація и климатъ Исидора Сойки. Въ виду современныхъ колонизаціонныхъ плановъ, которые имѣютъ главною цѣлью тропическія страны, Сойка разсматриваетъ климатическія условія, въ которыя становится европеецъ въ этихъ совершенно не соответствующихъ его родивъ знойныхъ частяхъ земнаго шара. Авторъ приходитъ къ убѣжденію, что при большой осторожности немного найдется такихъ пунктовъ на земномъ шарѣ, гдѣ бы чловѣкъ бѣлой расы не могъ акклиматизироваться. Но прибавимъ отъ себя, что указавя Сойки нисколько еще не рѣшаютъ вопроса о возможности колонизаціи тропическихъ странъ переселенцами изъ Европы. Иное дѣло, если приходится примѣнять всѣ гигиеническія предписанія къ отдѣльному лицу, и совершенно иной будетъ исходъ, если въ такую несвойственную среду попадутъ тысячи колонистовъ съ различными характерами и задатками. Подчинитъ ихъ всѣхъ однообразной санитарной дисциплинѣ составитъ задачу почти неразрѣшимую.—Дерптскій профессоръ Брикнеръ написалъ подъ заглавіемъ *Прогрессъ въ исторіи* изложеніе содержанія сочиненія г. Карѣва *Основные вопросы философіи исторіи*. О трудѣ г. Карѣва г. Брикнеръ отзывается съ большимъ уваженіемъ.

Ateneum. Pismo naukowe i literackie. Май. Г. Лебинскій изучаетъ въ статьѣ *Вои и рыцари польскіе* одну изъ важныхъ сторонъ въ развитіи общественныхъ и государственныхъ учреждений Польши. Военные люди изъ дворянъ въ древней Польшѣ назывались рыцарями, а въ позднѣйшее время, при появленіи наемныхъ солдатъ, къ рыцарямъ прибавились еще жолнеры. Оба эти названія нѣмецкаго происхожденія; настоящее польское наименованіе было затеряно и авторъ статьи доказываетъ, на основаніи филологическихъ соображеній, что въ самую раннюю эпоху польской монархіи существовали служилые военные люди, носившіе имя воевъ. Измѣненіе древне-польской военной системы и способа раздачи воинскихъ участковъ началось весьма рано—при Мечиславѣ I, подъ влияніемъ нѣмцевъ. Полякамъ пришлось убѣдиться, что съ воями, легко вооруженными и болѣею частью нѣщими, нельзя бороться съ закованной въ желѣзо рыцарской конницей нѣмцевъ. вмѣсто воевъ, поселенныхъ въ большихъ деревняхъ, стали размѣщать рыцарей въ отдѣльныхъ помѣщичьихъ усадьбахъ и понемногу рыцарство, въ особенности со временъ Болеслава Храбраго, вытѣсняетъ доморощенную милицію, т. е. воевъ. Позднѣйшее развитіе новой военной системы относится къ царствованію Болеслава Смѣлаго. Въ нѣкоторыхъ источникахъ замѣчается антагонизмъ между новымъ рыцарствомъ и потомками старыхъ воевъ. Скучность данныхъ не дозволяетъ подробно ознакомиться съ организаціей воевъ. Они дѣлились на десятины и дружины. Дружины, послѣ укорененія рыцарства, перестаютъ существовать и, вмѣсто нихъ, мы встрѣчаемъ рыцарскія хоругви. Изъ первоначальныхъ служилыхъ военныхъ кметовъ или воевъ, въ видѣ переживающихъ остатковъ, многіе вошли въ такъ называемую застѣнную шляхту и въ козачество.

Г. Кантетскій, на основаніи мемуаровъ Михаила Старженскаго, написанныхъ

по-французски, изображаетъ польское общество, преимущественно высшее, въ послѣдніе годы самостоятельнаго существованія Польши. Статья озаглавлена: *Панъ Стардстичъ Гжсанскій*. По рельефности и живости характеристикъ, очеркъ, помѣщенный въ *Атенеъ*, производитъ сильное впечатлѣніе. Авторъ такъ искусно сгруппировалъ факты, что читатель совершенно переносится въ ту эпоху.

Ранней весной 1733 года изъ познанской деревни, Большаго Иловца, выѣхали въ свѣтъ на поиски счастья младшіе сыновья помѣщика пана Бриштофа Старженскаго, Матвѣй и старшій его братъ, имя котораго неизвѣстно. Матвѣй не могъ получить отъ отца, человека зажиточнаго, значительныхъ денегъ на дорогу: у стараго владѣльца Иловца было шесть сыновей и четыре дочери. Но изъ школы отцовъ іезуитовъ 15-ти лѣтній юноша вынесъ основательное образованіе, въ особенности обширныя знанія въ области латинскихъ классиковъ, что въ соединеніи съ даровитостью и энергіей доставило Матвѣю Старженскому средства къ достиженію богатства и почестей. Отецъ автора мемуаровъ пріѣхалъ въ Бѣлостокъ къ графу Браницкому, могущественному магнату Рѣчи Посполитой. Вѣрный слуга Браницкихъ, Матвѣй дѣлается любимцемъ и ближайшимъ совѣтникомъ всемогущаго гетмана. Тутъ описанъ дворъ бѣлостокскій, который могъ соперничать съ дворами владѣтельныхъ князей нѣмецкихъ. Представлено подробно управленіе громадными имѣніями богача-магната, который могъ тягаться даже съ Радзивилломъ. Обширность хозяйства и сложность его достаточно характеризуются приведеніемъ двухъ слѣдующихъ фактовъ: у стараго Браницкаго, любителя лошадей, было особое стадо, на содержаніе котораго шли специально назначенные доходы; стадо состояло изъ 400 чистокровныхъ арабскихъ и турецкихъ лошадей. Особый начальникъ, называвшійся адмираломъ, капитанъ Отоцкій, завѣдывалъ цѣлымъ флотомъ изъ 20 большихъ судовъ въ имѣніи Тыкотинѣ и огромными амбарами, куда крестьяне Браницкаго свозили хлѣбъ. Ежегодно изъ адмиралтейства, подъ предводительствомъ Отоцкаго, флотъ съ хлѣбомъ отправлялся въ Данцигъ, гдѣ панскій хлѣбъ продавали и дѣлали закупки колониальныхъ товаровъ на весь годъ. Среди придворныхъ пажей, дворянъ, придворныхъ дамъ и дѣвицъ прошли молодые годы пана Матвѣя и онъ получилъ за свою службу званіе писаря короннаго войска и староство Бранское. Отъ брака съ замѣчательной красавицей, дочерью богатаго помѣщика Трембинскаго, во дворцѣ Браницкихъ, родился авторъ записокъ — панъ Михаилъ. Подробности его дѣтства и воспитанія, относящіяся уже ко времени послѣдняго польскаго короля Станислава Августа, занимаютъ много мѣста и представляютъ не меньшій интересъ, чѣмъ предъидущій рассказъ.

Очерки литературнаго движенія русиновъ. Анонимный авторъ начинаетъ рядъ статей о малороссійскомъ умственномъ движеніи. По заявленію редакціи, онъ принадлежитъ къ числу малороссовъ, участвующихъ въ самомъ движеніи. Въ настоящемъ номерѣ помѣщено начало зарожденія малорусской литературы и характеристика главныхъ писателей: Ботляревскаго, Василія Гоголя, отца автора *Мертвыхъ душъ*, Артемовскаго-Гулака, харьковскаго профессора и издателя *Украинскаго Вѣстника*, Григорія Квитки, профессора Бодянскаго, писавшаго подъ псевдонимомъ Исько Матерюки, Бостомарова и другихъ, мѣстѣ извѣстныхъ писателей.

Прежде чѣмъ перейти къ Шевченко, о которомъ будетъ рѣчь въ одномъ изъ

слѣдующихъ номеровъ, авторъ обращается къ той отрасли русинскаго племени, которая живетъ въ предѣлахъ австрійскаго государства, въ Галиціи, Буковинѣ и Венгріи. Императоръ Іосифъ II заботился о русинскомъ просвѣщеніи и основалъ въ 1783 году духовную семинарію въ Львовѣ, а въ слѣдующемъ году университетъ, гдѣ нѣкоторые предметы читались на русинскомъ языкѣ. Но послѣ третьяго польскаго раздѣла, въ провинціяхъ, предоставленныхъ Австріи, нѣмецкій элементъ сдѣлался господствующимъ. Народный языкъ былъ вытѣсненъ даже изъ первоначальныхъ школъ. Польская интеллигенція не понимала, какой вредъ для общества и для всей страны можетъ произойти отъ подавленія языка и отъбны различныхъ правъ русинской народности. Въ первой половинѣ XIX вѣка, не взирая на преслѣдованія австрійскаго правительства, начинается возрожденіе въ Галиціи русинской литературы. Во главѣ молодежи сталъ Маркіанъ Шашкевичъ, талантливый поэтъ и знатокъ народнаго языка. Въ соединеніи съ нѣсколькими писателями (изъ нихъ замѣчательны Николай Устіановичъ и Иванъ Вашлевичъ) онъ составилъ сборникъ отчасти изъ произведеній писателей своего кружка, а отчасти изъ народныхъ пѣсень подъ заглавіемъ *Русалка*. Сборникъ Шашкевича былъ запрещенъ правительствомъ австрійскимъ, а авторы и издатели подверглись преслѣдованію. Дѣло развитія народной русинской литературы въ Галиціи было въ полномъ застоѣ до 1848 года.

Biblioteka Warszawska. Май. Г. Лозинскій воспользовался книжкой Шеффле, дополнившаго въ нынѣшнемъ году свою прежнюю брошюру *Сущность социализма*, и въ статьѣ *Шеффле противъ Шеффле* разбираетъ не только новое произведеніе нѣмецкаго экономиста, но и вообще опровергаетъ ученіе социалистовъ. Возраженія автора не представляютъ ничего новаго и мы не будемъ ихъ приводить.

Przegląd Tygodniowy. Dodatek Miesięczny. Май. Въ статьѣ *Можно ли считать цивилизованныя общества организмами?* Станиславъ Крушинскій подвергаетъ подробному разбору социологическую теорію Герберта Спенсера, построенную на ученіи объ организмѣ. По его мнѣнію, округлыя формулы англійскаго философа представляютъ такія узкія рамки, что историческая дѣйствительность не можетъ въ нихъ уложиться и при первомъ соприкосновеніи съ нею мыльные пузыри тенденціозной логики Герберта Спенсера должны лопнуть.

Въ настоящемъ номерѣ Бигелейзенъ заканчиваетъ рядъ статей о борьбѣ Мицкевича съ классиками.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

журнала

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Желая по возможности облегчить своимъ подписчикамъ хлопоты по розысканію и приобрѣтенію книгъ, періодическихъ изданій и музыкальныхъ произведеній, контора журнала имѣетъ честь предложить имъ свое посредничество:

1) по покупкѣ и высылкѣ находящихся въ продажѣ русскихъ и иностранныхъ книгъ, а также и нотъ, причемъ пересылку контора журнала принимаетъ на свой счетъ;

2) по подпискѣ на русскіе и иностранные журналы и газеты и

3) по собиранію и сообщенію всякаго рода справокъ по книжному, музыкальному и типографскому дѣлу.

Примѣчаніе. Въ случаѣ прекращенія въ теченіе года какаго-либо періодическаго изданія, контора дѣлаетъ всѣ нужныя справки, но относительно правильности расчета, прекратившагося или временно приостановленнаго изданія, съ подписчиками никакой отвѣтственности на себя не принимаетъ.

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ КНИГЪ.

РЕЛИГИЯ. ФИЛОСОФІЯ. ПСИХОЛОГІЯ.

Барскій (В. С.).—Странствованія по святымъ мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 г. Вып. X—XIV. (Въ 14-мъ вып. на 424-й страницѣ заканчивается первый томъ). Спб. (Тип. „Общ. Польза“). По 50 коп. за вып. 1.200 экз. (Вып. III—IX см. въ „Библиографъ“ № 2; вып. I—II вышли въ прошломъ 1884 г.).

День (Въ—) памяти св. равноапостольной Маріи Магдалины. 32 стр. 16 д. Спб. Тип. дома призр. малолѣтн. бѣдн. 6,000 экз.

Жизнь Божіей Матери и праздники въ честь Ея. 8 д. Спб. Типограф. Хана. 1,200 экз.

Жизнь и подвиги свв. Кирилла и Меодія. 31 стр. 4 д. Спб. Тип. св. Синода. 100,000 экз.

Жизнь свв. Кирилла и Меодія, славянскихъ первоучителей. 16 стр. 8 д. Спб. 10,000 экз.

Жизнь святаго Іоанна Златоустаго, архіепископа константинопольскаго. Изд. пустынной келіи св. Іоанна Златоустаго на Аеонѣ. 64 стр. 8 д. Одесса. Типогр. Е. И. Фесенко.

Каптеревъ (Н.).—Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 516+51+VIII+II стр. 8 д. М. (Тип. Д. Ѳ. Снегирева). 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Коваленскій, П. И.—Психіатрія. Изданіе редакціи журн. „Архивъ психіатріи, неврологіи и суд. психопатологіи“. 424 стр., 8 д. Харьковъ. 2-е изд. перед. и доп. Тип. Зильберберга. 2 р. 50 к.

О славной Бѣлозерской обители и ея основателѣ пр. Кириллѣ. 2³/₄ л. 8 д. Спб. Тип. Хана. 6,000 экз.

Остербломъ, Юлій.—Новѣйшія религіозныя движенія въ Эстляндіи. 87 стр. 8 д. (Тип. Ѳ. Емеонскаго и К^о). Ц. 50 к.

Собраніе мѣтній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ, издаваемое подъ редакціею преосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго. Т. I. IX+510+XII стр. 8 д. Спб. (Синод. тип.). Ц. 2 р.

Филаретъ (митрополитъ московскій и коломенскій).—Сочиненія. Слова и рѣчи. Томъ V. (последній). 581+XXXVII стр. 8 д. (Тип. А. И. Мамонтова и К^о). Ц. 2 р.

Филаретъ, черниговскій.—Житіе свв. Кирилла и Меодія. 32 стр. 16 д. Спб. Тип. дома призрѣн. малолѣтн. бѣдн. 3,000 экз.

Языковъ, Д. Д.—Новые матеріалы для исторіи русской духовной литературы. 17 стр. 8 д. Спб. Изд. ред. журн. „Библиографъ“; тип.-лит. В. Фреймана.

ВЕЛЛЕТРИСТИКА.

Глупости, крупныя, за мелкія деньги. Анекдоты, юмористическія объясненія и корреспонденціи. Составилъ Е. С. Г—первъ. 16 стр. 8 д. Спб. Изд. автора. Тип.-лит. И. Е. Морозова.

Доде, Альфонсъ.—Избранныя сказки, въ переводѣ В. Н. Лесовицкаго. Вып. 1-й. 66 стр. 8 д. Одесса. Тип. В. Кирхнера. Ц. 30 к.

Княжичъ, П.—По пути въ скользкимъ подмосткамъ сцени. 350 стр. 8 д. Спб. Тип. А. С. Суворина. Ц. 1 р. 75 к.

Конonenко, М. С.—Лири. 48 стр. 8 д. Кіевъ. Типогр. Г. Л. Фролицевича. Ц. 15 к.

Лажечниковъ, И. И.—Черноморскія пѣсни. 48 стр. 8 д. Спб. Тип. А. Пожаровой.

Назарьевъ, К. В.—Изъ огня да въ полымя. Романъ въ двухъ частяхъ. Безплатное приложеніе къ газетѣ „Родина“. 352 стр. 8 д. Спб. Тип. (бывшій) А. М. Котомина.

Потто, В.—Кавказская война въ отдѣльных очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Томъ I-й. Отъ древѣйшихъ временъ до Ермолова. Выпускъ 3-й. 229 стр. 8 д. Спб. Тип. Р. Голице. 1,300 экз.

Пов, Эдгардъ.—Необыкновенные рассказы. Переводъ съ англійскаго. Дорожная бібліотека. 206 стр. 8 д. Спб. Изд. А. С. Суворина. Ц. 60 к.

Въ этой книгѣ помѣщены повѣсти: „Двойное убійство въ улицѣ Морга“, „Таинственное убійство“, „Вочка Амонталлиадо“ и „Золотой Жукъ“. Издавна разсказъ тщательно и недорого.

Толстой, А. К. графъ.—Князь Себрѣяный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Т. IV. 368 стр. 8 д. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Тхоржевскій, К.—Въ снѣгахъ. Разсказъ изъ войнъ 1877—1878 гг. 148 стр. 8 д.

ИСТОРИЯ. БІОГРАФІЯ. МЕМУАРЫ.

Верещагинъ, А. В.—Историческій обзоръ колонизаціи черноморскаго побережья Кавказа и ея результатъ. Докладъ въ общ. собр. И. В.-Экон. Общ. 17 янв. 85 г. 18 стр. 8 д. М. Тип. универ. М. Каткова. 300 экз.

Полянскій, М. И.—Иллюстрированный историческо-статистическій очеркъ города Старой Руссы и Старорусскаго уѣзда 476 стр. 8 д. Новгородъ. Тип.-лит. В. И. Павлова. 2 р.

Посѣщеніе Пскова высокопреосвящ. Платономъ, митроп. кіевскимъ и галицкимъ. (3—6 ноября 1884 г.). 56 стр. 8 д. Псковъ (Губ. тип.). 1,050 экз.

Риттихъ (А. Ф.).—Славянскій міръ. Историко-географич. и этнографич. изслѣдованіе. Съ 10 отдѣльн. и 35 въ текстѣ географическими набросками и 2 этногр. картами. 382 стр. 4 д. Варшава. (Тип. учеб. окр.; лит. Варш. воен. окр.; хромо-лит. А. А. Ильина въ Спб. и ксилографія Пуща въ Варшавѣ; изд. В. М. Истомина). Ц. 8 р. 1,200 экз.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ сороль первый. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. 651 стр. 8 д. Спб. 1884. Тип. Ѳ. Елеонскаго и К^о. 3 р.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ. ПОЛИТИКА.

СТАТИСТИКА.

Анненковъ, К.—Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. Т. V. Исполненіе и рѣшенія. 715 стр. 8 д. Спб. Тип. М. М. Стасюлевича. Ц. 4 руб.

Борковскій, И.—Статистическія свѣдѣнія о предметахъ интенданскаго довольствія войскъ. Выпускъ 1-й. 10 стр. 8 д. и 1 портр. Спб. Тип. М. и с. (А. Бенке).

Коншинъ, А. Ю.—Уставъ о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ, изд. 1876 г., исправленный по продолженіямъ 1879, 1881 и 1883 гг. и дополненный вновь вышедшими узаконеніями и извлеченіями изъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената и дѣйствующихъ къ 1-му мая 1885 года по лѣсному управленію циркулярныхъ распоряженій минист. государственныхъ имуществъ. 79 стр. 8 д. Спб. Тип. М. М. Стасюлевича. 1 р. 50 к.

Общее гражданское уложеніе Австрійской имперіи 1811 г. Перев. Г. Вербловскій. 546 стр. 8 д. Спб. (Тип. правит. сената; изд. редакціонной комиссіи по составленію гражд. уложенія). 1,000 экз.

Палаузовъ, В. Н.—Постановка вопроса о присяжныхъ засѣдателяхъ по русскому праву. Часть 1-я. 190 стр. 8 д. Одесса. Тип. „Одеск. Вѣстн.“.

Подоба, И. Гр.—Наше положеніе на международномъ рынкѣ по торговлѣ шерстью, хлѣбомъ и скотомъ. 45 стр. 8 д. Спб. Тип. товарищ. „Обществен. Польза“.

Сергѣевскій, К. Д.—Программа курса русскаго уголовнаго права и судопроизводства въ Императорскомъ Александровскомъ лицей. 42 стр. 8 д. Спб. Тип. Р. Голице.

Спенсеръ, Уэльполь.—Иностранная политика Англій. Перевелъ съ англійскаго И. Коростовцевъ. 210 стр. 8 д. Спб. Тип. А. С. Суворина.

Фойницкій, И. Я.—Защита въ уголовномъ процессѣ, какъ служебное общественное. Спб. 64 стр. 8 д. Тип.-лит. А. М. Вольфа. Ц. 75 к.

Шаровъ, Н.—Финансовыя этюды. 1) Кое-что объ улучшеніи современнаго финансоваго положенія Россіи. (По поводу проекта В. Новосельскаго). 2) Отчего упалъ, падаетъ и будетъ падать, а также отчего поднимается курсъ нашего кредитнаго руб. 142 стр. 8 д. Спб. Тип. Д. И. Шеметкина.

Шетль, Г.—Телеграфъ въ соединеніи съ почтой и телефономъ въ административномъ и финансовомъ отношеніи. Перев. съ нѣмец. 356 стр. 8 д. М. (Тип. бнв. А. В. Кудрявцевой). Ц. 1 р. 50 к. 1,800 экз.

Штейнъ, Доренцъ.—Финансовая наука. Вып. 1-й. „Государственное хозяйство“. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. П. Субботина. 52 стр. 8 д. Спб. Тип. Свѣрн. телеграф. агенства.

Явковъ, А.—О преобразованіи волостнаго суда. 49 стр. 8 д. Спб. Типогр. мин. пут. сообщ. 400 экз.

ГЕОГРАФІЯ. ЭТНОГРАФІЯ. ПУТЕШЕСТВІЯ.

Кумелевъ, В. Л.—Мурманъ и его промыслы. 262 стр. 8 д. Спб. Рус. скоропечатня (Э. Корова). Ц. 2 р.

Краснопольскій, А.—Предварительный отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ на западномъ склонѣ Урала въ 1884 г. Отдѣльные отт. изъ „Изв. Геол. Ком.“, 1885 г., № 5-й. 43 стр. 8 д. Спб. Тип. А. Якобсона.

Русскіе въ Афганистанѣ. Рисунки и текстъ взяты изъ „Петербургской Газеты“. 17 стр. 8 д. Спб. Тип. А. Каспари (А. Д. Буйлова).

Скальковскій, К.—Путевыя впечатлѣнія по Кавказу, Турціи, сербскимъ землямъ и соединеннымъ Штатамъ (въ странѣ ига и свободы). 2-е изд. 427 стр. 8 д. Спб. Изд. А. Ильина; тип. М. п. с. (А. Бенке) и тип. товарищ. „Обществен. Польза“.

Штукенбергъ, К.—Краткій отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ. Отдѣльные оттиски изъ „Изв. Геол. Ком.“ 1885 г., № 5. 18 стр. 8 д. Спб. Тип. А. Якобсона.

МЕДИЦИНА. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Ахнѣевъ, Ив. Я.—Таблицы для опредѣленія семействъ вѣтковыхъ растений Европейской Россіи. 26 стр. 8 д. 3 стр. рис. Екатеринослав. Тип. Я. М. Чаусскаго. Ц. 25 коп.

Wagrikoff, Hugo.—О дѣйствіи нѣкоторыхъ антисептическихъ средствъ на контагіи сибирской явы. (Отдѣльные оттиски изъ журнала „Ветеринарный Вѣстникъ“ за 1884 г.) 37 стр. 8 д. Харьков. Тип. окружн. штаба.

Vinsker, A.—Терапевтический лексиконъ. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра Б. Шюлера. 368 стр. 8 д. Спб. 1884. Русская скоропечатня (К. И. Кува).

Дикергофъ, В.—Гриппъ лошадей (Influenza). (Перевелъ Кошловъ). 145 стр. 8 д. Харьков. Тип. Окружн. штаба.

Добрадинъ, Павелъ.—О вліяніи куринныхъ яицъ на ходъ альбуминури при нефритѣ. Диссертация. 45 стр. 8 д. Спб. Тип. А. Пероттъ.

Дохманъ, А.—Кумисъ и его значеніе при лѣченіи различныхъ болязней. 76 стр. 8 д. Казань. Изд. А. Дубровина. Ц. 60 коп.

Золотницкій, Вл. Ник.—Г. Батумъ, какъ земная клиническая станція. (Отдѣл. оттиски изъ „Русской Медицины“, № 26 и 27. 1884 г.). 24 стр. 8 д. Спб. 1884. Тип. П. И. Шмида.

Кацауровъ, И. Н.—Ophthalmoplegia nuclearis. 5 стр. 8 д. Киевъ. Тип. Е. Я. Федорова.

Киприяновъ, В. А.—Палеонтологическія изслѣдованія. (Отдѣльные оттиски изъ „Зап. Минер. Общ.“. Часть XXIII). 41 стр. 8 д. Спб. Тип. А. Якобсона.

Königstein, L.—Современное состояніе нашихъ знаній о бленорреѣ новорожденныхъ. Переводъ Я. Кернера. 29 стр. 8 д. Киевъ. Тип. Е. Я. Федорова.

Медъ, М.—Въ гостяхъ у душевно-больныхъ. По случаю 15-й годовщины дома призрѣнія душевно-больныхъ, учрежденнаго Государемъ Императоромъ 26-го февр. 1880 г. 68 стр. 8 д. Спб. Тип. Р. Голике. 100 экз.

Минихъ, Г. Н.—Проказа на вѣхъ Россіи. Выпускъ 2-й. 120 стр. 8 д. и 5 стр. рисун. Киевъ. Университетская типографія (П. И. Завадскаго).

Нидергеферъ, Э. А.—О вліяніи почвы и климата на распредѣленіе растеній, по матеріаламъ, собраннымъ въ Нижегородской губерніи. 47 стр. 8 д. Тип. В. Демакова.

Островскій, А.—Краткій отчетъ о 147 глазныхъ операціяхъ. 4 стр. 8 д. Киевъ. Тип. Е. Я. Федорова.

Перлисъ, В.—Что такое холера и какъ оберегать себя отъ нея. 51 стр. 8 д. Киевъ. Тип. М. Бромирской. Ц. 40 к.

Поповъ.—Нѣсколько словъ и ветеринарной части и ветеринарныхъ врачахъ военной вѣдомства. Статья П-я. Отдѣльные оттиски изъ журнала „Ветеринарный Вѣстникъ“ за 1884 г. 17 стр. 8 д. Харьков. Тип. окружнаго штаба.

Шаниро, В. М.—Леченіе невралгій подкожными впрыскиваніями осмиевой кислоты. 32 стр. 8 д. Спб. Тип.-лит. П. И. Шмида, отдѣльные оттиски изъ „Русской Медиц.“ № 14, 15 и 16 1885 г.

Эйхгостъ, Германъ.—Руководство къ частной патагоги и терапіи для практическихъ врачей и учащихъся. Переводъ съ нѣмецкаго (съ согласія автора). Д-ра Н. Э. Крузенштерна. Вып. 12. 705—880 стр. 8 д. Спб. Изд. К. Риккера.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Адриановъ, Н.—Гимнастика, командныя слова и рисунки гимнастическихъ упражненій съ подраздѣленіемъ ихъ на уроки. 2 испр. и доп. изд. 44 стр. 8 д. Спб. Тип. С. Добродѣва. Ц. 20 коп.

Книжка эта составлена для обученія гимнастикѣ нижнихъ чиновъ въ войскахъ. Рисунки выполнены типографію.

Витковскій, А.—Новыя правила довольствія нижнихъ чиновъ жалованьемъ и способъ примѣненія ихъ въ различныхъ случаяхъ. 59 стр. 8 д. Одесса. Тип. Л. Ниче.

Генишъ.—О запахахъ и сосредоточеніи (по курсу вѣткости и скорости морской стрѣльбы). Составл. для слуш. артил-

лерій офицер. класса на 1884—85 г. 80 стр. 8 д. Сиб. Лит. А. Якобсона. 60 экз.

К о л д е в и н ъ, Н.—Солдатская книжка для курсовой стрѣльбы. 8 стр. 8 д. XX исправ. и доп. издание. Сиб. Тип. Ю. Штауфа. за 100 экз. Ц. 2 р. 25 в.

М и х а й л о в ъ, — Учебникъ канонира пѣшей артиллеріи. 295 стр. 8 д. и 4 стр. рисунковъ. Сиб. Тип. С. Добродѣева.

С и н ц и н ъ, В. Д.—Объ управленіи судами при встрѣчѣ. (Въ память 25-лѣтняго существованія С.-Петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба). Публичное сообщеніе въ яхтъ-клубѣ 13-го марта 1885 года. 16 стр. 8 д. съ рис. Сиб. Типо-лит. Р. Голіке. Ц. 40 в.

С у х о н и н ъ, Н.—Военная литература. (Изъ „Энциклопедіи военныхъ и морск. наукъ“ Р. П., вып. 2). 755 стр. 8 д. Сиб. Тип. В. Везообразова.

Оттискъ изъ „Энциклопедіи военныхъ наукъ“. Въ книгѣ приложено библиографическое указаніе литературы войны съ древнѣйшаго времени до нашихъ дней.

Т е р е х о в ъ, А.—Тактическія ученія кавалеріи, съ обозначеніемъ противниковъ. 145 стр. 8 д. и 1 табл. Сиб. Тип. штаба войскъ гвардіи и петербург. воен. округа.

ТЕХНОЛОГІЯ. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

А л е к с ѣ в ъ, П.—Объ огнеупорныхъ невоспламеняющихся составахъ и о значеніи ихъ. 8 стр. 8 д. Кіевъ. Тип. Императорск. универс.

Б р о н ш т е й н ъ, Д. С.—Мѣры къ улучшенію фабричной и заводской промышленности г. Одессы. 47 стр. 8 д. Одесса. Тип. П. Францова.

Д а н и л о в с к і й, П.—Технологія выдѣланной кожи дубленой и сироматной. Выдѣлка изъ кожи различныхъ предметовъ войсковой конской амуниціи со статьей о войлокахъ и пеньковомъ канатѣ. Курсъ технической артиллерійской школы. 98 стр. 8 д. Сиб. Тип. Мѣсника и Римана.

Д е н и с ѣ в с к і й, М. М.—Примѣненіе электричества къ домашнему быту. 59 стр., 8 д. Съ 47 рисунками въ текстѣ. Сиб. Тип. В. Демакова.

К о к о в ц о в ъ, К.—Каватныя желѣзныя дороги. (Съ 7-ю листами чертежей). 57 стр. 8 д. и 7 черт. Сиб. Тип. министер. путей сообщенія.

К о с т и н ъ, П. А.—Докладъ объ обязательной перевозкѣ скота по желѣзной дорогѣ. (Отдѣльные оттиски изъ журнала „Ветеринарный Вѣстникъ“ за 1884 г.) 8 стр. 8 д. Харьковъ. Тип. окружнаго штаба.

К у л ѣ ш о в ъ, С. И.—Универсальная разбросная сѣялка Эккерта. (Act. Gesel. Н. F. Eckert). 7-футовая. Листъ XXI

(№№ 1—33). 12 стр. 8 д. Сиб. Тип. Р. Голіке.

К у р д ю ш е в ъ, В. И.—О перевозкѣ нефти отъ Баку до Батума по желѣзной дорогѣ и нефтепроводу. 38 стр. 8 д. Сиб. Тип. бр. Пастелевыхъ.

Докладъ комиссіи при Имп. Р. Техник. Общ. по вопросу о нефтепроводѣ и мѣрахъ къ развитію нефтянаго дѣла въ Россіи, въ засѣданіи 22 февраля 1885 г.

Т и т а р е н к о, А. П.—Справочная книжка по свеклосахарному производству. 232 стр. 8 д. Кіевъ. Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Ф и л и п е н к о.—Походные фотографическія приборы. Портреты и виды для любителей, путешественниковъ, инженеровъ, военныхъ, корреспондентовъ и пр. Описание употребленія этихъ приборовъ и краткое описание приемовъ фотографіи. Книга эта прилагается обязательно при каждомъ продаваемомъ приборѣ. 26 стр. 8 д. и 1 стр. рисунк. Сиб. Тип. А. С. Суворина.

ПЕДАГОГІЯ. ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Б ѣ л и й, Н. И.—Русская азбука съ указаніями на правильное произношеніе словъ, которыхъ правописаніе разнится отъ выговора. 10-е изд. 88 стр. 8 д. Одесса. Тип. А. Шульце, Изд. Е. П. Распознава. Ц. 15 в.

В и р е н і у с ъ, А.—О „родительскомъ кружкѣ“. 8 стр. 8 д. Сиб. Тип. В. Демакова.

Вопросъ по поводу ст. Кантерева въ журналѣ „Воспитаніе и Обученіе“. Проектъ устройства родительскаго кружка для лучшаго ознакомленія родителей съ воспитаніемъ дѣтей въ раннюю пору жизни.

К р и м с к і й, Е. С.—Русская азбука по способу нарастанія звуковъ въ школѣ и дома и первая книжка для чтенія. 3-е дополн. изд. 43 стр. 8 д. Тип. Е. С. Крымскаго. Ц. 10 в.

К у к у р и ч к и н ъ, Д.—Практическій курсъ итальянскаго языка. 3-е изд. 286 стр. 8 д. Одесса. Паровая лито-тип. Л. Овйтче. Изд. Е. Романова. 1 р. 25 в.

T. Tullii Ciceronis sato maior de senectute. Для среднихъ учебныхъ заведеній объяснилъ Ермиль Чеховскій. 2 изд. Изданіе общества классической филологіи и педагогик. 134 стр. 8 д. Сиб. Тип. А. С. Суворина, складъ у И. Смирнова: Сиб. по Кривоку каналу, д. № 13. 65 в.

М о р а в с к і й, Г.—Гораций Флаккъ.—Сатиры. Первая книга. (Sat. 1—10). Переводъ и комментарий. 201 стр. 8 д. Кіевъ. Тип. Корчакъ-Новицкаго. Ц. 75 в.

О с т р о г о р с к і й, М.—Хронологія всеобщей и русской исторіи. Пособіе и справочная книга при изученіи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Средняя исторія. Восьмое изд. 20 стр. въ лист. Сиб. Тип. М. М. Стасюлевича. Ц. 25 в.

О с т р о г о р с к і й, М.—Хронологія

всеобщей и русской исторіи. Пособіе и справочная книга при изученіи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Древняя исторія. Восьмое изд. 16 стр. въ лист. Сиб. Тип. М. М. Стасюлевича. Ц. 25 к.

Петровъ, Конст. Федор.—Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. 2-е испр. и доп. изд. 112 стр. 8 л. Сиб. 1886. Тип. Р. Голіке.

Поповъ, В.—Способъ предѣловъ и приложенія его въ курсъ элементарной математики. Пособіе для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 178 стр. и стр. чертежей. 8 л. Великіе-Луки. Тип. В. А. Вяземскаго. Ц. 70 к.

Рябковъ, Г.—Сборникъ задачъ и примѣровъ по элементарной механикѣ. Курсъ реальныхъ училищъ. 152 стр. 8 л. и 2 л. чертж. Одесса. Тип. А. Шульце. Ц. 1 руб.

Стефанскій, А.—Сборникъ задачъ элементарной механики для реальныхъ училищъ. I. 87 стр. 8 л. и 2 стр. чертж. Одесса. Тип. П. Францова. 40 коп.

Упустишь огонь — не потушишь. 16 л. 35 стр. М. Тип. И. Д. Ситина. Ц. 1½ коп.

Черкуновъ, Н.—Учебникъ географіи. Курсъ II класса. Вып. 7-й. Австралія. 42 стр. 8 л. Кіевъ. Тип. С. В. Кульженко. Ц. 10 к.

НА ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГІЯ. ФИЛОСОФІЯ. ПСИХОЛОГІЯ.

A w a n c i n (M., x). Rok Chrystusowy, czyli Rozmyślania na każdy dzień roku o życiu i nauce Pana naszego Jezusa Chrystusa. Przekład z łacińskiego. Wydanie IV. Kraków, 1885. XLVII i 693 str. in 16.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Chociszewski (J.). Kopa wesołych i ciekawych opowiadań. Poznań, 1885. 64 str. in 8.

Łoś (W., hr.). Hrabia-Starosta. Studium współczesne. Kraków, 1885. Tom I. 242 str. Tom II. 211 str. in 8.

Ma ry (Juliusz). Dramat w górach. Kraków, 1885. Tom II. 33 — 48 str. in 8. (Biblioteka najcenniejszych powieści i romanów. Zeszyt 3).

Mickiewicz (Adam). Pisma. Nowe wydanie zupełne. Lipsk. 1876, Tom II, 230 str. in 8.

(Biblioteka pisarzy polskich. Tom IX).

Montépin (Ksawery de). Symona i Marya, czyli Kocie oko; romans współczesny. Kraków. 1885.

Poł kopy wesołych opowiadań. Zebrał J. Ch. Poznań, 1885. 48 str. in 8.

P u s z k i n (Alexander). Poezje, w przekładzie Juljana Sołtyka-Romańskiego. Dreżno, 1885. Poszyt I. 4 nien. i 32 str. in 8.

R o d o ć (M.). Satyry obyczajowe. T. II. Lwów. 63 str. in 8.

(Biblioteka mrówki. Tom 201).

ИСТОРИЯ. БИОГРАФІЯ. МЕМУАРЫ.

U l a n o w s k i (Bolesław). Drugi napad Tatarów na Polskę. Kraków, 1884. 53 str. in 8.

U l a n o w s k i (Bolesław). O kilku pomniejszych Źródłach do dziejów pierwszego napadu Tatarów na Polskę, Czechy i Węgry. Kraków, 1884. 81 str. in 8.

НА ФРАНЦУЗКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГІЯ. ФИЛОСОФІЯ. ПСИХОЛОГІЯ.

B é n a r d (Ch.). La Philosophie ancienne. Histoire générale de ses systèmes. Paris, 1885. I-re partie. La Philosophie et la sagesse orientales. La Philosophie grecque avant Sokrate. Socrate et les sokraticques. Etudes sur les Sophistes grecs. Paris, 1885. CXXXVIII et 398 p. in 8. Ц. 4 p. 50 к.

B o n n e t (L.). Le Nouveau Testament de Notre Seigneur Jésus-Christ expliqué au moyen d'introductions, d'analyses et de notes exégétiques. Lausanne, 1880. Tome I. Evangiles de Matthieu, Marc et Luc. XLVI et 602 p. in 8.

D e l a n n e (Gabriel). Le Spiritisme devant la science. Paris, 1885. 472 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

J o u a n (le R. P.). La Conscience. 2-me édition. Paris, 1885. 288 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

R i b o t. (Th.). La Psychologie allemande contemporaine (Ecole expérimentale). 2-me édition, corrigée et augmentée. Paris, 1885. XXXIV et 380 p. in 8. II. 3 p. 75 к.

S a i n t - P r o j e t (chanoine F. Duilhé de). Apologie scientifique de la foi chrétienne. Paris, 1885. XVI et 479 p, in 18.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

A v o l d (Charles d'). La Vengeance d'un père. Nancy, 1885. 534 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

B a r s a l o u - F r o m e n t y (G.). Les Maris sauvés. Roman trop sérieux. Paris, 1885. 396 p. in 8. Ц. 1 p. 50 к.

B é n i g n e (Ange). Les Filles mal gardées. Paris, 1885. 328 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

- Carette née Bouvet (m-me). L'Outrage. Paris, 1885. 287 p. in 18. II. 1 p.
- Case (Jules). Une Bourgeoise. 2-me édition. Paris, 1885. 3 et 302 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Cavailhon (Edouard). Les Courses et les paris. Paris, 1885. 323 p. in 18.
- Chabot (Adrien). Marielle Thibaut. Paris, 1885. 328 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Chaperon (Philippe). Mademoiselle Vermont. Moeurs parisiennes. Paris, 1885. 302 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Cherzoubra. (J. de). Françoise de Chaverny. Paris, 309 p. in 18. (Bibliothèque du dimanche).
- Debans (Camille). Les Pudeurs de Martha. Paris, 1885. 390 p. in 18. II. 1 p. 50 k.
- Delarosa (Joseph). Madame Palabau. 2-me édition. Paris, 1885. 280 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Dépret (Louis). Folle jeunesse. Paris. 2 et 238 p. in 18.
- Deslys (Charles). L'Oncle Antoine. La Junon. Le Mensonge d'un ami. Petit Jacques. Paris, 1885. 308 p. in 16.
- Ethampes (Gabrielle d'). L'Héritière du colonel. Paris. 276 p. in 18. (Bibliothèque du dimanche).
- Ferrière (Hector de La). Trois amoureuses au XVI-e siècle. Françoise de Rohan. Isabelle de Limeuil. La Reine Margot. Paris, 1885. IV et 337 p. in 18.
- France (Hector). La Pudique Albion. Les Nuits de Londres. Paris, 1885. 332 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Fuster (Charles). L'Âme pensive. Poésies. 2-me édition. Royan, 1894. 143 p. in 18.
- Gennevraye (A.). Trop riche. Paris, 1885. 290 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Gréville (Henry). Le Mors aux dents. Paris, 1885. 300 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Hailly (Gaston d'). Moloch-Baal. Monsieur Gendre. Paris, 1885. 390 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Henry (Théodore). Le Parricide de S-t Barnabé. Roman inédit. Paris. 1-re livraison. 8 p. in 8.
- Houssaye (Arsène). Les Confessions. Souvenirs d'un demi-siècle. 1830 — 1880. Paris, 1885. 4 vol.
- Hugo (Victor). L'Oeuvre complète. Extraits. Paris, 1885. 262 p. in 18. II. 15 p.
- Lermina (Jules). Histoires incroyables. Paris. IV et 320 p. in 16. II. 2 p. 50 k.
- Maldague (Georges). La Magnétisée. Paris, 1885. 386 p. in 18. II. 1 p. 50 k.
- Malot (Hector). Le Sang Bleu. Paris, 401 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Marc-Bayeux. La Première étape. Paris, 1885. 512 p. in 18.
- Marc-Monnier. Après le divorce. Paris, 1885. 372 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Marius (Prosper). Ronces et grattuculs. Préface de Charles Monselet. Paris, 1884. XV et 184 p. in 4.
- Mary (Jules). La Bien-aimée. Roman parisien. Paris, 1885. 866 p. in 18. II. 1 p. 50 k.
- Maupassant (Guy de). Bel-Ami. 4-me édition. Paris, 1885. 441 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Mendès (Catulle). Les Contes du rouet. Paris, 1885. 312 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Mérouvel (Charles). Le Roi Crésus. Les Rosendael. Paris, 1885. 501 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Montégut (Emile). Ecrivains modernes de l'Angleterre. Paris, 1885. 1-re série. George Eliot. Charlotte Brontë. Un Roman de la vie mondaine. 405 p. in 18. II. 1 p.
- Monteil (Edgar). Etudes humaines. Le Grand village. Paris, 1885. 393 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Montépin (Xavier de). Le Crime d'Asnières. Le Rastaquouère. Paris, 1885. 844 p. in 18. II. 3 p.
- Montépin (Xavier de). Le Crime d'Asnières. L'Entremetteuse. Paris, 1885. 331 p. in 18. II. 3 p.
- Monselet (Charles). Petits mémoires littéraires. Paris, 1885. 356 p. in 18.
- Moreau (Henry). Contes étranges. Au delà. Paris, 1884. VII et 258 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Moret (Eugène). La Petite Kate. Moeurs parisiennes. Paris, 1885. 490 p. in 18.
- Multedo (Alfred). Vengeance. Roman parisien. Paris, 1885. 298 p. in 18. II. 1 p. 50 k.
- Navery (Raoul de). Les Iles sauvages. Paris. 515 p. in 18. (Bibliothèque du dimanche).
- Nouveau Décaméron (Le). Paris, 1885. 3-me journée. Les Amours mondaines. 156 p. in 18. II. 3 p.
- Perrieres (Carle des). Paris qui joue et Paris qui triche. Paris, 1885. 332 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Poë (Edgar). Oeuvres choisies. Traduction nouvelle par William L. Hughes. Paris, 1885. XXXVI et 430 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Puymaigre (comte de). Folk-Lore. Paris, 1885. VI et 366 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Ranc (A.). Une Evasion de Lambèse. Souvenirs d'un excursionniste malgré lui. Paris. VII et 125 p. in 16. II. 1 p.
- Rocoffort (Alexandre). Le Château de Trélor. Paris, 1885. 285 p. in 18. II. 1 p. 75 k.
- Sauvinière (Alfred de), Sylvaine de Vitray. Roman d'une jeune fille pauvre. Paris, 1885. 326 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Silvestre (Armand). Le Chemin des étoiles. Les Adorations. La Chanson des jours. Musiques d'amour. Dernières tendresses. Poèmes dialogués. 1882—1885. Paris, 1885. 252 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

Soudak (Louis de). La Vocation de Valentin. Paris, 1885. 350 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

Stello. Soeur Thècla. Sylvia. Le Fauteuil de ma grand'mère. Spirite. Rosalie Tonquart. Le Domino. Hermine. 2-me édition. Paris, 1885. VIII et 372 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

Stevenson (R. L.). Suicide-club. Le Diamant du Rajah. Traduction de Louis Desprésaux. Paris, 1885. 384 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

Tonelli (Philippe). Les Amours corses. Paris, 1885. 385 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

Ulbach (Louis). Misères et grandeurs littéraires. Paris, 1885. 2 et 301 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

Valois (Charles). La Roche qui pleure. Paris, 1885. 348 p. in 18. II, 1 p. 50 к.

Vautier (George). Le Pays du merle blanc. Paris, 1885. 280 p. in 18. II, 1 p. 50 к.

Védel (Léon). Madame de Ponty. Jacqueline de la Borie. Jane. L'Oeillet. Paris, 1885. X et 319 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

Véron (Pierre). Paris vicieux. Les Comédies de l'alcôve. Paris, 1885. 293 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

Vibert (Paul). Le Pêché de la baronne. Idylles normandes. Paris, 1885. XIV et 292 p. in 18. 1 p. 50 к.

Witt, m-me de (née Guizot). Un Héritage. Paris, 1885. 3142 p. in 12. II, 1 p.

Wolff (Albert). Mémoires d'un parisien. La Haute-Noce. 1885. 352 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

ИСТОРИЯ. БИОГРАФИЯ. МЕМУАРЫ.

Barral (comte de). Etude sur l'histoire diplomatique de l'Europe. 2-me partie. 1789—1815. Paris, 1885. Tome I, 478 p. in 8. II, 3 p. 75 к.

Bianchi (Nicomède). La Politique du comte Camille de Cavour de 1852 à 1861. Lettres inédites avec notes. Turin. 1885. VIII et 419 p. in 8.

Bonaparte. La Vie et les lettres de m-me Bonaparte. Recueillies et publiées en anglais par E. Didier. Traduction A. O. Munro. 2-me édition. Paris, 1885. II et 308 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

Burckhardt (Jacob). La Civilisation en Italie au temps de la renaissance. Traduction de M. Schmitt sur la 2-de édition annotée par L. Geiger. Paris, 1885. Tome I, II et 378 p. Tome II, 389 p. in 8. II, 7 p. 50 к.

Chincholle (Charles). Les Survivants

de la commune. Paris, 1885. 384 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

Decrue (Francis). Anne de Montmorency grand maître et connétable de France à la cour, aux armées et au conseil de roi François I-er. Paris, 1885. VII et 452 p. in 8. II, 4 p.

Dupouy (Dr. Edmond). Médecine et moeurs de l'ancienne Rome d'après les poètes latins. Paris, 1885, XVII et 432 p. in 18. II, 2 p.

Goncourt. Lettres de Jules de Goncourt. Paris, 1885. XXIX et 328 p. in 18.

Hanotaux (Gabriel). Henri Martin. Sa vie, ses oeuvres, son temps. 1810—1883. Paris, 1885. VII et 340 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

Martin (Henri). Histoire de France depuis 1789 jusqu'à nos jours. Paris, 1885. 2-de édition. Tome VII, 467 p. in 8. II, 3 p. 50 к.

Maupas (de). Mémoires sur le second empire. La Présidence de Louis-Napoléon. 3-me édition. Paris, 1885. 2-me et dernière partie. L'Empire et ses transformations. 572 p. in 8.

Meurthe (c-te Boulay de La). Le Directoire et l'expédition d'Égypte. Etude sur les tentatives du directoire pour communiquer avec Bonaparte, le secourir et le ramener. Paris, 1885. IV et 344 p. in 18.

Moreau (Dr. Paul). Fous et bouffons. Etude physiologique, psychologique et historique. Paris, 1885. VII et 288 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

Perey (Lucien) et Gaston Maugras. La Vie intime de Voltaire aux Délices et à Ferney. 1754—1778. D'après des lettres et des documents inédits. Paris, 1885. III et 546 p. in 8. II, 3 p. 75 к.

Société de Londres (La) par Un Diplomate étranger. Paris, 1885. XII et 325 p. in 18. II, 1 p. 75 к.

Sorel (Albert). L'Europe et la révolution française. Les Moeurs politiques et les traditions. Paris, 1885. 562 p. in 8.

Witkowski (docteur G. J.). Le Mal qu'on a dit des médecins. Paris, 1885. 2-me série. Auteurs français jusqu'à Molière et ses contemporains. XII et 369 p. in 12. II, 2 p. 25 к.

Witt (Pierre de). Un Patricien au XVII-e siècle. Louis de Geer. Etude biographique. Paris, 1885. II et 177 p. in 8.

Zeller. Philippe VI et Robert d'Artois. Les Commencements de la guerre de cent ans 1328—1345. Publiés par B. Zeller. Paris, 1885. 182 p. in 8.

ЮРИДИЧЕСКИЯ КНИГИ. ПОЛИТИКА. СТАТИСТИКА.

Cozic (H.). La Bourse mise à la portée de tous. Ce qu'elle a été. Ce qu'elle

est. Ce qu'elle sera. Paris. 600 p. in 8. II. 6 p.

Guyot (Yves). Lettres sur la politique coloniale. Paris, 1885. XVIII et 432 p. in 18.

Hue (Fernand). Les Russes et les anglais dans l'Afghanistan. Paris, 1885. 62 p. in 8.

Meyer (dr. Rodolphe). La Crise internationale de l'industrie et de l'agriculture. Berlin, 1885. 128 p. in 8.

Sachs (Isidore). L'Italie, ses finances et son développement économique depuis l'unification du royaume. 1859—1884. D'après des documents officiels. Paris, 1885. XVI et 1184 p. in 8.

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ПУТЕШЕСТВИЯ.

Bonvalot (Gabriel). En Asie centrale. Du Kohistan à la Caspienne. Paris, 1885. 2 et 300 p. in 18. II. 2 p.

Boussenard (Louis). Les Grandes aventures. De Paris au Brésil par terre. Paris, 1885. 420 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Burdo (Ad.). Les Belges dans l'Afrique Centrale, leurs voyages, aventures et découvertes d'après les documents et journaux des voyageurs. Bruxelles. Tome I, 554 p. in 4.

Leclercq (Jules). Voyage au Mexique de New-York à Vera-Cruz en suivant les routes de terre. Paris, 1885. 446 p. in 18. II. 2 p.

Melon (Paul). De Palerme à Tunis par Malte, Tripoli et la côte. Notes et impressions. Paris, 1856. 2 et 212 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Rivoyre (Denis de). Aux pays du Soudan. Bogos, Mensah, Souakim. Paris, 1885. 292 p. in 18. II. 2 p.

ИСКУССТВО. ИЗДАНИЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ.

Dumas. Catalogue illustré du Salon publié sous la direction de F. G. Dumas. Paris, 1885. 7-me année (Catalogue № 16). LXXII, 252 et 32 p. Supplément. Livret illustré du Salon 1885. de 261—412 et 4 p. (Catalogue № 17. 3-me année) in 18. II. 1 p. 75 к.

Enault (Louis). Paris-Salon 1885. Paris. 1-er vol. XV et 80 p. (10-e vol. de la collection) in 8. II. 7 p. 50 к.

Michel (Emile). Bibliothèque des musées. Le Musée de Cologne. Suivi d'un catalogue alphabétique des tableaux de peintres anciens qui y sont exposés. Paris, 1884. 82 et 6 p. in 4.

Salon-artiste (Le). Album. I-re année. Paris, 1885. 111 p. in 4. II. 1 p. 75 к.

ПЕДАГОГИЯ. ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Hippéau (C.). L'Education et l'instruction considérées dans leurs rapports avec le bien-être social et le perfectionnement de l'esprit humain. Paris. 8, XV et 348 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Machiavel. Discours sur la première décade de Tite-Live. Texte italien réduit à l'usage des classes et précédé d'une introduction biographique et littéraire par A. de Tréverret. Paris, 1881. XXIV et 243 p. in 18.

Paris (Gaston). La Poésie du moyen âge. Leçons et lectures. Paris, 1885. XIV et 254 p. in 18.

С М Ъ С Ъ.

Wier. Histoires, disputes et discours. Des Illusions et impostures, des diables, des magiciens infames, sorcières et empoisonneurs: des ensorcelezz et demoniaques et de la guérison d'iceux: item de la punition que meritent les magiciens, les empoisonneurs et les sorcières Le tout compris en six livres par Jean Vier. Deux dialogues touchant le pouvoir des sorcières et de la punition qu'elles meritent par Thomas Erastus. Avec deux indices. Paris, 1885. Vol. I, LVIII et 624 p. Vol. II, VI et 608 p. in 8.

(Bibliothèque diabolique)

Wogan (E. Tanneguy de). La Vie à bon marché. Ouvrage accompagné de 50 menus et recettes culinaires. Paris, 1885. 214 et 2 p. in 8.

НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГИЯ. ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ.

Dallwig (Fr.). Der Kampf zwischen Glauben und Wissen. Ein Wort zum Frieden. Gotha. 1885. IV und 37 S. in 8.

Encken (R.). Prolegomena zu Forschungen über die Einheit des Geisteslebens in Bewusstsein und That der Menschheit. Lpz., 1885. IV und 113 S. in 8.

Gallwitz (H.). Das Evangelium eines Empiristen. Gotha, 1885. VI und 108 S. in 8.

Hartmann (E. v.). Der spiritismus. Lpz. und Berlin, 1885. 118 S. in 8.

Janet (P.). Der Materialismus unserer Zeit in Deutschland. Prüfung des Dr. Buchner'schen Systems. Uebersetzt von Dr. R. A. von Reichlin-Meldegg. 2-te Ausgabe. Paris und Lpz., 1885. XXX und 189 S. in 8.

Urkunde der Wissenschaft zur systematischen Encyclopädie für Wissenschaft,

Kunst und Religion. Berlin, 1885. VIII und 147 S. in 8.

Wasserschleben (F. O. v.). Die Religion des dreieinigen Gottes. Ein Glaubensbekenntniß. Berlin, 1884. 45 S. in 8.

Willmann (C.). Enthüllungen über das Treiben der Spiritisten. Hamburg, 1885. 136 S. in 8.

ВЕЛЕТРИСТИКА.

Arlitt (M.). Die Frau mit dem Bügeleisen. Roman. 2-te Auflage. Lpz., 80 S. in 8.

Crome-Schwiening (C.). Krieg im Frieden. Humoristischer Roman aus dem modernen Garnisonleben. Lpz., 253 S. in 8.

Cronbach (S.). Aus dem Notizbuch des Onkel Jonas. Berlin, 1884. 160 S. in 8.

Erdmann (C.). Rosalie, das eingemauerte Mädchen. Reutlingen. 64 S. in 8.

Eremita (V.). Entweder - Oder. Ein Lebensfragment. Aus dem Dänischen von Dr. A. Michelsen. Lpz., 1885. I Lief. 176 S. in 8.

Flach (J.). Agape. Altgriechische Novellen. Lpz. und Berlin, 1885. 249 S. in 8.

Floru (H.). Deborah, das Harfenmädchen von Prag, oder: Der Fluch der Jüdin. Dresden.

Geres (C.). Aus wilder Zeit. Lahr. 94 S. in 8.

Gottschall (R. v.). Literarische Todtenklänge und Lebensfragen. Berlin, 1885. 379 S. in 8.

Habicht (L.). Im Sonnenschein. Roman. Breslau, 1885. I Bd. 269; II Bd. 268; III 257 S. in 8.

Herf (A.). Briefe einer jungen Frau aus Indien. Stuttgart, 1885. VI und 170 S. in 8.

Herrig (H.). Der dicke König. Ein Gedicht. Berlin, 1885. 198 S. in 8.

Hinrichsen (A.). Künstler-Liebe und Leben. Berlin und Lpz., 1885. 201 S. in 8.

Hobrecht (M.). Zwischen Judica und Palmarum. Vier Novellen. Rathenow, 1885. 212 S. in 8.

Hopp (E. O.). In der grossen Stadt. Berlin, 1885. VI und 251 S. in 8.

Jókai (M.). Nach zehn Jahren. Roman. Uebersetzt von L. Wechsler. Lpz., 1885. I und II Bd. 247 und 282 S. in 8.

Keyser (S.). Fanfaro. Novelle. Lpz., 1885. 211 S. in 8.

Knebel-Doeberitz (E. v.). Streifzüge eines modernen Junkers. II Aufl. Berlin 238 S. in 8.

Kohut (A.). Lustige Geschichten aus dem Tokayerland. Berlin, 1885. 223 S. in 8.

Koss (R.). Gesammelte humoristische Vorträge. Berlin, 1885. II Heft. 68 S. in 8.

Lammers (M.). Das lebendige Weihnachtsgeschenk. Bremen. 109 S. in 16.

Lewald (F.). Im Abendroth. Kaleidoskopische Erzählung in 16 Briefen. Dresden und Lpz., 1885. 181 S. in 8.

Mund (E. D.). (Dr. v. Pochhammer). Zwei Brüder beim den Karlisten. 1885. VI und 107 S. in 8.

Paludan-Müller (Fr.). Der Jugendborn. Erzählung. Lpz., 1885. Aus dem Dänischen von A. Michelsen. 103 S. in 12.

Ring (M.). Eine liebenswürdige Frau. Berlin. 136 S. in 8.

Ring (M.). Die Spiritisten. Berlin. 131 S. in 8.

Schmidt-Hennigker (Fr.). Bismarck-Anekdoten. Lpz. 5 Heft: VIII und 129—152 S. in 8.

Schwarzkopf (G.). Die Bilanz der Ehe. Novellistische Studien. Dresden und Lpz., 1885. I Bd.: Passiva. 300 S. in 8.

Sonnenburg (F.). Am Waldstrom. Roman aus dem norddeutschen Gebirge. Berlin, 1885. I—III Bd.: 261, 237 und 226 S. in 8.

Speier (J.). Fern im Süd. Spanische Novellen. Uebersetzt. Berlin. 253 S. in 8.

Spielmann (C.). Leicht geschürzt. Neue Humoresken. (6 Bdch.). Berlin, 1885. 165 S. in 8.

Stinde (J.). Die Familie Buchholz. Berlin, 1885. II Theil.: Aus dem Leben der Hauptstadt. 185 S. in 8.

Strauss (V. v.). Die Schule des Lebens. Drei Novellen. Heidelberg, 1885. 460 S. in 8.

Thikötter (J.). Einhard und Imma. Eine rheinische Sage aus der Zeit Karls des Grossen. Heidelberg, 1885. VI und 299 S. in 12.

Vely (E.). Dorfluft. Erzählung. Lpz., 1885. I Bd.: 463 S.; II Bd.: 434 S. in 8.

Villamaria. Im Bann der Kindertäume, Novellen. Berlin, 1885. 257 S. in 8.

Wagner (C.). Märchenerzähler, Bramine und Seher. Stuttgart, 1885. 138 und IV S. in 8.

Walther vom Berge. Lustige Fahrten des Grafen von und zu Dattenberg. Für Freunde des Humors erzählt. Berlin, 1885. VIII und 160 S. in 8.

Weinkauf (F.). Almanca. Dreisprachiges Studentenliederbuch. Heilbronn, 1885. I Heft. 106 S. in 8.

Westarp (Gr. Ad. v.). Ein Winter in den Alpen (1881—1882). Berlin, 1885. 98 S. in 8.

Wildenbruch (E. v.). Neue Novellen: Das Riechbüchchen.—Die Danaide.—Die heilige Frau. Berlin, 1885. 176 S. in 8.

Willms (A.). Die Erbin von Roseneck. Stuttgart. 224 S. in 8.

ИСТОРИЯ. БИОГРАФИЯ. МЕНУАРЫ.

Düntzer (H.). Abhandlungen zu Goethes Leben und Werken. Lpz., 1885. I Bp. XVI und 319 S. in 8.

Egelhaaf (G.). Grundzüge der Ge-

schichte. Heilbronn, 1885. II Th. Das Mittelalter. 135 S. in 8.

Flathe (Th.). Das Zeitalter der Restauration und Revolution. (1815 — 1851). Berlin, 1883. (4-te Hauptabtheilung der allgemeinen Geschichte in Einzeldarstellungen, herausgegeben von W. Oncken.) 528 S. in 8.

Hallwich (H.). Johann Aldringen. Ein Bruchstück aus seinem Leben als Beitrag zur Geschichte Wallenstein's. Lpz., 1885. 164 S. in 8.

Hopp (E. O.). Geschichte der Vereinigten Staaten von Nordamerica. Lpz., 1885. II Abth. 216 S. in 8.

Krauske (O.). Die Entwicklung der ständigen Diplomatie vom XV Jahrhundert bis zu den Beschlüssen von 1815 und 1818. Lpz., 1885. VI und 245 S. in 8.

Oncken (W.). Beiträge zur neueren Geschichte. Giessen, 1885. 90 S. in 8.

Pitawall (E.). Maria Stuart. Historisch-romantische Geschichte. Berlin. 1—4 Th. 1808 S. in 4.

Starcke (C. N.). Ludwig Feuerbach. Stuttgart, 1885. XVII und 288 S. in 8.

Wolzogen (E. v.). George Eliot. Eine biographisch-kritische Studie. Lpz., 1885. 228 S. in 8.

Wolzogen (E. v.). Wilkie Collins. Ein biographisch-kritischer Versuch. Lpz., 1885. 182 S. in 8.

ПОЛИТИКА. ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ. СТАТИСТИКА.

Brasch (M.). Socialistische Phantasiestaaten. Ein historisch-politischer Essay. Lpz., 1885. 69 S. in 8.

Brecht (Th.). Reform nicht Revolution. Nüchterne Vorschläge einer Reform der Arbeiterverhältnisse. Stuttgart, 1885. 71 S. in 8.

Emele (S.). Der Socialismus, Robertus-Jagetzow, das Manchesterthum und der Staatssozialismus. Sigmaringen, 1885. 130 S. in 8.

Müller (W.). Politische Geschichte der Gegenwart. Berlin. VIII. Das Jahr 1884. Berlin, 1885. XIII und 378 S. in 8.

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ПУТЕШЕСТВИЯ.

Brehm (R. B.). Das Inka-Reich. II Abth. Schluss. XXXI und 419—842 S. in 8.

Jaworsky (J. L.). Reise der Russischen Gesandtschaft in Afghanistan und Buchara in den Jahren 1878—79. Aus dem Russischen von Dr. E. Petri. Jena, 1885. II Bd. 392 S. in 8.

Joest (W.). Um Afrika. Köln, 1885. VI und 315 S. in 8.

Steub (L.). Bilder aus Griechenland. Altes und Neues. Lpz., 1885. IV und 886 S. in 8.

МЕДИЦИНА. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Guttzeit (J. F.). Der natürliche Weg zu Gesundheit, Veredlung, Lebensfreude, Gemütsruhe und langem Leben. Der konsequente Humanismus. Vertheidigt gegen Ed. v. Hartmann. Stettin, 1885. 51 S. in 8.

Hildebrand (F. G. K.). Mann und Weib. Gemeinverständliche Darlegung der wichtigsten Punkte des menschlichen Geschlechts-Lebens auf naturwissenschaftlicher Grundlage. Berlin. 2280 S. in 8.

Ueber die Heilwirkung und Anwendung der Pflanze Homeriana gegen chronische Bronchial- und Lungen-katarhe etc. 7-te Aufl. Herausgeber Julius Kirchhöfer. Triest, 1885. 39 S. in 8.

С М Ъ С Ь.

Adam (F.). Königsworte. Eine Sammlung freisinniger Aussprüche von Angehörigen des preussischen Königshauses. Lpz., 1885. 55 S. in 8.

Drygalski (A. v.). Russische Plaudereien. Lpz. 249 S. in 8.

Minckwitz (J.). Humor im Schachspiel. Lpz., 1885. VIII und 230.

Schwindel. Der spiritische. Enthüllungen von einem Eingeweihten. Lpz., 1885. 94 S. in 8.

Wecshssler (E.). Humoristische Vegetarierkzst. Lpz., 1885. 53 S. in 8.

НА АНГЛІЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ.

РЕЛИГИЯ. ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ.

Bain (Alexander). Mental and Moral Science. London, 1884. Part first. Psychology and History of Philosophy, pp. XXXIX, 428, 101 and VI in 18.

Houghton (G. Warrant). The Expected Rapture of the Church, or The Analogy of prophecy and established fact. London, 1884. pp. XXX and 350 in 18.

Morley (Henry). Illustrations of English Religion. Selected, edited and arranged. London. pp. VIII and 440 in 4.

(Cassell's Library of English Literature).

БЕЛЛЕТРИСТІКА.

Arnold (Edwin). The Secret of Death (from the Sanscrit). With some collected poems. London, 1885. pp. VIII and 406 in 18.

Braddon (M. E.). Wyllard's Weird. A novel. Leipzig, 1885. Vol. I. pp. 295. Vol. II. pp. 279. Vol. III. pp. 287 in 12. (Tauchnitz ed. Vol. 2529—2531).

Cobban (J. Maclaren). Tinted Vapours. A Nemesis. London. pp. XII and 176 in 18.

Forrester (Mrs). Although he was a Lord and other tales. Leipzig, 1885. pp. 288 in 12.

(Tauchnitz ed. Vol. 2327).

Gibbon (Charles). Of High Degree. A story. Hamburg, 1884. Vol. I. pp. 265. Vol. II. pp. 265 in 12.

(Asher's Coll. Vol. 260—261).

Jefferies (Richard). After London; or Wild England. London, 1885. pp. VII and 442 in 18.

Praed (Mrs. Campbell). Affinities. A romance of to-day. Leipzig, 1885. pp. 279 (Tauchnitz ed. Vol. 2326).

Readings: humorous and pathetic (second series). By the Editor of Humorous Readings-maistly Scotch. Second edition. Edinburgh. pp. 112 in 18.

Winter (J. S.). Bootles' Baby. A story of the Scarlet Lancers. London. pp. 118 in 18.

ИСТОРИЯ. БИОГРАФІЯ. МЕМУАРЫ.

Hake (A. Egmont). The story of Chinese Gordon. London, 1885. Vol. II. pp. 4, 221 and LXXVII in 8.

Lilley (W. E.). The Life and Work of General Gordon at Gravesend. With a Preface by Miss Gordon and an Introduction by the Rev. H. Carruthers Wilson, London. pp. 109 in 18.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ. ПОЛИТИКА. СТАТИСТИКА.

Bruce (F. J.). Mr. Henry George's Unproved Assumption or The Pauperism of capital. Being a politico-economical sonata

in four movements. London, 1884. pp. 29 in 18.

Edwards (H. Sutherland). Russian Projects against India from the Czar Peter to General Skobelleff. London, 1885. pp. 295 in 8.

Featherman (A.). Social History of the Races of Mankind. London, 1885. First division: Nigritians. pp. XXVI and 800 in 8.

Marvin (Charles). The Railway Race to Herat. An account of the Russian railway to Herat and India. London, 1885. pp. VI—31 in 8.

ГЕОГРАФІЯ. ЭТНОГРАФІЯ. ПУТЕШЕСТВІЯ.

Central Asia. № 2 (1885). Further correspondence respecting Central Asia (In continuation of „Central Asia № 1, 1884“). London, 1885. pp. X and 197 in f.

Marvin (Charles). Grodekoff's Ride from Samarcand to Herat through Afghan Turkestan. 2-d edition. London, 1885. pp. XX and 224 in 18.

Russia: Europe and the East. By a Foreigner. London. pp. 292 in 8.

Stanley (Henry M.). The Congo and the Founding of its Free State: a story of work and exploration. London, 1885. Vol. I. pp. XXVII and 528. Vol II. pp. and 483 in 8.

С Ж Ъ С Ъ.

Pascoe (Charles Eyre). London of to-day. An illustrated handbook for the season. London, 1885. pp. 398 in 18.

СОДЕРЖАНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ КНИГЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ. Іюль. Добрые люди. Набросокъ изъ сельской жизни. Н. И.—Шугнанъ. IX—XIV. (Оконч.). Д. А. Иванова.—Милый другъ. Повѣсть. Гюи де-Мопассана. IV—X. (Оконч.). А. Э.—Волга и Кіевъ. Впечатлѣнія двухъ поѣздокъ. А. Н. Пыпина.—Эдуардъ Бульверъ. Біографическій очеркъ. По письмамъ и посмертнымъ рукописямъ Бульвера. М. А.—Печенгскій монастырь въ русской Лапландіи. Очерки дальняго сѣвера въ XVI в. I—IV. Д. О.—Въ волостныхъ писаряхъ. I—IX. Н. А-рева.

НАБЛЮДАТЕЛЬ. Іюль. Потомокъ рода Ветрищевыхъ. Ром. Часть 1-я. И. Д. Ахшарумова.—Флистерн. Ром. (Оконч.). Германа Шульце-Делича.—Викторъ Гюго. В. В. Чуйко.—Тайная полиція въ Пруссіи. (Прод.). Виктора Тиссо.—Похоронн. Историч. ром. (Прод.). Д. Л. Мордовцева.—Александръ Васильевичъ Дружининъ. А. В. Старчевскаго.—Жерминаль. (Прод.). Романъ. Эмиля Золя.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ. Іюль. Новѣйшая литература о Маріи Стюартъ. Гл. I—VI. А. С.—Дѣятельность комиссій по крестьянскому дѣлу въ общихъ присутствіяхъ. Н. П. Семенова.—Князь Костя. Изъ пансіонской жизни. Гл. IX—XVIII. (Окончан.). Кота Мурлики.—Ученая дѣятельность Евгенія Болховитнова, митрополита Кіевского. Гл. X—XII. (Оконч.). Д. Сперанскаго.—Въ дальнихъ водахъ и странахъ. Гл. VI—VII. В. В. Крестовскаго.—Дорогой цѣноу. Ром. Часть 3-я. Гл. VI—X. (Оконч.). Д. М. Позняка.—Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ куццовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Д. В. Цвѣтаева.—Государственный сословный кредитъ. Д. В.—Питейное дѣло, какъ источникъ поправленія нашихъ финансовъ. П. Н. Семенова.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Іюль. Путешествіе Екатерины II въ Крымъ. Гл. I. А. Г. Брикнера.—Великая мысль Екатерины II. А. В. Старчевскаго.—Раскольничьи секты въ Россіи. П. И. Мельникова.—Стратегія и торговля. Н. Х. Весселя. (Съ иллюстр.).—Памяти Николая Ивановича Костомарова. Д. А. Корсакова.—Инвизидія въ Польшѣ и Литвѣ. А. Э. Хайнацкаго.—Среднекавказскій и его округъ. А. В. Оксенова. (Съ иллюстр.).—Ливенскіе святители. М. И. Городецкаго. (Съ иллюстр.).—Домикъ Петра Великаго въ Борисовѣ. Н. А. Добротворскаго. (Съ иллюстр.).—Воспоминанія Одицца. Н. С. Кутейникова.—Значеніе знакомства съ древнимъ міромъ. Публичная лекція, читанная въ Казанскомъ университетѣ. И. Н. Смирнова.—Изъ исторіи дипломатіи. I. Бернадотъ въ Вѣнѣ. А. Н. Молчанова.

РУССКІЙ АРХИВЪ. Іюль. Письма Жуковскаго къ Государю Императору Александру Николаевичу. 1850 г.—Автобіографія А. О. Дюгамеля. XII—XVII.—Дѣла давно минувшихъ дней: IV. Княгиня Александра Борисовна Мещерская. V. Князь Андрей Борисовичъ Голицынъ. VI. Ратники. VII. Недоразумѣнія. Н. А. Рѣшетьева.—Публичныя концерты и балы въ столицахъ. С. В. Танѣева.—Любопытныя показанія графа А. А. Закревскаго о нѣкоторыхъ представителяхъ московскаго образованнаго общества въ началѣ прошлаго царствованія.—Владиміро-Маринскій пріютъ на озерѣ Мстинѣ. Издателя.

РУССКАЯ СТАРИНА. Іюль. Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московскій. 1782—1867 г. Гл. II—V.—Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича, 1824—1834 г. Гл. VII.—Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ императора Николая I съ Дибичемъ.—Бунтъ на Сѣвной площади въ С.-Петербургѣ 22 іюня 1831 г..Сообщ. И. Р. фонъ-дербъ-Ховенъ.—Жолиерный мѣсяцъ въ С.-Петербургѣ 1831 г. Очерки по подлиннымъ дѣламъ. А. Г. Пунарева.—Подъ Севастополемъ въ 1853—56 г. Л. Г. Духонина.—Вопросъ о починѣ крестьянскаго дѣла 20 ноября 1857 г. Исслѣдованіе по новымъ даннымъ. Н. М. Колмакова.—Федоръ Михайловичъ Достоевскій въ 1868—1870 г. Сообщ. С. А. Хмировъ.—Троицко-Сергіева приморская пустынь. 1735—1885 г. Сообщ. П. П. Каратыгинъ.—Кладбище при Спасо-Преображенской придворной церкви въ Стрѣльнѣ. П. П. Каратыгина.—О возобновленіи памятника на общей могилѣ Волнскаго, Еропкина и Хруцова. 17-го іюня 1740 г.—Князь Викторъ Илларионовичъ Васильчиковъ. Сообщ. Н. Ф. фонъ-дербъ-Флитъ.

КИЕВСКАЯ СТАРИНА. Іюль. Воеводскія „вѣстовныя отписки“ XVII в., какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи. Н. Оглобина.—Опытъ объясненія малорусской пѣсни о журигѣ. Н. О. Сумцова.—Охочекомонный полковникъ Илья Федоровичъ Новицкій. Н. Стороженка.—Къ исторіи театра въ юго-западномъ краѣ.—Универсалъ гетмана Разумовскаго объ ограниченіи права перехода крестьянъ. Сообщ. А. Лазаревскій.—Пѣснь на случай открытія въ Киевѣ университета св. Владиміра. Іюля 15-го дня 1834 г. Сообщ. В. Науменко.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Іюнь и Іюль. Памяти Константина Дмитриевича Кавелина.—Реформа русской полиціи. И. Тарасова.—По вопросу о собираніи матеріаловъ для исторіи крестьянскаго дѣла за первое двадцатипятилѣтіе. В. Скалона.—Нѣкоторыя архангелскія черты семейнаго и наслѣдственнаго права осетинъ. М. Ковалевскаго.—Общее призрѣніе и частная благотворительность въ Швейцаріи. Андреа Исаева.—Лишеніе жизни по проекту особенной части уголовнаго уложенія. К. Анциферова.—Русская тюрьма и ея жизнь. И. Рева.—Первая и вторая главы особенной части уголовнаго уложенія по проекту редакціонной комиссіи. К. Змирлова.—Частная школа политическихъ наукъ въ Парижѣ. В. Дерюжинскаго.—Виды крѣпостничества въ Болгаріи въ турецкую эпоху. А. Башмакова.—Московское юридическое общество въ 1854—85 году.—Еще къ вопросу о неприкосновенн. прокуратуры. Гн...д...га.—Отвѣтъ на рецензію. А. Тимановскаго.—Вѣчно-наслѣдственная аренда земель. В. Левитскаго.

ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,
СОСТОЯЩЕЕ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

извѣщаетъ, что съ 1 іюня по 1 іюля сего 1885 года къ казначею общества поступили собранныя съ Высочайшаго соизволенія пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника

Николаю Васильевичу Гоголю:

1) по подписному листу № 238 чрезъ чернискую уѣздную земскую управу—8 руб.; 2) по подписному листу № 49 чрезъ председателя владимірской губернской земской управы—55 руб. 50 коп.; 3) по купонамъ отъ облигацій 1-го восточнаго займа—22 руб. 50 коп. и 4) проценты по вкладному билету московскаго купеческаго общества взаимнаго кредита—158 рублей 12 коп. Итого двѣсти сорокъ четыре рубля двѣнадцать коп., а съ преждепоступившими *одиннадцать тысячъ четыреста восемьдесятъ шесть рублей 12 коп.*

ВЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ПЕРЕСЕЛЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.“

Изслѣдованіе В. Н. Григорьева,

удостоенное Императорскимъ Московскимъ университетомъ половины преміи имени Ю. О. Самарина. Съ отзывами профессора А. И. Чупрова и А. И. Кошелева.

Москва, 1885 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Складъ въ главной конторѣ журнала „Русская Мысль“.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПОСРЕДНИКЪ“.

Большая Дворянская, д. № 25, Петербургская сторона, С.-Петербургъ.

Съ каждымъ годомъ увеличивается число грамотныхъ людей въ народѣ. Въмѣстѣ съ нимъ возрастаетъ потребность въ чтенію. Она выражается въ спросѣ на книги.

Много учреждений, обществъ и частныхъ лицъ желаютъ удовлетворять этому спросу и берутъ на себя трудъ издавать и распространять различныя книги. Въ числѣ ихъ есть хорошія, есть и дурныя. Желающіе приобрести хорошія книги встрѣчаютъ два затрудненія: одно—какъ выбрать именно хорошія книги, другое—какъ дешевле приобрести ихъ. Мы желаемъ помочь въ этомъ дѣлѣ и устраиваемъ складъ съ цѣлью доставлять книги хорошаго содержанія по возможно удешевленной цѣнѣ.

Хорошимъ мы считаемъ содержаніе, возможно ближе выражающее ученіе Христа и, въ крайнемъ случаѣ, ни въ чемъ не противорѣчащее этому ученію, и притомъ изложенное въ формѣ, доступной массѣ и удовлетворяющей ея потребностямъ. Съ цѣлью сдѣлать выборку книгъ, соответствующихъ этимъ условіямъ, мы тщательно пересматриваемъ всѣ существующія и вновь выходящія народныя изданія. Выбранныя книги мы помѣщаемъ въ особый списокъ, продаемъ ихъ въ нашемъ складѣ и рассылаетъ желающимъ ихъ приобрести. Какъ самихъ читателей, такъ и лицъ, взявшихъ на себя трудъ распространенія книгъ, мы убѣдительно просимъ сообщать намъ, какія книги нравятся читателямъ, въ какой степени и почему именно.

Эти сообщенія будутъ намъ служить для исправленія составленнаго нами списка хорошихъ книгъ. Изъ него мы будемъ исключать книги, не нравящіяся большинству читателей. Наоборотъ, книги, находящіяся въ этомъ спискѣ и охотно читаемыя, станемъ распространять предпочтительно.

Этимъ образомъ мы надѣемся облегчить затрудненіе въ выборѣ хорошихъ книгъ.

Для удешевленія ихъ, мы покупаемъ означенныя книги, въ большомъ количествѣ по оптовой, слѣдовательно удешевленной, цѣнѣ и продаемъ почти по той же. Это для насъ тѣмъ легче, что цѣль наша не полученіе барыша, а лишь содѣйствіе распространенію хорошихъ книгъ.

Кромѣ указанныхъ нами книгъ, желающіе могутъ выписывать черезъ нашъ складъ и всѣ прочія книги, выбранныя по ихъ личному усмотрѣнію; но въ этомъ случаѣ мы, разумѣется, не отвѣчаемъ за ихъ содержаніе и можемъ ихъ доставлять только по цѣнѣ, объявленной книгопродавцами.

Кромѣ того, мы охотно беремся за наведеніе справокъ, доставленіе свѣдѣній и исполненіе различныхъ порученій, касающихся народной литературы.

Въ складѣ имѣются всѣ существующія изданія Священнаго Писанія на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „ПОСРЕДНИКЪ“.

Предпринять рядъ изданій съ цѣлью распространенія въ народѣ книжекъ возможнаго лучшаго содержанія и по самой удешевленной цѣнѣ.

Поступили уже въ продажу слѣдующія книжки:

- 1) Чѣмъ люди живы. Гр. Л. Н. Толстаго.
- 2) Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. Его же.
- 3) Кавказскій пѣвнникъ. Его же.
- 4) Христосъ въ гостяхъ у мужика. Н. С. Лѣскова.
- 5) Упустишь огонь, не потушишь.
- 6) Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.

Цѣна каждой книжкѣ 1¹/₂ коп.

Каждая книжка съ двумя рисунками на обложкѣ.

7) Судъ людской не Возій или Дѣдъ Софронъ. Разсказъ В. И. Савихина, съ 6-ю рисунками И. Е. Рѣпина и К. А. Савицкаго. Ц. 5 к.

Приготавливаются къ печати другія книжки этого изданія.

Просить обращаться съ заказами и за справками непосредственно въ книжный складъ „Посредникъ“ (25. Б. Дворянская, Сиб.) и туда же адресовать всякую переписку по поводу этихъ изданій.

Отъ временнаго комитета помощи переселенцамъ въ Тюмени.

Движеніе переселенцевъ-крестьянъ изъ внутреннихъ губерній Россіи въ Сибирь, съ давнихъ поръ весьма замѣтное въ Тюмени, въ особенности усилилось въ послѣднее время и продолжаетъ возрастать съ каждымъ годомъ. Тюмень, какъ первый сибирскій городъ и начальнй пунктъ пароходнаго движенія по рѣкамъ Западной Сибири, всегда была станціей для болѣе или менѣе продолжительныхъ остановокъ переселенческихъ партій. Такое положеніе Тюмени дало возможность жителямъ ея близко ознакомиться съ положеніемъ переселенцевъ въ пути, далеко не всегда благоприятнымъ. Пришлось увидѣть часто крайнюю нужду и бѣдность, недостатокъ средствъ для дальнѣйшаго пути, развитіе болѣзней и смертности, въ особенности между дѣтьми. Къ общимъ неблагоприятнымъ условіямъ крестьянскихъ переселеній присоединилось отсутствіе въ Тюмени сколько-нибудь удобныхъ и дешевыхъ помѣщеній для переселенцевъ на время ихъ остановки; нерѣдко случалось, что большія переселенческія партіи располагались, въ ожиданіи парохода, подъ открытымъ небомъ и, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, не имѣли защиты отъ дождя и холода. Такія обстоятельства привели нѣкоторыхъ изъ членовъ тюменскаго общества къ мысли о необходимости основанія въ Тюмени особаго благотворительнаго общества помощи переселенцамъ, проходящимъ чрезъ Тюмень. Мысль эта была встрѣчена сочувственно мѣстной администраціею и 30 іюня 1888 года его превосходительство начальникъ Тобольской губ. разрѣшилъ образовать въ Тюмени временный комитетъ для оказанія помощи переселенцамъ, въ составѣ 10-ти членовъ тѣмъ обществомъ, подъ предсѣдательствомъ пароходовладѣльца И. И. Игнатова и при дѣлопроизводителѣ А. И. Ефимовѣ, которымъ и принадлежить инициатива этого добраго дѣла.

Дѣятельность комитета въ два года его существованія (навигация 1883 и 1884 годовъ) выразилась въ слѣдующемъ:

- 1) Комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ пароходовладѣльцами и достигъ значительнаго пониженія провозной платы для переселенцевъ.
- 2) Отправилъ на свой счетъ 558 человекъ бѣднѣйшихъ переселенцевъ отъ Тюмени до Томска, на сумму болѣе 1,400 руб.
- 3) Оказывалъ переселенцамъ помощь, выдавая имъ денежныхъ пособій на продовольствіе во время пребыванія въ Тюмени и въ пути, на сумму болѣе 300 руб.
- 4) Выдавалъ нуждающимся переселенцамъ вещевыя пособия: чай, сахаръ, ситецъ, платки, рубашки, а также книги и брошюры.
- 5) Оказывалъ бесплатно врачебную помощь и снабжалъ лѣкарствами.
- 6) Наконецъ, по мысли предсѣдателя комитета И. И. Игнатова и за счетъ его и пароходовладѣльцевъ гг. Широкова и Корнилова, выстроены для переселенцевъ, въ близости Тюмени, бесплатныя баракы, раздѣленные на 4 просторныя помѣщенія и при нихъ двѣ кухни. Содержаніе этихъ бараковъ лежало и лежитъ также на обязанности комитета.

Въ настоящее время комитетъ озабоченъ необходимостью выстроить при переселенческихъ баракахъ: баню, теплое помѣщеніе для больныхъ и колодезь.

Средства для дѣятельности комитета доставлены были исключительно пожертвованіями частнѣйшихъ лицъ.

Вѣра въ неизсякаемость этого источника, увѣренность въ томъ, что въ обширномъ отечествѣ нашемъ всегда найдется много людей, сочувствующихъ крестьянской нуждѣ и понимающихъ неотложную необходимость обращать эту нужду въ сравнительное довольство всеми возможными средствами, въ томъ числѣ и посредствомъ переселеній крестьянъ изъ переполненныхъ народомъ мѣстъ въ другія, менѣе населенныя мѣста, даютъ комитету помощи переселенцамъ надежду на то, что частная благотворительность доставитъ ему и на будущее время средства для продолженія и расширенія своей дѣятельности.

Пожертвованія денежные и вещевыя слѣдуетъ адресовать въ Тюмень, члену комитета Ивану Ивановичу Игнатову.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

объ имѣющемъ выходить въ Кіевѣ, съ разрѣшенія предварительной
цензуры,

СПЕЦИАЛЬНОМЪ ФИЛОСОФСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„ФИЛОСОФСКІЙ ТРЕХМѢСЯЧНИКЪ“

подъ редакціей профессора А. А. Козлова.

Журналъ будетъ издаваться по слѣдующей программѣ, утвержденной правительствомъ:

1. Отдѣлъ ученый будетъ состоять изъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій и статей по всемъ отраслямъ философскаго знанія; а именно: метафизики и теоріи познанія, логики, психологіи, этики, эстетики, философіи природы, философіи религіи, философіи исторіи, философіи права, философіи общества и государства и исторіи философіи.

2. Критика и библиографія будутъ состоять изъ критики, рецензій, обзорныхъ и отчетовъ о произведеніяхъ по всемъ отраслямъ философскаго знанія русской и иностранной литературы.

3. Смѣсь будетъ заключать въ себѣ: краткія замѣчанія или извѣщенія о новыхъ сочиненіяхъ по философіи; извѣстія о лицахъ, работающихъ въ этой области, о предпринимаемыхъ ими работахъ, объ ихъ академической дѣятельности, біографическія о нихъ свѣдѣнія, некрологи и т. п.; извѣстія о новыхъ законахъ и правительственныхъ постановленіяхъ, касающихся философскаго знанія въ Россіи и за границею; ученую полемику по философскимъ предметамъ, вопросы, отвѣты, возраженія и т. п.

4. Объявленія о новыхъ книгахъ и изданіяхъ по философіи.

Редакція „Философскаго Трехмѣсячника“ будетъ преслѣдовать три задачи, находящаяся другъ съ другомъ въ такой тѣсной связи, что осуществленіе одной способствуетъ осуществленію другихъ.

Первая задача состоитъ въ пропагандѣ твердаго убѣжденія редакціи, что философія возможна на ряду съ другими науками, какъ самостоятельная наука, и что ей нечего завидовать ни одной наукѣ какъ въ ясной ограниченности и опредѣленности ея предмета съ одной стороны, такъ и прочности и благонадежности имѣющихся въ ея распоряженіи способовъ познанія этого предмета съ другой.

Вторая задача состоитъ въ ознакомленіи русской интересующейся философскими вопросами публики съ движеніемъ этой науки въ Европѣ и затѣмъ съ весьма слабымъ отраженіемъ этого движенія въ нашемъ отечествѣ; съ

направлениями философии, которые существуют в европейской литературе, с их борьбою и относительною силой, с их истиной и заблуждением.

Третья задача состоит в ознакомлении читателя журнала с тем мирозрением, которое выработалось у редакци.

Размер и способ осуществления задач, поставленных себя редакциею, главным образом зависят от сочувствия и поддержки читающей публики. Едва ли кто либо станет оспаривать фактъ незначительнаго распространения философскаго знания и весьма слабаго интереса къ нему въ культурныхъ слояхъ нашего общества, а потому редакци смѣло можетъ сказать, что она въ своемъ предпріятіи руководится не какими-либо спекулятивными (въ промышленномъ смыслѣ термина) соображеніями, а искреннимъ и горячимъ желаніемъ послужить преуславленно высоко цѣнимою ею философскою наукою. Но, не имѣя соответствующихъ этому желанію силъ и средствъ, редакци можетъ начать свое предпріятіе только въ очень скромныхъ размѣрахъ. Если же публика поддержитъ его, то редакци не замедлитъ тотчасъ же расширить свое изданіе.

Соответственно скромнымъ размѣрамъ „Философскаго Трехмѣсячника“ силъ редакци и немногихъ сочувствующихъ ей сотрудниковъ будетъ совершенно достаточно для выполнения ея задачъ въ этихъ размѣрахъ. Кроме того, въ ея распоряженіи находится цѣлая масса весьма цѣннаго и интереснаго матеріала, заключающагося въ статьяхъ многихъ специальныхъ философскихъ журналовъ Германіи, Франціи и Англіи. Конечно, мы примемъ съ благодарностью всякую статью, если она будетъ подходить къ программѣ, размѣрамъ и направленію нашего журнала.

Покорнѣе просимъ нашихъ корреспондентовъ и подписчиковъ адресовать свои письма и деньги по слѣдующему адресу: Кіевъ, Паньковская улица, домъ № 1, въ редакци „Философскаго Трехмѣсячника“, профессору Алексѣю Александровичу Козлову.

Журналъ будетъ выходить съ 1886 г. книжками отъ 5 и болѣе листовъ 4 раза въ годъ, а именно: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ. Первая книжка за 1886 годъ выйдетъ въ декабрѣ текущаго 1885 года.

Подписная цѣна на „Философскій Трехмѣсячникъ“ за годъ: безъ пересылки и доставки *четыре* рубля (4 р.), съ пересылкой и доставкой *пять* рублей (5 р.). Подписка исключительно принимается по вышеуказанному адресу редакци.

Редакци предупреждаетъ лицъ, которые захотятъ прислать свои статьи, что ни въ какую переписку, по поводу ихъ, она входитъ не будетъ, хотя бы и присылаемы были на отвѣтъ марки, за исключеніемъ того случая, когда будетъ прислана ей статья, удовлетворяющая ее и назначенная ею къ напечатанію въ журналѣ. Относительно же всѣхъ статей, которые ею не будутъ одобрены къ напечатанію, она извѣщаетъ, что статьи эти не могутъ быть ни сохраняемы, ни пересылаемы, а будутъ подлежать уничтоженію. Относительно же вопросовъ, касающихся духа или направленія журнала или же философскаго знания вообще, редакци, если найдетъ то полезнымъ и удобнымъ, будетъ отвѣчать на страницахъ самаго журнала или въ ученomъ отдѣлѣ, или въ смѣси.

Просимъ нашихъ подписчиковъ какъ можно разборчивѣе писать свои адреса. О способѣ заявленія со стороны подписчиковъ, въ случаѣ неаккуратной доставки или пересылки журнала, редакци сдѣлаетъ указаніе при выходѣ первой книжки.

Редакторъ-издатель А. Козловъ.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ съ октября 1884 по июнь 1885 г. включительно.

РЕЛИГИЯ. ФИЛОСОФІЯ. ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЯ КНИГИ.

- Аксаковъ, А.** Повѣтвенныя въ области спиритуализма. 1885 г. Кн. I, стр. 13.
- Вранъ.** Развитіе философской мысли. (Съ нѣмецкаго). 1885 г. Кн. III, стр. 16.
- Венъ, А.** Душа и тѣло. 1885 г. Кн. IV, стр. 16.
- Вадуевъ, графъ.** Сборникъ краткихъ благоговѣнныхъ чтеній на всѣ дни года. 1884 г. Кн. XII, стр. 33.
- Гелленбахъ.** Человѣкъ, его сущность и назначеніе съ точки зрѣнія индивидуализма. 1885 г. Кн. VI, стр. 14.
- Гретъ, Н.** Къ вопросу о классификаціи наукъ. 1885 г. Кн. III, стр. 13.
- Делитъ, Францъ.** Слово правды о Талмудѣ, по поводу сочиненія „Талмудическій еврей“ А. Розинга. Перев. Н. Борисова. 1885 г. Кн. IV, стр. 13.
- Дмитрій, иеромонахъ,** Иркутскій миссіонеръ. Краткіе очерки исторіи христіанской церкви. 1885 г. Кн. III, стр. 10.
- Кавелинъ, Е. Д.** Задачи этики. 1885 г. Кн. IV.
- Ломброзо.** Геніальность и помѣшательство. 1885 г. Кн. VI, стр. 7.
- Льюисъ, Дж. I.** Исторія философіи въ жизнеописаніяхъ. 1885 г. Кн. V, стр. 8.
- Мелкія брошюры,** изданныя отдѣломъ распространенія полезныхъ книгъ. 1885 г. Кн. III, стр. 12.
- И. К.,** пр. Послѣдовательное объясненіе православнаго богослуженія. Вып. I, II, III. 1885 г. Кн. III, стр. 11.
- Соловьевъ, Владиміръ.** Религіозныя основныя жизни. 1884 г. Кн. XII, стр. 32.
- Соловьевъ Іоаннъ,** свѣд. О книгѣ пророка Іоанн. 1885 г. Кн. I, стр. 13.
- Соловьевъ Владиміръ.** Еврейство и христіанскій вопросъ. 1885 г. Кн. IV, стр. 11.
- Guau.** La morale anglaise contemporaine. Paris, 1885 г. Кн. IV, стр. 15.
- Guau.** Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction. Кн. 1885 г. IV, стр. 15.
- Ribot.** Les maladies de la personnalité. 1885 г. Кн. V, стр. 9.
- Vacherot.** Le nouveau spiritualisme. 1885 г. Кн. III, стр. 14.
- Ebbinghaus.** Ueber das Gedächtnis. Leipzig, 1885 г. Кн. V, стр. 8.
- Kolde, prof.** Die Heilsarmee nach eigener Anschauung und nach ihren Schriften. 1885 г. Кн. VI, стр. 15.
- Werner, Karl.** Die italienische Philosophie des neunzehnten Jahrhunderts. 1885 г. Кн. I, стр. 16.

ВЕЛЛЕТРИСТИКА.

- Баратынскій, Евгений Абрамовичъ.** Сочиненія. 1885 г. Кн. III, стр. 4.
- Въжодскій, А. Н.** Въ странѣ мантилы и кастаньетъ. 1884 г. Кн. XI, стр. 35.
- Вѣлискій, М.** Кіевскіе рассказы. 1885 г. Кн. IV, стр. 9.
- Вѣлозерскій, Е.** Двѣ матери. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. 1884 г. Кн. XI, стр. 36.
- Горчакова, Е.,** кн. Воспоминанія о Крымѣ. 1885 г. Кн. III, стр. 8.
- Громека, М. С.** Послѣднія произведенія гр. Л. Н. Толстаго. Критическій взглядъ. Изд. Н. Н. Бахметева. 1885 г. Кн. III, стр. 8.
- Жадовская, Ю. В.** Полное собраніе сочиненій. 1885 г. Кн. VI, стр. 1.
- Бовловъ, П. А.** Стихотворенія. 1884 г. Кн. XII, стр. 30.
- Бругловъ, А.** Живныя души. Очерки и рассказы. 1885 г. Кн. IV, стр. 7.

- Ливанскій, И.** Поминки. Незабвенной памяти В. А. Жуковского. Стихотворения. 1885 г. Кн. IV, стр. 3.
- Михайловскій, Н. Е.** Сочинения. 1885 г. Кн. IV, стр. 10.
- Михеевъ, В.** Пѣсни о Сибири. 1885 г. Кн. I, стр. 2.
- Михневичъ, Вл.** Наши знакомые. Фельетонный словарь современниковъ. 1885 г. Кн. III, стр. 4.
- Масницкій, И. И.** Смѣшная публка. Юмористическіе рассказы, наброски и картинки. 1884 г. Кн. XII, стр. 31.
- Муравлинъ, Дм.** Убогіе и народныя. 1885 г. Кн. VI, стр. 3.
- Муравлинъ, Дм.** Теноръ. Романъ. 1885 г. Кн. VI, стр. 3.
- Надсонъ, С.** Стихотворения. 1885 г. Кн. V, стр. 1.
- Плетневъ, Н. А.** Сочинения и переписка. 1885 г. Кн. III, стр. 3.
- Салиасъ, Е. А. графъ.** Атаманъ Устя. Поволжская быль. 1885 г. Кн. V, стр. 4.
- Салиасъ, Е. А. графъ.** На Москвѣ. Истор. ром. 1885 г. Кн. V, стр. 6.
- Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ).** Помехонскіе рассказы. 1885 г. Кн. I, стр. 1.
- Суриковъ, И. З.** Стихотворения. 1884 г. Кн. XII, стр. 29.
- Тургеневъ, И. С.** Стихотворения. 1885 г. Кн. III, стр. 1.
- Успенскій, Глебъ.** Сочинения. Томъ V. 1884 г. Кн. XII, стр. 27.
- Фругъ, С. Г.** Стихотворения. 1885 г. Кн. IV, стр. 1.
- Фурманъ, П. Р.** Русскій граверъ. Истор. повѣсть. 1884 г. Кн. VI, стр. 6.
- Фурманъ, П. Р.** Дочь шута. Романъ въ двухъ томахъ изъ времени Императрицы Анны Іоанновны. 1885 г. Кн. VI, стр. 6.
- Ювеналь, Юлій.** Сатиры. Переводъ А. Фета. 1885 г. Кн. IV, стр. 4.
- Ежъ, Т. Т.** Niezaradni. Powiesc. 1884 г. Кн. XI, стр. 37.

- Alaai-Bauquienne.** La belle madame le Vassart. 1884 г. Кн. X, стр. 42.
- d'Anglemont, A. Privat.** Paris-anecdote. 1884 г. Кн. XI, стр. 41.
- de-Bloqueville, M.-se.** Roses de Noël, pensées d'hiver. 1884 г. Кн. XI, стр. 39.
- Claretie, Jules.** Le prince Zilah. 1884 г. Кн. X, стр. 43.
- Dugui, Georges.** Andrée. 1884 г. Кн. X, стр. 41.
- Ginisti, Paul.** La seconde nuit. 1884 г. Кн. XI, стр. 44.
- Griboïédove, A. S.** Le malheur d'avoir de l'esprit. (Goré ote ouma). Comedie en quatre actes et en vers, traduite pour la première fois en français et précédée d'une notice, par A. Legrelle. 1884 г. Кн. XI, стр. 9.

- de-Laforest, Debut.** Belle-maman, mœurs-contemporains. 1884 г. Кн. XI, стр. 42.
- O'Bell, Max.** Les filles de John Bull. 1884 г. Кн. XII, стр. 31.
- Pouschkin, Eugène** Onéghine, roman en vers. Traduit du russe par Wladimir Mikhaïlow. 1884 г. Кн. XI, стр. 34.
- de-Saint-Victor, Paul.** Victor Hugo. 1884 г. Кн. IV, стр. 11.
- Tissaut, Victor.** La police secrète Prussienne. 1884 г. Кн. X, стр. 44.
- Véron, Pierre.** Paris qui grouille. 1884 г. Кн. XI, стр. 39.

- Eckstein.** Prussias. 3 Bände. 1884 г. Кн. X, стр. 46.
- Kolow, Alexei.** Gedichte. Deutsch von Friedrich Fiedler. 1885 г. Кн. IV, стр. 6.
- Rosenthal.** Schwarze Schatten. Stuttgard. 1884 г., Кн. X, стр. 48.
- Schucking, Levin.** Grosse Menschen. 1884 г. Кн. X, стр. 46.
- Taylor, Georg.** Jetta. Leipzig, Hirzel. 1884 г. Кн. X, стр. 44.
- Wichert, Ernest.** Hohe Gönner. Leipzig. 1884 г. Кн. X, стр. 47.

- Black.** Iolande, the story of a daughter. 1885 г. Кн. I, стр. 5.
- Coleridge.** An english squire. 1885 г. Кн. I, стр. 7.
- Conway, Hugh.** Called back. 1885 г. Кн. I, стр. 7.
- Jonge, miss.** The armourer's prentices. 1885 г. Кн. I, стр. 11.
- Linnton, Lynn.** Ione. 1885 г. Кн. I, стр. 9.
- Oliphant, Mrs. Hester.** 1885 г. Кн. I, стр. 3.

ИСТОРИЯ. МЕМУАРЫ. БИОГРАФІЯ.

- Антоновичъ, В. В.** Монографія по исторіи западной и юго-западной Россіи. 1885 г. Кн. VI, стр. 16.
- Бершадскій, С. А.** Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской Уніи 1388—1569 года.— 1885 г. Кн. I, стр. 20.
- Вильдерингъ, А.** Лермонтовскій музей николаевскаго кавалерійскаго училища. 1885 г. Кн. III, стр. 24.
- Биографія М. И. Глинки.** 1885 г. Кн. VI, стр. 18.
- Врижнеръ, А. Г.** Иллюстрированная исторія Екатерины II. 1885 г. Кн. IV, стр. 20.
- Венгеровъ, С. А.** Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій. Критико-біографическій очеркъ. 1884 г. Кн. XI, стр. 45.
- Вяземскій, П. А., князь.** Полное собраніе сочинений. 1885 г. Кн. III, стр. 23.
- Гиббонъ, Эдуардъ.** Исторія уада и

- разрушеніи римской имперіи. 1884 г. Кн. XII, стр. 42.
- Грибичъ, П. П.** Исторія искусствъ съ древнѣйшихъ временъ. 1885 г. Кн. V, стр. 15.
- Годубовъ, Н. М.** Институтъ убѣжища у древнихъ евреевъ въ связи съ уголовнымъ и государственнымъ правомъ Моисея и Талмуда и сравнительно съ институтами убѣжищъ у древнихъ грековъ и римлянъ въ средневѣковой и новой Европѣ. 1884 г. Кн. X, стр. 49.
- Гретцъ.** Исторія евреевъ отъ начала мендельсоновской эпохи до новѣйшаго времени. 1885 г. Кн. I, стр. 20.
- Гретцъ.** Исторія евреевъ отъ Маймонида до перваго изгнанія евреевъ изъ Франціи. Томъ III. 1885 г. Кн. V, стр. 17.
- Гуревичъ, Я. Г.** Происхожденіе войны за испанское наслѣдство и коммерческіе интереси Англіи. 1885 г. Кн. IV, стр. 21.
- Домшерь, Аррей, ф.** Руководство къ изученію исторіи музыки. 1884 г. Кн. X, стр. 60.
- Дашковичъ, Н.** Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства. 1885 г. Кн. VI, стр. 16.
- Диринъ.** Великая княгиня Екатерина Алексѣевна до ея самодержавія. 1885 г. Кн. V, стр. 19.
- Дубровникъ, Н.** Пугачевъ и его сообщники. 1885 г. Кн. V, стр. 20.
- Забѣлинъ, И.** Матеріалы для исторіи, археологій и статистики города Москвы. 1885 г. Кн. V, стр. 18.
- Зиновьевъ, А.** Рѣска дренности. 1885 г. Кн. III, стр. 21.
- Илхамовичъ, А. В.** Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. 1885 г. Кн. V, стр. 16.
- Калитеревъ, Н.** Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1885 г. Кн. V, стр. 11.
- Коршъ, В. Ѡ.** Всеобщая исторія литературы. 1885 г. Кн. III, стр. 19.
- Кожловичъ.** Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ. 1884 г. Кн. XII, стр. 34.
- Латкинъ, В.** Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ. 1885 г. Кн. IV, стр. 18.
- Лучинскій, И.** Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в. 1885 г. Кн. III, стр. 16.
- Лучинскій, И.** Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ Полтавской губ. въ XVIII в. 1885 г. Кн. III, стр. 17.
- Мишле.** Исторія XIX в. до Ватерлоо. 1885 г. Кн. I, стр. 21.
- Петрушевскій, А.** Генералиссимусъ князь Суворовъ. 1884 г. Кн. XII, стр. 37.
- Пешель.** Исторія эпохи открытій. 1885 г. Кн. I, стр. 18.
- Письма митрополита московскаго Филарета къ намѣстнику Свято-Троицкія Сергіевы лавры архимандриту Антонію.** 1884 г. Кн. XII, стр. 38.
- Православный палестинскій сборникъ.** 1884 г. Кн. IV, стр. 49.
- Спенсеръ, Гербертъ.** Грядущее рабство. 1884 г. Кн. XI, стр. 47.
- Сумцовъ, Н. Ѡ.** Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. 1885 г. Кн. VI, стр. 17.
- Тургеневъ, И. С.** Первое собраніе писемъ. 1884 г. Кн. XII, стр. 39.
- Фаминцынъ, А. С.** Божества древнихъ славянъ. 1885 г. Кн. IV, стр. 17.
- Филаретъ Черниговскій.** Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковью. 1884 г. Кн. XI, стр. 49.
- Хованскій, Н. Ф.** Очерки по исторіи г. Саратова и Саратовской губ. 1884 г. Кн. X, стр. 52.
- Штернъ, А.** Всеобщая исторія литературы. 1885 г. Кн. III, стр. 20.
- Щербакъ, А. В.** Ахаль-текинская экспедиція генерала Скобелева въ 1880—81 г. 1885 г. Кн. I, стр. 18.

Odynca, Antoniego Edwards. Wspomnienia przeszlosci. 1884 г. Кн. XII, стр. 40.

d'Alveydre, Saint-Ives. Mission des Juifs. 1884 г. Кн. X, стр. 55.

Babeau, Albert. Les voyageurs en France depuis la renaissance jusqu'a la revolution. 1884 г. Кн. XI, стр. 50.

Chastel, Etienne. Histoire du christianisme depuis son origine jusqu'a nos jours. 1885 г. Кн. V, стр. 18.

Desnoiresterres, Gustave. La comédie satirique au XVIII siècle. 1885 г. Кн. IV, стр. 26.

Didon. Les Allemands. 1884 г. Кн. X, стр. 57.

Drandar. Le prince Alexandre de Battenberg en Bulgarie. 1885 г. Кн. III, стр. 25.

Lacroix, Paul. Le courtisanes romaines. 1884 г. Кн. X, стр. 56.

Martha, Lules. Manuel d'archeologie étrusque et romaine. 1885 г. Кн. IV, стр. 26.

Monnier, Marc. La Renaissance de Dante à Luther. 1884 г. Кн. XII, стр. 43.

Philippson. La contre-Revolution religieuse au XVI siècle. 1884 г. Кн. X, стр. 55.

Renan, Ernest. Nouvelles études d'histoire religieuse. 1884 г. Кн. X, стр. 53.

Rothan. L'Allemagne et l'Italie. 1884 г. Кн. X, стр. 57.

Sand George. Correspondance. 1884 г. Кн. X, стр. 57.

Simon, Jules. Une académie sous le Directoire. 1885 г. Кн. I, стр. 22.

- Dernburg, Friedrich.** Russische Leute. 1885 г. Кн. VI, стр. 20.
- Der neue Plutarch.** Biographien hervorragender Charaktere der Geschichte, Literatur und Kunst. Herausgegeben von Rudolf von Gottschall, 1884 г. Кн. XI, стр. 51.
- Duncker, Max.** Geschichte des Altherthums. 1884 г. Кн. XI, стр. 51.
- Engels, Friedrich.** Der Ursprung der Familie, der Privateigenthums und des Staates. 1885 г. Кн. III, стр. 26.
- Flathe, Theodor, Hetsberg, Gustav, Justi, Ferd.** Allgemeine Weltgeschichte. 1885 г. Кн. IV, стр. 24.
- Hartmann, Eduard.** Das Judenthum in Gegenwart und Zukunft. 1885 г. Кн. VI, стр. 19.
- v. Holst, H.** Verfassungsgeschichte der Vereinigten Staaten von America seit der Administration Jackson's. 1885 г. Кн. I, стр. 23.
- Huber, Alfons.** Geschichte Oesterreichs. 1885 г. Кн. V, стр. 17.
- Krehl, Ludolf.** Das Leben und die Lehre des Muhammed. 1884 г. Кн. XII, стр. 44.
- Meyer, Eduard.** Geschichte des Alterthums. 1884 г. Кн. XII, стр. 45.
- Mommsen, Theodor.** Römische Geschichte. 1885 г. Кн. V, стр. 17.
- Nowaicki, A.** Jagd oder Ackerbau? Ein Beitrag zur Urgeschichte der Menschheit. 1885 г. Кн. IV, стр. 24.
- Pöhlman, Robert.** Die Uebervölkerung der antiken Grosstädte im Zusammenhange mit der Gesammtentwicklung städtischer Civilisation dargestellt. 1884 г. Кн. X, стр. 58.
- Reinholdt, Alexander.** Geschichte der Ruisischen Litteratur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit. 1885 г. Кн. I, стр. 23.
- Stern, Adolf.** Hermann Hettner. Ein Lebensbild. 1885 г. Кн. IV, стр. 25.

Sayce, A. H. The Ancient Empires of the East Herodotos I—III. 1884 г. Кн. XI, стр. 53.

ПОЛИТИКА. ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ. СТАТИСТИКА.

- Воровниковскій, А.** Законн гражданскіе съ объясн. по рѣшеніямъ гражд. касс. деп. 1885 г. Кн. I, стр. 31.
- Вржескій, Н.** Государственные долги Россіи. 1884 г. Кн. XII, стр. 53.
- Денисенко, Ф.** Роль интеллигенціи. 1885 г. Кн. I, стр. 28.
- Дриль, Д.** Малолюбітніе преступники. 1884 г. Кн. XII, стр. 49.
- Каблуковъ, Н.** Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. 1885 г. Кн. III, стр. 27.

- Карышевъ, Н.** Вѣчно-наслѣдственный вземъ земель на континентѣ Западной Европы. 1885 г. Кн. IV, стр. 33.
- Марковъ, П.** Чего желаетъ г. Поляковъ въ своемъ проектѣ выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ. 1885 г. Кн. V, стр. 23.
- Майръ, Г.** Законосообразности въ общественной жизни. Общая теорія статистики. Статистика народонаселенія. Правственная статистика. 1885 г. Кн. I, стр. 80.
- Муравьевъ, Н. В.** Инструкція чинамъ полиціи по обнаруженію и изслѣдованію преступленій. 1885 г. Кн. IV, стр. 40.
- Отчетъ по главному тюремному управленію за 1882 г.—1885 г.** Кн. III, стр. 33.
- Положеніе русской отпускной торговли хлѣбомъ къ концу 1884 года.** 1885 г. Кн. IV, стр. 35.
- Сборникъ матеріаловъ для исторіи тверскаго губернскаго земства.** 1884 г. Кн. XII, стр. 54.
- Тихановскій, А.** Судебные уставы Императора Александра II. 1885 г. Кн. IV, стр. 39.
- Тынь, Н.** Соціализмъ, какъ правительство. 1885 г. Кн. III, стр. 37.
- Фойницкій, И. Я.** Курсъ уголовного судопроизводства. 1884 г. Кн. XII, стр. 48.
- Фойницкій, Н. О** вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ. 1885 г. Кн. III, стр. 34.
- Харузинъ, М.** Свѣдѣнія о козачьихъ общинахъ на Дону. Матеріалы для общаго права. 1885 г. Кн. III, стр. 32.
- Юридическая библиографія.** 1885 г. Кн. III, стр. 36.
- Янжуль, Н. Н.** Очерки и изслѣдованія. 1884 г. Кн. XII, стр. 53.

Gide, Paul. Etude sur la condition privée de la femme dans le droit ancien et moderne, etc. Suivie du Caractère de la dot en droit romain et de la condition de l'enfant naturel et de la concubine dans la législation romaine. Avec une notice etc. par A. Esmein. 1885 г. Кн. V, стр. 18.

Viолlet, Paul. Précis de l'Histoire du droit Français, accompagné de notions de droit canonique et d'indications bibliographiques. 1884 г. Кн. XII, стр. 56.

- Baron.** Geschichte des Römischen Rechts. 1885 г. Кн. I, стр. 33.
- Das Russische Reich in Europa.** 1885 г. Кн. I, стр. 29.
- Graf, Fridrich.** Zur Frage der Organisation des Kleingewerbes und des genossenschaftlichen Creditwesens wider den Druck des Geldmonopols. 1885 г. Кн. VI, стр. 25.

- Gross, Gustaw.** Karl Mark. Eine Studie. 1885 г. Кн. V, стр. 21.
- Hanssen, Georg.** Agrarhistorische Abhandlungen. 1885 г. Кн. VI, стр. 24.
- Kleinwächter, Friedrich.** Die Grundlagen und Ziele des sogenannten wissenschaftlichen Sozialismus. 1885 г. Кн. VI, стр. 26.
- Marx, Karl.** Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhons „Philosophie des Elends“. 1885 г. Кн. V, стр. 22.
- Menger, Carl.** Die Jrrthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie. 1885 г. Кн. I, стр. 31.
- Meyer, E.** Die Principien der gerechten Besteuerung in der neueren Finanzwissenschaft. 1885 г. Кн. VI, стр. 28.
- Neumann-Spallart.** Uebersichten der Weltwirtschaft Jahrgang 1883—82 г. 1885 г. Кн. III, стр. 31.
- Ordęgn S.** Die Gewerbepolitik Russlands von Peter I—Katharina II. 1885 г. Кн. IV, стр. 38.
- Peters, H.** Ein Beitrag zur Lohn-Reform unter Zugrundelegung der Socialökonomischen Ansichten von Rodbertus-Jagetzow. 1885 г. Кн. VI, стр. 29.
- Philippovich von Philippsberg.** Die Bank von England im Dienste der Finanzverwaltung des Staates. 1885 г. Кн. VI, стр. 24.
- Raffalovitch, A.** Die Russischen Finanzen seit dem letzten orientalischen Kriege 1876—1883. 1885 г. Кн. III, стр. 30.
- Reitzenstein und Eiwin Nasse.** Agrarische Zustände in Frankreich und England. 1885 г. Кн. IV, стр. 36.
- Rodbertus-Jagetzow.** Die soziale Bedeutung der Staatswirtschaft. Erster sozialer Brief v. Kirchmann. 1885 г. Кн. V, стр. 20.
- Schäffle, Fr. Alb., v.** Die Aussichtslosigkeit der Socialdemocratie. 1885 г. Кн. VI, стр. 26.
- Hill, Octavia.** Homes of the Zondon Poor. 1885 г. Кн. VI, стр. 27.
- Sumner, William Graham.** What social classes owe to each other. 1885 г. Кн. VI, стр. 27.

**ГЕОГРАФІЯ. ЭТНОГРАФІЯ. ПУТЕ-
ШЕСТВІЯ. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.**

- Барсовъ, Н. П.** Очерки русской исторической географіи. Географія старинной Несторовой лѣтописи. 1885 г. Кн. VI, стр. 20.
- Гельвальдъ, Фр.** Естественная исторія племенъ и народовъ. 1885 г. Кн. I, стр. 27.
- Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества.** 1885 г. Кн. I, стр. 26.
- Полевой, П. Н.** Художественная Россія. Общедоступное описаніе нашего отечества. 1885 г. Кн. IV, ст. 27.

- Ромаковичъ, П.** Фonetика русскаго и древне-церковно-славянскаго языка. 1885 г. Кн. VI, стр. 21.
- Тилло, А.** Карта высотъ Европейской Россіи и матеріалы по гипсометріи Европейской Россіи съ опытомъ гипсометрической карты рѣкъ Европейск. Россіи. 1885 г. Кн. IV, стр. 28.

- Abel, Karl.** Gross und klein Russisch. 1885 г. Кн. IV, стр. 29.
- Capitain Jacobsen's Reise an der Nordwestküste Amerikas 1881—83.** Bearbeitet von A. Woldt. 1885 г. Кн. IV, стр. 32.
- Johnston, H. H.** Der Kongo. Reise von seiner Mündung bis Bolobo. 1885 г. Кн. I, стр. 27.
- Kayser, F.** Aegypten einst und jetzt. 1884 г. Кн. XII, стр. 47.
- Kirchhof, Alfred.** Unser Wissen von der Erde. 1884 г. Кн. XII, стр. 46.
- Krauss, Friedrich S.** Sitte und Brauch der Sudslaven. 1885 г. Кн. IV, стр. 31.
- Lenz, Oscar.** Timbuctu. Reise durch Morokko, die Sachara und der Sudan. 1885 г. Кн. IV, стр. 31.
- Neumann und Partsch.** Physikalische Geographie von Griechenland mit besonderer Rücksicht auf das Alterthum. 1885 г. Кн. VI, стр. 21.
- Paulitschke, Philipp.** Die Sudanländer nach dem gegenwärtigen Stande der Kenntniss. 1885 г. Кн. IV, стр. 31.
- Petersen, Wilhelm.** Aus Transkaukasien und Armenien. 1885 г. Кн. VI, стр. 21.
- Powel, Wilfred.** Unter den Kannibalen von Neu-Britannien. 1885 г. Кн. IV, стр. 32.
- Schweiger-Lerchenfeld, A., v.** Von Ocean zu Ocean. Eine Schilderung des Weltmeeres und sein Lebens. 1884 г. Кн. XII, стр. 47.

**ТЕХНОЛОГІЯ. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙ-
СТВО.**

- Аверкіева, Е.** Замѣтки и наблюденія по садоводству и огородничеству. 1885 г. Кн. V, стр. 28.
- Адриановскій, А. П.** Воздѣлываніе сельско-хозяйственныхъ растений. 1885 г. Кн. VI, стр. 43.
- Арнольдъ, Ф. К.** Оцѣнка дѣйствующихъ въ лѣсахъ капиталовъ и достигаемыхъ ими результатовъ. 1885 г. Кн. I, стр. 44.
- Видеръ, Ф.** Руководство къ гальванопластикѣ. 1885 г. Кн. I, стр. 47.
- Веберъ, К.** Солодовенное производство. 1884 г. Кн. XII, стр. 77.
- Веберъ, Е.** Мукомольное дѣло. 1885 г. Кн. I, стр. 41.
- Веберъ, К.** Крахмальное и паточное производство. 1885 г. Кн. IV, стр. 50.
- Винбергъ, В. Е.** Практическое руководство виноградарства и винодѣлія. 1885 г. Кн. V, стр. 28.

- Виккеръ, А. Э.** Руководство къ сельскому счетоводству. 1885 г. Кн. V, стр. 30.
- Вышеславцевъ, Н.** Просорушальное производство. 1885 г. Кн. V, стр. 31.
- Дамниусъ, А.** 30,000 новейшихъ открытій, рецептовъ, общепользныхъ практическихъ свѣдѣній и современныхъ изысканій по части всякихъ знаний, въ ботаническихъ современныхъ наукахъ и искусствахъ. 1884 г. Кн. XII, стр. 117.
- Докучаевъ, В. В.** Материалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губ. 1884 г. Кн. XII, стр. 74.
- Докучаевъ, В. В.** Материалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губ. Арзамасскій и Ардаговскій уѣзды. 1885 г. Кн. IV, стр. 46.
- Ивановъ, Н.** Азбука минералогіи. 1884 г. Кн. X, стр. 62.
- Исслѣдованіе современнаго состоянія скотоводства въ Россіи. Рогатый скотъ.** 1885 г. Кн. VI, стр. 36.
- Исслѣдованіе современнаго состоянія овцеводства въ Россіи.** 1885 г. Кн. VI, стр. 41.
- Кабельтовъ, И. М.** Посѣвъ кормовой свекловицы и откормка ея и силосованною кукурузою убойнаго скота для отправки въ столицу и за границу. 1885 г. Кн. III, стр. 54.
- К—ръ, Ал.** Отелъ, воспитаніе телатъ и молочные признаки. 1885 г. Кн. III, стр. 55.
- Костычевъ.** Ученіе объ удобреніи почвъ. 1884 г. Кн. X, стр. 59.
- Костычевъ.** Общедоступное руководство къ земледѣлію. 1884 г. Кн. XII, стр. 73.
- Котельниковъ, В. Г.** Бесѣды по земледѣлію. О почвѣ и ея обработкѣ. Объ удобреніи почвъ. 1884 г. Кн. XII, стр. 72.
- Котельниковъ.** Бесѣды по земледѣлію. О сѣвочасныхъ угодьяхъ и травосѣяннѣ. 1885 г. Кн. IV, стр. 48.
- Любомудровъ, И. Ш.** Предохранительный скотолечебникъ или руководство къ правильному содержанию и предохраненію домашнихъ животныхъ отъ заразныхъ и спорадическихъ одиночныхъ болѣзней. 1885 г. Кн. IV, стр. 50.
- Мець, М.** Необходимость развитія отечественнаго сельско-хозяйственнаго машиностроенія для успѣшнаго сбыта русскаго хлѣба. 1885 г. Кн. V, стр. 31.
- Морозовъ, П. Д.** О фосфорнокислыхъ удобренияхъ. 1885 г. Кн. IV, стр. 49.
- Никитинскій, Я. Я.** Котельная накали; ржавленіе и развѣданіе паровыхъ котловъ и средства для уничтоженія этихъ явленій. 1885 г. Кн. V, стр. 31.
- Перепелкинъ, А. П.** Наблюденія изъ сельско-хозяйственной практики по скотоводству и овцеводству въ Россіи. 1885 г. Кн. IV, стр. 47.
- Рейнботъ, Е.** Учебникъ химической технологии. 1884 г. Кн. X, стр. 60.
- Реде, О.** Свиноводство. 1885 г. Кн. I, стр. 42.
- Слѣсаревскій, М.** Какъ нужно бороться съ чумою рогатаго скота. 1885 г. Кн. III, стр. 55.
- Сонцовъ, Д. Д.** Альбомъ 50-ти лѣтняго юбилея московскаго Императорскаго общества любителей конскаго бѣга. 1885 г. Кн. III, стр. 55.
- Фалькманъ, А.** Русское кольцевое плетеніе или плетеніе одной нити. Плетеніе крестьянскихъ чулокъ и рукавицъ. 1884 г. Кн. XII, стр. 78.
- Хвольсонъ, О.** О метрической системѣ мѣръ и вѣсовъ и о ея введеніи въ Россію. 1884 г. Кн. XII, стр. 96.
- Шавровъ, Н.** Болѣзни шелкопряда и средства борьбы съ нимъ. 1885 г. Кн. V, стр. 29.
- Шереръ, М. Е.** Полная общепонятная технология для всѣхъ сословій. 1885 г. Кн. I, стр. 66.
- Bourdeau, Louis.** Les forces de l'industrie. Progrès de la puissance humaine. 1885 г. Кн. I, стр. 45.
- Krebs, G.** Die Physik im Dienste der Wissenschaft, der Kunst und des praktischen Lebens. 1884 г. Кн. XI, стр. 57.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ. МЕДИЦИНА. ГИГИЕНА.

- Ваумгартенъ.** Болѣзнетворные растительные микроорганизмы. 1885 г. Кн. IV, стр. 44.
- Вейсенгръ, В. Н.** Объ оздоровленіи городовъ. 1884 г. Кн. XI, стр. 55.
- Вертековъ, Л., и Воронихинъ, Н.** Минеральныя воды, грязи и морскія купанія въ Россіи и заграничѣ. 1885 г. Кн. III, стр. 51.
- Вобрежскій, Н.** Основанія зоологіи. 1885 г. Кн. I, стр. 34.
- Вильбрандъ, Ф.** Руководство къ методическому обученію неорганической химіи. 1884 г. Кн. XII, стр. 68.
- Воейковъ, А. И.** Климатъ земнаго шара, въ особенности Россіи. 1884 г. Кн. XII, стр. 57.
- Вѣтникъ** клинической и судебной психіатріи и невропатологіи. 1885 г. Кн. III, стр. 47.
- Гаредскій и Вилькиъ.** Русскій народный лечебный травникъ и цвѣтникъ. 1884 г. Кн. XI, стр. 62.
- Герценштейнъ.** Сифилисъ въ Россіи. 1885 г. Кн. IV, стр. 45.
- Демковъ, М. И.** Бактеріи и ихъ роль въ заразныхъ эпидемическихъ болѣзняхъ. 1885 г. Кн. IV, стр. 45.

- Золотницкій, Н. Ѡ.** Акваріумъ любителей. 1885 г. Кн. III, стр. 38.
- Ивановскій, Н. П.** Учебникъ общей патологической анатоміи. 1885 г. Кн. VI, стр. 38.
- Коббель, Ф. Ф.** Таблицы для опредѣленія минераловъ помощью простыхъ испытаній сухимъ и мокрымъ путемъ. 1885 г. Кн. IV, стр. 40.
- Лѣббокъ, Д.** Муравьи, пчелы и осн. 1884 г. Кн. XII, стр. 69.
- Лукинъ.** Полный учебникъ для фельдшеровъ, фельдшерницъ и фельдшерскихъ учениковъ. 1885 г. Кн. IV, стр. 46.
- Меншуткинъ, И.** Лекціи органической химіи. 1885 г. Кн. I, стр. 36.
- Мецъ, Ш.** Въ гостяхъ у душевно-больныхъ по случаю 15-й годовщины дома прирѣвія душевно-больныхъ, учрежденнаго Государемъ Императоромъ 26 февр. 1870 г. 1885 г. Кн. VI, стр. 37.
- Михайловъ, Н.** Наставленія матерямъ объ уходѣ за грудными дѣтьми, примененія къ крестьянской обстановкѣ. 1884 г. Кн. XII, стр. 71.
- Нивинскій, Ѡ. И.** Врачъ, публика, печатъ, холера. 1885 г. Кн. III, стр. 52.
- Нижельеръ, П.** Воскресный отдыхъ и его значеніе для здоровья. 1884 г. Кн. XII, стр. 72.
- Прейеръ, В.** Элементы общей физиологіи. 1884 г. Кн. XII, стр. 66.
- Раевскій, Н.** Систематическій курсъ ботаники. 1884 г. Кн. X, стр. 59.
- Рибо, Т.** Болѣзнь воли. Переводъ д-ра В. В. Томашевскаго. 1884 г. Кн. XI, стр. 55.
- Сабанъевъ, Л. П.** Указатель книгъ и статей охотничьяго и зоологическаго содержанія. 1885 г. Кн. III, стр. 37.
- Студескій, Н.** Курсъ ортопедіи. 1885 г. Кн. IV, стр. 45.
- Тиббитовъ, Ѡ. Т.** Мода въ медицинѣ. 1885 г. Кн. VI, стр. 37.
- Тимирязевъ, К.** Жизнь растенія. Десять общедоступныхъ чтеній. 1884 г. Кн. XII, стр. 65.
- Траппъ, Ю.** Фармацевтическая химія. Неорганическая химія. 1885 г. Кн. IV, стр. 42.
- Труды геологическаго комитета.** 1884 г. Кн. XII, стр. 62.
- Фогтъ и Шпехтъ.** Млекопитающія. 1885 г. Кн. III, стр. 40.
- Шляренскій.** Записки по медицинскои физикѣ. 1884 г. Кн. X, стр. 60.
- Hebert, M. Ehm.** Notions générales de Géologie. 1885 г. Кн. I, стр. 38.
- Mantegazza.** La physionomie et l'expression des sentiments. 1885 г. Кн. IV, стр. 43.
- Ferrier, E.** La philosophie zoologique avant Darwin. 1885 г. Кн. I, стр. 57.

Pogcheron, Gaston. La rage et les expériences de M. Pasteur. 1885 г. Кн. III стр. 53.

- Helmholts.** Verträge und Reden. 1885 г. Кн. I, стр. 89.
- Schmidt, Oscar.** Die Säugethiere in ihren Verhältniss zur Vorwelt. 1884 г. Кн. XII, стр. 70.
- Supan, Alexander.** Grundzüge der physischen Erdkunde. 1884 г. Кн. XI, стр. 56.

Romanes, G. I. Mental Evolution in Animals. 1885 г. Кн. III, стр. 42.

ИСКУССТВО.

- Лебедевъ, К.** „Записки охотника“ Тургенева. Рисунки Лебедева. 1884 г. Кн. XII, стр. 116.
- Левенсонъ, Ѡ.** Изъ области музыки. 1885 г. Кн. V, стр. 33.
- Любке.** Иллюстрированная исторія искусства. Пер. Ѡ. И. Бугакова, 1884 г. Кн. XI, стр. 83.
- Перепелицынъ, П.** Музыкальный словарь. 1884 г. Кн. XI, стр. 84.
- Ровинскій, Д. А.** Материалы для русской пнодографіи. 1884 г. Кн. XII, стр. 114.
- Сонинъ, С.** Теорія постановки голоса. 1885 г. Кн. V, стр. 33.

- Flaubert, Gustave.** Madame Bovary. Moeurs de Province. 12 compositions gravées a l'eau-forte par E. Abat et D. Mordant. 1885 г. Кн. I, стр. 65.
- Lecoq de la Marche, A.** Les manuscrits et la miniature. 1885 г. Кн. V, стр. 34.
- Milius, F. A.** „Le neveu de Rameau“. Diderot. Portraits et illustrations par Milius. 1884 г. Кн. XI, стр. 84.
- Ohnet, Georges.** Le maitre de forgès. Illustrations par Sahib. 1885 г. Кн. I, стр. 65.
- Pougin, A.** Dictionnaire historique et pittoresque du théâtre et des arts qui s'y rattachent. 1885 г. Кн. I, стр. 61.
- Reiset, comte.** Modes et usages au temps de Marie Antoinette. 1885 г. Кн. I, стр. 62.
- Swift, Jonathan.** Voyages de Gulliver. 1885 г. Кн. I, стр. 65.
- Uzanne, O.** Son Altesse la Femme. 1884 г. Кн. XII, стр. 117.
- Lange, Jos.** Die Bilder zur Geschichte. 1884 г. Кн. XI, стр. 84.

ПЕДАГОГИЯ. КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ. УЧЕБНИКИ.

- Александровъ, П.** Органическая химія. 1885 г. Кн. V, стр. 27.
- Альмедингенъ.** Учебникъ химіи. 1885 г. Кн. VI, стр. 36.
- Вазуновъ, Л.** Не все то золото, что блеститъ. Пов. для юношества. 1885 г. Кн. I, стр. 62.
- Вахметова, А. Н.** Житіе свв. Кирилла и Меодія. 1885 г. Кн. IV, стр. 54.
- Вахметова.** Разказы изъ русской церковной исторіи. 1885 г. Кн. IV, стр. 53.
- Вѣжъ, Е.** Пословицы въ силуэтахъ. 1885 г. Кн. VI, стр. 30.
- Ветхеръ, А.** Изъ великой книги-природы. Разказы для юношества 1885 г. Кн. IV, стр. 52.
- Вилновъ, Н.** Жизнь Робинзона. 1885 г. Кн. III, стр. 62.
- Враушницъ, О.** Рѣчь на Бирмингамскомъ конгрессѣ социальныхъ наукъ. 1884 г. Кн. XI, стр. 58.
- Вранчаниновъ, А.** Русскія народныя сказки въ стихахъ. 1885 г. Кн. III, стр. 58.
- Вухаревъ.** Разказы изъ исторіи православной христіанской церкви, преимущественно російской. 1885 г. Кн. IV, стр. 30.
- Виноградовъ.** Родное чтеніе для дѣтей младшаго возраста. 1885 г. Кн. VI, стр. 31.
- Ворисгоферъ.** Образовательное путешествіе. 1885 г. Кн. IV, стр. 53.
- Воскресенскій.** Поэтика. Истор. сборникъ статей о поэзи. 1885 г. Кн. VI, стр. 31.
- Гаршицъ, В. М., и Гердъ, А. А.** Обзоръ дѣтской литературы. 1885 г. Кн. VI, стр. 30.
- Герасимовъ, М.** Первое знакомство съ физикой посредствомъ общедоступныхъ приборовъ. 1885 г. Кн. VI, стр. 25.
- Горожанскій, Я. Св.** Кирилъ и Меодій. 1885 г. Кн. IV, стр. 55.
- Демковъ, Ш.** Общее образованіе и его цѣль. 1885 г. Кн. III, стр. 57.
- Дубовикъ, Куропаткинъ, Гудимъ-Левковичъ, Сухотинъ, Пузыревскій** подъ общ. редакціей ген.-лейтен. Деера. Обзоръ войскъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. 1885 г. Кн. IV, стр. 57.
- Дѣтскій журналъ „Задушевное Слово“ и его „Почтовый ящикъ“.** 1884 г. Кн. XII, стр. 102.
- Ельницкій, П.** Очерки по исторіи педагогика. 1885 г. Кн. V, стр. 24.
- Засодимскій, П.** Задушевные разказы. 1885 г. Кн. III, стр. 61.
- Игорниковъ.** Русскіе писатели для школь. В. А. Жуковский. 1885 г. Кн. III, стр. 58.
- Иорданъ и Дембицкая.** Школа женщинъ. Настольная книга для русской женщины на всѣ случаи повседневной жизни. 1884 г. Кн. XI, стр. 78.
- Карасевъ, А.** Дѣтское пѣніе. 1875 г. Кн. V, стр. 25.
- Ковальскій, Я. И.** Сборникъ первоначальныхъ опытовъ, при помощи которыхъ можно познакомить дѣтей съ самыми простыми физическими и химическими явленіями. 1885 г. Кн. I, стр. 56.
- Козьменко.** Законъ Божій для учениковъ младшаго отдѣленія народныхъ школъ. 1885 г. Кн. V, стр. 30.
- Кругловъ, А.** Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтскихъ разказовъ и стихотвореній. 1885 г. Кн. III, стр. 61.
- Лермонтова, Н.** Хромоногий бѣсъ. Разказъ для дѣтей. 1885 г. Кн. I, стр. 53.
- Майеръ и Варкаръ.** Свѣтъ. Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія свѣта. 1885 г. Кн. I, стр. 57.
- Мальцевъ, А.** Основанія педагогика. 1885 г. Кн. III, стр. 56.
- Маракуевъ, В. Н.** Народная библіотека. 1885 г. Кн. IV, стр. 55.
- Маракуевъ.** Научно-популярная библіотека. 1885 г. Кн. IV, стр. 56.
- Мостовскій, М. С.** Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. 1885 г. Кн. III, стр. 63.
- Мусиль-Пушкинъ.** Подарокъ матерямъ. Разказы для дѣтей. 1885 г. Кн. IV, стр. 53.
- Идѣтовскій, Г. И.** Св. Кирилъ и Меодій. 1885 г. Кн. IV, стр. 54.
- Никульцевъ.** Ариметика. 1885 г. Кн. IV, стр. 59.
- Островникова, А.** Искры Божіи. Биограф. очерки. 1885 г. Кн. III, стр. 59.
- Петербургскій комитетъ грамотности и изданный имъ „Систематическій обзоръ русской учебно-народной литературы“.** Изданіе комитета для дѣтскаго и народнаго чтенія. 1884 г. Кн. XI, стр. 59.
- Позняковъ, Н.** Дѣтскій правдикъ. 1885 г. Кн. III, стр. 60.
- Поповъ, А. А.** Тѣнныя портреты русскихъ писателей. 1885 г. Кн. I, стр. 60.
- Пудиковичъ, Ф. О.** Жизнь Иисуса Христа, Спасителя міра. 1884 г. Кн. XI, стр. 78.
- Разыграевъ, В.** Сборникъ примѣровъ и задачъ по русскому правописанію съ приложеніемъ подробнаго комментарія. 1884 г. Кн. XI, стр. 80.
- Рейнбольт, Е.** Учебникъ химической технологіи. 1885 г. Кн. V, стр. 26.
- Рождественскія книжки для дѣтскаго чтенія.** 1884 г. Кн. XII, стр. 94.
- Саймъ, Джеймсъ.** Краткая исторія нѣмецкой литературы. 1885 г. Кн. VI, стр. 35.
- Священная исторія ветхаго и новаго завета.** Изданіе Ситина. 1884 г. Кн. XI, стр. 90.

Серія дѣтскихъ книгъ и книжечекъ для рождественскихъ подарковъ. 1885 г. Кн. I, стр. 48.

Соколова. Братья и сестра. Хрестоматія. 1885 г. Кн. III, стр. 63.

Стуколкинъ, Л. Опытный распорядитель и преподаватель балетныхъ танцевъ. 1885 г. Кн. I, стр. 59.

Тараховъ, Г. Руководство къ качественному химическому анализу. 1885 г. Кн. VI, стр. 35.

Тиссандье, Р. Научныя развлеченія. Знакомство съ законами природы путемъ игръ и опытовъ, не требующихъ специальныхъ приборовъ. 1884 г. Кн. XI, стр. 80.

Трачевскій, А. Учебникъ исторіи. 1885 г. Кн. VI, стр. 33.

Учебный атласъ всеобщей географіи. 1884 г. Кн. XI, стр. 82.

Цабель, Н. Е. Курсъ общей ботаники. 1885 г. Кн. I, стр. 54.

Чермакъ, Г. Учебникъ минералогіи. 1885 г. Кн. IV, стр. 58.

Чтенія Солянаго городка. 1884 г. Кн. XII, стр. 97.

Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, составленный учителями харьковской воскресной школы г-жи Алчевской. 1884 г. Кн. XI, стр. 66.

Шникоу, А. П. Курсъ опытной физики. 1885 г. Кн. I, стр. 56.

Шнидтъ, О. Живое слово. Пособіе для нагляднаго обученія. 1885 г. Кн. IV, стр. 52.

Щегловъ, П. П. Русскія народныя былинны. 1885 г. Кн. III, стр. 68.

Komensky. Wielka Dydaktyka. 1884 г. Кн. XI, стр. 77.

Jules-Verne. L'Archipel en feu. 1884 г. Кн. XI, стр. 81.

Christaller. Über unser Gymnazialwesen. 1884 г. Кн. XI, стр. 70.

Schwarz, Julius. Zur Reform des Euro-

päischen Unterrichtsvesens. 1884 г. Кн. XII, стр. 105.

Soden, Arthur, V. Die Einflüsse unseres Gymnasiums auf die Jugendbildung. 1884 г. Кн. XII, 103.

КАЛЕНДАРИ И СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Вихеле, Н. М. Техническій календарь на 1885 г. 1885 г. Кн. IV, стр. 61.

Вогдэвичъ, Е. Спутникъ бухгалтера. 1885 г. Кн. III, стр. 65.

Добротворскій, Н. А. Справочный толковый словарь. 1885 г. Кн. IV, стр. 62.

Зарубинъ, Н. Охотникъ и охота. 1885 г. Кн. III, стр. 63.

Карташевъ и Вѣльскій. Новый слово-толкователь 125,000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ. 1885 г. Кн. III, стр. 67.

Медицинскій календарь на 1885 г. для врачей всѣхъ вѣдомствъ. 1885 г. Кн. III, стр. 64.

Ноаро, Л. Искусство жить не менѣе ста- лѣть съ приложеніемъ того, что всякому необходимо знать лѣтомъ и зимою. 1884 г. Кн. XI, стр. 91.

Орловъ, А. Н. Полный филологическій словарь русскаго языка. 1885 г. Кн. III, стр. 65.

Сабанъевъ, Л. Н. Иллюстрированный охотничій календарь. 1885 г. Кн. IV, стр. 60.

Симоновъ, А. Словарь практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ жизни всякому. 1884 г. Кн. XI, стр. 90.

Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. 1885 г. Кн. III, стр. 64.

Шнидтъ, Е. А. Спасеніе пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ при ѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ. 1885 г. Кн. III, стр. 67.

Adeline, J. Lexique des Termes d'Art. 1885 г. Кн. IV, стр. 63.

Meyer's Conversations Lexicon. 1885 г. Кн. IV, стр. 62.

гія, учебники, книги для народнаго чтенія.—Естествознаніе и медицина.—Сельское хозяйство и технологія. II. Периодическія изданія: Русскіе, нѣмецкіе и польскіе журналы. III. Указатель новыхъ книгъ. IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскіихъ журналовъ. V. Объявленія. 1

Къ этой книгѣ приложенъ указатель книгъ, разобранныхъ въ журналѣ „Русская Мысль“ съ октября 1884 г. по іюнь 1885 г. включительно.

О переѣвѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причѣмъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ номеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногороднихъ въ городскіе — 50 коп., изъ городскихъ или иногороднихъ въ заграницыне — недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ. За переѣву адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп.

Редакціонныя правила и условія.

1) Рукописи, доставляемыя редакціи, должны быть или присылаемы по почтѣ посылкой, заказною бандеролью или заказнымъ письмомъ, или сдаваемы въ помѣщеніи редакціи, гдѣ въ принятіи ихъ выдаютъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохраненіе рукописей не отвѣчаетъ.

2) Редакція рассматриваетъ доставленную ей рукопись только въ томъ случаѣ, если она четко написана, подписана авторомъ, снабжена его адресомъ и, кромѣ того, представляетъ вполнѣ законченное произведеніе. Беллетристическія произведенія и статьи, представляемыя неоконченными, по частямъ, не только въ журналѣ не помѣщаются, но и оставляются безъ разсмотрѣнія.

3) На прочтеніе редакціей доставляемыхъ ей рукописей полагается срокъ отъ одного до четырехъ мѣсяцевъ, по истеченіи котораго рукописи, съ помѣщеніемъ въ журналъ не принятія, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

4) Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по уплатѣ конторѣ журнала почтоваго расхода деньгами или марками, причѣмъ отправку простыми письмами, во избежаніе утраты рукописи и могущихъ отъ того возникнуть недоразумѣній и нареканій, редакція на себя не принимаетъ.

5) О причиняемъ непомищеніи въ журналѣ того или другаго произведенія редакція объясненій не даетъ.

6) На запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка. Относительно же не принятыхъ для помѣщенія въ журналѣ стихотвореній редакція ни въ какомъ переписку не входитъ, если бы даже на то прилагались марки, и рукописей этихъ стихотвореній не хранить.

7) Авторы принятыхъ для помѣщенія въ журналѣ произведеній и статей своевременно о томъ извѣщаются. Время помѣщенія обозначается приблизительно, причѣмъ редакція не обязывается помѣщеніемъ въ той или другой книгѣ, а помѣщаетъ по мѣрѣ возможно-

сти, давая преимущество статьямъ, имѣющимъ временное значеніе.

8) Одобренныя редакціей статьи помѣщаются только въ томъ случаѣ, если не встрѣтятся къ тому цензурныхъ или иныхъ независимыхъ отъ редакціи препятствій.

9) Не помѣщая въ своемъ журналѣ драматическихъ произведеній и имѣя постоянныхъ переводчиковъ, редакція *Русской Мысли* доставляемыя ей рукописи драматическихъ произведеній и всякаго рода переводы съ иностранныхъ языковъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

10) На предварительные запросы относительно помѣщенія того или другаго произведенія безъ присылки рукописи онаго редакція не отвѣчаетъ.

11) Принятія для помѣщенія въ журналѣ беллетристическія произведенія и статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ *сокращенію* и *стилистическому измѣненію*. Безъ этого условія ничего для помѣщенія въ журналѣ не принимается. *Измѣненія* и *добавленія* дѣлаются редакціей не иначе, какъ по соглашенію съ авторами.

12) При доставленіи рукописи долженъ быть указанъ размѣръ желаемаго авторомъ гонорара. При невыполненіи этого условія расчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

13) Гонораръ уплачивается только за статьи, вышедшія въ свѣтъ. Деньги выдаются черезъ семь дней по выходѣ соотвѣтствующей книги. Пересылка денегъ производится на счетъ получателей.

14) Авансы не выдаются.

15) Отдѣльные оттиски дѣлаются не иначе, какъ по заявленію желанія на то авторовъ и на ихъ счетъ.

16) Безплатные экземпляры журнала высылаются только ближайшимъ сотрудникамъ журнала.

17) Редакція и контора журнала открыты ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 до 4 часовъ дня.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

КНИГАМИ ОТЪ 25 ДО 35 ЛИСТОВЪ.

Условія подписки на 1885 годъ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Годъ: въ Москвѣ и Петербургѣ: безъ доставки....15 р.

» » » съ доставкою....16 р.

Съ пересылкою въ другія мѣста Россіи....17 р.

За границу.....19 р.

Шесть мѣсяцевъ (юль—декабрь):

въ Москвѣ и Петербургѣ: безъ доставки.....7 р. 50 к.

» » » съ доставкою.....8 р. —

Съ пересылкою въ другія мѣста Россіи.....8 р. 50 к.

При подпискѣ на эти шесть мѣсяцевъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., остальные къ 1 сентября.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій, 21. Въ отдѣленіяхъ конторы: въ Москвѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, при конторѣ объявленій Н. Н. Печковской; при книжномъ магазинѣ А. А. Барцева, Фурасовскій пер., д. Обидиной; въ Петербургѣ, на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви, при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°.

Гг. иногороднихъ просятъ высылать деньги исключительно въ контору (Москва, Леонтьевскій, 21).

Контора журнала открыта ежедневно (кромя воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 11 до 4 часовъ.

Экземпляры прежнихъ лѣтъ журнала „Русская Мысль“ всѣ распроданы.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

RETURN CIRCULATION DEPARTMENT
TO → 202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
 Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.
 Books may be Renewed by calling 642-3405.

DUE AS STAMPED BELOW

JUN 16 1988		
AUTO DISC JUN 08 '88		
SEP 05 1991		
AUTO DISC AUG 05 '91		
MAY 12 2002		

FORM NO. DD6,

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
 BERKELEY, CA 94720

Ⓢ